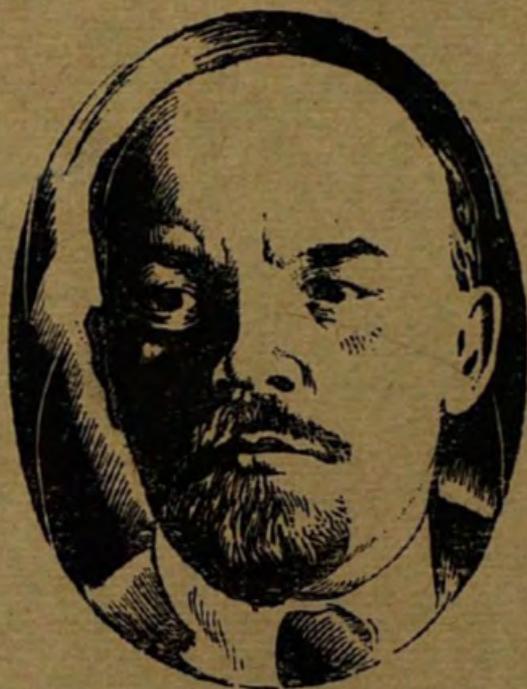

Н. ЛЕНИН (В. УЛЬЯНОВ)

ТАКТИКА БОЛЬШЕВИЗМА

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
1 9 2 3

Смелостен
Луга В. и. Ленин

МОСКОВСКИЙ КОМИТЕТ РКП (больш.)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Н. ЛЕНИН (В. УЛЬЯНОВ)

ТАКТИКА БОЛЬШЕВИЗМА

(Избранные статьи и речи 1905—1923 гг.)

«МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ»

1 9 2 3

Отпечатано в типографии
9-е ЯНВАРЯ, Яузский мост,
Серебряническая наб. д. 23а,
в количестве 10.000 экзempl.
М о с к в а. Главлит № 4174.

НАША ТАКТИКА В ЭПОХУ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1905 год).

1. Социал-демократия и временное революционное правительство.
2. Революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства.
3. О временном революционном правительстве.
4. Две тактики социал-демократии в демократической революции.

Социал-демократия и временное революционное правительство.

I.

Всего пять лет тому назад лозунг «долгой самодержавие!» казался многим представителям социал-демократии преждевременным, непонятым для рабочей массы. Эти представители справедливо были относимы к оппортунистам. Им раз'ясняли и раз'яснили, что они отстают от движения, что они не понимают задач партии, как передового отряда класса, как его руководителя и организатора, как представителя движения в целом, его коренных и главных целей. Эти цели временно могут заслоняться повседневной будничной работой, но никогда не должны терять значения путеводной звезды для борющегося пролетариата.

И вот настало время, когда революционное пламя охватило всю страну, когда в неизбежность ниспровержения самодержавия в ближайшем будущем уверовали самые неверующие. А социал-демократии, точно по какой-то иронии истории, приходится еще раз иметь дело с такими же реакционными, оппортунистическими попытками оттащить назад движение, принизить его задачи, затемнить его лозунги. Poleмика с представителями таких попыток становится задачей дня, приобретает (вопреки мнению многих и многих, недолголюбивающих полемики внутри партии) громадное практическое значение. Ведь чем ближе подходим мы к непосредственному осуществлению наших ближайших политических задач, тем больше необходимость совершенно ясно понимать эти задачи, тем вреднее всякие двусмысленности, недомолвки или недомыслия в этом вопросе.

А недомыслия весьма немало среди социал-демократов новоискровского или (что почти то же) рабочедельского лагеря. Долгой самодержавие!—с этим все согласны, не только все социал-демократы, но и все демократы, даже все ли-

бералы, если верить их теперешним заявлениям. Но что это значит? Как именно должно произойти это низвержение теперешнего правительства? Кто должен созвать то Учредительное Собрание, которое теперь готовы выставить—с признанием всеобщего и т. д. избирательного права—своим лозунгом и освобожденцы (см. № 67 «Освоб.»)? В чем именно должно состоять действительное обеспечение свободных и выражающих интересы всего народа выборов в такое собрание?

Кто не дает себе ясного и точного ответа на эти вопросы, тот не понимает лозунга: долой самодержавие! А эти вопросы неизбежно подводят нас к вопросу о временном революционном правительстве; не трудно понять, что при самодержавии действительно свободные всенародные выборы в Учредительное Собрание с полным обеспечением действительно всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов не только не вероятны, но прямо невозможны. И если мы не зря выдвигаем практическое требование немедленного низвержения самодержавного правительства, то мы должны же выяснить себе, каким именно другим правительством хотим мы заменить правительство низвергаемое, или иначе сказать: как мы смотрим на отношение социал-демократий к временному революционному правительству?

По этому вопросу оппортунисты современной социал-демократии, т.-е. новоискровцы, так же усиленно тащат партию назад, как пять лет назад рабочедельцы по вопросу о политической борьбе вообще. Их реакционные взгляды по этому пункту всего цельнее развиты в брошюре Мартынова «Две диктатуры», которую специальной заметкой одобрила и рекомендовала «Искра» (№ 84) и на которую мы не раз уже обращали внимание наших читателей.

В самом начале своей брошюре Мартынов пугает нас такой страшной перспективой: «Если бы крепкая организация революционной социал-демократии могла «назначить и провести всенародное вооруженное восстание» против самодержавия, о чем мечтал Ленин, то не очевидно ли, что всенародная воля назначила бы сейчас же после революции именно эту партию временным правительством? Не очевидно ли, что народ именно этой партии, а не какой-либо другой, вручил бы ближайшую судьбу революции?»

Это невероятно, но это факт. Будущий историк русской социал-демократии с удивлением должен будет констатировать, что в самом начале русской революции жироидисты социал-демократии, пугали революционный пролетариат подобной перспективой! Все содержание брошюры Мартынова (и целого ряда статей и отдельных мест в статьях новой «Искры») сводится к размалевыванию «ужа-

сов» этой перспективы. Идейному вождю новоискровцев чудится тут «захват власти», мерещится пугало «якобинства», бакунизма, ткачевизма и прочих страшных измов, которыми так охотно пугают политических младенцев разные революционные нянюшки. И, разумеется, не обходится при этом без «цитат» из Маркса и Энгельса. Бедные Маркс и Энгельс, как только не злоупотребляли цитатами из их произведений! Вы помните: на ту истину, что «всякая классовая борьба есть борьба политическая», ссылались для оправдания узости и отсталости наших политических задач и способов политической агитации и борьбы? Теперь лжесвидетелем в пользу хвостизма выводится Энгельс. Он писал в «Крестьянской войне в Германии»: «Самым худшим из всего, что может предостать вождю крайней партии, является вынужденная необходимость обладать властью в то время, когда движение еще недостаточно созрело для господства представляемого им класса и для проведения мер, обеспечивающих это господство». Достаточно внимательно прочесть это начало длинной цитаты, приводимой Мартыновым, чтобы убедиться, как искажает мысль автора наш хвостист. Энгельс говорит о власти, обеспечивающей господство класса. Неужели это не ясно? По отношению к пролетариату это, следовательно, власть обеспечивающая господство пролетариата, т.-е. диктатура пролетариата для совершения социалистического переворота. Мартынов не понимает этого, смешивая временное революционное правительство в эпоху свержения самодержавия с обеспеченным господством пролетариата в эпоху свержения буржуазии, смешивая демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства с социалистической диктатурой рабочего класса. А между тем, из продолжения цитаты Энгельса, мысль его становится еще более ясной. Вождь крайней партии,—говорит он,—должен будет «отстаивать интересы чуждого ему класса и отделяться от своего класса фразами, обещаниями и уверениями в том, что интересы другого класса являются его собственными. Кто раз попал в это ложное положение, тот погиб безвозвратно».

Подчеркнутые места ясно показывают, что Энгельс предостерегает именно от того ложного положения, которое является результатом непонимания вождем действительных интересов «своего» класса и действительного классового содержания переворота. Для наглядности попробуем разжевать это нашему глубокомысленному Мартынову на простом примере. Когда народовольцы, думая представлять интересы «труда», уверяли себя и других, что 90 проц. крестьян в будущем русском Учредительном Собрании будут социалистами, они попадали этим в ложное положение, не-

минуемо долженствующее привести к их безвозвратной политической гибели, ибо эти «обещания и уверения» не соответствовали объективной действительности. На деле они проводили бы интересы буржуазной демократии, «интересы другого класса». Не начинаете ли вы понимать кое-что, почтеннейший Мартынов? Когда социалисты-революционеры изображают неизбежно предстоящие России аграрные преобразования, как «социализацию», как «передачу земли народу», как начало «уравнительного пользования», они ставят себя в ложное положение, неминуемо долженствующее привести их к безвозвратной политической гибели, ибо на деле как раз те преобразования, которых они добиваются, обеспечат господство другого класса, крестьянской буржуазии, так что их фразы, обещания и уверения будут тем скорее опровергнуты действительностью, чем быстрее пойдет развитие революции. Вы все еще не понимаете, в чем дело, почтеннейший Мартынов? Вы все еще не понимаете, что суть мысли Энгельса состоит в указании на гибельность непонимания действительных исторических задач переворота, что слова Энгельса применимы, следовательно, к народолюбцам и «социалистам-революционерам»?

II.

Энгельс указывает на опасность непонимания вождями пролетариата не пролетарского характера переворота, а умный Мартынов выводит отсюда опасность того, чтобы вожди пролетариата, отгородившие себя и программой и тактикой (т.е. всей пропагандой и агитацией) и организацией от революционной демократии, играли руководящую роль в создании демократической республики. Энгельс видит опасность в смешении с вождем мнимо-социалистического и реально-демократического содержания переворота, а умный Мартынов выводит отсюда опасность того, чтобы пролетариат вместе с крестьянством брал на себя сознательную диктатуру в проведении демократической республики, как последней формы буржуазного господства и как наилучшей формы для классовой борьбы пролетариата с буржуазией. Энгельс видит опасность в фальшивом, ложном положении, когда говорят одно, а делают другое, когда обещают господство одного класса, а обеспечивают на деле господство другого класса; Энгельс в этой фальши видит неизбежность безвозвратной политической гибели, а умный Мартынов выводит отсюда опасность гибели вследствие того, что буржуазные сторонники демократии не дадут пролетариату и крестьянству обеспечить действительно демократической республики. Умный Мартынов никак не в си-

лах понять, что такая гибель, гибель вождя пролетариата, гибель тысяч пролетариев в борьбе за действительно демократическую республику, будучи физической гибелью, не только не есть политическая гибель, а, напротив, есть величайшее политическое завоевание пролетариата, величайшее осуществление им его гегемонии в борьбе за свободу. Энгельс говорит о политической гибели того, кто бессознательно сбивается с своей классовой дороги на чужую классовую дорогу, а умный Мартынов, благоговейно цитируя Энгельса, говорит о гибели того, кто пойдет дальше и дальше по верной классовой дороге.

Различие точек зрения революционной социал-демократии и хвостизма выступает тут со всей очевидностью. Мартынов и новая «Искра» пятаются от лежащей на пролетариат вместе с крестьянством задачи самого радикального демократического переворота, пятаются от социал-демократического руководства этим переворотом, отдавая, таким образом, хотя бы и бессознательно, интересы пролетариата в руки буржуазной демократии. Из той справедливой мысли Маркса, что мы должны готовить не правительственную, а оппозиционную партию будущего, Мартынов делает вывод, что мы должны учинять хвостистскую оппозицию настоящей революции. К этому сводится его политическая мудрость. Вот его рассуждение, над которым мы очень рекомендовали бы читателю подумать:

«Пролетариат не может получить ни всей, ни части политической власти в государстве, покуда он не сделает социалистической революции. Это—то неоспоримое положение, которое отделяет нас от оппортунистического жоресизма».. (Мартынов, с. 58)—и которое, добавим мы от себя, неоспоримо доказывает неспособность почтенного Мартынова понимать, что к чему. Смешивать участие пролетариата во власти, сопротивляющейся социалистическому перевороту, с участием пролетариата в демократической революции, значит безнадежно не понимать, о чем идет дело. Это все равно, что смешать участие Мильерана в министерстве убийцы Галлифэ с участием Варлена в Коммуне, отстаивавшей и отстаивавшей республику.

Но слушайте дальше, чтобы видеть, как путается наш автор. «Но если так, то очевидно, что предстоящая революция не может реализовать никаких политических форм против воли всей (курсив Мартынова) буржуазии, ибо она будет хозяином завтрашнего дня».. Во-первых, почему здесь говорится только о политических формах, тогда как в предыдущей фразе речь шла о власти пролетариата вообще, вплоть до социалистической революции? почему автор не говорит о реализации экономических форм? Потому, что он незаметно для самого себя перескочил уже с социали-

стического переворота на демократический. Если же так (это во-вторых), то совершенно ошибочно автор говорит *tout court* (просто напросто) о «воле всей буржуазии», потому, что эпоха демократического переворота отличается как раз различием воли разных слоев буржуазии, только избавляющейся от абсолютизма. Говорить о демократическом перевороте и ограничиваться простым и голым противопоставлением «пролетариата» и «буржуазии» есть чистая несообразность, ибо этот переворот знаменует именно тот период развития общества, когда масса его стоит собственно между пролетариатом и буржуазией, составляет из себя обширнейший мелко-буржуазный, крестьянский слой. У этого гигантского слоя, именно потому, что демократический переворот еще не совершен, гораздо больше общих интересов с пролетариатом в деле реализации политических форм, чем у «буржуазии» в настоящем и узком значении этого слова. В непонимании этой простой вещи один из главных источников мартиновской путаницы.

Дальше: «...Если так, то путем простого устрашения большинства буржуазных элементов революционная борьба пролетариата может привести только к одному,—к восстановлению абсолютизма в его первоначальном виде,—и пролетариат, конечно, перед этим возможным результатом не остановится, он не откажется от устрашения буржуазии на худой конец, если дело будет клониться решительно к тому, чтобы мнимой конституционной уступкой оживить и укрепить разлагающуюся самодержавную власть. Но, выступая на борьбу, пролетариат, само собою разумеется, имеет в виду не этот худой конец».

Вы понимаете что-нибудь, читатель? Пролетариат не остановится перед устрашением, ведущим к восстановлению абсолютизма, в случае, если будет грозить мнимо-конституционная уступка! Это все равно, как если бы я сказал: мне грозит египетская казнь в виде однодневного разговора с одним Мартиновым; поэтому на худой конец я прибегаю к устрашению, которое может привести только к двухдневному разговору с Мартиновым и Мартовым. Ведь это просто сапоги в смятку, почтеннейший!

Мысль, которая мерещилась Мартинову, когда он писал воспроизведенную нами бессмыслицу, состоит в следующем: если в эпоху демократического переворота пролетариат станет устрашать буржуазию социалистической революцией, то это поведет только к реакции, ослабляющей и демократические завоевания. Только и всего. Ни о восстановлении абсолютизма в первоначальном виде, ни о готовности пролетариата на худой конец прибегать к худой глупости не может быть, понятно, и речи. Все дело сводится опять таки к тому различию между демократическим и со-

циалистическим переворотом, которое Мартынов забывает, к существованию того гигантского крестьянского и мелко-буржуазного населения, которое демократический переворот поддержать способно, а социалистический в данную минуту неспособно.

Послушаем нашего умного Мартынова еще: «...Очевидно, борьба между пролетариатом и буржуазией накануне буржуазной революции должна в некоторых отношениях отличаться от этой же борьбы в ее заключительной стадии, накануне социалистической революции»... Да, это очевидно, и если бы Мартынов подумал, в чем именно состоит это отличие, то он вряд ли написал бы предшествующую галиматью да и всю свою брошюру.

«...Борьба за влияние на ход и исход буржуазной революции может выразиться только в том, что пролетариат будет оказывать революционное давление на волю либеральной и радикальной буржуазии, что более демократические «низы» общества заставят его «верхи» согласиться довести буржуазную революцию до ее логического конца. Она выразится в том, что пролетариат будет в каждом случае ставить перед буржуазией дилемму: либо назад в тиски абсолютизма, в которых она задыхается, либо вперед с народом».

Эта тирада—центральный пункт брошюры Мартынова. Тут вся ее соль, все ее основные «идеи». И чем же оказываются эти умные идеи? Посмотрите: что такое эти «низы» общества, этот «народ», о котором, наконец, вспомнил наш мудрец? Это именно тот многомиллионный мелко-буржуазный городской и крестьянский слой, который вполне способен выступить революционным демократом. А что такое это давление пролетариата плюс крестьянства на верхи общества, что такое это движение пролетариата вместе с народом вперед, вопреки верхам общества? Это и есть та революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, против которой ратует наш хвостист! Он боится только додумать до конца, боится назвать вещи их настоящим именем. Он говорит поэтому слова, значения которых не понимает, он робко повторяет, с смешными и неумными выкрутасами¹⁾, лозунги, настоящий смысл которых от него ускользает. Только с хвостистом и возможен поэтому такой курьез в самой «интересной» части его заключительных выводов: революционное давление пролетариата и «народа» на верхи общества, но без революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства,—до этого мог договориться только

¹⁾ Мы уже отмечали нелепость мысли, чтобы пролетариат, хотя на худой из худых концов, мог толкать буржуазию назад.

Мартынов: Мартынов хочет, чтобы пролетариат грозил верхам общества, что он с народом пойдет вперед, но чтобы в то же время пролетариат твердо решил с своими новоискровскими вождями не итти вперед по демократическому пути, ибо это есть путь революционно-демократической диктатуры. Мартынов хочет, чтобы пролетариат оказывал давление на волю верхов обнаружением своего безволия. Мартынов хочет, чтобы пролетариат побуждал верхи «согласиться» довести буржуазную революцию до ее логического демократическо-республиканского конца, побуждал тем, что выражал свою собственную боязнь в зять на себя вместе с народом это доведение революции до конца, взять на себя власть и демократическую диктатуру. Мартынов хочет, чтобы пролетариат был авангардом в демократическом перевороте, и поэтому умный Мартынов пускает пролетариат перспективой участия во временном революционном правительстве в случае успеха восстания.

Дальше некуда итти в реакционном хвостизме. Мартынову, как святому человеку, надо земно поклониться за то, что он довел до конца хвостистские тенденции новой «Искры» и выразил их рельефно и систематически по самому злободневному и коренному политическому вопросу ¹⁾.

III.

В чем источник мартыновской путаницы? В смешении демократического и социалистического переворота, в забвении роли промежуточного, между «буржуазией» и «пролетариатом» стоящего народного слоя (мелко-буржуазная масса городской и деревенской бедноты, «полупролетарии», полухозяйки), в непонимании истинного значения нашей программы-минимум. Мартынов слышал, что социалисту неприлично участвовать в буржуазном министерстве (когда пролетариат борется за социалистический переворот), и поспешил «понять» это так, что не следует участвовать вместе с революционной буржуазной демократией в революционно-демократическом перевороте и в той диктатуре, которая необходима для полного осуществления такого переворота. Мартынов читал нашу программу-минимум, но не заметил, что строгое выделение в ней преобразований, осуществимых на почве буржуазного общества, в отличие от социалистических преобразований, имеет не книжное только значение, а самое жизненное, практическое; он не заметил

¹⁾ Статья была уже набрана, когда мы получили № 93 „Искры“, к которому нам еще придется вернуться.

что в революционный период она подлежит немедленной проверке и применению на деле. Мартынов не подумал, что отказ от идеи революционно-демократической диктатуры в эпоху падения самодержавия равносителен отказу от осуществления нашей программы-минимум. В самом деле, вспомните только все экономические и политические преобразования, выставленные в этой программе: требования республики, народного вооружения, отделения церкви от государства, полных демократических свобод, решительных экономических реформ. Разве не ясно, что проведение этих преобразований на почве буржуазного строя немыслимо без революционно-демократической диктатуры низших классов? Разве не ясно, что речь идет тут именно не об одном пролетариате в отличие от «буржуазии», а о «низших классах», которые являются активными двигателями всякого демократического переворота? Эти классы — пролетариат плюс десятки миллионов городской и деревенской бедноты, живущей в условиях мелко-буржуазного существования. Принадлежность к буржуазии весьма многих представителей этой массы несомненна. Но еще более несомненно, что в интересах этой массы лежит полное осуществление демократизма, и что чем просвещеннее эта масса, тем неизбежнее ее борьба за это полное осуществление. Социал-демократ никогда не забудет, конечно, о двойственной политико-экономической натуре мелко-буржуазной городской и сельской массы, он никогда не забудет о необходимости отдельной и самостоятельной классовой организации борющегося за социализм пролетариата. Но он не забудет также, что у этой массы есть «кроме прошлого—будущее, кроме предрассудков—рассудок», толкающий ее вперед, к революционно-демократической диктатуре; он не забудет, что просвещение дается не одной книжкой, и даже не столько книжкой, сколько самим ходом революции и открывающей глаза, дающей политическую школу. При таких условиях теория, отказывающаяся от идеи революционно-демократической диктатуры, не может быть названа иначе, как философическим оправданием политической отсталости.

Революционный социал-демократ с презрением отбросит от себя подобную теорию. Накануне революции он будет не только указывать «худой конец» ее. Нет, он будет также указывать на возможность лучшего конца. Он будет мечтать,—он обязан мечтать, если он не безнадежный филистер,—о том, что после гигантского опыта Европы, после невиданного размаха энергии рабочего класса в России, нам удастся разжечь, как никогда, светильник революционного света перед темной и забитой массой, нам удастся,—благодаря тому, что мы стоим на плечах целого ряда революционных поколений Европы,—осуществить с не-

виданной еще полнотой все демократические преобразования, всю нашу программу-минимум; нам удастся добиться того, чтобы русская революция была не движением нескольких месяцев, а движением многих лет, чтобы она привела нас к одним только мелким уступкам со стороны властей предержавших, а к полному ниспровержению этих властей. А если это удастся,—тогда... тогда революционный пожар зажжет Европу; истомившийся в буржуазной реакции европейский рабочий поднимется в свою очередь и покажет нам, «как это делается»; тогда революционный подъем Европы окажет обратное действие на Россию и из эпохи нескольких революционных лет сделает эпоху нескольких революционных десятилетий, тогда... но мы успеем еще не раз поговорить о том, что мы сделаем «тогда», поговорить не из проклятого женевского далека, а перед тысячами собраниями рабочих на улицах Москвы и Петербурга, перед свободными сходками русских «мужиков».

IV.

Филистерам новой «Искры» и ее «властителю дум», нашему доброму начетчику Мартынову, чужды и странны, разумеется, такие мечты. Они боятся полного осуществления нашей программы-минимум путем революционной диктатуры простого черного народа. Они боятся за свою собственную сознательность, боятся потерять указку по вызубренной (но не продуманной) книжке, боятся оказаться не в состоянии отличить правильные и смелые шаги демократических преобразований от авантюристских прыжков неклассового, народнического социализма или анархизма. Их филистерская душа справедливо подсказывает им, что при быстром ходе вперед труднее отличить верный путь и быстро решать сложные и новые вопросы, чем при рутинной, мелкой работе; поэтому они инстинктивно шепчут: чур меня, чур меня! да минует меня чаша революционно-демократической диктатуры! как бы не погибнуть! господи! вы уже лучше «медленным шагом, робким зигзагом»!..

Неудивительно, что Парвусу, который так великодушно поддерживал новоискровцев, пока дело шло преимущественно о кооптации старейших и заслуженных, тяжело стало в конце концов в подобном болотном обществе. Неудивительно, что он стал испытывать в нем все чаще *tedium vitae*, тошноту жизни. И он, наконец, взбунтовался. Он не ограничился защитой смертельно перепугавшего новую «Искру» лозунга «организовать революцию», не ограничился воззваниями, которые «Искра» отпечатала отдель-

ными листками, спрятав даже по случаю «якобинских» ужасов упоминание о социал-демократической рабочей партии¹⁾.

Освободившись от кошмара премудрой аксельродовской (или люксембурговской?) теории организации процесса, Парвус сумел, наконец, пойти вперед, вместо того, чтобы пятиться, подобно раку, назад. Он не захотел делать сизифову работу бесконечных поправок к мартиновским и мартовским глупостям. Он выступил прямо (к сожалению, вместе с Троцким) с защитой идеи революционно-демократической диктатуры, идеи об обязанности социал-демократии принять участие во временном революционном правительстве после низвержения самодержавия. Тысячу раз прав Парвус, когда он говорит, что социал-демократия не должна бояться смелых шагов вперед, не должна опасаться нанесения совместных «ударов» врагу рука об руку с революционной буржуазной демократией, при обязательном (очень кстати напоминаемом) условии не смешивать организации: врозь идти, вместе бить; не скрывать разнородности интересов; следить за своим союзником, как за своим врагом, и т. д.

Но чем горячее наше сочувствие всем этим лозунгам отвернувшегося от хвостистов революционного социал-демократа, тем неприятнее поразили нас некоторые неверные ноты, взятые Парвусом. И не из придирчивости отмечаем мы эти маленькие неверности, а потому что кому много дано, с того много и спросится. Всего опаснее было бы теперь, если бы верная позиция Парвуса была скомпрометирована его собственной неосмотрительностью. Именно к числу, по меньшей мере, неосмотрительных фраз в разбираемом предисловии Парвуса к брошюре Троцкого относятся следующие: «Если мы хотим обособить революционный пролетариат от других политических течений, то мы должны уметь стоять идейно во главе революционного движения» (это верно), «быть революционнее всех». Это неверно. То-есть, это неверно, если взять это положение в том общем смысле, который придан ему фразой Парвуса, это неверно с точки зрения читателя, который берет это предисловие, как нечто самодовлеющее, независимо от Мартинова и новоискровцев, не упоминаемых Парвусом. Если взглянуть на это положение диалектически, т.-е. относительно, конкретно, всесторонне, не подражая тем литературным наездникам, которые даже много лет спустя выхватывают из цельного произведения отдельные фразы и извращают их смысл,—тогда ясно будет, что это направлено Парвусом именно против

¹⁾ Не знаю, заметили ли наши читатели характерный факт: среди кучи хлама, издаваемого новой „Искрой“ в виде листков, были хорошие листки, подписанные Парвусом. Редакция „Искры“ отвернулась именно от этих листков, не пожелав упомянуть ни о нашей партии, ни о своем издательстве.

хвостизма и постольку это справедливо (сравним особенно последующие слова Парвуса: «если мы отстанем от революционного развития» и т. д.). Но читатель не может же иметь в виду одних хвостистов: и среди опасных друзей революции из лагеря революционеров кроме хвостистов есть еще совсем другие люди, есть «социалисты-революционеры», есть люди, вовлекаемые потоком событий, беспомощные перед революционной фразой, как Надеждины, или такие, у которых инстинкт заменяет революционное миросозерцание (в роде Гапона). Об них позабыл Парвус, и позабыл, потому что его изложение, развитие его мысли шло не свободно, а связанное приятным воспоминанием о той мартыновщине, от которой он старается предостеречь читателя. Изложение Парвуса не достаточно конкретно, ибо он не считается со всей той совокупностью различных имеющихся в России, революционных течений, которые неизбежны в эпоху демократического переворота и естественно отражают классовую нерасчлененность общества в такую эпоху. Неясные, иногда даже реакционные социалистические мысли совершенно естественно облекают в такое время революционно-демократические программы, прячась за революционную фразу (вспомните социалистов-революционеров и Надеждина, который, кажется, изменил только звание, перешедши от «революционеров-социалистов» к новой «Искре»). А при подобных условиях мы, социал-демократы, никогда не можем и не станем ставить лозунга: «быть революционнее всех». За революционностью, оторванного от классовой почвы демократа, щеголяющего фразой, падкого на ходкие и дешевые (особенно, в аграрной области) лозунги, мы и не подумаем угоняться; мы, напротив того, всегда будем относиться к ней критически, разоблачать действительное значение слов, действительное содержание идеализируемых великих событий, уча трезвому учету классов и оттенков внутри классов в самые горячие моменты революции.

Точно также неверны, и по той же причине, положения Парвуса, что «революционное временное правительство в России будет правительством рабочей демократии», что «если социал-демократия будет во главе революционного движения русского пролетариата, то это правительство будет социал-демократическим», что социал-демократическое временное правительство «будет целостное правительство с социал-демократическим большинством». Этого не может быть, если говорить не о случайных, мимолетных эпизодах, а о сколько-нибудь длительной, сколько-нибудь способной оставить след в истории революционной диктатуре. Этого не может быть, потому что сколько-нибудь прочной (конечно, не безусловно, а относительно) может быть лишь

революционная диктатура, опирающаяся на громадное большинство народа. Русский же пролетариат составляет сейчас меньшинство населения России. Стать громадным, подавляющим большинством он может лишь при соединении с массой полупролетариев, полухозяйчиков, т.-е. с массой мелко-буржуазной, городской и сельской бедноты. И такой состав социального базиса возможной и желательной революционно-демократической диктатуры отразится, конечно, на составе революционного правительства, сделает неизбежным участие в нем, или даже преобладание в нем, самых разношерстных представителей революционной демократии. Было бы крайне вредно делать себе на этот счет какие бы то ни было иллюзии. Если Троцкий пишет теперь (к сожалению, рядом с Парвусом), что «свящ. Гапон мог появиться однажды», что «второму Гапону нет места», то это только увлечение фразой. Если бы в России не было места второму Гапону, то у нас не было бы места и для действительно «великой», до конца доходящей, демократической революции. Чтобы стать великой, чтобы напомнить 1789—1793, а не 1848—1850-е годы, и превзойти их, она должна поднять к активной жизни, к героическим усилиям, к «основательному историческому творчеству» гигантские массы, поднять из страшной темноты, из невиданной забитости, из невероятной одичалости и беспросветной тупости. Она уже поднимает, она поднимет их,—это дело облегчает своим судорожным сопротивлением само правительство, но, разумеется, о продуманном политическом сознании, о социал-демократическом сознании этих масс и их многочисленных «самобытных», народных и даже мужицких вожаков не может быть и речи. Они не могут теперь же, не проделав ряда революционных испытаний, стать социал-демократами не только в силу темноты (революция просвещает, повторяем, со сказочной быстротой), а потому, что их классовое положение не есть пролетарское, потому что объективная логика исторического развития ставит перед ними в настоящую минуту задачи совсем не социалистического, а демократического переворота.

И в этом перевороте со всей энергией будет участвовать революционный пролетариат, отменяя от себя жалкий хвостизм одних и революционную фразу других, внося классовую определенность и сознательность в головокружительный вихрь событий, идя неуклонно и смело вперед, не страшась революционно-демократической диктатуры, а страстно желая ее, борясь за республику и полную республиканскую свободу, за серьезные экономические реформы, чтобы создать себе действительно широкую и действительно достойную XX-го века арену борьбы за социализм.

Март, 1905 г.

Революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства.

Вопрос об участии социал-демократии во временном революционном правительстве выдвинут на очередь не столько ходом событий, сколько теоретическими рассуждениями социал-демократов одного направления. В двух фельетонах (№№ 13 и 14) мы разобрали рассуждения Мартынова, впервые выдвинувшего этот вопрос. Оказывается, однако, что интерес к нему так велик, а недоразумения, порождаемые указанными рассуждениями (смотри особенно № 93 «Искры») так громадны, что необходимо еще раз остановиться на этом вопросе. Как бы ни оценивали социал-демократы вероятность того, что нам придется в недалеком будущем не только теоретически решать этот вопрос, во всяком случае ясность ближайших целей необходима для партии. Без ясного ответа на этот вопрос невозможна уже теперь выдержанная, чуждая шатаний или недомолвок, пропаганда и агитация.

Попытаемся восстановить сущность спорного вопроса. Если мы хотим не только уступок от самодержавия, а настоящего низвержения его, то мы должны добиваться замены царского правительства временным революционным правительством, которое, с одной стороны, созвало бы Учредительное Собрание на основании действительно всеобщего, прямого и равного избирательного права с тайной подачей голосов и которое, с другой стороны, было бы в состоянии на деле провести полную свободу на время выборов. И вот, спрашивается, позволительно ли социал-демократической рабочей партии участвовать в таком временном революционном правительстве? Вопрос этот поставили впервые представители оппортунистического крыла нашей партии, именно Мартынов, еще до 9 янв., при чем он, а вслед за ним и «Искра», решили этот вопрос отрицательно. Мартынов старался довести до абсурда взгляды революционных социал-

демократов, пугая их тем, что в случае успешной работы над организацией революции, в случае руководства вооруженным народным восстанием со стороны нашей партии, нам придется участвовать во временном революционном правительстве. А такое участие есть недопустимый «захват власти», есть непозволительный для классовой социал-демократической партии «вульгарный жоресизм».

Остановимся на рассуждениях сторонников этого взгляда. Находясь во временном правительстве, говорят нам, социал-демократия будет держать в руках власть, а социал-демократия, как партия пролетариата, не может держать в руках власть, не пытаясь осуществить нашей программы-максимум, т.-е. не пытаясь осуществить социалистического переворота. А на таком предприятии она неизбежно в настоящее время потерпит поражение и только осрамит себя, только сыграет на руку реакции. Поэтому-де участие социал-демократии во временном революционном правительстве недопустимо.

Это рассуждение основано на смешении демократического и социалистического переворотов,—борьбы за республику (включая сюда и всю нашу программу-минимум) и борьбы за социализм. Пытаясь немедленно поставить своей целью социалистический переворот, социал-демократия действительно лишь осрамила бы себя. Именно против подобных смутных и неясных идей наших «социалистов-революционеров» и воевала, однако, всегда социал-демократия. Именно поэтому настаивала она всегда на буржуазном характере предстоящей России революции, именно поэтому строго требовала отделения демократической программы-минимум от социалистической программы-максимум. Забыть все это могут во время переворота отдельные социал-демократы, склонные пасовать перед стихийностью, но не партия в целом. Сторонники этого ошибочного мнения впадают в преклонение перед стихийностью, думая, что ход вещей заставит социал-демократию в таком положении взяться, вопреки ее воле, за осуществление социалистического переворота. Если бы это было так, тогда, значит, неверна была бы наша программа, тогда она не соответствовала бы «ходу вещей»: преклоняющиеся перед стихийностью люди как раз и боятся этого, боятся за верность нашей программы. Но их боязнь (психологическое объяснение которой мы старались наметить в наших фельетонах) неосновательна до последней степени. Наша программа верна. Именно ход вещей подтвердит ее непременно и чем дальше, тем больше. Именно ход вещей «навяжет» нам безусловную необходимость отчаянной борьбы за республику, именно он практически направит как раз в эту сторону наши силы, силы политико-активного пролета-

риата. Именно ход вещей неизбежно навязет нам при демократическом перевороте такую массу союзников из мелкой буржуазии и крестьянства, реальные потребности которых потребуют как раз проведения программы-минимум, что опасения слишком быстрого перехода к программе-максимум являются прямо смешными.

Но, с другой стороны, именно эти союзники из мелкобуржуазной демократии вызывают новые опасения среди социал-демократов известного направления, именно опасения насчет «вульгарного жоресизма». Участвовать в правительстве вместе с буржуазной демократией запрещено резолюцией Амстердамского конгресса, это есть жоресизм, т.-е. бессознательное предательство интересов пролетариата, превращение пролетариата в прихвостня буржуазии, превращение его мишурой власти, на деле безусловно недостижимой в буржуазном обществе.

Это рассуждение не менее ошибочно. Оно показывает, что авторы его выучили на память хорошие резолюции, но не поняли значения их;—зазубрили некоторые антижоресистские словечки, но не продумали их и применяют поэтому совсем некстати;—усвоили себе букву, но не дух последних уроков международной революционной социал-демократии. Кто хочет с диалектически-материалистической точки зрения оценить жоресизм, тот должен строго отделить субъективные мотивы и объективные исторические условия. Субъективно Жорес хотел спасти республику, вступая для этого в союз с буржуазной демократией. Объективные условия этого «опыта» состояли в том, что республика во Франции была уже фактом и никакой серьезной опасности ей не грозило;—что рабочий класс имел полную возможность развития самостоятельной классовой политической организации и недостаточно пользовался этой возможностью, под влиянием, отчасти, как раз обилия мишурных парламентских упражнений его вожаков,—что на деле перед рабочим классом объективно выдвигались уже историей задачи социалистического переворота, от которого отманывали пролетариат Мильераны посулом крохотных социальных реформ.

Теперь возьмите Россию. Субъективно, такие революционные социал-демократы, как впередовцы или Парзус, хотят отстоять республику, вступая для этого в союз с революционной буржуазной демократией. Объективные условия отличаются от французских, как небо от земли. Объективно исторический ход вещей поставил теперь русский пролетариат как раз перед задачей демократического буржуазного переворота (все содержание которого мы означаем для краткости словом республика); перед этой же задачей стоит весь народ, т.-е. вся масса мелкой буржуазии

и крестьянства; без этого переворота немислимо сколько-нибудь широкое развитие самостоятельной классовой организации для социалистического переворота.

Представьте себе конкретно все различие объективных условий и скажите: что следует думать о людях, которые забывают это различие, увлекаясь сходством некоторых слов, подобием некоторых букв, одинаковостью субъективной мотивировки?

Так как Жорес во Франции преклонялся перед буржуазной социальной реформой, неправильно прикрывая себя субъективной целью борьбы за республику, то поэтому мы, русские социал-демократы, должны отказаться от серьезной борьбы за республику! Ведь к этому, именно к этому сводится премудрость новоискровцев.

В самом деле, не ясно ли, что борьба за республику немислива для пролетариата без союза его с мелко-буржуазной массой народа? Не ясно ли, что без революционной диктатуры пролетариата и крестьянства нет ни тени надежды на успех этой борьбы? Один из главных недостатков разбираемого взгляда состоит в его мертвенности, шаблонности, в том, что упускаются из вида условия революционного времени. Бороться за республику и в то же время отказываться от революционной демократической диктатуры, это все равно, как если бы Ойяма решил бороться с Куропаткиным под Мукденом, заранее отказавшись от мысли самому вступить в Мукден. Ведь, если мы, революционный народ, т.-е. пролетариат и крестьянство, хотим «вместе бить» самодержавие, то мы должны также вместе добить, вместе убить его, вместе отбить неизбежные попытки реставрировать его! (Оговариваемся еще раз во избежание возможных недоразумений, что мы разумеем под республикой не только, и даже не столько форму правления, сколько всю совокупность демократических преобразований нашей программы-минимум). Нужно поистине школьническое понятие об истории, чтобы представлять себе дело без «скачков», в виде какой-то медленно и равномерно восходящей прямой линии: сначала будто бы очередь за либеральной крупной буржуазией—уступочки самодержавия, потом за революционной мелкой буржуазией—демократическая республика, наконец, за пролетариатом—социалистический переворот. Эта картина верна в общем и целом, верна «на долгом», как говорят французы, на каком-нибудь протяжении столетия (напр., для Франции с 1789 по 1905 год), но составлять себе по этой картине план собственной деятельности в революционную эпоху,—для этого надо быть виртуозом филистерства. Если русское самодержавие не сумеет вывернуться даже теперь, отделавшись куцой конституцией, если оно будет не только поколеблено, а действительно

свергнуто, тогда, очевидно, потребуется гигантское напряжение революционной энергии всех передовых классов, чтобы отстоять это завоевание. А это «отсгоять» и есть не что иное, как революционная диктатура пролетариата и крестьянства! Чем больше мы завоюем теперь, чем энергичнее мы будем отстаивать завоеванное, тем меньше сможет отнять впоследствии неизбежная будущая реакция, тем короче будут эти интервалы реакции, тем легче будет задача для пролетарских борцов, идущих вслед за нами.

А тут являются люди, которые наперед хотят, до борьбы, отмерить, точно аршином, «по Иловайскому», скромненький кусочек будущих завоеваний,—которые до падения самодержавия, даже еще до 9 января, вздумали страшить рабочий класс России пугалом ужасной революционной демократической диктатуры! И эти аршинники претендуют на название революционных социал-демократов...

Участвовать во временном правительстве вместе с буржуазной революционной демократией,—плачутся они,—да ведь это значит освящать буржуазный строй, освящать сохранение тюрем и полиции, безработицы и нищеты, собственности и проституции. Это довод достойный либо анархистов, либо народников. Социал-демократия не отворачивается от борьбы за политическую свободу на том основании, что это есть буржуазная политическая свобода. Социал-демократия смотрит на «освящение» буржуазного строя с исторической точки зрения. Когда Фейербаха спросили, освящает ли он материализм Бюхнера, Фохта и Молешотта, он отвечал: я освящаю материализм в его отношении к прошлому, но не в его отношении к будущему. Вот точно так же и социал-демократия освящает буржуазный строй. Она никогда не боялась и никогда не побоится сказать, что освящает республикански-демократический буржуазный строй по сравнению с самодержавно-крепостническим буржуазным строем. Но она «освящает» буржуазную республику лишь как последнюю форму классового господства, освящает ее, как наиболее удобную арену для борьбы пролетариата с буржуазией, освящает не за ее тюрьмы и полицию, собственность и проституцию, а для широкой и свободной борьбы против этих милых учреждений.

Конечно, мы далеки от мысли утверждать, что участие наше в революционном временном правительстве не влечет за собой для социал-демократии никаких опасностей. Нет и не может быть такой формы борьбы, такого политического положения, которое бы не влекло за собой опасностей. Если нет революционного классового инстинкта, если нет цельного мирозерцания, стоящего на уровне науки, если нет (не во гнев будь сказано товарищам-новоискрывцам) царя в голове,—тогда опасно и участие в стачках—может

повести к экономизму,—и участие в парламентской борьбе— может кончиться парламентским кретинизмом,—и поддержка земской либеральной демократии—может привести к «плану земской кампании». Тогда опасно даже читать по истории французской революции полезнейшие сочинения Жореса и Олара—может привести к брошюре Мартынова о двух диктатурах.

Разумеется, если бы социал-демократия хоть на минуту забыла о классовой особенности пролетариата от мелкой буржуазии, если бы она заключила не во-время невыгодный для нас союз с той или иной незаслуживающей доверия интеллигентской мелко-буржуазной партией, если бы социал-демократия хоть на минуту упустила из виду свои самостоятельные цели и необходимость (при всех и всяких политических ситуациях и кон'юнктурах, при всех и всяких политических поворотах и переворотах) ставить во главу угла развитие классового самосознания пролетариата и его самостоятельной политической организации,—тогда участие в временном революционном правительстве было бы крайне опасно. Но при этом условии, повторяем, и в такой же мере опасен любой политический шаг. До какой степени неосновательно приурочение этих возможных опасений к теперешней постановке ближайших задач революционной социал-демократией, это покажут всем самые простые справки. Не будем говорить о себе, не станем воспроизводить многочисленных заявлений, предостережений, указаний по рассматриваемому нами вопросу в газете «Вперед»,—сошлемся на Парвуса. Высказываясь за участие социал-демократии во временном революционном правительстве, он со всей энергией подчеркивает условия, которых никогда не должны мы забывать: вместе бить, врозь идти, не смешивать организаций, смотреть за союзником, как за врагом, и т. д. Мы не останавливаемся подробнее на этой стороне дела, уже отмеченной в фельетоне.

Нет, действительная политическая опасность для социал-демократии лежит в настоящее время совсем не там, где ее ищут новоискровцы. Не мысль о революционной демократической диктатуре пролетариата и крестьянства должна страшить нас, а тот дух хвостизма и мертвенности, который разлагающе действует на партию пролетариата, выражаясь во всевозможных теориях организации-процесса, вооружения-процесса и т. п. Возьмите, напр., новейшую попытку «Искры» провести различие между временным революционным правительством и революционной демократической диктатурой пролетариата и крестьянства. Разве это не образец мертвенной схоластики? Люди, сочиняющие такие различия, способны нанизывать красивые слова, но совершенно неспособны думать. Отношение между указани-

ными понятиями на самом деле приблизительно таково, как отношение между юридической формой и классовым содержанием. Кто говорит: «временное революционное правительство», тот подчеркивает государственно-правовую сторону дела, происхождение правительства не из закона, а из революции, временный характер правительства, связанного будущим Учредительным Собранием. Но какова бы ни была форма, каково бы ни было происхождение, каковы бы ни были условия, ясно во всяком случае, что временное революционное правительство не может не опираться на известные классы. Достаточно вспомнить эту азбучную вещь,— чтобы видеть, что временное революционное правительство не может быть ничем иным, как революционной диктатурой пролетариата и крестьянства. Следовательно, различие, проводимое «Искрой», только тащит партию назад к бесплодным словесным спорам от задачи конкретного анализа классовых интересов в русской революции.

Или возьмите другое рассуждение «Искры». По поводу возгласа: да здравствует революционное временное правительство! она назидательно замечает: «сочетание слов— «да здравствует» и «правительство»—сквернит уста». Разве это не пустозвонная фраза? Они говорят о свержении самодержавия и в то же время боятся осквернить себя приветствием революционному правительству! Удивительно, право, что они не боятся осквернения от приветствия республике: ведь республика необходимо предполагает правительство, и ни один социал-демократ никогда не сомневался в том, что именно буржуазное правительство. Какая же разница между приветствованием временного революционного правительства и приветствованием демократической республики? Неужели социал-демократия, политическая руководительница самого революционного класса, должна уподобиться анемичной и истеричной старой деве, которая жеманно настаивает на необходимости фигового листка: приветствовать то, что подразумевает буржуазно-демократическое правительство, можно, но приветствовать прямо временное революционное демократическое правительство нельзя?

Картина: Петербургское рабочее восстание победило. Самодержавие свергнуто. Провозглашено временное революционное правительство. Вооруженные рабочие ликуют при возгласах: да здравствует временное революционное правительство! В стороне стоят новоискровцы и, вознося горе свой целомудренные очи, бия себя в свои морально-чуткие сердца, изрекают: благодарим тебя, господи, что мы не похожи на этих мытарей, что мы не осквернили себе уста такими сочетаниями слов...

Нет, и тысячу раз нет, товарищи! Не бойтесь осквернить себя самым энергичным, ни перед чем не останавливающимся участием вместе с революционной буржуазной демократией в республиканском перевороте. Не преувеличивайте опасностей этого участия, с которыми вполне может справиться наш организованный пролетариат. Месяцы революционной диктатуры пролетариата и крестьянства сделают больше, чем десятилетия мирной, отупляющей атмосферы политического застоя. Если русский рабочий класс после 9-го января сумел в условиях политического рабства мобилизовать более миллиона пролетариев для коллективного, стойкого и выдержанного выступления, — то при условиях революционно-демократической диктатуры мы мобилизуем десятки миллионов городской и деревенской бедноты, мы сделаем из русской политической революции пролог европейского социалистического переворота.

Март, 1905 г.

О временном революционном правительстве.

Статья первая: Историческая справка Плеханова.

Третий съезд партии принял резолюцию по вопросу о временном революционном правительстве. Резолюция эта выражает именно ту позицию, которую занимали мы в газете «Вперед». Мы намерены приступить теперь к подробному разбору всех возражений против нашей позиции и к разъяснению со всех сторон истинного принципиального смысла и практического значения съездовской резолюции. Начнем с попытки Плеханова поставить этот вопрос на строго принципиальную почву. Плеханов озаглавил свою статью: «К вопросу о захвате власти». Он критикует «тактику, направляемую (очевидно, «Вперед») к захвату пролетариатом политической власти». На самом деле, как прекрасно знает всякий, знакомый с «Вперед», никогда «Вперед» вопроса о захвате власти не поднимал и никакой «тактики к захвату» не направлял. Плеханов старается подменить действительно обсуждавшийся вопрос другим, вымышленным; чтобы убедиться в этом, стоит только припомнить ход спора.

Мартынов первый выдвинул вопрос в своих знаменитых «Двух диктатурах». Он утверждал, что если наша партия примет руководящее участие в восстании, то отсюда, в случае успеха, вытечет необходимость участия ее во временном революционном правительстве, а таковое участие принципиально недопустимо и ни к чему, кроме гибельного и компрометирующего исхода, привести не может. «Искра» защищала эту позицию. «Вперед» возражал, что такой исход, напротив, есть наиболее желательный, что участие социал-демократии во временном революционном правительстве, равносильное демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, допустимо, что без такой диктатуры не удастся отстоять республику. Итак, обе спорившие стороны, отвечая на вопрос, поставленный Мартыновым, принимали два предположения и расходились в выводах из них: обе принимали 1) руководящее участие

партии пролетариата в восстании; 2) победу восстания и полное свержение самодержавия; расходились они в оценке тактических выводов из этих предположений. Неужели это похоже на «тактику, направляемую (!!) к захвату (??) власти»? Неужели не ясно, что Плеханов стремится уклониться от мартыновской постановки вопроса, обсуждавшейся «Искрой» и «Вперед»? Мы спорили о том, опасно ли, губительно ли победоносное проведение восстания, раз оно может привести к необходимости участия во временном революционном правительстве. Плеханов выражает желание поспорить о том, следует ли направлять тактику к захвату власти. Боимся, что желание Плеханова (понятное лишь с точки зрения затушевывания мартыновской постановки вопроса) останется невинным пожеланием, ибо никто на эту тему не спорил и не спорит.

Какое значение имеет этот подмен вопроса во всей аргументации Плеханова, видно особенно наглядно из эпизода с «виртуозами филистерства». Плеханову не дает покоя это, употребленное «Вперед», выражение. Плеханов возвращается к нему раз семь, грозно и гневно уверяя своих читателей, что «Вперед» дерзнул Маркса и Энгельса называть этим не слишком лестным эпитетом, что «Вперед» начинает «критиковать» Маркса и проч. и т. д. Мы прекрасно понимаем, что Плеханову, задавшемуся целью реабилитировать Мартынова и «разнести» «Вперед», было бы весьма приятно, если бы «Вперед» сказал хоть что-либо похожее на приписываемую ему Плехановым нелепость. Но дело-то в том, что ничего подобного «Вперед» не говорил, и всякий внимательный читатель легко разоблачит Плеханова, который запутал интересный принципиальный вопрос совершенно дустяковинной и мелочной придирижкой.

Как ни скучно отвечать на придирки, но приходится подробно раз'яснить, в чем на самом деле состоял этот эпизод с пресловутыми «виртуозами филистерства». «Вперед» рассуждал так. Мы все говорим о завоевании республики. Чтобы завоевать ее на деле, необходимо, чтобы мы стали «вместе бить» самодержавие,—мы, т.-е. революционный народ, пролетариат и крестьянство. Но этого еще недостаточно. Недостаточно даже «вместе добить» самодержавие, т.-е. совершенно свергнуть самодержавное правительство. Необходимо еще «вместе отбить» неизбежно предстоящие отчаянные попытки восстановить свергнутое самодержавие. Это «вместе отбить», примененное к революционной эпохе, есть не что иное, как революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, есть участие пролетариата в революционном правительстве. Поэтому люди, пугающие рабочий класс возмож-

ной перспективой этой диктатуры, т.-е. такие люди, как Мартынов и Л. Мартов в новой «Искре», впадают в противоречие с своим собственным лозунгом борьбы за республику и доведения революции до конца. Эти люди, в сущности, рассуждают так, как будто они хотят ограничить, урезать свою борьбу за свободу,—именно отмерить себе наперед самый скромный кусочек завоеваний, какую-нибудь куцую конституцию вместо республики. Такие люди, говорил «Вперед», филистерски опошляют известное марксистское положение о трех главных силах революции XIX (и XX) века и трех основных стадиях ее. Это положение состоит в том, что первая стадия революции есть ограничение абсолютизма, удовлетворяющее буржуазию; вторая, завоевание республики, удовлетворяющее «народ», т.-е. крестьянство и мелкую буржуазию вообще; третья—социалистический переворот, который один только способен удовлетворить пролетариат. «Эта картина верна в общем и целом», писал «Вперед». Перед нами действительно под'ем на эти три различные схематические ступеньки, различные потому, какие классы могут в лучшем случае сопровождать нас в этом под'еме. Но если мы эту верную марксистскую схему трех ступеней будем понимать так, что до всякого под'ема надо отмеривать себе наперед скромненькую меру, например, не более одной ступени, если мы по этой схеме будем, до всякого под'ема, «составлять себе план деятельности в революционную эпоху», то мы будем виртуозами филистерства.

Вот каково было рассуждение «Вперед» в № 14. И вот тут-то вздумал придрататься Плеханов к последним подчеркнутым словам. «Вперед»—об'являет он с торжеством—тем самым обозвал Маркса филистером, ибо Маркс именно по этой схеме составлял себе план деятельности в самую революционную эпоху!

Доказательство? Доказательство состоит в том, что в 1850 году, когда революционный народ Германии потерпел поражение в борьбе 1848—1849 годов, не сумев побить самодержавия, когда либеральная буржуазия уже получила куцую конституцию и перешла на сторону реакции,—одним словом, когда германское демократически-революционное движение поднялось только на одну первую ступеньку и остановилось, бессильное подняться выше, тогда... тогда Маркс говорил, что новый революционный под'ем будет под'емом на вторую ступеньку.

Вы улыбаетесь, читатель? Силлогизм у Плеханова получился, в самом деле, немножечко... как бы это помягче выразиться?.. «диалектический». Так как Маркс в соответствующий конкретный момент конкретной демократиче-

ской революции говорил, что после происшедшего под'ема на первую ступень предстоит под'ем на вторую,—то поэтому лишь «критики» Маркса могут называть филистерами людей, которые до под'ема на первую ступень пугают нас ужасной перспективой прыжка (в случае особенно удачно организованного и проведенного восстания) на две ступени сразу.

Да, да, нехорошая вещь «критика» Маркса... и не очень хорошая вещь—неудачная ссылка на Маркса. Мартынов неудачно истолковал Маркса. Плеханов неудачно защитил Мартынова.

И пусть не делает из наших слов какой-нибудь придирчивый читатель того вывода, будто мы проповедуем «тактику, направленную» к обязательным прыжкам через ступеньку, независимо от соотношения общественных сил. Нет, мы никакой подобной тактики не проповедуем. Мы боремся только против влияния на пролетариат людей, способных говорить о республике и о доведении революции до конца и в то же время страшающих себя и других возможностью участия в демократической диктатуре. Мы замечали уже в № 14 «Вперед», что после теперешнего революционного под'ема реакция, конечно, будет неизбежна, но она тем меньше отнимет у нас свободы, чем больше завоюем мы теперь и чем беспощаднее мы будем давить и уничтожать контр-революционные силы в эпоху возможной (и желательной) демократической диктатуры. Мы замечали также в № 14 «Вперед», что самый вопрос об этой диктатуре имеет смысл лишь при допущении такого рода событий, когда демократическая революция доходит до полного низвержения абсолютизма, до республики, а не останавливается на полдороге.

Перейдем теперь от эпизода с «виртуозами филистерства» к содержанию знаменитого «Обращения» (Центрального Комитета Союза Коммунистов к членам Союза, в марте 1850 года), цитируемого Плехановым. В этом чрезвычайно интересном и поучительном «Обращении» (которое стоило бы перевести целиком на русский язык) Маркс рассматривает конкретную политическую ситуацию в Германии в 1850 г., указывает на вероятность нового политического взрыва, констатирует неизбежность перехода власти, в случае революции, к республиканской, мелко-буржуазной демократической партии и анализирует тактику пролетариата. Особо рассматривая тактику до революции, в момент ее и после победы мелко-буржуазной демократии, Маркс настаивает на необходимости создания «самостоятельной тайной и открытой организации рабочей партии», борется всеми силами против «принижения ее до роли придатка официальной буржуазной демократии», подчеркивает

важность вооружения рабочих, образования самостоятельной пролетарской гвардии, строгого надзора пролетариев за предательской мелко-буржуазной демократией и т. д.

Во всем «Обращении» ни слова не говорится ни об участии рабочей партии во временном революционном правительстве, ни о революционной демократической диктатуре пролетариата и крестьянства. Плеханов выводит отсюда, что Маркс «как видно не допускал даже и мысли о том, что политические представители революционного пролетариата могут вместе с представителями мелкой буржуазии трудиться над созданием нового общественного строя». Логика этого вывода хромает. Маркс не поднимает вопроса об участии рабочей партии во временном революционном правительстве, а Плеханов заключает, что Маркс решает этот вопрос вообще и принципиально в безусловно отрицательном духе. Маркс говорит только о конкретной ситуации, Плеханов делает общий вывод, не рассматривая вовсе вопроса в его конкретности. А между тем, достаточно взглянуть на некоторые места «Обращения», опущенные Плехановым, чтобы видеть полную неправильность его выводов.

«Обращение» писано на основании опыта двух лет революционной эпохи, 1848 и 1849. Результаты этого опыта Маркс формулирует так: «В то же самое время (т.-е. именно в 1848—1849 г.г.) прежняя крепкая организация Союза Коммунистов значительно ослабла. Большая часть членов, непосредственно участвовавшая в революционном движении, думала, что время тайных обществ миновало и что достаточно одной открытой деятельности. Отдельные кружки и организации (*Gemeinden*) стали запускать свои сношения с Центральным Комитетом и постепенно прекратили их вовсе. Таким образом, в то время, как демократическая партия, партия мелкой буржуазии, все более организовывалась в Германии, рабочая партия потеряла свою единственную прочную опору, сохранилась в организованном виде самое большее в отдельных местностях для местных целей и в силу этого попала в общем всецело под господство и под руководство мелко-буржуазных демократов»¹⁾. И на следующей странице «Обращения» Маркс заявляет: «В настоящее время, когда предстоит новая революция... крайне важно, чтобы рабочая партия выступила возможно более организованной, возможно более единой и возможно более самостоятельной, если она не

¹⁾ *Ansprache der Zentralbehörde an den Bund, von März 1850. K. Marx: «Enthüllungen über den Kommunistenprocess zu Köln», 1885, Anhang, IX, S. 75.* Курсив в цитатах везде наш.

хочет снова, как в 1848 г., быть эксплуатированной буржуазией и идти у нее на буксире».

Вдумайтесь хорошенько в значение этих категорических утверждений! После 2-х лет открытой революции, после победы народного восстания в Берлине, после созыва революционного парламента, после того, как часть страны находилась в открытом восстании и власть временно переходила в руки революционных правительств,—Маркс констатирует поражение революционного народа, и, в отношении партийной организованности, выигрыш мелко-буржуазной демократии, проигрыш рабочей партии. Разве это не указывает яснее ясного на такую политическую ситуацию, когда вопроса об участии рабочей партии в правительстве не к чему было и ставить? После 2-х лет революционной эпохи, когда Маркс в течение девяти месяцев издавал открыто самую революционную газету рабочей партии, приходится констатировать полную дезорганизацию этой партии, полное отсутствие сколько-нибудь резко выраженной пролетарской струи в общем течении (рабочие братства Стефана Борна слишком незначительны), полное подпадение пролетариата не только под господство, но и под руководство буржуазии! Очевидно, что экономические отношения были еще крайне неразвиты, крупная промышленность почти отсутствовала, никакого самостоятельного рабочего движения в сколько-нибудь серьезных размерах не было, мелкая буржуазия господствовала безраздельно. Понятно, что при таких условиях писателю, разбирающему конкретную ситуацию, нельзя было даже допускать мысли о возможности участия рабочей партии во временном правительстве. Понятно, что Маркс должен был в своем «Обращении» вдалбливать (извините за выражение) членам Союза Коммунистов такие истины, которые нам теперь кажутся азбучными. Маркс должен был доказывать необходимость выставления рабочими особых кандидатов при выборах, независимо от буржуазной демократии. Маркс должен был опровергать демократические фразы, что-де отделение рабочих «раскалывает» (это заметьте! раскалывать можно только то, что было вчера еще едино и что продолжает быть идейно единым!) демократическую партию. Маркс должен был предостерегать членов Союза Коммунистов от увлечения этими фразами. Маркс должен был, от имени ЦК Союза, обещать при первой возможности созыв съезда рабочей партии для централизации рабочих клубов,— в течение революционных лет 1848—1849 не было еще палицо условий, для того, чтобы допускать мысль о возможности особого съезда рабочей партии!

Вывод отсюда ясен: в знаменитом «Обращении» Маркс совершенно не касается вопроса о принципиальной допу-

стимости участия пролетариата во временном революционном правительстве. Маркс исключительно рассматривает конкретную ситуацию Германии в 1850 г. Маркс ни слова не говорит при этом об участии Союза Коммунистов в революционном правительстве, потому что при тогдашних условиях не могло возникнуть и мысли о таком участии от имени рабочей партии в целях демократической диктатуры.

Мысль Маркса состоит вот в чем: мы, немецкие социал-демократы 1850 г., не организованы, мы потерпели поражение в первый период революции, мы всецело попали на буксир буржуазии; мы должны организоваться самостоятельно, непременно, безусловно, во что бы то ни стало самостоятельно,—иначе и при грядущей победе усилившей свою организацию и могучей мелко-буржуазной партии мы тоже будем в хвосте.

Мысль Мартынова состояла вот в чем: мы, русские с.-д. 1905 года, организованы в самостоятельную партию и хотим идти на первый штурм против крепости царизма, идти во главе мелко-буржуазного народа. Но если мы очень уж хорошо организуем штурм и, боже упаси, победоносно проведем его, то нам придется, пожалуй, участвовать во временном революционном правительстве или даже в демократической диктатуре. А это участие принципиально недопустимо.

И Плеханов хочет серьезно уверить кого-нибудь, что можно защитить Мартынова по Марксу? Должно быть, Плеханов считает читателей «Искры» за ребят. Мы же скажем только: одно дело марксизм, другое дело мартиновизм.

Чтобы покончить с «Обращением», необходимо еще разяснить следующее неправильное мнение Плеханова. Он указывает справедливо, что в марте 1850 г., когда писалось «Обращение», Маркс верил в дряхлость капитализма, и социалистическая революция казалась ему «совсем близкой». Очень скоро Маркс исправил свою ошибку: уже 15 сентября 1850 г. он разошелся с Шаппером (Шаппер с Виллихом остался в меньшинстве Союза и вышел из него), который поддался буржуазно-демократическому революционизму или утопизму до того, что говорил: «мы должны тотчас достигнуть власти или же мы можем лечь спать». Маркс возражал Шапперу, что нельзя считать двигателем революции одну только свою волю вместо действительных условий. Пролетариату может быть придется пережить еще 15, 20, 50 лет гражданских войн и международных столкновений «не только для того, чтобы изменить эти условия, но и для того, чтобы изменить самих

себя, пролетариев, и сделать себя способными к политическому господству». Плеханов рассказывает вкратце об этой перемене взглядов Маркса и умозаключает:

«Политические задачи пролетариата были бы определены ими (Марксом и Энгельсом после этой «перемены») уже в том предположении, что демократический строй останется господствующим в течение довольно продолжительного периода. Но именно потому они еще решительнее осудили бы участие социалистов в мелко-буржуазном правительстве» («Искра» № 9б).

Это умозаключение Плеханова совершенно неправильно. Оно сводится именно к тому смещению социалистической и демократической диктатуры, за которое мы не раз упрекали Л. Мартова и Мартынова. Маркс и Энгельс в 1850 году не различали демократической и социалистической диктатуры, или, вернее, вовсе не говорили о первой, ибо капитализм казался им дряхлым, а социализм близким. Они не различали по этому в то время и программы-минимум от программы-максимум. Если же делать это различие (как делаем все мы, марксисты, теперь, воюя из-за непонимания его с буржуазно-демократическим революционаризмом «социалистов-революционеров»), то надо о с о б о разобрать вопрос о социалистической и демократической диктатуре. Не делая этого, Плеханов поступает непоследовательно. Выбирая уклончивую формулировку, говоря вообще об «участии социалистов в мелко-буржуазном правительстве», он тем самым именно подсовывает вопрос о социалистической диктатуре на место ясно, определено и точно поставленного вопроса о демократической диктатуре. Он смешивает (употребляя сравнение «Вперед») участие Мильерана в министерстве рядом с Галлифе в эпоху накануне социалистического переворота с участием Варлена в революционном правительстве рядом с мелко-буржуазными демократами, отстаивавшими и отстаившими республику.

Маркс и Энгельс в 1850 году считали социализм близким и потому не дооценивали демократических завоеваний, которые казались им вполне прочными в виду несомненной победы мелко-буржуазной демократической партии. 25 лет спустя, в 1875 г., Маркс указывал на недемократический строй Германии—«абсолютизм, обшитый парламентскими формами». 35 лет спустя, в 1885 г., Энгельс предсказывал переход власти в Германии к мелко-буржуазной демократии при грядущем европейском потрясении. Отсюда вытекает как раз обратное тому, что хочет доказать Плеханов: если бы Маркс и Энгельс понимали неизбежность сравнительно продолжительного господства демократического строя, то они тем больше значения придавали бы демократической диктатуре пролетариата и крестьян-

ства в целях упрочения республики, полного уничтожения всех следов абсолютизма и полной расчистки арены для битвы за социализм. Они тем больше осудили бы хвостистов, способных накануне демократического переворота пугать пролетариат возможностью революционно-демократической диктатуры.

Плеханов сам чувствует слабость своей позиции, основанной на кривотолковании «Обращения». Он осторожно оговаривается поэтому, что не претендует своей справкой окончательно исчерпать вопрос,—хотя делает выводы «исчерпывающей» категоричности, не приведя ровно ничего, кроме не относящейся к делу справки, и не попытавшись даже разобрать конкретной постановки вопроса, данной «Вперед». Плеханов старается навязать «Вперед» и желание «критиковать» Маркса и точку зрения Маха и Авенариуса. Это покушение его вызывает у нас лишь улыбку: должно быть, плоха позиция Плеханова, если он не может найти себе мишени из действительных утверждений «Вперед» и должен выдумывать мишень из сюжетов, совершенно посторонних и газете «Вперед» и рассматриваемому вопросу. Наконец, Плеханов ссылается еще на одно доказательство, которое ему «кажется неотразимым». На самом деле, это доказательство (письмо Энгельса к Турати от 1894 года) совсем уже из рук вон плохо.

Как видно из плехановского изложения этого письма (к сожалению, Плеханов не приводит письма полностью и не указывает, было ли оно напечатано и где именно), Энгельс должен был доказывать Турати различие между социалистической и мелко-буржуазной революцией. Этим все сказано, т. Плеханов! Турати — итальянский Мильеран, бернштейнианец, которому Джуолини предлагал портфель в своем министерстве. Турати смешивал, очевидно, два переворота самого различного классового содержания. Турати воображал, что он будет проводить интересы господства пролетариата, а Энгельс разъяснял ему, что при данной ситуации в Италии 1894 года (т.-е. несколько десятилетий спустя после под'ема Италии на «первую ступень», после завоевания политической свободы, позволившей пролетариату открыто, широко и самостоятельно организоваться!), он, Турати, в министерстве победившей мелко-буржуазной партии будет отстаивать и проводить на деле интересы чужого класса, мелкой буржуазии. Мы имеем, следовательно, перед собой один из случаев мильеранизма; против смешения мильеранизма с демократической диктатурой «Вперед» прямо восстал, и к доводам «Вперед» Плеханов даже не прикоснулся. Мы имеем перед собой характерный пример того ложного положения, от которого Энгельс давно предостерегал во-

ждей крайних партий, именно, когда они не понимают истинного характера переворота и бессознательно проводят интересы «чужого» класса. Ради всего святого, тов. Плеханов, неужели это имеет хоть какое-нибудь отношение к вопросу, возбужденному Мартыновым и разобранному «Вперед»? Неужели опасность смещения второй и третьей ступеней людьми, поднявшимися на первую ступень, может служить оправданием того, чтобы нас перед подъемом на первую ступень пугали перспективой возможного подъема на две ступени сразу??

Нет, «небольшая историческая справка» Плеханова ровнехонько ничего не доказывает. Его принципиальный вывод: «участвовать в революционном правительстве вместе с представителями мелкой буржуазии значит изменять пролетариату» — нисколько не подтверждается ссылками на те ситуации, которые имели место в Германии 1850 и в Италии 1894 г. и которые радикально отличаются от русской в январе и в мае 1905 года. Эти ссылки ничего не дают по вопросу о демократической диктатуре и временном революционном правительстве. А если Плеханов хочет применять свой вывод к этому вопросу, если он в какое участие пролетариата в революционном правительстве при борьбе за республику, при демократическом перевороте, считает принципиально недопустимым, то мы беремся доказать ему, что это есть «принцип» анархизма, самым недвусмысленным образом осужденный Энгельсом. Это доказательство мы приведем в следующей статье.

Статья вторая: Только снизу, или снизу и сверху.

В предыдущей статье, разобрав историческую справку Плеханова, мы показали, что Плеханов неосновательно делает общие и принципиальные выводы на основании слов Маркса, всецело и исключительно относящихся к конкретной ситуации Германии в 1850 году. Эта конкретная ситуация вполне объясняет, почему Маркс не поднимал и не мог поднимать тогда вопроса об участии Союза Коммунистов во временном революционном правительстве. Теперь мы перейдем к разбору общего и принципиального вопроса о допустимости такого участия.

Прежде всего необходимо точно поставить спорный вопрос. В этом отношении мы можем, к счастью, воспользоваться одной из формулировок, данных нашими оппонентами, чтобы устранить, таким образом, пререкания из-за сущности спора. В № 93 «Искры» сказано: «Лучший путь для такой организации (для организации пролетариата в партию, оппозиционную буржуазно-демократическому государству) — путь развития буржуазной революции снизу

(курсив «Искры») давлением пролетариата на стоящую у власти демократию». И дальше «Искра» говорит про «Вперед», что «он хочет, чтобы давление пролетариата на революцию шло не «снизу» только, не только с улицы, но и сверху, из чертогов временного правительства».

Итак, вопрос поставлен ясно. «Искра» хочет давления снизу, «Вперед» — «не снизу только, но и сверху». Давление снизу есть давление граждан на революционное правительство. Давление сверху есть давление революционного правительства на граждан. Одни ограничивают свою деятельность давлением снизу. Другие не согласны на такое ограничение и требуют дополнения давления снизу давлением сверху. Спор сводится, следовательно, именно к вопросу, поставленному нами в подзаголовке: только снизу, или и снизу и сверху? Принципиально недопустимо для пролетариата в эпоху демократической революции давление сверху, «из чертогов временного правительства», говорят одни. Принципиально недопустимо пролетариату в эпоху демократической революции безусловно отказываться от давления сверху, от участия во временном революционном правительстве, говорят другие. Речь идет, таким образом, не о том, вероятно ли при данной кон'юнктуре, осуществимо ли при таком-то соотношении сил давление сверху. Нет, мы не разбираем теперь совершенно никакой конкретной ситуации, и, в виду неоднократных попыток подменить один спорный вопрос другим, мы усиленно просим читателей иметь это в виду. Перед нами общий принципиальный вопрос о допустимости перехода от давления снизу к давлению сверху в эпоху демократической революции.

Для разъяснения этого вопроса обратимся сначала к истории тактических взглядов основателей научного социализма. Не было ли в этой истории споров именно из-за общего вопроса о допустимости давления сверху? Такой спор был. Повод к нему подало испанское восстание летом 1873 г. Энгельс оценивал те уроки, которые социалистический пролетариат должен извлечь из этого восстания, в статье «Бакунисты за работой», помещенной в 1873 году в немецкой соц.-дем. газете «Volksstaat» и перепечатанной в 1894 году в брошюре «Internationales aus dem Volksstaat». Посмотрим же, какие общие выводы делал Энгельс.

9-го февраля 1873 г. испанский король Амадео отрекся от престола — «первый король, устроивший забастовку», острит Энгельс. 12 февраля была провозглашена республика. В провинциях баскских вспыхнуло затем восстание карлистов. 10 апреля выбрано было Учредительное Собрание, провозгласившее 8 июня федеративную республику. 11-го июня конституировалось новое министерство Пи-и-Маргаль. Крайние республиканцы, так называемые «интрансигенты»

(непримиримые) не попали при этом в комиссию по выработке конституции. И когда, 3-го июля, была провозглашена эта новая конституция, интрансиженты подняли восстание. С 5-го по 11-е июля они победили в провинциях Севилья, Гранада, Алькой, Валенсия и ряде других. Правительство Салмерона, который сменил вышедшего в отставку Пи-и-Маргаля, двинуло военную силу против восставших провинций. Восстание было подавлено после более или менее упорного сопротивления: Кадикс пал 26-го июля 1873 г., Карпагена—11-го января 1874 года. Таковы краткие хронологические данные, предпосылаемые Энгельсом его изложению.

Оценивая уроки события, Энгельс подчеркивает прежде всего, что борьба за республику в Испании отнюдь не была и не могла быть борьбой за социалистический переворот. «Испания,—говорит он,—страна настолько отсталая в промышленном отношении, что там и речи быть не может о немедленном полном освобождении рабочего класса. Прежде чем дело дойдет до этого, Испания необходимо должна пережить еще различные предварительные ступени развития и устранить с пути целый ряд препятствий. Пройти эти предварительные ступени в возможно более короткий промежуток времени, быстро устранить эти препятствия,—таковы были шансы, которые открывала республика. Но использовать эти шансы можно было лишь посредством деятельного политического вмешательства испанского рабочего класса. Масса рабочих чувствовала это; она стремилась повсюду к тому, чтобы участвовать в событиях, чтобы использовать удобный случай для действия, не предоставляя, как до сих пор, свободного поприща для действия и для интриг имущих классов».

Итак, дело шло о борьбе за республику, о демократической, а не социалистической революции. Вопрос о вмешательстве рабочих в события ставился тогда двояко: с одной стороны, бакунисты (или «аллиансисты»,—основатели «аллианса» для борьбы с марксистской «интернациональю») отрицали политическую деятельность, участие в выборах и т. д. С другой стороны, они были против участия в революции, которая не преследует цели немедленного полного освобождения рабочего класса, против всякого участия в революционном правительстве. Вот эта последняя сторона дела и представляет для нас особый интерес с точки зрения нашего спорного вопроса. Эта сторона дела и подала, между прочим, повод к формулировке принциповальной разницы между двумя тактическими лозунгами.

«Бакунисты,—говорит Энгельс,—много лет проповедывали, что всякое революционное действие свер-

ху вниз зловредно, что все должно быть организуемо и проводимо снизу вверх.

Итак, принцип: «только снизу» есть принцип анархический.

Энгельс показывает как раз сугубую нелепость этого принципа в эпоху демократической революции. Из него вытекает естественно и неизбежно тот практический вывод, что учреждение революционных правительств есть измена рабочему классу. И бакунисты делали именно такой вывод, провозглашали именно как принцип, что «учреждение революционного правительства есть новый обман рабочего класса, новая измена рабочему классу».

Как видит читатель, перед нами как раз те два «принципа», до которых договорилась и новая «Искра», именно: 1) допустимо лишь революционное действие снизу в противоположность тактике «и снизу и сверху»; 2) участие во временном революционном правительстве есть измена рабочему классу. Оба эти новоискровские принципа суть принципы анархические. Фактический ход борьбы за республику в Испании показал как раз всю нелепость и всю реакционность этих обоих принципов.

Энгельс показывает это на отдельных эпизодах испанской революции. Вот, например, вспыхивает революция в городе Алькой. Это фабричный город сравнительно нового происхождения с 30 тысячами жителей. Рабочее восстание побеждает, несмотря на руководство бакунистов, принципиально чуравшихся идеи организовать революцию. Бакунисты стали задним числом хвастать, что они оказались «господами положения». И что же сделали эти «господа» из своего «положения», спрашивает Энгельс. Во-первых, они основали в Алькой «комитет благосостояния», т.-е. революционное правительство. Между тем эти самые аллиансисты (бакунисты) на своем конгрессе 15 сентября 1872 года, т.-е. всего за десять месяцев до революции, постановили: «всякая организация политической, так называемой временной или революционной власти может быть лишь новым обманом и оказалась бы столь же опасной для пролетариата, как все ныне существующие правительства». Вместо опровержения этих анархических фраз, Энгельс ограничивается саркастическим замечанием, что как раз сторонникам революции пришлось стать «участниками этой временной и революционной правительственной власти» в Алькой. Энгельс третирует этих господ с заслуженным ими презрением за то, что они обнаружили, оказавшись у власти, «абсолютную беспомощность, растерянность и неэнергичность». Энгельс с таким же презрением ответил бы на обвинения в «якобинизме», излюбленные жирондистами со-

циал-демократии. Он показывает, что в ряде других городов, напр., в Сан-Люкар-де-Баррамеда (портовой город с 26 тыс. жителей, около Кадикса) «аллиансистам тоже пришлось, вопреки их анархическим принципам, образовать революционное правительство». Он упрекает их за то, что они «не знали, что делать с своей властью». Прекрасно зная, что бакунистские вожди рабочих участвовали во временных правительствах вместе с интрансидентами, т.-е. вместе с республиканцами, представителями мелкой буржуазии, Энгельс ставит в упрек бакунистам не их участие в правительстве (как это следовало бы сделать по «принципам» новой «Искры»), а недостаток организованности, недостаток энергии участия, подчинение их руководству господ буржуазных республиканцев. Какими уничтожающими сарказмами осыпал бы Энгельс людей, принижающих в эпоху революции значение «технического» и военного руководства, видно, между прочим, из того, что Энгельс упрекал бакунистских вождей рабочих за то, что они, попав в революционное правительство, предоставляли «политическое и военное руководство» господам буржуазным республиканцам, а сами кормили рабочих пышными фразами, да бумажными проектами «социальных реформ».

Как настоящий якобинец социал-демократии, Энгельс не только умел ценить важность действия сверху, не только вполне допускал участие в революционном правительстве вместе с республиканской буржуазией, но требовал такого участия и энергичной военной инициативы революционной власти. Энгельс считал своим долгом при этом давать практически руководящие военные советы.

«Несмотря на то,—говорит он,—что восстание было начато бессмысленно, оно имело все же большие шансы на успех, если бы оно было направляемо хоть с капелькой смысла ¹⁾, хотя бы даже по образцу испанских военных бунтов. При таких бунтах поднимается гарнизон одного города, двигается в соседний город, увлекает за собой его гарнизон, распропагандированный уже ранее, и, таким образом, повстанцы, возрастая в числе, подобно лавине, идут на столицу, пока счастливое сражение или переход посланных против них войск на их сторону не решит победы. Этот способ был в особенности удобоприменим в данном случае. Инсургенты были давно уже организованы повсюду в добровольческие батальоны;

¹⁾ Wäre er nur mit einigem Verstand geleitet worden. Бедный Энгельс! Жаль, что незнаком он с новой „Искрой“! Тогда он не знал бы о гибельности, зловредности, утопичности, буржуазности, технической односторонности и заговорщической узости „якобинской“ идеи о проведении (geleitet werden) восстания!

правда, дисциплина в них была жалкая, но во всяком случае не хуже, чем в остатках старой, большей частью распущенной, испанской армии. Единственными надежными войсками у правительства были жандармы, но они были рассеяны по всей стране. Задача состояла, прежде всего, в том, чтобы помешать этим жандармам стянуться вместе, а это было возможно лишь посредством наступательного образа действий и при смелом выступлении на бой в открытом поле. Большой опасности такой образ действий не представлял, потому что правительство могло выставить против добровольцев лишь столь же недисциплинированные войска, как и сами эти добровольцы. И кто хотел победить, у того не было иных путей к победе».

Вот как рассуждал основатель научного социализма, когда ему приходилось иметь дело с задачами восстания и непосредственной борьбы в эпоху революционного взрыва! Несмотря на то, что восстание было поднято мелко-буржуазными республиканцами; несмотря на то, что для пролетариата не стоял вопрос ни о социалистическом перевороте, ни об элементарно-необходимой политической свободе; несмотря на это, Энгельс страшно высоко ценил активнейшее участие рабочих в борьбе за республику; Энгельс требовал от вождей пролетариата, чтобы они всю свою деятельность подчинили необходимости победы в начавшейся борьбе; Энгельс входил при этом и сам, как один из вождей пролетариата, даже в детали военной организации; Энгельс не пренебрегал, раз это нужно было для победы, и устаревшими способами борьбы военных бунтов; Энгельс во главу угла ставил наступательный образ действий и централизацию революционных сил. Самые горькие упреки направлял он против бакунистов за то, что они возвели в принцип «то, что было неизбежным злом в эпоху немецкой крестьянской войны и во время майских восстаний в Германии в 1849 году, именно раздробленность и обособленность революционных сил, позволившие одним и тем же правительственным войскам подавлять одно отдельное восстание за другим». Взгляды Энгельса на проведение восстания, на организацию революции, на использование революционной власти, как небо от земли, отличаются от хвостистских взглядов новой «Искры».

Подводя итог урокам испанской революции, Энгельс отмечает, прежде всего, что «бакунисты оказались вынужденными, как только они очутились перед серьезным революционным положением, выбросить за борт всю свою прежнюю программу». Именно, во-первых, пришлось выбросить за борт принцип воздержания от политической деятельности, от выборов, принцип «уничтожения государства». Во-вторых, «они выбросили за борт тот принцип,

что рабочие не должны участвовать ни в какой революции, которая не преследует цели немедленного полного освобождения пролетариата, они участвовали сами в движении заведомо чисто буржуазном». В-третьих,—и этот вывод дает ответ как раз на наш спорный вопрос—«они попирали только что провозглашенный ими самими принцип: будто учреждение революционного правительства есть лишь новый обман и новая измена рабочему классу,—они попирали его, преспокойно заседаая в правительственных комитетах отдельных городов и притом почти везде как бессильное меньшинство, майоризируемое господами буржуа и политически эксплуатируемое ими». Не умея руководить восстанием, раздробляя революционные силы вместо централизации их, уступая проведение революции господам буржуа, распуская прочную и крепкую организацию интернационала, «бакунисты дали нам в Испании неподражаемый образец того, как не следует делать революцию».

* * *

Суммируя вышеизложенное, получаем следующие выводы:

1) Принципиально ограничивать революционное действие давлением снизу и отказываться от давления также и сверху есть анархизм.

2) Кто не понимает новых задач в эпоху революции, задач действия сверху, кто не умеет определять условия и программу такого действия, тот понятия не имеет о задачах пролетариата во всякой демократической революции.

3) Тот принцип, что для социал-демократии недопустимо участвовать вместе с буржуазией во временном революционном правительстве, что всякое такое участие есть измена рабочему классу, есть принцип анархизма.

4) Перед партией пролетариата всякое «серьезное революционное положение» ставит задачу сознательного проведения восстания, организации революции, централизации всех революционных сил, смелого военного наступления, энергичнейшего использования революционной власти.

5) Маркс и Энгельс не могли одобрить и никогда не одобрили бы тактики новой «Искры» в теперешний революционный момент, ибо эта тактика как раз состоит в повторении всех перечисленных выше ошибок. Маркс и Энгельс назвали бы принципиальную позицию новой «Искры» созерцанием «задней» пролетариата и перепевом анархических заблуждений.

В следующей статье мы перейдем к разбору задач временного революционного правительства.

Май 1905 г.

Две тактики социал-демократии в демократической революции.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В революционный момент очень трудно поспеть за событиями, которые дают поразительно много нового материала к оценке тактических лозунгов революционных партий. Настоящая брошюра писана до одесских событий. Мы уже указали в «Пролетарии» (№ 9, «Революция учит»), что эти события заставили даже тех социал-демократов, которые создали теорию восстания-процесса и отрицали пропаганду временного революционного правительства, перейти или начать переходить фактически, на сторону своих оппонентов. Революция учит, несомненно, с такой быстротой и такой основательностью, которые кажутся невероятными в мирные эпохи политического развития. И она учит, что особенно важно, не только руководителей, но и массы.

Не подлежит никакому сомнению, что революция научит рабочие массы в России социал-демократизму. Революция подтвердит на деле программу и тактику социал-демократии, показав настоящую природу различных общественных классов, показав буржуазность нашей демократии и настоящие стремления крестьянства, революционного в буржуазно-демократическом духе, но таящего в себе не идею «социализации», а новую классовую борьбу между крестьянской буржуазией и сельским пролетариатом. Старые иллюзии старого народничества, которые так явно сквозят, например, в проекте программы «партии социалистов-революционеров» и в вопросе о развитии капитализма в России, и в вопросе о демократизме нашего «общества», и в вопросе о значении полной победы крестьянского восстания, все эти иллюзии будут беспощадно и окончательно развеяны революцией. Она даст впервые

настоящее политическое крещение различным классам. Эти классы выйдут из революции с определенной политической физиономией, показав себя не только в программах и тактических лозунгах своих идеологов, но и в открытом политическом действии масс.

Несомненно, что революция научит нас, научит народные массы. Но вопрос для борющейся политической партии состоит теперь в том, сумеем ли мы научить чему-нибудь революцию? сумеем ли мы воспользоваться правильностью нашего социал-демократического учения, свястью нашей с единственным до конца революционным классом, пролетариатом, для того, чтобы наложить на революцию пролетарский отпечаток, чтобы довести революцию до настоящей решительной победы на деле, а не на словах, чтобы парализовать неустойчивость, половинчатость и предательство демократической буржуазии?

К этой цели должны мы направить все свои усилия. А достижение ее зависит, с одной стороны, от правильности нашей оценки политической оппозиции, от верности наших тактических лозунгов, а с другой стороны, от поддержки этих лозунгов реальной боевой силой рабочих масс. К укреплению и расширению связей с массой направлена вся обычная, регулярная, текущая работа всех организаций и групп нашей партии, работа пропаганды, агитации и организации. Эта работа всегда необходима, но в революционный момент она менее, чем когда-либо, может считаться достаточной. В такой момент рабочий класс инстинктивно рвется к открытому революционному выступлению, и мы должны уметь правильно поставить задачи этого выступления, чтобы распространить затем как можно шире знакомство с этими задачами и понимание их. Не надо забывать, что ходячий пессимизм насчет нашей связи с массой прикрывает теперь особенно часто буржуазные идеи относительно роли пролетариата в революции. Несомненно, нам надо еще много и много работать над воспитанием и организацией рабочего класса, но весь вопрос теперь в том где должен лежать главный политический центр тяжести этого воспитания и этой организации? В профессиональных ли союзах и легальных обществах или в вооруженном восстании, в деле создания революционной армии и революционного правительства? И на том и на другом рабочий класс воспитывается и организуется. И то и другое, конечно, необходимо. Весь вопрос теперь, в настоящей революции, сводится, однако, к тому, в чем будет лежать центр тяжести воспитания и организации рабочего класса, в первом или во втором?

Исход революции зависит от того, сыграет ли рабочий класс роль пособника буржуазии, могучего по силе

своего натиска на самодержавие, но бессильного политически, или роль руководителя народной революции. Сознательные представители буржуазии чувствуют это прекрасно. Поэтому-то «Освобождение» и восхваляет акимовщину, «экономизм» в социал-демократии, выдвигающий теперь на первый план профессиональные союзы и легальные общества. Поэтому-то г. Струве и приветствует (№ 72 «Освобождения») принципиальные тенденции акимовщины в новоискровстве. Поэтому-то он и обрушивается на ненавистную революционную узость решений III с'езда Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Правильные тактические лозунги социал-демократии имеют теперь особенно важное значение для руководства массами. Ничего нет более опасного, как принижение значения принципиально выдержанных тактических лозунгов в революционное время. Например, «Искра» в № 104 фактически переходит на сторону своих оппонентов в социал-демократии, но в то же время пренебрежительно отзывается о значении лозунгов и тактических решений, идущих впереди жизни, указывающих путь, по которому движение идет с рядом неудач, ошибок и т. д. Напротив, выработка верных тактических решений имеет гигантское значение для партии, которая хочет в духе выдержанных принципов марксизма руководить пролетариатом, а не только тащиться в хвосте событий. В резолюциях III с'езда Российской Социал-Демократической Рабочей Партии и конференции отколовшейся части партии мы имеем самые точные, самые обдуманые, самые полные выражения тактических взглядов, не случайно высказанных отдельными литераторами, а принятых ответственными представителями социал-демократического пролетариата. Наша партия стоит впереди всех остальных, имея точную и принятую всеми программу. Она должна показать пример остальным партиям и в деле строгого отношения к своим тактическим резолюциям, в противовес оппортунизму демократической буржуазии «Освобождения» и революционной фразе социалистов-революционеров, которые во время революции спохватились выступить с «проектом» программы и заняться впервые вопросом—буржуазная ли революция происходит у них перед глазами.

Вот почему мы считаем самым насущным делом революционной социал-демократии тщательное изучение тактических резолюций III с'езда Российской Социал-Демократической Рабочей Партии и конференции, определение уклонений в них от принципов марксизма, уяснение себе конкретных задач социал-демократического пролетариата в демократической революции. Этой работе и посвящена предлагаемая брошюра. Проверка нашей тактики с точки зре-

нии принципов марксизма и уроков революции необходима и для того, кто хочет реально готовить единство тактики, как основу будущего полного объединения всей Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, а не ограничиваться одними словами увещания.

Июль 1905 г.

1. Насущный политический вопрос.

На очереди дня в переживаемый нами революционный момент стоит вопрос о созыве всенародного Учредительного Собрания. Как решить этот вопрос, мнения расходятся. Намечаются три политические направления. Царское правительство допускает необходимость созыва народных представителей, но не желает ни в каком случае допустить, чтобы их собрание было всенародным и учредительным. Оно как-будто соглашается, если верить газетным известиям о работах Булыгинской комиссии, на совещательное собрание, избранное при отсутствии свободы агитации и при узко-цензурной или узко-сословной системе выборов. Революционный пролетариат, поскольку им руководит социал-демократия, требует полного перехода власти к Учредительному Собранию, добиваясь в этих целях не только всеобщего избирательного права и не только полной свободы агитации, но, кроме того, немедленного низвержения царского правительства и замены его временным революционным правительством. Наконец, либеральная буржуазия, выражающая свои пожелания устами вождей так называемой «конституционно-демократической партии», не требует низвержения царского правительства, не выдвигает лозунга временного правительства, не настаивает на реальных гарантиях того, чтобы выборы были вполне свободны и правильны, чтобы собрание представителей могло стать действительно всенародным и действительно учредительным. По существу дела, либеральная буржуазия, которая одна только является серьезной социальной опорой направления «освобожденцев», добивается возможно более мирной сделки между царем и революционным народом, и притом такой сделки, при которой бы всего больше власти досталось ей, буржуазии, всего менее—революционному народу, пролетариату и крестьянству.

Таково политическое положение в данный момент. Таковы три главные политические направления, соответствующие трем главным социальным силам современной России. О том, как «освобожденцы» прикрывают якобы демократическими фразами свою половинчатую, т. е., говоря пря-

мсе и проще, изменническую, предательскую по отношению к революции политику, мы уже не раз говорили в «Пролетарии» (№№ 3, 4, 5). Посмотрим теперь, как учитывают социал-демократы задачи момента. Превосходным материалом в этом отношении являются две резолюции, принятые совсем недавно III с'ездом Р. С.-Д. Р. П. и «конференцией» отколовшейся части партии. Вопрос о том, какая из этих резолюций правильнее учитывает политический момент и правильнее определяет тактику революционного пролетариата, имеет громадное значение, и всякий социал-демократ, желающий сознательно исполнить свои обязанности пропагандиста, агитатора и организатора, должен со всем вниманием разобраться в этом вопросе, оставив совершенно в стороне соображения, не относящиеся к существу дела.

Под тактикой партии разумеется ее политическое поведение, или характер, направление, способы ее политической деятельности. Тактические резолюции принимаются партийным с'ездом для того, чтобы точно определить политическое поведение партии, как целого, в отношении новых задач или в виду нового политического положения. Такое новое положение создала начавшаяся в России революция, т.-е. полное, решительное и открытое расхождение гигантского большинства народа с царским правительством. Новый вопрос состоит в том, каковы практические способы созыва действительно всенародного и действительно Учредительного Собрания (теоретически вопрос о таком Собрании давно уже и раньше всех других партий решен социал-демократией официально в ее партийной программе). Если народ разошелся с правительством, и массой признана необходимость учредить новый порядок, то партия, поставившая себе целью свергнуть правительство, необходимо должна подумать о том, каким правительством заменить старое, свергаемое правительство. Возникает новый вопрос о временном революционном правительстве. Чтобы дать полный ответ на этот вопрос, партия сознательного пролетариата должна выяснить, во-первых, значение временного революционного правительства в происходящей революции и во всей борьбе пролетариата вообще; во-вторых, свое отношение к временному революционному правительству; в-третьих, точные условия участия с.-д. в этом правительстве; в-четвертых, условия давления на это правительство снизу, т.-е. при отсутствии в нем социал-демократии. Только при выяснении всех этих вопросов политическое поведение партии в данном отношении будет принципиальное, ясное и твердое.

Посмотрим же, как разрешает эти вопросы резолюция III с'езда Р. С.-Д. Р. П. Вот ее полный текст:

«Резолюция о временном революционном правительстве.

Принимая во внимание:

1) что как непосредственные интересы пролетариата, так и интересы его борьбы за конечные цели социализма требуют возможно более полной политической свободы, а, следовательно, замены самодержавной формы правлений демократической республикой;

2) что осуществление демократической республики в России возможно лишь в результате победоносного народного восстания, органом которого явится временное революционное правительство, единственно способное обеспечить полную свободу предвыборной агитации и созвать, на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права с тайной подачей голосов, Учредительное Собрание, действительно выражающее волю народа;

3) что этот демократический переворот в России, при данном общественно-экономическом ее строе, не ослабит, а усилит господство буржуазии, которая неминуемо попытается в известный момент, не останавливаясь ни перед чем, отнять у российского пролетариата возможно большую часть завоеваний революционного периода,—

III съезд Р. С.-Д. Р. П. постановляет:

а) необходимо распространять в рабочем классе конкретное представление о наиболее вероятном ходе революции и о необходимости в известный ее момент появления временного революционного правительства, от которого пролетариат потребует осуществления всех ближайших политических и экономических требований нашей программы (программа-минимум);

б) в зависимости от соотношения сил и других факторов, не поддающихся точному предварительному определению, допустимо участие во временном революционном правительстве уполномоченных нашей партии, в целях беспощадной борьбы со всеми контр-революционными попытками и отстаивания самостоятельных интересов рабочего класса;

в) необходимым условием такого участия ставится строгий контроль партии над ее уполномоченными и неуклонное охранение независимости социал-демократии, стремящейся к полному социалистическому перевороту и постольку непримиримо враждебной всем буржуазным партиям;

г) независимо от того, возможно ли будет участие социал-демократии во временном революционном правительстве, следует пропагандировать в самых широких слоях пролетариата идею необходимости постоянного давления на временное правительство со стороны вооруженного и руководимого социал-демократией пролетариата в целях охраны, упрочения и расширения завоеваний революции».

2. Что дает нам резолюция III с'езда Р. С.-Д. Р. П. о временном революционном правительстве?

Резолюция III с'езда Р. С.-Д. Р. П., как видно из ее названия, посвящена всецело и исключительно вопросу о временном революционном правительстве. Это значит, что участие с.-д. во временном революционном правительстве входит сюда, как часть вопроса. С другой стороны, речь идет только о временном революционном правительстве, ни о чем другом; следовательно, сюда не входит совершенно вопрос хотя бы о «завоевании власти» вообще и т. п. Правильно ли поступил с'езд, отстранив этот последний и подобные вопросы? Несомненно, правильно, ибо таких вопросов политическое положение России отнюдь не выдвигает на очередь дня. Наоборот, всем народом поставлено на очередь свержение самодержавия и созыв Учредительного Собрания. С'ездам партии следует ставить на разрешение не те вопросы, которых коснулся кстати или некстати тот или иной литератор, а те, которые имеют серьезное политическое значение в силу условий момента и вследствие объективного хода общественного развития.

Какое значение в теперешней революции и в общей борьбе пролетариата имеет временное революционное правительство? Резолюция с'езда разъясняет это, указывая в самом начале на необходимость «возможно более полной политической свободы» и с точки зрения непосредственных интересов пролетариата и с точки зрения «конечных целей социализма». А полная политическая свобода требует замены царского самодержавия демократической республикой, как признано уже нашей партийной программой. Подчеркивание лозунга демократической республики в резолюции с'езда необходимо логически и принципиально, ибо пролетариат, как передовой борец за демократию, добивается именно полной свободы; кроме того, это подчеркивание тем более целесообразно в данный момент, что у нас как раз теперь выступают под флагом «демократизма» монархисты, именно: так наз. конституционно-«демократическая» или «освобожденская» партия. Для учреждения республики безусловно необходимо собрание народных представителей, притом непременно всенародное (на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права с тайной подачей голосов) и учредительное. Это и признает резолюция с'езда далее. Но она не ограничивается этим. Чтобы учредить новый порядок, «действительно выражающий волю народа», недостаточно назвать представительное собрание учредительным. Надо, чтобы это собрание имело власть и силу «учреждать». Сознвая это, резолюция с'езда не ограничивается формальным лозунгом «Учредитель-

ного Собрания», а добавляет материальные условия, при которых только и возможно настоящее выполнение этим Собранием своей задачи. Такое указание условий, при которых учредительное на словах собрание может стать учредительным на деле, необходимо настоятельно, ибо либеральная буржуазия, в лице конституционно-монархической партии, заведомо извращает, как мы уже не раз указывали, лозунг Всенародного Учредительного Собрания, сводя его к пустой фразе.

Резолюция с'езда говорит, что обеспечить полную свободу предвыборной агитации и созвать собрание, действительно выражающее волю народа, способно единственно временное революционное правительство, пригом такое, которое бы являлось органом победоносного народного восстания. Верно ли это положение? Кто вздумал бы оспорить его, тот должен утверждать, что царское правительство может не тянуть руку реакции, что оно способно быть нейтральным при выборах, что оно может заботиться о действительном выражении воли народа. Подобные утверждения настолько нелепы, что открыто их никто не станет защищать, но тайком их провозят, под либеральным флагом, именно наши освобожденцы. Учредительное Собрание должен кто-нибудь созвать; свободу и правильность выборов должен кто-нибудь обеспечить; силу и власть этому Собранию кто-нибудь должен целиком вручить: только революционное правительство, являющееся органом восстания, может вполне искренно хотеть этого и быть в силах все сделать для осуществления этого. Царское правительство неизбежно будет противодействовать этому. Либеральное правительство, вошедшее в сделку с царем и не опирающееся целиком на народное восстание, не способно ни искренно хотеть этого, ни осуществить этого, даже при самом искреннем желании. Резолюция с'езда дает, следовательно, единственно правильный и вполне последовательный демократический лозунг.

Но оценка значения временного революционного правительства была бы не полна и не верна, если бы был упущен из виду классовый характер демократического переворота. Резолюция добавляет поэтому, что переворот усилит господство буржуазии. Это неизбежно при данном, т.-е. капиталистическом, общественно-экономическом строе. А результатом усиления господства буржуазии над сколько-нибудь свободным политически пролетариатом неизбежно должна быть отчаянная борьба между ними за власть, должны быть отчаянные попытки буржуазии «отнять у пролетариата завоевания революционного периода». Борясь за демократию впереди всех и во главе всех, пролетариат ни на минуту не должен забывать поэтому о таящихся в недрах

буржуазной демократии новых противоречиях и о новой борьбе.

Значение временного революционного правительства оценено, таким образом, в рассмотренной нами части резолюции вполне: и в его отношении к борьбе за свободу и за республику, и в его отношении к Учредительному Собранию, и в его отношении к демократическому перевороту, очищающему почву для новой классовой борьбы.

Спрашивается далее, какова должна быть позиция пролетариата вообще по отношению к временному революционному правительству? Резолюция съезда отвечает на это: прежде всего, прямым советом партии распространять в рабочем классе убеждение в необходимости временного революционного правительства. Рабочий класс должен сознать эту необходимость. В то время, как «демократическая» буржуазия оставляет в тени вопрос о низвержении царского правительства, мы должны выдвигать его на первое место и настаивать на необходимости временного революционного правительства. Мало того, мы должны указать программу действий этого правительства, соответствующую объективным условиям переживаемого исторического момента и задачам пролетарской демократии. Эта программа есть вся программа-минимум нашей партии, программа ближайших политических и экономических преобразований, вполне осуществимых, с одной стороны, на почве данных общественно-экономических отношений и необходимых, с другой стороны, для дальнейшего шага вперед для осуществления социализма.

Таким образом, резолюция выясняет вполне характер и цель временного революционного правительства. По своему происхождению и основному характеру, это правительство должно быть органом народного восстания. По своему формальному назначению, оно должно быть орудием созыва Всенародного Учредительного Собрания. По содержанию его деятельности, оно должно осуществить программу-минимум пролетарской демократии, как единственно способную обеспечить интересы восставшего против самодержавия народа.

Могут возразить, что временное правительство, будучи временным, не может проводить положительной программы, еще не одобренной всем народом. Такое возражение было бы лишь софизмом реакционеров и «самодержавщиков». Не проводить никакой положительной программы значит терпеть существование крепостнических порядков прогнившего самодержавия. Терпеть такие порядки могло бы лишь правительство изменников делу революции, а не правительство, являющееся органом народного восстания. Было бы насмешкой, если бы кто-либо предложил отказаться от осу-

ствления на деле свободы собраний впредь до признания этой свободы Учредительным Собранием,—под тем предлогом, что Учредительное Собрание может еще и не признать свободы собраний! Такой же насмешкой является возражение против немедленного осуществления программы-минимум временным революционным правительством.

Заметим, наконец, что, ставя задачей временного революционного правительства осуществление программы-минимум, резолюция тем самым устраняет нелепые полуанархические мысли о немедленном осуществлении программы-максимум, о завоевании власти для социалистического переворота. Степень экономического развития России (условие об'ективное) и степень сознательности и организованности широких масс пролетариата (условие суб'ективное, неразрывно связанное с об'ективным) делают невозможным немедленное полное освобождение рабочего класса. Только самые невежественные люди могут игнорировать буржуазный характер происходящего демократического переворота;—только самые наивные оптимисты могут забывать о том, как еще мало знает масса рабочих о целях социализма и способах его осуществления. А мы все убеждены, что освобождение рабочих может быть делом только самих рабочих; без сознательности и организованности масс, без подготовки и воспитания их открытой классовой борьбы со всей буржуазией о социалистической революции не может быть и речи. И в ответ на анархические возражения, будто мы откладываем социалистический переворот, мы скажем: мы не откладываем его, а делаем первый шаг к нему единственно возможным способом по единственно верной дороге, именно по дороге демократической республики. Кто хочет идти к социализму по другой дороге, помимо демократизма политического, тот неминуемо приходит к нелепым и реакционным, как в экономическом так и в политическом смысле, выводам. Если те или другие рабочие спросят нас в соответствующий момент: почему бы не осуществить нам программы-максимум, мы ответим им указанием на то, как чужды еще социализму демократически настроенные массы народа, как неразвиты еще классовые противоречия, как неорганизованы еще пролетарии. Организуйте-ка сотни тысяч рабочих по всей России, распространите сочувствие своей программе среди миллионов! Попробуйте сделать это, не ограничиваясь звонками, но пустыми анархическими фразами,—и вы увидите тотчас же, что осуществление этой организации, что распространение этого социалистического просвещения зависит от возможно более полного осуществления демократических преобразований.

Пойдем дальше. Раз выяснено значение временного революционного правительства и отношение к нему пролета-

риата, возникает следующий вопрос: допустимо ли и при каких условиях наше участие в нем (действие сверху)? Каково же должно быть наше действие снизу? Революция дает точные ответы на оба эти вопроса. Она решительно заявляет, что в принципе участие социал-демократии во врем. рев. правительстве (в эпоху демократического переворота, в эпоху борьбы за республику) допустимо. Этим заявлением мы бесповоротно отделяем себя и от анархистов, отвечающих на этот вопрос принципиально в отрицательном смысле, и от хвостистов социал-демократии (в роде Мартынова и новоискровцев), пугавших нас перспективой такого положения, когда это участие могло бы оказаться для нас необходимым. Этим заявлением III съезд Р. С.-Д. Р. П. бесповоротно отверг ту мысль новой «Искры», будто участие соц.-дем. во временном революционном правительстве есть разновидность мильеранизма, будто это недопустимо принципиально, как освящение буржуазного порядка и т. д.

Но вопрос о принципиальной допустимости, само собою разумеется, не решает еще вопроса о практической целесообразности. При каких условиях этот новый вид борьбы, борьбы «сверху», признанный съездом партии, является целесообразным? Само собою разумеется, что о конкретных условиях, в роде соотношения сил и т. п., говорить теперь нет возможности, и резолюция, естественно, отказывается от предварительного определения этих условий. Ни один разумный человек не возьмется предсказывать что-либо насчет интересующего нас вопроса в настоящий момент. Можно и должно определить характер и цель нашего участия. Резолюция и делает это, указывая две цели участия: 1) беспощадную борьбу с контр-революционными попытками и 2) отстаивание самостоятельных интересов рабочего класса. В то время как либеральные буржуа начинают усердно разговаривать о психологии реакции (см. поучительнейшее «Открытое письмо» г. Струве в № 71 «Освобождения»), стараясь запугать революционный народ и побудить его к уступчивости по отношению к самодержавию,—в это время особенно уместно со стороны партии пролетариата напомнить о задаче настоящей войны с контр-революцией. Великие вопросы политической свободы и классовой борьбы решает, в последнем счете, только сила, и мы должны заботиться о подготовке, организации этой силы и об активном, не только оборонительном, но и наступательном употреблении ее. Долгая эпоха политический реакции, царящей в Европе почти непрерывно со времен Парижской Коммуны, слишком сроднила нас с мыслью о действии только «снизу», слишком приучила нас наблюдать борьбу только оборонительную. Мы вступили теперь, не-

сомненно, в новую эпоху; начался период политических потрясений и революций. В такой период, какой переживается Россией, непозволительно ограничиваться старым шаблоном. Надо пропагандировать идею о действии сверху, надо готовиться к самым энергичным, наступательным действиям, надо изучать условия и формы таких действий. Из таких условий резолюция съезда выдвигает на первый план два: одно касается формальной стороны участия соц.-дем. во временном революционном правительстве (строгий контроль партии за ее уполномоченными), другое—самого характера этого участия (ни на минуту не упускать из виду цели полного социалистического переворота).

Выяснив, таким образом, со всех сторон политику партии при действии «сверху»,—этом новом, почти невиданном доселе способе борьбы,—резолюция предусматривает и тот случай, когда сверху действовать нам не удастся. Действовать снизу на временное революционное правительство мы обязаны во всяком случае. Для такого давления снизу пролетариат должен быть вооружен,—ибо в революционный момент дело доходит особенно быстро до прямой гражданской войны,—и руководим социал-демократией. Цель его вооруженного давления—«охрана, упрочение и расширение завоеваний революции»; т. е. тех завоеваний, которые, с точки зрения интересов пролетариата, должны состоять в осуществлении всей нашей программы-минимум.

Этим мы закончим краткий разбор резолюции III съезда о временном революционном правительстве. Как видит читатель, резолюция эта выясняет и значение нового вопроса, и отношение к нему партии пролетариата, и политику партии как изнутри временного революционного правительства, так и извне его.

Посмотрим теперь на соответствующую резолюцию «конференции».

3. Что такое «решительная победа революции над царизмом»?

Резолюция «конференции» посвящена вопросу «о завоевании власти и участия во временном правительстве». Уже в этой постановке вопроса кроется, как мы указывали, путаница. С одной стороны, вопрос ставится узко: только о нашем участии во временном правительстве, а не вообще о задачах партии по отношению к временному революционному правительству. С другой стороны, смешиваются два совершенно разнородных вопроса: о нашем участии в одной из стадий демократического переворота и о социалистическом перевороте. В самом деле, «завоевание власти» социал-демократией есть именно социалистический пе-

революция и не может быть ничем иным, если употреблять эти слова в их прямом и обычном значении. А если понимать их в смысле завоевания власти не для социалистического, а для демократического переворота, то тогда какой смысл говорить не только об участии во временном революционном правительстве, но и о «завоевании власти» вообще? Очевидно, наши «конференции» сами хорошенько не знали, о чем собственно им следует говорить: о демократическом или о социалистическом перевороте. Кто следил за литературой вопроса, тот знает, что начало этой путаницы положил тов. Мартынов в его знаменитых «Двух диктатурах»: новоискровцы неохотно вспоминают о постановке вопроса, данной (еще до 9-го января) в этом образцово-хвостистском произведении, но его идейное влияние на конференцию не подлежит сомнению.

Но оставим в стороне заглавие резолюции. Ее содержание показывает нам ошибки несравненно более глубокие и серьезные. Вот первая часть ее:

«Решительная победа революции над царизмом может быть ознаменована либо учреждением временного правительства, вышедшего из победоносного народного восстания, либо революционной инициативой того или иного представительного учреждения, решающего, под непосредственным революционным давлением народа, организовать Всенародное Учредительное Собрание».

Итак, нам говорят, что решительной победой революции над царизмом может быть и победоносное восстание и... решение представительного учреждения организовать Учредительное Собрание! Что это? Как это? Решительная победа может быть ознаменована «решением» организовать Учредительное Собрание?? И такая «победа» ставится рядом с учреждением временного правительства, «вышедшего из победоносного народного восстания»!! Конференция не заметила, что победоносное народное восстание и учреждение временного правительства означает победу революции на деле, а «решение» организовать Учредительное Собрание означает победу революции лишь на словах.

Конференция меньшевиков-новоискровцев впала в ту самую ошибку, в которую постоянно впадают либералы, освободенцы. Освободенцы фразерствуют об «Учредительном» Собрании, стыдливо закрывая глаза на сохранение силы и власти в руках царя, забывая, что для «учреждения» нужно иметь силу учредить. Конференция тоже забыла, что от «решения» каких угодно представителей до осуществления этого решения еще далеко. Конференция забыла, что пока власть остается в руках царя, любые решения каких угодно представителей останутся такой же

пустой и жалкой болтовней, какой оказались «решения» знаменитого в истории германской революции 1848 года франкфуртского парламента. Представитель революционного пролетариата, Маркс, в своей «Новой Рейнской Газете» за то и бичевал беспощадными сарказмами франкфуртских либеральных «освобожденцев», что они говорили хорошие слова, принимали всякие демократические «решения», «учреждали» всякие свободы, а на деле оставляли власть в руках короля, не организовали вооруженной борьбы с военной силой, бывшей в распоряжении короля. И пока франкфуртские освобожденцы болтали, — король выждал время, укрепил свои военные силы, и контр-революция, опираясь на реальную силу, разбила на-голову демократов со всеми их прелестными «решениями».

Конференция приравняла к решительной борьбе то, в чем как раз не достает решительного условия победы. Каким образом могли социал-демократы, признающие республиканскую программу нашей партии, впасть в эту ошибку? Чтобы понять это странное явление, надо обратиться к резолюции III с'езда об отколовшейся части партии. В этой резолюции указывается на переживание в нашей партии разных «родственных экономизму» течений. Наши «конференты» (не даром, верно, они находятся под идейным руководством Мартынова) рассуждают о революции совершенно в том же духе, как экономисты рассуждали о политической борьбе или 8-часовом рабочем дне. Экономисты сейчас же пускали в ход «теорию стадий»: 1) борьба за права; 2) политическая агитация; 3) политическая борьба, — или 1) 10-часовой рабочий день, 2) 9-часовой, 3) 8-часовой. Какие результаты получились от этой «тактики-процесса», всем достаточно известно. Теперь нам предлагают и революцию наперед разделить хорошенечко на стадии: 1) царь созывает представительное учреждение; 2) это представительное учреждение «решает» под давлением «народа» организовать Учредительное Собрание; 3) ...о третьей стадии меньшевики еще не столкнувались; они забыли, что революционное давление народа встречает контр-революционное давление царизма и что поэтому либо «решение» остается неосуществленным, либо дело решает опять таки победа или поражение народного восстания. Резолюция конференции точь в точь похожа на такое рассуждение экономистов: решительная победа рабочих может быть ознаменована либо революционным осуществлением 8-часового рабочего дня, либо дарованием десятичасового рабочего дня и «решением» перейти к девятичасовому. Точь в точь то же самое.

Нам могут возразить, пожалуй, что авторы резолюции не имели в виду приравнять победу восстания к «ре-

шению» представительного учреждения, созванного царем, что они хотели лишь предусмотреть тактику партии в том и в другом случае. Мы ответим на это: 1) текст резолюции прямо и недвусмысленно называет «решительной победой революции над царизмом» решение представительного учреждения. Может быть, это результат небрежной редакции, может быть, ее можно бы исправить на основании протоколов, но пока она не исправлена, смысл этой редакции может быть только один, и смысл этот всецело освободительский. 2) «Освободительский» ход мысли, в который впали авторы резолюции, еще несравненно рельефнее выступает в других литературных произведениях новоискровцев. Например, в органе Тифлисского комитета: «Социал-Демократ» (на грузинском языке; расхвален «Искрой» в № 10), статья «Земский Собор и наша тактика», договаривается прямо до того, что «тактика», «избирающая центром нашего действия Земский Собор» (о созыве которого, добавим, от себя, мы еще ничего точного не знаем!), «выгоднее для нас», чем «тактика» вооруженного восстания и учреждения временного революционного правительства. Мы ниже еще вернемся к этой статье. 3) Нельзя ничего иметь против предварительного обсуждения тактики партии и на случай победы революции и на случай поражения ее, и на случай успеха восстания и на тот случай, если восстание не сможет разгореться в серьезную силу. Возможно, что царскому правительству удастся созвать представительное собрание в целях сделки с либеральной буржуазией,—резолюция III съезда, предусматривая это, говорит прямо о «лицемерной политике», о «псевдодемократизме», о «карикатурных формах народного представительства в роде так называемого Земского Собора». Но в том-то и дело, что это говорится не в резолюции о временном революционном правительстве, ибо к временному революционному правительству это не имеет отношения. Этот случай отодвигает проблему восстания и учреждения временного революционного правительства, видоизменяет ее и т. д. Речь же идет теперь не о том, что возможны всякие комбинации, что возможна и победа и поражение, и прямые пути и окольные,—речь идет о том, что непозволительно социал-демократу вносить путаницу в представление рабочих о действительно революционном пути, что непозволительно по-освободительски называть решительной победой то, в чем не достает основного условия победы. Возможно, что и восьмичасовой рабочий день мы получим не сразу, а лишь долгим окольным путем, но что вы скажете о человеке, который победой рабочих назовет такое бессилие, такую слабость пролетариата, при которых он не в силах будет помешать проволочкам, отсрочкам, торгашеству, измене и ре-

акции? Возможно, что русская революция кончится «конституционным выкидышем», как сказал однажды «Вперед», но разве это может оправдать социал-демократа, который бы накануне решительной борьбы стал называть этот выкидыш «решительной победой над царизмом»? Возможно на худой конец, что не только республики мы не завоеуем, но и конституция-то будет призрачная, «шиповская», но разве извинительно было бы со стороны социал-демократа затушевывание нашего республиканского лозунга?

Конечно, до затушевывания его новоискрывцы еще не дошли. Но до какой степени отлетел от них революционный дух, до какой степени безжизненное резонерство заслонило от них боевые задачи момента, это особенно наглядно видно из того, что в своей резолюции они как раз позабыли сказать о республике! Это невероятно, но это факт. Все лозунги социал-демократии подтверждены, повторены, разъяснены, детализированы в разных резолюциях конференции, не забыт даже выбор рабочими по заведениям старост и депутатов,—не нашлось только случая в резолюции о врем. рев. правительстве вспомнить о республике. Говорить о «победе» народного восстания, об учреждении врем. правительства и не указать отношение этих «шагов» и актов к завоеванию республики—значит писать резолюцию не для руководства борьбой пролетариата, а для кивания в хвосте пролетарского движения.

Итог: первая часть резолюции: 1) совершенно не выяснила значения врем. рев. правительства с точки зрения борьбы за республику и обеспечения действительно Все-народного и действительно Учредительного Собрания; 2) внесла прямую путаницу в демократическое сознание пролетариата, приравнивая к решительной победе революции над царизмом такое положение дел, когда как раз не достаёт еще основного условия для настоящей победы.

4. Ликвидация монархического строя и республика.

Перейдем к следующей части резолюции:

«...И в том и в другом случае такая победа послужит началом новой фазы революционной эпохи.

«Задачей, которая стихийным образом ставится этой новой фазе объективными условиями общественного развития, является окончательная ликвидация всего сословно-монархического режима в процессе взаимной борьбы между элементами политически освобожденного буржуазного общества за осуществление своих социальных интересов и за непосредственное обладание властью.

«Поэтому и временное правительство, которое взяло бы на себя осуществление задач этой, по своему историче-

скому характеру, буржуазной революции, должно было бы, регулируя взаимную борьбу между противоположными классами освобождающейся нации, не только двигать вперед революционное развитие, но и бороться против тех его факторов, которые угрожают основам капиталистического строя».

Остановимся на этой части, которая представляет из себя самостоятельный отдел резолюции. Основная мысль, выписанных нами рассуждений совпадает с той, которая изложена в 3 пункте с'ездовской резолюции. Но при сличении обеих резолюций в этой их части сразу бросается в глаза следующее коренное различие между ними. Резолюция с'езда, в двух словах характеризуя общественно-экономическую основу революции, все внимание переносит на резко определенную борьбу классов из-за определенных завоеваний и на первый план выдвигает боевые задачи пролетариата. Резолюция конференции, длинно, туманно и путано описывая общественно-экономическую основу революции, очень неясно говорит о борьбе за определенные завоевания и абсолютно оставляет в тени боевые задачи пролетариата. Резолюция конференции говорит о ликвидации старого порядка в процессе взаимной борьбы между элементами общества. Резолюция с'езда говорит, что мы, партия пролетариата, должны произвести эту ликвидацию, что настоящая ликвидация есть только учреждение демократической республики, что эту республику мы должны завоевать, что мы будем бороться за нее и за полную свободу не только с самодержавием, но и с буржуазией, когда она будет (а она непременно будет) пытаться отнять у нас наши завоевания. Резолюция с'езда зовет на борьбу определенный класс за точно определенную ближайшую цель. Резолюция конференции рассуждает о взаимной борьбе разных сил. Одна резолюция выражает психологию активной борьбы, другая—пассивного зрительства, одна проникнута призывом к живой деятельности, другая—мертвенным резонерством. Обе резолюции заявляют, что происходящий переворот для нас только первый шаг, за которым пойдет второй, но отсюда одна резолюция делает тот вывод, что надо тем скорее пройти этот первый шаг, тем скорее ликвидировать его, завоевать республику, беспощадно раздавить контр-революцию и создать почву для второго шага. А другая резолюция, так сказать, истекает в многоречивых описаниях этого первого шага и (простите за вульгарное выражение) сосет мысли по поводу него.

Резолюция с'езда берет старые и вечно новые мысли марксизма (о буржуазном характере демократического переворота), как предисловие или первую посылку для выводов о передовых задачах передового класса, борющегося

и за демократический и за социалистический переворот. Резолюция конференции так и остается при одном предисловии, жуя его и умничая по поводу него.

Это различие и есть как раз то самое различие, которое издавна разбивает русских марксистов на два крыла: резонерское и боевое крыло, в былые времена легального марксизма, экономическое и политическое в эпоху начинающегося массового движения. Из верной посылки марксизма о глубоких экономических корнях классовой борьбы вообще и политической борьбы в особенности экономисты делали тот оригинальный вывод, что надо повернуться спиной к политической борьбе и задерживать ее развитие, суживать ее размах, приижать ее задачи. Политики, наоборот, делали из тех же посылок иной вывод, именно: что чем глубже теперь корни нашей борьбы, тем шире, смелее, решительнее и инициативнее должны мы вести эту борьбу. В иной обстановке, в видоизмененной форме перед нами и теперь тот же спор. Из тех посылок, что демократический переворот огнюдь еще не есть социалистический, что он «интересует» огнюдь не одних только неимущих, что его глубочайшие корни лежат в неотвратимых нуждах и потребностях всего буржуазного общества в целом,—из этих посылок мы делаем вывод, что тем смелее должен передовой класс ставить свои демократические задачи, тем резче должен он догваривать их до конца, выставлять непосредственный лозунг республики, пропагандировать идею о необходимости временного революционного правительства и беспощадно раздавить контр-революцию. А наши оппоненты, новоискровцы, делают из этих же посылок то заключение, что не следует догваривать до конца демократических выводов, что можно среди практических лозунгов и не выставлять республики, что позволительно не пропагандировать идеи о необходимости временного революционного правительства, что решительной победой можно назвать и решение о созыве Учредительного Собрания, что задачу борьбы с контр-революцией можно не выдвигать, как нашу активную задачу, а потопить ее в туманной (и неправильно формулированной, как мы сейчас увидим) ссылке на «процесс взаимной борьбы». Это не язык политических деятелей, это—язык каких-то архивных заседателей!

И чем внимательнее вы рассмотрите отдельные формулировки новоискровской резолюции, тем нагляднее выступят перед вами указанные основные ее особенности. Нам, говорят, напр., о «процессе взаимной борьбы между элементами политически освобожденного буржуазного общества». Памятуя тему, на которую резолюция писалась (временное революционное правительство), мы с недоумением спрашиваем: если уже говорить о процессе взаимной

борьбы, то как же можно умолчать об элементах политически поработавших буржуазное общество? Думают ли «конференцы», что раз они предположили победу революции, то такие элементы уже исчезли? Подобная мысль была бы абсурдом вообще и величайшей политической наивностью, политической близорукостью в частности. После победы революции над контр-революцией, контр-революция не исчезнет, а, напротив, неизбежно начнет новую, еще более отчаянную борьбу. Посвящая свою резолюцию разбору задач при победе революции, мы обязаны громадное внимание уделить задачам отражения контр-революционного натиска (как это и сделано в резолюции съезда), а не топить эти ближайшие, насущные, злободневные, политические задачи боевой партии в общих рассуждениях о том, что будет после теперешней революционной эпохи, что будет тогда, когда будет уже налицо «политически освобожденное общество». Как экономисты ссылками на общие истины о подчинении политики экономике прикрывали свое непонимание злободневных политических задач, так новискровцы своими ссылками на общие истины о борьбе внутри политически освобожденного общества прикрывают свое непонимание злободневных революционных задач политического освобождения этого общества.

Возьмите выражение: «окончательная ликвидация всего сословно-монархического режима». На русском языке окончательная ликвидация монархического строя называется учреждением демократической республики. Но нашему доброму Мартынову и его поклонникам такое выражение кажется слишком простым и ясным. Они непременно хотят «углубить» и сказать «поумнее». Получаются смешные потуги на глубокомыслие, с одной стороны; а с другой стороны, вместо лозунга получается описание, вместо бодрого призыва итти вперед получается какой-то меланхолический взгляд назад. Перед нами точно не живые люди, которые вот теперь же, сейчас хотят бороться за республику, а какие-то одеревяневшие мумии, которые *sub specie aeternitatis* рассматривают вопрос с точки зрения *plusquamperfectum*.

Пойдем дальше: «...временное правительство... взяло бы на себя осуществление задач этой... буржуазной революции»... Вот тут сразу и сказалось, что наши «конференцы» просмотрели конкретный вопрос, вставший перед политическими руководителями пролетариата. Конкретный вопрос о временном революционном правительстве стушевался с их поля зрения перед вопросом о том будущем ряде правительств, которые осуществят задачи буржуазной революции вообще. Если вы желаете рассматривать вопрос «исторически», то пример любой европейской страны покажет вам, что именно ряд правительств, вовсе не «временных»,

осуществлял исторические задачи буржуазной революции, что даже правительства, побеждавшие революцию, вынуждены были все-таки осуществить исторические задачи этой побежденной революции. Но «временным революционным правительством» называется вовсе не то, о чем вы говорите: так называется правительство революционной эпохи, непосредственно сменяющее свергнутое правительство и опирающееся на восстание народа, а не какие-нибудь представительные учреждения, вышедшие из народа. Временное революционное правительство есть орган борьбы за немедленную победу революции, за немедленное отражение контр-революционных попыток, а вовсе не орган осуществления исторических задач буржуазной революции вообще. Предоставим, господа, будущим историкам в будущей «Русской Старине» определять, какие именно задачи буржуазной революции осуществили мы с вами или то или иное правительство,—это дело успеют сделать и через 30 лет, а нам теперь надо дать лозунги и практические указания для борьбы за республику и для энергичнейшего участия пролетариата в этой борьбе.

По указанным причинам неудовлетворительны и последние положения выписанной нами части резолюции. Крайне неудачно, или, по меньшей мере, неловко выражение, что временное правительство должно было бы «регулировать» взаимную борьбу между противоположными классами: марксистам не следовало бы употреблять такой либерально-освободительской формулировки, дающей повод думать, будто возможны правительства, служащие не органом классовой борьбы, а «регулятором» ее... Правительство должно было бы «не только двигать вперед революционное развитие, но и бороться против тех его факторов, которые угрожают основам капиталистического строя». Этим «фактором» является как раз тот самый пролетариат, от имени которого говорит резолюция! Вместо указания того, как именно должен пролетариат в данный момент «двигать вперед революционное развитие» (подвигать его дальше, чем хотела бы идти конституционалистская буржуазия), вместо совета готовиться определенным способом к борьбе с буржуазией, когда она повернет против завоеваний революции,—вместо этого нам дают общее описание процесса, ничего не говорящее о конкретных задачах нашей деятельности. Способ изложения своих мыслей новоискровцами напоминает отзыв Маркса (в его знаменитых «тезах» о Фейербахе) о старом, чуждом идеи диалектики, материализме. Философы только истолковывали мир различным образом,—говорил Маркс,—а дело в том, чтобы изменить этот мир. Так и новоискровцы могут сносно описывать и объяснять процесс происходящей у нас на глазах борьбы,

но совершенно не могут дать правильного лозунга в этой борьбе. Усердно маршируя, но плохо руководя, они принижают материалистическое понимание истории своим игнорированием действенной, руководящей и направляющей роли, которую могут и должны играть в истории партии сознавшие материальные условия переворота и ставшие во главе передовых классов.

5. Как следует «двигать революцию вперед»?

Приводим дальнейший отдел резолюции:

«При таких условиях, социал-демократия должна стремиться сохранить на всем протяжении революции такое положение, которое лучше всего обеспечит за нею возможность двигать революцию вперед, не свяжет ей рук в борьбе с непоследовательной и своекорыстной политикой буржуазной демократии.

«Поэтому социал-демократия не должна ставить себе целью захватить или разделить власть во временном правительстве, а должна оставаться партией крайней революционной оппозиции».

Совет занять положение, наилучшее обеспечивающее возможность двигать революцию вперед, нам очень и очень нравится. Мы бы желали только, чтобы кроме этого доброго совета было налицо и прямое указание, как именно сейчас, при данной политической ситуации, в эпоху толков, предположений, разговоров и проектов созыва народных представителей, следует социал-демократии двигать революцию вперед. Может ли теперь двигать революцию вперед тот, кто не понимает опасности освобожденской теории «соглашения» народа с царем, кто называет победой одно «решение» созвать Учредительное Собрание, кто не ставит задачей активную пропаганду идеи о необходимости временного революционного правительства? Кто оставляет в тени лозунг демократической республики? Такие люди на самом деле двигают революцию назад, потому что в практически-политическом отношении она остановилась на уровне освобожденской позиции. Что толку от признания ими программы, требующей замены самодержавия республикой, когда в тактической резолюции, определяющей настоящие и ближайшие задачи партии в революционный момент, лозунг борьбы за республику отсутствует? Ведь именно освобожденская позиция, позиция конституционалистской буржуазии характеризуется теперь фактически тем, что в решении созвать Всенародное Учредительное Собрание усматривается решительная победа, а о временном революционном правительстве и о республике бла-

горазумно умалчивается! Чтобы двигать революцию вперед, т.-е. дальше того предела, до которого двигает ее монархическая буржуазия, надо активно выставлять, подчеркивать, выдвигать на первый план лозунги, и с к л ю ч а ю щ и е «непоследовательность» буржуазной демократии. Таких лозунгов в настоящий момент есть только два: 1) временное революционное правительство и 2) республика, потому что лозунг Всенародного Учредительного Собрания воспринят монархической буржуазией (смотри программу Союза Освобождения) и воспринят именно в интересах эскамотирования революции, в интересах недопущения полной победы революции, в интересах торгашеской сделки крупной буржуазии с царизмом. И вот мы видим, что конференция из этих двух, единственно способных двигать революцию вперед лозунгов, лозунг республики вовсе позабыла, а лозунг временного рев. прав-ва прямо приравняла к освобожденскому лозунгу Всенародного Учредительного Собрания, назвав «решительной победой революции» и то и другое!

Да, таков несомненный факт, который послужит, мы уверены, вехой для будущего историка российской социал-демократии. Конференция социал-демократов в мае 1905 г. принимает резолюцию, которая говорит хорошие слова о необходимости двигать демократическую революцию вперед и которая на деле двигает ее назад, которая на деле не идет дальше демократических лозунгов монархической буржуазии.

Новоокровцы любят упрекать нас в том, что мы игнорируем опасность растворения пролетариата в буржуазной демократии. Мы бы хотели посмотреть на того, кто предпринял бы доказать этот упрек на основании текста резолюций, принятых III съездом Р. С.-Д. Р. П. Мы ответим нашим оппонентам: социал-демократия, действующая на почве буржуазного общества, не может участвовать в политике, не идя то в том, то в другом отдельном случае рядом с буржуазной демократией. Разница между нами и вами при этом та, что мы идем рядом с революционной и республиканской буржуазией, не сливаясь с ней, а вы идете рядом с либеральной и монархической буржуазией, тоже не сливаясь с ней. Вот как обстоит дело.

Ваши тактические лозунги, данные от имени конференции, совпадают с лозунгами «конституционно-демократической» партии, т.-е. партии монархической буржуазии, при чем вы не заметили, не сознали этого совпадения, оказавшись таким образом фактически в хвосте освободителей.

Наши тактические лозунги, данные от имени III съезда Р. С.-Д. Р. П., совпадают с лозунгами демократически-революционной и республиканской буржуазии. Такая буржуазия и мелкая буржуазия еще не сложились в крупную народную партию в России ¹⁾.

Но в существовании элементов ее может усомниться лишь тот, кто понятия не имеет о том, что происходит теперь в России. Мы намерены руководить (на случай успешного хода великой русской революции), не только пролетариатом, организованным с.-д. партией, но и этой мелкой буржуазией, способной идти рядом с нами.

Конференция своей резолюцией бессознательно опускается до уровня либеральной монархической буржуазии. Съезд партии своей резолюцией сознательно поднимает до своего уровня способные на борьбу, а не на маклерство, элементы революционной демократии.

Таких элементов больше всего среди крестьянства. Без большой ошибки, при распределении крупных общественных групп по их политическим тенденциям, мы можем отождествить революционную и республиканскую демократию с массой крестьянства,—разумеется, в том же смысле, с теми же оговорками и подразумеваемыми условиями, с которыми можно отождествлять рабочий класс с социал-демократией. Мы можем, другими словами, формулировать наши выводы также в следующих выражениях: конференция своими общенациональными ²⁾ политическими лозунгами в революционный момент бессознательно опускается до уровня массы помещиков. Съезд партии своими общенациональными политическими лозунгами поднимает до революционного уровня крестьянскую массу. Тому, кто обвинит нас за этот вывод в пристрастии к парадоксам, мы сделаем вызов: пусть опровергнет он то положение, что если мы не будем в силах довести революцию до конца, если революция закончится по-освободительски «решительной победой» в виде одного лишь созванного царем представительного собрания, которое только в насмешку могло бы быть названо учредительным,—тогда это будет революция с преобладанием элемента помещичьего и крупно-буржуазного. Наоборот, если суждено нам пережить действительно великую революцию, если история на этот раз не допустит «выкидыша», если мы в силах бу-

¹⁾ „Социалисты революционеры“ скорее террористическая интеллигентская группа, чем зародыш такой партии, хотя объективное значение деятельности этой группы сводится именно к осуществлению задачи революционной и республиканской буржуазии.

²⁾ Мы не говорим о специальных крестьянских лозунгах, которым посвящены особые резолюции.

дем довести революцию до конца, до решительной победы не в освобожденском и не в новоискровском смысле слова, тогда это будет революция с преобладанием элемента крестьянского и пролетарского..

Может быть, некоторые увидят в допущении мысли о таком преобладании отказ от убеждения в буржуазном характере предстоящей революции? Это очень возможно при том злоупотреблении этим понятием, которое мы видим в «Искре». Поэтому остановиться на этом вопросе очень не лишне.

6. Откуда грозит пролетариату опасность оказаться со связанными руками в борьбе с непоследовательной буржуазией?

Марксисты безусловно убеждены в буржуазном характере русской революции. Что это значит? Это значит, что те демократические преобразования в политическом строе и те социально-экономические преобразования, которые стали для России необходимостью,—сами по себе не только не означают подрыва капитализма, подрыва господства буржуазии, а, наоборот, они впервые очистят почву настоящим образом для широкого и быстрого, европейского, а не азиатского развития капитализма, они впервые сделают возможным господство буржуазии, как класса. Социалисты-революционеры не могут понять этой идеи, потому что они не знают азбуки о законах развития товарного и капиталистического производства, они не видят того, что даже полный успех крестьянского восстания, даже перераспределение всей земли в интересах крестьянства и согласно его желаниям («черный передел» или что-нибудь в этом роде) несколько не уничтожит капитализма, а, напротив, даст толчок его развитию и ускорит классовое распадение самого крестьянства. Непонимание этой истины делает из социалистов-революционеров бессознательных идологов мелкой буржуазии. Настаивание на этой истине имеет для социал-демократии огромное значение не только теоретическое, но и практически-политическое, ибо отсюда вытекает обязательность полной классовой самостоятельности партии пролетариата в настоящем «общедемократическом» движении.

Но из этого отнюдь не вытекает, чтобы демократический переворот (буржуазный по своему общественно-экономическому содержанию) не представлял громадного интереса для пролетариата. Из этого отнюдь не вытекает, чтобы демократический переворот не мог произойти и в форме выгодной преимущественно для крупного капиталиста, финансового туза, «просвещенного» помещика и в форме выгодной для крестьянина и для рабочего.

Новоискровцы в корне неправильно понимают смысл и значение категории: буржуазная революция. В их рассуждениях постоянно сквозит мысль, будто буржуазная революция есть такая революция, которая может дать лишь то, что выгодно буржуазии. А между тем ничего нет ошибочнее такой мысли. Буржуазная революция есть такая революция, которая не выходит из рамок буржуазного, т.-е. капиталистического обществ.-экономического строя. Буржуазная революция выражает потребности развития капитализма, не только не уничтожая его основ, а, напротив, расширяя и углубляя их. Эта революция выражает поэтому интересы не только рабочего класса, но и всей буржуазии. Так как господство буржуазии над рабочим классом неизбежно при капитализме, то можно с полным правом сказать, что буржуазная революция выражает интересы не столько пролетариата, сколько буржуазии. Но совершенно нелепа мысль, что буржуазная революция не выражает вообще интересов пролетариата. Эта нелепая мысль сводится либо к стародедовской народнической теории, что буржуазная революция противоречит интересам пролетариата, что нам не нужна поэтому буржуазная политическая свобода. Либо эта мысль сводится к анархизму, отрицающему всякое участие пролетариата в буржуазной политике, в буржуазной революции, в буржуазном парламентаризме. Теоретически эта мысль представляет из себя забвение азбучных положений марксизма о неизбежности развития капитализма на почве товарного производства. Марксизм учит, что общество, основанное на товарном производстве, стоящее в обмене с цивилизованными капиталистическими нациями, на известной ступени развития неизбежно становится и само на путь капитализма. Марксизм бесповоротно порвал с бреднями народников и анархистов, будто можно, например, России миновать капиталистическое развитие, выскочить из капитализма или перескочить через него каким-нибудь путем кроме пути классовой борьбы на почве и в пределах этого самого капитализма.

Все эти положения марксизма доказаны и разжеваны со всей подробностью как вообще, так и специально по отношению к России. А из этих положений следует, что реакционная мысль искать спасения рабочему классу в чем бы то ни было, кроме дальнейшего развития капитализма. В таких странах, как Россия, рабочий класс страдает не столько от капитализма, сколько от недостатка развития капитализма. Рабочий класс безусловно заинтересован поэтому в самом широком, самом свободном, самом быстром развитии капитализма. Рабочему классу безусловно выгодно устранение всех остатков старины, мешающих широкому, свободному и быстрому развитию

капитализма. Буржуазная революция есть именно такой переборот, который всего решительнее сметает остатки старины, остатки крепостничества (к этим остаткам принадлежит не только самодержавие, но и монархия), который всего полнее обеспечивает самое широкое, свободное и быстрое развитие капитализма.

Поэтому буржуазная революция в высшей степени выгодна пролетариату. Буржуазная революция безусловно необходима в интересах пролетариата. Чем полнее и решительнее, чем последовательнее будет буржуазная революция, тем обеспеченнее будет борьба пролетариата с буржуазией за социализм. Только людям, не знающим азбуки научного социализма, этот вывод может казаться новым, или странным, парадоксальным. А из этого вывода, между прочим, следует и то положение, что в известном смысле буржуазная революция более выгодна пролетариату, чем буржуазии. Именно вот в каком смысле несомненно это положение: буржуазии выгодно опираться на некоторые остатки старины против пролетариата, например, на монархию, на постоянную армию и т. п. Буржуазии выгодно, чтобы буржуазная революция не смела слишком решительно все остатки старины, а оставила некоторые из них, т.-е. чтобы эта революция была не вполне последовательна, не дошла до конца, не была решительна и беспощадна. Эту мысль выражают часто социал-демократы несколько иначе, говоря, что буржуазия изменяет сама себе, что буржуазия предаст дело свободы, что буржуазия неспособна на последовательный демократизм. Буржуазии выгоднее, чтобы необходимые преобразования в буржуазно-демократическом направлении произошли медленнее, постепеннее, осторожнее, нерешительнее, путем реформ, а не путем революции; чтобы эти преобразования были как можно осторожнее по отношению к «почтенным» учреждениям крепостничества (в роде монархии); чтобы эти преобразования как можно меньше развивали революционной самостоятельности, инициативы и энергии простонародья, т.-е. крестьянства и особенно рабочих, ибо иначе рабочим тем легче будет, как говорят французы, «переложить ружье с одного плеча на другое», т.-е. направить против самой буржуазии те оружия, которыми снабдит их буржуазная революция, ту свободу, которую она даст, те демократические учреждения, которые возникнут на очищенной от крепостничества почве.

Наоборот, рабочему классу выгоднее, чтобы необходимые преобразования в буржуазно-демократическом направлении прошли именно не реформаторским, а революционным путем, ибо реформаторский путь есть путь затяжек, проволочек, мучительно-медленного отмирания гниющих ча-

стей народного организма. От гниения их страдает прежде всего и больше всего пролетариат и крестьянство. Революционный путь есть путь быстрый, наименее болезненной по отношению к пролетариату операции, путь прямого удаления гниющих частей, путь наименьшей уступчивости и осторожности по отношению к монархии и соответствующим ей, омерзительным и гнусным, гнилым и заражающим воздух гниением, учреждениям.

Вот почему наша буржуазно-либеральная печать не по одним только цензурным соображениям, не только страха ради иудейска оплакивает возможность революционного пути, боится революции, пугает царя революции, заботится об избежании революции, холопствует и низкопоклонствует ради жалких реформ, как основы реформаторского пути. На этой точке зрения стоят не только «Русск. Ведомости», «Сын Отечества», «Наша Жизнь», «Наши Дни», но и нелегальное, свободное «Освобождение». Самое положение буржуазии, как класса в капиталистическом обществе, неизбежно порождает ее непоследовательность в демократическом перевороте. Самое положение пролетариата, как класса, заставляет его быть последовательным демократом. Буржуазия оглядывается назад, боясь демократического прогресса, который грозит усилением пролетариата. Пролетариату нечего терять, кроме цепей, а приобретет он при помощи демократизма весь мир. Поэтому чем последовательнее буржуазная революция в ее демократических преобразованиях, тем не менее ограничивается она тем, что выгодно исключительно для буржуазии. Чем последовательнее буржуазная революция, тем больше обеспечивает она выгоды пролетариата и крестьянства в демократическом перевороте.

Марксизм учит пролетария не отстранению от буржуазной революции, не безучастию к ней, не предоставлению руководства в ней буржуазии, а, напротив, самому энергичному участию, самой решительной борьбе за последовательный, пролетарский демократизм, за доведение революции до конца. Мы не можем выскочить из буржуазно-демократических рамок русской революции, но мы можем в громадных размерах расширить эти рамки, мы можем и должны в пределах этих рамок бороться за интересы пролетариата, за его непосредственные нужды и за условия подготовки его сил к будущей полной победе. Есть буржуазная демократия и буржуазная демократия. И земец-монархист, сторонник верхней палаты, «запрашивающий» всеобщее избирательное право, а втайне, под сурдинку заключающий с царизмом сделку насчет куцой конституции, есть буржуазный демократ. И крестьянин, с оружием в руках идущий против помещиков и чиновников, «наивно-

республикански» предлагающий «прогнать царя»¹⁾, есть тоже буржуазный демократ. Буржуазно-демократические порядки бывают такие, как в Германии, и такие, как в Англии; такие, как в Австрии, и такие, как в Америке или Швейцарии. Хорош был бы тот марксист, который в эпоху демократического переворота прозевал бы эту разницу между степенями демократизма и между различным характером той или иной формы его и ограничивался бы «умничаньем» насчет того, что все же это «буржуазная революция», плоды «буржуазной революции».

А ведь именно таких умников, важничающих своей близорукостью, представляют из себя наши новоискровцы. Они как раз ограничиваются рассуждениями о буржуазном характере революции там и тогда, где надо уметь провести разницу между республикански-революционной и монархически-либеральной буржуазной демократией, не говоря уже о разнице между непоследовательным буржуазным и последовательным пролетарским демократизмом. Они удовлетворяются, — точно они и в самом деле стали «человеками в футляре», — меланхолическим разговором о «процессе взаимной борьбы противоположных классов», когда речь идет о том, чтобы дать демократическое руководство в настоящей революции, чтобы подчеркнуть передовые демократические лозунги в отличие от предательских лозунгов г-на Струве и К^о, чтобы указать прямо и резко ближайшие задачи действительно революционной борьбы пролетариата и крестьянства в отличие от либерального маклерства помещиков и фабрикантов. В этом теперь суть вопроса, которую вы прозевали, господа: в том, завершится ли наша революция действительно грандиозной победой или лишь жалкой сделкой, дойдет ли она до революционной демократической диктатуры пролетариата и крестьянства или «истечет силами» на либерально-шиповской конституции!

Может показаться на первый взгляд, что, ставя этот вопрос, мы совсем уклоняемся в сторону от нашей темы. Но так может показаться лишь на первый взгляд. На самом деле, именно в этом вопросе лежит корень того принципиального расхождения, которое вполне обрисовалось уже теперь между соц.-дем. тактикой III с'езда Российской Социал-Демократической Рабочей Партии и тактикой установленной на конференции новоискровцев. Эти последние сделали уже теперь не два, а три шага назад, воскресив ошибки экономизма при решении несравненно более сложных, более важных и более жизненных для рабочей партии, вопросов ее тактики в момент революции.

¹⁾ См. „Освобождение“ № 71, стр. 337, прим. 2.

Вот почему на разборе поставленного вопроса нам необходимо остановиться со всем вниманием.

В выписанной нами части новоискровской резолюции содержится указание на опасность того, как бы социал-демократия не связала себе рук в борьбе с непоследовательной политикой буржуазии, как бы она не растворилась в буржуазной демократии. Мысль об этой опасности проходит красной нитью через всю специфически-новоискровскую литературу, эта мысль есть настоящий гвоздь всей принципиальной позиции в нашем партийном расколе (с тех пор, как элементы дрязги в этом расколе отошли совершенно на задний план перед элементами поворота к экономизму). И мы без всяких обиняков признаем, что эта опасность действительно существует, что именно теперь, в разгар русской революции, эта опасность стала особенно серьезна. На нас всех, теоретиков или—про себя я предпочел бы сказать—публицистов социал-демократии, ложится неотложная и чрезвычайно ответственная задача разобраться, с которой стороны грозит на самом деле эта опасность. Ибо источник нашего разногласия заключается не в споре о том, существует ли такая опасность, а в споре о том, порождает ли ее так называемый хвостизм «меньшинства», или так называемый революционизм «большинства».

Чтобы устранить кривотолки и недоразумения, заметим, прежде всего, что опасность, о которой мы говорим, лежит не в субъективной, а в объективной стороне дела, не в формальной позиции, которую займет социал-демократия в борьбе, а в материальном исходе всей теперешней революционной борьбы. Не в том вопрос, захотят ли те или иные социал-демократические группы раствориться в буржуазной демократии, сознают ли они, что они растворяются,—об этом нет и речи. Подобного желания мы ни у кого из социал-демократов не подозреваем, и не в желании тут вовсе дело. Не в том также вопрос, сохранят ли те или иные соц.-дем. группы свою формальную самостоятельность, особенность, независимость от буржуазной демократии на всем протяжении революции. Они могут не только заявить об этой «самостоятельности», но и сохранить ее формально, и тем не менее дело может выйти так, что у них окажутся связанными руки в борьбе с непоследовательностью буржуазии. Окончательный политический итог революции может оказаться тот, что, несмотря на формальную «самостоятельность», несмотря на полную организационную, партийную особность социал-демократии, она на деле окажется несамостоятельной, окажется не в силах наложить на ход событий печать своей пролетарской самостоятельности, окажется настолько слабой, что в

общем и целом, в последнем счете, в окончательном итоге, «растворение» ее в буржуазной демократии все же будет историческим фактом.

Вот в чем состоит действительная опасность. И теперь посмотрим, с которой стороны грозит она: от уклонения ли социал-демократии вправо в лице новой «Искры», как думаем мы, или от уклонения ее влево в лице «большинства», «Вперед» и т. д., как думают новоискровцы.

Решение этого вопроса, как мы указали, определяется объективным сочетанием действия различных общественных сил. Характер этих сил определен теоретически марксистским анализом русской действительности, а теперь он определяется практически открытым выступлением групп и классов в ходё революции. И вот весь теоретический анализ, задолго до переживаемой эпохи произведенный марксистами, и все практические наблюдения над развитием революционных событий показывают нам, что возможен, с точки зрения объективных условий, двоякий ход и исход революции в России. Преобразование экономического и политического строя России в буржуазно-демократическом направлении неизбежно и неустранимо. Нет такой силы на земле, которая могла бы помешать такому преобразованию. Но из сочетания действия наличных сил, творящих это преобразование, может получиться двоякий результат или двоякая форма этого преобразования. Одно из двух: 1) или дело кончится «решительной победой революции над царизмом» или 2) для решительной победы сил не хватит, и дело кончится сделкой царизма с наиболее «непоследовательными» и наиболее «свокорыстными» элементами буржуазии. Все бесконечное разнообразие деталей и комбинаций, предвидеть которые никто не в состоянии, сводится, в общем и целом, именно к тому или другому из этих двух исходов.

Рассмотрим теперь эти исходы, во-первых, с точки зрения их социального значения, и, во-вторых, с точки зрения положения социал-демократии (ее «растворения» или «связанности рук» ее) при том и другом исходе.

Что такое «решительная победа революции над царизмом»? Мы видели уже, что, употребляя это выражение, повонскровцы не понимают его даже в его ближайшем политическом значении. Еще менее заметно у них понимание классового содержания этого понятия. Ведь, мы, марксисты, никоим образом не должны позволять себе обольщаться словами: «революция» или «великая русская революция», как обольщаются ими теперь многие революционные демократы (в роде Гапона). Мы должны дать себе точный отчет в том, какие же реальные общественные силы противостоят «царизму». (это вполне реальная и вполне понят-

ная для всех сила) и способны одержать «решительную победу» над ним. Такой силой не может быть крупная буржуазия, помещики, фабриканты, «общество», идущее за освобожденцами. Мы видим, что они даже и не хотят решительной победы. Мы знаем, что они неспособны, по своему классовому положению, на решительную борьбу с царизмом: слишком тяжелым ядром на ногах является частная собственность, капитал, земля, чтобы идти на решительную борьбу. Слишком нужен им царизм, с его полицейско-бюрократическими и военными силами против пролетариата и крестьянства, чтобы могли они стремиться к уничтожению царизма. Нет, силой, способной одержать «решительную победу над царизмом», может быть только народ, то-есть пролетариат и крестьянство, если брать основные, крупные силы, распределяя сельскую и городскую мелкую буржуазию (тоже «народ») между тем и другим. «Решительная победа революции над царизмом» есть революционно демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. От этого вывода, давно указанного «Вперед», никуда не уйдут наши новоскрывцы. Больше некому одержать решительную победу над царизмом.

И такая победа будет именно диктатурой, т.-е. она неизбежно должна будет опираться на военную силу, на вооруженные массы, на восстание, а не на те или иные, «легальным», «мирным путем» созданные учреждения. Это может быть только диктатура, потому, что осуществление преобразований, немедленно и непременно нужных для пролетариата и крестьянства, вызовет отчаянное сопротивление помещиков, и крупных буржуа, и царизма. Без диктатуры сломить это сопротивление, отразить контр-революционные попытки невозможно. Но это будет, разумеется, не социалистическая, а демократическая диктатура. Она не сможет затронуть (без целого ряда промежуточных ступеней революционного развития) основ капитализма. Она сможет, в лучшем случае, внести коренное перераспределение земельной собственности в пользу крестьянства, провести последовательный и полный демократизм вплоть до республики, вырвать с корнем все азиатские, кабальные черты не только из деревенского, но и фабричного быта, положить начало серьезному улучшению положения рабочих и повышению их жизненного уровня; наконец, *last but not least*¹⁾—перенести революционный пожар в Европу. Такая победа несколько еще не сделает из нашей буржуазной революции революцию социалистическую; демократический переворот не выйдет непосредственно из рамок буржуаз-

¹⁾ Последнее по счету, но не по важности.

ных общественно-экономических отношений; но тем не менее значение такой победы будет гигантское для будущего развития и России и всего мира. Ничто не поднимет до такой степени революционной энергии всемирного пролетариата, ничто не сократит так сильно пути, ведущего к его полной победе, как эта решительная победа начавшейся в России революции.

Насколько вероятна такая победа,—вопрос другой. Мы вовсе не склонны к безрассудному оптимизму на этот счет, мы вовсе не забываем о громадной трудности этой задачи, но, идя на борьбу, мы должны желать победы и уметь указать настоящий путь к ней. Тенденции, способные привести к этой победе, неоспоримо есть налицо. Правда, наше социал-демократическое влияние на массу пролетариата еще очень и очень недостаточно; революционное воздействие на массу крестьянства совсем ничтожно; разбросанность, неразвитость, темнота пролетариата и особенно крестьянства еще страшно велики. Но революция быстро сплавивает и быстро просвещает. Каждый шаг в ее развитии пробуждает массу и с неудержимой силой привлекает ее именно на сторону революционной программы, как единственной, выражающей последовательно и цельно ее настоящие, кровные интересы.

Закон механики гласит, что действие равно противодействию. В истории разрушительная сила революции тоже в немалой степени зависит от того, насколько сильно и продолжительно было подавление стремления к свободе, насколько глубоко противоречие между допотопной «надстройкой» и живыми силами современной эпохи. И международная политическая ситуация складывается во многих отношениях как нельзя более выгодно для русской революции. Восстание рабочих и крестьян уже началось, оно раздроблено, стихийно, слабо, но оно неоспоримо и безусловно доказывает наличие сил, способных на решительную борьбу и идущих к решительной победе.

Не хватит этих сил,—тогда царизм успеет заключить сделку, которую и готовят уже с двух концов и господ Булыгины и господ Струве. Тогда кончится дело куцой конституцией или даже—на худой из худых концов—пародией на нее. Это будет тоже «буржуазная революция», только выкидыш, недоносок, убудок. Социал-демократия не делает себе иллюзий, она знает предательскую натуру буржуазии, она не падает духом и не бросит своей упорной, терпеливой, выдержанной работы над классовым воспитанием пролетариата даже в самые серые будни буржуазно-конституционного «шиповского» благоденствия. Такой исход был бы более или менее похож на исход всех почти демократических революций в Европе в течение XIX века,

и наше партийное развитие пошло бы тогда по трудной, тяжелой, долгой, но знакомой и проторенной дорожке.

Спрашивается теперь, при котором же из этих двух возможных исходов социал-демократия окажется фактически со связанными руками против непоследовательной и своекорыстной буржуазии? окажется фактически «растворившейся» или почти растворившейся в буржуазной демократии?

Достаточно ясно поставить этот вопрос, чтобы не затрудняясь ни на минуту ответить на него.

Удастся буржуазии сорвать русскую революцию посредством сделки с царизмом,—тогда у социал-демократии фактически руки окажутся именно связанными против непоследовательной буржуазии,—тогда социал-демократия окажется растворившейся «в буржуазной демократии» в том смысле, что пролетариату не удастся наложить своего яркого отпечатка на революцию, не удастся по-пролетарски или, как говорил некогда Маркс, «по-плебейски» разделаться с царизмом.

Удастся решительная победа революции,—тогда мы разделаемся с царизмом по-якобински, или, если хотите, по-плебейски. «Весь французский терроризм—писал Маркс в знаменитой «Новой Рейнской Газете» в 1848 г.—был ничем иным, как плебейским способом разделаться с врагами буржуазии, с абсолютизмом, феодализмом и мещанством». (См. Marx, Nachlass, издание Меринга, том III, стр. 211). Думали ли когда-нибудь о значении этих слов Маркса те люди, которые пугают социал-демократических русских рабочих пугалом «якобинизма» в эпоху демократической революции?

Жирондисты современной русской социал-демократии—новоискровцы не сливаются с освобожденцами, но оказываются фактически, в силу характера своих лозунгов, в хвосте у них. А освобожденцы, т.-е. представители либеральной буржуазии, хотят разделаться с самодержавием мягко, по-реформаторски,—уступчиво, не обижая аристократии, дворянства, двора,—осторожно, без всякой ломки,—любезно и вежливо, по-барски, надевая белые перчатки (в роде тех, которые надел с рук башибузука г. Петрункевич на приеме «представителей народа» (?) Николаем Кровавым, см. «Пролетарий», № 5).

Якобинцы современной социал-демократии, — большевики, впередовцы, с'ездовцы или пролетарцы, не знаю уж как сказать, — хотят поднять своими лозунгами революционную и республиканскую мелкую буржуазию и особенно крестьянство до уровня последовательного демократизма пролетариата, сохраняющего свою полную классовую особенность. Они хотят, чтобы народ, т.-е. пролетариат и кре-

стьянство, разделался с монархией и аристократией «люплебейски», беспощадно уничтожая врагов свободы, подавляя силой их сопротивление, не делая никаких уступок проклятому наследию крепостничества, азиатчины, надругательства над человеком.

Это не значит, конечно, чтобы мы хотели обязательно подражать якобинцам 1793 года, перенимать их взгляды, программу, лозунги, способ действия. Ничего подобного. У нас не старая, а новая программа—программа-минимум Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. У нас новый лозунг: революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. У нас будут, коли доживем мы до настоящей победы революции, и новые способы действия, соответствующие характеру и целям стремящейся к полному социалистическому перевороту партии рабочего класса. Мы хотим только пояснить своим сравнением, что представители передового класса XX века пролетариата, т. е. социал-демократы, разделяются на такие же два крыла (оппортунистическое и революционное), на какие разделялись и представители передового класса XVIII века, буржуазии, т. е. жирондисты и якобинцы.

Только в случае полной победы демократической революции у пролетариата не будут связаны руки в борьбе против непоследовательной буржуазии, только в этом случае он не «растворится» в буржуазной демократии, а наложит на всю революцию свой пролетарский или, вернее, пролетарски-крестьянский отпечаток.

Одним словом: чтобы не оказаться со связанными руками в борьбе с непоследовательной буржуазной демократией, пролетариат должен быть достаточно сознателен и силен, чтобы поднять до революционного самосознания крестьянство, чтобы руководить его натиском, чтобы таким образом самостоятельно провести последовательно-пролетарский демократизм.

Вот как стоит столь неудачно разрешенный новоискровцами вопрос об опасности остаться со связанными руками в борьбе с непоследовательной буржуазией. Буржуазия всегда будет непоследовательна. Нет ничего наивнее и бесплоднее попыток начертать условия или пункты ¹⁾, при исполнении которых можно было бы считать буржуазную демократию нелицемерным другом народа. Последовательным борцом за демократизм может быть только пролетариат. Победоносным борцом за демократизм он может оказаться лишь при том условии, если к его революционной

¹⁾ Как пробовал сделать Старовер в своей, отмененной III-м съездом, резолюции и как пробует конференция в не менее неудачной резолюции.

борьбе присоединится масса крестьянства. Не хватит на это силы у пролетариата,—буржуазия окажется во главе демократической революции и придаст ей характер непоследовательный и своекорыстный. Помешать этому нет иного средства, кроме революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

Таким образом, мы приходим к несомненному выводу, что именно новоискровская тактика, по ее объективному значению, играет на руку буржуазной демократии. Проповедь организационной расплывчатости, доходящей до плебисцитов, до принципа соглашения, до оторванности партийной литературы от партии, — принижение задач вооруженного восстания, — смешение общенародных политических лозунгов революционного пролетариата и монархической буржуазии, — извращение условий «решительной победы революции над царизмом», — все это вместе взятое дает как раз ту политику хвостизма в революционный момент, которая сбивает с толку пролетариат, дезорганизует его и вносит смуту в его сознание, принижает тактику социал-демократии, вместо того, чтобы указывать единственный путь к победе и присоединять к лозунгу пролетариата все революционные и республиканские элементы народа.

Чтобы подтвердить этот вывод, к которому мы пришли на основании разбора резолюции, подойдем к тому же вопросу с других сторон. Посмотрим, во-первых, как иллюстрирует новоискровскую тактику простоватый и откровенный меньшевик в грузинском «Социал-Демократе». Посмотрим, во-вторых, кто пользуется на деле, в данной политической обстановке, лозунгами новой «Искры».

7. Тактика «отстранения консерваторов от правительства».

Упомянутая нами выше статья в органе меньшевистского тифлисского «комитета» («Социал-Демократ» № 1) называется «Земский Собор и наша тактика». Автор ее не совсем забыл еще нашу программу, он выдвигает лозунг республики, но рассуждает он о тактике следующим образом:

«Для достижения этой цели (республики) можно указать два пути: или оставить совсем без внимания созданный правительством Земский Собор и с оружием в руках поразить правительство, составить революционное правительство и созвать Учредительное Собрание. Или — объявить Земский Собор центром нашего действия, воздействуя с оружием в руках на его состав, на его деятельность, и си-

лой заставить об'явить себя Учредительным Собранием или через него созвать Учредительное Собрание. Эти две тактики очень резко разнятся друг от друга. Посмотрим же, которая из них выгоднее для нас».

Вот как русские новоискровцы излагают идеи, воплощенные впоследствии в разобранной нами резолюции. Это писано, заметьте, до Цусимы, когда Булыгинский «проект» совсем не показывался на свет божий. Даже либералы терпели терпение и выражали свое недоверие на страницах легальной печати, а социал-демократ-новоискровец оказался доверчивее либералов. Он об'являет, что Земский Собор «созывается» и настолько верит царю, что этот несуществующий еще Земский Собор (а, может быть, «Государственную Думу» или «Законосовещательный Собор»?) предлагает взять центром нашего действия. Более откровенный и прямолинейный, чем авторы резолюции, принятой на конференции, наш тифлисец не приравнивает обе «тактики» (излагаемые им с неподражаемой «наивностью»), а об'являет, что вторая «выгоднее». Слушайте:

«Тактика первая. Как вы знаете, предстоящая революция есть революция буржуазная, т.-е. она направлена к такому изменению современного строя, в котором (и менении) заинтересован не только пролетариат, но и все буржуазное общество. В оппозиции к правительству стоят все классы, даже сами капиталисты. Борющийся пролетариат и борющаяся буржуазия в некотором смысле вместе и уг и вместе нападают на самодержавие с разных сторон. Правительство здесь совсем одиноко и лишено сочувствия общества. Поэтому уничтожить его очень легко. Весь российский пролетариат не настолько еще сознателен и организован, чтобы один только он мог произвести революцию. Да если бы он мог это сделать, он произвел бы не буржуазную, а пролетарскую (социалистическую) революцию. Стало быть, в нашем интересе, чтобы правительство осталось без союзников, не могло раз'единить оппозиции, не присоединило бы к себе буржуазию и не оставило бы пролетариат изолированным»...

Итак, в интересах пролетариата, чтобы царское правительство не могло раз'единить буржуазию и пролетариат! Да не по ошибке ли назван грузинский орган «Социал-Демократом», вместо того, чтобы быть названным «Освобождением»? И заметьте, какая бесподобная философия демократической революции! Разве не видим мы здесь воочию, как бедный тифлисец окончательно сбиг с толку р зонерски-хвостистским толкованием понятия «буржуазная революция»? Он обсуждает вопрос о возможной изолированности пролетариата в демократическом перевороте и з а б ы в а е т... забывает о мелочи... о крестьянстве! Из возможных союз-

ников пролетариата он знает и облюбовывает земцев-помещиков и не знает крестьян. И это на Кавказе! Ну, разве не правы мы были, сказав, что новая «Искра» своими рассуждениями опускается до монархической буржуазии, вместо того, чтобы поднять к себе в союзники революционное крестьянство?

«...В противном случае поражение пролетариата и победа правительства неизбежны. И вот самодержавие к этому именно и стремится. Оно, нет сомнения, в своем Земском Соборе привлечет на свою сторону представителей дворянства, земств, городов, университетов и т. п. буржуазных учреждений. Оно постарается задобрить их мелкими уступками и, таким образом, примирить их с собой. Подкрепленное, таким образом, оно направит все свои удары на оставшийся одиноким рабочий народ. Наша обязанность—предотвратить такой несчастный исход. Но разве можно это сделать первым путем? Положим, мы не обратили никакого внимания на Земский Собор, а начали сами готовиться к восстанию и в один прекрасный день вышли вооруженные на улицу на борьбу. И вот здесь перед нами не один, а два врага: правительство и Земский Собор. В то время, как мы готовились, они успели сговориться, войти в соглашение между собою, выработать выгодную для них конституцию и поделили между собою власть. Это прямо выгодная для правительства тактика, и мы должны самым энергичным образом отказаться от нее»...

Вот это откровенно! Надо отказаться решительно от «тактики» подготовки восстания, потому что «в это время» правительство войдет в сделку с буржуазией! Можно ли в старой литературе самого заядлого «экономизма» найти хоть что-либо, приближающееся к такому опозорению революционной социал-демократии? То здесь, то там происходящие восстания и вспышки рабочих и крестьян—факт. Земский Собор—булыгинский посул. И «Социал-Демократ» из города Тифлиса решает: отказаться от тактики готовить восстание и ждать «центра воздействия»—Земского Собора...

«...Вторая тактика, наоборот, заключается в том, чтобы поставить Земский Собор под наш надзор, не дать ему возможности действовать по своей воле и войти в соглашение с правительством ¹⁾).

«Мы поддерживаем Земский Собор постольку, поскольку он борется с самодержавием, и боремся с ним в тех случаях, когда он примиряется с самодержавием. Энергичным вмешательством и силой мы раз'единяем депутатов

¹⁾ Какое же средство для этого лишения земцев своей воли? Не особая ли лакмусова бумажка?

между собой ¹⁾), радикалов присоединяем к себе, консерваторов отстраняем от правительства и таким образом весь Земский Собор ставим на революционный путь. Благодаря такой тактике, правительство останется постоянно одиноким, оппозиция сильной, и тем облегчится установление демократического строя».

Да, да! Пусть говорят теперь, что мы преувеличиваем поворот новоискровцев к вульгарнейшему подобию эгоизма. Ведь это уже прямо в роде знаменитого порошка против мух: поймать муху, посыпать на нее, и околеет. Раз'единить силой депутатов Земского Собора, «отстранить консерваторов от правительства»—и весь Земский Собор встанет на революционный путь... Без всякого «якобинского» вооруженного восстания, а так себе, благородно, почти по-парламентски, «воздействуя» на членов Земского Собора.

Бедная Россия! Про нее говорили, что она всегда носит старомодные и выкинутые Европой шляпки. Парламента еще у нас нет, его даже и Булыгин не посулил, а парламентского кретинизма сколько угодно.

«...Как должно произойти это вмешательство? Прежде всего мы потребуем, чтобы Земский Собор был создан путем всеобщего, равного, прямого избирательного права с тайной подачей голосов. Вместе с оглашением ²⁾ такого порядка выборов должна быть узаконена ³⁾ полная свобода предвыборной агитации, т.-е. свобода собраний, слова, печати, неприкосновенность избирателей и избираемых и освобождение всех политических преступников. Сами выборы должны быть назначены как можно позже, чтобы у нас оказалось достаточно времени для ознакомления и подготовки народа. И так как выработка правил по созыву Собора поручена комиссии министра внутренних дел Булыгина, мы должны воздействовать и на эту комиссию и на ее членов ⁴⁾. Если Булыгинская комиссия откажется удовлетворить наши требования ⁵⁾ и право избрания депутатов предоставит одним имущим, тогда мы должны вмешаться в эти выборы и революционным путем заставить избирателей выбрать передовых кандидатов и на Земском Соборе потребовать Учредительного Собрания. Наконец, всевозмож-

¹⁾ Святители! вот она „углубленная“ тактика! На улице драться силы нет, а „депутатов раз'единить“ можно „силой“. Послушайте, товарищ из Тифлиса. можно врать, но надо же знать меру.

²⁾ В „Искре“?

³⁾ Николаем?

⁴⁾ Вот что значит тактика: „отстранять консерваторов от правительства“!

⁵⁾ Не может этого быть при такой правильной и глубокомысленной тактике с нашей стороны.

ными мерами: демонстрациями, стачками и, если нужно будет, восстанием заставить Земский Собор созвать Учредительное Собрание или объявить таковым себя. Защитником Учредительного Собрания должен быть вооруженный пролетариат, и оба вместе ¹⁾ пойдут к демократической республике.

Такова социал-демократическая тактика, и только она обеспечит нам победу».

Пусть не думает читатель, что весь этот невероятный вздор есть простая проба пера какого-либо неответственного и невлиятельного новоискровца. Нет, это говорится в органе целого комитета новоискровцев, тифлисского. Мало того. Этот вздор прямо одобрен «Искрой», в соотм. по мере которой мы читаем про этот «Социал-Демократ»:

«Живо и талантливо редактирован номер первый. Заметна опытная, умелая рука редактора-писателя.. Можно с уверенностью сказать, что газета блестяще исполнит поставленную себе задачу».

Да! Если эта задача состоит в том, чтобы показать всем и каждому наглядно полное идейное разложение новоискровства, то она выполнена действительно «блестяще». Более «живо, талантливо и умело» выразить принижение новоискровцев до либерально-буржуазного оппортунизма никто не сумел бы.

8. Освобожденство и новискровство.

Теперь перейдем к другому наглядному подтверждению политического значения новоискровства.

В замечательной, превосходной, поучительнейшей статье «Как найти себя» (№ 71 «Осв.») г. Струве идет войной на «программный революционизм» наших крайних партий. Мною лично г. Струве особенно недоволен ²⁾. Что касается меня, то я как нельзя более доволен г-ном Струве: лучшего союзника в борьбе с возрождающимся экономизмом новоискров-

¹⁾ И вооруженный пролетариат, и „отстраненные от правительства“ консерваторы?

²⁾ „В сравнении с революционизмом гг. Ленина и товарищей, революционизм западно-европейской социал-демократии Бебеля и даже Каутского является оппортунизмом, но основы и этого. уже смягченного, революционизма подмыты и размыты историей“. Вылазка очень сердитая. Напрасно только думает г. Струве, что на меня, как на мертвого, все валить можно. Мне достаточно сделать г-ну Струве вызов, которого он никогда не в состоянии будет принять. Где и когда я называл революционизм Бебеля и Каутского „оппортунизмом“? где и когда претендовал я на создание какого бы то ни было особого направления в международной социал-демократии, не тождественного с направлением Бебеля и Каутского? где и когда выступали на свет разногласия между мной

цев и с полной беспринципностью «социалистов-революционеров» я не мог бы и желать. Каким образом г. Струве и «Освобождение» практически доказывали всю реакционность «поправок» к марксизму, сделанных в проекте программы социалистов-революционеров, об этом мы поговорим как-нибудь в другой раз. Как г. Струве всякий раз, когда он принципиально одобрял новоискровцев, служил мне верную, честную и истинную службу, об этом мы говорили уже неоднократно¹⁾ и скажем сейчас еще раз.

В статье г-на Струве есть целый ряд интереснейших заявлений, которые мы можем здесь отметить лишь мимоходом. Он собирается «создать русскую демократию, опираясь не на борьбу, а на сотрудничество классов», при чем «социально-привилегированная интеллигенция» (в роде «культурного дворянства»), перед которым г. Струве расшаркивается с грациозностью истинно-светского... лакея) принесет вес своего «социального положения» (вес денежного мешка) в эту «неклассовую» партию. Г. Струве выражает желание знакомить молодежь с негодностью «радикального трафарета о том, что буржуазия испугалась и продала пролетариат и дело свободы» (от всей души приветствуем это желание. Ничто не подтвердит так этого марксистского «трафарета», как война с ним г-на Струве. Пожалуйста,

с одной стороны, Бебелем и Каутским — с другой, — разногласия, хоть сколько-нибудь приближающиеся по серьезности к разногласиям между Бебелем и Каутским, например, по аграрному вопросу в Бреславле? пусть попробует г. Струве ответить на эти три вопроса.

А читателям мы скажем Либеральная буржуазия везде и всегда пускает в ход прием: уверять своих единомышленников в данной стране, что социал-демократы данной страны—самые неразумные, а товарищи их в соседнем государстве „пай-мальчики“. Немецкая буржуазия сотни раз выставляла на поучение Бебелем и Каутским „пай-мальчиков“ французских социалистов. Французская буржуазия совсем недавно выставляла на поучение французским социалистам „пай-мальчика“ Бебеля. Старый прием, г. Струве! Только ребят и невежд поймаете вы на эту удочку. Полная солидарность международной революционной социал-демократий во всех крупных вопросах программы и тактики есть неоспоримейший факт.

¹⁾ Напомним читателю, что статью „Чего не делать“ (№ 52 „Искры“) „Освобождение“ приветствовало с шумом и треском, как „знаменательный поворот“ к уступчивости по отношению к оппортунистам. Принципиальные тенденции новоискровства „Освобождение“ специально одобряло в заметке о расколе среди русских социал-демократов. По поводу брошюры Троцкого „Наши политические задачи“, „Освобождение“ указывало на однородность идей этого автора с тем, что некогда писали и говорили рабочедельцы: Кричевский, Мартынов, Акимов (см. листок „Услужливый либерал“, издание „Вперед“). Брошюру Мартынова о двух диктатурах „Освобождение“ приветствовало (ср. заметку во „Вперед“ № 9). Наконец, запоздалые жалобы Старовера по поводу старого лозунга старой „Искры“: „сначала размежеваться, потом объединяться“ встретили особое сочувствие „Освобождения“.

г. Струве, не откладываете в долгий ящик своего великолепного плана!)

Нам важно для нашей темы отметить, с какими практически и лозунгами воюет в настоящее время такой политически-чуткий и отзывчивый на малейшую перемену погоды представитель русской буржуазии. Во-первых, с лозунгом республиканизма. Г. Струве твердо убежден, что этот лозунг «непонятен и чужд народной массе» (он забывает добавить: понятен, но невыгоден буржуазии!). Мы бы желали посмотреть, какой ответ получил бы г. Струве от рабочих в наших кружках и на наших массовках! Или рабочие не народ? А крестьяне? У них бывает, по словам г. Струве, «шаивный республиканизм» («прогнать царя»),— но либеральная буржуазия верит в то, что на смену наивного республиканизма придет не сознательный республиканизм, а сознательный монархизм! Ça depend, г. Струве, это еще зависит от обстоятельств. И царизм и буржуазия не могут не противодействовать коренному улучшению положения крестьян на счет помещичьей земли, а рабочий класс не может не содействовать в этом крестьянству.

Во-вторых, г. Струве уверяет, что «в гражданской войне нападающий всегда окажется неправым». Эта идея вплотную подходит к показанным выше тенденциям новоискровства. Мы не скажем, конечно, чтобы в гражданской войне всегда было выгодно нападать; нет, иногда оборонительная тактика на время обязательна. Но выставлять такое положение, которое дал г. Струве, в применении к России 1905 года значит как раз показывать кусочек «радикального трафарета» («буржуазия пугается и продает дело свободы»). Кто не хочет теперь нападать на самодержавие, на реакцию, кто не готовится к этому нападению, кто не проповедует его,—тот всеу приемлет имя сторонника революции.

Г. Струве осуждает лозунги: «конспирации» и «бунт» (это «восстание в миниатюре»). Г. Струве презирает и то и другое—с точки зрения «доступа к массам»! Мы бы спросили г-на Струве: укажет ли он проповедь бунта в таком, напр., произведении, безмерного, на его взгляд, революциониста, как «Что делать?» А насчет «конспирации» велико ли различие, напр., между нами и г. Струве? Не оба ли мы работаем в «нелегальной» газете, «конспиративно» провозимой в Россию и служащей «тайным» группам Союза Освобождения или Р. С.-Д. Р. П.? Наши рабочие массовки часто «конспиративны»,—есть тот грех. А собрания гг. освобожденцев? Есть ли вам чем чваниться, г. Струве, перед презренными сторонниками презренной конспирации?

Правда, конспирация сугубая требуется с доставкой оружия рабочим. Вот тут уже г. Струве выступает прямее.

Слушайте: «Что касается вооруженного восстания или революции в техническом смысле, то только массовая пропаганда демократической программы может создать социально-психические условия всеобщего вооруженного восстания. Таким образом, даже с той, мною неразделяемой, точки зрения, которая вооруженное восстание считает не избежным завершением современной борьбы за освобождение,— пропитывание масс идеями демократического преобразования есть самое основное, самое нужное дело».

Г. Струве старается уклониться от вопроса. Он говорит о неизбежности восстания вместо того, чтобы говорить о необходимости его для победы революции. Восстание, неподготовленное, стихийное, раздробленное, уже началось. Безусловно поручиться за то, что оно дойдет до цельного и целостного вооруженного народного восстания, никто не сможет, ибо это зависит и от состояния революционных сил (вполне измеряемых только на самой борьбе) и от поведения правительства и буржуазии, и от ряда других обстоятельств, учесть которые точно невозможно. О неизбежности, в смысле той абсолютной уверенности в конкретном событии, на которую сворачивает речь г. Струве, не к чему и говорить. Говорить надо, если вы хотите быть сторонником революции, о том, необходимо ли восстание для победы революции, необходимо ли активно выдвигать его, проповедовать, готовить немедленно и энергично. Г. Струве не может не понимать этой разницы: он ведь, напр., не заслоняет же бесспорного для демократа вопроса о необходимости всеобщего избирательного права спорным и не насущным для политического деятеля вопросом о неизбежности его приобретения в течение данной революции. Уклоняясь от вопроса о необходимости восстания, г. Струве выражает этим глубочайшую подоплеку политической позиции либеральной буржуазии. Буржуазия, во-первых, предпочитает сторговаться с самодержавием, чем раздавить его; буржуазия во всяком случае сваливает борьбу с оружием в руках на рабочих (это—во-вторых). Вот какое реальное значение имеет уклончивость г. Струве. Вот почему он пятится назад от вопроса о необходимости восстания, к вопросу о его «социально-психических» условиях, о предварительной «пропаганде». Точь в точь, как буржуазные болтуны во Франкфуртском парламенте 1848 года занимались сочинением резолюций, деклараций, решений, «массовой пропагандой» и подготовкой «социально-психических условий» в такое время, когда дело шло об отпоре вооруженной силе правительства, когда движение «привело к необходимости» вооруженной борьбы, когда одно словесное воздействие (стократ нужное в подготовительный период) превратилось в пошлую, буржуазную безде-

тельность и трусость,—точно также и г. Струве увильивает от вопроса о восстании, прикрываясь ф р а з а м и. Г. Струве наглядно показывает нам то, чего упорно не видят многие социал-демократы, именно: революционный момент тем и отличается от обыкновенных, будничных, подготовительных исторических моментов, что настроение, возбуждение, убеждение масс должны проявляться и проявляются в д е й с т в и и.

Вульгарный революционизм не понимает того, что слово тоже есть дело; это положение бесспорное для приложения к истории в о о б щ е или к тем эпохам истории, когда открытого политического выступления масс нет, а его никакие шутки не заменят и искусственно не вызовут. Хвостизм революционеров не понимает того, что когда начался революционный момент, когда старая «надстройка» треснула по всем швам, когда открытое политическое выступление классов и масс, творящих себе новую надстройку, стало фактом, когда гражданская война началась,—тогда ограничиваться по-старому «словом», не давая прямого лозунга перейти к «делу», тогда отговариваться от дела ссылкой на «психические условия» да на «пропаганду» вообще есть безжизненность, мертвенность, резонерство, или же предательство революции и измена ей. Франкфуртские болтуны демократической буржуазии—незабвенный исторический образчик такого предательства или такого резонерского тупоумия.

Хотите ли вы пояснения этой разницы между вульгарным революционизмом и хвостизмом революционеров на истории социал-демократического движения в России? Мы вам дадим такое пояснение. Припомните 1901—1902 годы, которые миновали так недавно и которые кажутся уже нам теперь каким-то отдаленным преданием. Начались демонстрации. Вульгарный революционизм поднял крик о «штурме» («Раб. Дело»), выпускались «кровавые листки» (берлинского, если память мне не изменяет, происхождения), нападали на «литературщину» и кабинетный характер идеи всероссийской агитации посредством газеты (Надеждин). Хвостизм революционеров выступал тогда; наоборот, с проповедью, что «экономическая борьба есть лучшее средство для политической агитации». Как держалась революционная социал-демократия? Она напала на оба эти течения. Она осуждала вспышкопускательство и крики о штурме, ибо все ясно видели или должны были видеть, что открытое массовое выступление есть дело завтрашнего дня. Она осуждала хвостизм и выставляла прямо лозунг даже всенародного вооруженного восстания, не в смысле прямого призыва (призыва к «бунту» не нашел бы у нас г. Струве в те времена), а в смысле необходимого вывода, в смысле «пропаган-

ды» (с которой г. Струве только теперь вспомнил,—он всегда опаздывает несколькими годами, наш почтенный г. Струве), в смысле подготовки тех именно «социально-психических условий», о которых теперь представители растерянной, торгашеской буржуазии разглагольствуют «грустно и некстати». Тогда пропаганда и агитация, агитация и пропаганда действительно выдвигались об'ективным положением вещей на первый план. Тогда оселком работы по подготовке восстания могла выставляться (и выставлялась в «Что делать?») работа над общерусской политической газетой, еженедельный выпуск которой казался идеалом. Тогда лозунги: массовая агитация вместо непосредственных вооруженных выступлений; подготовка социально-психических условий восстания вместо вспышкопускательства—были единственно правильными лозунгами революционной социал-демократии. Теперь эти лозунги превзойдены событиями, движение ушло вперед, они стали хламом, ветошью, годной только для прикрытия освобожденного лицемерия да новоискровского хвостизма!

Или, может быть, я ошибаюсь? Может быть, революция еще не началась? Момент открытого политического выступления классов еще не пришел? Гражданской войны еще нет, и критика оружия не должна теперь же явиться необходимым и обязательным преемником, наследником, душеприказчиком, завершителем оружия критики?

Посмотрите вокруг себя, высуньтесь из кабинета на улицу, чтобы ответить на эти вопросы. Разве само правительство не начало уже гражданской войны, массами расстреливая повсюду мирных и безоружных граждан? Разве не выступают вооруженные черные сотни, как «аргумент» самодержавия? Разве буржуазия—даже буржуазия—не признала необходимости гражданской милиции? Разве тот самый г. Струве, идеально-умеренный и аккуратный г. Струве, не говорит (увы, только говорит, чтобы отговориться!) о том, что «открытый характер революционных действий» (вот мы как нынче!) «в настоящее время есть одно из важнейших условий воспитательного влияния на народные массы»?

У кого есть глаза, чтобы видеть, тот не может усомниться в том, как должен быть поставлен теперь сторонниками революции вопрос о вооруженном восстании. Посмотрите же на три постановки этого вопроса, данные в скольконибудь способных влиять на массы органах свободной печати.

Постановка первая. Резолюция III-го с'езда Российской Социал-Дем. Рабоч. Партии. Признано и заявлено во всеуслышание, что общедемократическое революционное

движение уже привело к необходимости вооруженного восстания. Организация пролетариата для восстания поставлена на очередь дня, как одна из существенных, главных и необходимых задач партии. Поручено принять самые энергичные меры для вооружения пролетариата и обеспечения возможности непосредственного руководства восстанием.

Постановка вторая. Принципиальная статья в «Освобождении» «вождя русских конституционалистов» (так называл недавно г. Струве столь влиятельный орган европейской буржуазии, как «Франкфуртская Газета»), или вождя русской прогрессивной буржуазии. Мнение о неизбежности восстания им не разделяется. Конспирация и бунт—специфические приемы неразумного революционизма. Республиканизм—метод оглушения. Вооруженное восстание—вопрос, собственно, только технический, тогда как «самое основное, самое нужное дело»—массовая пропаганда и подготовка социально-психических условий.

Постановка третья. Резолюция новоискровской конференции. Наша задача—подготовлять восстание. Возможность планомерного восстания исключается. Благоприятные условия для восстания создаются правительственной дезорганизацией, нашей агитацией, нашей организацией. Лишь тогда «могут приобрести более или менее серьезное значение технически-боевые приготовления».

И только? И только. Стало ли восстание необходимым, этого новоискровские руководители пролетариата еще не знают. Неотложна ли задача организовать пролетариат для непосредственной борьбы—для них еще не ясно. Не нужно звать к принятию самых энергичных мер, гораздо важнее (в 1905, а не в 1902 году), раз'яснить в общих чертах, при каких условиях эти меры «могут» приобрести «более или менее серьезное» значение...

Видите ли вы теперь, товарищи-новоискровцы, куда привел вас наш поворот к мартыновщине? Понимаете ли вы, что ваша политическая философия оказалась перепевом философии освобожденской?—что вы оказались (против вашей воли и помимо вашего сознания) в хвосте монархической буржуазии? Ясно ли вам теперь, что, твердя зады и совершенствуясь в резонерстве, вы пропустили то обстоятельство, что—говоря незабвенными словами незабвенной статьи Петра Струве—«открытый характер революционных действий в настоящее время есть одно из важнейших условий воспитательного влияния на народные массы»?

9. Что значит быть партией крайней оппозиции во время революции?

Вернемся к резолюции о временном правительстве. Мы показали, что тактика новоискровцев двигает революцию не вперед,—возможность чего они хотели бы обеспечить своей резолюцией,—а назад. Мы показали, что именно эта тактика связывает руки социал-демократии в борьбе с непоследовательной буржуазией и не предохраняет от растворения в буржуазной демократии. Понятно, что из ложных посылок резолюции получается ложный вывод: «Потому социал-демократия не должна ставить себе целью захватить или разделить власть во временном правительстве, а должна оставаться партией крайней революционной оппозиции». Посмотрите на первую половину этого вывода, относящуюся к постановке целей. Ставят ли новоискровцы целью социал-демократической деятельности решительную победу революции над царизмом?—Ставят. Они не умеют правильно формулировать условия решительной победы, сбиваясь на «освобожденскую» формулировку, но указанную цель они ставят. Далее, связывают ли они временное правительство с восстанием?—Да, прямо связывают, говоря, что временное правительство «выходит из победоносного народного восстания». Наконец, ставят ли они себе целью руководить восстанием?—Да, они уклоняются, подобно г. Струве, от признания восстания необходимым и неотложным, но они говорят в то же время, в отличие от г. Струве, что «социал-демократия стремится подчинить его (восстание) своему влиянию и руководству и использовать в интересах рабочего класса».

Не правда ли, как это связано выходит? Мы ставим себе целью подчинить восстание и пролетарских и непролетарских масс нашему влиянию, нашему руководству, использовать его в наших интересах. Мы ставим себе целью, следовательно, руководить при восстании и пролетариатом и революционной буржуазией и мелкой буржуазией («непролетарские группы»), т.-е. «разделить» руководство восстанием между социал-демократией и революционной буржуазией. Мы ставим себе целью победу восстания, долженствующую привести к учреждению временного правительства («вышедшего из победоносного народного восстания»). Поэтому... поэтому мы не должны ставить себе целью захватить или разделить власть во временном правительстве!!

Наши друзья никак не могут свести концов с концами. Они колеблются между точкой зрения г. Струве, отговаривающегося от восстания, и точкой зрения революционной социал-демократии, призывающей взяться за эту неотлож-

ную задачу. Они колеблются между анархизмом, принципиально осуждающим, как измену пролетариату, всякое участие во временном революционном правительстве, и марксизмом, требующим такого участия при условии руководящего влияния социал-демократии на восстание ¹). У них нет никакой самостоятельной позиции: ни позиции г. Струве, который желает сторговаться с царизмом и потому должен уклоняться и влиять по вопросу о восстании;—ни позиции анархистов, которые осуждают всякое действие «сверху» и всякое участие в буржуазной революции. Новоискровцы смешивают сделку с царизмом и победу над царизмом. Они хотят участвовать в буржуазной революции. Они несколько ушли вперед от «Двух диктатур» Мартынова. Они согласны даже руководить восстанием народа,—с тем, чтобы отказаться от этого руководства тотчас после победы (или, может быть, непосредственно перед победой?), то есть, с тем, чтобы не пользоваться плодами победы, а отдать все плоды целиком буржуазии. Это называют они «использовать восстание в интересах рабочего класса»...

Останавливаться дольше на этой путанице нет надобности. Полезнее рассмотреть происхождение этой путаницы в той формулировке ее, которая гласит: «оставаться партией крайне революционной оппозиции».

Перед нами одно из знакомых положений международной революционной социал-демократии. Это совершенно верное положение. Оно стало общим местом для всех противников ревизионизма или оппортунизма в парламентских странах. Оно приобрело право гражданства, как законный и необходимый отпор «парламентскому кретинизму», миллерианству, бернштейнианству, итальянскому реформизму в духе Турати. Наши добрые новоискровцы заучили это хорошее положение и усердно применяют его... совсем некстати. Категории парламентской борьбы вставляются в резолюции, писанные для таких условий, когда никакого парламента налицо нет. Понятие «оппозиции», явившееся отражением и выражением такой политической ситуации, когда о восстании никто серьезно не говорит,—переносится бессмысленно на ситуацию, когда восстание началось и когда о руководстве им думают и говорят все сторонники революции. Пожелание «оставаться» при том же, что и прежде, т.-е. при действии только «снизу», высказывается с помпой и треском как раз тогда, когда революция поставила вопрос о необходимости, при победе восстания, действовать сверху.

¹ См. „Пролетарий“ № 3, „О временном революционном правительстве“, статья вторая.

Нет, решительно не везет нашим новоискровцам! Даже тогда, когда они сформулируют верное социал-демократическое положение, они не умеют верно применить его. Они не подумали, как преобразуются и превращаются в свою противоположность понятия и термины парламентской борьбы в эпоху начавшейся революции, при отсутствии парламента, при наличии гражданской войны, при наличии вспышек восстания. Они не подумали, что при условиях, о которых идет речь, поправки предлагаются посредством уличных демонстраций, интерпелляции вносятся посредством наступательных действий вооруженных граждан, оппозиция правительству осуществляется посредством насильственного ниспровержения правительства.

Как известный герой нашего народного эпоса повторял хорошие советы как раз тогда, когда они неуместны, так и наши поклонники Мартынова повторяют уроки мирного парламентаризма как раз тогда, когда они сами констатируют начало прямых военных действий. Нет ничего курьезнее, как это выдвигание с важным видом лозунга: «крайняя оппозиция» в резолюции, начинающейся указанием на «решительную победу революции», на «народное восстание»! Сообразите-ка, господа, что значит представлять из себя «крайнюю оппозицию» в эпоху восстания? Значит ли это изобличать правительство или свергать его? Значит ли это вотировать против правительства или наносить поражение его военным силам в открытом сражении? Значит ли это отказывать правительству в пополнении его казны, или это значит революционный захват этой казны для обращения ее на нужды восстания, на вооружение рабочих и крестьян, на созыв Учредительного Собрания? Не начинаете ли вы понимать, господа, что понятие «крайней оппозиции» выражает действия только отрицательные, — изобличать, вотировать против, отказывать? Почему это? Потому, что это понятие относится только к парламентской борьбе и при том в такую эпоху, когда непосредственной целью борьбы никто «решительной победы» не ставит. Не начинаете ли вы понимать, что дело кардинально меняется в этом отношении с того момента, когда начинается решительный натиск политически угнетенного народа по всей линии для отчаянной борьбы за победу?

Рабочие спрашивают нас, надо ли энергично браться за неотложное дело восстания? Как сделать, чтобы начавшееся восстание было победоносно? Как воспользоваться победой? Какую программу можно и должно тогда осуществить? Углубляющие марксизм новоискровцы отвечают: оставаться партией крайней революционной оппозиции... Ну, разве же мы были не правы, назвав этих рыцарей виртуозами филистерства?

10. «Революционные коммуны» и революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства.

Конференция новоискровцев не удержалась на анархической позиции, до которой договорилась новая «Искра» (только «снизу», а не «снизу и сверху»). Нелепость допущения победы и участия во временном революционном правительстве слишком была в глаза. Резолюция ввела поэтому оговорки и ограничения в решении вопроса Мартынова и Мартова. Рассмотрим эти оговорки, изложенные в следующей части резолюции:

«Эта тактика («оставаться партией крайней революционной оппозиции»), конечно, нисколько не исключает целесообразности частичного, эпизодического захвата власти и образования революционных коммун в том или другом городе, в том или другом районе, в исключительных интересах содействия распространению восстания и дезорганизации правительства.

Если так, значит в принципе допускается действие не только снизу, но также и сверху. Значит, выставленное в известном фельетоне Л. Мартова в «Искре» (№ 83) положение ниспровергается и признается правильной тактика газеты «Вперед»: не только «снизу», а также и «сверху».

Далее, захват власти (хотя бы частичный, эпизодический и т. д.), очевидно, предполагает участие не одной только социал-демократии и не одного пролетариата. Это следует из того, что в демократической революции заинтересован и активно участвует не один пролетариат. Это следует из того, что восстание есть «народное», как говорится в начале разбираемой резолюции, что в нем участвуют и «непролетарские группы» (выражение резолюции конферентов о восстании), т.-е. и буржуазия. Значит, тот принцип, что всякое участие социалистов вместе с мелкой буржуазией во временном революционном правительстве есть измена рабочему классу, выброшено за борт конференцией, как того добивался «Вперед». «Измена» не перестает быть изменой от того, что действие, ее составляющее, есть частичное, эпизодическое, районное и т. п. Значит, приравнение участия во временном революционном правительстве к вульгарному жоресизму выброшено за борт конференцией, как того добивался «Вперед». Правительство не перестает быть правительством от того, что его власть распространяется не на много городов, а на один город, не на много районов, а на один район, а равно и, от того, как это правительство называется. Таким образом принципиальная постановка вопроса, которую пыталась дать новая «Искра», покинута конференцией.

Посмотрим, разумны ли те ограничения, которые ставит конференция принципиально допущенному теперь образованию революционных правительств и участию в таковых. Чем отличается понятие «эпизодический» от понятия «временный», мы не знаем. Боимся, что иностранным и «новым» словом прикрывается здесь лишь отсутствие ясной мысли. Это кажется «глубже», а на самом деле это только темнее и путаннее. Чем отличается «целесообразность» частичного «захвата власти» в городе или районе от участия во временном революционном правительстве всего государства? Разве в числе «городов» нет такого, как Петербург, где имело место 9-е января? Разве в числе районов нет Кавказа, который больше многих государств? Разве задачи (смущавшие некогда новую «Искру») обращения с тюрьмами, полицией, казначействами и пр., и пр. не встают перед нами при «захвате власти» даже в одном городе, не говоря уже о районе? Никто не станет отрицать, конечно, что при недостатке сил, при неполном успехе восстания, при нерешительной победе его возможны частичные, городские и проч. временные революционные правительства. Но только при чем же это, господа? Не вы ли сами говорите в начале резолюции о «решительной победе революции», о победоносном народном восстании? С которых это пор социал-демократы берут на себя дело анархистов: раздроблять внимание и цели пролетариата? направлять его на «частичное», а не на всеобщее, единое, цельное и полное? Предполагая «захват власти» в городе, вы сами говорите о «распространении восстания» — на другой город, смеем думать? на все города, позволительно надеяться? Ваши выводы, господа, так же шатки и случайны, противоречивы и путаны, как ваши послышки. Третий съезд Р. С.-Д. Р. П. дал исчерпывающий и ясный ответ на вопрос о временном революционном правительстве вообще. Этот ответ обнимает и все частичные временные правительства. Ответ же конференции, искусственно и произвольно выделяя часть вопроса, только уклоняется (но безуспешно) от вопроса в целом и вносит сумбур.

Что значит «революционные коммуны»? Отличается это понятие от «временного революционного правительства», и если да, то чем? Этому господа конференты сами не знают. Путанность революционной мысли приводит у них, как это сплошь и рядом бывает, к революционной фразе. Да, употребление слова «революционная коммуна» в резолюции представителей с.-д. есть революционная фраза, и ничего более. Маркс не раз осуждал подобную фразу, когда за «обаятельный» термин отжившего прошлого прячут задачи будущего. Обаятельность термина, сыгравшего роль в истории, превращается в подобных слу-

чаях в пустую и вредную мишуру, в погремушку. Нам надо дать рабочим и всему народу ясное и недвусмысленное понятие о том, зачем мы хотим учреждения временного революционного правительства; какие именно преобразования осуществим мы, если будем решающим образом влиять на власть завтра же, при победоносном исходе начавшегося уже народного восстания. Вот вопросы, стоящие перед политическими руководителями.

Третий съезд Р. С.-Д. Р. П. отвечает на эти вопросы с полнейшей ясностью, давая полную программу этих преобразований: нашу партийную программу-минимум. А слово «коммуна» не дает никакого ответа, только засоряя головы каким-то далеким звоном... или пустозвонством. Чем дороже для нас, скажем, Парижская Коммуна 1871 г., тем непозволительнее отделяться ссылкой на нее без разбора ее ошибок и ее особых условий. Делать это значило бы повторять нелепый пример осмеянных Энгельсом бланкистов, преклонявшихся (в 1874 г., в своем «Манифесте») перед каждым актом Коммуны. Что скажет конферент рабочему, когда он спросит его об этой «революционной коммуне», упомянутой в резолюции? Он сможет сказать только то, что в истории под этим именем известно такое рабочее правительство, которое не умело и не могло тогда различить элементов демократического и социалистического переворота, которое смешивало задачи борьбы за республику с задачами борьбы за социализм, которое не сумело решить задачи энергичного военного наступления на Версаль, которое ошибочно не захватило Французского Банка и т. д. Одним словом,—сошлетесь ли вы в своем ответе на Парижскую или на какую иную коммуну, ваш ответ будет: это было такое правительство, каким наше быть не должно. Хорош ответ, нечего сказать! Не свидетельствует ли это о резонерстве начетчика и беспомощности революционера, когда практическая программа партии обходится молчанием и некстати начинается в резолюции преподавание истории? Не показывает ли это как раз той ошибки, в которой неудачно старались изоблечь нас: смешения демократического и социалистического переворотов, не различавшихся ни одной из «коммун»?

Целью временного правительства (так некстати названного коммуной) выставляется «исключительно» распространение восстания и дезорганизация правительства. Это «исключительно» устраняет, по буквальному смыслу слова, всякие другие задачи, являясь отрывком нелепой теории «только снизу». Подобное устранение других задач есть опять-таки близорукость и непродуманность. «Революционная коммуна», т.-е. революционная власть хотя бы в одном городе неизбежно должна будет выполнять (хотя бы вре-

менно, «частично, эпизодически») все государственные дела, и прятать тут голову под крыло—верх неразумия. Эта власть должна будет и 8-часовой рабочий день узаконить, и рабочую инспекцию за фабриками учредить, и даровое всеобщее образование поставить, и выборность судей ввести, и крестьянские комитеты учредить и т. д.,—одним словом, ряд реформ она должна будет провести непременно. Подводить эти реформы под понятие «содействие распространению восстания» значило бы играть словами и намеренно усиливать неясность там, где нужна полная ясность.

Заключительная часть новоискровской резолюции не дает нового материала для критики принципиальных тенденций возродившегося «экономизма» в нашей партии, но иллюстрируют несколько с иной стороны сказанное выше.

Вот эта часть:

«Только в одном случае социал-демократия по своей инициативе должна была бы направить свои усилия к тому, чтобы овладеть властью и, по возможности дольше удерживать ее в своих руках,—именно в том случае, если бы революция перекинулась в передовые страны Западной Европы, в которых достигли уже известной (?) зрелости условия для осуществления социализма. В этом случае ограниченные исторические пределы русской революции могут значительно раздвинуться, и явится возможность выступить на путь социалистических преобразований.

«Строя свою тактику в расчете на сохранение за социал-демократической партией в течение всего революционного периода положения крайней революционной оппозиции ко всем сменяющимся в ходе революции правительствам, социал-демократия всего лучше может подготовиться и к использованию правительственной власти, если она попадет (??) в ее руки».

Основная мысль здесь та, которую неоднократно формулировал «Вперед», говоривший, что мы не должны бояться, (как боится Мартынов) полной победы социал-демократии в демократической революции, т.-е. революционной демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, ибо такая победа даст нам возможность поднять Европу, а европейский социалистический пролетариат, сбросив с себя иго буржуазии, в свою очередь, поможет нам совершить социалистический переворот. Но посмотрите, как ухудшена эта мысль в изложении новоискровцев. Не будем останавливаться на частностях,—на той бессмыслице, будто власть может «попасть» в руки сознательной партии, считающей вредной тактикой захват власти,—на том, что в Европе условия для социализма достигли не известной зрелости, а зрелости вообще,—на том, что наша партийная программа не знает никаких социалистических преобразо-

ганий, а знает лишь социалистический переворот. Возьмем главное и основное отличие мысли «Вперед» и резолюции. «Вперед» указывал революционному пролетариату России активную задачу: победить в борьбе за демократию и воспользоваться этой победой для перенесения революции в Европу. Резолюция не понимает этой связи нашей «решительной победы» (не в новоискровском смысле) с революцией в Европе и говорит поэтому не о задачах пролетариата, не о перспективах его победы, а об одной из возможностей вообще: «если бы революция перекинулась»... «Вперед» указывал прямо и определенно—и эти указания вошли в резолюцию III съезда Р. С. - Д. Р. П., — как именно можно и должно «использовать правительственную власть» в интересах пролетариата, считаясь с тем, что можно осуществить тотчас при данной ступени общественного развития и что необходимо осуществить сначала, как демократическую предпосылку борьбы за социализм. Резолюция и тут безнадежно тащится в хвосте, говоря: «может подготовиться к использованию», но не умея сказать, как может, как подготовиться, к какому использованию. Мы не сомневаемся, например, что новоискровцы «могут подготовиться к использованию» руководящего положения в партии, но дело в том, что до сих пор их опыт этого использования, их подготовка не обнадеживают насчет превращения возможности в действительность.

«Вперед» говорил точно, в чем именно состоит реальная «возможность удержать власть в своих руках»,—в революционной демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, в их совместной массовой силе, способной перевесить все силы контр-революции, в их неизбежном совпадении интересов относительно демократических преобразований. Резолюция конференции и тут не даст ничего положительного, только уваливая от вопроса. Ведь возможность удержать власть в России должна обуславливаться составом социальных сил России же, условиями демократического переворота, который у нас сейчас происходит. Ведь победа пролетариата в Европе (а от перенесения революции в Европу до победы пролетариата есть еще дистанция некоторого размера) вызовет отчаянную контр-революционную борьбу русской буржуазии,—резолюция новоискровцев ни слова не говорит об этой контр-революционной силе, значение которой оценено в резолюции III съезда Р. С. - Д. Р. П. Если бы мы не могли опереться, кроме пролетариата, и на крестьянство в борьбе за республику и демократию, тогда дело «удержания власти» было бы безнадежно. А если оно не безнадежно, если «решительная победа над царизмом» открывает такую возможность,—тогда мы должны указывать на нее, активно звать

к ее превращению в действительность, давать практические лозунги не только на случай перенесения революции в Европу, но и для такого перенесения. У хвостистов социал-демократии ссылка на «ограниченные исторические пределы русской революции» прикрывает лишь ограниченность понимания задач этой демократической революции и передовой роли пролетариата в этой революции!

Одно из возражений против лозунга: «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» состоит в том, что диктатура предполагает «единую волю» («Искра» № 83), а единой воли у пролетариата с мелкой буржуазией быть не может. Это возражение несостоятельно, ибо оно основано на абстрактном, «метафизическом» толковании понятия «единая воля». Бывает воля единая в одном отношении и не единая в другом. Отсутствие единства в вопросах социализма и в борьбе за социализм не исключает единства воли в вопросах демократизма и в борьбе за республику. Забывать это — значило бы забывать логическую и историческую разницу между демократическим и социалистическим переворотом. Забывать это — значило бы забывать об общенародном характере демократического переворота: если «общенародный», то значит есть «единство воли» именно постольку, поскольку этот переворот осуществляет общенародные нужды и потребности. За пределами демократизма не может быть и речи о единстве воли между пролетариатом и крестьянской буржуазией. Классовая борьба между ними неизбежна, но на почве демократической республики эта борьба и будет самой глубокой и самой широкой народной борьбой за социализм. У революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства есть, как и у всего на свете, прошлое и будущее. Ее прошлое — самодержавие, крепостничество, монархия, привилегия. В борьбе с этим прошлым, в борьбе с контр-революцией возможно «единство воли» пролетариата и крестьянства, ибо есть единство интересов.

Ее будущее — борьба против частной собственности, борьба наемного рабочего с хозяином, борьба за социализм. Тут единство воли невозможно¹⁾. Тут перед нами не дорога от самодержавия к республике, а дорога от мелкобуржуазной демократической республики к социализму.

Конечно, в конкретной исторической обстановке переплетаются элементы прошлого и будущего, смешивают-

¹⁾ Развитие капитализма, еще более широкое и быстрое при сво-
боды, неизбежно положит скорый конец единству воли, тем более скорый,
чем скорее будет раздавлена контр-революция и реакция.

ся та и другая дорога. Наемный труд и его борьба против частной собственности есть и при самодержавии, он зарождается даже при крепостном праве. Но это нисколько не мешает нам логически и исторически отделять крупные полосы развития. Ведь мы же все противопоставляем буржуазную революцию и социалистическую, мы все безусловно настаиваем на необходимости строжайшего различия их, а разве можно отрицать, что в истории отдельные, частные элементы того и другого переворота переплетаются? Разве эпоха демократических революций в Европе не знает ряда социалистических движений и социалистических попыток? И разве будущей социалистической революции в Европе не осталось еще много и много доделать в смысле демократизма?

Социал-демократ никогда и ни на минуту не должен забывать о неизбежной классовой борьбе пролетариата за социализм с самой демократической и республиканской буржуазией и мелкой буржуазией. Это несомненно. Из этого вытекает безусловная обязательность отдельной и самостоятельной строго-классовой партии социал-демократии. Из этого вытекает временный характер нашего «вместе бить» с буржуазией, обязанность строго надзирать «за союзником, как за врагом» и т. д. Все это тоже не подлежит ни малейшему сомнению. Но из этого смешно и реакционно было бы выводить забвение, игнорирование или пренебрежение насущных по отношению к настоящему, хотя преходящих и временных, задач. Борьба с самодержавием временная и преходящая задача социалистов, но всякое игнорирование или пренебрежение этой задачей равносильно измене социализму и услуге реакции. Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства есть безусловно лишь преходящая, временная задача социалистов, но игнорирование этой задачи в эпоху демократической революции прямо реакционно.

Конкретные политические задачи надо ставить в конкретной обстановке. Все относительно, все течет, все изменяется. Немецкая социал-демократия не ставит в программу требования республики. Там ситуация такова, что этот вопрос вряд ли отделим на практике от вопроса о социализме (хотя и по отношению к Германии Энгельс в замечаниях на проект Эрфуртской программы в 1890 году предостерегал от преуменьшения значения республики и борьбы за республику!). В российской социал-демократии не возникало даже и вопроса о том, чтобы удалить требование республики из программы и из агитации, ибо у нас не может быть и речи о неразрывной связи вопроса о республике с вопросом о социализме. Немецкий социал-демократ 1898 года, не ставящий на первый план вопрос

специально о республике, есть явление естественное, не вызывающее ни изумления, ни осуждения. Немецкий социал-демократ, который бы в 1848 г. оставил в тени вопрос о республике, был бы прямым изменником революции. Абстрактной истины нет. Истина всегда конкретна.

Наступит время—кончится борьба с русским самодержавием—минет для России эпоха демократической революции,—тогда смешно будет и говорить о «единстве воли» пролетариата и крестьянства, о демократической диктатуре и т. д. Тогда мы подумаем непосредственно о социалистической диктатуре пролетариата и подробнее поговорим о ней. Теперь же партия передового класса не может не стремиться самым энергичным образом к решительной победе демократической революции над царизмом. А решительная победа и есть не что иное, как революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства.

11. Беглое сравнение некоторых резолюций III с'езда Р. С.-Д. Р. П. и «конференции».

Вопрос о временном революционном правительстве является центральным пунктом тактических вопросов социал-демократии в настоящий момент. Останавливаться столь же подробно на остальных резолюциях конференции нет ни возможности, ни надобности. Мы ограничимся только кратким указанием на несколько пунктов, подтверждающих разобранное нами выше принципиальное различие в тактическом направлении резолюций III с'езда Р. С.-Д. Р. П. и резолюций конференции.

Возьмите вопрос об отношении к тактике правительства накануне переворота. Вы найдете опять-таки целостный ответ на него в резолюции III с'езда Р. С.-Д. Р. П. Эта резолюция учитывает все разнообразные условия и задачи особого момента: и разоблачение лицемерия правительственных уступок, и использование «карикатурных форм народного представительства», и революционное осуществление настоятельных требований рабочего класса (8-часовой рабочий день во главе их), и, наконец, отпор черным сотням. В резолюциях конференции вопрос разбросан по нескольким отделам: «отпор темным силам реакции» упомянут лишь в мотивах резолюции об отношении к другим партиям. Участие в выборах в представительные учреждения рассматривается отдельно от «компромиссов» царизма с буржуазией. Вместо призыва к осуществлению революционным путем 8-часового раб. дня особая резолюция с громким названием «об экономической борьбе» повторяет только (после звонких и очень неумных слов о «центральном месте, занятом рабочим вопросом в русской обще-

ственной жизни») старый лозунг агитации за «законодательное установление 8-часового раб. дня». Недостаточность и отсталость этого лозунга в настоящий момент слишком ясны, чтобы надо было останавливаться на их доказательстве.

Вопрос об открытом политическом выступлении. III с'езд учитывает предстоящую коренную перемену нашей деятельности. Никким образом нельзя забрасывать конспиративной деятельности и развития конспиративного аппарата: это было бы на руку полиции и до-нельзя выгодно правительству. Но нельзя уже теперь не думать и об открытом выступлении. Надо готовить немедленно целесообразные формы такого выступления и, следовательно, особые аппараты—менее конспиративные—для этой цели. Надо использовать легальные и полуполигальные общества, чтобы превращать их, по возможности, в опорные пункты будущей открытой социал-демократической рабочей партии в России.

Конференция и тут раздробляет вопрос, не давая никаких цельных лозунгов. Особо высказывает смехотворное поручение Организационной Комиссии позаботиться об «испомещении» легальных литераторов. Совсем нелепо постановление о «подчинении своему влиянию тех демократических газет, которые ставят себе целью оказывать содействие рабочему движению». Эту цель ставят себе все наши легальные либеральные газеты, почти сплошь «освобожденские» по направлению. Почему бы редакции «Искры» не начать самой с выполнения своего совета и не показать нам пример, как следует подчинять социал-демократическому влиянию «Освобождение»?.. Вместо лозунга использовать легальные союзы для создания опорных пунктов партии нам дают, во-первых, частный совет о «профессиональных» только союзах (обязательно участие в них членов партии) и, во-вторых, совет руководит «революционными организациями рабочих»=«неоформленными организациями»=«революционными рабочими клубами». Как это «клубы» попали в неоформленные организации, что это за «клубы»,—Аллах ведает. Перед нами, вместо точных и ясных директив высшего учреждения партии, какие-то наброски мыслей и черновые заметки литераторов. Никакой цельной картины о начале перехода партии к совершенно иной базе всей ее работы не получается.

«Крестьянский вопрос» поставлен совершенно различно с'ездом партии и конференцией. С'езд выработал резолюцию об «отношении к крестьянскому движению». Конференция—о «работе среди крестьян». В одном случае на первый план выдвинуты задачи руководства в общенацио-

нальных интересах борьбы с царизмом всем широким революционно-демократическим движением. В другом случае дело сводится только к «работе» среди особого слоя. В одном случае выдвигается центральный практический лозунг агитации—немедленная организация революционных крестьянских комитетов для проведения всех демократических преобразований. В другом—«требование образования комитетов» должно быть предъявлено Учредительному Собранию. Почему мы должны непременно ждать этого Учредительного Собрания? станет ли оно на деле учредительным? прочно ли оно будет без предварительного и одновременного учреждения революционных крестьянских комитетов?—все эти вопросы упущены из виду конференцией. На всех ее решениях так и отражается прослеженная нами общая мысль, что в буржуазной революции мы должны вести только свою специальную работу, не задаваясь целью руководства всем демократическим движением и самостоятельного проведения его. Как экономисты постоянно сбивались на то, что социал-демократам—экономическую борьбу, а либералам—политическую, так и новоискровцы сбиваются во всем ходе своих рассуждений на то, что нам поскромнее уголок в сторонке от буржуазной революции, а буржуазии—активное проведение ее.

Наконец, нельзя не отметить и резолюции об отношении к другим партиям. Резолюция III с'езда Р. С.-Д. Р. П. говорит о разоблачении всякой ограниченности и недостаточности освободительного движения буржуазии, не задаваясь наивной мыслью перечислить от с'езда до с'езда все возможные случаи этой ограниченности и провести черту, отделяющую нехороших буржуа от хороших буржуа. Конференция, повторяя ошибку Старовера, ищет упорно такой черты, развивает знаменитую теорию «лакмусовой бумажки». Старовер исходил из очень доброй идеи поставить буржуазии условия построже. Он забывал только, что всякая попытка наперед отделить заслуживающих одобрения, соглашения и т. д. буржуазных демократов от незаслуживающих ведет к «формуле» сейчас же выкидываемой за борт развитием событий и вносящей смуту в пролетарское классовое сознание. Центр тяжести переносится с реального единства в борьбе на заявления, обещания, лозунги. Старовер считал таким коренным лозунгом «всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право». Не прошло и двух лет,—«лакмусова бумажка» доказала свою негодность, лозунг всеобщего избирательного права переняли освобожденцы, не только не приближаясь от этого к социал-демократии, а напротив—именно посредством этого лозунга пытаюсь ввести в заблуждение рабочих и отвлечь их от социализма.

Теперь новоискровцы выставляют «условия» еще «строже», «требуют» от врагов царизма «энергичной и недвусмысленной (!?) поддержки всякого решительного действия организованного пролетариата» и т. д. вплоть до «активного участия в деле народного самовооружения». Черта проведена значительно дальше,—и тем не менее черта эта о пять уже устарела, сразу оказалась негодной. Почему, например, отсутствует лозунг республики? Каким образом в интересах «беспощадной революционной войны против всех основ сословно-монархического порядка» социал-демократы «требуют» от буржуазных демократов всего, чего хотите, кроме борьбы за республику?

Что это вопрос не придирка, что ошибка новоискровцев имеет самое жизненное политическое значение,—доказательство тому «Росс. Освоб. Союз» (см. № 4 «Пролетария»). Эти «враги царизма» вполне подойдут под все «требования» новоискровцев. А между тем мы показали, что освобожденский дух царит в программе (или в беспрограммности) этого «Р. О. С.» и что освобожденцы легко могут взять его на буксир. Конференция же заявляет в конце резолюции, что «социал-демократия будет выступать попрежнему как против лицемерных друзей народа, против всех тех политических партий, которые, выставляя либеральное и демократическое знамя, отказываются от действительной поддержки революционной борьбы пролетариата». «Р. О. С.» не только не отказывается, а усердно предлагает эту поддержку. Есть ли это ручательство за то, что его вожди не «лицемерные друзья народа», хотя бы они были «свободенцы»?

Вы видите: сочиняя наперед «условия» и пред'являя комичные по своему грозному бессилию «требования», новоискровцы сразу ставят себя в смешное положение. Их условия и требования сразу оказываются недостаточными для учета живой деятельности. Их погоня за формулами безнадежна, ибо никакой формулой не уловишь всех и всяческих проявлений лицемерия, непоследовательности и ограниченности буржуазной демократии. Дело не в «лаقمусовой бумажке», не в формах, не в записанных и пропечатанных требованиях, не в разграничении наперед лицемерных и нелицемерных «друзей народа», а в реальном единстве борьбы, неослабевающей критике со стороны социал-демократов каждого «нетвердого» шага буржуазной демократии. Для «действительного сплочения всех заинтересованных в демократическом переустройстве общественных сил» нужны не «пункты», над которыми так усердно и так тщательно трудилась конференция, а умение выставить действительно революционные лозунги. Для этого нужны лозунги, поднимающие до уровня пролетариата революцион-

ную и республиканскую буржуазию, а не принижающие задачи пролетариата до уровня монархической буржуазии. Для этого нужно энергичнейшее участие в восстании, а не резонерские отговорки от неотложной задачи вооруженного восстания.

12. Ослабнет ли размах демократической революции, если от нее отшатнется буржуазия?

Предыдущие строки были уже написаны, когда мы получили изданные «Искрой» резолюции кавказской конференции новоискровцев. Pour la bonne bouche (для хорошего окончания) мы не могли бы и выдумать лучшего материала.

Редакция «Искры» справедливо замечает: «В основном вопросе тактики кавказская конференция также пришла к решению, а н а л о г и ч н о м у (истина!) тому, которое принято на конференции общерусской» (т.-е. новоискровской)... «Вопрос об отношении социал-демократии к временному революционному правительству решен кавказскими товарищами в смысле самого отрицательного отношения к новому методу, пропагандируемому группой «Вперед» и примкнувшими к ней делегатами так называемого с'езда». «Формулировку тактики пролетарской партии в буржуазной революции, данную конференцией, надо признать весьма удачною».

Что правда, то правда. Более «удачной» формулировки коренной ошибки новоискровцев никто не сумел бы дать. Приводим эту формулировку целиком, отмечая сначала в скобках цветочки, а затем и преподнесенные в конце ягодки.

Резолюция кавказской конференции новоискровцев о временном правительстве:

«Считая своей задачей использовать революционный момент для углубления (пу, конечно! Надо бы добавить: для мартиновского углубления!) социал-демократического сознания пролетариата» (только для углубления сознания, а не для завоевания республики? Какое «глубокое» понимание революции!) конференция в целях обеспечения для партии полнейшей свободы критики нарождающегося буржуазно-государственного строя (обеспечивать республику не наше дело! Наше дело только обеспечить свободу критики. Анархические идеи порождают и анархический язык: «буржуазно-государственный» строй!), высказывается против образования социал-демократического временного правительства и вступления в него (припомните цитированную Энгельсом резолюцию бакунистов за 10 месяцев перед испанской революцией: см. «Пролетарий» № 3), а считает наиболее целесообразным оказывать давление (снизу, а не сверху) на буржуазное временное прави-

тельство для усиленной (?!) демократизации государственного строя. Конференция полагает, что образование социал-демократами временного правительства или вступление в него повело бы, с одной стороны, к отпадению от социал-демократической партии широких масс пролетариата, разочаровавшихся в ней, так как социал-демократия, несмотря на захват власти, не сможет удовлетворить насущным нуждам рабочего класса вплоть до осуществления социализма (республика не насущная нужда! Авторы, в невинности своей, не замечают, что говорят чисто-анархическим языком, как будто они отрицали участие в буржуазных революциях!), с другой заставит буржуазные классы отшатнуться от дела революции и тем ослабит ее размах».

Вот где зарыта собака. Вот где анархические идеи переплетаются (как это бывает постоянно и среди западноевропейских бернштейнианцев) с чистейшим оппортунизмом. Подумайте только: не вступить во временное правительство, потому что это заставит буржуазию отшатнуться от дела революции и тем ослабит размах революции! Да ведь тут уже перед нами целиком, в чистом и последовательном виде та новоискровская философия, что-де так как революция буржуазная, то поэтому мы должны преклоняться перед буржуазной пошлостью и уступать ей дорогу. Если мы руководимся, хотя бы отчасти, хотя бы на минуту, тем соображением, что наше участие может заставить буржуазию отшатнуться, то ведь мы этим целиком уступаем главенство в революции буржуазным классам. Мы этим всецело отдаем пролетариат под опеку буржуазии (оставаясь при полной «свободе критики»!), заставляя пролетариат быть умеренным и кротким, чтобы не отшатнулась буржуазия. Мы кастрируем насущнейшие нужды пролетариата, именно политические нужды его, которых никогда хорошенько не понимали экономисты и их эпигоны, кастрируем ради того, чтобы не отшатнулась буржуазия. Мы целиком переходим с почвы революционной борьбы за осуществление демократизма в пределах, нужных пролетариату, на почву торгашества с буржуазией, покупая своей изменой принципам, изменой революции ее, буржуазии, добровольное согласие (чтобы не отшатнулась).

В двух маленьких строчках кавказские новоискровцы сумели выразить всю суть тактики предательства революции, превращения пролетариата в жалкого прихвостня буржуазных классов. То, что мы вывели выше из ошибок новоискровства, как тенденцию, то перед нами возведено теперь в ясный и определенный принцип: в хвосте у монархической буржуазии. Так как осуществление республики заставило бы (и заставляет уже—пример г. Струве) от-

шатнуться буржуазию, поэтому долой борьбу за республику. Так как буржуазию всегда и во всем мире заставляет отшатнуться всякое энергичное и до конца доходящее демократическое требование пролетариата, поэтому—прячьтесь в норы, товарищи-рабочие, действуйте только извне, не думайте пользоваться для революции орудиями и средствами «буржуазно-государственного» строя и сохраняйте за собой «свободу критики».

Основная фальшь в самом понимании термина «буржуазная революция» выступила *вот* наружу. Мартыновское или новоискровское «понимание» *это* ведет прямым путем к предательству дела пролетариата в руки буржуазии.

Кто забыл старый экономизм, кто не изучает, не вспоминает его, тому трудно понять и теперешнюю отрывку экономизма. Припомните бернштейнианское «Credo». Из «чисто пролетарских» воззрений и программ люди выводили: нам, социал-демократам, экономик, настоящее рабочее дело, свободу критики всякого политиканства, настоящее углубление социал-демократической работы. Им, либералам, политик. Боже упаси впасть в «революционизм»: это заставит буржуазию отшатнуться. Кто перечтет целиком «Credo» или отдельное Приложение к № 9 «Рабочей Мысли» (сентябрь 1899 года), тот увидит весь этот ход рассуждения.

Теперь то же самое, только в крупном масштабе, в применении к оценке всей «великой» русской революции,—увь, опошляемой, и низводимой до карикатуры уже заранее теоретиками ортодоксального филистерства! Нам, социал-демократам, свобода критики, углубление сознания, действие извне. Им, буржуазным классам, свобода дела, свобода поприща для революционного (читай: либерального) руководства, свобода проведения «реформ» сверху.

Эти вульгаризаторы марксизма никогда не задумывались над словами Маркса о необходимой смене оружия критики критикой оружия. Всуе приемля имя Маркса, они на деле составляют тактические резолюции совершенно в духе франкфуртских буржуазных говорунов, свободно критиковавших абсолютизм, углублявших демократическое сознание и непонимавших, что время революции есть время действия, действия и сверху и снизу. Превратив марксизм в резонерство, они из идеологии передового, наиболее решительного и энергичного революционного класса сделали идеологию самых неразвитых слоев его, прячущихся от трудных революционно-демократических задач и предоставляющих эти демократические задачи господам Струве.

Если буржуазные классы отшатнутся, вследствие вступления в революционное правительство социал-демократин, от дела революции, то они тем «ослабят ее размах».

Слышите, русские рабочие: размах революции будет сильнее, если ее проведут не отпугиваемые социал-демократами господа Струве, которые хотят не победы над царизмом, а сделки с ним. Размах революции будет сильнее, если из двух возможных исходов ее, очерченных нами выше, осуществится первый, т.-е., если монархическая буржуазия сторгуется с самодержавием на «конституции» в роде Шиповской!

Социал-демократы, которые пишут в резолюциях для руководства всей партии такие позорные вещи, или которые одобряют эти «удачные» резолюции, до того ослеплены резонерством, вытравившим весь живой дух из марксизма, что они не замечают, как эти резолюции превращают в фразу все их остальные хорошие слова. Возьмите вы любую их статью из «Искры», возьмите даже пресловутую брошюру нашего знаменитого Мартынова,—вы услышите речи о народном восстании, о доведении революции до конца, о стремлении опереться на народные низы в борьбе с непоследовательной буржуазией. Но ведь все эти хорошие вещи превращаются в жалкую фразу с того момента, как вы принимаете или одобряете мысль об «ослаблении», вследствие отчуждения буржуазии, «размаха революции». Одно из двух, господа: или мы с народом должны стремиться провести революцию, одержав полную победу над царизмом, вопреки непоследовательной, своекорыстной и трусливой буржуазии;—или мы не допускаем этого «вопреки», мы боимся, как бы не «отшатнулась» буржуазия, и тогда мы предаем пролетариат и народ буржуазии, непоследовательной, своекорыстной и трусливой буржуазии.

Не вздумайте перетолковывать моих слов. Не кричите, что вас обвиняют в сознательном предательстве. Нет, вы так же бессознательно лезли все время и залезли теперь в болото, как старые экономисты, влекомые неудержимо и безвозвратно вниз по наклонной плоскости «углубления» марксизма до анти-революционного бездушного и безжизненного «умничанья».

От каких реальных общественных сил зависит «размах революции», подумали ли вы об этом, господа? Оставим в стороне силы внешней политики, международных комбинаций, которые сложились очень выгодно для нас теперь, но которые мы все исключаем из рассмотрения, и исключаем справедливо, поскольку вопрос идет о внутренних силах России. Посмотрите на эти внутренние общественные силы. Против революции стоит самодержавие, двор, полиция, чиновничество, войско, горстка высокой знати. Чем глубже возмущение в народе, тем ненадежнее становится войско, тем больше колебания в чиновничестве. Далее, буржуазия в общем и целом стоит теперь за революцию, усердствуя

с речами о свободе, все чаще и чаще заговаривая от имени народа и даже от имени революции¹⁾). Но мы все, марксисты, знаем из теории и наблюдаем ежедневно и ежечасно на примере наших либералов, земцев и освобожденцев, что буржуазия стоит за революцию непоследовательно, своекорыстно, трусливо. Буржуазия неизбежно повернет, в своей массе, на сторону контр-революции, на сторону самодержавия против революции, против народа, как только удовлетворятся ее узкие, корыстные интересы, как только «отшатнется» она от последовательного демократизма (а она уже теперь отшатывается от него!). Остается «народ», то-есть пролетариат и крестьянство: пролетариат один способен идти надежно до конца, ибо он идет гораздо дальше демократического переворота. Поэтому пролетариат и борется за республику в первых рядах, с презрением отбрасывая глупые и недостойные его советы считаться с тем, не отшатнется ли буржуазия. Крестьянство включает в себе массу полупролетарских элементов наряду с мелко-буржуазными. Это делает его тоже неустойчивым, заставляя пролетариат сплотиться в строго классовую партию. Но неустойчивость крестьянства коренным образом отличается от неустойчивости буржуазии, ибо крестьянство в данный момент заинтересовано не столько в безусловной охране частной собственности, сколько в отнятии помещичьей земли, одного из главных видов этой собственности. Не становясь от этого социалистическим, не переставая быть мелко-буржуазным, крестьянство способно стать полным и радикальнейшим сторонником демократической революции. Крестьянство неизбежно станет таким, если только просвещающий его ход революционных событий не оборвется слишком рано предательством буржуазии и поражением пролетариата. Крестьянство неизбежно станет, при указанном условии, оплотом революции и республики, ибо только вполне победившая революция сможет дать крестьянству все в области земельных реформ, все то, чего крестьянство хочет, о чем оно мечтает, что действительно необходимо ему не для уничтожения капитализма, как воображают «социалисты-революционеры», а для того, чтобы подняться из тины полукрепостничества, из мрака забитости и холопства, чтобы улучшить свои условия жизни настолько, насколько это только допустимо в пределах товарного хозяйства.

Мало того: не только радикальное аграрное преобразование привязывает крестьянство к революции, но и все-

¹⁾ Интересно в этом отношении открытое письмо г. Струве к Жоресу; напечатанное недавно этим последним в газете „l'Humanité“ и г-ном Струве в № 72 „Освобождения“.

общие и постоянные интересы крестьянства. Даже в борьбе с пролетариатом крестьянство нуждается в демократии, ибо только демократический строй способен точно выразить его интересы и дать преобладание ему, как массе, как большинству. Чем просвещеннее будет крестьянство (а со времени войны с Японией оно просвещается с такой быстротой, которой не подозревают многие, привыкшие измерять просвещение только школьной меркой), тем последовательнее и решительнее оно будет стоять за полный демократический переворот, ибо ему не страшно, как буржуазии а выгодно верховенство народа. Демократическая республика станет его идеалом, как только оно станет избавляться от наивного монархизма, ибо сознательный монархизм маклерствующей буржуазии (с верхней палатой и т. д.) означает для крестьянства ту же несправедливость, ту же забитость и темноту, чуть-чуть только подкрашенную европейски-конституционным лаком.

Вот почему буржуазия, как класс, естественно и неизбежно стремится под крылышко либерально-монархической партии, а крестьянство, как масса—под руководство революционной и республиканской партии. Вот почему буржуазия не способна довести демократической революции до конца, а крестьянство способно довести революцию до конца, и мы должны всеми силами помочь ему в этом.

Мне возразят: это не к чему доказывать, это азбука, это все социал-демократы прекрасно понимают. Нет, этого не понимают те, кто способен говорить об «ослаблении размаха» революции вследствие отпадения от нее буржуазии. Такие люди повторяют заученные слова нашей аграрной программы, но не понимают их значения, ибо иначе они не боялись бы неизбежно вытекающего из всего марксистского мировоззрения и из нашей программы понятия революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, иначе они не ограничивали бы размах великой русской революции размахом буржуазии. Такие люди побивают свои абстрактные марксистские революционные фразы своими конкретными анти-марксистскими и анти-революционными резолюциями.

Кто действительно понимает роль крестьянства в победоносной русской революции, тот неспособен был бы говорить, что размах революции ослабеет, когда буржуазия отшатнется. Ибо на самом деле только тогда начнется настоящий размах русской революции, только тогда это будет действительно наибольший революционный размах, возможный в эпоху буржуазно-демократического переворота, когда буржуазия отшатнется и активным революционером выступит масса крестьянства на ряду с пролетариатом. Для того, чтобы быть последовательно доведенной до конца,

наша демократическая революция должна опереться на такие силы, которые способны парализовать неизбежную непоследовательность буржуазии (т.-е. способны именно «заставить ее отшатнуться»), чего боятся, по недомыслию, кавказские сторонники «Искры»).

Пролетариат должен провести до конца демократический переворот, присоединяя к себе массу крестьянства, чтобы раздавить силой сопротивление самодержавия и парализовать неустойчивость буржуазии. Пролетариат должен совершить социалистический переворот, присоединяя к себе массу полупролетарских элементов населения, чтобы сломить силой сопротивление буржуазии и парализовать неустойчивость крестьянства и мелкой буржуазии. Таковы задачи пролетариата, которые так узко представляют себе новоискровцы во всех своих рассуждениях о размахе революции.

Не надо забывать только одного обстоятельства, часто упускаемого из виду при рассуждениях на тему об этом «размахе». Не надо забывать, что речь идет не о трудностях задачи, а о том, на каком пути искать и добиваться решения ее. Речь идет не о том, легко или трудно сделать размах революции могучим и непобедимым, а о том, как поступать следует для усиления этого размаха. Расхождение касается именно основного характера деятельности, самого направления ее. Мы подчеркиваем это, потому что невнимательные и недобросовестные люди слишком часто смешивают два различных вопроса: вопрос о направлении пути, т.-е. о выборе одного из двух различных путей, и вопрос о легкости осуществления цели или близости ее осуществления на данном пути.

Этого последнего вопроса мы совершенно не касались в предыдущем изложении, ибо этот вопрос не вызывал у нас разногласий и расхождения внутри партии. Но, разумеется, сам по себе вопрос этот крайне важен и заслуживает серьезнейшего внимания всех социал-демократов. Было бы непозволительным оптимизмом забывать о тех трудностях, которые связаны с вовлечением в движение массы не только рабочего класса, но и крестьянства. Именно об эти трудности сламывались не раз усилия довести до конца демократическую революцию, при чем торжествовала всего более непоследовательная и своекорыстная буржуазия, которая и «приобретала капитал» монархической защиты от народа и «соблюдала невинность» либерализма... или «освобожденства». Но трудность не есть неисполнимость. Важна уверенность в правильном выборе пути, и эта уверенность

усиливает сто́крат революционную энергию и революционный энтузиазм, способные совершать чудеса.

До какой степени глубоко расхождение между современными социал-демократами по вопросу о выборе пути, видно сразу из сопоставления кавказской резолюции новоискровцев и резолюции III с'езда Российской Социал-Демократической Рабочей партии. Резолюция с'езда говорит: буржуазия непоследовательна, она непременно будет стараться отнять у нас завоевания революции. Поэтому готовьтесь энергичнее к борьбе, товарищи-рабочие, вооружайтесь, привлекайте на свою сторону крестьянство. Мы не уступим своекорыстной буржуазии наших революционных завоеваний без боя. Резолюция кавказских новоискровцев говорит: буржуазия непоследовательна, она может отшатнуться от революции. Поэтому, товарищи-рабочие, не думайте, пожалуйста, об участии во временном правительстве, ибо тогда буржуазия наверное отшатнется, и размах революции будет от этого слабее!

Одни говорят: двигайте революцию вперед, до конца, вопреки сопротивлению или пассивности непоследовательной буржуазии.

Другие говорят: не думайте о самостоятельном проведении революции до конца, ибо от нее отшатнется тогда непоследовательная буржуазия.

Разве перед нами не два диаметрально противоположные пути? Разве не очевидно, что одна тактика безусловно исключает другую? Что первая тактика есть единственно верная тактика революционной социал-демократии, а вторая в сущности тактика чисто освобожденская?

13. Заключение. Смеем ли мы победить?

Люди, поверхностно знакомые с положением дел в российской социал-демократии, или судящие со стороны, не знающие истории всей нашей внутрипартийной борьбы со времени экономизма, очень часто отделяются и от определившихся теперь, особенно после III с'езда, тактических разногласий простой ссылкой на две естественные, неизбежные, вполне примиримые тенденции всякого социал-демократического движения. С одной стороны, дескать, усиленно подчеркивание обычной, текущей, повседневной работы, необходимости развивать пропаганду и агитацию, готовить силы, углублять движение и т. д. С другой стороны, подчеркивание боевых, общеполитических, революционных задач движения, указание на необходимость вооруженного восстания, выдвигание лозунгов: революционно-демократическая диктатура, временное революционное

правительство. Ни той, ни другой стороны не следует превеличивать, ни там, ни здесь (как и вообще нигде на свете) нехороши крайности и т. д., и т. п.

Дешевые истины житейской (и «политической» в кавычках) мудрости, которые, несомненно, имеются в подобных рассуждениях, слишком часто прикрывают, однако, непонимание насущных, наиболее нужд партии. Возьмите современные тактические разногласия среди русских социал-демократов. Разумеется, само по себе усиленное подчеркивание повседневной, будничной стороны работы, которое мы видим в новоискровских рассуждениях о тактике, ничего опасного не могло бы еще представить и никакого расхождения в тактических лозунгах не могло бы вызвать. Но достаточно сравнить резолюцию III съезда Российской Социал-Демократической Рабочей партии с резолюциями конференции, чтобы это расхождение бросилось в глаза.

В чем же дело? А в том, во-первых, что мало одного общего, абстрактного указания на две струи в движении и на вред крайностей. Надо знать конкретно, чем страдает данное движение в данный момент, в чем теперь заключается реальная политическая опасность для партии. Во-вторых, надо знать, каким реальным политическим силам подливают воду на мельницу те или иные тактические лозунги,—может быть, то или иное отсутствие лозунгов. Послушайте новоискровцев—и вы придете к выводу, что партии социал-демократии грозит опасность выкинуть за борт пропаганду и агитацию, экономическую борьбу и критику буржуазной демократии, увлечься не в меру военной подготовкой, вооруженными нападениями, захватом власти и т. д. На самом же деле реальная опасность грозит партии совсем с другой стороны. Кто знает сколько-нибудь близко состояние движения, кто внимательно и вдумчиво следит за ним, тот не может не видеть смешной стороны новоискровских страхов. Вся работа Российской Социал-Демократической Рабочей партии вполне отлилась уже в прочные, неизменные рамки, безусловно обеспечивающие сосредоточение центра тяжести в пропаганде и агитации, летучках и массовках, распространении листовок и брошюр, содействие экономической борьбе и подхватывание ее лозунгов. Нет ни одного комитета партии, ни одного районного комитета, ни одной центральной сходки, ни одной заводской группы, в которой бы девяносто девять сотых внимания, сил и времени не уделялось всегда и постоянно всем этим функциям, упрочившимся еще со второй половины девяностых годов. Не знают этого только люди вовсе незнакомые с движением. Принимать за чистую монету новоискровское повторение задов, когда оно делается с особо

важным видом, могут только очень наивные или неосведомленные люди.

Факт тот, что не только не увлекаются у нас чересчур задачами восстания, общеполитическими лозунгами, делом руководства всей народной революции, а, наоборот, отсталость именно в этом отношении бьет в глаза, составляет самое больное место, представляет реальную опасность движения, которое может выродиться и кое-где вырождается из революционного на деле в революционное на словах. Из многих и многих сотен организаций, групп и кружков, выполняющих работу партии, вы не найдете ни одного, в котором с самого его возникновения не велась бы та повседневная работа, о которой с видом людей, открывших новые истины, повествуют мудрецы из новой «Искры». И наоборот, вы найдете ничтожный процент групп и кружков, сознавших задачи вооруженного восстания, приступивших к выполнению их, давших себе отчет в необходимости руководить всей народной революцией против царизма, в необходимости выдвигать для этого такие именно, а не другие передовые лозунги.

Мы невероятно отстали от передовых и действительно революционных задач, мы не сознали еще их в массе случаев, мы прозевали и там и тут усиление революционной буржуазной демократии за счет нашей отсталости в этом отношении. А писатели новой «Искры», повернувшись спиной к ходу событий и к запросам времени, твердят упорно: не забывайте старого! не увлекайтесь новым! Это — основной неизменный мотив всех существенных резолюций конференции, тогда как в резолюциях съезда вы также неизменно читаете: подтверждая старое (и не останавливаясь на его разжевывании именно потому, что оно есть старое, уже решенное и закрепленное литературой, резолюциями и опытом), выдвигаем новую задачу, обращаем внимание на нее, ставим новый лозунг, требуем от действительно революционных социал-демократов немедленной работы над его проведением в жизнь.

Вот как стоит на самом деле вопрос о двух течениях в тактике социал-демократии. Революционная эпоха выдвинула новые задачи, которых не видят только совсем слепые люди. И эти задачи одни с.-р. решительно признают и ставят на очередь дня: вооруженное восстание неотложно, готовьтесь к нему немедленно и энергично, помните, что оно необходимо для решительной победы, ставьте лозунги республики временного правительства, революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Другие же пятятся назад, топчутся на одном месте, вместо лозунгов дают предисловия, вместо указания нового наряду

с подтверждением старого, разжевывают пространно и скучно это старое, сочиняя отговорки от нового, не умея определить условий решительной победы, не умея выставить лозунгов, единственно соответствующих стремлению добиться полной победы.

Политический результат этого хвостизма у нас налицо. Басня о сближении «большинства» Российской Социал-Демократической Рабочей партии с революционной буржуазной демократией остается басней, не подтверждаемой ни единым политическим фактом, ни единой влиятельной резолюцией «большевиков», ни единым актом III съезда Российской Социал-Демократической Рабочей партии. А между тем оппортунистическая, монархическая буржуазия в лице «Освобождения» издавна приветствует «принципиальные» тенденции новоискровства, а теперь уже прямо их водой вертит свою мельницу, воспринимает все их словечки и «идейки» против «конспирации» и «бунта», против преувеличения «технической» стороны революции», против прямого выставления лозунга вооруженного восстания, против «революционизма» крайних требований и т. д., и т. п. Резолюция целой конференции социал-демократов—«меньшевиков» на Кавказе и одобрение этой резолюции редакцией новой «Искры» подводит недвусмысленный политический итог всему этому: как бы не отшатнулась буржуазия в случае участия пролетариата в революционно-демократической диктатуре! Этим все сказано. Этим окончательно закреплено превращение пролетариата в прихвостня монархической буржуазии. Этим доказано на деле, не случайным заявлением одного лица, а резолюцией, специально одобренной целым направлением, доказано политическое значение новоискровского хвостизма.

Кто вдумывается в эти факты, тот поймет действительное значение ходячих указаний на две стороны и две тенденции социал-демократического движения. Возьмите бернштейниаду, чтобы на крупном масштабе изучить эти тенденции. Ведь бернштейнианцы точь в точь твердили и твердят, что именно они понимают истинные нужды пролетариата, задачи роста его сил, углубления всей работы, подготовки элементов нового общества, пропаганды и агитации. Мы требуем открытого признания того, что есть!—говорит Бернштейн, освящая этим «движение» без «конечной цели», освящая одну оборонительную тактику, проповедуя тактику боязни «как бы не отшатнулась буржуазия». И бернштейнианцы кричали о «якобинизме» революционных социал-демократов, о «литераторах», не понимающих «рабочей самодеятельности» и т. д., и т. д. На деле, как всем известно, революционные социал-демократы и не думали забрасывать повседневной и мелкой работы, подго-

товки сил и пр., и пр. Они только требовали ясного сознания конечной цели, ясной постановки революционных задач, они хотели поднимать полу-пролетарские и мелко-буржуазные слои до революционности пролетариата, а не принижать эту последнюю до оппортунистических соображений, «как бы не отшатнулась буржуазия». Едва ли не самым рельефным выражением этой розни между интеллигентски-оппортунистическим и пролетарски-революционным крылом партии явился вопрос: dürfen wir siegen? смеем ли мы победить? позволительно ли нам победить? не опасно ли нам победить? следует ли нам побеждать? Странный, на первый взгляд, вопрос этот, однако, был поставлен и должен был быть поставлен, ибо оппортунисты боялись победы, отпугивали пролетариат от нее, пророчили беды от нее, высмеивали лозунги, прямо зовущие к ней.

То же основное деление на интеллигентско-оппортунистическую и пролетарско-революционную тенденцию, имеется у нас с тою лишь, весьма существенною, разницей, что речь идет не о социалистическом, а о демократическом перевороте. У нас тоже поставлен нелепый на первый взгляд вопрос: «смеем ли мы победить?» Он поставлен Мартыновым в его «Двух диктатурах», пророчивших беды от того, если мы очень хорошо подготовим и вполне успешно проведем восстание. Он поставлен всей литературой новоискровцев по вопросу о временном революционном правительстве, при чем усердно, но безуспешно пытались все время смешать участие Мильерана в буржуазно-оппортунистическом правительстве с участием Варлэна в мелко-буржуазном революционном правительстве. Он закреплен резолюцией «как бы не отшатнулась буржуазия». И хотя Каутский, например, пробует теперь иронизировать, что наши споры о временном революционном правительстве похожи на дележ шкуры еще не убитого медведя, но эта ирония показывает лишь, как даже умные и революционные социал-демократы попадают впросак, когда говорят о том, что известно им только по наслышке. Немецкая социал-демократия еще не слишком близка к тому, чтобы убить медведя (совершить социалистический переворот), но спор о том, «смеем» ли мы убивать его, имел громадное принципиальное и практически-политическое значение. Русские социал-демократы не слишком близки еще к тому, чтобы быть в силах «убить своего медведя» (совершить демократический переворот), но вопрос о том, «смеем» ли мы убивать его, имеет для всего будущего России и для будущего русской социал-демократии крайне серьезное значение. Не может быть и речи об энергичном, успешном сборе армии, руководстве ею без уверенности в том, что мы «смеем» победить.

Возьмите старых наших экономистов. Они тоже кричали, что их противники—заговорщики, якобинцы (см. «Рабочее Дело», особенно № 10, и речь Мартынова при дебатах на II с'езде о программе), что они отрываются от массы, бросаясь в политику, что они забывают основы рабочего движения, не считаются с рабочей самодеятельностью и проч. и проч. На самом же деле эти сторонники «рабочей самодеятельности» были интеллигентами-оппортунистами, навязывавшими рабочим свое узкое и филистерское понимание задач пролетариата. На самом деле противники экономизма, как может видеть всякий по старой «Искре», не забросили и не отодвинули на задний план ни одной из сторон социал-демократической работы, нисколько не забыли экономической борьбы, умея в то же время поставить во всей широте насущные и очередные политические задачи, противодействуя превращению рабочей партии в «экономический» придаток либеральной буржуазии.

Экономисты заучили, что в основе политики лежит экономика, и «поняли» это так, что надо принижать политическую борьбу до экономической. Новоискровцы заучили, что демократический переворот имеет в экономической основе своей буржуазную революцию, и «поняли» это так, что надо принижать демократические задачи пролетариата до уровня буржуазной умеренности, до того предела, за которым «отшатнется буржуазия». Экономисты под предлогом углубления работы, под предлогом рабочей самодеятельности и чисто-классовой политики,—на деле отдавали рабочий класс в руки либерально-буржуазных политиков, т.-е. вели партию по пути, об'ективное значение которого было именно таково. Новоискровцы, под теми же самыми предложениями, на деле предают буржуазии интересы пролетариата в демократической революции, т.-е. ведут партию по пути, об'ективное значение которого именно таково. Экономистам казалось, что главенство в политической борьбе не дело социал-демократов, а собственно дело либералов. Новоискровцам кажется, что активное проведение демократической революции не дело социал-демократов, а собственно дело демократической буржуазии, ибо руководство и первенствующее участие пролетариата «ослабит размах» революции.

Одним словом, новоискровцы являются эпигонами экономизма не только по происхождению своему на втором с'езде партии, но и по теперешней постановке ими тактических задач пролетариата в демократической революции. Это—тоже интеллигентски-оппортунистическое крыло партии. В организации оно дебютировало анархическим индивидуализмом интеллигентов и закончило «дезорганизацией-процессом», закрепив в «уставе», принятом конференцией, оторванность литературы от партийной организации, не

прямые, чуть ли не четырехстепенные выборы, систему бонапартистских плебисцитов, вместо демократического представительства, наконец, принцип «соглашения» между частью и целым. В тактике партии они катились по такой же наклонной плоскости. В «плане земской кампании» они объявили «высшим типом демонстрации» выступление перед землями, находя на политической сцене только две активные силы (накануне 9-го января)!—правительство и буржуазную демократию. Насущную задачу вооружения они «углубляли», заменяя прямой практический лозунг призывом вооружить жгучей потребностью самовооружения. Задачи вооруженного восстания, временного правительства, революционно-демократической диктатуры извращены и притуплены ими теперь в официальных их резолюциях. «Как бы не отшатнулась буржуазия»—этот заключительный аккорд последней их резолюции—проливает полный свет на вопрос о том, куда ведет партию их путь.

Демократический переворот в России есть революция, по общественно-экономической сущности своей, буржуазная. Это верное марксистское положение недостаточно просто повторять. Его надо уметь понять и уметь применять к политическим лозунгам. Вся политическая свобода вообще, на почве современных, т.-е. капиталистических, производственных отношений есть свобода буржуазная. Требование свободы выражает раньше всего интересы буржуазии. Ее представители первые выставили это требование. Ее сторонники воспользовались повсюду, как хозяева, полученной свободой, сводя ее к умеренной и аккуратной буржуазной мерке, совмещая ее с самым утонченным в мирное время и зверски-жестоким во время бури подавлением революционного пролетариата.

Но выводить из этого отрицание или принижение борьбы за свободу могли только бунтари-народники, анархисты да «экономисты». Навязывать эти интеллигентски-филистерские учения пролетариату удавалось всегда лишь на время, лишь вопреки его сопротивлению. Пролетариат охватывал чутьем, что политическая свобода нужна ему, нужна всего более ему, несмотря на то, что она непосредственно укрепит и организует буржуазию. Не в уклонении от классово-борьбы ждет своего спасения пролетариат, а в ее развитии, в увеличении ее широты, сознательности, организованности, решительности. Кто принижает задачи политической борьбы, тот превращает социал-демократа из народного трибуна в секретаря трэд-юниона. Кто принижает пролетарские задачи в демократической буржуазной революции, тот превращает социал-демократа из вождя народной революции в вожака свободного рабочего союза.

Да, народной революции. Соц.-демократия боролась и борется с полным правом против буржуазно-демократического злоупотребления словом «народ». Она требует, чтобы этим словом не прикрывалось непонимание классовых антагонизмов внутри народа. Она настаивает, безусловно, на необходимости полной классовой самостоятельности партии пролетариата. Но она разлагает «народ» на «классы» не для того, чтобы передовой класс замыкался в себе, ограничивал себя узенькой меркой, кастрировал свою деятельность соображениями, как бы не отшатнулись экономические владыки мира, а для того, чтобы передовой класс, не страдая от половинчатости, неустойчивости, нерешительности промежуточных классов, тем с большей энергией, тем с большим энтузиазмом боролся за дело всего народа, во главе всего народа.

Вот что так часто не понимают современные новоскрывцы, замещающие выставление активных политических лозунгов в демократической революции одним резонерским повторением слова: «классовый» во всех родах и во всех падежах!

Демократический переворот буржуазен. Лозунг черного передела или земли и воли,—этот распространеннейший лозунг крестьянской массы, забитой и темной, но страстно ищущей света и счастья,—буржуазен. Но мы, марксисты, должны знать, что нет и быть не может другого пути к настоящей свободе пролетариата и крестьянства, как путь буржуазной свободы и буржуазного прогресса. Мы должны не забывать, что нет и быть не может в настоящее время другого средства приблизить социализм, как полная политическая свобода, как демократическая республика, как революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. Как представители передового и единственно-революционного, без оговорок, без сомнений, без оглядок назад, революционного класса, мы должны как можно шире, смелее, инициативнее ставить перед всем народом задачи демократического переворота. Принижение этих задач есть теоретически карикатура на марксизм и филистерское извращение его, а практически-политически есть передача дела революции в руки буржуазии, которая неизбежно отшатнется от последовательного проведения революции. Трудности, которые стоят на пути полной победы революции, очень велики. Никто не сможет осудить представителей пролетариата, если они сделают все, что в их силах, и если все их усилия разобьются о сопротивление реакции, о предательство буржуазии, о темноту массы. Но все и каждый—и прежде всего сознательный пролетариат—осудит социал-демократию, если она будет урезывать революционную энергию демократического переворота, уре-

зывать революционный энтузиазм боязнью победить, соображениями о том, как бы не отшатнулась буржуазия.

Революции—локомотивы истории,—говорил Маркс. Революции—праздник угнетенных и эксплуатируемых. Никогда масса народа неспособна выступать таким активным творцом новых общественных порядков, как во время революции. В такие времена народ способен на чудеса, с точки зрения узкой, мещанской мерки постепеновского прогресса. Но надо, чтобы и руководители революционных партий шире и смелее ставили свои задачи в такое время, чтобы их лозунги шли всегда **впереди** революционной самодеятельности массы, служа маяком для нее, показывая во всем его величии и во всей его прелести наш демократический и социалистический идеал, показывая самый **ближайший**, самый прямой путь к полной, безусловной, решительной победе. Предоставим оппортунистам «освобожденской» буржуазии сочинять, из страха перед революцией и из страха перед прямым путем, обходные, окольные, компромиссные пути. Если нас силой заставят волочиться по таким путям, мы сумеем исполнить свой долг и на мелкой **будничной** работе. Но пусть сначала беспощадная борьба решит вопрос о выборе пути. Мы окажемся изменниками и предателями революции, если мы не используем этой праздничной энергии масс и их революционного энтузиазма для беспощадной и беззаветной борьбы за прямой и решительный путь. Пусть оппортунисты буржуазии трусливо думают о будущей реакции. Рабочих не испугает мысль ни о том, что реакция собирается быть страшной, ни о том, что буржуазия собирается отшатнуться. Рабочие не ждут сделок, не просят подачек, они стремятся к тому, чтобы беспощадно раздавить реакционные силы, т.е. — к революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства.

Слов нет, в бурное время больше опасностей угрожает нашему партийному кораблю, чем при тихом «плавании» либерального прогресса, означающего мучительно-медленное выжимание соков из рабочего класса его эксплуататорами. Слов нет, задачи революционно-демократической диктатуры в тысячу раз труднее и сложнее, чем задачи «крайней оппозиции» и одной только парламентской борьбы. Но кто в настоящий революционный момент сознательно способен предпочесть мирное плавание и путь безопасной «оппозиции»,—тот пусть лучше уйдет на время от социал-демократической работы, пусть дожидается конца революции, когда минет праздник, снова начнутся будни, когда его буднично-ограниченная мерка не будет таким отвратительным диссонансом, таким уродливым извращением задач передового класса.

Во главе всего народа и в особенности крестьянства— за полную свободу, за последовательный демократический переворот, за республику! Во главе всех трудящихся и эксплуатируемых— за социализм! Такова должна быть на деле политика революционного пролетариата, таков классовый лозунг, который должен проникать и определять собой решение каждого тактического вопроса, каждый практический шаг рабочей партии во время революции.

ПОСЛЕСЛОВИЕ.

Еще раз освобожденство, еще раз новоискровство.

Номера 71—72 «Освобождения» и 102—103 «Искры» дали новый, чрезвычайно богатый материал по вопросу, которому мы посвятили § 8-й нашей брошюры. Не имея никакой возможности использовать здесь весь этот богатый материал, мы остановимся лишь на главнейшем: во-первых, на том, какого рода «реализм» расхваливает «Освобождение» в социал-демократии и почему оно должно его расхваливать; во-вторых, на соотношении понятий революция и диктатура.

I. За что хвалят буржуазно-либеральные реалисты «реалистов» социал-демократических?

Статьи: «Раскол в русской социал-демократии» и «Торжество здравого смысла» (№ 72 «Освобождения») представляют из себя замечательно ценное для сознательных пролетариев суждение представителей либеральной буржуазии о социал-демократии. Нельзя достаточно сильно рекомендовать в их полном виде и продумать каждую фразу в них. Мы воспроизведем прежде всего главные положения обеих статей:

«Постороннему наблюдению—говорит «Освобождение»—довольно трудно уловить реальный политический смысл разногласия, разбившего соц.-дем. партию на две фракции. Определение фракции «большинства», как более радикальной и прямолинейной, в отличие от «меньшинства», допускающего в интересах дела некоторые компромиссы, не вполне точно и, во всяком случае, не представляет исчерпывающей характеристики. По крайней мере традиционные догматы марксистской ортодоксии блюдятся фракцией меньшинства, пожалуй, еще с большей ревностью, чем фракцией Ленина. Более точной представляется нам следующая характеристика. Основным политическим настроением «большинства» является отвлеченный революционизм, бун-

тарство, стремление какими угодно средствами поднять восстание в народной массе и от ее имени немедленно захватить власть; это до известной степени сближает «ленинцев» с социалистами-революционерами и заслоняет в их сознании идею классовой борьбы идеей всенародной русской революции; отрекаясь на практике от многих узостей социал-демократической доктрины, «ленинцы», с другой стороны, насквозь пропитаны узостью революционизма, отказываются от всякой другой практической работы, кроме приготовления немедленного восстания, принципиально игнорируют все формы легальной и полуполитической агитации и все виды практически-полезных компромиссов с другими оппозиционными течениями. Напротив, меньшинство, крепко держась за догму марксизма, вместе с тем сохраняет и реалистические элементы марксистского мировоззрения. Основной идеей этой фракции является противопоставление интересов «пролетариата» интересам буржуазии. Но, с другой стороны, борьба пролетариата мыслится—конечно, в известных пределах, диктуемых незыблемыми догматами социал-демократии реалистически трезво, с ясным сознанием всех конкретных условий и задач этой борьбы. Обе фракции проводят свою основную точку зрения не вполне последовательно, так как они связаны в своем идейно-политическом творчестве строгими формулами социал-демократического катехизиса, которые мешают «ленинцам» стать прямолинейными бунтарями, по образцу некоторых по крайней мере социалистов-революционеров, а «искровцам» — практическими руководителями реального политического движения рабочего класса.

И, приводя далее содержание главных резолюций, писатель «Освобождения» поясняет несколькими конкретными замечаниями по поводу них свои общие «мысли». По сравнению с III съездом, говорит он, «совершенно иначе относится к вооруженному восстанию конференция меньшинства». «В связи с отношением к вооруженному восстанию стоит различие резолюций о временном правительстве». «Такое же разногласие обнаруживается и в отношении к профессиональным рабочим союзам. «Ленинцы» в своих резолюциях даже не обмолвились ни словом об этой важнейшей исходной точке политического воспитания и организации рабочего класса. Наоборот, меньшинство выработало очень серьезную резолюцию». По отношению к либералам обе фракции, дескать, единодушны, но III съезд «повторяет почти дословно резолюцию Плеханова об отношении к либералам, принятую на II-м съезде, и отвергает принятую тем же съездом, более благосклонную к либералам резолюцию Старовера». При общей однородности резолюций съезда и конференции о крестьянском движении

«большинство более подчеркивает идею революционной конфискации помещичьих и т. д. земель, тогда как меньшинство основой своей агитации хочет сделать требования демократических, государственных и административных реформ».

Наконец, «Освобождение» цитирует из № 100 «Искры» одну меньшевистскую резолюцию, главный пункт которой гласит: «В виду того, что в настоящее время одна подпольная работа не обеспечивает массе достаточного участия ее в партийной жизни и отчасти ведет к противопоставлению массы, как таковой, партии, как нелегальной организации, необходимо последней взять в свои руки ведение рабочими профессиональной борьбы на легальной почве, строго связывая эту борьбу с социал-демократическими задачами». По поводу этой резолюции «Освобождение» восклицает: «Мы горячо приветствуем эту резолюцию, как торжество здравого смысла, как тактическое просветление известной части социал-демократической партии».

Теперь читатель имеет перед собою все существенные суждения «Освобождения». Было бы величайшей ошибкой, разумется, считать верными в смысле соответствия объективной истине эти суждения. Ошибки легко откроет в них на каждом шагу всякий социал-демократ. Было бы наивностью забывать, что все эти суждения насквозь пропитаны интересами и точкой зрения либеральной буржуазии, что они насквозь пристрастны и тенденциозны в этом смысле. Они отражают взгляды социал-демократии так же, как вогнутое или выпуклое зеркало отражает предметы. Но еще большей ошибкой было бы забвение того, что эти буржуазно-извращенные суждения отражают, в конечном счете, действительные интересы буржуазии, которая, как класс, несомненно, верно понимает, какие тенденции внутри социал-демократии ей, буржуазии, выгодны, близки, родственны, симпатичны, и какие—вредны, далеки, чужды, антипатичны. Буржуазный философ или буржуазный публицист никогда не поймет социал-демократии правильно, ни меньшевистской, ни большевистской социал-демократии. Но если это хоть сколько-нибудь толковый публицист, то его не обманет его классовый инстинкт, и значение для буржуазии того или иного течения внутри социал-демократии он всегда схватит в сущности верно, хотя и изобразит превратно. Классовый инстинкт нашего врага, классовое суждение его всегда заслуживает поэтому самого серьезного внимания всякого сознательного пролетария.

Что же говорит нам, устами освобожденцев, классовый инстинкт российской буржуазии?

Он совершенно определенно выражает свое удовольствие по поводу тенденций новоискровства, хваля его за

реализм, трезвость, торжество здравого смысла, серьезность резолюций, тактическое просветление, практичность и т. д.,—и неудовольствие по поводу тенденций III съезда, порицая его за узость, революционизм, бунтарство, отрицание практически-полезных компромиссов и т. д. Классовый инстинкт буржуазии подсказывает ей как раз то, что неоднократно самыми точными данными было доказано в нашей литературе, именно: что новоискровцы представляют из себя оппортунистическое, а их противники—революционное крыло современной русской социал-демократии. Либералы не могут не сочувствовать тенденциям первого, не могут не порицать тенденций второго. Либералы, как идеологи буржуазии, прекрасно понимают, что для буржуазии выгодна «практичность, трезвость, серьезность» рабочего класса, т.-е. фактическое ограничение поля его деятельности рамками капитализма, реформ, профессиональной борьбы и т. д. Буржуазии опасна и страшна «революционистская узость» пролетариата и его стремление во имя его классовых задач добиваться руководящей роли в общенародной русской революции.

Что действительно таков смысл слова «реализм», в освобожденском значении его, это видно, между прочим, из прежнего употребления его «Освобождением» и г. Струве. Сама «Искра» не могла не признать такого значения освобожденского «реализма». Вспомните, например, статью «Пора!» в приложении к № 73—74 «Искры». Автор этой статьи (последовательный выразитель взглядов «болота» на втором съезде Российской Социал-Демократической Рабочей партии) прямо выразил свое мнение, что «Акимов сыграл на съезде роль скорее призрака оппортунизма, чем его действительного представителя». И редакция «Искры» сейчас же вынуждена была поправить автора статьи «Пора!», заявив в примечании:

«С этим мнением нельзя согласиться. На программных взглядах тов. Акимова лежит явная печать оппортунизма, что признает и критик «Освобождения»—в одном из его последних номеров отмечая, что тов. Акимов примыкает к «реалистическому»—читай: ревизионистскому—направлению».

Итак, «Искра» сама прекрасно знает, что освобожденский «реализм» есть именно оппортунизм и не что иное. Если теперь, нападая на «либеральный реализм» (№ 102 «Искры»), «Искра» умалчивает о том, как ее похвалили либералы за реализм, то умолчание это объясняется тем, что такие похвалы горше всяких порицаний. Такие похвалы (не случайно и не в первый раз высказанные «Освобождением») доказывают на деле родство либерального реализма и тех тенденций социал-демократического

«реализма» (читай: оппортунизма), которые сквозят в каждой резолюции новоискровцев, благодаря ошибочности всей их тактической позиции.

В самом деле, российская буржуазия вполне уже обнаружила свою непоследовательность и корыстность в «общенародной революции»,—обнаружила и рассуждениями господина Струве, и всем тоном и содержанием массы либеральных газет, и характером политических выступлений массы земцев, массы интеллигентов, вообще всяких сторонников гг. Трубецкого, Петрункевича, Родичева и К^о. Буржуазия не всегда, конечно, отчетливо понимает, но в общем и целом превосходно схватывает классовым чутьем, что, с одной стороны, пролетариат и «народ» полезен для ее революции, как пушечное мясо, как таран против самодержавия, но что, с другой стороны, пролетариат и революционное крестьянство страшно опасны для нее в случае, если они одержат «решительную победу над царизмом» и доведут до конца демократическую революцию. Поэтому буржуазия всеми силами стремится к тому, чтобы пролетариат удовлетворился «скромной» ролью в революции, чтобы он был трезвеннее, практичнее, реалистичнее, чтобы его деятельность определилась принципом: «как бы не отшатнулась буржуазия».

Интеллигентные буржуа прекрасно знают, что рабочего движения им не избыть. Они поэтому выступают вовсе не против рабочего движения, вовсе не против классовой борьбы пролетариата,—нет, они даже расшаркиваются всячески перед свободой стачек, культурной классовой борьбой, понимая рабочее движение и классовую борьбу в брентановском или гирш-дункеровском смысле. Другими словами, они вполне готовы «уступить» рабочим (фактически уже почти отвоеванную самими рабочими) свободу стачек и союзов, лишь бы рабочие отказались от «бунтарства», от «узкого революционизма», от вражды к «практически-полезным компромиссам», от претензий и стремлений наложить на «всенародную русскую революцию» печать своей классовой борьбы, печать пролетарской последовательности, пролетарской решительности, «плебейского якобинизма». Интеллигентные буржуа во всей России тысячами способов и путей,—книгами ¹⁾, лекциями, речами, беседами и пр., и пр.—стараясь поэтому из всех сил внушить рабочим идеи (буржуазной) трезвенности, (либеральной) практичности, (оппортунистического) реализма, (брентановской) классовой борьбы, (гирш-дункеровских) профессиональных союзов и пр. Два последние лозунга особенно удобны для буржуев

¹⁾ Сравни: Прокопович. „Рабочий вопрос в России“.

«конституционно - демократической» или «освободительской» партии, ибо по внешности они совпадают с марксистскими, ибо при маленьком умолчании и небольшом извращении их легко смешать с социал-демократическими, даже иногда выдать за соц.-демокр. Вот, напр., легальная либеральная газета «Рассвет» (о которой мы постараемся побеседовать как-нибудь подробнее с читателями «Пролетария») говорит нередко такие «смелые» вещи о классовой борьбе, о возможном обмане пролетариата буржуазией, о рабочем движении, о самостоятельности пролетариата и т. д., и т. п., что невнимательный читатель и неразвитый рабочий легко примут ее «социал-демократизм» за чистую монету. А на деле это—буржуазная подкладка под социал-демократизм, оппортунистическое извращение и искажение понятия классовой борьбы.

В основе всего этого гигантского (по широте воздействия на массы) буржуазного подмена лежит тенденция свести рабочее движение преимущественно к профессиональному движению, удержать его подалеке от самостоятельной (т.-е. революционной и направленной к демократической диктатуре) политики, «заслонить в их, рабочих, сознании идею всенародной русской революции идеей классовой борьбы».

Как видит читатель, мы перевернули вверх ногами формулировку «Освобождения». Это—превосходная формулировка, выражающая прекрасно два взгляда на роль пролетариата в демократической революции, взгляд буржуазный и взгляд социал-демократический. Буржуазия хочет свести пролетариат к одному профессиональному движению и тем «заслонить в его сознании идею всенародной русской революции идеей (б р е н т а н о в с к о й) классовой борьбы»,—совершенно в духе бернштейнских авторов «Credo», заслонивших в сознании рабочих идею политической борьбы идеей «чисто-рабочего» движения. Социал-демократия не хочет, наоборот, развить классовую борьбу пролетариата в руководящее участие его в всенародной русской революции, т.-е. довести эту революцию до демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

Революция у нас всенародная,—говорит буржуазия пролетариату.—Поэтому ты, как особый класс, должен ограничиться своей классовой борьбой,—должен, во имя «здравого смысла», направить главное внимание на профессиональные союзы и легализацию их,—должен считать именно эти профессиональные союзы «важнейшей исходной точкой своего политического воспитания и организации»,—должен вырабатывать в революционный момент преимущественно «серьезные» резолюции, в роде новоискровской,—должен бережливо относиться к резолюциям, «более благосклонным к либералам»—должен предпочитать руководителей, имею-

ших тенденцию стать «практическими руководителями реального политического движения рабочего класса»,—должен «сохранять реалистические элементы марксистского мирозерцания» (если уже ты заразился, к сожалению, «строгими формулами» этого «пенаучного» катехизиса).

Революция у нас всенародная,—говорит социал-демократия пролетариату.—Поэтому ты должен, как самый передовой и единственный до конца революционный класс, стремиться не только к самому энергичному, но и руководящему участию в ней. Поэтому ты должен не замыкаться в узко понятые рамки классовой борьбы, преимущественно в смысле профессионального движения, а, наоборот, стремиться расширить рамки и содержание своей классовой борьбы до о х в а т ы в а н и я этими рамками не только в с е х задач настоящей, демократической, всенародной русской революции, но и задач дальнейшей социалистической революции. Поэтому, не игнорируя профессионального движения, не отказываясь пользоваться малейшим простором легальности, ты должен в эпоху революции на первый план выдвинуть задачи вооруженного восстания, образования революционной армии и революционного правительства, как единственных путей к полной победе народа над царизмом, к завоеванию демократической республики и настоящей политической свободы.

Излишне говорить о том, какую половинчатую, непоследовательную и, естественно, симпатичную буржуазии позицию заняли в этом вопросе, благодаря их ошибочной «линии», новоискровские резолюции.

2. Новое «углубление» вопроса тов. Мартыновым.

Перейдем к Мартыновским статьям в №№ 102 и 103 «Искры». Само собою разумеется, что мы не будем отвечать на попытки Мартынова доказать неверность нашего и правильность его толкования ряда цитат из Энгельса и Маркса. Попытки эти настолько несерьезны, увертки Мартынова так очевидны, вопрос так ясен, что останавливаться на нем еще раз было бы неинтересно. Всякий думающий читатель сам разберется легко в несложных хитростях Мартыновского отступления по всей линии, особенно, когда выйдут подготовляемые группой сотрудников «Пролетария» полные переводы брошюры Энгельса: «Бакунисты за работой» и Маркса: «Обращения правления союза коммунистов» от марта 1850 года. Достаточно одной цитаты из статьи Мартынова, чтобы сделать читателю наглядным его отступление.

«Искра» признает—говорит Мартынов в № 103—учреждение временного правительства, как один из возможных и целесообразных путей развития революции, и отрицает

целесообразность участия социал-демократов в буржуазном временном правительстве, именно в интересах полного завладения в будущем государственной машиной для социал-демократического переворота». Другими словами: «Искра» признала теперь нелепость всех ее страхов насчет ответственности революционного правительства за казначейство и банки, насчет опасности и невозможности брать в свои руки «тюрьмы» и т. п. «Искра» путает только попрежнему, смешивая демократическую и социалистическую диктатуру. Путаница неизбежна, как прикрытие отступления.

Но среди путаников новой «Искры» Мартынов выделяется, как путаник 1-го ранга, как путаник, если позволительно так выразиться, талантливый. Запутывая вопрос своими потугами «углубить» его, он почти всегда «додумывается» при этом до новых формулировок, которые великолепно освещают всю фальшь занятой им позиции. Вспомните, как в эпоху экономизма он «углублял» Плеханова и творчески создал формулу: «экономическая борьба с хозяевами и с правительством». Трудно указать во всей литературе экономистов более удачное выражение всей фальши этого направления. Так и теперь. Мартынов усердно служит новой «Искре» и всякий раз почти, когда берет слово, дает нам новый и великолепный материал для оценки фальшивой новоискровской позиции. В № 102 он говорит, что Ленин «подменил незаметным образом понятия революции и диктатура» (стр. 3, столб. 2).

К этому обвинению сводятся, в сущности, все обвинения новоискровцев против нас. И как же мы благодарны Мартынову за это обвинение! Какую неоценимую услугу оказывает он нам в деле борьбы с новоискровством, давая такую формулировку обвинения! Положительно, нам надо просить редакцию «Искры», чтобы она почаще выпускала против нас Мартынова для «углубления» нападений на «Пролетария» и для «истинно-принципиальной» формулировки их. Ибо чем принципиальнее тщится рассуждать Мартынов, тем хуже у него выходит и тем отчетливее он показывает прорехи новоискровства, тем удачнее производит сам над собой и над своими друзьями полезную педагогическую операцию: *reductio ad absurdum* (доведения до абсурда принципов новой «Искры»).

«Вперед» и «Пролетарий» «подменяют» понятия революции и диктатуры. «Искра» не хочет такого «подмена». Именно так, почтеннейший тов. Мартынов! Вы нечаянно сказали большую правду. Вы подтвердили новой формулировкой наше положение, что «Искра» тащится в хвосте революции, сбивается на освободженскую формулировку ее задач, а «Вперед» и «Пролетарий» дают лозунги, которые ведут вперед демократическую революцию.

Вам непонятно это, тов. Мартынов? В виду важности вопроса мы потрудимся дать вам обстоятельное раз'яснение:

Буржуазный характер демократической революции называется, между прочим, в том, что целый ряд общественных классов, групп и слоев, стоящих вполне на почве признания частной собственности и товарного хозяйства, неспособных выйти за эти рамки, приходят силой вещей к признанию негодности самодержавия и всего крепостнического строя вообще, примыкают к требованию свободы. При этом буржуазный характер этой свободы, требуемой «обществом», защищаемой потоком слов (и только слов!) помещиков и капиталистов, выступает наружу все яснее и яснее. Вместе с тем становится все нагляднее и коренная разница между рабочей и буржуазной борьбой за свободу, между пролетарским и либеральным демократизмом. Рабочий класс и его сознательные представители идут вперед и толкают вперед эту борьбу, не только не боясь довести ее до конца, но стремясь гораздо дальше самого далекого конца демократической революции. Буржуазия непоследовательна и своекорыстна, принимая лозунги свободы лишь неполно и лицемерно. Всякие попытки определить особой чертой, особо выработанными «пунктами» (в роде пунктов резолюции Староверера или конферентов) пределы, за которыми начинается это лицемерие буржуазных друзей свободы или, если хотите, это предательство свободы ее буржуазными друзьями, неминуемо осуждены на неуспех, ибо буржуазия, поставленная между двух огней (самодержавие и пролетариат), способна тысячами путей и средств менять свою позицию и лозунги, приспособляясь на вершок влево и на вершок вправо, постоянно торгуясь и маклерствуя. Задача пролетарского демократизма состоит не в выдумывании таких мертвых «пунктов», а в неустанной критике развивающейся политической ситуации, в изобличении все новых и новых, непредусмотримых заранее непоследовательностей и измен буржуазии.

Припомните историю политических выступлений в нелегальной литературе г-на Струве, историю войны с ним социал-демократии, и вы увидите наглядно осуществление этих задач социал-демократией, поборницей пролетарского демократизма. Г. Струве начал с лозунга чисто шиповского: «права и властное земство» (см. мою статью в «Заре»: «Гонители земства и Аннибалы либерализма»). Социал-демократия изобличала его и толкала к определенно-конституционалистической программе. Когда эти «толчки» возымели действие, благодаря особенно быстрому ходу революционных событий, борьба направилась на следующий вопрос демократизма: не только конституция вообще, но непременно всеобщее, прямое и равное избирательное право

с тайной подачей голосов. Когда мы «заняли» у «неприятеля» и эту новую позицию (принятие всеобщего избирательного права Союзом Освобождения), мы стали напирать дальше, показывая лицемерие и фальшь двухпалатной системы, неполноту признания освобожденцами всеобщего избирательного права, показывая на их монархизме маклерский характер их демократизма или, иначе, проторговывание этими освобожденскими героями денежного мешка интересов великой русской революции.

Наконец, дикое упорство самодержавия, гигантский прогресс гражданской войны, безвыходность того положения, в которое завели Россию монархисты, стали пробивать самые косные головы. Революция становилась фактом. Для признания революции не требовалось уже быть революционером. Самодержавное правительство фактически разлагалось и разлагается у всех на глазах. Как справедливо заметил один либерал в легальной печати (г. Гредескул), создалось фактическое неповиновение этому правительству. При всей своей кажущейся силе самодержавие оказалось бессильным, события развивающейся революции стали просто отодвигать в сторону этот заживо разлагающийся паразитный организм. Вынужденные строить свою деятельность (или свои политические гешефты, вернее сказать) на почве данных, фактически складывающихся отношений, либеральные буржуа начали приходить к необходимости признать революцию. Они делают это не потому, что они революционеры, а несмотря на то, что они не революционеры. Они делают это по нужде и против воли, со злобой видя успехи революции, обвиняя в революционности самодержавие, которое не хочет сделки, а хочет борьбы не на жизнь, а на смерть. Прирожденные торгаши, они ненавидят борьбу и революцию, но обстоятельства заставляют их встать на почву революции, ибо иной почвы нет под ногами.

Мы присутствуем при высоко-поучительном и высококомичном зрелище. Проститутки буржуазного либерализма пытаются напялить на себя тогу революционности. Освобожденцы—*risum teneatis, amici!*¹⁾—освобожденцы начинают говорить от имени революции! Освобожденцы начинают уверять, что они «не боятся революции» (г. Струве в № 72 «Освобождения»)!!! Освобожденцы выражают претензию «стать во главе революции»!!!

Это, чрезвычайно знаменательное явление, характеризующее не только прогресс буржуазного либерализма, но еще более прогресс реальных успехов революционного дви-

¹⁾ Подождите смеяться, господа!

жения, которое заставило признать себя. Даже буржуазия начинает чувствовать, что выгоднее становится на почву революции,—до того расшатано самодержавие. Но, с другой стороны, это явление, свидетельствующее о под'еме всего движения на новую, высшую ступень, ставит перед нами тоже новые и тоже высшие задачи. Признание революции буржуазией не может быть искренним, независимо от личной добросовестности того или иного идеолога буржуазии. Буржуазия не может не внести с собой своскорыстия и непоследовательности, торгашества и мелких реакционных уловок и на эту высшую стадию движения. Мы должны теперь и иначе формулировать ближайшие конкретные задачи революции во имя нашей программы и в развитии нашей программы. То, что достаточно было вчера, недостаточно сегодня. Вчера, может быть, достаточно, было, в качестве передового демократического лозунга, требование признать революцию. Теперь этого мало. Революция заставила даже господина Струве признать себя. Теперь от передового класса требуется определить точно самое содержание насущных и неотложных задач этой революции. Господа Струве, признавая революцию, тут же высовывают паки и паки свои ослиные уши, опять затягивая старую песенку о возможности мирного исхода, о призыве Николаем к власти господ освободителей и т. д., и т. п. Господа освободители признают революцию, чтобы тем безопаснее для себя эскамотировать эту революцию, предать ее. Наше дело теперь—указать пролетариату и всему народу недостаточность лозунга: «революция», показать необходимость ясного и недвусмысленного, последовательного и решительного определения самого содержания революции. А такое определение и представляет из себя лозунг, единственно способный правильно выразить «решительную победу» революции, лозунг: революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства.

Мы показали, что освободители поднимаются (не без влияния поощрительных толчков социал-демократии) со ступеньки на ступеньку вверх в деле признания демократизма. Сначала вопрос в нашем споре с ними стоял: шиповщина (права и властное земство) или конституционализм? Затем, ограниченные выборы или всеобщее избирательное право? Далее: признание революции или маклерская сделка с самодержавием? Наконец, теперь: признание революции без диктатуры пролетариата и крестьянства или признание требования диктатуры этих классов в демократической революции? Возможно и вероятно, что и освободители (все равно, нынешние ли или их преемники в левом крыле буржуазной демократии) поднимутся еще на ступеньку, т.-е. признают со временем (может быть, к тому времени, когда

поднимается еще на ступеньку тов. Мартынов) и лозунг диктатуры. Это даже неизбежно будет так, если русская революция успешно пойдет вперед и дойдет до решительной победы. Какова будет тогда позиция социал-демократии? Полная победа теперешней революции будет концом демократического переворота и началом решительной борьбы за социалистический переворот. Осуществление требований современного крестьянства, полный разгром реакции, завоевание демократической республики будет полным концом революционности буржуазии и даже мелкой буржуазии,— будет началом настоящей борьбы пролетариата за социализм. Чем полнее будет демократический переворот, тем скорее, шире, чище, решительнее развернется эта новая борьба. Лозунг «демократической» диктатуры и выражает исторически-ограниченный характер теперешней революции и необходимость новой борьбы на почве новых порядков за полное освобождение рабочего класса от всякого гнета и всякой эксплуатации. Другими словами: когда демократическая буржуазия или мелкая буржуазия поднимется еще на ступеньку, когда фактом будет не только революция, а полная победа революции,— тогда мы «подменим» (может быть, при ужасных воплях новых будущих Мартыновых) лозунг демократической диктатуры лозунгом социалистической диктатуры пролетариата, т.-е. полного социалистического переворота.

3. Вульгарно-буржуазное изображение диктатуры и взгляд на нее Маркса.

Меринг рассказывает в своих примечаниях к изданным им статьям из «Новой Рейнской Газеты» Маркса в 1848 году, что буржуазная литература делала между прочим такой упрек этой газете: «Н. Р. Г.» будто бы требовала «немедленного введения диктатуры, как единственного средства осуществления демократии» (Marx, Nachlass, том III, стр. 53). С вульгарно-буржуазной точки зрения, понятие диктатуры и понятие демократии исключают друг друга. Не понимая теории борьбы классов, привыкнув видеть на политической арене мелкую свару разных кружков и партий буржуазии, буржуа понимает под диктатурой отмену всех свобод и гарантий демократии, всяческий произвол, всякое злоупотребление властью в интересах личности диктатора. В сущности, именно эта вульгарно-буржуазная точка зрения сквозит и у нашего Мартынова, который в заключение своего «нового похода» в новой «Искре» объясняет пристрастие «Вперед» и «Пролетария» к лозунгу «диктатура» тем, что Ленин «страстно желает попытать счастья» («Искра» № 130, стр. 3, столб. 2). Чтобы раз'яснить Мар-

тынову понятие диктатуры класса в отличие от диктатуры личности и задачи демократической диктатуры, в отличие от социалистической, небесполезно будет остановиться на взглядах «Новой Рейнской Газеты».

«Всякое временное государственное устройство, — писала «Новая Рейнская Газета» 14 сентября 1848 года, — после революции требует диктатуры и при том энергичной диктатуры. Мы с самого начала ставили Кампгаузену (главе министерства после 18 марта 1848 года) в упрек, что он не выступил диктаторски, что он не разбил тотчас же и не удалил остатков старых учреждений. И вот в то время, как г. Кампгаузен убаюкивал себя конституционными иллюзиями, разбитая партия (т.-е. партия реакции) укрепила свои позиции в бюрократии и в армии, стала даже отваживаться то здесь, то там на открытую борьбу».

В этих словах, — справедливо говорит Меринг, — резюмировано в немногих положениях то, что подробно развивала «Н. Р. Газета» в длинных статьях о министерстве Кампгаузена. Что же говорят нам эти слова Маркса? Что временное революционное правительство должно выступать диктаторски (положение, которого никак не могла понять «Искра», чуравшаяся лозунга: диктатура); — что задача этой диктатуры — уничтожение остатков старых учреждений (именно то, что указано ясно в резолюции III с'езда Р. С. Д. Р. П. о борьбе с контр-революцией, и что опущено в резолюции конференции, как мы показали выше). Наконец, в-третьих, из этих слов следует, что Маркс бичевал буржуазных демократов за «конституционные иллюзии» в эпоху революции и открытой гражданской войны. Каков смысл этих слов, видно особенно наглядно из статьи «Н. Р. Г.» от 6 июня 1848 г. «Учредительное народное собрание, — писал Маркс, — должно быть прежде всего активным, революционно-активным собранием. А франкфуртское собрание занимается школьными упражнениями в парламентаризме и предоставляет правительству действовать. Допустим, что этому ученому собору удалось бы после зрелого обсуждения выработать наилучший порядок дня и наилучшую конституцию. Какой толк будет от наилучшего порядка дня и от наилучшей конституции, если немецкие правительства в это время поставили уже штык в порядок дня?»

Вот каков смысл лозунга: диктатура. Можно видеть отсюда, как отнесся бы Маркс к резолюции, называющим «решение организовать Учредительное Собрание» решающей победой или приглашающим «оставаться партией крайней революционной оппозиции»!

Великие вопросы в жизни народов решаются только силой. Сами реакционные классы прибегают обыкновенно

первые к насилию, к гражданской войне, «ставят в порядок дня штык», как сделало русское самодержавие и продолжает делать систематически и неуклонно, везде и повсюду, начиная с 9 января. А раз такое положение создано, раз штык действительно стал во главе политического порядка дня, раз восстание оказалось необходимым и неотложным,—тогда конституционные иллюзии и школьные упражнения в парламентаризме становятся только прикрытием буржуазного предательства революции, прикрытием того, как «отшатывается» буржуазия от революции. Действительно революционный класс должен тогда выдвинуть именно лозунг диктатуры.

По вопросу о задачах этой диктатуры Маркс писал еще в «Н. Р. Г.»: «Национальное собрание должно было бы диктаторски выступить против реакционных поползновений отживших правительств, и тогда оно завоевало бы себе такую силу в народном мнении, о которую сломались бы все штыки... А это собрание утомляет немецкий народ скучными словами вместо того, чтобы увлечь его с собой или быть увлеченным им». Национальное собрание должно было бы, по мнению Маркса, «удалить из фактически существующего строя Германии все противоречащее принципу самодержавия народа», затем «укрепить ту революционную почву, на которой оно стоит, обезопасить завоеванное революцией самодержавие народа от всех нападений».

Следовательно, по содержанию своему, те задачи, которые ставил Маркс в 1848 году революционному правительству или диктатуре, сводились прежде всего к демократическому перевороту: защита от контр-революции и фактическое устранение всего противоречащего самодержавию народа. Это и есть не что иное, как революционно-демократическая диктатура.

Теперь дальше: какие классы могли и должны были, по мнению Маркса, осуществить эту задачу (провести на деле до конца принцип самодержавия народа и отбить атаки контр-революции)? Маркс говорит о «народе». Но мы знаем, что против мелко-буржуазных иллюзий о единстве «народа», об отсутствии классовой борьбы внутри народа, он боролся всегда беспощадно. Употребляя слово: «народ», Маркс не затушевывал этим словом различия классов, а объединял определенные элементы, способные довести до конца революцию.

После победы берлинского пролетариата 18 марта, — писала «Н. Р. Г.»—результаты революции оказались двойные: «с одной стороны, народное вооружение, право союзов, фактически завоеванное самодержавие народа; с другой стороны, сохранение монархии и министерство Кампгаузена-Ганземана, т.-е. правительство представителей круп-

ной буржуазии. Таким образом, революция имела двоякого рода результаты, которые неизбежно должны были притти к разрыву. Народ победил; он завоевал свободы решительно демократического характера, но непосредственное господство перешло не в его руки, а в руки крупной буржуазии. Одним словом, революция была не доведена до конца. Народ предоставил представителям крупной буржуазии образование министерства, а эти представители крупной буржуазии доказали свои стремления тотчас же тем, что предложили союз старопрусскому дворянству и бюрократии. В министерство вступили Арним, Канитц и Шверин.

«Крупная буржуазия, анти-революционная с самого начала, заключила оборонительный и наступательный союз с реакцией из страха перед народом, то-есть перед рабочими и демократической буржуазией» (курсив наш).

Итак, не только «решение организовать Учредительное Собрание» не достаточно еще для решительной победы революции, но даже и действительный созыв его! Даже после частичной победы в вооруженной борьбе (победа берлинских рабочих над войском 18 марта 1848 года) возможна «неоконченная», «не доведенная до конца» революция. Отчего же зависит ее доведение до конца? От того, в чьи руки переходит непосредственное господство: в руки ли Петрункевичей и Родичевых, то бишь, Кампгаузенов и Ганземанов, или в руки народа, т.-е. рабочих и демократической буржуазии. В первом случае буржуазия будет иметь власть, а пролетариат—«свободу критики», свободу «оставаться партией крайней революционной оппозиции». Буржуазия сейчас же после победы заключит союз с реакцией (это неизбежно совершилось бы и в России, если бы, например, петербургские рабочие одержали лишь частичную победу в уличном бое с войсками и предоставили образование правительства господам Петрункевичам и К^о). Во втором случае была бы возможна революционно-демократическая диктатура, т.-е. полная победа революции.

Остается точнее определить, что собственно понимал Маркс под «демократической буржуазией» (*demokratische Bürgerschaft*), которую вместе с рабочими он называл народом в противоположность крупной буржуазии?

Ясный ответ на этот вопрос дает следующее место из статьи «Н. Р. Г.» от 29 июля 1848 г.: «...Немецкая революция 1848 года есть лишь пародия французской революции 1789 года.

«4 августа 1789 года, три недели спустя после взятия Бастилии, французский народ в один день осилил все феодальные повинности.

«11 июля 1848 г., четыре месяца спустя после мартовских баррикад, феодальные повинности осилили немецкий народ. *Teste Gierke cum Hansemanno* 1).

«Французская буржуазия 1789 года ни на минуту не покидала своих союзников, крестьян. Она знала, что основой ее господства было уничтожение феодализма в деревне, создание свободного землевладельческого (*grundbesitzenden*) крестьянского класса.

«Немецкая буржуазия 1848 года без всякого зазрения совести предает крестьян, своих самых естественных союзников, которые представляют из себя плоть от ее плоти и без которых она бессильна против дворянства.

«Сохранение феодальных прав, санкционирование их под видом (иллюзорного) выкупа—таков результат немецкой революции 1848 года. Гора родила мышь».

Это очень поучительное место, которое дает нам четыре важных положения: 1) Неоконченная немецкая революция отличается от оконченной французской тем, что буржуазия изменила не только демократизму вообще, но, в частности, и крестьянству. 2) Основой полного осуществления демократического переворота является создание свободного класса крестьянства. 3) Создание такого класса есть уничтожение феодальных повинностей, разрушение феодализма, отнюдь еще не социалистический переворот. 4) Крестьяне—«самые естественные» союзники буржуазии, именно демократической буржуазии, без которых она «бессильна» против реакции.

С соответствующими изменениями конкретных национальных особенностей, с подстановкой крепостничества на место феодализма, все эти положения целиком применимы и к России 1905 г. Несомненно, что, извлекая уроки из опыта Германии, освещенного Марксом, мы не можем притти ни к какому иному лозунгу решительной победы революции, кроме: революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. Несомненно, что главными составными частями того «народа», который Маркс противопоставлял в 1848 г. сопротивлявшейся реакции и преда-

1) „Свидетели: г. Гирке купно с г. Ганземаном“: Ганземан—министр партии круп. буржуазии (по-русски: Трубецкой или Родичев и т. п.). Гирке—министр земледелия в министерстве Ганземана выработавший проект, „смелый“ проект якобы „безвозмездного“ „уничтожения феодальных повинностей“, на деле же уничтожения мелких и неважных, но сохранения или выкупа более существенных повинностей. Г Гирке—некто в роде русских г.г. Каблуковых, Мануиловых, Герценштейнов и тому подобных буржуазно-либеральных друзей мужика, которые хотят „расширения крестьянского землевладения“, но не хотят обидеть помещиков.

тельской буржуазии, являются пролетариат и крестьянство. Несомненно, что и у нас в России либеральная буржуазия и господа освобожденцы предадут и предадут крестьянство, т.е. отделаются лже-реформой, встанут на сторону помещиков в решительной борьбе между ними и крестьянством. Только пролетариат способен поддержать крестьянство до конца в этой борьбе. Несомненно, наконец, что и у нас в России успех крестьянской борьбы, т.е. переход к крестьянству всей земли будет означать полный демократический переворот, являясь социальной опорой доведенной до конца революции, но отнюдь не социалистический переворот и не «социализацию», о которой говорят идеологи мслкой буржуазии, социалисты-революционеры. Успех крестьянского восстания, победа демократической революции лишь расчистят путь для действительной и решительной борьбы за социализм на почве демократической республики. Крестьянство, как землевладельческий класс, сыграет в этой борьбе ту же предательскую, неустойчивую роль, какую играет теперь буржуазия в борьбе за демократию. Забывать это—это значит забывать социализм, обманывать себя и других насчет истинных интересов и задач пролетариата.

Чтобы не оставить пробела в изображении взглядов Маркса в 1848 году, необходимо отметить одно существенное отличие тогдашней немецкой социал-демократии (или коммунистической партии пролетариата, говоря тогдашним языком) от современной русской социал-демократии. Предоставим слово Мерингу:

«Новая Рейнская Газета» выступила на политическую арену, как «орган демократии». Нельзя не видеть красной нити, проходящей через все ее статьи. Но, непосредственно, она защищала более интересы буржуазной революции против абсолютизма и феодализма, чем интересы пролетариата против интересов буржуазии. Об особом рабочем движении во время революции мало найдете материала на ее столбцах, хотя не следует забывать, что рядом с ней выходил два раза в неделю, под редакцией Молля и Шаппера, особый орган Кельнского рабочего союза. Во всяком случае современному читателю бросается в глаза, как мало интереса уделяла «Н. Р. Газета» тогдашнему немецкому рабочему движению, хотя самый способный деятель его, Стефан Борн, учился у Маркса и Энгельса в Париже и Брюсселе и в 1848 году корреспондировал из Берлина в их газету. Борн рассказывает в своих «Воспоминаниях», что Маркс и Энгельс никогда не выражали ему ни единым словом своего неодобрения его рабочей организации. Но позднейшие заявления Энгельса делают вероятным предположение, что они были недовольны, по меньшей мере, приемами

этой агитации. Их недовольство было основательно постольку, поскольку Борн вынужден был делать много уступок, еще совершенно неразвитому в большей части Германии, классовому сознанию пролетариата, уступок, не выдерживающих критики, с точки зрения Коммунистического Манифеста. Их недовольство было неосновательно постольку, поскольку Борн все же умел поддерживать руководимую им агитацию на сравнительно значительной высоте... Без сомнения, Маркс и Энгельс были исторически и политически правы, усматривая самый важный интерес рабочего класса прежде всего в возможно большем подталкивании буржуазной революции... Несмотря на это, замечательным доказательством того, как элементарный инстинкт рабочего движения умеет исправлять концепции самых гениальных мыслителей, является тот факт, что они в апреле 1849 года высказались за специфическую рабочую организацию и решили участвовать на рабочем съезде, приготавлившемся в особенности ост-эльбским (восточная Пруссия) пролетариатом».

Итак, только в апреле 1849 года, после почти годового издания революционной газеты («Н. Р. Газета» начала выходить 1 июня 1848 года) Маркс и Энгельс высказались за особую рабочую организацию! До тех пор они вели просто «орган демократии», не связанный никакими организационными узами с самостоятельной рабочей партией! Этот факт—чудовищный и невероятный с нашей современной точки зрения—показывает нам ясно, какое громадное различие было между тогдашней немецкой и теперешней русской социал-демократической рабочей партией. Этот факт показывает нам, во сколько раз менее обнаруживались на немецкой демократической революции (благодаря отсталости Германии в 1848 г. и в экономическом отношении и в политическом—государственная раздробленность) пролетарские черты движения, пролетарская струя в нем. Этого не надо забывать при оценке многократных заявлений Маркса этой и немного позднейшей эпохи, о необходимости самостоятельной организации партии пролетариата. Маркс только из опыта демократической революции, почти через год, сделал практически этот вывод: до того помещанской, мелко-буржуазной была тогда вся атмосфера в Германии. Для нас этот вывод есть уже давнее и прочное приобретение полувекового опыта международной социал-демократии,—приобретение, с которого мы начинали организацию Российской Социал-Демократической Рабочей партии. У нас не может быть, напр., и речи о том, чтобы революционные газеты пролетариата стояли вне соц.-дем. партии пролетариата, чтобы они могли хоть на минуту выступать просто, как «органы демократии».

Но та противоположность, которая едва начала обнаруживаться между Марксом и Стефаном Борном, существует у нас в тем более развитом виде, чем могущественнее выступает пролетарская струя в демократическом потоке нашей революции. Говоря о вероятном недовольстве Маркса и Энгельса агитацией Стефана Борна, Мering выражается чересчур мягко и уклончиво. Вот что писал Энгельс о Борне в 1885 году (в предисловии к «Enthüllungen über den Kommunistenprocess zu Köln, Zürich, 1885»):

Члены Союза Коммунистов повсюду стояли во главе крайнего демократического движения, доказывая тем, что Союз был превосходной школой революционной деятельности. «Наборщик Стефан Борн, бывший деятельным членом Союза в Брюсселе и Париже, основал в Берлине «рабочее братство» («Arbeiterverbrüderung»), которое получило значительное распространение и продержалось до 1850 года. Борн, талантливый молодой человек, слишком поспешил, однако, с выступлением в качестве политического деятеля. Он «братался» с самым разношерстным сбродом (Kretz und Pletchi), лишь бы собрать вокруг себя толпу. Он был вовсе не из тех людей, которые способны внести единство в противоречивые стремления, внести свет в хаос. В официальных публикациях его братства постоянно попадается потому путаница и смешение взглядов Коммунистического Манифеста с цеховыми воспоминаниями и пожеланиями, с обрывками взглядов Луи Блана и Прудона, с защитой протекционизма и т. д.; одним словом, эти люди хотели всем угодить (Allen alles sein). В особенности занимались они устройством стачек, профессиональных союзов, производительных товариществ, забывая, что задача состояла прежде всего в том, чтобы посредством политической победы завоевать себе сначала такое поприще, на котором только и могли прочно, надежно осуществиться такие вещи (курсив наш). И вот, когда победы реакции заставили вожakov этого братства почувствовать необходимость прямого участия в революционной борьбе,—тогда, само собою разумеется, неразвитая масса, группировавшаяся вокруг них, покинула их. Борн принял участие в дрезденском восстании в мае 1849 года и спасся по счастливому случаю. Рабочее же братство удержалось в стороне от великого политического движения пролетариата, как обособленный союз, существовавший большей частью на бумаге и игравший до того второстепенную роль, что реакция нашла нужным закрыть его лишь в 1850 году, а его филиальные отделения лишь много лет спустя. Борн, которому надо бы собственно называться Buttermilch (кислое молоко), так и не сделался политическим деятелем, а оказался маленьким

швейцарским профессором, который переводит теперь не Маркса на цеховой язык, а благодушного Ренана на сладенький немецкий язык».

Вот как оценивал Энгельс две тактики социал-демократии в демократической революции!

Наши новоискровцы тоже гнут к «экономизму» с таким усердием не по разуму, что заслуживают похвалы монархической буржуазии за свое «просветление». Они тоже собирают вокруг себя разношерстную публику, льстя «экономистам», демагогически привлекая неразвитую массу лозунгами «самодеятельности», «демократизма», «автономии» и пр. и т. д. Их рабочие союзы тоже существуют часто лишь на страницах хлестаковской новой «Искры». Их лозунги и резолюции обнаруживают такое же непонимание задач «великого политического движения пролетариата».

II.

ПАРЛАМЕНТАРИЗМ И ТАКТИКА БОЛЬШЕВИКОВ.

1. Бойкот Булыгинской Думы и восстание.
2. Государственная Дума и социал-демократическая тактика.
3. Современное положение России и тактика рабочей партии.
4. Русская революция и задачи пролетариата.
5. О бойкоте.
6. Против бойкота.

Бойкот Булыгинской Думы и восстание.

Современное политическое положение в России таково: возможен близкий созыв Булыгинской Думы, т.-е. совещательного собрания представителей помещиков и крупной буржуазии, выбранных под надзором и при содействии слуг самодержавного правительства на основе такого грубоцензового, сословного и непрямого избирательного права, которое является прямо издевательством над идеей народного представительства. Как держаться по отношению к этой Думе? Либеральная демократия дает два ответа на этот вопрос: левое крыло ее, в лице «Союза Союзов», т.-е. главным образом, представителей буржуазной интеллигенции, высказывается за бойкот этой Думы, за то, чтобы в выборах не участвовать и использовать момент для усиленной агитации в пользу демократической конституции на основе всеобщего избирательного права. Правое крыло ее, в лице июльского с'езда земских и городских деятелей, или, вернее, в лице известной части этого с'езда—против бойкота, за участие в выборах, за проведение в Думу возможно большего числа своих кандидатов. Правда, никакого решения по этому вопросу с'езд еще не вынес, отложив дело до следующего с'езда, который должен быть созван по телеграфу после обнародования Булыгинской «конституции». Но мнение правого крыла либеральной демократии достаточно уже определилось.

Революционная демократия, т.-е. главным образом, пролетариат и его сознательная выразительница, социал-демократия, высказывается безусловно, в общем и целом, за восстание. Это различие тактики верно схвачено органом либерально-монархической буржуазии, «Освобождением», в последнем (74) номере которого, с одной стороны, решительно осуждается «открытая проповедь вооруженного восстания», как «безумная и преступная», а с другой стороны, критикуется идея бойкота, как «практически-бесплодная», и

выражается уверенность, что не только земская фракция конституционно-«демократической» (читай: монархической) партии, но и союзы союзов «выдержат свой государственный экзамен», т.-е. откажутся от идеи бойкота.

Спрашивается, как должна отнестись партия сознательного пролетариата к идее бойкота и какой тактический лозунг должна она выдвинуть на первый план перед народными массами? Чтобы ответить на этот вопрос, надо припомнить прежде всего, в чем состоит сущность и коренное значение Булыгинской «конституции». В сделке царизма с помещиками и крупными буржуа, которые посредством невинной, совершенно безвредной для самодержавия, якобы конституционной подачи должны быть постепенно раз'единены с революцией, т.-е. с борющимся народом, и примирены с самодержавием. Так как вся наша конституционно-«демократическая» партия жаждет сохранения монархии и верхней палаты (т.-е. обеспечения заранее в государственном строе страны политических привилегий и политического господства «верхних десяти тысяч» богатеев),— то возможность такой сделки не подлежит сомнению. Более того: в той или иной форме, рано или поздно, такая сделка, по крайней мере, с частью буржуазии, неизбежна, ибо она предписывается самым классовым положением буржуазии в капиталистическом строе. Вопрос только в том, когда и как состоится эта сделка, и вся задача партии пролетариата—по возможности отдалить момент ее заключения, по возможности разделить буржуазию, извлечь наибольшую пользу для революции из временных обращений буржуазии к народу, подготовить за этот период силы революционного народа (пролетариата и крестьянства) для насильственного ниспровержения самодержавия и для отстранения, нейтрализации предательской буржуазии.

В самом деле, сущность политического положения буржуазии, как мы уже не раз указывали, состоит в том, что она стоит между царем и народом, желая сыграть роль честного маклера, подкрасться к власти за спиной борющегося народа. Поэтому буржуазия сегодня обращается к царю, завтра к народу, к первому с «серьезными, деловыми» предложениями политического гешефта, ко второму— с пустыми фразами о свободе (речи г. И. Петрункевича на июльском съезде). Нам выгодно, чтобы буржуазия обращалась к народу, ибо таким обращением она дает материал для политического пробуждения и политического просвещения таких отсталых и таких широких масс, пытаться охватить которые социал-демократической агитацией было бы пока пустой утопией. Пусть буржуазия встряхивает наиболее отсталых, пусть кое-где взрывает почву,—мы будем неустанно сеять соц.-дем. семена в эту почву. Везде на

западе буржуазия для борьбы с самодержавием вынуждена была будить политическое самосознание народа, стремясь в то же время посеять семена буржуазных теорий в рабочий класс. Наше дело—пользоваться разрушительной работой буржуазии по отношению к самодержавию и неуклонно просвещать рабочий класс относительно его социалистических задач, относительно враждебной непримиримости его интересов с интересами буржуазии.

Отсюда ясно, что наша тактика должна состоять в настоящий момент, во-первых, в поддержке идеи бойкота. Самый вопрос об этом бойкоте есть вопрос внутри буржуазной демократии. Рабочий класс тут прямо не заинтересован, но он безусловно заинтересован в поддержке той части буржуазной демократии, которая революционнее, он заинтересован в расширении политической агитации и обострении ее. Бойкот Думы—есть усиленное обращение буржуазии к народу, развитие ее агитации, увеличение числа поводов для нашей агитации, углубление политического кризиса, т.-е. источника революционного движения. Участие либеральной буржуазии в Думе—есть ослабление ее агитации в настоящем, обращение ее более к царю, чем к народу, приближение контр-революционной сделки между царем и буржуазией.

Спора нет, Булыгинская Дума, если даже она не будет «сорвана», сама породит в будущем неизбежные политические конфликты, которыми непременно должен будет воспользоваться пролетариат, но это—вопрос будущего. Смешно было бы «зарекаться» утилизировать эту буржуазно-чиновничью Думу в целях агитации и борьбы, но теперь вопрос не в том. Теперь левое крыло самой буржуазной демократии выдвинуло вопрос о прямой и непосредственной борьбе с Думой путем бойкота, и мы должны употребить все усилия, чтобы помочь этому более решительному натиску. Мы должны ловить буржуазных демократов, освобожденцев, на слове: распространять как можно шире их «петрункевичевские» фразы об обращении к народу, избличать их перед народом, показывая, что первой и самой маленькой проверкой на деле этих фраз явился как раз вопрос, бойкотировать ли Думу, т.-е. обратиться с протестом к народу, или принять Думу, т.-е. отказаться от протеста, пойти еще раз к царю, принять издевательство над народным представительством.

Далее, во-вторых, мы должны приложить все усилия, чтобы бойкот принес реальную пользу в смысле расширения и углубления агитации, а не остался простым пассивным отстранением от выборов. Эта идея довольно широко уже распространена, если мы не ошибаемся, среди работающих в России товарищей, выражающих свою мысль сло-

бами: активный бойкот. В противоположность пассивному отстранению, активный бойкот должен означать удесятерение агитации устройства собраний везде и всюду, утилизацию избирательных собраний, хотя бы путем насильственного проникновения в них, устройство демонстраций, политических забастовок и т. д., и т. п. Само собою разумеется, что в целях агитации и борьбы по такому поводу особенно целесообразны допущенные вообще рядом решений нашей партии временные соглашения с теми или иными группами революционной буржуазной демократии. При этом мы должны, с одной стороны, неуклонно охранять классовую особенность партии пролетариата, ни на минуту не оставляя социал-демократической критики наших буржуазных союзников. С другой стороны, мы не исполнили бы своего дела, как партии передового класса, если бы не сумели выдвинуть в агитации передового революционного лозунга в данный момент демократической революции.

Это составляет третью нашу непосредственную и ближайшую политическую задачу. «Активный бойкот», как мы уже сказали, есть агитация, вербовка, организация революционных сил в увеличенном масштабе, с двойной энергией, под тройным давлением. Но такая работа немыслима без ясного, точного, прямого лозунга. Таким лозунгом может быть только вооруженное восстание. Созыв правительством грубо-поддельного «народного» представительства дает великолепные поводы для агитации за настоящее народное представительство, для разъяснения самым широким массам, что созвать это настоящее представительство может теперь (после таких обманов царя и такой издевки его над народом) лишь временное революционное правительство, для учреждения которого необходима победа вооруженного восстания, фактическое свержение царской власти. Лучшего момента для широкой агитации за восстание нельзя себе представить, и для такой агитации необходима также полная ясность относительно программы временного революционного правительства. Такой программой должны быть уже намеченные нами ранее («Пролетарий» № 7. «Революционная армия и революционное правительство») шесть пунктов: 1) созыв всенародного Учредительного Собрания; 2) вооружение народа; 3) политическая свобода—немедленная отмена всех законов, противоречащих ей; 4) полная, культурная и политическая свобода всем угнетенным и неполноправным народностям. Русский народ не может завоевать себе свободы, не борясь за свободу других народов; 5) 8-часовой рабочий день; 6) учреждение крестьянских комитетов для поддержки и проведения всех демократических преобразований, в том числе и поземельных вплоть до конфискации помещичьих земель.

Итак: самая энергичная поддержка идеи бойкота; изблечение правого крыла буржуазной демократии, отвергающего ее, в предательстве; превращение этого бойкота в активный, т.-е. развитие самой широкой агитации; проповедь вооруженного восстания, призыв к немедленной организации дружин и отрядов революционной армии для свержения самодержавия и учреждения временного революционного правительства; распространение и разъяснение основной и безусловно обязательной программы этого временного революционного правительства, которая должна быть знаменем восстания и образцом при всех предстоящих повторениях одесских событий.

Такова должна быть тактика партии сознательного пролетариата. В целях полного выяснения этой тактики и достижения единства ее мы должны еще остановиться на тактике «Искры». В № 106 она изложена в статье «Оборона или наступление». Не останавливаясь на мелких и частных разногласиях, которые сами собой отпадут при первых попытках перехода к делу, отметим коренное разногласие. Справедливо осуждая пассивный бойкот, «Искра» противопоставляет ему идею немедленной «организации революционного самоуправления», как «возможного пролога восстания». Мы должны, по мнению «Искры», «захватить себе право избирательной агитации путем учреждения рабочих агитационных комитетов». Эти комитеты «должны поставить себе целью организовать выбор народом своих уполномоченных революционных депутатов вне тех «законных» рамок, которые будут установлены министерскими проектами», мы должны «покрыть страну сетью органов революционного самоуправления».

Подобный лозунг никуда не годится. Он представляет из себя путаницу с точки зрения политических задач вообще, и льет воду на мельницу освобожденства с точки зрения данного политического положения. Организация революционного самоуправления, выбора народом своих уполномоченных есть не пролог, а эпилог восстания. Ставить себе цель осуществить эту организацию теперь, до восстания, помимо восстания, значит ставить себе нелепую цель и вносить путаницу в сознание революционного пролетариата. Надо сначала победить в восстании (хотя бы в отдельном городе) и учредить временное революционное правительство, чтобы это последнее, как орган восстания, как признанный вождь революционного народа, могло приступить к организации революционного самоуправления. Заслонять или хотя бы отодвигать лозунг восстания лозунгом организации революционного самоуправления — это нечто в роде совета поймать муху и затем посыпать ее порошком от мух. Если бы одесским товарищам в знаменитые одесские

дни посоветовали в виде пролога восстания не организацию революционной армии, а организацию выборов одесским народом своих уполномоченных, то одесские товарищи, разумеется, осмеяли бы такое предложение. «Искра» повторяет ошибку экономистов, хотевших видеть в «борьбе за права» пролог к борьбе с самодержавием. «Искра» возвращается к злоключениям несчастного «плана земской кампании», заслонявшего лозунг восстания теорией «высшего типа демонстрации».

Здесь не место останавливаться на источнике этой тактической ошибки «Искры»,—отсылаем интересующихся к брошюре Н. Ленина: «Две тактики социал-демократии в демократической революции». Здесь важнее указать, каким образом новоискровский лозунг сбивается на лозунг освободительский. На практике попытки организовать до победы восстания выбор народом своих уполномоченных будут целиком на руку освободителям и вырождаются в то, что социал-демократы окажутся в хвосте у них. Рабочим и народу самодержавие, пока оно не заменено временным революционным правительством, не даст произвести никаких выборов, сколько-нибудь заслуживающих названия народных (а на комедию «народных» выборов при самодержавии социал-демократия не пойдет),—а освободители, земцы, гласные произведут выборы и бесцеремонно выдадут их за «народные», за «революционное самоуправление». Вся позиция либерально-монархической буржуазии состоит теперь в том, чтобы попытаться миновать восстание, заставить самодержавие признать земские выборы за народные без победы народа над царизмом, превратить земское и городское самоуправление в «революционное» (в петрункевичевском смысле) «Самоуправление» без настоящей революции. В № 74 «Освобождения» эта позиция выражена превосходно. Трудно представить себе что-нибудь более отвратительное, как этого идеолога трусливой буржуазии, уверяющего, что проповедь восстания «деморализует» и армию и народ! Это говорится в такое время, когда слепые видят, что только восстанием может русский обыватель и солдат спасти себя от окончательной деморализации и доказать свое право быть гражданами! Буржуазный Манилов рисует себе аркадскую идиллию, как под давлением одного только «общественного мнения» «правительство будет вынуждено делать все новые и новые уступки, пока, наконец, ему некуда будет идти дальше, и оно будет принуждено передать власть Учредительному Собранию, избранному на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, как того требует общество»... (! с верхней палатой?). «В этом мирном (!!) переходе власти от теперешнего правительства к всенародн. Учредит. Собранию, которое организует государ-

ственную и правительственную власть на новых началах, нет решительно ничего невероятного». И эта гениальная философия пресмыкающейся буржуазии дополняется советом: привлекать на свою сторону армию, особенно, офицеров, учредить народные милиции «явочным порядком», организовать органы местного самоуправления (читай: помещиков и капиталистов), как «элементы будущего временного правительства».

В этой путанице есть смысл. Буржуазия именно того и хочет, чтобы власть перешла к ней «мирно», без народного восстания, которое может, пожалуй, победить, завоевать, республику и настоящую свободу, вооружить пролетариат, поднять миллионы крестьянства. Заслонять лозунг восстания, отговариваться от него и отговаривать других, советовать в виде «пролога» немедленную организацию самоуправления (доступную только Трубецким, Петрункевичам, Федоровым и К^о),—это именно то что нужно для буржуазного предательства революции, для сделки с царем (монархия и верхняя палата) против «черни». Либеральная маниловщина выражает поэтому самые сокровенные мысли денежного мешка и его глубочайшие интересы.

Социал-демократическая маниловщина «Искры» выражает лишь недомыслие части социал-демократов и уклонение их от единственной революционной тактики пролетариата: беспощадно разоблачать буржуазно-оппортунистические иллюзии, будто возможны мирные уступки царизма, будто осуществимо самоуправление без свержения самодержавия, будто возможны выборы народом своих уполномоченных в виде пролога восстания. Нет, мы должны ясно и решительно показывать необходимость восстания при теперешнем положении дел, прямо звать к восстанию (не определяя, разумеется, заранее момента его), звать к немедленной организации революционной армии. Только самая смелая, широкая организация такой армии может быть прологом восстания. Только восстание может на деле обеспечить победу революции,—при чем, разумеется, тот, кто знает местные условия, всегда будет предостерегать от преждевременных попыток восстания. Только эпилогом победоносного восстания может быть «действительная организация действительно народного действительно самоуправления».

Август 1905 г.

Государственная Дума и социал-демократическая тактика.

Закон 11-го декабря снова поставил на очередь вопрос о нашей тактике по отношению к Думе. Выбирать или не выбирать в Думу?—об этом оживленно судит и рядит наша буржуазно-демократическая печать. Об этом высказалась недавно конференция организаций «большинства» Р. С.-Д. Р. П. Эта конференция, в которой участвовали представители 26 организаций, в том числе 14 рабочих, выбранных более чем 4.000 организованных членов партии, заменила собой намеченный и объявленный Ц. К-том 4-й с'езд партии. С'езд не мог состояться, вследствие железнодорожной забастовки, московского восстания и различных событий в самых различных концах России. Но с'ехавшиеся делегаты организовали конференцию «большинства», которая обсудила, между прочим, и вопрос о выборах в Думу, решив его отрицательно, в смысле неучастия в выборах. Вот соответствующая часть резолюции, принятой конференцией:

«Самодержавное правительство все время после 17-го октября попирало все основные гражданские свободы, завоеванные пролетариатом. Правительство залило всю страну кровью, расстреливая из пушек и пулеметов борющихся за свободу рабочих, крестьян, солдат и матросов! Правительство издевается над общенародным требованием созыва Учредительного Собрания и законом 11-го декабря пытается снова обмануть пролетариат и крестьянство и отсрочить свою окончательную гибель.

«Закон 11-го декабря фактически исключает из участия в Государственной Думе пролетариат и массу крестьянства и заранее стремится обеспечить при помощи всяких уловок и полицейских ограничений преобладание в Думе черносотенных элементов эксплуататорских классов.

«Конференция выражает свою уверенность в том, что ответом всего сознательного пролетариата России на новый царский закон будет решительная борьба против этой, как и всякой другой, подделки народного представительства.

«Конференция полагает, что социал-демократия должна стремиться сорвать эту полицейскую Думу, отвергая всякое участие в ней».

Далее резолюция рекомендует всем партийным организациям широко использовать избирательные собрания, но не для того, чтобы производить, подчиняясь полицейским ограничениям, какие бы то ни было выборы, но чтобы расширить революционную организацию пролетариата и вести во всех слоях народа агитацию решительной борьбы с самодержавием, так как только после полной победы над ним возможен созыв действительно свободно избранных представителей народа.

Правильно ли такое решение вопроса? Чтобы ответить на это, рассмотрим сначала возможные возражения. За участие в Думе могло говорить теперь то обстоятельство, что рабочие получили некоторые права по выбору в Думу, а также и то, что свобода агитации несколько шире, чем в эпоху «первой» Булыгинской Думы, обещанной законом 6-го августа. Эти соображения в связи с подавлением московского и других восстаний, вызвавшим необходимость в некотором периоде затишья, скопления и подготовки новых сил,—естественно склоняли и склоняют «меньшинство» Р. С.-Д. Р. П. к тому, чтобы высказаться за участие в выборах, по крайней мере, уполномоченных и выборщиков. Такие социал-демократы думают, что стремиться пройти в Государственную Думу мы не должны, что идти дальше выбора выборщиков не следует, но что воспользоваться для агитации, организации пролетариата и политического воспитания его предоставленной возможностью выборов в рабочей курии необходимо.

По поводу этих аргументов мы отметим прежде всего, что они вполне естественно вытекают из общих основ социал-демократического мирозерцания и социал-демократической тактики. Мы, представители «большинства», должны признать это, чтобы не впасть в фракционную крайность, способную повредить безусловно необходимому делу единства партии. Мы должны непременно заново, деловым образом обсудить вопрос о тактике. Если события подтвердили правильность нашей тактики относительно Думы 6-го августа, которая была, действительно, сорвана, была сбойкотирована, сметена пролетариатом, то отсюда вовсе еще не вытекает само собою, что и новую Думу удастся сорвать таким же образом. Ситуация теперь не та, и надо тщательно взвесить доводы за и против участия.

Мы изложили вкратце главные, на наш взгляд, доводы за. Перейдем к доводам против.

Новая Дума является, несомненно, карикатурой на народное представительство. Участие наше в выборах даст народным массам извращенное представление о нашей оценке Думы.

Свободы агитации нет. Собрания разгоняются. Делегаты арестовываются.

Поддавшись на приманку дубасовского «конституционализма», мы своего партийного знамени перед массами развернуть не сможем, а свои партийные силы ослабим с малой пользой для дела, ибо «легальное» выступление наших кандидатов даст лишь полиции готовые списки арестуемых.

В большинстве мест России кипит гражданская война. Затишье может быть здесь лишь временное. Подготовка вновь и вновь необходима. Нашей партии соединять это с делом выборов по закону 11-го декабря и нецелесообразно, и практически неосуществимо. Не выйдет у нас выборов «по закону», даже если бы мы захотели, ибо условия борьбы не допустят этого. Отдельные исключения, конечно, возможны, но ради них вносить путаницу, дезорганизацию и отсутствие единства в общероссийскую пролетарскую тактику нерационально.

Выборы в Думу по закону 11-го декабря при господстве Дубасовых и Дурново есть чистейшая игра в парламентаризм. Пролетариату недостойно участвовать в игре.

Тактика массовой партии пролетариата должна быть проста, ясна, пряма. Выборы же уполномоченных и выборщиков без выбора депутатов в Думу создают запутанное и двойственное решение вопроса. С одной стороны, признается легальная форма выборов по закону. С другой стороны, «срывается» закон, ибо выборы производятся не в целях осуществления закона, не в целях посылки депутатов в Думу. С одной стороны, начинается избирательная кампания; с другой стороны, она обрывается в самом важном (с точки зрения всех выборов) пункте, при определении непосредственного состава Думы. С одной стороны, рабочие ограничивают свои выборы (уполномоченных и выборщиков) нелепыми и реакционными рамками закона 11-го декабря. С другой стороны, на этих рабочих выборах, заведомо неполно и неверно отражающих передовые стремления пролетариата, возлагается задача осуществлять эти стремления помимо Думы (в форме какого-либо нелегального представительства или нелегальной Думы или Народной Думы и т. п.). Получается бессмыслица: выборы на основании несуществующего избирательного права в несуществующий парламент. Советы Рабочих Депу-

татов в Питере и Москве были выбраны самими рабочими не по полицейским «законным формам». И аресты этих советов дали весьма важный урок рабочим. Эти аресты показали, как опасно доверять лже-конституционализму, как непрочно «революционное самоуправление» без победы революционных сил, как недостаточна временная беспартийная организация, которая может иногда дополнить, но никак не заменит прочной и длительной боевой партийной организации. Столичные Советы Рабочих Депутатов пали потому, что у них не хватило прочной опоры в боевой организации пролетариата. Если мы заменим эти советы собраниями выборщиков или уполномоченных, это будет подставкой опоры словесной, вместо опоры боевой, опоры квази-парламентской, вместо опоры революционной. Это будет то же самое, как если бы мы заменили недостающую пушку нарисованной на картоне пушкой.

Далее, участвуя в выборах, мы ставим пролетариат в ложное отношение к буржуазной демократии. Эта последняя опять раскалывается. Умеренные либералы (кадеты) горой стоят за участие. Радикалы тяготеют к бойкоту. Классовая подкладка этого раскола ясна: правое крыло буржуазии тяготеет к сделке с реакцией посредством Думы. Левое крыло буржуазии тяготеет к союзу с революцией или, по крайней мере, к поддержке ее (вспомните присоединение Союза Союзов к манифесту Исполнительного комитета петербургского Совета Рабочих Депутатов о финансовом крахе правительства). Тактика бойкота создает ясное и правильное отношение пролетариата к революционной и оппортунистической буржуазии. Тактика участия внесла бы страшный хаос, помешав пролетариату разбирать его ближайших союзников и его врагов.

Наконец, практические цели участия не менее, если не более, осуществимы и бойкотом. Подсчет сил пролетариата, агитация и организация, обеспечение господства с.-д. в рабочей курии, все это вполне возможно и при революционном использовании избирательных собраний вместо участия в них, все это вовсе не требует выбора именно «уполномоченных» и именно «выборщиков». Все это хуже достигается при отвлечении сил на эти смехотворные легальные выборы, ибо цели этих выборов мы же сами не признаем, а оповещать об них полицию вовсе нам не выгодно. На практике почти всегда и выйдет, наверное, именно революционное использование избирательных собраний, а не участие в них, ибо рабочие полицейским ограничениям не подчинятся, «посторонних лиц» (читай с.-д.) не устроят, правил выборов не соблюдут. Сила вещей, сила революционной ситуации приведет к тому, что из «выборных» собраний выборов не выйдет, а выйдет партийная агита-

ция помимо выборов и вопреки выборам, т.-е. выйдет так называемый «активный бойкот». Как бы мы ни смотрели на вещи, как бы мы ни толковали своих взглядов, какие бы мы ни выставляли оговорки, во всяком случае, участие в выборах неизбежно имеет тенденцию породить мысль о подмене Учредительного Собрания Думой, о созыве Учредительного Собрания через Думу и т. п. Показывать лживость и фиктивность представительства в Думе, требовать созыва революционным путем Учредительного Собрания и в то же время участвовать в Думе—это тактика, способная в революционный момент лишь сбить с толку пролетариат, лишь поддержать наименее сознательные элементы рабочей массы и наименее совестливые, наименее принципиальные элементы из числа вождей этой массы. Мы можем заявить о полной и полнейшей самостоятельности наших с.-д. кандидатур о чистой и чистейшей партийности нашего участия, но политическая обстановка сильнее всех заявлений. На деле не выйдет, не сможет выйти, сообразно этим заявлениям. На деле получится неизбежно, вопреки нашей воле, не социал-демократическая и не партийная рабочая политика при теперешнем участии в теперешней Думе.

Тактика, рекомендованная конференцией «большинства», есть единственно правильная тактика.

Интересным подтверждением (косвенным) этого вывода является позиция «кадетов». В своем «предсмертном» номере (от 20-го декабря) «Народная Свобода» рассуждает следующим образом по поводу всплывшего вновь вопроса, идти ли в Думу. Ближайшая задача—созыв всенародного Учредительного Собрания. Газета принимает это положение за доказанное. Кто и как созовет это Учредительное Собрание? На это возможен, по мнению «Народной Свободы», тройкий ответ: 1) правительство законное (или *de facto* самодержавное); 2) временное революционное правительство; 3) Государственная Дума, как «власть, конкурирующая с властью». Само собой разумеется, что «кадеты» принимают третий «исход» и именно ради такого исхода настаивают на необходимости участия в Думе. Первый исход отвергают, отбрасывая всякие надежды на правительство. О втором исходе они дают нам следующий, в высшей степени характерный, образчик рассуждения:

«Можно ли рассчитывать на практическую осуществимость того временного правительства, о котором еще и теперь—в кровавом угаре подавленного восстания—продолжают мечтать революционные партии? Скажем прямо: нет, нельзя, и не потому нельзя, что вооруженное восстание невозможно: Москва доказала обратное; и даже не потому, что такое восстание роковым образом будет по-

давлено вооруженной силой: кто может предсказывать будущее?

Нельзя рассчитывать на временное правительство потому, что ни при каких условиях—и даже в случае успешного восстания—оно не будет достаточно прочным и авторитетным для того, чтобы «собрать рассыпанную храмину» русской земли. Его смоем контр-революционная волна, надвигающаяся из общественных глубин.

«Русская революция длится не месяцы, а годы; за это время она успела определенно и резко наметить свой путь, и надо сказать прямо, что этот путь ни к вооруженному восстанию, ни к временному правительству не ведет. Не станем закрывать глаза перед действительностью. И либеральная интеллигенция, и крестьянство, и пролетариат—революционны, но революционная кооперация трех элементов под флагом вооруженного восстания невозможна. Не будем разбирать, кто прав и кто виноват; факт остается фактом. Но в таком случае, из каких элементов могло бы возникнуть пресловутое временное правительство революционных партий? Чем могло бы оно быть? Диктатурой пролетариата? Но о диктатуре пролетариата в современной России говорить не приходится»...

Мы нарочно выписали полностью это рассуждение, ибо оно превосходно, и с редкой для «кадетов» отчетливостью передает сущность либерально-буржуазной точки зрения. Ошибки этого рассуждения так наглядны, что на них достаточно кратко указать. Если теперь доказана возможность вооруженного восстания, и недоказуема наперед его безнадежность в смысле успеха, то что же это за возражение: «смоем контр-революция»? Это смешная, по своей слабости, отговорка. Революции без контр-революции не бывает и быть не может. Теперь вот и 17-е октября сметено контр-революционной волной, но разве это доказывает нежизненность конституционных требований? Вопрос не в том, будет ли контр-революция, а в том, кто, в конечном счете, после неизбежно долгих и полных всяких превратностей судьбы битв, окажется победителем?

«Народная Свобода» понимает, что этот вопрос решается учетом социальных сил. И она делает учет, признает революционность и пролетариата, и крестьянства, и либеральной интеллигенции. Но газета «декретирует»: их «кооперация под флагом вооруженного восстания невозможна». Почему? В этом весь гвоздь вопроса, и отделаться голословным заявлением тут нельзя. Это факт, который остается фактом, что восстает пролетариат, восстает и крестьянство, при участии некоторой, по крайней мере, доли буржуазной интеллигенции. Признав (не требующий теперь ничего признания) факт возможности вооруженного восста-

ния, признав, что предсказать безусловный неуспех всем дальнейшим взрывам нельзя, газета отняла у своих рассуждений всякую почву. Газета спасает себя только передержкой, отрицая возможность диктатуры пролетариата, т.-е. социалистической диктатуры, тогда как речь должна идти о демократической диктатуре пролетариата и крестьянства. Сочувствие этим классам и содействие им известной доли мелкой буржуазии вообще и буржуазной интеллигенции в частности обеспечено; остается вопрос о степени организованности и боевой способности. Это очень большой и серьезный вопрос, конечно, но решать его с плеча отрицательно могут только люди, желающие явно увильнуть от решения. Позиция либеральных помещиков ясна. Они хотят участия в Думе именно потому, что не хотят участия в революционной борьбе. Они хотят созыва Думы именно потому, что не хотят революционного созыва Учредительного Собрания. Они хотят Думы именно потому, что они хотят сделки. Различное отношение к Думе либералов и социал-демократов совершенно отчетливо отражает, таким образом, различие классовых позиции буржуазии и пролетариата. А до какой степени безнадежны воздыхания о сделке и о Думе в эпоху обостренной гражданской войны, это видно, между прочим, из закрытия «кадетских» газет и жалкого существования всей легальной либеральной печати вообще. Вся эта печать ежедневно приводит груды фактов, показывающих полную поддельность представительства в Думе, полную невозможность сколько-нибудь свободной агитации, сколько-нибудь правильных выборов. Действительность революционной и контр-революционной ситуации лучше всяких доводов опровергает мечтания об участии в Думе в целях борьбы, лучше всяких аргументов подтверждает правильность тактики активного бойкота.

В заключение еще пару слов о том, как должны поставить мы теперь нашу внутривнутрипартийную агитацию за активный бойкот Думы в связи с происходящим слиянием фракций и полным единением Р. С.-Д. Р. П.

Слияние необходимо. Слияние надо поддерживать. В интересах слияния надо вести борьбу с меньшевиками из-за тактики в рамках товарищества, стараясь переубедить всех членов партии, сводя полемику к деловому изложению доводов за и против, к выяснению позиции пролетариата и его классовых задач. Но слияние несколько не обязывает нас затушевывать тактические разногласия или излагать свою тактику непоследовательно и не в чистом виде. Ничего подобного. Идею борьбу за тактику, признаваемую нами правильной, необходимо вести открыто, прямо и решительно до конца, т.-е. до объединительного съезда партии. В единой партии тактика, определяющая непосредственные

действия партии, должна быть одна. Такой единой тактикой должна стать тактика большинства членов партии: когда большинство вполне определилось, меньшинство обязано подчиниться ему в своем политическом поведении, сохраняя право критики и агитации за разрешение вопроса на новом съезде.

При настоящем положении нашей партии обе фракции согласились о созыве объединительного съезда, обе согласились подчиниться его решениям. Объединительный съезд и установит единую тактику партии. Наша задача—ускорить всеми средствами созыв этого съезда и добиваться самым энергичным образом того, чтобы все члены партии составили себе ясное понятие и представление о различии тактик насчет участия в Думе, чтобы все члены партии с полным знанием дела, вполне взвесив доводы той и другой стороны, сделали сознательно, а не случайно свой выбор делегатов на общий съезд, который объединит всю партию и объединит нашу тактику.

Инварь 1906 г.

Современное положение России и тактика рабочей партии.

Российская социал-демократическая партия переживает очень трудный момент. Военное положение, расстрелы и экзекуции, переполненные тюрьмы, измученный голодом пролетариат, организационный хаос, усиленный разрушением многих нелегальных опорных пунктов и отсутствием легальных, наконец, споры о тактике, совпавшие с трудным делом восстановления единства партии,—все это неминуемо вызывает известный разброд партийных сил.

Формальным средством выхода из этого разброда является созыв объединительного партийного с'езда, и с этим созывом все работники партии должны, по нашему глубокому убеждению, спешить всеми силами. Но пока идет работа созыва с'езда, необходимо поставить перед всеми и чрезвычайно серьезно обсудить крайне важный вопрос о более глубоких причинах разброда. Вопрос о бойкоте Государственной Думы есть, в сущности, лишь маленькая частичка большого вопроса о пересмотре всей тактики партии. А этот последний вопрос, в свою очередь, есть лишь маленькая частичка большого вопроса о современном положении России и о значении настоящего момента в истории русской революции.

Намечаются две тактические линии в связи с двумя оценками этого момента. Одни (см., напр., статью Ленина в «Молодой России») считают подавление московского и др. восстаний лишь подготовкой почвы и условий для новой, более решительной вооруженной борьбы. Значение момента усматривается в разрушении конституционных иллюзий. Два великие месяца революции (ноябрь и декабрь) рассматриваются как период перерастания мирной всеобщей стачки в всенародное вооруженное восстание. Возможность его доказана, движение поднято на высшую ступень, практический опыт, необходимый для успеха будущего восста-

ния, накоплен широкими массами, мирные забастовки исчерпали себя. Надо собрать тщательнее этот опыт, дать пролетариату собраться с силами, отбросить решительно всякие конституционные иллюзии и всякую мысль об участии в Думе, готовить упорнее и терпеливее новое восстание. укреплять связи с организациями крестьянства, которое, вероятно, поднимется еще сильнее к весне.

Другие иначе оценивают момент. Тов. Плеханов в № 3 и особенно в № 4 своего «Дневника» всего последовательнее наметил иную оценку, хотя, к сожалению, не везде договорил до конца свои мысли.

«Несвоевременно начатая политическая забастовка,—говорит т. Плеханов,—привела к вооруженному восстанию в Москве, Ростове и т. д. Сила пролетариата оказалась недостаточной для победы. Это обстоятельство не трудно было предвидеть. А потому не нужно было и браться за оружие». Практическая задача сознательных элементов рабочего движения «заключается в том, чтобы указать пролетариату на его ошибку, чтобы выяснить ему всю рискованность той игры, которая называется вооруженным восстанием». Плеханов не оспаривает того, что он хочет тормозить движение. Он напоминает о том, как Маркс за полгода до Коммуны предостерегал парижский пролетариат от несвоевременных вспышек. «Жизнь показала,—говорит Плеханов,—что тактика, которой держалась в последние месяцы наша партия, несостоятельна. Под страхом новых поражений мы обязаны усвоить новые тактические приемы»... «Главное—нам нужно немедленно обратить усиленное внимание на профессиональное движение рабочих»... «Очень значительная часть наших товарищей слишком увлекалась мыслью о вооруженном восстании, чтобы она могла заняться сколько-нибудь серьезно поддержкой профессионального движения»... «Нам надо дорожить поддержкой непролетарских оппозиционных партий, а не отталкивать их от нас бестактными выходками». Совершенно естественно, что Плеханов высказывается также против бойкота Думы (не договаривая, стоит ли он за участие в Думе или за создание выборщиками излюбленных «меньшевиками» «органов революционного самоуправления»). «Выборная агитация в деревне поставила бы ребром вопрос о земле». Отобрание земли одобрено обеими частями нашей партии, и их резолюции «теперь пора провести в жизнь».

Таковы взгляды Плеханова, изложенные нами почти целиком в формулировках самого автора «Дневника».

Читатель убедился, мы надеемся, из этого изложения, что вопрос о думской тактике есть лишь часть вопроса об общей тактике, подчиненного, в свою очередь, вопросу об оценке всего современного революционного момента. Корни

разногласия о тактике сводятся к следующему. Не нужно было братья за оружие, говорят одни, призывая к выяснению рискованности восстания и к перенесению центра тяжести на профессиональное движение. И забастовки 2-я и 3-я и восстание были ошибками. Другие же полагают, что нужно было братья за оружие, ибо иначе движение не могло подняться на высшую ступень, не могло выработать необходимого практического опыта в делах восстания, не могло освободиться от узких сторон одной только мирной стачки, исчерпавшей себя в качестве средства борьбы. Для одних, следовательно, вопрос о восстании практически снимается с очереди,—по крайней мере, впредь до новой ситуации, которая заставила бы нас еще раз пересмотреть тактику. Приспособление к «конституции» (участие в Думе и усиленная работа в легальном профессиональном движении) вытекает отсюда неизбежно. Для других, наоборот, именно теперь вопрос о восстании ставится на очередь на основании практически приобретенного опыта, доказавшего возможность борьбы с войсками и наметившего непосредственные задачи более упорной и более терпеливой подготовки следующего выступления. Отсюда лозунг: долой конституционные иллюзии! и отведение легальному профессиональному движению скромного, во всяком случае не «главного» места.

Само собою разумеется, что мы должны рассмотреть этот спорный вопрос не с точки зрения желательности того или иного пути деяния, а с точки зрения объективных условий момента и учета общественных сил. Взгляд Плеханова мы считаем ошибочным. Оценка московского восстания, сводящаяся к тому, что «не нужно было и братья за оружие», крайне односторонняя. Снять с очереди вопрос о восстании—значит, в сущности, признать законченным революционный период и начавшимся «конституционный» период демократического переворота, т.-е. приравнять, примерно скажем, подавление декабрьских восстаний в России к подавлению восстаний 1849-го года в Германии. Конечно, невозможного нет в таком исходе нашей революции, и с точки зрения данной минуты, когда реакция разворачивается во-всю, подобный исход легко признать уже наступившим. Не подлежит также сомнению, что целесообразнее решительно отказаться от идеи восстания, если объективные условия сделали его невозможным, чем тратить силы на новые, бесплодные, попытки.

Но это значит слишком поспешно обобщить и возвести в закон для целого периода такое положение вещей, которое сложилось в данную минуту. Разве мы не видели реакции во всем ее бешенстве после каждого почти крупного шага вперед, делаемого революцией? И

разве, несмотря на эту реакцию, движение не поднималось вновь еще более могучим через некоторый промежуток времени? Самодержавие не уступило перед неотвратимым требованиями всего общественного развития; напротив, самодержавие идет назад, вызывая уже протесты среди самой буржуазии, которая приветствовала подавление восстания. Силы революционных классов, пролетариата и крестьянства, далеко не исчерпаны. Экономический кризис, финансовое расстройство скорее ширятся и углубляются, чем сглаживаются. Вероятность нового взрыва уже теперь, когда не кончилось еще подавление первого восстания, признают даже органы «правопорядочной» буржуазии, безусловно враждебной восстанию¹⁾. Комедиантский характер Думы вырисовывается все яснее, и безнадежность попытки партийного участия в выборах становится все несомненнее.

Это будет близорукостью, это будет раболепством перед ситуацией данного момента, если мы при таких условиях снимем с очереди вопрос о восстании. Посмотрите, в какое противоречие впадает Плеханов, когда горячо советует провести в жизнь резолюцию об агитации в крестьянстве за отобрание земли и в то же время задается целью не отталкивать от нее оппозиционных партий бестактными выходками, мечтает о постановке «ребром» вопроса о земле при выборной агитации в деревне. Можно с уверенностью сказать, что либералы-помещики простят вам миллионы «бестактностей», но не простят призывов к отобранию земли. Не даром даже кадеты говорят, что и они стоят за подавление крестьянских восстаний силой войска, только бы распоряжались войсками они, а не бюрократия (см. статью кн. Долгорукова в «Праве»). Можно с уверенностью сказать, что именно в выборной-то агитации и не встанет никогда вопрос о земле «ребром», как встал он, как встает он и будет вставать помимо Думы и помимо производимых при участии полиции выборов.

Мы всецело стали за лозунг отобрания земли. Но отобрание земли лишь пустой звук, если оно не означает победы вооруженного восстания, ибо против крестьян стоит теперь не только войско, но и отряды добровольцев, нанимаемые помещиками. Проповедуя отобрание земли, мы зовем крестьян на восстание. А разве мы вправе были бы, не впадая в революционную фразу, делать это, если бы не рассчитывали на восстание рабочих в городах, на поддер-

¹⁾ Вот, напр., что пишет консервативно-буржуазное „Слово“ (№ 364 от 25-го января): „Среди самых убежденных сторонников центра все чаще слышатся голоса, правда, еще робкие и неуверенные, что без нового взрыва подготовленного революционными партиями, реформа в необходимой полноте и цельности осуществлена не будет... Надежды на проведение реформы сверху, мирным путем теперь уже почти не остается“.

жку рабочими крестьян? Было бы горькой насмешкой, если бы крестьянам, которые поднимутся волной и начнут отбирать земли, рабочие предложили содействие профессиональных, опекаемых полицией, обществ, за отсутствием боевых организаций.

Нет, мы не имеем оснований снимать с очереди вопрос о восстании. Мы не должны перестраивать заново партийную тактику с точки зрения условий данного момента реакции. Мы не можем и не должны отчаиваться в том, что удастся, наконец, слить три разрозненные потока восстаний—рабочие, крестьянские и военные—в одно победоносное восстание. Мы должны готовиться к этому, не отказываясь, конечно, от использования всех и всяческих «легальных» средств к расширению пропаганды, агитации и организации, но отнюдь не обольщая себя насчет прочности этих средств и их значения. Мы должны собирать опыт московского, донецкого, ростовского и других восстаний, распространять знакомство с ними, готовить упорно и терпеливо новые боевые силы, обучать и закалять их на ряде партизанских боевых выступлений. Новый взрыв, может быть, и не наступит еще весной, но он идет, он по всей вероятности не слишком далек. Мы должны встретить его вооруженными, организованными по-военному, способными к решительным наступательным действиям.

Мы позволим себе здесь маленькое отступление о партизанских выступлениях боевых дружин. Мы думаем, что сравнивать их с террором старого типа ошибочно. Террор был мстью отдельным лицам. Террор был заговором интеллигентских групп. Террор был совершенно не связан ни с каким настроением масс. Террор не подготовлял никаких боевых руководителей масс. Террор был результатом—а также симптомом и спутником—неверия в восстание, отсутствие условия для восстания.

Партизанские выступления не мсть, а военные действия. Они так же мало похожи на авантюру, как набеги охотничьих дружин на тыл неприятельской армии во время затишья на главном поле сражения непохожи на убийства дуэлянтов или заговорщиков. Партизанские действия боевых дружин, образованных давно уже социал-демократами обеих фракций во всех крупнейших центрах движения и включающих в себя главным образом рабочих, несомненно связаны с настроением масс самым явным, самым непосредственным образом. Партизанские действия боевых дружин непосредственно готовят боевых руководителей масс. Партизанские действия боевых дружин теперь не только не являются результатом неверия в восстание или невозможности восстания, а, напротив, являются необходимой составной частью происходящего восстания. Конечно, во всем и

всегда возможны ошибки, возможны неуместные попытки выступлений не во-время; возможны увлечения и крайности, которые всегда и безусловно вредны и способны повредить самой верной тактике. Но факт тот, что мы до сих пор страдаем в большинстве чисто-русских центров от другой крайности, от недостаточной инициативности наших боевых дружин, от недостатка у них боевого опыта, от малой решительности их выступлений. Нас опередили в этом отношении и Кавказ и Польша и Прибалтийский край, т.-е. именно такие центры, где движение всего дальше ушло от старого террора, где восстание подготовлено всего лучше, где массовый характер пролетарской борьбы всего сильнее и ярче выражен.

Нам надо догонять эти центры. Нам надо не удерживать, а поощрять партизанские выступления боевых дружин, если мы не на словах только хотим готовить восстание и признали пролетариат всерьез готовым к восстанию.

Русская революция началась с того, что царя просили даровать свободу. Расстрелы, реакция, треповщина не задавили, а разожгли движение. Революция сделала второй шаг. Она вырвала силой у царя признание свободы. Она, с оружием в руках, отстаивала эту свободу. Сразу не отстояла. Расстрелы, реакция, дубасовщина не задавят, а разожгут движение. Перед нами вырисовывается третий шаг, который определит исход революции: борьба революционного народа за власть, способную на деле осуществить свободу. В этой борьбе нам надо рассчитывать на поддержку не оппозиционных, а революционных демократических партий. Рядом с социалистическим пролетариатом тут пойдет демократически-революционное крестьянство. Это — великая борьба, трудная борьба, борьба за доведение до конца демократической революции, за полную победу ее. Но все признаки говорят в настоящее время за то, что такая борьба надвигается ходом вещей. Позаботимся же, чтобы новый вал застал российский пролетариат в новой боевой готовности.

Февраль 1906 г.

Русская революция и задачи пролетариата.

I.

Каково положение демократической революции в России: разбита ли она или мы переживаем лишь временное затишье? Было ли декабрьское восстание кульминационным пунктом революции, и мы катимся теперь неудержимо к «шиповско-конституционному» режиму? Или революционное движение в общем и целом идет не на убыль, а продолжит подниматься, подготавливая новый взрыв, копя в затишьи новые силы, обещаая за первым неудачным восстанием второе, имеющее несравненно больше шансов на успех?

Таковы коренные вопросы, которые стоят теперь перед социал-демократами России. Оставаясь верным марксизму, мы не можем и не должны уклоняться посредством общих фраз от анализа объективных условий, учет которых в последнем счете решает окончательно эти вопросы. А от решения их зависит вся тактика социал-демократии, и наши споры, например, о бойкоте Думы (подходящие, впрочем, уже к концу, ибо большинство организаций Р. С.-Д. Р. П. высказалось за бойкот), являются лишь маленькой-маленькой частичкой этих больших вопросов.

Мы сказали сейчас, что марксисту неприлично общими фразами отделяться от этих вопросов. Такими общими фразами являются хотя бы ссылки на то, что мы никогда не понимали революции в смысле одних «рогатин и вил», что мы были революционерами и тогда, когда не выдвигали непосредственного призыва к восстанию, что мы останемся революционерами и в парламентский период, когда он наступит, и т. п. Такие речи были бы жалкими увертками, подменом конкретного исторического вопроса абстрактными соображениями, которые ровно ничего не выясняют и служат лишь прикрытием бедности или политической растерянности. Чтобы подтвердить нашу мысль примером, со-

ишемся на отношение Маркса к немецкой революции 1848 года. Такая ссылка тем более может быть полезна, что у нас наблюдается ряд признаков такого же и даже еще более резкого разделения буржуазии на реакционную и революционную, — разделения, отсутствовавшего, напр., в Великой французской революции. В сущности говоря, и поставленные нами выше коренные вопросы о положении русской революции можно формулировать, применительно к аналогии с Германией (разумеется, в том условном и ограниченном смысле, в каком только и допустима вообще историческая аналогия), такими словами: 1847 или 1849 год? Переживаем ли (как Германия в 1847 году, когда созывалась и была созвана немецкая госуд. дума, так назыв. соединенный ландтаг) концы вашего подъема революции, или мы переживаем (как Германия в 1849 году) концы окончательного истощения революции и начала серых будней куцой конституции?

Маркс именно в течение 1850 года ставил этот вопрос, разрешал его и разрешил, наконец, не уверткой, а прямым ответом, выведенным из анализа объективных условий. В 1849 году революция была подавлена, ряд восстаний окончился неудачей, фактически завоеванная народом свобода была отобрана, реакция свирепствовала против «революционеров». Открытое политическое выступление «Союза коммунистов» тогдашней социал-демократической организации, фактически руководимой Марксом) стало невозможным. «По-всюду выступала потребность, — говорит обращение ЦК союза к членам его в июне 1850 г., — в сильной тайной (курсив везде наш) организации революционной партии по всей Германии». ЦК посылает из-за границы эмиссара в Германию, который сосредоточивает «все пригодные силы в руках союза». Маркс пишет («Обращение» от марта 1850 г.) о вероятности нового подъема, новой революции, советует рабочим самостоятельно организовать, настаивать в особенности на необходимости вооружения всего пролетариата, на образовании пролетарской гвардии, на необходимости «расстраивать силой всякую попытку разоружения». Маркс требует образования «революционных рабочих правительств» и обсуждает поведение пролетариата «во время и после предстоящего восстания». Маркс ставит в образец германской демократии якобинскую Францию 1793 года (см. «Кельнский процесс коммунистов», рус. пер., стр. 115 и др.).

Проходит полгода. Ожидаемый подъем не наступает. Усилия союза не увенчиваются успехом. «Подъем революции, — писал Энгельс в 1885 г., — в течение 1850 года становится все менее вероятным, даже невозможным». Промышленный кризис 1847 года миновал. Наступало процветание промышленности. И вот, учтя объективные условия.

Маркс резко и определенно ставит вопрос. Осенью 1850 года он заявляет категорически, что теперь, при таком пышном развитии производительных сил буржуазного общества, «о действительной революции не может быть и речи».

Как видит читатель, Маркс не уваливает от трудного вопроса. Он не играет со словом революция, не подменяет насущного политического вопроса пустыми абстракциями. Он не забывает, что революция вообще идет во всяком случае вперед, ибо идет развитие буржуазного общества, а говорит прямо о невозможности демократической революции в непосредственном и узком значении слова. Маркс решает трудный вопрос, не ссылаясь на «настроение» упадка и усталости в тех или иных слоях пролетариата (как делают нередко впадающие в хвостизм социал-демократы). Нет, пока у него не было других данных, кроме факта пониженного настроения (в марте 1850 г.), он продолжал звать к вооружению и восстанию, готовить его, не понижая своим скептицизмом и растерянностью настроения рабочих. Лишь тогда, когда Маркс показал неизбежность «истощения» «действительной революции», — лишь тогда он переменял взгляд. И, переменяв взгляд, Маркс прямо и открыто потребовал коренной перемены тактики, полного прекращения подготовки восстания, ибо такая подготовка могла быть тогда лишь игрой. Лозунг восстания был прямо снят с очереди. Прямо и определенно признано было, что «форма движения изменилась».

Этот пример Маркса мы должны всегда иметь перед глазами в теперешний трудный момент. К вопросу о возможности «действительной революции», в ближайшем будущем, об основной «форме движения», о восстании и его подготовке мы должны отнестись с величайшей серьезностью, но борющаяся политическая партия обязана решить этот вопрос прямо и определенно, без уверток, без отговорок, без всяких недомолвок. Партия, которая не сумела бы составить себе ясного ответа на такой вопрос, не заслуживала бы названия партии.

II.

Итак, какие же объективные данные имеются у нас для решения этого вопроса? В пользу мнения о полном истощении непосредственно революционной «формы движения», о невозможности нового восстания, о вступлении России в эру убогого буржуазного квази-конституционализма говорит целый ряд лежащих, так сказать, на поверхности и бросающихся всем в глаза фактов. Поворот в буржуазии несомненен. Помещик отошел от кадетов и ушел в союз

17 октября. Правительство даровало уже двух-палатную «конституцию». При помощи военных положений, экзекуций и арестов создается возможность созыва поддельной Думы. Городское восстание подавлено, и весеннее движение крестьян может оказаться одиноким, бессильным. Распродажа помещичьих земель идет, а следовательно усиливается слой буржуазного «спокойного» крестьянства. Понижение настроения после подавленного восстания есть налицо. Наконец, нельзя забывать и того, что предсказывать поражение революции вообще легче и дешевле, так сказать, чем предсказывать ее подъем, ибо сейчас власть на стороне реакции, и «большой частью» до сих пор революции кончались... неоконченными.

Каковы данные в пользу обратного мнения? Предоставим по этому вопросу слово К. Каутскому, трезвость взглядов которого и умение самым спокойным, деловым и тщательным образом обсуждать злободневные и острые политические вопросы известны всем марксистам. Каутский высказал свой взгляд вскоре после подавления московского восстания в статье: «Шансы русской революции». Статья эта появилась в русском переводе,—конечно, не без цензурных искажений (в роде тех, от которых пострадал и русский перевод другой превосходной работы Каутского: «Аграрный вопрос в России»).

Каутский не увиливает от трудного вопроса. Он не пытается отделаться пустыми фразами о непобедимости революции вообще, о всегдашней и постоянной революционности класса пролетариев и т. п. Нет, он в упор ставит конкретный исторический вопрос о шансах современной, теперешней демократической революции в России. Он начинает свою статью без обиняков с того, что из России с начала 1906 г. приходят почти только одни печальные вести, которые «могли бы вызвать мнение, что революция эта окончательно подавлена и находится при последнем издыхании». Не только реакционеры ликуют по этому поводу, но и русские либералы, говорит Каутский, осыпая этих последних героев «купона» вполне заслуженными ими презрительными выражениями (Каутский не уверовал еще, как видно, в плехановскую теорию, будто русские социал-демократы должны «дорожить поддержкой непролетарских оппозиционных партий»).

И вот Каутский подробно разбирает это, естественно напрашивающееся мнение. Внешнее сходство декабрьского поражения рабочих в Москве с июньским (1848 г.) поражением рабочих в Париже несомненно. И там и здесь вооруженное восстание рабочих было «провоцировано» правительством в такой момент, когда рабочий класс был еще недостаточно организован. И там и здесь, несмотря на те-

ройское сопротивление рабочих, реакция победила. Что же выводит отсюда Каутский? Не заключает ли он, по образцу педантских назиданий Плеханова, что не нужно было и братья за оружие? Нет, Каутский не спешит перейти к близорукому и дешевенькому морализированию задним числом. Он исследует объективные данные, способные решить вопрос, является ли русская революция окончательно подавленной.

Четыре коренных различия усматривает Каутский между парижским (1848 г.) и московским (1905 г.) поражением пролетариата. Во-первых, поражение Парижа было поражением всей Франции. Ничего подобного нельзя сказать про Москву. Рабочие Петербурга, Киева, Одессы, Варшавы, Лодзи не разбиты. Они истощены страшно тяжелой, целый год уже тянувшейся, борьбой, но их мужество не сломлено. Они собираются с силами, чтобы снова начать борьбу за свободу.

Во-вторых, еще более существенное различие состоит в том, что крестьяне в 1848 г. во Франции были на стороне реакции, а в 1905 г. в России стоят на стороне революции. Идут крестьянские восстания. Целые армии заняты их подавлением. Эти армии опустошают страну, как только Германия была опустошена в 30-летнюю войну. Военные экзекуции на время запугивают крестьян, но они только усиливают их нищету, усиливают безвыходность их положения. Они неизбежно будут порождать, подобно опустошениям 30-летней войны, новые и новые массы людей, которые вынуждены будут объявить войну существующему порядку, которые не дадут водворить спокойствие в стране и будут примыкать ко всякому восстанию.

Третье, чрезвычайно важное различие есть следующее. Революция 1848 года была подготовлена кризисом и голодовкой 1847 г. Реакция опиралась на окончание кризиса и процветание промышленности. «Теперешний режим террора в России неизбежно должен вести, наоборот, к обострению того экономического кризиса, который годами тяготеет на всей стране». Голод 1905 года скажется еще в ближайшие месяцы во всех своих последствиях. Подавление революции есть величайшая гражданская война, война против целого народа. Эта война стоит не меньше внешней войны, при чем разоряет она не чужую, а собственную страну. Надвигается финансовый крах. А кроме того, новые торговые договоры грозят особенным потрясением для России и могут вызвать даже всемирный экономический кризис. Таким образом, чем дольше продержится реакционный террор, тем отчаяннее будет экономическое положение страны, тем более сильным будет возмущение против ненавистного режима. «Такая ситуация,—говорит Каутский,—делает не-

преодолимым всякое сильное движение против царизма. И в таком движении не будет недостатка. Об этом позаботится русский пролетариат, который дал уже столько великих доказательств своего геройства и своей самоотверженности».

Четвертое различие, указываемое Каутским, представляет для русских марксистов особый интерес. У нас очень распространено теперь, к сожалению, какое-то беззубое, чисто-кадетское, в сущности, хихиканье по поводу «браунингов» и «боевых дружин». Сказать, что восстание невозможно и нечего больше его готовить, ни у кого не хватает мужества и прямоты, образец которых дал Маркс. Но похихикать насчет военных действий революционеров мы очень любим. Мы называем себя марксистами, но от анализа военной стороны восстания (которой всегда придавали серьезное значение Маркс и Энгельс) мы предпочитаем увертываться, заявляя с неподражаемо-величественным доктринерством: «не нужно было браться за оружие»... Каутский поступает иначе. Как ни мало еще у него было данных о восстании, все же он старается вдуматься и в военную сторону вопроса. Он старается оценить движение, как новую, выработанную массами, форму борьбы, а не так, как оценивают сражения наши революционные Куропаткины: дескать, коли дают, так бери; коли бьют, так беги; коли побили, значит нечего было и браться за оружие!

«И парижская июньская битва,—говорит Каутский,—и московская декабрьская были баррикадными сражениями. Но первая была катастрофой, была концом старой баррикадной тактики. Вторая была началом новой баррикадной тактики. И постольку мы должны пересмотреть тот взгляд, который изложил Энгельс в своем предисловии к «Классовой борьбе» Маркса, именно взгляд, будто эпоха баррикадных сражений окончательно миновала. Миновала на самом деле только эпоха старой баррикадной тактики. Вот что доказало московское сражение, когда кучке повстанцев удалось, в течение 2-х недель, держаться против превосходных боевых сил, снабженных всеми орудиями современной артиллерии».

Так говорит Каутский. Он не поет отходной восстанию на основании неудачи первой попытки. Он не брюзжит по поводу неудачи, а исследует зарождение и рост новой, высшей формы борьбы, разбирает значение дезорганизации и недовольства в войске, помощи рабочим со стороны городского населения, сочетание массовой стачки с восстанием. Он исследует, как пролетариат учится восстанию. Он пересматривает устаревшие военные теории, приглашая тем самым к переработке и восприятию всей партией опыта Москвы. Он смотрит на все движение, как на переход от

стачки к восстанию, стараясь понять, каким образом надо рабочим сочетать то и другое для достижения успеха.

Каутский кончает свою статью словами: «Таковы уроки Москвы. Поскольку окажут они влияние на формы будущей борьбы, этого в настоящее время отсюда (т.-е. из Германии) предвидеть невозможно. В самом деле, до сих пор мы видели во всех прежних проявлениях русской революции стихийные взрывы неорганизованных масс, ни одного из этих проявлений не было наперед намечено по плану и подготовлено. Вероятно, в течение известного времени, так будет и впредь.

«Но если в настоящее время нельзя еще определенно предсказать грядущих форм борьбы, то все признаки свидетельствуют о том, что мы необходимо должны ждать дальнейших битв, что теперешнее мрачное (*unheimliche*) спокойствие есть лишь затишье перед бурей. Октябрьское движение показало массам в городах и деревнях, какую силу в состоянии они развернуть. Январская реакция столкнула их затем в пропасть, полную мучений. В этой пропасти все возбуждает их, толкает к возмущению, и нет такой цены, которую бы они сочли слишком дорогой для избавления из этой пропасти. Скоро поднимутся массы опять, скоро выступят они еще более могучими! Пусть контр-революция празднует свое торжество над трупами героев борьбы за свободу: близится уже конец этого торжества, поднимается красная заря, грядет пролетарская революция».

III.

Очерченный нами вопрос есть коренной вопрос всей социал-демократической тактики. Предстоящий партийный съезд должен в первую голову вырешить этот вопрос самым ясным и недвусмысленным образом, и все члены партии, все сознательные рабочие должны немедленно напрячь все свои силы для того, чтобы собрать всесторонний материал для решения вопроса, обсудить его и послать на съезд делегатов, вполне подготовленных к их серьезной и ответственной задаче.

Выборы на съезд должны происходить на основании полного выяснения тактических платформ. И, в сущности, тот или иной последовательный и цельный ответ на поставленный вопрос предрешает все частности социал-демократической тактической платформы.

Или—или.

Или мы признаем, что в настоящее время «о действительной революции не может быть и речи». Тогда мы должны прямо и самым решительным образом во всеуслышание за-

явить это, чтобы не вводить в заблуждение ни самих себя, ни пролетариат, ни народ. Тогда мы должны безусловно отвергнуть, как непосредственную задачу пролетариата, доведение до конца демократической революции. Тогда мы обязаны совершенно снять с очереди вопрос о восстании, прекратить всякие работы по вооружению и организации боевых дружин, ибо играть в восстание недостойно рабочей партии. Тогда мы должны признать исчерпанными силы революционной демократии и поставить своей непосредственной задачей поддержку тех или иных слоев либеральной демократии, как реальной оппозиционной силы при конституционном режиме. Тогда мы должны рассматривать Госуд. Думу, как парламент, хотя бы и худой, участвовать не только в выборах, но и в самой Думе. Тогда мы должны на первый план выдвинуть легализацию партии, соответственное изменение партийной программы, приспособление к «законным» рамкам всей работы или, по крайней мере, отведение нелегальной работе минимального и подчиненного места. Тогда задачу организации профессиональных союзов мы можем признать такой же первостепенной партийной задачей, какой было в предыдущий исторический период вооруженное восстание. Тогда мы должны также снять с очереди и революционные лозунги крестьянского движения (в роде конфискации помещичьих земель), ибо такие лозунги суть практические лозунги восстания, а звать к восстанию, не готовясь к нему серьезно военным образом, не веря в него, было бы недостойной игрой в восстание. Тогда мы должны выбросить за борт всякие разговоры не только о временном революционном правительстве, но и о так наз. «революционном самоуправлении», ибо опыт показал, что учреждения, правильно или неправильно обозначаемые этим термином, фактически превращаются силою вещей в органы восстания, в зародыши революционного правительства.

Или мы признаем, что в настоящее время о действительной революции может и должна быть речь. Мы признаем новые и высшие формы непосредственно-революционной борьбы неизбежными, или, по крайней мере, наиболее вероятными. Тогда главной политической задачей пролетариата, нервом всей его работы, душой всей его организационной классовой деятельности должно быть доведение до конца демократической революции. Всякие отговорки от этой задачи были бы тогда лишь принижением понятия классовой борьбы до брентавовского тюкования ее, были бы превращением пролетариата в прихвостня либеральной монархической буржуазии. Тогда самой насущной и центральной политической задачей партии является подготовка сил и организации пролетариата к вооруженному восстанию, как высшей, достигнутой движением, формы бор-

бы. Тогда обязательно критически изучить в самых непосредственных практических целях весь опыт декабрьского восстания. Тогда надо удешевить усилия по организации боевых дружин и вооружению их. Тогда надо готовиться к восстанию и посредством партизанских боевых выступлений, ибо смешно было бы «готовиться» посредством одних только записей и регистраций. Тогда надо считать гражданскую войну объявленной и продолжающейся, при чем вся деятельность партии должна быть подчинена принципу: «коль война, так по-военному». Тогда воспитание кадров пролетариата для наступательных военных действий безусловно необходимо. Тогда бросание революционных лозунгов в крестьянскую массу логично и последовательно. Задача боевых соглашений с революционной и только революционной демократией выдвигается на первый план: основой деления буржуазной демократии берется именно вопрос о восстании. Кто за восстание, с теми пролетариат «вместе бьет», хотя и «врозь идет»; кто против восстания, с теми мы боремся беспощадно, или отталкиваем от себя, как презренных лицемеров и иезуитов (кадеты). Во всей агитации мы выдвигаем тогда в первую голову критику и разоблачение конституционных иллюзий с точки зрения открытой гражданской войны, выдвигаем обстоятельства и условия, неуклонно подготовляющие стихийные революционные взрывы. Думу мы признаем тогда не парламентом, а полицейской канцелярией и отвергаем какое бы то ни было участие в комедиантских выборах, как развращающее и дезорганизирующее пролетариат. В основу организации партии рабочего класса мы ставим тогда (как Маркс ставил в 1849 году) «сильную тайную организацию», которая должна иметь особый аппарат «открытых выступлений», просовывать особые щупальцы во все легальные общества и учреждения, начиная с профессиональных рабочих союзов и кончая подзаконной печатью.

Коротко говоря: либо мы должны признать демократическую революцию оконченной, снять с очереди вопрос о восстании и стать на «конституционный» путь. Либо мы признаем демократическую революцию продолжающейся, ставим на первый план задачу завершения ее, развиваем и применяем на деле лозунг восстания, провозглашаем гражданскую войну и клеймим беспощадно всякие конституционные иллюзии.

Нам вряд ли есть надобность заявлять читателям, что мы высказываемся решительно за последнее решение вопроса, стоящего перед нашей партией. Прилагаемая тактическая платформа должна резюмировать и систематически изложить наши взгляды, которые мы будем проводить на съезде и в течение всей работы по подготовке съезда.

Платформа эта должна быть рассматриваема не как законченное нечто, а как конспект выяснения тактических вопросов и первый набросок тех резолюций и постановлений, которые мы будем отстаивать на партийном съезде. Платформа эта обсуждалась на частных собраниях единомышленников из бывших «большевиков» (в том числе редакторы и сотрудники «Пролетария») и является плодом коллективной работы.

Март 1906 г.

О бойкоте.

С.-д. левого крыла должны подвергнуть пересмотру вопрос о бойкоте Г. Думы. Следует помнить, что мы всегда ставили этот вопрос конкретно, в зависимости от определенной политической ситуации. Например, еще «Пролетарий» (женевский) писал, что «смешно было бы зарекаться от использования даже Булыгинской Думы,—если бы она могла родиться. А по поводу Виттевской Думы в брошюре «Социал-демократия и Г. Дума» (Н. Ленина и Ф. Дана) читаем в статье Н. Ленина: «Мы должны непременно заново, деловым образом, обсуждать вопрос о тактике... Ситуация теперь не та, что при Булыгинской Думе».

Главное отличие революционной и оппортунистической с.-демократии в вопросе о бойкоте следующее. Оппортунисты ограничиваются применением ко всем случаям общего шаблона, снятого с особого периода германского социализма. Мы должны использовать представительные учреждения,—Дума есть представительное учреждение,—следовательно, бойкот есть анархизм и надо идти в Думу. Таким детски-простым силлогизмом исчерпывались всегда все рассуждения на эту тему наших меньшевиков и в особенности Плеханова. Резолюция меньшевиков о значении представительных учреждений в революционную эпоху (см. № 2 «Партийных Известий») чрезвычайно рельефно показывает этот шаблонный, анти-историчный характер их рассуждений.

Наоборот, революционные с.-д. центр тяжести вопроса переносят именно на внимательный учет конкретной политической ситуации. Нельзя охватить задач русской революционной эпохи посредством списывания с немецких шаблонов, односторонне взятых с последнего времени при забвении уроков 1847—1848 годов. Нельзя ничего понять в ходе нашей революции, если ограничиваться голеньким противопоставлением «анархического» бойкота с.-демократическому участию и выборам. Учитесь-ка у истории русской революции, господа!

Эта история доказала, что бойкот Булыгинской Думы был единственно правильной тактикой, которую всецело подтвердили события. Кто забывает об этом, кто толкует о бойкоте, обходя уроки Булыгинской Думы (как обходят их всегда меньшевики), тот выдает себе полное свидетельство о бедности, свидетельство о неумении объяснить и учесть одну из самых важных и самых богатых событиями эпох русской революции. Тактика бойкота по отношению к Булыгинской Думе верно учла и настроение революционного пролетариата и объективные особенности момента, вызвавшие неизбежность близкого общего взрыва.

Перейдем ко второму уроку истории,—к Виттевской кадетской Думе. Нынче очень распространены покаянные речи с.-д. интеллигентов по поводу бойкота этой Думы. Тот факт, что она собралась и косвенно, несомненно, послужила службу революции, считают достаточным для покаянного признания ошибочности бойкота Виттевской Думы.

Но такой взгляд крайне односторонен и близорук. Он не учитывает целого ряда громадной важности фактов из эпохи до-Виттевской Думы, во время нее и после ее роспуска. Припомните, что закон о выборах в эту Думу вышел 11 декабря, во время вооруженной борьбы повстанцев за Учредит. Собрание. Припомните, что даже меньшевистское «Начало» писало тогда: «Пролетариат так же сметет Виттевскую Думу, как он смел Булыгинскую». При таких условиях пролетариат не мог и не должен был без борьбы отдать в руки царя созыв первого представительного учреждения в России. Пролетариат должен был бороться против укрепления самодержавия займом под обеспечение Виттевской Думы. Пролетариат должен был бороться против конституционных иллюзий, на которых целиком строилась весной 1906 года избирательная кампания кадетов и выборы в крестьянстве. В то время безмерного преувеличения Думы такая борьба была невозможна иначе, как посредством бойкота. До какой степени тесно было связано распространение конституционных иллюзий с участием избирательной кампании и в выборах весной 1906 года, это всего рельефнее видно на примере наших меньшевиков. Достаточно припомнить, что в резолюции 4-го (объед.) съезда Р. С. - Д. Р. П. Дума названа была «властью», вопреки предостережениям большевиков! Другой пример: Плеханов, ничтоже сумняшеся, писал: «Правительство упадет в бездну, когда разгонит Думу». Как быстро оправдались сказанные тогда против него слова: надо готовиться к тому, чтобы уронить врага в бездну, а не возлагать по-кадетски надежд на самопроизвольное «падение» в бездну.

Пролетариат должен был всеми силами отстоять свою самостоятельную тактику в нашей революции, именно: вместе с сознательным крестьянством против шаткой и предательской либерально-монархической буржуазии. А эта тактика была невозможна при выборах в Виттевскую Думу в силу целого ряда условий, как объективных, так и субъективных, — условий, вызывавших тот факт, что участие в выборах равнялось для громадного большинства местностей России безгласной поддержкой кадетов рабочей партией. Пролетариат не мог и не должен был принять половинчатой и искусственно выдуманной, построенной на «хигрости» и растерянности, тактики выборов неизвестно для чего, выборов в Думу не для Думы. А ведь это исторический факт, которого не устранят никакие замалчивания, никакие обходы и увертки меньшевиков, — это факт, что никто из них, и даже Плеханов, не мог в печати звать в Думу. Это факт, что в печати не раздалось ни одного призыва идти в Думу. Это факт, что сами меньшевики в листке объединенного Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. признали официально бойкот и свели спор только к тому, на какой стадии следуют бойкотировать. Это факт, что меньшевики сводили центр тяжести не на выборы в Думу, а на выборы сами по себе, даже на процесс выборов, как на организацию для восстания, для сметения Думы. А между тем, события доказали как раз невозможность массовой агитации при выборах и известную возможность агитации в массах только из самой Думы.

Кто попробует действительно принять во внимание и учесть все эти сложные факты, как объективного, так и субъективного свойства, тот увидит, что Кавказ был лишь исключением, подтвердившим общее правило. Тот увидит, что покающиеся речи и объяснение бойкота «молодым задором» представляют из себя самую узкую, поверхностную и близорукую оценку событий.

Роспуск Думы наглядно показал теперь, что бойкот в условиях весны 1906 г., несомненно, был правильной, вообще говоря, тактикой и принес пользу. Только посредством бойкота могла социал-демократия при тогдашних обстоятельствах исполнить свой долг, именно: дать народу те необходимые предостережения насчет царской конституции, ту необходимую критику кадетского шарлатанства во время выборов, которые (критика и предостережения) блестяще подтвердились роспуском Думы.

Вот маленький пример для иллюстрации сказанного. Г. Водовозов, этот полу-кадет, полу-меньшевик, горой стоял весной 1906 г. за выборы и за поддержку кадетов. Вчера (11 авг.) он писал в «Товарище», что кадеты «пожелали быть партией парламентарной в стране, не имеющей парламента, и партией конституционной в стране, не имеющей

конституции», что «весь характер партии к.-д. определило коренное противоречие между радикальной программой и совсем нерадикальной тактикой».

Большого торжества большевики не могли и желать, как этого признания левого кадета или правого плехановца.

Но, безусловно отвергая малодушные и близорукие покаянные речи, отвергая глупенькое объяснение бойкота «молодым задором», мы далеки от мысли отрицать новые уроки кадетской Думы. Была бы педантством боязнь открыто признать и учесть эти новые уроки. История показала, что когда собирается Дума, то является возможность полезной агитации изнутри нее и около нее; — что тактика сближения с революционным крестьянством против кадетов возможна внутри Думы. Это кажется парадоксом, но такова, несомненно, ирония истории: именно кадетская Дума особенно наглядно показала массам правильность этой «анти-кадетской», скажем для краткости, тактики. История беспощадно опровергла все конституционные иллюзии и всю «веру в Думу», но история безусловно доказала известную, хотя и скромную, пользу такого учреждения для революции, как трибуны для агитации, для разоблачения истинного «нутра» политических партий и т. д.

Отсюда вывод: смешно было бы закрывать глаза на действительность. Теперь как раз наступило время, когда революционные с.-д. должны перестать быть бойкотистами. Мы не откажемся пойти во вторую Думу, когда (или: «если») она будет созываться. Мы не откажемся использовать эту арену борьбы, отнюдь не преувеличивая ее скромного значения, а, напротив, всецело подчиняя ее, на основании данного уже историей опыта, другого рода борьбе — посредством стачки, восстания и т. п. Мы созовем пятый съезд партии; мы постановим на нем, что в случае выборов необходимо избирательное соглашение на несколько недель с трудовиками (без созыва пятого съезда партии дружная избирательная кампания невозможна, а всякие «блоки с другими партиями» безусловно запрещены постановлением четвертого съезда). И мы разобьем тогда кадетов наголову.

Но этот вывод еще далеко, далеко не исчерпывает всей сложности, стоящей перед нами задачи. Мы намеренно подчеркивали слова в «случае выборов» и т. п. Мы не знаем еще, будет ли созвана вторая Дума, когда будут выборы, каково избирательное право; какова будет тогдашняя ситуация. Наш вывод поэтому страдает крайней общностью: он нужен, чтобы подвести итог прошлому, чтобы учесть уроки этого прошлого, чтобы дать правильную постановку будущим вопросам тактики, но он совершенно еще не достаточен для разрешения конкретных задач ближайшей тактики.

Только кадеты и всякие «кадетоподобные» могут в настоящее время удовлетворяться таким выводом, создавать себе «лозунг» из вздыханий по новой Думе, доказывать правительству желательность быстрейшего ее созыва и т. п. Только сознательные или бессознательные изменники революции могут направлять теперь все усилия к тому, чтобы неизбежный новый подъем настроения и возбуждения вылился именно в выборы, а не в борьбу посредством всеобщей стачки и восстания.

Мы подошли к гвоздю вопроса о современной с.-д. тактике. Совсем не в том теперь суть вопроса, участвовать ли вообще в выборах. Сказать тут: «да» или «нет» значит еще ровно ничего не сказать о коренной задаче момента. Политическое положение в августе 1906 г. по внешности похоже на положение в августе 1905 г., но за это время сделан громадный шаг вперед: гораздо точнее определены и силы сражающихся на той и другой стороне, и формы борьбы, и некоторые сроки, необходимые для того или иного, если можно так выразиться, стратегического движения.

План правительства ясен. Оно совершенно правильно рассчитало, определив срок созыва Думы и не определив, вопреки закону, срока выборов. Правительство не хочет связывать себе рук и раскрывать своих карт. Во 1-х, оно выигрывает время для размышления об изменении избирательного закона. Во 2-х,—и это главное—оно держит про запас назначение срока выборов для такого момента, когда сможет быть вполне определен характер нового подъема и его сила. Правительство хочет назначить новые выборы как раз в такой срок (а может быть и в такой форме, т.-е. такие или иные выборы), чтобы раздробить и обессилить начинающееся восстание. Правительство рассуждает правильно: если все будет спокойно, мы, может быть, вовсе не созовем Думы или вернемся к законам Булыгина. А если будет сильное движение, можно будет попытаться раздробить его, назначив временно выборы, отменив этими выборами тех или иных трусов или простачков от прямой революционной борьбы.

Либеральные тупицы (см. «Товарищ» и «Речь») до такой степени не понимают положения, что сами лезут в расставляемые правительством сети. Они из кожи лезут, «доказывая» необходимость Думы и желательность того, чтобы подъем направился на выборы. Но даже и они не могут отрицать, что вопрос о форме ближайшей борьбы остается еще открытым. Сегодняшняя «Речь» (12 авг.) признается: «какое слово скажут крестьяне осенью... пока неизвестно». «До сентября—октября, пока окончательно выяснится настроение крестьян, трудно давать какие-либо общие предсказания».

Либеральные буржуа верны себе. Активно содействовать выбору форм борьбы, определению настроения крестьян в ту или иную сторону, они не хотят и не могут. Интересы буржуазии требуют не свержения старой власти, а лишь ослабления ее и назначения либерального министерства.

Интересы пролетариата требуют полного свержения старой царской власти и созыва полновластного Учр. Собрания. Его интересы требуют самого активного вмешательства в определение крестьянского настроения, в выбор самых решительных форм борьбы и наилучшего момента для нее. Мы ни в каком случае не должны ни снимать, ни затушевывать лозунга: созыв Учр. Собрания революционным путем, т. е. через посредство временного революционного правительства. Мы должны все усилия направить на выяснение условий восстания,—соединения его со стачечной борьбой, сплочения и подготовки всех революционных сил для этой цели и т. д. Мы должны с полной решительностью вступить на тот путь, который намечен известными воззваниями «К армии и флоту» и «Ко всему крестьянству», воззваниями, подписанными «блоком» из всех революционных организаций, с трудовой группой в том числе. Мы должны, наконец, в особенности позаботиться о том, чтобы правительству ни в каком случае не удалось ни раздробить, ни остановить, ни ослабить начинающегося восстания посредством назначения выборов. В этом отношении для нас безусловно обязательны должны быть уроки кадетской Думы, уроки, состоящие в том, что думская кампания есть подчиненная второстепенная форма борьбы, главной же формой—в силу объективных условий момента—остаются непосредственно революционные движения широких народных масс.

Конечно, такое подчинение думской кампании главной борьбе, отведение этой кампании второго места на случай дурного исхода сражения или оттяжки его до опыта второй Думы,—эту тактику можно назвать, если хотите, старой бойкотистской тактикой. Формально такое название можно защищать, ибо «подготовка к выборам»—помимо всегда обязательной работы агитации и пропаганды—сводится к самым мелким техническим приготовлениям, которые очень редко могут быть выполнены задолго до выборов. Мы не хотим спорить о словах, но по существу дела это—последовательное развитие старой тактики, но не повторение ее, вывод из прежнего бойкота, но не прежний бойкот.

Подведем итоги. Надо учесть опыт кадетской Думы и распространить в массах ее уроки. Надо доказывать «непригодность» Думы, необходимость Учр. Собрания, шаткость кадетов, требовать высвобождение трудовиков из-под ига

кадетов, поддерживать первых против вторых. Надо сразу признать необходимость избирательного соглашения с.-д. и трудовиков на случай новых выборов. Надо всеми силами противодействовать плану правительства раздробить восстание посредством назначения выборов. Поддерживая с еще большей силой свои испытанные революционные лозунги, с.-демократия должна приложить все усилия, чтобы сплотить теснее все революционные элементы и классы, чтобы превратить вероятный в ближайшем будущем подъем во всенародное вооруженное восстание против царского правительства.

Август 1906 г.

Против бойкота.

(Из заметок с.-д. публициста).

Недавно состоявшийся учительский съезд, на котором большинство было под влиянием социалистов-революционеров, принял, при непосредственном участии видного представителя партии с.-р., резолюцию о бойкоте III Думы. Учителя с.-д. вместе с представителем Р. С.-Д. Р. П. воздержались от голосования, считая необходимым решать подобный вопрос на партийном съезде или конференции, а не в беспартийном, профессионально-политическом союзе.

Вопрос о бойкоте III-й Думы выходит, таким образом, на сцену, как очередной вопрос революционной тактики. Партия с.-р., судя по выступлению ее представителя на указанном съезде, вопрос этот уже решила, хотя ни официальных постановлений этой партии, ни литературных документов из эс-эровской среды мы еще не имеем. Среди с.-д. вопрос поставлен и обсуждается.

Какими же доводами защищают свое решение с.-р.? Резолюция учительского съезда говорит, по существу дела, о полной негодности III Думы, о реакционности и контрреволюционности правительства, совершившего государственный переворот 3 июня, о помещичьем характере нового избирательного закона и т. д., и т. п. ¹⁾ Аргументация построена так, как будто из ультра-реакционности III Ду-

¹⁾ Вот текст этой резолюции: „Принимая во внимание: 1) что новый избирательный закон, на основе которого созывается III Государственная Дума, отнимает у трудящихся масс даже ту скромную долю избирательных прав, которою они до сих пор обладали и приобретение которых им так дорого стоило; 2) что закон этот представляет собою явную и грубую фальсификацию народной воли в пользу наиболее реакционных и привилегированных слоев населения; 3) что Дума третьего созыва по способу ее избрания и составу является плодом реакционного переворота; 4) что правительство воспользуется участием народных масс в думских

мы вытекала сама собой необходимость и законность такого средства борьбы или такого лозунга, как бойкот. Для всякого социал-демократа негодность такого рассуждения бьет в глаза, ибо здесь отсутствует совершенно разбор исторических условий применимости бойкота. Социал-демократ, стоя на почве марксизма, выводит бойкот не из степени реакционности того или иного учреждения, а из наличности тех особых условий борьбы, при которых, как показал уже теперь опыт в русской революции, применимо своеобразное средство, называемое бойкотом. Кто станет рассуждать о бойкоте, не учитывая двухлетнего опыта нашей революции, не вдумываясь в этот опыт, про того придется сказать, что он многое забыл и ничему не научился. И свой разбор вопроса о бойкоте мы именно с попытки анализа этого опыта и начнем.

I.

Крупнейшим опытом нашей революции в применении бойкота был, несомненно, бойкот Булыгинской Думы. Этот бойкот увенчался, кроме того, самым полным и самым непосредственным успехом. Поэтому нашей первой задачей должен быть разбор исторических условий бойкота Булыгинской Думы.

Два обстоятельства сразу выдвигаются, при рассмотрении этого вопроса, на первый план. Во-первых, бойкот Булыгинской Думы был борьбой против перехода (хотя бы временного) нашей революции на путь монархической конституции. Во-вторых, этот бойкот происходил в обстановке самого широкого, всеобщего, сильного, быстрого революционного подъема.

Остановимся на первом обстоятельстве. Всякий бойкот есть борьба не на почве данного учреждения, а против возникновения или, говоря несколько шире, против реализации данного учреждения. Поэтому тот, кто, подобно Плеханову и многим другим меньшевикам, боролся против бойкота общими рассуждениями о необходимости для марксиста использовать представительные учреждения, обнаруживал этим только смешное доктринерство. Рассуждать так—значило обходить посредством пережевывания бесспорных истин

выборах, чтобы придать этому участию значение народной санкции государственного переворота,—IV делегатский съезд всероссийского союза учителей и деятелей по народному образованию постановляет: 1) отказаться от каких бы то ни было сношений с Думой третьего созыва и ее органами; 2) не принимать в качестве организации ни прямо, ни косвенно участия в выборах; 3) распространять в качестве организации тот взгляд на третью Государственную Думу и выборы в нее, который выражен в настоящей резолюции“.

сущность спорного вопроса. Бесспорно, что марксист должен использовать представительные учреждения. Вытекает ли отсюда, что марксист не может стоять при известных условиях за борьбу не на почве данного учреждения, а против введения его в жизнь? Нет, не вытекает, ибо это общее рассуждение относится только к тем случаям, когда для борьбы против возникновения подобного учреждения нет места. Спорность же вопроса о бойкоте в том и состоит, есть ли место для борьбы против самого возникновения подобных учреждений. Плеханов и К^о с своими доводами против бойкота обнаруживали непонимание самой постановки вопроса.

Далее. Если всякий бойкот есть борьба не на почве данного учреждения, а против введения его в жизнь, то бойкот Булыгинской Думы, кроме того, был борьбой против введения в жизнь целой системы учреждений монархически-конституционного типа. 1905 год показал с очевидностью, что есть налицо возможность непосредственной массовой борьбы в виде всеобщих стачек (стаечная волна после 9 января) и военных восстаний («Потемкин»). Непосредственная революционная борьба масс была, следовательно, фактом. С другой стороны, фактом был и закон 6 августа, пытавшийся перевести движение с революционного (в самом непосредственном и узком значении слова) пути на путь монархической конституции. Объективно неизбежна была борьба между тем и другим путем: между путем непосредственной революционной борьбы масс и путем монархической конституции. Предстоял, так сказать, выбор пути ближайшего развития революции, при чем решала этот выбор, конечно, не воля тех или иных групп, а сила революционных и контр-революционных классов. Силу же можно было измерить и испытать только в борьбе. Лозунг бойкота Булыгинской Думы и был лозунгом борьбы за путь непосредственно-революционной борьбы против пути конституционно-монархического. И на последнем пути, конечно, возможна была борьба, и не только возможна, но и неизбежна. И на почве монархической конституции возможно продолжение революции и подготовка нового подъема ее; и на почве монархической конституции возможна и обязательна борьба революционной социал-демократии, — это азбучная истина, которую с таким усердием и так некстати доказывали в 1905 г. Аксельрод и Плеханов, остается истиной. Но исторически поставленный тогда вопрос был не тот: «не на тему» рассуждали Аксельрод или Плеханов или, другими словами, они заменяли вопрос, исторически поставленный на разрешение борющихся сил, вопросом, взятым из последнего издания немецкого социал-демократического учебника. Исторически неизбежно предстояла борьба за вы-

бор пути для борьбы в ближайшем будущем. Старая ли власть созовет первое в России представительное учреждение и таким образом на известное время (может быть на очень короткое, может быть на сравнительно продолжительное время) переведет революцию на монархически-конституционный путь, или народ прямым натиском сметет,—на худой конец: пошатнет,—старую власть, лишит ее возможности перевести революцию на монархически-конституционный путь и обеспечит (опять-таки на более или менее продолжительное время) путь непосредственной революционной борьбы масс? Вот какой вопрос, не замеченный в свое время Аксельродом и Плехановым, исторически встал осенью 1905 года перед революционными классами России. Проповедь активного бойкота с.д.-тией и была формой постановки этого вопроса, формой сознательной постановки его партией пролетариата, лозунгом борьбы за выбор пути для борьбы.

Проповедники активного бойкота, большевики, верно поняли объективно поставленный историей вопрос. Октябрьско-декабрьская борьба 1905 года была действительно борьбой за выбор пути для борьбы. Борьба эта шла с переменным счастьем: сначала осилил революционный народ, вырвал у старой власти возможность немедленно перевести революцию на монархически-конституционные рельсы, создал на место представительных учреждений полицейски-либерального типа представительные же учреждения чисто революционного типа, Советы Рабочих Депутатов и т. д. Октябрьско-декабрьский период был периодом максимальной свободы, максимальной самостоятельности масс, максимальной широты и быстроты рабочего движения на почве, очищенной натиском народа от монархически-конституционных учреждений, законов и зацепок, на почве «междувластия», когда старая власть была уже обессилена, а новая революционная власть народа (Советы Рабочих, Крестьянских, Солдатских Депутатов и проч.) еще не достаточно сильна для полной замены старой власти. Декабрьская борьба решила вопрос в иную сторону: старая власть победила, отбив натиск народа, удержав за собой позицию. Но, само собой разумеется, эту победу не было еще тогда оснований считать решительной победой. Декабрьское восстание 1905 года имело свое продолжение в виде целого ряда разрозненных и частичных военных восстаний и стачек лета 1906 года. Лозунг бойкота Виттевской Думы был лозунгом борьбы за сосредоточение и обобщение этих восстаний.

Итак, первый вывод, который вытекает из рассмотрения опыта русской революции с бойкотом Булыгинской Думы, состоит в том, что объективной подкладкой бойкота

была, поставленная историей на очередь дня, борьба за форму ближайшего пути развития, борьба за то, старой ли власти или новой, самочинной народной власти, достанется созыв первого в России представительного собрания, борьба за непосредственно-революционный путь или (на известное время) за путь монархической конституции.

В связи с этим стоит часто всплывавший в литературе и постоянно выплывающий при обсуждении разбираемой темы вопрос о простоте, ясности и «прямолинейности» лозунга бойкота, а также вопрос о прямом и зигзагообразном пути развития. Непосредственное свержение или, на худой конец, расслабление и обессиление старой власти, непосредственное создание народом новых органов власти,—все это, несомненно, самый прямой путь, самый выгодный для народа, но зато требующий и наибольшей силы. При подавляющем перевесе силы можно победить и прямой фронтальной атакой. При недостатке сил могут потребоваться и обходные пути, выжидания, зигзаги, отступления и т. д., и т. п. Путь монархической конституции несколько не исключает еще, конечно, революции, элементы каковой этот путь тоже подготавливает и развивает косвенным образом, но это путь более длинный, зигзагообразный.

Через всю меньшевистскую литературу, особенно 1905 года (до октября), красной нитью проходит обвинение большевиков в «прямолинейности», назиданий по их адресу насчет того, что надо считаться с зигзагообразным путем, которым идет история. Эта черта меньшевистской литературы есть тоже образчик рассуждения о том, что лошади кушают овес и что Волга течет в Каспийское море,—рассуждения, засоряющего разжевыванием беспорного суть того, что спорно. Что история обыкновенно идет зигзагообразным путем, и что марксист должен уметь считаться с самыми запутанными и причудливыми зигзагами истории,—это бесспорно. Но эта бесспорная жвачка несколько не относится к вопросу о том, как быть марксисту, когда та же самая история ставит на решение борющихся сил вопрос о выборе прямого или зигзагообразного пути. В такие моменты или в такие периоды, когда это бывает, отделяться рассуждениями об обычной зигзагообразности истории,—значит именно превращаться в человека в футляре и углубляться в созерцание той истины, что лошади кушают овес. А революционные периоды являются по преимуществу как раз такими периодами истории, когда в сравнительно короткие промежутки времени столкновение борющихся общественных сил решает вопрос о выборе страной прямого или зигзагообразного пути развития на сравнительно очень продолжительное время. Необходимость считаться с зигзагообразным путем несколько не устраняет того, что марксисты

должны уметь разъяснять массам в решающие моменты их истории предпочтительность прямого пути, должны уметь помогать массам в борьбе за выбор прямого пути, давать лозунги такой борьбы и так далее. И только безнадежные филистеры и совсем тупые педанты могли бы после окончания решительных исторических битв, определивших зигзагообразный путь, вместо прямого, хихикать над тем, кто до конца боролся за прямой путь. Это было бы похоже на хихиканье немецких казенно-полицейских историков в роде Трейчке, над революционными лозунгами и революционной прямолинейностью Маркса в 1848 году.

Отношение марксизма к зигзагообразному пути истории сходно, по существу дела, с отношением их к компромиссам. Всякий зигзагообразный поворот истории есть компромисс, компромисс между старым, уже недостаточно сильным для полного отрицания нового, и между новым, еще недостаточно сильным для полного свержения старого. Марксизм не зарекается от компромиссов, марксизм считает необходимым использование их, но это несколько не исключает того, что марксизм, в качестве живой и действующей исторической силы, со всей энергией борется против компромиссов. Кто не умеет усвоить себе этого, якобы, противоречия, тот не знает азбуки марксизма.

Энгельс однажды выразил чрезвычайно наглядно, ясно и кратко отношение марксизма к компромиссам, именно в статье о манифесте бланкистов—беглецов Коммуны (1873 года) ¹⁾. Бланкисты, беглецы Коммуны, писали в своем манифесте, что они не допускают никаких компромиссов. Энгельс посмеялся над этим манифестом. Не в том дело,—сказал он,—чтобы зарекается от использования компромиссов, на которые осуждают нас обстоятельства (или к которым принуждают нас обстоятельства: я должен извиниться перед читателем, что должен цитировать на память, не имея возможности справиться с текстом). Дело в том, чтобы ясно сознавать истинные революционные цели пролетариата и уметь преследовать их через все и всякие обстоятельства, зигзаги и компромиссы.

Только с этой точки зрения можно оценивать простоту, прямоту и ясность бойкота, как апеллирующего к массам лозунга. Все указанные качества этого лозунга хороши не сами по себе, а лишь постольку, поскольку в объективной ситуации, к которой этот лозунг применяется, есть налицо условия борьбы за выбор прямого или зигзагообразного пути развития. В эпоху Булыгинской Думы этот лозунг был верным и единственно-революционным лозунгом

¹⁾ Статья эта вошла в немецкий сборник „Internationales aus dem Volksstaat“. Русский перевод: „Статья из «Volksstaat»“, изд. „Знания“.

рабочей партии не потому, что он был самый простой, прямой и ясный, а потому, что исторические условия поставили тогда перед рабочей партией задачу участия в борьбе за простой и прямой революционный путь против зигзагообразного пути монархической конституции.

Спрашивается, в чем же критерий того, что были тогда налицо эти особые исторические условия? В чем главный признак той особенности в объективном положении дел, которая делала простой, прямой и ясный лозунг не фразой, а единственно соответствующим действительной борьбе лозунгом? К этому вопросу мы теперь и перейдем.

II.

Когда смотришь назад, на борьбу уже оконченную (по крайней мере, законченную в ее прямой и непосредственной форме), тогда нет ничего легче, разумеется, как учесть общий итог из различных, противоречащих друг другу признаков и симптомов эпохи. Исход борьбы решает все сразу и очень просто устраняет всякие сомнения. Но нам нужно теперь определить такие признаки явления, которые могли бы помочь разобраться в положении дел до борьбы, ибо мы хотим применить уроки исторического опыта к III Думе. Мы указали уже выше, что условием успеха бойкота в 1905 г. был самый широкий, всеобщий, сильный и быстрый, революционный подъем. Надо рассмотреть теперь, во-первых, в какой связи стоит особенно сильный подъем борьбы с бойкотом, а во-вторых—каковы характерные черты и отличительные признаки особенно сильного подъема.

Бойкот, как мы уже сказали, есть борьба не на почве данного учреждения, а против его возникновения. Всякое данное учреждение может исходить только от существующей уже, т. е. старой власти. Значит, бойкот есть такое средство борьбы, которое направлено непосредственно на свержение старой власти или, в худшем случае, т. е. при недостатке натиска для свержения,—на такое ослабление ее, чтобы она не могла обеспечить создания этого учреждения, не могла провести его в жизнь ¹⁾. Бойкот требует, следовательно, для своего успеха непосредственной борьбы со старой властью, восстания против нее и массового неповиновения ей в целом

¹⁾ Речь идет везде в тексте об активном бойкоте, т. е. не о простом отстранении от участия в предприятиях старой власти, а о натиске на эту власть. Читателям, незнакомым с с.-д. литературой эпохи бойкота Булыгинской Думы, надо напомнить, что с.-д. прямо говорили тогда об активном бойкоте, решительно противопоставляя его пассивному бойкоту, даже более того: решительно связывая активный бойкот с вооруженным восстанием.

ряде случаев (такое массовое неповиновение есть одно из условий, подготовляющих восстание). Бойкот есть отказ признавать старую власть и, конечно, отказ не на словах, а на деле, т.е. проявляющийся не в возгласах только или лозунгах организаций, а в известном движении масс народа, систематически нарушающих законы старой власти, систематически создающих новые, противозаконные, но фактически существующие учреждения и т. д., и т. д. Связь бойкота с широким революционным подъемом, таким образом, очевидна: бойкот есть самое решительное средство борьбы, отвергающее не формы организации данного учреждения, а самое его существование. Бойкот есть объявление войны старой власти, прямая атака на нее. Вне широкого революционного подъема, вне массового возбуждения, повсюду переливающего, так сказать, через края старой легальности, не может быть и речи об успехе бойкота.

Переходя к вопросу о характере и признаках подъема осенью 1905 года, мы легко увидим, что тогда происходило массовое и непрерывное наступление революции, систематически нападавшей, теснившей врага. Репрессии не принижали, а расширяли движение. За 9-м января пошла гигантская стачечная волна, баррикады в Лодзи, восстание «Потемкина». В области печати, в области союза, в области учебной, повсюду легальные рамки, старой властью установленные, нарушались систематически и нарушались вовсе не «революционерами» только, а обывателями, ибо старая власть действительно была ослаблена, действительно выпускала из дряхлеющих рук вожжи. Особенно рельефным и безошибочным (с точки зрения революционных организаций) показателем силы подъема было то, что лозунги революционеров не только не оставались без отклика, а прямо отставали от жизни. И 9-е января, и массовые стачки после него, и «Потемкин» — все эти явления опережали непосредственные призывы революционеров. Такого призыва с их стороны, который бы массы встретили пассивно молчанием, отказом от борьбы, не было в 1905 году. Бойкот в такой обстановке являлся естественным пополнением заряженной электричеством атмосферы. Этот лозунг ничего не «выдумывал» тогда, он только формулировал точно и верно идущий вперед и вперед, идущий к прямому натиску подъем. В положении «выдумывающих» были, напротив, наши меньшевики, которые, отстраняясь от революционного под'ема, увлекались пустым обещанием царя в виде манифеста или закона 6 августа и брали всерьез обещанный поворот на конституционно-монархические рельсы. Большевики (и Парвус) строили тогда свою тактику не на факте самого широкого, сильного и быстрого революционного под'ема, а на обещании царем конституци-

онно-монархического поворота! Неудивительно, что подобная тактика оказалась смешным и жалким оппортунизмом. Неудивительно, что во всех меньшевистских рассуждениях о бойкоте заботливо выкидывается теперь анализ бойкота Булыгинской Думы, т.е. самого крупного опыта бойкота в революции. Но мало признать эту, едва ли не крупнейшую, ошибку меньшевиков в революционной тактике. Надо дать себе ясный отчет в том, что источником этой ошибки было непонимание объективного положения вещей, делавшего революционный под'ем действительностью, а конституционно-монархический поворот пустым полицейским посулом. Не потому оказались меньшевики не правы, что они отнеслись к вопросу без субъективной революционности настроения, а потому, что эти горе-революционеры отстали в своих идеях от объективно-революционной ситуации. Ту и другую причину ошибки меньшевиков легко смешать, но марксисту смешивать их непозволительно.

III.

Связь бойкота с особыми историческими условиями известного периода русской революции должна быть рассмотрена еще с одной стороны. Каково было политическое содержание бойкотистской с.-д. кампании осенью 1905 и весной 1906 г.? Содержание этой кампании не состояло, конечно, в повторении слова «бойкот» или в призыве не участвовать в выборах. Это содержание не исчерпывалось и призывами к прямому натиску, игнорирующему предлагаемые самодержавием обходные и зигзагообразные пути. Кроме того, и даже не рядом с указанной темой, а скорее в центре всей бойкотистской агитации стояла борьба с конституционными иллюзиями. Эта борьба была поистине живой душой бойкота. Припомните речи бойкотистов и всю их агитацию, взгляните на главнейшие резолюции бойкотистов, и вы убедитесь в правильности такого положения.

Меньшевикам никогда не дано было понять эту сторону бойкота. Им всегда казалось, что борьба с конституционными иллюзиями в эпоху зарождающегося конституционализма есть нелепость, бессмыслица, «анархизм». И в речах на Стокгольмском съезде, особенно—помнится—в речах Плеханова, эта точка зрения меньшевиков выражена ярко, не говоря уже о меньшевистской литературе.

На первый взгляд, позиция меньшевиков в этом вопросе действительно может показаться столь же непререкаемой, как позиция человека, самодовольно поучающего своих ближних, что лошади кушают овес. В эпоху нарождающегося конституционализма провозглашать борьбу с конституцион-

ными иллюзиями! Разве это не анархизм? Разве это не сапоги всмятку?

Опошление вопроса, производимое при помощи благовидной ссылки на простой здравый смысл в таких рассуждениях, основывается на том, что обходят молчанием особый период русской революции, забывают о бойкоте Булыгинской Думы, подменяют конкретные ступени пройденного нашей революцией пути общим обозначением всей, прошлой и будущей, нашей революции в целом, как революции, порождающей конституционализм. Это—образчик нарушения методов диалектического материализма людьми, которые, подобно Плеханову, с наибольшим пафосом об этом методе говорили.

Да, наша буржуазная революция, в целом, как и всякая буржуазная революция, есть в конце концов процесс создания конституционного строя, и ничего более. Это—истина. Это—полезная истина для разоблачения quasi-социалистических аллюров той или иной буржуазно-демократической программы, теории, тактики и т. п. Но сумеете ли вы извлечь пользу из этой истины в вопросе о том, к какому конституционализму должна вести рабочая партия страну в эпоху буржуазной революции? в вопросе о том, как именно должна бороться рабочая партия за определенный (и именно республиканский) конституционализм в известные периоды революции? Нет. Излюбленная Аксельродом и Плехановым истина так же мало просветит вас насчет этих вопросов, как мало убеждения в том, что лошади кушают овес для выбора подходящей лошади и уменья на ней ездить.

Борьба с конституционными иллюзиями,—говорили большевики в 1905 и в начале 1906 г., должна стать лозунгом момента, ибо именно в данный период объективное положение вещей ставит на решение борющихся общественных сил вопрос о том, восторжествует ли на ближайший период прямой путь непосредственной революционной борьбы и непосредственно революцией созданных представительных учреждений на основе полного демократизма или обходный, зигзагообразный путь монархической конституции и полицейски-«конституционных» (в кавычках!) учреждений типа Думы.

Действительно ли объективное положение вещей выдвигало этот вопрос, или его «выдумывали» из теоретического озорства большевики? На этот вопрос ответила уже теперь история русской революции.

Октябрьская борьба 1905 г. и была борьбой против поворота революции на монархически-конституционные рельсы. Октябрьско-декабрьский период и был периодом осуществления конституционализма пролетарского, истинно-де-

мократического, широкого, смелого, свободного, действительно выразившего волю народа, в отличие от лже-конституционализма Дубасовской и Столыпинской конституции. Революционная борьба во имя действительно демократического (т.е. существующего на почве, совершенно очищенной от старой власти и всех связанных с нею мерзостей) конституционализма требовала самой решительной борьбы против приманки народа полицейски-монархической конституцией. Этой нехитрой вещи и не могли никак понять социал-демократические противники бойкота.

Теперь перед нами две полосы в развитии русской революции выступают с полнейшей ясностью. Полоса подъема (1905 год) и полоса упадка (1906—1907 годы). Полоса максимального расцвета народной самодеятельности, свободных и широких организаций всех классов населения, максимальной свободы печати, максимального игнорирования народом старой власти, ее учреждений и велений, и все это при отсутствии всякого бюрократически-признанного и в формальных уставах и положениях выраженного конституционализма. А затем полоса наименьшего развития и неуклонного упадка народной самодеятельности, организованности, свободной печати и т.д. при существовании Дубасовыми и Столыпинскими сочиняемой, Дубасовыми и Столыпинскими признаваемой, Дубасовыми и Столыпинскими охраняемой, прости господи, «конституции».

Теперь, когда назад все так хорошо, просто и ясно видно, не найдется даже, пожалуй, ни одного педанта, который бы решился отрицать законность и необходимость революционной борьбы пролетариата против поворота событий на конституционно-монархические рельсы, законность и необходимость борьбы против конституционных иллюзий.

Теперь не найдется, наверное, ни одного сколько-нибудь путного историка, который бы не разделил хода русской революции с 1905 по осень 1907 года именно на эти два периода: период «анти-конституционного» (если позволено будет мне так выразиться) подъема и период «конституционного» упадка, период завоевания и осуществления народом свободы без полицейского (монархического) конституционализма и период угнетения и подавления народной свободы посредством монархической «конституции».

Теперь период конституционных иллюзий, период первой и второй Думы, обрисовался перед нами вполне, и понять значение тогдашней борьбы революционных с.д. против конституционных иллюзий уже не трудно. Но тогда, в 1905 и в начале 1906 года, этого не понимали ни либералы в буржуазном лагере, ни меньшевики—в пролетарском.

А период I и II Думы был во всех смыслах и во всех отношениях периодом конституционных иллюзий. Тор-

жественное обещание: «никакой закон да не приемлет силы без одобрения Гос. Думы», не было нарушено в этот период. Значит, конституция на бумаге существовала и непрерывно умиляла все холопские души российских кадетов. И Дубасов и Столыпин испытывали на деле, примеряли, пробовали в этот период российскую конституцию, стараясь подладить и приспособить ее к старому самодержавию. Они были, казалось, самыми могущественными людьми этой эпохи, г.г. Дубасов и Столыпин, они всемерно трудились над превращением «иллюзии» в действительность. Иллюзия оказалась иллюзией. Правильность лозунга революционной социал-демократии всецело подтверждена историей. Но не только Дубасовы и Столыпины пробовали оуществить «конституцию», не только кадетские холопы восхваляли ее и лакейски распинались (à la г. Родичев в первой Думе), доказывая, что монарх безответственен и что дерзостно было бы считать его ответственным за погромы. Нет. И широкие народные массы, несомненно, верили еще, в большей или меньшей степени в «конституцию» в течение этого периода, верили в Думу, вопреки предупреждениям социал-демократии.

Можно сказать, что период конституционных иллюзий в русской революции был таким же периодом общенационального увлечения буржуазным фетишем, как увлекаются иногда целые нации Западной Европы фетишем буржуазного национализма, антисемитизма, шовинизма и т. п. И заслугой социал-демократии является то, что она одна не поддалась буржуазному обморочению, она одна в эпоху конституционных иллюзий держала все время развернутым знамя борьбы с конституционными иллюзиями.

Почему же, спрашивается теперь, бойкот явился специфическим средством борьбы против конституционных иллюзий?

В бойкоте есть одна черта, которая сразу и на первый взгляд невольно отталкивает от него всякого марксиста. Бойкот выборов есть отстранение от парламентаризма, есть нечто такое, что не может не казаться пассивным отказом, воздержанием, уклонением. Так смотрел учившийся по немецким только образцам Парвус, когда он столь же сердито, сколько неудачно бушевал осенью 1905 года, пытаясь доказать, что активный бойкот все же есть плохая вещь а к и б о й к о т... Так смотрит и до сих пор ничему ненаучившийся от революции и все более превращающийся в либерала Мартов, доказывающий своей последней статьей в «Товарище» неуменье даже поставить вопрос, как приличествует революционному социал-демократу.

Но эта, наиболее антипатичная, так сказать, для марксистов черта бойкота находит себе полное объяснение в особенностях той эпохи, которая породила такое средство борьбы. Первая монархическая Дума, Булыгинская Дума, была приманкой, долженствующей отвлечь народ от революции. Приманка была чучелом, одетым в костюм конституционализма. Все и вся склонно было пойти на удочку. Кто из корыстных классовых интересов, кто по недомыслию склонен был ухватиться за чучело Булыгинское и потом за чучело Виттевской Думы. Все увлекались, все искренне верили. Участие в выборах не было будничным, простым выполнением обычных гражданских обязанностей. Оно было инаугурированием монархической конституции. Оно было поворотом от непосредственно-революционного пути к монархически-конституционному.

Социал-демократия должна была в такое время развернуть свое знамя протеста и предупреждения со всей энергией, со всей демонстративностью. А это и значило отказаться от участия, не идти самим и отзывать народ, бросать ключ натиска на старую власть, вместо работы на почве учреждения, создаваемого этой властью. Всенародное увлечение буржуазно-полицейским фетишем «конституционной» монархии требовало от социал-демократии, как партии пролетариата, такого же всенародного «оказательства» ее протестующих и разоблачающих этот фетиш взглядов, требовало борьбы из всех сил против осуществления учреждений, воплощавших в себе этот фетишизм.

Вот в чем полное историческое оправдание не только бойкота Булыгинской Думы, увенчавшегося непосредственным успехом, но и бойкота Виттевской Думы, который, по-видимому, окончился неудачно. Теперь видно, почему это была лишь кажущаяся неудача, почему должна была с.-д.-тия до конца отстоять свой протест против конституционно-монархического поворота нашей революции. Поворот этот на деле оказался поворотом в тупик. Иллюзии монархической конституции оказались только прелюдией или вывеской, украшением, отводом глаз для подготовки отмены этой «конституции» старою властью...

Мы сказали, что с.-д.-тия должна была до конца отстоять свой протест против подавления свободы посредством «конституции». Что значит это «до конца»? Это значит: до тех пор, пока учреждение, против которого с.-д. боролись, не стало фактом вопреки с.-д., — пока этот монархически-конституционный поворот русской революции, который неминуемо означал (на известное время) упадок революции, поражение революции, не оказался фактом вопреки с.-д. Период конституционных иллюзий был попыткой компромисса. Мы боролись и должны были бороться из

всех сил против него. Нам пришлось идти во II Думу, нам пришлось считаться с компромиссом, раз обстоятельства навязали его нам против нашей воли, вопреки нашим усилиям, ценой поражения нашей борьбы. На какое время считаться,—это, разумеется, вопрос иной.

Какой же вывод вытекает из всего этого по отношению к бойкоту III Думы? Может быть, тот, что бойкот, необходимый в начале периода конституционных иллюзий, необходим и в конце этого периода? Это было бы «игрой ума» в духе «аналогической социологии», а не серьезным выводом. Того содержания, которое имел бойкот в начале русской революции, теперь уже не может быть в бойкоте. Ни предупреждать народ против конституционных иллюзий, ни бороться против поворота революции на конституционно-монархический тупик теперь нельзя. Прежней живой души в бойкоте быть не может. Если и будет бойкот, то он получит во всяком случае иное значение, он будет заполнен во всяком случае иным политическим содержанием.

Мало того. Рассмотренная нами историческая своеобразность бойкота дает нам одно соображение против бойкота III Думы. В эпоху начала конституционного поворота внимание всей нации неизбежно устремлялось на Думу. Бойкотом мы боролись и должны были бороться против этого устремления внимания по направлению к тупику, бороться против увлечения, которое было результатом ленивоты, неразвитости, слабости или корыстной контр-революционности. Теперь ни о каком не только общенациональном, но даже вообще сколько-нибудь широком увлечении Думой вообще или III Думой не может быть и речи. В бойкоте нет надобности с этой стороны.

IV

Итак, условий применимости бойкота надо искать, несомненно, в объективном положении вещей данного момента. Сравнивая с этой точки зрения осень 1907 и осень 1905 года, нельзя не прийти к выводу, что мы не имеем оснований провозглашать сейчас бойкот. И с точки зрения соотношения между прямым революционным путем и конституционно-монархическим «зигзагом», и с точки зрения массового подъема, и с точки зрения специфической задачи борьбы с конституционными иллюзиями современное положение вещей самым резким образом отличается от того, которое было два года тому назад.

Тогда монархически-конституционный поворот истории был не более, как полицейским посулом. Теперь этот поворот—факт. Было бы смешной боязнью правды нежелание

прямо признать этот факт. И было бы ошибкой выводить из признания этого факта признание того, что русская революция закончена. Нет. Для этого последнего вывода еще нет данных. Марксист обязан бороться за прямой революционный путь развития, когда такая борьба предписывается объективным положением вещей, но это, повторяем, не значит, чтобы мы не должны были считаться с определенным уже фактически зигзагообразным поворотом. С этой стороны ход русской революции определился уже вполне. В начале революции мы видим линию короткого, но необыкновенно широкого и головокружительно быстрого под'ема. Затем перед нами линия чрезвычайно медленного, но неуклонного упадка, начиная с декабрьского восстания 1905 года. Сначала период непосредственной революционной борьбы масс, затем период монархически-конституционного поворота.

Значит ли это, что этот последний поворот есть окончательный поворот? Что закончилась революция и наступил «конституционный» период? Что нет оснований ни ожидать нового под'ема, ни готовить таковой? Что надо выкинуть за борт республиканский характер нашей программы?

Ничего подобного. Такие выводы способны делать лишь либеральные пошляки, в роде наших кадетов, готовых оправдывать холопство и низкопоклонство первыми попавшимися доводами. Нет. Это значило только, что, защищая целиком всю нашу программу и все наши революционные взгляды, мы должны непосредственные призывы сообразовать с объективным положением вещей данного момента. Проповедуя неизбежность революции, готовя систематически и неуклонно накопление горючего материала во всех отношениях, заботливо оберегая в этих целях и культивируя, очищая от либеральных паразитов революционные традиции лучшей эпохи нашей революции, мы, вместе с тем, не отказываемся работать по-будничному на будничном монархически-конституционном повороте. Только и всего. Готовить новый широкий под'ем мы должны, но соваться, не спросясь броду, с лозунгом бойкота нет никаких оснований.

Бойкот, как мы уже говорили, может иметь в России в данное время какой-нибудь смысл лишь как активный бойкот. Это означает не пассивное отстранение от участия в выборах, а игнорирование выборов ради задачи прямого натиска. Бойкот в этом смысле неизбежно равняется призыву к самому энергичному и решительному наступлению. Есть ли в данную минуту налицо такой широкий и общий под'ем, без которого подобный призыв не имеет смысла? Конечно, нет.

Вообще, что касается «призывов», то разница в этом отношении между теперешним положением вещей и осенью 1905 года особенно ярка. Тогда, как мы уже указывали, за

целый предшествовавший год не было призывов, которые бы масса встречала молчанием. Энергия массового наступления шла впереди призывов организаций. Теперь мы стоим в периоде такой паузы революции, когда целый ряд призывов систематически оказывался не встречающим отклика в массах. Так было с призывом смести Виттевскую Думу (начало 1906 года), с призывом к восстанию после разгона первой Думы (лето 1906 года), с призывом к борьбе в ответ на разгон второй Думы и государственный переворот 3 июня 1907 года. Возьмите листок нашего Ц. К. по поводу этих последних актов. Вы найдете в этом листке прямой призыв к борьбе в той форме, которая возможна по местным условиям (демонстрации, стачки, открытая борьба с вооруженной силой абсолютизма). Это был призыв словесный. Военные восстания июня 1907 года в Киеве и Черноморском флоте были призывами посредством действия. Ни тот, ни другой призыв не встретил никакого массового отклика. Если самые яркие и непосредственные проявления реакционного натиска на революцию—разгоны двух Дум и государственный переворот—не вызвали под'ема в данное время, то где основания для немедленного повторения призыва в форме провозглашения бойкота? Не ясно ли, что объективное положение вещей таково, что «провозглашение» рискует оказаться при этом пустым выкриком? Когда борьба идет, ширится, растет, надвигается отовсюду,—тогда «провозглашение» закономерно и необходимо, тогда дать боевой клич есть обязанность революционного пролетариата. Но ни выдумать этой борьбы, ни вызвать ее одним только кличем нельзя. И когда целый ряд боевых призывов, испытанных нами по поводам более непосредственным, оказались безрезультатны,—мы естественно должны поискать серьезных оснований для «провозглашения» лозунга, бессмысленного вне условий осуществимости боевых призывов.

Кто хочет убедить социал-демократический пролетариат в правильности лозунга бойкота, тот не должен дать себя увлечь одним только звуком слов, в свое время сыгравших великую и славную революционную роль. Тот должен вдуматься в объективные условия применимости подобного лозунга и понять, что бросать его—значит уже предполагать косвенно наличность условий широкого, общего, сильного, быстрого, революционного под'ема. Но в такие эпохи, как переживаемая нами, в эпохи временной паузы революции, такое условие ни в каком случае нельзя косвенно предполагать. Его надо прямо и отчетливо сознать и выяснить себе самому и всему рабочему классу. Иначе рискуешь попасть в положение человека, который употребляет большие слова, не сознавая настоящего значения их или не решаясь прямо и без обиняков назвать вещи своим именем.

Бойкот принадлежит к одной из лучших революционных традиций самого богатого событиями, самого героического периода русской революции. Мы сказали выше, что одна из наших задач—заботливо оберегать эти традиции вообще, культивировать их, очищать от либеральных (и оппортунистических) паразитов. Необходимо остановиться несколько на разборе этой задачи, чтобы правильно определить ее содержание и устранить легко возможные перетолковывания и недоразумения.

Марксизм отличается от всех других социалистических теорий замечательным соединением полной научной трезвости в анализе объективного положения вещей и объективного хода эволюции с самым решительным признанием значения революционной энергии, революционного творчества, революционной инициативы масс,—а также, конечно, отдельных личностей, групп, организаций, партий, умеющих нащупать и реализовать связь с теми или иными классами. Высокая оценка революционных периодов в развитии человечества вытекает из всей совокупности исторических взглядов Маркса: именно в такие периоды разрешаются те многочисленные противоречия, которые медленно накапливаются периодами так называемого мирного развития. Именно в такие периоды проявляется с наибольшей силой непосредственная роль разных классов в определении форм социальной жизни, создаются основы политической «надстройки», которая долго держится потом на базисе основных производственных отношений. И, в отличие от теоретиков либеральной буржуазии, именно в таких периодах видел Маркс не уклонения от «нормального» пути, не проявления «социальной болезни», не печальные результаты крайностей и ошибок, а самые жизненные, самые важные, существенные, решающие моменты в истории человеческих обществ. В деятельности самого Маркса и Энгельса период их участия в массовой революционной борьбе 1848—1849 года выделяется, как центральный пункт. Из этого пункта исходят они в определении судеб рабочего движения и демократии разных стран. К этому пункту возвращаются они всегда для определения внутренней природы разных классов и их тенденций в самом ярком и чистом виде. С точки зрения тогдашней, революционной эпохи, оценивают они всегда позднейшие, более мелкие, политические образования, организации, политические задачи и политические конфликты. Идейные вожди либерализма, в роде Зомбарта, не даром ненавидят от всей души эту черту в деятельности и в литературных произведениях Маркса, относя ее на счет «озлобленности

эмигранта». Ведь это так под стать клопам полицейски-буржуазной университетской науки — сводить к личной озлобленности, к личным тягостям эмигрантского положения то, что является у Маркса и Энгельса самой неразрывной составной частью всего их революционного мирозерцания.

В одном из своих писем, кажется к Кугельману, Маркс бросает мимоходом одно, в высшей степени характерное и особенно интересное с точки зрения занимающего нас вопроса, замечание. Он замечает, что реакции удалось в Германии почти вытравить из народного сознания воспоминания и традиции революционной эпохи 1848 года. Здесь рельефно сопоставляются задачи реакции и задачи партии пролетариата в отношении к революционным традициям данной страны. Задача реакции — вытравить эти традиции, представить революцию, как «стихию безумия» — Струвенский перевод немецкого «das tolle Jahr» («безумный год» — выражение немецких полицейски-буржуазных историков, даже шире: немецкой профессорски-университетской историографии о 1848 году). Задача реакции — заставить население забыть те формы борьбы, формы организации, те идеи, те лозунги, которые в таком богатстве и разнообразии рождала революционная эпоха. Как тупые хвалители английского мещанства, Уэббы, стараются представить чартизм, революционную эпоху английского рабочего движения, простым ребячеством, «грехом молодости», наивничанием, не заслуживающим серьезного внимания, случайным и ненормальным уклонением, так и немецкие буржуазные историки третируют 1848 год в Германии. Таково же отношение реакции к Великой французской революции, которая доказывает до сих пор жизненность и силу своего влияния на человечество тем, что до сих пор возбуждает самую яростную ненависть. Так и наши герои контр-революции, особенно из вчерашних «демократов», в роде Струве, Милюкова, Кизеветтера и «tutti quanti», соперничают друг с другом в подлом оплевывании революционных традиций русской революции. Не прошло и двух лет с тех пор, как непосредственная массовая борьба пролетариата завоевала ту частичку свободы, которой восхищаются либеральные холопы старой власти, — а в нашей публицистической литературе создалось уже громадное течение, называющее себя либеральным (!!), культивируемое в кадетской печати и посвященное сплошь тому, чтобы представлять нашу революцию, революционные способы борьбы, революционные лозунги, революционные традиции, как нечто низменное, элементарное, наивное, стихийное, безумное и т. д., вплоть до преступного... от Милюкова до Камышанского il n'y a qu'un pas! Наоборот, успехи реакции, загнавшей народ сначала из Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов в Дубасовско-Столыпинские Думы, а

теперь загоняющей его в октябрьскую Думу, эти успехи рисуются героям русского либерализма, как «процесс роста конституционного сознания в России».

На русскую с.-д.-тию, несомненно, ложится обязанность самого тщательного и всестороннего изучения нашей революции, распространения в массах знакомства с ее формами борьбы, формами организаций и пр., укрепление революционных традиций в народе, внедрение в массы убеждения, что единственно и исключительно революционной борьбой можно добиться сколько-нибудь серьезных и сколько-нибудь прочных улучшений, неуклонное разоблачение всей низости тех самодовольных либералов, которые заражают общественную атмосферу миазмами «конституционного» низкопоклонства, предательства и молчалинства. Один день октябрьской стачки или декабрьского восстания во сто раз больше значил и значит в истории борьбы за свободу, чем месяцы лакейских речей кадетов в Думе о безответственном монархе и монархически-конституционном строе. Нам надо позаботиться—и кроме нас никому будет позаботиться—о том, чтобы народ знал эти полные жизни, богатые содержанием и великие по своему значению и своим последствиям дни гораздо подробнее, детальнее и основательнее, чем те месяцы «конституционного» удушья и балалайкинско-молчалинского преуспеяния, о которых при благосклонном попустительстве Столыпина и его цензурно-жандармской свиты благовестят так усердно органы нашей партийно-либеральной и беспартийно-«демократическо (тьфу! тьфу!) печати.

Нет сомнения, симпатии к бойкоту вызываются у многих именно этим достойным всякого уважения стремлением революционеров поддержать традицию лучшего революционного прошлого, оживить безотрадное болото современных серых будней огоньком смелой, открытой, решительной борьбы. Но именно потому, что нам дорого бережное отношение к революционным традициям, мы должны решительно протестовать против того взгляда, будто применением одного из лозунгов особой исторической эпохи можно содействовать возрождению существенных условий этой эпохи. Одно дело—хранение традиций революции, умение использовать их для постоянной пропаганды и агитации, для ознакомления масс с условиями непосредственной и наступательной борьбы против старого общества, другое дело—повторение одного из лозунгов, вырванного из совокупности породивших его и обеспечивших ему успех условий, и применение его к условиям существенно отличным.

Тот же Маркс, который так высоко ценил революционные традиции и неумолимо бичевал ренегатское или филистерское отношение к ним, требовал в то же время умения

мыслить от революционеров, уменья анализировать условия применения старых приемов и борьбы, а не просто повторения известных лозунгов. «Национальные» традиции 1792 года во Франции останутся, может быть, навсегда образцом известных революционных приемов борьбы, но это не мешало Марксу в 1870 году, в знаменитом «Адресе» Интернационала предупредить французский пролетариат против ошибочного перенесения этих традиций в условия иной эпохи.

Так и у нас. Изучить условия применения бойкота мы должны, внедрить в массы ту идею, что бойкот является вполне законным и необходимым иногда приемом в моменты революционного под'ема (что бы ни говорили педанты, всеу приемлющие имя Маркса), мы должны. Но если налицо этот под'ем, это основное условие провозглашения бойкота,—этот вопрос надо уметь поставить самостоятельно и решить его на основании серьезного разбора данных. Наш долг—готовить наступление такого под'ема, поскольку это в наших силах, и не зарекаться от бойкота в соответствующий момент, но считать лозунг бойкота вообще применимым ко всякому худому или очень худому представительному учреждению было бы безусловной ошибкой.

Возьмите ту мотивировку, которой защищался и доказывался бойкот в «дни свободы», и вы сразу увидите невозможность простого перенесения таких доводов в условия теперешнего положения вещей.

Участие в выборах принижает настроение, сдает позицию неприятелю, сбивает с толку революционный народ, облегчает соглашение царизма с контр-революционной буржуазией и т. п., говорили мы, отстаивая бойкот в 1905 и в начале 1906 года. Какова основная предпосылка этих доводов, не всегда высказывавшаяся, но всегда подразумеваемая, как нечто по тем временам само собою разумеющееся? Эта предпосылка—богатая революционная энергия масс, ищущая и находящая себе непосредственные выходы помимо всяких «конституционных» каналов. Эта предпосылка—бесперывное наступление революции на реакцию, которое преступно было ослаблять занятием и обсервацией позиции, намеренно предоставляемой неприятелем с целью ослабить общий натиск. Попробуйте повторить эти доводы в не условий этой основной предпосылки,—и вы сразу почувствуете фальшь во всей своей «музыке», неверность основного тона.

Безнадежна также была бы попытка оправдать бойкот различием второй и третьей Думы. Считать серьезной и коренной разницу между кадетами (во второй Думе окончательно предавшими народ в руки черной сотни) и октябри-

стами, придавать сколько-нибудь реальное значение пресловутой «конституции», порванной государственным переворотом 3-го июня,—все это вообще соответствует гораздо больше духу вульгарного демократизма, чем духу революционной социал-демократии. Мы всегда говорили, твердили, повторяли, что «конституция» I-й и II-й Думы есть только призрак, что болтовня кадетов только отвод глаз для прикрытия их октябристской сущности, что Дума—совершенно негодное средство для удовлетворения требований пролетариата и крестьянства. Для нас 3-е июня 1907 года—естественный и неизбежный результат декабрьского поражения в 1905 году. Никогда не были мы «очарованы» прелестями «думской» конституции, не может нас и разочаровать особенно переход от реакции, подкрашенной и родичевской фразой политической, к реакции голой, открытой, грубой. Может быть, даже последняя—гораздо лучшее средство для отрезвления всяких хамствующих либеральных дурачков или сбитых ими с толку групп населения...

Сравните меньшевистскую, стокгольмскую, и большевистскую, лондонскую, резолюции о Гос. Думе. Вы увидите, что первая—напыщенна, фразиста, полна громких слов о значении Думы, надутая сознанием величия думской работы. Вторая—проста, суха, трезва, скромна. Первая резолюция проникнута духом мещанского торжества по поводу венчания социал-демократии с конституционализмом («новой властью из недр народа» и проч. и проч. и проч. в духе той же казенной фальши). Вторая может быть пересказана примерно так: ежели проклятая контр-революция загнала нас в этот проклятый хлев, будем и там работать на пользу революции, не хныкая, но и не хвастаясь.

Защищая Думу от бойкота еще в период непосредственной революционной борьбы, меньшевики, так сказать, ангажировались перед народом насчет того, что Дума будет чем-то в роде орудия революции. И они преторжественно провалились с этим ангажементом. Мы же, большевики, если чем ангажировали, то только уверениями, что Дума—исчадие контр-революции, и добра от нее сколько-нибудь серьезного ждать нельзя. Наша точка зрения подтверждалась до сих пор великолепно, и можно ручаться, что ее еще подтвердят дальнейшие события. Без «исправления» и повторения на основании новых данных октябрьско-декабрьской стратегии не бывать на Руси свободе.

Поэтому, когда мне говорят: III Думу нельзя использовать, как вторую, нельзя объяснить массам необходимости участвовать в ней, то мне хочется ответить: если под использованием» разумеется нечто меньшевистски-велеречивое, в роде орудия революции и т. п., тогда, конечно, нельзя. Но ведь и первые две Думы оказались на деле только сту-

пеньками к октябрьской Думе, и все же мы их использовали для той простой и скромной цели (пропаганда и агитация, критика и разъяснение массам происходящего), для которой мы сумеем всегда использовать самые скверные представительные учреждения. Речь в Думе никакой революции не вызовет, и пропаганда в связи с Думой никакими особыми качествами не отличается, но пользы от того и другого с.-д.-тия получит не меньше, а иногда и побольше, чем от иной напечатанной или произнесенной в другом собрании речи.

И объяснять массам наше участие в октябрьской Думе мы должны также просто. Вследствие поражения в декабре 1905 года и неудачи попыток 1906—1907 годов «исправить» это поражение, реакция неизбежно загоняла нас и постоянно будет дальше загонять в худшие и худшие quasi-конституционные учреждения. Мы будем отстаивать всегда и везде наши убеждения и проводить наши взгляды, повторяя всегда, что пока держится старая власть, пока она не вырвана с корнем, добра ждать нечего. Будем готовить условия нового подъема, а до его наступления и для его наступления надо упорнее работать, не бросая лозунгов, имеющих смысл только в условиях подъема.

Неверно также было бы смотреть на бойкот, как на линию тактики, противопологающую пролетариат и часть революционной буржуазной демократии либерализму совместно с реакцией. Бойкот—это не линия тактики, а особое средство борьбы, годное при особых условиях. Смешивать большевизм с «бойкотизмом»—такая же ошибка, как смешивать его с «боевизмом». Различие линии тактики у меньшевиков и большевиков вполне уже выяснилось и отлилось в принципиально различные резолюции весной 1905 года во время большевистского III съезда в Лондоне и меньшевистской конференции в Женеве. Ни о бойкоте, ни о «боевизме» тогда не было и не могло быть речи. И на выборах во вторую Думу, когда мы не были бойкотистами, и во II-й Думе наша линия тактики отличалась самым решительным образом от меньшевистской, как известно всем и каждому. Линии тактики расходятся при всех приемах и средствах борьбы, на каждом поприще борьбы, отнюдь не создавая каких-то специальных, той или иной ли-

1) Сравни „Пролетарий“ (женевский) 1905 г., статью о бойкоте Булыгинской Думы с указанием на то, что мы не зарекаемся от использования ее вообще, но теперь решаем иную, поставленную перед нами задачу: задачу борьбы за непосредственно революционный путь. Сравни также „Пролетарий“ (русский) 1906 го года, № 1, статью: „О бойкоте“, где подчеркивается скромный размер приносимый думскою работою пользы.

нии свойственных способов борьбы. И если бойкот III Думы оправдывался или вызывался крахом революционных ожиданий от первой или второй Думы, крахом «законной», «сильной», «прочной» и «истинной» конституции, то это было бы меньшевизмом худшего сорта.

VI.

Мы отложили на конец рассмотрение наиболее сильных и единственно марксистских доводов за бойкот. Активный бойкот не имеет смысла вне широкого революционного под'ема. Пусть так. Но широкий под'ем развивается из неширокого. Признаки некоторого под'ема есть налицо. Лозунг бойкота должен быть выставлен нами, ибо этот лозунг поддерживает, развивает и расширяет начинающийся под'ем.

Такова, по моему мнению, основная аргументация, определяющая собой, в более или менее ясной форме, склонность к бойкоту в с.-д. кругах. И при этом товарищи, ближе всего стоящие к непосредственно-пролетарской работе, исходят не из «построенной» по известному типу аргументации, а из некоторой суммы впечатлений, получаемых ими от соприкосновения с рабочей массой.

Один из темных вопросов, по которым нет или не было до сих пор, кажется, разногласий между двумя фракциями с.-д., это—вопрос о причине длительной паузы в развитии нашей революции. «Пролетариат не оправился»,—такова эта причина. И действительно, октябрьско-декабрьская борьба почти целиком легла на один пролетариат. За всю нацию систематически, организованно, непрерывно боролся один только пролетариат. Неудивительно, что в стране с наименьшим (по европейскому масштабу) процентом пролетарского населения, пролетариат должен был оказаться невероятно истощенным такой борьбой. К тому же объединенные силы правительственной и буржуазной реакции обрушились после декабря и обрушивались с тех пор непрерывно именно на пролетариат. Полицейские преследования и казни децимировали пролетариат в течение полутора года, а систематические локауты, начиная с «карательного» закрытия казенных заводов и кончая заговорами капиталистов против рабочих, доводили нужду рабочих масс до невиданных размеров. И вот теперь, говорят некоторые с.-д. работники, среди масс замечаются признаки под'ема настроения, накопления сил у пролетариата. Это не вполне определенное и не вполне уловимое впечатление дополняется более сильным доводом: в некоторых отраслях промышленности констатируется несомненное оживление дел. Увеличенный спрос на рабочих неминуемо должен усилить ста-

чечное движение. Рабочие должны будут попытаться возместить хоть часть тех огромных потерь, которые они понесли в эпоху репрессий и локаутов. Наконец, третий и наиболее сильный довод состоит в указании не на проблематическое и вообще ожидаемое стачечное движение, а на одну крупнейшую, назначенную уже рабочими организациями, стачку. Представители 10.000 текстильных рабочих еще в начале 1907 г. обсуждали свое положение и намечали шаги по усилению профессиональных союзов этой отрасли промышленности. Второй раз собрались уже представители 20.000 рабочих и постановили объявить в июле 1907 г. всеобщую забастовку текстильных рабочих. Движение это может охватить непосредственно до 400.000 рабочих. Исходит оно из Московской области, т.-е., из самого крупного центра рабочего движения в России и из самого крупного торгово-промышленного центра. Именно в Москве и только в Москве массовое рабочее движение может получить всего скорее характер широкого народного движения, имеющего решающее политическое значение. А текстильные рабочие из общей рабочей массы представляют из себя элемент наихуже оплачиваемый, наименее развитой, слабее всего участвовавший в предыдущих движениях, теснее всего связанный с крестьянством. Инициатива таких рабочих может указывать на то, что движение будет охватывать несравненно более широкие слои пролетариата, чем прежде. Связь же стачечного движения с революционным подъемом в массах продемонстрирована уже неоднократно в истории русской революции.

Прямой обязанностью с.-д-тии является сосредоточение громадного внимания и экстренных усилий именно на этом движении. Работа именно в этой области должна получить безусловно первенствующее значение по сравнению с выборами в октябристскую Думу. В массы должно быть внедрено убеждение в необходимости превратить это стачечное движение в общий и широкий натиск на самодержавие. Лозунг бойкота и означает перенесение внимания с Думы на непосредственную массовую борьбу. Лозунг бойкота и означает пропитывание нового движения политическим и революционным содержанием.

Таков приблизительно ход мысли, приводящий некоторых с.-д. к убеждению о необходимости бойкотировать III Думу. Эта аргументация за бойкот, несомненно, марксистская и не имеющая ничего общего с голым повторением лозунга, вырванного из связи особых исторических условий.

Но как ни сильна эта аргументация, она все же таки, по моему мнению, недостаточна еще для того, чтобы заставить нас сейчас же принять лозунг бойкота. Эта аргументация подчеркивает то, что вообще не должно бы под-

лежать сомнению для русского социал-демократа, думавшего над уроками, преподанными нашей революцией, именно: что мы не можем зарекается от бойкота, что мы должны быть готовы выдвинуть этот лозунг в подходящий момент, что наша постановка вопроса о бойкоте не имеет ничего общего с либеральной, филистерски-убогой и лишенной всякого революционного содержания постановкой вопроса: уклоняться или не уклоняться¹⁾.

Примем за доказанное и вполне соответствующее действительности все то, что говорят сторонники бойкота из с.-д. об изменении в настроении рабочих, о промышленном оживлении и об июльской забастовке текстильщиков.

Что вытекает из всего этого? Перед нами начало некоторого частного под'ема, имеющего революционное значение²⁾. Обязаны ли мы приложить все усилия, чтобы поддержать и развить его, стремясь превратить в общий революционный под'ем, а затем и в движение наступательного типа? Безусловно. Среди социал-демократов (кроме разве сотрудничающих в «Товариществе») об этом не может быть двух мнений. Но нужен ли в данную минуту, в начале этого частного под'ема, до его окончательного перехода в общий, нужен ли лозунг бойкота для развития движения? Способен ли этот лозунг содействовать развитию современного движения? Это вопрос иной, и на этот вопрос, по моему мнению, придется ответить отрицательно.

Развивать общий под'ем из частного можно и должно прямыми и непосредственными доводами и лозунгами, без отношения к III-й Думе. Весь ход событий после декабря—одно сплошное подтверждение с.-д. взгляда на роль монархической конституции, на необходимость непосредственной борьбы. Граждане! будем говорить мы: если вы не хотите, чтобы дело демократии в России также неуклонно и все быстрее и быстрее шло под гору, как шло оно после декабря 1905 года, во время гегемонии над демократическим движением господ кадетов, если вы не хотите этого—поддержите начинающийся под'ем рабочего движения, поддержите не-

1) См. в „Товарище“ образец либеральных рассуждений у бывшего сотрудника с.-д. изданий, нынешнего сотрудника либеральных газет Л. Мартова.

2) Есть мнение, что текстильная забастовка является движением нового типа, обособляющим профессиональное движение от революционного. Но мы проходим мимо этого взгляда, во-1-х, потому, что толковать все симптомы явления сложного типа в пессимистическую сторону есть прием вообще опасного свойства, часто сбивавший с толку многих, не совсем „твердых в седле“ социал-демократов. Во-2-х, если бы в текстильной забастовке были отмеченные черты, то мы, с. д., несомненно должны были бы самым энергичным образом бороться против них. В случае успеха нашей борьбы вопрос стоял бы, следовательно, именно так, как мы его и ставим.

посредственную массовую борьбу. Вне ее нет и не может быть гарантий свободы на Руси.

Агитация этого типа будет, несомненно, вполне последовательной революционно-социал-демократической агитацией. Обязательно ли добавлять к ней: не верьте, граждане, в III-ю Думу и смотрите на нас, с.-д., бойкотирующих ее в доказательство нашего протеста!

Подобное добавление по условиям переживаемого времени не только не необходимо, но звучит даже странно, звучит почти как насмешка. Да, в III-ю Думу и без того никто не верит, т.-е. в слоях населения, способных питать демократическое движение, нет и быть не может того увлечения конституционным учреждением III-й Думы, как было, несомненно, широкое увлечение I-й Думой, первыми попытками создания на Руси каких бы то ни было, только конституционных учреждений.

Центром тяжести внимания широких кругов населения в 1905 и в начале 1906 г. было первое представительное учреждение, хотя бы на основе монархической конституции. Это факт. Против этого должны были с.-д. бороться и демонстрировать самым наглядным образом.

Теперь не то. Не увлечение первым «парламентом» составляет характерную черту момента, не вера в Думу, а неверие в под'ем.

При таких условиях, выдвигая преждевременно лозунг бойкота, мы несколько не усиливаем движения, не парализуем действительных помех этому движению. Мало того: мы рискуем даже ослабить силу нашей агитации, ибо бойкот есть лозунг, сопутствующий уже определеншемуся под'ему, а вся беда теперь в том, что широкие круги населения в под'ем не верят, силы его не видят.

Надо сначала позаботиться о том, чтобы на деле была доказана сила этого под'ема, а потом мы успеем всегда двинуть лозунг, косвенно выражающий эту силу. Да и то еще вопрос: нужен ли будет для революционного движения наступательного характера особый лозунг, отвлекающий внимание от... III-й Думы. Возможно, что нет. Для того, чтобы пройти мимо чего-либо важного и действительно способного увлечь неопытную и невидывавшую еще парламентов толпу, необходимо, может быть, бойкотировать то, мимо чего пройти надо. Но для того, чтобы пройти мимо учреждения, совершенно неспособного увлечь современную демократическую или полудемократическую толпу, не обязательно провозглашать бойкот. Не в бойкоте теперь суть, а в прямых и непосредственных усилиях превратить частный под'ем в общий, профессиональное движение в революционное, оборону от локаутов в наступление на реакцию.

VII.

Резюмируем. Лозунг бойкота порожден особым историческим периодом. В 1905 и в начале 1906 года объективное положение вещей ставило на решение борющихся общественных сил вопрос о выборе ближайшего пути: непосредственно-революционный путь или монархически-конституционный поворот. Содержанием бойкотистской агитации при этом была главным образом борьба с конституционными иллюзиями. Условием успеха бойкота был широкий, общий, быстрый и сильный революционный подъем.

Во всех этих отношениях положение вещей к осени 1907 года вовсе не вызывает необходимости в таком лозунге и не оправдывает его.

Продолжая свою будничную работу по подготовке выборов и не отказываясь заранее от участия в самых реакционных представительных учреждениях, мы должны всю свою пропаганду и агитацию направить на выяснение народу связи между поражением в декабре и всем последующим упадком свободы и поруганием конституции. Мы должны внедрить в массы твердое убеждение в том, что без непосредственной массовой борьбы такое поругание неизбежно будет продолжаться и усиливаться.

Не зарекаясь от применения лозунга бойкота в моменты подъема, когда могла бы возникнуть серьезная необходимость в таком лозунге, мы в настоящее время должны направить все усилия на то, чтобы путем прямого и непосредственного воздействия стремиться превратить тот или иной подъем рабочего движения в движение общее, широкое, революционное и наступательное по отношению к реакции в целом, по отношению к ее устоям.

Июнь, 1907 г.

III.

РАБОЧИЙ КЛАСС И ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ВОЙНА.

1. Положение и задачи социалистического Интернационала.
2. О поражении своего правительства в империалистической войне.
3. Крах II Интернационала.
4. Несколько тезисов.

Положение и задачи социалистического Интернационала.

Тяжелее всего в теперешнем кризисе—победа буржуазного национализма, шовинизма над большинством официальных представителей европейского социализма. Не даром буржуазные газеты всех стран то издеваются над нами, то снисходительно похваляют их. И нет задачи важнее для того, кто хочет остаться социалистом, как выяснение причин социалистического кризиса и анализ задач Интернационала.

Есть люди, которые боятся признать ту истину, что кризис, вернее, крах II Интернационала есть крах оппортунизма.

Ссылаются на единодушие, напр., французских социалистов, на полную будто бы перетасовку старых фракций в социализме по вопросу об отношении к войне. Но эти ссылки неправильны.

Защита сотрудничества классов, отречение от идеи социалистической революции и от революционных методов борьбы, приспособление к буржуазному национализму, забвение исторически преходящих границ национальности или отечества, превращение в фетиш буржуазной легальности, отказ от классовой точки зрения и классовой борьбы из боязни оттолкнуть от себя «широкие массы населения» (читай: мелкую буржуазию) — таковы, несомненно, идейные основы оппортунизма. Именно на этой почве и выросло теперешнее шовинистское, патриотическое настроение большинства вождей II Интернационала. Фактическое преобладание оппортунистов среди них давно отмечалось с самых различных сторон различными наблюдателями. Война лишь вскрыла особенно быстро и остро действительные размеры этого преобладания. Что необычайная острота кризиса вызвала ряд перетасовок в старых фракциях,—это неудивительно. Но в общем и целом эти перетасовки коснулись

только личностей. Направления внутри социализма остались прежние.

Среди французских социалистов нет полного единодушия. Сам Вальян, ведущий шовинистскую линию вместе с Гэдом, Плехановым, Эрвэ и др., вынужден признать, что он получает ряд писем от протестующих французских социалистов, указывающих, что война есть империалистская война, что французская буржуазия не менее других повинна в ней. Не надо забывать, что такие голоса заглушают не только восторжествовавший оппортунизм, но и военную цензуру. У англичан группа Гайндмана (английские с.-д.—«Брит. соц. партия») вполне скатилась к шовинизму, как и большинство полулиберальных вождей трэд-юнионов. Отпор шовинизму дают Макдональд и Кейр-Гарди из оппортунистической «Независимой Рабочей Партии». Это действительно исключение из правила. Но некоторые революционные с.-д., давно боровшиеся с Гайндманом, вышли теперь из рядов «Бр. соц. партии». У немцев картина ясна: оппортунисты победили, они ликуют, они «в своей тарелке». «Центр» с Каутским во главе скатился к оппортунизму и защищает его особенно лицемерными, пошлыми и самодовольными софизмами. Из среды революционных с.-д. раздаются протесты—Меринга, Паннекука, К. Либкнехта, ряда безыменных голосов в Германии и в немецкой Швейцарии. В Италии тоже ясная группировка: крайние оппортунисты, Биссолати и К^о за «отечество», за Гэда—Вальяна—Плеханова—Эрвэ. Революционные с.-д. («соц. партия») с Авантì во главе борется с шовинизмом и разоблачает буржуазно-корыстный характер призывов к войне, встречая поддержку огромного большинства передовых рабочих. В России крайние оппортунисты из лагеря ликвидаторов уже подняли свой голос в защиту шовинизма на рефератах и в печати. П. Маслов и Е. Смирнов защищают царизм под предлогом защиты отечества (Германия, видите ли, грозит «силой меча» навязать «нам» торговые договоры, тогда как царизм, должно быть, не силой меча, кнута и виселицы душил и душил экономическую, политическую и национальную жизнь $\frac{9}{10}$ населения России!) и оправдывают вступление социалистов в буржуазно-реакционные министерства и голосование сегодня за военные кредиты, завтра за новые вооружения!! К национализму скатился Плеханов, прикрывая свой русский шовинизм французофильством, и Алексинский. Мартов, если судить по парижскому «Голосу», держится всех приличнее из этой компании, давая отпор шовинизму и германскому и французскому, восставая и против Vorwärts'a, и против г. Гайндмана, и против Маслова, но боясь объявить решительную войну всему международному оппортунизму и его «влиятельнейшему защитнику—«центру» немецкой с.-

д.-тии. Попытки представить волонтерство, как осуществление социалистических задач (см. декларацию группы русских волонтеров из Парижа, соц.-дем. и соц.-рев., а также польских с.-д., Ледера и др.) встретили защиту только Плеханова. Большинство парижской секции нашей партии осудило эти попытки. Позицию Ц. К. нашей партии читатели видят из передовой статьи настоящего номера. К истории того, как сложилась формулировка взглядов нашей партии, мы должны—во избежание недоразумений—установить следующие факты: группа членов нашей партии, преодолевая громадные трудности восстановления организационных связей, прерванных войной, выработала сначала «тезисы» и 6—8 сентября нов. стиля пустила их в обращение между товарищами. Затем она передала их через швейцарских с.-д. двум членам итало-швейцарской конференции в Лугано (27 сент.). Только в половине октября удалось восстановить связи и сформулировать точку зрения Ц. К. партии. Передовая статья этого номера есть окончательная редакция «тезисов».

Таково, вкратце, положение дел в европейской и российской с.-демократии. Крах Интернационала налицо. Poleмика в печати между французскими и немецкими социалистами окончательно доказала это. Не только левые с.-д. (Меринг и «Врем. Bürg. Ztg.»), но и умеренные швейцарские органы (Volksrecht) признали это. Попытки Каутского затушевать этот крах—трусливая увертка. И этот крах есть именно крах оппортунизма, оказавшегося в плену у буржуазии.

Позиция буржуазии ясна. Не менее ясно и то, что оппортунисты просто повторяют слепо ее доводы. К сказанному в передовице остается разве добавить простое указание на издевательские речи «Neue Zeit», будто интернационализм состоит как раз в стрельбе рабочих одной страны против рабочих другой во имя защиты отечества!

Вопрос об отечестве—ответим мы оппортунистам—нельзя ставить, игнорируя конкретно-исторический характер данной войны. Эта война империалистическая, т.-е. война эпохи наиболее развитого капитализма, эпохи конца капитализма. Рабочий класс должен сначала «устроиться в пределах наций»—говорит «Комм. Манифест», указывая при этом границы и условия нашего признания национальности и отечества, как необходимых форм буржуазного строя, а следовательно и буржуазного отечества. Оппортунисты извращают эту истину, перенося то, что верно по отношению к эпохе возникновения капитализма, на эпоху конца капитализма. А об этой эпохе, о задачах пролетариата в борьбе за разрушение не феодализма, а капитализма, ясно и определенно говорит Карл Маркс: «рабочие не имеют отечества». Понятно,

почему оппортунисты боятся признать эту истину социализма, боятся даже в большинстве случаев открыто посчитаться с ней. Социалистическое движение не может победить в старых рамках отечества. Оно творит новое, высшие формы человеческого общежития, когда законные потребности и прогрессивные стремления трудящихся масс всякой национальности будут впервые удовлетворены в интернациональном единстве при условии уничтожения теперешних национальных перегородок. На попытки современной буржуазии разделить и разъединить рабочих посредством лицемерных ссылок на «защиту отечества» сознательные рабочие ответят новыми и новыми, повторными и повторными попытками установить единство рабочих разных наций в борьбе за свержение господства буржуазии всех наций.

Буржуазия одурачивает массы, прикрывая империалистический грабеж старой идеологией «национальной войны». Пролетариат разоблачает этот обман, провозглашая лозунг превращения империалистической войны в гражданскую войну. Именно этот лозунг намечен Штутгартской и Базельской резолюциями, которые как раз предвидели не войну вообще, а именно теперешнюю войну и которые говорили не о «защите отечества», а об «ускорении краха капитализма», об использовании для этой цели кризиса, создаваемого войной, о примере Коммуны. Коммуна была превращением войны народов в гражданскую войну.

Такое превращение, конечно, не легко и не может быть произведено «по желанию» отдельных партий. Но именно такое превращение лежит в объективных условиях капитализма вообще, эпохи конца капитализма в особенности. И в этом направлении, только в этом направлении должны вести свою работу социалисты. Не вотировать военных кредитов, не потакать шовинизму «своей» страны (и союзных стран), бороться в первую голову с шовинизмом «своей» буржуазии, не ограничиваться легальными формами борьбы, когда наступил кризис и буржуазия сама отняла созданную ею легальность,— вот та линия работы, которая ведет к гражданской войне и приведет к ней в тот или иной момент всеевропейского пожара.

Война не случайность, не «грех», как думают христианские попы (проповедующие патриотизм, гуманность и мир не хуже оппортунистов), а неизбежная ступень капитализма, столь же законная форма капиталистической жизни, как и мир. Война наших дней есть народная война. Из этой истины следует не то, что надо плыть по «народному» течению шовинизма, а то, что и в военное время, и на войне, и по-военному продолжают существовать и будут проявлять себя классовые противоречия, раздирающие народы. Отказ от военной службы, стачка против войны и т. п. есть про-

стая глушь, убогая и трусливая мечта о безоружной борьбе с вооруженной буржуазией, воздыхание об уничтожении капитализма без отчаянной гражданской войны или ряда войн. Пропаганда классовой борьбы и в войне есть долг социалиста; работа, направленная к превращению войны народов в гражданскую войну, есть единственная социалистическая работа в эпоху империалистического вооруженного столкновения буржуазии всех наций. Долгой поповски-сантиментальные и глупенькие воздыхания о «мире во что бы то ни стало!» Поднимем знамя гражданской войны. Империализм поставил на карту судьбу европейской культуры: за данной войной, если не будет ряда успешных революций, последуют вскоре другие войны—сказка о «последней войне» есть пустая, вредная сказка, мещанская «мифология» (по верному выражению «Голоса»). Пролетарское знамя гражданской войны не сегодня, так завтра,—не во время теперешней войны, так после нее,—не в эту, так в ближайшую следующую войну, соберет вокруг себя не только сотни тысяч сознательных рабочих, но и миллионы одураченных ныне шовинизмом полупролетариев и мелких буржуа, которых ужасы войны будут не только запугивать и забивать, но и просвещать, учить, будить, организовать, закалять и готовить к войне против буржуазии и «своей» страны и «чужих» стран.

II Интернационал умер, побежденный оппортунизмом. Долой оппортунизм и да здравствует очищенный не только от «перебежчиков» (как желает «Голос»), но и от оппортунизма III Интернационал!

II Интернационал выполнил свою долю полезной подготовительной работы по предварительной организации пролетарских масс в долгую «мирную» эпоху самого жестокого капиталистического рабства и самого быстрого капиталистического прогресса последней трети XIX и начала XX века. III Интернационалу предстоит задача организации сил пролетариата для революционного натиска на капиталистические правительства для гражданской войны против буржуазии всех стран за политическую власть, за победу социализма!

Ноябрь 1914 г.

О поражении своего правительства в империалистической войне.

Революционный класс в реакционной войне не может не желать поражения своему правительству.

Это—аксиома. И оспаривают ее только сознательные сторонники или беспомощные прислужники социал-шовинистов. К числу первых принадлежит, напр., Семковский из О. К. (№ 2 его «Известий»). К числу вторых—Троцкий и Буквояд, а в Германии—Каутский. Желание поражения России,—пишет Троцкий,—есть «ничем не вызываемая и ничем не оправдываемая уступка политической методологии социал-патриотизма, который революционную борьбу против войны и условий, ее породивших, подменяет крайне произвольной в данных условиях ориентацией по линии наименьшего зла» (№ 105 «Н. Сл.»).

Вот образец надутых фраз, какими Троцкий всегда оправдывает оппортунизм. «Революционная борьба против войны» есть пустое и бессодержательное восклицание, на которое такие мастера герои II Интернационала, если под ней не разумеют революционные действия против своего правительства и во время войны. Достаточно чуть-чуть подумать, чтобы понять это. А революционные действия во время войны против своего правительства, несомненно, неоспоримо, означают не только желание поражения ему, но на деле и содействие такому поражению. (Для «провинциального читателя»: это вовсе не значит, что надо «взрывать мосты», устраивать неудачные военные стачки и вообще помогать революционерам нанести поражение правительству).

Отдельваясь фразами, Троцкий запутался в грех соснах. Ему кажется, что желать поражения России значит желать победы Германии (Буквояд и Семковский прямее выражают эту общую им с Троцким «мысль», вернее: недомыслие). И в этом Троцкий видит «методологию социал-

патриотизма»! Чтобы помочь людям, не умеющим думать, Бернская резолюция (№ 40 «С.-Д.») пояснила: во всех империалистических странах пролетариат должен теперь желать поражения своему правительству. Буквоед и Троцкий предпочли обойти эту истину, а Семковский (оппортунист, всех больше приносящий пользы рабочему классу откровенно-наивным повторением буржуазной премудрости), Семковский «мило ляпнул»: это бессмыслица, ибо победить может либо Германия, либо Россия (№ 2 «Известий»).

Возьмите пример Коммуны. Победила Германия Францию, и Бисмарк с Тьером победили рабочих! Если бы Буквоед и Троцкий подумали, то увидали бы, что они стоят на точке зрения войны правительств и буржуазии, т.-е. они раболепствуют перед «политической методологией социал-патриотизма», говоря вычурным языком Троцкого.

Революция во время войны есть гражданская война, а превращение войны правительств в войну гражданскую, с одной стороны, облегчается военными неудачами («поражением») правительств, а с другой стороны—невозможно на деле стремиться к такому превращению, не содействуя тем самым поражению.

От «лозунга» поражения потому и откращиваются шовинисты (с О. К., с фракцией Чхеидзе), что этот лозунг один только означает последовательный призыв к революционным действиям правительства во время войны. А без таких действий миллионы революционнейших фраз о войне против «войны и условий и т. д.» не стоят ломаного гроша.

Кто серьезно хотел бы опровергнуть «лозунг» поражения своего правительства в империалистской войне, тот должен был бы доказать одну из трех вещей: или 1) что война 1914—15 г. не реакционна; или 2) что революция в связи с ней невозможна; или 3) что невозможно соответствие и содействие друг другу революционных движений во всех воюющих странах. Последнее соображение особенно важно для России, ибо это—самая отсталая страна, в которой социалистическая революция непосредственно невозможна. Именно поэтому русские с.-д. должны были первыми выступить с теорией и практикой «лозунга» поражения. И царское правительство было вполне право, что агитация Р. С.-Д. Р. фракции—единственный образец в Интернационале не одной парламентской оппозиции, а действительной революционной агитации в массах против своего правительства, что эта агитация ослабляла «военную мощь» России, содействовала ее поражению. Это факт. Неумно прятаться от него.

Противники лозунга поражения просто боятся самих себя, не желая прямо взглянуть на очевиднейший факт не-

разрывной связи между революционной агитацией против правительства с содействием его поражению.

Возможно ли соответствие и содействие революционного в буржуазно-демократическом смысле движения в России и социалистического на Западе? В этом не сомневался за последнее 10-летие ни один высказывавшийся публично социалист, и движение в австрийском пролетариате после 17 октября 1905 г. фактически доказало эту возможность.

Спросите любого именующего себя интернационалистом с.-д., сочувствует ли он соглашению с.-д. разных воюющих стран о совместных революционных действиях против всех воюющих правительств? Многие ответят, что оно невозможно, как ответил Каутский (N. Zeit, 2 окт. 1914), этим вполне доказав свой социал-шовинизм. Ибо, с одной стороны, это—заведомая, вопиющая неправда, бьющая в лицо общеизвестным фактам и Базельскому манифесту. А, с другой стороны, если бы это была правда, тогда оппортунисты были бы во многом правы!

Многие ответят, что сочувствуют. И тогда мы скажем: если это сочувствие нелицемерно, то смешно думать, что на войне и для войны требуется соглашение «по форме»: выбор представителей, свидание, подписание договора, назначение дня и часа! Думать так в состоянии лишь Семковские. Соглашение о революционных действиях даже в одной стране, не говоря о ряде стран, осуществимо только силой примера серьезных революционных действий, приступа к ним, развития их. А такой приступ опять-таки невозможен без желания поражения и без содействия поражению. Превращение империалистской войны в гражданскую не может быть «сделано», как нельзя «сделать» революции,—оно вырастает из целого ряда многообразных явлений, сторон, черточек, свойств, последствий империалистской войны. И такое вырастание невозможно без ряда военных неудач и поражений тех правительств, которым наносят удары их собственные угнетенные классы.

Отказываться от лозунга поражения значит превращать свою революционность в пустую фразу или одну лицемерию.

И чем же предлагают нам заменить «лозунг» поражения? Лозунгом «ни побед, ни поражений» (Семковский в № 2 «Изв.». То же весь О. К. в №1). Но ведь это не что иное, как перефразировка лозунга «защиты отечества»! Это—именно перенесение вопроса в плоскость войны правительств (которые, по содержанию лозунга, должны остаться в старом положении, «сохранить свои позиции»), а не борьбы угнетенных классов против своего правительства! Это есть оправдание шовинизма всех империалистских наций, буржуазии которых всегда готовы ска-

зять—и говорят народу,—что они «только» борются «против поражения». «Смысл нашего голосования 4 августа: не за войну, а против поражения», пишет вождь оппортунистов Э. Давид в своей книге. «Окисть», вместе с Буквоедом и Троцким, вполне становятся на почву Давида, защищая лозунг: «ни победы, ни поражения!»

Этот лозунг, если вдуматься в него, означает «гражданский мир», отказ от классовой борьбы угнетенного класса во всех воюющих странах, ибо классовая борьба невозможна без нанесения ударов «своей» буржуазии и «своему» правительству, а нанесение во время войны удара своему правительству есть государственная измена (к сведению Буквоеда!), есть содействие поражению своей страны.

Кто признает лозунг «ни побед, ни поражений», тот лишь лицемерно может стоять за классовую борьбу, за «разрыв гражданского мира», тот на деле отрекается от самостоятельной пролетарской политики, подчиняя пролетариат всех воюющих стран задаче вполне буржуазной: охранять от поражений данные империалистские правительства. Единственной политикой действительного, не словесного разрыва «гражданского мира», признания классовой борьбы, является политика использования пролетариатом затруднений своего правительства и своей буржуазии для их низвержения. А этого нельзя достигнуть, к этому нельзя стремиться, не желая поражения своему правительству, не содействуя такому поражению.

Когда итальянские с.-д. перед войной поставили вопрос о массовой стачке, буржуазия ответила им—безусловно правильно с ее точки зрения: это будет государственной изменой, и с вами поступят, как с изменниками. Это—правда, как правда и то, что братья в траншеях есть государственная измена. Кто пишет против «государственной измены», как Буквоед, против «распада России», как Семковский, тот стоит на буржуазной, а не на пролетарской точке зрения. Пролетарий не может ни нанести классового удара своему правительству, ни протянуть (на деле) руку своему брату, пролетарию «чужой», воюющей с «нами» страны, не совершая «государственной измены», не содействуя поражению, не помогая распаду «своей» империалистской «вселикой» державы.

Кто стоит за лозунг «ни побед, ни поражений», тот сознательный или бессознательный шовинист, тот, в лучшем случае, примирительный мелкий буржуа, но во всяком случае враг пролетарской политики, сторонник теперешних правительств, теперешних господствующих классов.

Взглянем на вопрос еще с одной стороны. Война не может не вызывать в массах самых бурных чувств, нарушающих обычное состояние сонной психики. И без соответ-

ствия с этими новыми, бурными чувствами, невозможна революционная тактика.

Каковы главные потоки этих бурных чувств? 1) Ужас и отчаяние. Отсюда—усиление религии. Церкви снова стали наполняться,—ликуют реакционеры. «Где страдания, там религия», говорит архиреакционер Баррес. И он прав. 2) Ненависть к «врагу»—чувство, разжигаемое специально буржуазией (не только попами) и выгодное только ей экономически и политически. 3) Ненависть к своему правительству и к своей буржуазии—чувство всех сознательных рабочих, которые, с одной стороны, понимают, что война есть «продолжение политики» империализма, и отвечают на нее «продолжением» своей ненависти к своему классовому врагу, а с другой стороны, понимают, что «война войне» есть пошлая фраза без революции против своего правительства. Нельзя возбуждать ненависть к своему правительству и к своей буржуазии, не желая им поражения,—и нельзя быть нелицемерным противником гражданского (классового) мира, не возбуждая ненависти к своему правительству и к своей буржуазии!!!

Сторонники лозунга «ни побед, ни поражений» фактически стоят на стороне буржуазии и оппортунистов, «не веря» в возможность интернациональных революционных действий рабочего класса против своих правительств, не желая помогать развитию таких действий—задаче, бесспорно, не легкой, но единственно достойной пролетария, единственно социалистической задаче. Именно пролетариат самой отсталой из воюющих великих держав должен был, особенно перед лицом позорной измены немецких и французских с.-д., в лице своей партии, выступить с революционной тактикой, которая абсолютно невозможна без «содействия поражению» своего правительства, но которая одна только ведет к европейской революции, к прочному миру социализма, к избавлению человечества от ужасов, бедствий, одичания, озверения, царящих ныне.

Крах II Интернационала.

Под крахом Интернационала иногда разумеют просто формальную сторону дела, перерыв интернациональной связи между социалистическими партиями воюющих стран, невозможность собрать ни международной конференции, ни Международн. Социалистич. Бюро и т. п. На этой точке зрения стоят некоторые социалисты нейтральных маленьких стран, вероятно даже большинство официальных партий в них, затем оппортунисты и их защитники. В русской печати с заслуживающею глубокою признательности откровенностью выступил на защиту этой позиции г. Вл. Коссовский в № 8 «Информационного Листка» Бунда, при чем редакция «Листка» ни единым словом не оговорила своего несогласия с автором. Можно надеяться, что защита национализма г. Коссовским, который договорился до оправдания немецких с.-д., голосовавших за военные кредиты, поможет многим рабочим окончательно убедиться в буржуазно-националистическом характере Бунда.

Для сознательных рабочих социализм—серьезное убеждение, а не удобное прикрытие мещански-примирительных и националистически-оппозиционных стремлений. Под крахом Интернационала они разумеют вопиющую измену большинства официальных с.-д. партий своим убеждениям, торжественнейшим заявлениям в речах (на штутгартском и базельском международных конгрессах, в резолюциях этих конгрессов и т. д. Не видеть этой измены могут только те, кто не хочет видеть ее, кому это невыгодно. Формулируя дело научным образом, т.-е. с точки зрения отношения между классами современного общества, мы должны сказать, что большинство с.-д. партий и во главе их, в первую очередь, самая большая и самая влиятельная партия II Интернационала, германская, встали на сторону своего генерального штаба, своего правительства, своей буржуазии против пролетариата. Это—событие всемирно-исторической

важности, и на возможно более всестороннем анализе его нельзя не остановиться. Давно признано, что войны, при всех ужасах и бедствиях, которые они влекут за собой, приносят более или менее крупную пользу, беспощадно вскрывая, разоблачая и разрушая многое гнилое, отжившее, омертвевшее в человеческих учреждениях. Несомненную пользу начала тоже приносить человечеству и европейская война 1914—15 г.г., показав передовому классу цивилизованных стран, что в его партиях назрел какой-то отвратительный гнойный парыв, и несетя откуда-то нестерпимый трупный запах.

I.

Есть ли налицо измена главных социалистических партий Европы всем своим убеждениям и задачам? Об этом не любят говорить, разумется, ни сами изменники, ни те, кто твердо знает—или смутно догадывается,—что ему придется дружить и мириться с ними. Но как бы ни было это неприятно разным «авторитетам» II Интернационала или их фракционным друзьям среди российских с.-д., мы должны прямо взглянуть на вещи, назвать их своими именами, сказать рабочим правду.

Есть ли фактические данные по вопросу о том, как перед настоящей войной и в предвидении ее смотрели социалистические партии на свои задачи и на свою тактику? Бесспорно, есть. Это—резолюция Базельского международного социалистического конгресса в 1912 году, которую мы перепечатаваем вместе с резолюцией Хемницкого германского с.-д. съезда того же года, как напоминание о «забытых словах» социализма. Подводя итог громадной пропагандистской и агитационной литературе всех стран против войны, эта резолюция представляет собой самое точное и полное, самое торжественное и формальное изложение социалистических взглядов на войну и тактики по отношению к войне. Нельзя назвать иначе, как изменой, уже тот факт, что ни один из авторитетов вчерашнего Интернационала и сегодняшнего социал-шовинизма, ни Гайндман, ни Гэд, ни Каутский, ни Плеханов, не решаются напомнить своим читателям эту резолюцию, а либо совершенно молчат о ней, либо цитируют (подобно Каутскому) второстепенные места ее, обходя все существенное. Самые левые архи-революционные резолюции—и самое бесстыдное забвение их или отречение от них,—вот одно из самых наглядных проявлений краха Интернационала,—а вместе с тем и одно из самых наглядных доказательств того, что верить в «исправление» социализма, в «выпрямление его линии» путем одних резолюций могут теперь лишь люди, у которых беспри-

мерная наивность граничит с хитрым желанием увековечить прежнее лицемерие.

Гайндмана еще вчера, можно сказать, когда он повернул перед войной к защите империализма, все «порядочные» социалисты считали свихнувшимся чудачком, и никто не говорил о нем иначе, как в тоне пренебрежения. А теперь к позиции Гайндмана целиком скатились—отличаясь между собой только в оттенках и темпераменте—виднейшие с.д. вожди всех стран. И мы никак не в состоянии оценить и охарактеризовать сколько-нибудь парламентским выражением гражданского мужества таких людей, как, напр., писатели «Нашего Слова», когда они пишут о «господине Гайндмане» в тоне презрения, а о «товарище» Каутском говорят—или молчат—с видом почтения (или подобострастия?). Разве можно примирить такое отношение с уважением к социализму и к своим убеждениям вообще? Если вы убеждены в ложности и гибельности шовинизма Гайндмана, то не следует ли направить критику и нападки на более влиятельного и более опасного защитника подобных взглядов Каутского?

Взгляды Гэда в последнее время выразил едва ли не всего подробнее гэдист Шарль Дюма в своей брошюре: «Какого мира мы желаем». Этот начальник кабинета Жюль Гэда, подписавший так на главном листе брошюры, разумеется, «цитирует» прежние заявления социалистов в патриотическом духе (как цитирует подобные же заявления немецкий социал-шовинист Давид в своей последней брошюре о защите отечества), но Базельского манифеста он не цитирует! Об этом манифесте молчит и Плеханов, преподнося с необыкновенно самодовольным видом шовинистские пошлости. Каутский подобен Плеханову: цитируя Базельский манифест, он опускает все революционные места в нем (то-есть все его существенное содержание!)—вероятно, под предлогом цензурного запрещения... Полиция и военные власти своими цензурными запретами говорить о классовой борьбе и революции пришли «кстати» на помощь изменникам социализма!

Но, может быть, Базельский манифест представляет из себя какое-нибудь бессодержательное воззвание, в котором нет никакого точного содержания, ни исторического, ни тактического, относящегося, безусловно, к данной конкретной войне?

Как раз наоборот. В Базельской резолюции меньше, чем в других, пустого декламаторства, больше конкретного содержания. Базельская резолюция говорит именно о той самой войне, которая и наступила, именно о тех самых империалистических конфликтах, которые разразились в 1914—15 г.г. Конфликт Австрии и Сербии из-за

Балкан, Австрии и Италии из-за Албании и т. д., Англии и Германии из-за рынков и колоний вообще, России с Турцией и пр. из-за Армении и Константинополя—вот о чем говорит Базельская резолюция, предвидя именно теперешнюю войну. Как раз про теперешнюю войну между «великими державами Европы» говорит Базельская резолюция, что эта война «не может быть оправдана ни самым малейшим предлогом какого бы то ни было народного интереса»!

И если теперь Плеханов и Каутский—берем двоих самых типичных и самых близких для нас, пишущих по-русски или переводимых ликвидаторами на русский, авторитетных социалистов—подыскивают (при помощи Аксельрода) разные «народные (или, вернее, простонародные, взятые из уличной буржуазной прессы) оправдания» войне, если они с ученым видом и запасом фальшивых цитат из Маркса ссылаются на «примеры», на войны 1813 и 1870 г.г. (Плеханов) или 1854—1871, 1876—7, 1897 годов (Каутский),—го, поистине, только люди без тени социалистических убеждений, без капельки социалистической совести могут брать «всерьез» подобные доводы, могут не назвать их неслыханным иезуитизмом, лицемерием и проституированием социализма! Пусть немецкое правление партии («форштанд) предаст проклятию новый журнал Меринга и Розы Люксембург («Интернационал») за правдивую оценку Каутского, пусть Вандервельде, Плеханов, Гайндман и К^о, при помощи полиции «трояственного согласия», так же третируют своих противников,—мы будем отвечать простой перепечаткой Базельского манифеста, избобличающего такой поворот вождей, для которого нет другого слова, кроме измены.

Базельская резолюция говорит не о национальной, не о народной войне, примеры которых в Европе бывали, которые даже типичны для эпохи 1789—1871 г.г., не о революционной войне, от которой с.д. никогда не зарекались, а о теперешней войне, на почве «капиталистического империализма» и «династических интересов», на почве «завоевательной политики» обеих групп воюющих держав, и австро-германской и англо-франко-русской. Плеханов, Каутский и К^о прямо-таки обманывают рабочих, повторяя корыстную ложь буржуазии всех стран, стремящейся из всех сил эту империалистскую, колониальную, грабительскую войну изобразить народной, оборонительной (для кого бы то ни было) войной, и подыскивая оправдания для нее из области исторических примеров неимпериалистских войн.

Вопрос об империалистском, грабительском, пролетарском характере данной войны давно вышел из стадии чисто-теоретического вопроса. Не только теоретически оценен уже, во всех своих главных чертах, империа-

лизм, как борьба гибнущей, одряхлевшей, сгнившей буржуазии за дележ мира и за порабощение «мелких наций»; не только повторялись тысячи раз эти выводы во всей необъятной газетной литературе социалистов всех стран; не только, напр., представитель «союзной» по отношению к нам нации, француз Дэлэзи в брошюре о «Грядущей войне» (1911 года!) популярно разъяснял грабительский характер настоящей войны и со стороны французской буржуазии. Этого мало. Представители пролетарских партий всех стран единогласно и формально выразили в Базеле свое непреклонное убеждение в том, что грядет война именно империалистского характера, сделав из этого тактические выводы. Поэтому, между прочим, должны быть отвергнуты сразу, как софизмы, все ссылки на то, что отличие национальной и интернациональной тактики недостаточно обсуждено (сравни последнее интервью Аксельрода в №№ 87 и 90 «Наш. Сл.»), и т. д., и т. д. Это—софизм, ибо одно дело всесторонне научное исследование империализма: такое исследование только начинается, и оно, по сути своей, бесконечно, как бесконечна наука вообще. Другое дело—основы социалистической тактики против капиталистического империализма, изложенные в миллионах экземпляров с.-д. газет и в решении Интернационала. Социалистические партии—не дискуссионные клубы, а организации борющегося пролетариата, и когда ряд батальонов перешел на сторону неприятеля, их надо назвать и ослабить изменниками, не давая себя «поймать» лицемерными речами о том, что «не все одинаково» понимают империализм, что вот шовинист Каутский и шовинист Кунов способны написать об этом томы, что вопрос «недостаточно обсужден» и проч. и т. п. Капитализм во всех проявлениях своего грабительства и во всех мельчайших разветвлениях его исторического развития и его национальных особенностей никогда не будет изучен до конца; о частностях ученые (и педанты особенно) никогда не перестанут спорить. «На этом основании» отказываться от социалистической борьбы с капитализмом, от противопоставления себя тем, кто изменил этой борьбе, было бы смешно,—а что же другое предлагают нам Каутский, Кунов, Аксельрод и т. п.?

Никто даже и не попытался ведь разобрать теперь, после войны, Базельскую резолюцию и показать ее правильность!

II.

Но, может быть, искренние социалисты стояли за Базельскую резолюцию в предвидении того, что война создаст революционную ситуацию, а события опровергли их, и резолюция оказалась невозможной?

Именно таким софизмом пытается оправдать свой переход в лагерь буржуазии Кунов (в брошюре «Крах партии?» и в ряде статей), а в виде намеков мы встречаем подобные «доводы» почти у всех социал-шовинистов с Каутским во главе. Надежды на революцию оказались иллюзией, а отстаивать иллюзии не дело марксиста, рассуждает Кунов, при чем сей струвист ни единым словом не говорит об «иллюзии» всех подписавших Базельский манифест, а, как отменшоблагородный человек, старается свалить дело на крайних левых, в роде Паннекука и Радека!

Рассмотрим, по существу, тот довод, что авторы Базельского манифеста искренно предполагали наступление революции, но события опровергли их. Базельский манифест говорит: 1) что война создаст экономический и политический кризис; 2) что рабочие будут считать свое участие в войне преступлением, преступной «стрельбой друг в друга ради прибыли капиталистов, ради честолюбия династий, ради выполнения тайных дипломатических договоров», что война вызывает среди рабочих «негодование и возмущение»; 3) что указанный кризис и указанное душевное состояние рабочих социалисты обязаны использовать для «возбуждения народа и ускорения краха капитализма»; 4) что «правительства»—все без исключения—не могут начать войны «без опасности для себя»; 5) что правительства «боятся пролетарской революции»; 6) что правительствам «следует вспомнить» о Парижской Коммуне (т.-е. гражданской войне), о революции 1905 г. в России и т. д. Все это—совершенно ясные мысли; в них нет рочательства, что революция будет; в них положено ударение на точную характеристику фактов и тенденций. Кто по поводу таких мыслей и рассуждений говорит, что ожидавшееся наступление революции оказалось иллюзией, тот обнаруживает не марксистское, а струвистское и полицейски-денегатское отношение к революции.

Для марксиста не подлежит сомнению, что революция невозможна без революционной ситуации, при чем не всякая революционная ситуация приводит к революции. Каковы, вообще говоря, признаки революционной ситуации? Мы, наверное, не ошибемся, если укажем следующие три главных признака: 1) Невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство; тот или иной кризис «верхов», кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов. Для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы «низы не хотели», а требуется еще, чтобы «верхи не могли» жить по-старому. 2) Обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов. 3) Значительное повышение, в силу

указанных причин, активности масс, в «мирную» эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых как всей обстановкой кризиса, так и самими «верхамн» к самостоятельному историческому выступлению.

Без этих объективных изменений, независимых от воли не только отдельных групп и партий, но и отдельных классов, революция—по общему правилу—невозможна. Совокупность этих объективных перемен и называется революционной ситуацией. Такая ситуация была в 1905 году в России и во все эпохи революций на Западе; но она была также и в 60-х годах прошлого века в Германии, в 1859—1861, в 1879—1880 годах в России, хотя революций в этих случаях не было. Почему? Потому что не из всякой революционной ситуации возникает революция, а лишь из такой ситуации, когда к перечисленным выше объективным переменам присоединяется субъективная, именно: присоединяется способность революционного класса на революционные массовые действия, достаточно сильные, чтобы сломить (или надломить) старое правительство, которое никогда, даже в эпоху кризисов, не «упадет», если его не «уронят».

Таковы марксистские взгляды на революцию, которые много, много раз развивались и признавались за бесспорные всеми марксистами и которые для нас, русских, особенно наглядно подтверждены опытом 1905 года. Спрашивается, что предполагалось в этом отношении Базельским манифестом в 1912 году, и что наступило в 1914—15 году?

Предполагалась революционная ситуация, кратко описанная выражением «экономический и политический кризис». Наступила ли она? Несомненно, да. Социал-шовинист Ленч (который прямее, откровеннее, честнее выступает с защитой шовинизма, чем лицемеры Кунов, Каутский, Плеханов и К⁰) выразился даже так, что «мы переживаем своеобразную революцию» (стр. 6 его брошюры «Германская социал-демократия и война», Берлин, 1915). Политический кризис палицо: ни одно из правительств не уверено в завтрашнем дне, ни одно не свободно от опасности финансового краха, отнятия территории, изгнания из своей страны (как изгнали правительство из Бельгии). Все правительства живут на вулкане, все апеллируют сами к самостоятельности и героизму масс. Политический режим Европы весь потрясен, и никто, наверное, не станет отрицать, что мы вошли (и входим все глубже—я пишу это в день объявления войны Италией) в эпоху величайших политических потрясений. Если Каутский, через два месяца после объявления войны, писал (2 окт. 1914 г., «Neue Zeit»), что «никогда правительство не бывает так сильно, никогда партии не бывают

так слабы, как при начале войны», то это один из образчиков подделки исторической науки Каутским в угоду Зюдекумам и прочим оппортунистам. Никогда правительство не нуждается так в согласии всех партий господствующих классов и в «мирном» подчинении этому господству классов угнетенных, как во время войны. Это во-1-х; а во-2-х, если при начале войны, особенно в стране, ожидающей быстрой победы, правительство кажется всемогущим, то никто никогда и нигде в мире не связывал ожиданий революционной ситуации исключительно с моментом «начала» войны, а тем более не отождествлял «кажущегося» с действительным.

Что европейская война будет тяжелой не в пример другим, это все знали, видели и признавали. Опыт войны все более подтверждает это. Война ширится. Политические устои Европы шатаются все больше. Бедствия масс ужасны, и усилия правительств, буржуазии и оппортунистов замолчать эти бедствия терпят все чаще крушение. Прибыли известных групп капиталистов от войны неслыханно, скандально велики. Обострение противоречий громадное. Глухое возмущение масс, смутное пожелание забитыми и темными слоями добренького («демократического») мира, начинающийся ропот в «низах» — все это налицо. А чем дальше затягивается и обостряется война, тем сильнее сами правительства развивают и должны развивать активность масс, призывая их к сверхнормальному напряжению сил и самопожертвованию. Опыт войны, как и опыт всякого кризиса в истории, всякого великого бедствия и всякого перелома в жизни человека, оупяет и надламывает одних, но зато просвещает других, при чем в общем и целом, в истории всего мира, число и сила этих последних указывались, за исключением отдельных случаев упадка и гибели того или иного государства, больше, чем первых.

Заклучение мира не только не может «сразу» прекратить всех этих бедствий и всего этого обострения противоречий, а напротив, во многих отношениях сделает эти бедствия еще более ощутимыми и особенно наглядными для самых отсталых масс населения.

Одним словом, революционная ситуация в большинстве передовых стран и великих держав Европы — налицо. В этом отношении предвидение Базельского манифеста оправдалось вполне. Отрицать эту истину прямо или косвенно или замалчивать ее, как делают Кунов, Плеханов, Каутский и К^о, значит говорить величайшую неправду, обманывать рабочий класс и услуживать буржуазии. В «Социал-Демократе» (№№ 34, 40 и 41) мы приводили данные, показывающие, что люди, боящиеся революции, христианские попы-мещане, генеральные штабы, газеты миллионеров

вынуждены констатировать признаки революционной ситуации в Европе.

Долго ли продержится и насколько еще обострится эта ситуация? Приведет ли она к революции? Этого мы не знаем, и никто не может знать этого. Это покажет только опыт развития революционных настроений и перехода к революционным действиям передового класса, пролетариата. Тут не может быть и речи ни вообще о каких-либо «иллюзиях», ни об их опровержении, ибо ни один социалист нигде и никогда не брал на себя речей за то, что революцию породит именно данная (а не следующая) война, именно теперешняя (а не завтрашняя) революционная ситуация. Тут идет речь о самой бесспорной и самой основной обязанности всех социалистов: обязанности вскрывать перед массами наличность революционной ситуации, разъяснять ее ширину и глубину, будить революционное сознание и революционную решимость пролетариата, помогать ему переходить к революционным действиям и создавать соответствующие революционной ситуации организации для работы в этом направлении.

Никогда ни один влиятельный и ответственный социалист не смел усомниться в том, что такова именно обязанность социалистических партий, и Базельский манифест, не распространяя и не питая ни малейших «иллюзий», именно об этой обязанности социалистов говорит: возбуждать, «встряхивать» народ (а не усыплять его шовинизмом, как делают Плеханов, Аксельрод, Каутский), «использовать» кризис для «ускорения» краха капитализма, руководствоваться примерами Коммуны и октября-декабря 1905 года. Неисполнение современными партиями этой своей обязанности и есть их измена, их политическая смерть, их отречение от своей роли, их переход на сторону буржуазии.

III.

Но как могло быть, что виднейшие представители и вожди II Интернационала изменили социализму? На этом вопросе мы остановимся подробно ниже, рассмотрев сначала попытки «теоретически» оправдать эту измену. Попробуем охарактеризовать главные теории социал-шовинизма, представителями которых можно считать Плеханова (он повторяет преимущественно доводы англо-французских шовинистов, Гайндмана и его новых сторонников) и Каутского (он выдвигает доводы гораздо более «тонкие», имеющие вид несравненно большей теоретической солидности).

Едва ли не всех примитивнее теория «зачинщика». На нас напали, мы защищаемся; интересы пролетариата требуют отпора нарушителям европейского мира. Это—пере-

пев заявлений всех правительств и декламаций всей буржуазной и желтой печати всего мира. Плеханов даже и столь избитую пошлость прикрашивает обязательной у этого писателя пезуитской ссылкой на «диалектику»: во имя учета конкретной ситуации надо-де прежде всего найти зачинщика и расправиться с ним, откладывая до другой ситуации все остальные вопросы (см. брошюру Плеханова «О войне», Париж, 1914, и повторение ее рассуждений у Аксельрода в «Голосе» №№ 86 и 87). В благородном деле подмены диалектики софистикой Плеханов побил рекорд. Софист выхватывает один из «доводов», и еще Гегель говорил справедливо, что «дбодовы» можно подыскать решительно для всего на свете. Диалектика требует всестороннего исследования данного общественного явления в его развитии и сведения внешнего, кажущегося к коренным движущим силам, к развитию производительных сил и к классовой борьбе. Плеханов выхватывает цитату из немецкой с.-д. печати: сами немцы до войны признавали-де зачинщиком Австрию и Германию—и баста. О том, что русские социалисты много раз разоблачали завоевательные планы царизма насчет Галиции, Армении, и т. д., Плеханов молчит. У него нет и тени попытки прикоснуться к экономической и дипломатической истории хотя бы трех последних десятилетий, а эта история неопровержимо доказывает, что именно захват колоний, грабеж чужих земель, вытеснение и разорение более успешного конкурента были главной осью политики о б е и х воюющих ныне групп держав¹⁾.

¹⁾ Крайне поучительна книга английского пацифиста Брэйлсфорда, который не прочь даже корчить из себя социалиста: „Война стали и золота“ (Лондон 1914; книга помечена мартом 1914 г.!). Автор совершенно ясно сознает, что вопросы национальные, в общем, стоят позади, уже решены (35), что дело теперь не в этом, что „типичный вопрос современной дипломатии“ (36)—Багдадская дорога, поставка рельс для нее, рудники в Марокко и т. п. Одним из „поучительнейших инцидентов в новейшей истории европейской дипломатии“ автор справедливо считает борьбу французских патриотов и английских империалистов против попыток Кайо (в 1911 и 1913 г.г.) помириться с Германией на основе соглашения о разделе колониальных сфер влияния и о допущении германских бумаг на парижскую биржу. *Английская и французская буржуазия сорвала* такое соглашение (38—40). Цель империализма—вывоз капитала в более слабые страны (74). Прибыль от такого капитала в Англии была 90—100 милл. ф. ст. в 1899 г. (Джиффен), 140 милл. в 1909 г. (Пейш), а Ллойд-Джордж в недавней речи считал ее, добавим от себя, в 200 милл. ф. ст., почти 2 миллиарда руб.—Грязные проделки и подкупы турецкой знати, местечки для сынков в Индии и Египте—вот в чем суть (85—87). Ничтожное меньшинство выигрывает от вооружений и войн, но за него—общество и финансисты, а за сторонниками мирара—здробленное население (93). Пацифист, ныне толкующий о мире и разоружении, завтра оказывается членом партии, вполне зависимой от военных подрядчиков (161). Окажется сильнее тройств. согласие, оно возьмет Марокко и разделит Персию,—тр. союз возьмет. Триполи, укрепится в Боснии, подчинит

В применении к войнам, основное положение диалектики, так бесстыдно извращаемой Плехановым в угоду буржуазии, состоит в том, что «война есть просто продолжение политики другими» (именно, насильственными) «средствами». Такова формулировка Клаузевица¹⁾, одного из великих писателей по вопросам военной истории, идеи которого были оплодотворены Гегелем. Именно такова была всегда точка зрения Маркса и Энгельса, к каждую войну рассматривавших как продолжение политики данных, заинтересованных держав—и разных классов внутри них—в данное время.

Грубый шовинизм Плеханова стоит совершенно на той же самой теоретической позиции, как более тонкий, примитивно-слащавый шовинизм Каутского, когда сей последний освящает переход социалистов всех стран на сторону «своих» капиталистов следующим рассуждением:

Все в праве и обязаны защищать свое отечество; истинный интернационализм состоит в признании этого права за социалистами всех наций, в том числе воюющих с моей нацией (см. «Neue Zeit», 2 окт. 1914, и др. соч. того же автора).

Это бесподобное рассуждение есть такое безгранично-пошлое издевательство над социализмом, что лучшим ответом на него было бы заказать медаль с фигурами Вильгельма II и Николая II на одной стороне, Плеханова и Каутского на другой. Истинный интернационализм, видители состоит в оправдании того, чтобы французские рабочие стреляли в немецких, а немецкие в французских во имя «защиты отечества»!

Но, если присмотреться к теоретическим предпосылкам рассуждений Каутского, мы получим именно тот взгляд, который высмеян Клаузевицем около 80 лет тому назад:

себе Турцию (167). Лондон и Париж дали миллиарды России в марте 1906 г., помогая царизму задавить освободительное движение (225—8); Англия помогает теперь России душить Персию (229). Россия разожгла балканскую войну (230).—Все это не ново, не правда-ли? Все это общеизвестно и 1000 раз говорилось в с.-д газетах всего мира? Накануне войны англичанин-буржуа яснее ясного видит это. Но каким неприличным вздором, каким непереносимым лицемерием, какой слащавой ложью оказываются перед лицом этих простых и общеизвестных фактов теории Плеханова и Потресова о виновности Германии или Каутского о „перспективах“ разоружения и длительного мира при капитализме.

1) Carl von Clausewitz: „Vom Kriege“. Werke, I Bd., S. 28. Ср. т. III, стр. 139—140: „Все знают, что войны вызываются лишь политическими отношениями между правительствами и между народами; но обыкновенно представляют себе дело таким образом, как будто с началом войны эти отношения прекращаются, и наступает совершенно иное положение, подчиненное только своим особым законам. Мы утверждаем наоборот: война есть не что иное, как продолжение политических отношений при вмешательстве иных средств“.

с началом войны прекращаются исторически подготовленные политические отношения между народами и классами, наступает совершенно иное положение: «просто» нападающие и защищающиеся, «просто» отражение «врагов отечества»! Угнетение целого ряда наций, составляющих больше половины населения земного шара, великодержавными империалистскими народами, конкуренция между буржуазией этих стран ради дележа добычи, стремление капитала расколоть и подавить рабочее движение—все это сразу исчезло из поля зрения Плеханова и Каутского, хотя именно такую «политику» обрисовывали они сами в течение десятилетий перед войной.

Обычные ссылки на Маркса и Энгельса составляют при этом «козырный» довод обоих главарей социал-шовинизма: Плеханов вспоминает национальную войну Пруссии в 1813 г., Германии в 1870 г., Каутский с ученым видом доказывает, что Маркс решал вопрос о том, успех какой стороны (т.-е. какой буржуазии) желательнее в войнах 1854—55, 1859, 1870—1871, а марксисты также в войнах 1876—77 и 1897 годов. Прием всех софистов во все времена: брать примеры, заведомо относящиеся к принципиально непохожим случаям. Прежние войны, на которые нам указывают, были «продолжением политики» многолетних национальных движений буржуазии, движений против чужого, ино-национального гнета и против абсолютизма (турецкого и русского). Никакого иного вопроса, кроме вопроса о предпочтительности успеха той или другой буржуазии, тогда и быть не могло; к войнам подобного типа марксисты могли заранее звать народы, разжигая национальную ненависть, как звал Маркс в 1848 г. и позже к войне с Россией, как разжигал Энгельс в 1859 году национальную ненависть немцев к их угнетателям, Наполеону III и к русскому царизму ¹⁾.

Сравнивать «продолжение политики» борьбы с феодализмом и абсолютизмом, политики освобождающейся буржуазии, с «продолжением политики» одряхлевшей, то-есть империалистской, то-есть ограбившей весь мир и реак-

¹⁾ Кстати г. Гарденин в „Жизни“ называет „революционным шовинизмом“, но все же шовинизмом со стороны Маркса, что он стоял в 1848 г. за революционную войну против показавших себя, на деле контр-революционными, народов Европы, именно: славян и русских особенно. Такой упрек Марксу доказывает только лишний раз оппортунизм (или— а вернее—и полную несерьезность) сего „левого“ с.-ра. Мы, марксисты, всегда стояли и стоим за революционную войну против контр-революционных народов. Например, если социализм победит в Америке или в Европе в 1920 году, а Япония с Китаем, допустим, двинут тогда против нас—сначала хотя бы дипломатически—своих Бисмарков, мы будем за наступательную, революционную войну с ними. Вам это странно, г. Гарденин? Революционер-то вы в роде Ропшина.

ционной, в союзе с феодалами давящей пролетариат буржуазии—значит сравнивать аршины с пудами. Это похоже на сравнение «представителей буржуазии» Робеспьера, Гарибальди, Желябова с «представителями буржуазии» Мильераном, Саландром, Гучковым. Нельзя быть марксистом, не питая глубочайшего уважения к великим буржуазным революционерам, которые имели всемирно-историческое право говорить от имени буржуазных «отечеств», поднимавших десятки миллионов новых наций к цивилизованной жизни в борьбе с феодализмом. И нельзя быть марксистом, не питая презрения к софистике Плеханова и Каутского, говорящих о «защите отечества» по поводу удушения немецкими империалистами Бельгии или по поводу сделки империалистов Англии, Франции, России и Италии о грабеже Австрии и Турции.

Еще одна «марксистская» теория социал-шовинизма: социализм базируется на быстром развитии капитализма; победа моей страны ускорит в ней развитие капитализма, а значит, и наступление социализма; поражение моей страны задержит ее экономическое развитие, а значит, и наступление социализма. Такую струвистскую теорию развивает у нас Плеханов, у немцев Ленч и др. Каутский спорит против этой грубой теории, против прямо защищающего ее Ленча, против прикрито отстаивающего ее Кунова, но спорит только для того, чтобы добиться примирения социал-шовинистов всех стран на основе более тонкой, более иезуитской шовинистской теории. Нам не приходится долго останавливаться на разборе этой грубой теории. «Критические заметки» Струве вышли в 1894 году, и за 20 лет русские с.-д. познакомились досконально с этой «манерой» образованных русских буржуа проводить свои взгляды и пожелания под прикрытием «марксизма»,—очищенного от революционности. Струвизм есть не только русское, а, как показывают особенно наглядно последние события, международное стремление теоретиков буржуазии убить марксизм «посредством мягкости», удушить посредством объятий, путем якобы признания «всех» «истинно-научных» сторон и элементов марксизма, кроме «агитаторской», «демагогической», «бланкистски-утопической» стороны его.. Другими словами взять из марксизма все, что приемлемо для либеральной буржуазии, вплоть до борьбы за реформы, вплоть до классовой борьбы (без диктатуры пролетариата), вплоть до «общего» признания «социалистических идеалов» и смены капитализма «новым строем», и отбросить «только» живую душу марксизма, «только» его революционность.

Марксизм есть теория освободительного движения пролетариата. Понятно поэтому, что сознательные рабочие должны уделять громадное внимание процессу подмены марк-

сизма струвизмом. Двигательные силы этого процесса многочисленны и разнообразны. Мы отметим только главные три: 1) Развитие науки дает все больше материала, доказывающего правоту Маркса. Приходится бороться с ним лицемерно, не идя открыто против основ марксизма, а якобы—признавая его, выхолащивая софизмами его содержание, превращая марксизм в безвредную для буржуазии святыню «икону». 2) Развитие оппортунизма среди с.-д. партий поддерживает такую «переделку» марксизма, подгоняя его под оправдание всяческих уступок оппортунизму. 3) Период империализма есть раздел мира между «великими», привилегированными нациями, угнетающими все остальные. Крохи добычи от этих привилегий и этого угнетения перепадают, несомненно, известным слоям мелкой буржуазии и аристократии, а также бюрократии рабочего класса. Такие слои, будучи ничтожным меньшинством пролетариата и трудящихся масс, тяготеют к «струвизму», ибо он дает им оправдание их союза со «своей» национальной буржуазией против угнетенных масс всех наций. Об этом нам придется еще говорить ниже, в связи с вопросом о причинах краха Интернационала.

IV.

Самой тонкой, наиболее искусно подделанной под научность и под международность, теорией социал-шовинизма является выдвинутая Каутским теория «ультраимпериализма». Вот самое ясное, самое точное и самое новое изложение ее самим автором:

«Ослабление протекционистского движения в Англии, понижение пошлин в Америке, стремление к разоружению, быстрое уменьшение, за последние годы перед войной, вывоза капитала из Франции и из Германии, наконец, усиливающееся международное переплетение различных клик финансового капитала,—все это побудило меня взвесить, не может ли теперешняя империалистская политика быть вытеснена новой, ультраимпериалистскою, которая поставит на место борьбы национальных финансовых капиталов между собою общую эксплуатацию мира интернационально-объединенным финансовым капиталом. Подобная новая фаза капитализма во всяком случае мыслима. Осуществима ли она, для решения этого нет еще достаточных предпосылок». (Neue Zeit, № 5, 30/IV 1915, стр. 144).

«...Решающим в этом отношении может оказаться ход и исход теперешней войны. Она может совершенно раздавить слабые зачатки ультраимпериализма, разжигая до высшей степени национальную ненависть также и между финансовыми капиталистами, усиливая вооружения и стрем-

ление обогнать в этом друг друга, делая неизбежной вторую всемирную войну. Тогда то предвидение, которое я формулировал в своей брошюре: «Путь к власти», осуществится в ужасных размерах, увеличится обострение классовых противоречий, а вместе с тем и моральное отмирание (буквально: отхозяйничание, Abwirtschäftung, крах) капитализма»... (Надо заметить, что под этим вычурным словечком Каутский разумеет просто напросто «вражду» к капитализму со стороны «промежуточных слоев между пролетариатом и финансовым капиталом», именно: «интеллигенции, мелких буржуа, даже мелких капиталистов»)... «Но война может кончиться иначе. Она может привести к усилению слабых зачатков ультраимпериализма. «Ее уроки (это заметьте!) могут ускорить такое развитие, которого долго пришлось бы ждать во время мира. Если дело дойдет до этого, до соглашения наций, до разоружения, до длительного мира, тогда худшие из причин, ведших до войны все сильнее к моральному отмиранию капитализма, могут исчезнуть». Новая фаза, разумеется, принесет с собой «новые бедствия» для пролетариата, «может быть еще более худшие», но «на время» «ультраимпериализм» «мог бы создать эру новых надежд и ожиданий в пределах капитализма» (стр. 145).

Каким образом выводится из этой «теории оправдания социал-шовинизма?

Довольно странным—для «теоретика»—именно следующим образом:

Левые с.-д. в Германии говорят, что империализм и порождаемые им войны не случайность, а необходимый продукт капитализма, приведшего к господству финансового капитала. Поэтому необходим переход к революционной борьбе масс, ибо эпоха сравнительно мирного развития изжита. «Правые» с.-д. грубо заявляют: раз империализм «необходим», надо быть империалистами и нам. Каутский, в роли «центра», примиряет:

«Крайние левые»—пишет он в своей брошюре «Национальное государство, империалистское государство и союз государств» (Нюренберг, 1915)—хотят «противопоставить» неизбежному империализму социализм, т.-е. «не только пропаганду его, которую мы в течение полувека противопоставляем всем формам капиталистического господства, а немедленное осуществление социализма. Это кажется очень радикальным, но способно лишь оттолкнуть всякого, кто не верит в немедленное практическое осуществление социализма, в лагерь империализма» (стр. 17, курсив наш).

Говоря о немедленном осуществлении социализма, Каутский «осуществляет» передержку, пользуясь тем, что в Германии, при военной цензуре особенно, нельзя говорить о

революционных действиях. Каутский прекрасно знает, что левые требуют от партии немедленной пропаганды и подготовки революционных действий, а вовсе не «немедленного практического осуществления социализма».

Из необходимости империализма левые выводят необходимость революционных действий. «Теория ультраимпериализма» служит Каутскому для оправдания оппортунистов, для изображения дела в таком свете, что они вовсе не перешли на сторону буржуазии, а просто «не верят» в немедленный социализм, ожидая, что перед нами «может быть» новая «эра» разоружения и длительного мира. «Теория» сводится к тому и только к тому, что надеждой на новую мирную эру капитализма Каутский оправдывает присоединение оппортунистов и официальных с.-д. партий к буржуазии и их отказ от революционной (то-есть пролетарской) тактики во время настоящей бурной эры, вопреки торжественным заявлениям Базельской резолюции!

Заметьте, что Каутский при этом не только не заявляет: новая фаза вытекает и должна получиться из таких-то обстоятельств и условий,—а напротив, заявляет прямо: даже вопроса об «осуществимости» новой фазы я еще не могу решить. Да и в самом деле, взгляните на те «тенденции» к новой эре, которые Каутский указал. Поразительно, что к числу экономических фактов автор относит «стремления к разоружению»! Это значит: от несомненных фактов, которые совсем не мирятся с теорией притупления противоречий, прятаться под сень невинных мещанских разговоров и мечтаний. «Ультраимпериализм» Каутского,—это слово, кстати сказать, совсем не выражает того, что автор хочет сказать,—означает громадное притупление противоречий капитализма. «Ослабление протекционизма в Англии и Америке»—говорят нам. Где же тут хотя бы малейшая тенденция к новой эре? Доведенный до крайности протекционизм Америки ослаблен, но протекционизм остался, как остались и привилегии, предпочтительные тарифы английских колоний в пользу Англии. Вспомним, на чем основана смена предыдущей, «мирной» эпохи капитализма современной, империалистической: на том, что свободная конкуренция уступила место монополистическим союзам капиталистов, и на том, что весь земной шар поделен. Ясно, что оба эти факта (и фактора) имеют действительно мировое значение: свободная торговля и мирная конкуренция были возможны и необходимы, пока капитал мог беспрепятственно увеличивать колонии и захватывать в Африке и т. п. незанятые земли, при чем концентрация капитала была еще слаба, монополистических предприятий, т.-е. столь громадных, что они господствуют во всей данной отрасли промышленности, еще

не было. Возникновение и рост таких монополистических предприятий (вероятно, этот процесс ни в Англии, ни в Америке не приостановился? едва ли даже Каутский решится отрицать, что война ускорила и обострила его) делает невозможной прежнюю свободную конкуренцию, вырывает почву из-под ног у нее, а раздел земного шара заставляет от мирного расширения перейти к вооруженной борьбе за передел колоний и сфер влияния. Смешно и думать, что ослабление протекционизма в двух странах может изменить тут что-либо.

Далее, уменьшение вывоза капитала в двух странах за несколько лет. Эти две страны, Франция и Германия, по статистике, напр., Хармса, в 1912 году имели капиталов за границей приблизительно на 35 миллиардов марок (около 17 миллиардов рублей) каждая, а Англия одна вдвое больше¹⁾. Рост вывоза капитала никогда не был и не мог быть при капитализме равномерным. О том, чтобы накопление капитала ослабело, или чтобы емкость внутреннего рынка серьезно изменилась, напр., крупным улучшением в положении масс, Каутский не может и заикнуться. При таких условиях из уменьшения вывоза капитала за несколько лет в двух странах выводить наступление новой эры никак не приходится.

«Усиливающееся международное переплетение клик финансового капитала». Это—единственная действительно всеобщая и несомненная тенденция не нескольких лет, не двух стран, а всего мира, всего капитализма. Но почему из нее должно вытекать стремление к разоружению, а не к вооружениям, как до сих пор? Возьмем любую из всемирных «пушечных» (и вообще производящих предметы военного снаряжения) фирм, напр., Армстронга. Недавно английский «Экономист» (от 1/V, 1915) сообщал, что прибыли этой фирмы с 606 фунтов ст. (ок. 6 миллионов руб.) в 1905—6 г. поднялись до 856 в 1913 г. и до 940 (9 миллионов руб.) в 1914 г. Переплетенность финансового капитала здесь очень велика и все возрастает: немецкие капиталисты «участвуют» в делах английской фирмы; английские фирмы строят подводные лодки для Австрии и т. д. Международно-переплетенный капитал делает великолепные дела на вооружениях и войнах. Из соединения и переплетения разных национальных капиталов в единое интернациональное целое

1) См. Bernhard Harms: „Probleme der Weltwirtschaft“, Jena, 1912—George Paish: „Great Britains Capital Investments in Colonies etc.“ в „Journal of the Royal Statist. Soc.“ vol. LXXV, 1910/11, p. 167. Ллойд-Джордж в речи в начале 1915 г. считал английские капиталы за границей в 4 мд. ф. ст. т. е. около 80 мд. марок.

выводить экономическую тенденцию к разоружению—значит подставить добренькие мешанские пожелания о притуплении классовых противоречий на место действительного обострения их.

V.

Каутский говорит об «уроках» войны в совершенно филистерском духе, представляя эти уроки в смысле какого-то морального ужаса перед бедствиями войны. Вот, напр., его рассуждение в брошюре «Нац. госуд.» и пр.

«Не подлежит сомнению и не требует доказательств, что есть слои, заинтересованные самым настоящим образом во всемирном мире и разоружении. Мелкие буржуа и мелкие крестьяне, даже многие капиталисты и интеллигенты не привязаны к империализму такими интересами, которые были бы сильнее вреда, испытываемого этими слоями от войны и вооружений».

Это написано в феврале 1915 года! Факты говорят о повальном присоединении к империалистам всех имущих классов вплоть до мелких буржуа и «интеллигенции», а Каутский, точно человек в футляре, с необыкновенно самодовольным видом отмахивается от фактов посредством слащавых слов. Он судит об интересах мелкой буржуазии не по ее поведению, а по словам некоторых мелких буржуа, хотя эти слова на каждом шагу опровергаются их делами. Это совершенно то же самое, как если бы об «интересах» буржуазии вообще мы судили не по ее делам, а по любвеобильным речам буржуазных попов, которые клянутся и божатся, что современный строй пропитан идеалами христианства. Каутский применяет марксизм таким образом, что всякое содержание из него выветривается, и остается лишь словечко «интерес» в каком-то сверхъестественном, спиритуалистическом значении, ибо имеется в виду не реальная экономика, а невинные пожелания об общем благе.

Марксизм судит об «интересах» на основании классовых противоречий и классовой борьбы, проявляющихся в миллионах фактов повседневной жизни. Мелкая буржуазия мечтает и болтает о притуплении противоречий, выставляя «доводы», что обострение их влечет «вредные последствия». Империализм есть подчинение всех слоев имущих классов финансовому капиталу и раздел мира между 5—6 «великими» державами, из которых большинство участвует теперь в войне. Раздел мира великими державами означает то, что все имущие слои их заинтересованы в обладании колониями, сферами влияния, в угнетении чужих наций, в более или менее доходных местечках и привилегиях, связанных с принадлежностью к «великой» державе и к угне-

такщей нации¹⁾. Нельзя жить по-старому в сравнительно спокойной культурной, мирной обстановке плавно-эволюционирующего и расширяющегося постепенно на новые страны капитализма, ибо наступила другая эпоха. Финансовый капитал вытесняет и вытеснит данную страну из ряда великих держав, отнимет ее колонии и ее сферы влияния (как грозит сделать Германия, пошедшая войной на Англию), отнимет от мелкой буржуазии ее «великодержавные» привилегии и побочные доходы. Это факт, доказываемый войной. К этому привело на деле то обострение противоречий, которое всеми давно признано и в том числе тем же Каутским в брошюре «Путь к власти».

И вот, когда вооруженная борьба за великодержавные привилегии стала фактом, Каутский начинает уговаривать капиталистов и мелкую буржуазию, что война вещь ужасная, а разоружение вещь хорошая, совершенно так же и с совершенно такими же результатами, как христианский поп с кафедры уговаривает капиталистов, что человеколюбие есть завет бога и влечение души и моральный закон цивилизации... То, что Каутский называет экономическими тенденциями к «ультра-империализму», на самом деле есть именно мелко-буржуазное уговаривание финансистов не делать зла.

Вывоз капитала? Но капитала вывозится больше в самостоятельные страны, напр., в С.-Штаты Америки, чем в колонии. Захват колоний? Но они уже все захвачены, и почти все стремятся к освобождению: «Индия может перестать быть английским владением, но она никогда не достанется, как цельная империя, другому чужому господству» (стр. 49 цит. брош.). «Всякое стремление какого-либо промышленного капиталистического государства приобрести себе колониальную империю, достаточную для того, чтобы быть независимым от заграницы в получении сырья, должно было бы объединить против него все другие капиталистические государства, запутать его в бесконечные, истощающие войны, не приводя его ближе к своей цели. Эта политика

¹⁾ Э. Шульце сообщает, что к 1915 году считали сумму ценных бумаг во всем мире в 7½ миллиарда франков, считая и государственные и коммунальные займы, и закладные, и акции торгово-промышленных обществ и т. д. Из этой суммы на Англию падало 130 мд. фр., на С.-Шт. Америки—115, на Францию—100 и на Германию—75, след., на все эти четыре великие державы 420 мд. фр., т.-е. больше половины всей суммы. Можно судить по этому, как велики выгоды и привилегии передовых, великодержавных наций, обогнавших другие народы, угнетающих и грабящих их. Dr. Emil Schultze: „Das französische Kapital in Russland“ в „Finanz-Archiv“, Brl. 1915. Jahrg. 32, S. 127). „Защита отечества“ великодержавных наций есть защита права на добычу от грабежа чужих наций. В России, как известно, слабее капиталистический, но зато сильнее военно-феодальный империализм.

была бы вернейшим путем к банкротству всей хозяйственной жизни государства» (стр. 72—73).

Разве это не филистерское уговаривание финансистов отказаться от империализма? Пугать капиталистов банкротством это все равно, что советовать биржевикам не играть на бирже, ибо «многие теряют так все свое состояние». От банкротства конкурирующего капиталиста и конкурирующей нации капитал выигрывает, концентрируясь еще сильнее; поэтому, чем обостреннее и «теснее» экономическая конкуренция, т.-е. экономическое подталкивание к банкротству, тем сильнее стремление капиталистов добавить к этому военное подталкивание соперника к банкротству. Чем меньше осталось стран, в которые можно вывозить капитал так выгодно, как в колонии и в зависимые государства, в роде Турции,—ибо в этих случаях финансист берет тройную прибыль по сравнению с вывозом капитала в свободную, самостоятельную и цивилизованную страну, как С.-Штаты Америки,—тем ожесточеннее борьба за подчинение и за раздел Турции, Китая и пр. Так говорит экономическая теория об эпохе финансового капитала и империализма. Так говорят факты. А Каутский превращает все в пошлую мещанскую «мораль»: не стоит-де особенно горячиться, а тем более воевать за раздел Турции или за захват Индии, ибо «все равно не надолго», да и лучше бы развивать капитализм по мирному... Разумеется, еще лучше было бы развивать капитализм и расширять рынок путем увеличения заработной платы: это вполне «мыслимо», и усовершенствовать финансистов в этом духе—самая подходящая тема для проповеди попа... Добрый Каутский почти совсем убедил и уговорил немецких финансистов, что не стоит воевать с Англией из-за колоний, ибо эти колонии все равно очень скоро освободятся!..

Вывоз и ввоз Англии из Египта рос с 1872 по 1912 г. слабее, чем общий вывоз и ввоз Англии. Мораль «марксиста» Каутского: «мы не имеем никаких оснований полагать, что без военного занятия Египта торговля с ним выросла бы меньше под влиянием простого веса экономических факторов» (72). «Стремления капитала к расширению» «лучше всего могут быть достигнуты не насильственными методами империализма, а мирной демократией» (70).

Какой замечательно серьезный, научный, «марксистский» анализ! Каутский великолепно «поправил» эту неразумную историю, «доказал», что англичанам вовсе не надо было отнимать у французов Египта, а немецким финансистам решительно не стоило начинать войны и организовывать турецкий поход, вместе с другими мероприятиями, для того чтобы выгнать англичан из Египта! Все это недоразумение, не более того,—не смекнули еще англичане, что «лучше

всего» отказаться от насилия над Египтом и перейти (в интересах расширения вывоза капитала по Каутскому!) к «мирной демократии»?..

«Разумеется, это была иллюзия буржуазных фритредеров, если они думали, что свобода торговли совсем устраняет порождаемые капитализмом экономические противоречия. Ни свободная торговля, ни демократия устранить их не могут. Но мы во всех отношениях заинтересованы в том, чтобы эти противоречия изживались борьбой в таких формах, которые налагают на трудящиеся массы меньше всего страданий и жертв» (73)...

Поддай, господи! господи, помилуй! Что такое филистер?—спрашивал Лассаль—и отвечал известным изречением поэта: «филистер есть пустая кишка, полная страха и надежды, что бог сжалятся».

Каутский довел марксизм до неслыханного проституирования и превратился в настоящего попа. Поп уговаривает капиталистов перейти к мирной демократии—и называет это диалектикой: если вначале была свободная торговля, а потом монополии и империализм, то отчего бы не быть «ультраимпериализму» и опять свободной торговле? Поп утешает угнетенные массы, разрисовывая блага этого «ультраимпериализма», хотя этот поп не берется даже сказать, «осуществим ли» таковой! Справедливо указывал Фейербах, защищавшим религию тем доводом, что она утешает человека, на реакционное значение утешений: кто утешает раба вместо того, чтобы поднимать его на восстание против рабства, тот помогает рабовладельцам.

Все и всякие угнетающие классы нуждаются для охраны своего господства в двух социальных функциях: в функции палача и в функции попа. Палач должен подавлять протест и возмущение угнетенных, поп должен рисовать им перспективы (это особенно удобно делать без ручательства за «осуществимость» таких перспектив...) смягчения бедствий и жертв при сохранении классового господства, а тем самым примирять их с этим господством, отваживать их от революционных действий, подрывать их революционное настроение, разрушать их революционную решительность. Каутский превратил марксизм в самую отвратительную и тупоумную контр-революционную теорию, в самую грязную поповщину.

В 1909 году, в брошюре «Путь к власти» он признает—никем не опровергнутое и неопровержимое—обострение противоречий капитализма, приближение эпохи войн и революций, нового «революционного периода». Не может быть—заявляет он—«преждевременной» революции и объявляет «прямой изменой нашему делу» отказ считаться с возмож-

ностью победы при восстании, хотя перед борьбой нельзя отрицать и возможного поражения.

Пришла война. Еще более обострились противоречия. Бедствия масс достигли гигантских размеров. Война затягивается, и поле ее все расширяется. Каутский пишет брошюру за брошюрой, покорно следует велениям цензора, не приводит данных о грабеже земель и ужасах войны, о скандальных прибылях военных поставщиков, о дороговизне, о «военном рабстве» мобилизованных рабочих, но зато утешает и утешает пролетариат—утешает примерами тех войн, когда буржуазия была революционна или прогрессивна, когда «сам Маркс» желал победы той или другой буржуазии, утешает рядами и столбцами цифр, доказывающих «возможность» капитализма без колоний и без грабежа, без войн и вооружений, доказывающих предпочтительность «мирной демократии». Не смея отрицать обострения бедствий масс и наступления на деле, перед нашими глазами, революционной ситуации (говорить об этом нельзя! цензура не разрешает...), Каутский лакействует перед буржуазией и перед оппортунистами, рисуя «перспективу» (за «осуществимость» ее он не ручается) таких форм борьбы в новой фазе, когда будет «меньше жертв и страданий»... Вполне правы Фр. Меринг и Роза Люксембург, называющие Каутского за это проституткой (Mädchen für alle).

* * *

В августе 1905 года в России была налицо революционная ситуация. Царь обещал Булыгинскую Думу, чтобы «утешить» волнующиеся массы. Булыгинский законосовещательный режим можно бы назвать «ультрасамодержавием», если можно называть «ультраимпериализмом» отказ финансистов от вооружений и соглашение между ними о «длительном мире». Допустим на минуту, что завтра сотня крупнейших финансистов мира, «переплетенных» в сотнях колоссальных предприятий, обещают народам стоять за разоружение после войны (мы делаем на минуту такое допущение, чтобы проследить политические выводы из глупенькой теории Каутского). Даже тогда было бы прямой изменой пролетариату отсоветовать ему революционные действия, без которых все посулы, все добрые перспективы один мираж.

Война принесла классу капиталистов не только гигантские прибыли и великолепные перспективы новых грабежей (Турция, Китай и пр.), новых миллиардных заказов, новых займов на условии повышения процентов. Мало того. Она принесла классу капиталистов еще большие политические выгоды, расколов и развратив пролетариат. Каутский помогает этому развращению, освящает этот интернациональ-

ный раскол борющихся пролетариев во имя единства с оппортунистами «своей» нации, Зюдекумами! И находятся люди, которые не понимают, что лозунг единства старых партий означает «единство» национального пролетариата со своей национальной буржуазией и раскол пролетариата разных наций...

VI.

Предыдущие строки были уже написаны, когда вышел в свет № «Neue Zeit» от 28 мая (№ 9) с заключительным рассуждением Каутского о «крахе социал-демократии» (§ 7, его возражения Кунову). Все старые и один новый софизм в защиту социал-шовинизма Каутский свел и подытожил сам следующим образом:

«Это просто неправда, будто война чисто империалистская, будто альтернатива при наступлении войны стояла так: империализм или социализм, будто социалистические партии и пролетарские массы Германии, Франции, во многих отношениях также Англии, без размышления, по одному только призыву горстки парламентариев бросились в объятия империализма, предали социализм и вызвали таким образом беспримернейший во всей истории крах».

Новый софизм и новый обман рабочих: война, извольте видеть, не «чисто» империалистская!

По вопросу о характере и значении современной войны Каутский колеблется поразительно, при чем все время точные и формальные заявления Базельского и Хемницкого съездов обходятся сим партийным вождем так же осторожно, как вор обходит место своей последней кражи. В брошюре о «Нац. государстве и т. д.», писанной в феврале 1915 г., Каутский утверждал, что война «все же в последнем счете империалистская» (стр. 64). Теперь вносится новая оговорка: не чисто империалистская—а какая же еще?

Оказывается, еще—национальная! Каутский договорился до этой вопиющей вещи посредством вот какой «плехановской» тоже-диалектики:

«Теперешняя война—детище не только империализма, но и русской революции». Он, Каутский, еще в 1904 году предвидел, что русская революция возродит панславизм в новой форме, что «демократическая Россия неизбежно должна сильно разжечь стремление австрийских и турецких славян к достижению национальной независимости... Тогда и польский вопрос станет острым... Австрия тогда развалится, ибо с крахом царизма распадется тот железный обруч, который связывает ныне стремящиеся прочь друг от друга элементы» (последняя цитата приводится теперь самим Ка-

утским из его статьи 1904 года)... «Русская революция... дала новый могучий толчок национальным стремлениям Востока, прибавила к европейским проблемам азиатские. Все эти проблемы во время теперешней войны бурно заявляют о себе и приобретают сугубо решающее значение для настроения народных масс, в том числе и пролетарских, тогда как в господствующих классах преобладают империалистские тенденции» (стр. 273; курсив наш).

Вот вам еще образчик проституирования марксизма! Так как «демократическая Россия» разожгла бы стремление наций на востоке Европы к свободе (это неоспоримо), поэтому теперешняя война, которая ни одной нации не освобождает, а при всяком исходе многие нации порабощает, не есть «чисто» империалистская война. Так как «крах царизма» означал бы распад Австрии в силу недемократичности ее национального строения, поэтому временно окрепший контр-революционный царизм, грабя Австрию и неся еще большее угнетение нациям, Австрии, придавал «теперешней войне» не чисто империалистский, а в известной мере национальный характер. Так как «господствующие классы» надувают тупых мешан и забитых крестьян сказками о национальных целях империалистской войны, поэтому человек науки, авторитет «марксизма», представитель II Интернационала в праве примирять массы с этим надувательством посредством «формулы»: у господствующих классов империалистские тенденции, а у «народа» и у пролетарских масс «национальные» стремления.

Диалектика превращается в самую подлую, самую низменную софистику!

Национальный элемент в теперешней войне представлен только войной Сербии против Австрии (что отмечено, между прочим, резолюцией Бернского совещания нашей партии). Только в Сербии среди сербов мы имеем многолюднее и миллионы «национальных масс» охватывающее национально-освободительное движение, «продолжением» которого является война Сербии против Австрии. Будь эта война изолирована, т.-е. не связана с обще-европейской войной, с корыстными и грабительскими целями Англии, России и пр., тогда все социалисты обязаны были бы желать успеха сербской буржуазии—это единственно правильный и абсолютно необходимый вывод из национального момента в теперешней войне. Но софист Каутский, находящийся ныне в услужении у австрийских буржуа, клериков и генералов, этого вывода как раз не делает!

Далее. Диалектика Маркса, будучи последним словом научно-эволюционного метода, запрещает именно изолированное, то-есть одностороннее и уродливо-искаженное, рассмо-

трение предмета. Национальный момент сербско-австрийской войны никакого серьезного значения в обще-европейской войне не имеет и не может иметь. Если победит Германия, она задушит Бельгию, еще часть Польши, может быть часть Франции и пр. Если победит Россия, она задушит Галицию, еще часть Польши, Армению и т. д. Если будет «ничья», останется старое национальное угнетение. Для Сербии, то-есть какой-нибудь сотой доли участников теперешней войны, война является «продолжением политики» буржуазно-освободительного движения. Для ⁹⁹/₁₀₀ война есть продолжение политики империалистской, т.-е. одряхлевшей буржуазии, способной на растление, но не на освобождение наций. Тройственное согласие, «освобождая» Сербию, продает интересы сербской свободы итальянскому империализму за помощь в грабеже Австрии.

Все это общеизвестно, и все это бессовестно извращено Каутским ради оправдания оппортунистов. «Чистых» явлений ни в природе, ни в обществе нет и быть не может—об этом учит именно диалектика Маркса, показывающая нам, что самое понятие чистоты есть некоторая узость, односторонность человеческого познания, не охватывающего предмет до конца во всей его сложности. На свете нет и быть не может «чистого» капитализма, а всегда есть примеси то феодализма, то мещанства, то еще чего-нибудь. Поэтому вспоминать о том, что война не «чисто» империалистическая, когда речь идет о вопиющем обмане «народных масс» империалистами, заведомо прикрывающими цели голого грабежа «национальной» фразеологией—значит, быть бесконечно тупым педантом или крючкотвором и обманщиком. Вся суть дела именно в том, что Каутский поддерживает обман народа империалистами, когда говорит, что «для народных масс, и пролетарских в том числе, решающее значение имели» национальные проблемы, а для господствующих классов «империалистские тенденции» (стр. 273), и когда «подкрепляет» это якобы диалектической ссылкой на «бесконечно-разнообразную действительность» (стр. 274). Несомненно, действительность бесконечно разнообразна, это—святая истина! Но так же несомненно, что в этом бесконечном разнообразии две главные и коренные струи: объективное содержание войны есть «продолжение политики» империализма, то-есть, грабежа одряхлевшею буржуазией «великих держав» (и их правительствами) чужих наций, субъективная же преобладающая идеология есть «национальные» фразы, распространяемые для одурачения масс.

Старый софизм Каутского, повторяемый им снова, будто «левые» изображали дело так, что альтернатива стояла «при наступлении войны»: империализм или социализм, мы уже разбирали. Это бесстыдная передержка, ибо Каутский пре-

красно знает, что левые ставили и ную альтернативу: присоединение партии к империалистскому грабежу и обману или проповедь и подготовка революционных действий. Каутский знает также, что только цензура защищает его от разоблачения «левыми» в Германии вздорной сказки, распространяемой им из лакейства перед Зюдекумами.

Что же касается до отношения между «пролетарскими массами» и «горсткой парламентариев», то здесь Каутский выдвигает одно из самых избитых возражений:

«Оставим в стороне немцев, чтобы не защищать самих себя; но кто захотел бы серьезно утверждать, что такие люди, как Вальян и Гэд, Гайндман и Плеханов, в один день сделались империалистами и предали социализм? Оставим в стороне парламентариев и «инстанции»... (Каутский намекает явно на журнал Розы Люксембург и Фр. Меринга «Интернационал», где осыпают заслуженным презрением политику инстанций, т.-е. официальных верхов германской с.-д. партии, ее Ц. К.—«форштанда» ее парламентской фракции и т. д.)—...«но кто решится утверждать, что для 4-х миллионов сознательных немецких пролетариев достаточно одного приказа горстки парламентариев, чтобы в 24 часа повернуть направо кругом, прямо против своих прежних целей? Если бы это было верно, тогда это свидетельствовал бы, конечно, об ужасном крахе, но не только нашей партии, а и массы (Курсив К.). Если бы масса была таким бесхарактерным стадом овец, тогда мы могли бы дать себя похоронить» (стр. 274).

Политически и научно авторитетнейший Карл Каутский уже похоронил себя своим поведением и подбором жалких уверток. Кто не понимает или, по крайней мере, не чувствует этого, тот безнадежен в отношении социализма, и именно поэтому единственно правильный тон взяли в «Интернационале» Меринг, Роза Люксембург и их сторонники, третируя Каутского и К^о, как самых презренных субъектов.

Подумайте только: об отношении к войне могли высказаться сколько-нибудь свободно (т.-е. не будучи прямо схвачены и отведены в казарму, не стоя пред непосредственной угрозой расстрела) и исключительно «горстка парламентариев» (они голосовали свободно, по праву, они вполне могли голосовать против—за это даже в России не били, не громили, даже не арестовывали), горстка чиновников, журналистов и т. д. Теперь Каутский благородно сваливает на массы измену и бесхарактерность этого общественного слоя, о связи которого с тактикой и идеологией оппортунизма тот же самый Каутский писал десятки раз в течение ряда лет! Самое первое и основное правило научного исследования вообще, марксовой диалектики в осо-

бенности, требует от писателя рассмотрения связи теперешней борьбы направлений в социализме—того направления, которое говорит и кричит об измене, бьет в набат по поводу нее, и того, которое измены не видит,—с той борьбой, которая шла перед этим целые десятилетия. Каутский и не заикается об этом, не хочет даже поставить вопроса о направлениях и течениях. До сих пор были течения, теперь их более нет! Теперь есть только громкие имена «авторитетов», которыми всегда и козыряют лакейские души. Особенно удобно при этом ссылаться друг на друга и приятельски покрывать свои «грешки» по правилу: рука руку моет. «Ну, какой же это оппортунизм,—воскликнул Л. Мартов на реферате в Берне (см. № 36 «С.-Д.»), когда... Гэд, Плеханов, Каутский!»... «Надо быть осторожнее с обвинением в оппортунизме таких людей, как Гэд»,—писал Аксельрод («Голос» № 86 и 87). «Не буду защищать себя, вторит в Берлине Каутский, но... Вальян и Гэд, Гайндман и Плеханов!» Кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку.

В пылу лакейского усердия Каутский дописался до того, что даже у Гайндмана поцеловал ручку, изобразив его только день тому назад ставшим на сторону империализма. А в том же «Neue Zeit» и в десятках с.-д. газет всего мира об империализме Гайндмана писали уже много лет! Если бы Каутский интересовался добросовестно политической биографией названных им лиц, он должен бы припомнить, не было ли в этой биографии таких черточек и событий, которые не «в один день», а в десяток лет подготовляли переход к империализму, не бывал ли Вальян в плену у жоресистов, а Плеханов у меньшевиков и ликвидаторов? не умирало ли у всех на глазах направление Гэда в образцово-безжизненным, бездарном, неспособном занять самостоятельную позицию ни по одному важному вопросу гэдистском журнале «Социализм»? не проявлял ли Каутский (добавим для тех, кто и его ставит—вполне справедливо—рядом с Гайндманом и Плехановым) бесхарактерности в вопросе о милитаризме, в начале борьбы с бернштениадой и т. д.?

Но ни малейшей даже тени интереса к научному исследованию биографии данных вождей мы не видим. Нет и попытки рассмотреть, с о и м и ли доводами защищают теперь себя эти вожди или повторением доводов оппортунистов и буржуа? Приобрели ли серьезное политическое значение поступки этих вождей вследствие их особой влиятельности или вследствие того, что они присоединились к чужому, действительно, «влиятельному» и поддержанному военной организацией течению, именно буржуазному? У Каутского нет даже приступа к исследованию вопроса; он заботится только о том, чтобы пускать пыль в глаза массам, оглушить их зво-

ном авторитетных имен, помешать им ясно поставить спорный вопрос и всесторонне разобрать его ¹⁾.

...«4-миллионная масса по приказу горстки парламентариев повернула направо кругом»...

Тут что ни слово, то неправда. В партийной организации у немцев было не 4, а 1 миллион, при чем единую волю этой организации масс (как и всякой организации) выражал только ее единый политический центр, «горстка», которая предала социализм. Эту горстку спрашивали, призывали голосовать, она могла голосовать, могла писать статьи и т. д. Массы же не были опрошены. Им не только не позволяли голосовать, их раз'единяли и гнали «по приказу» вовсе не горстки парламентариев, а по приказу военных властей. Военная организация была налицо, в ней измены вождей не было, она призывала «массу» по одному члену, ставя ультиматум:—иди в войско (по совету твоих вождей) или расстрел. Масса не могла поступить организованно, ибо организация ее, созданная заранее, организация, воплощенная в «горстке» Легинов, Каутских, Шейдеманов, предала массу, а для создания новой организации нужно время, нужна решимость выбросить вон старую, гнившую, отжившую организацию.

Каутский старается побить своих противников, левых, приписывая им бессмыслицу: будто бы они ставят вопрос так, что «в ответ» на войну «массы» должны были «в 24 часа» сделать революцию, ввести «социализм» против империализма, иначе «массы» проявили бы «бесхарактерность и измену». Ведь это же просто вздор, которым до сих пор «побивали» революционеров составители безграмотных буржуазных и полицейских книжонок и которым теперь щеголяет Каутский. Левые противники Каутского отлично знают, что революцию нельзя «сделать», что революции вырастают из объективно (независимо от воли партий и классов) назревших кризисов и переломов истории, что массы без организации лишены единой воли, что борьба с сильной, террористической, военной организацией централизованных государств—трудное и длительное дело. Массы

¹⁾ Ссылка Каутского на Вальяна и Гэда, Гайдмана и Плеханова характерна еще в одном отношении. Откровенные империалисты, в роде Ленча и Гэниша (не говоря уже об оппортунистах), ссылаются именно на Гайдмана и Плеханова в оправдание своей политики. И они в праве ссылаться на них, они говорят правду в том отношении, что это действительно одна и та же политика. Каутский же с пренебрежением говорит о Ленче и Гэнише, этих радикалах, повернувших к империализму. Каутский благодарит бога, что он не похож на этих мытарей, что он несогласен с ними, что он остался революционером—не шутите! А на деле позиция Каутского такая же. Лицемерный шовинист Каутский, с слащавыми фразами, гораздо омерзительнее простоватых шовинистов Давида и Гейне; Ленча и Гэниша.

Ис могли при измене их вождей в критическую минуту сделать ничего; а «горстки» этих вождей вполне могли и должны были голосовать против кредитов, выступать против «гражданского мира» и оправдания войны, высказываться за поражение своих правительств, налаживать международный аппарат для пропаганды братанья в траншеях, организовывать нелегальную литературу ¹⁾, проповедывающую необходимость перехода к революционным действиям, и т. д.

Каутский превосходно знает, что «левые» в Германии имеют в виду именно такие или, вернее, подобные действия, и что прямо и открыто говорить о них они при военной цензуре не в состоянии. Желание во что бы то ни стало защитить оппортунистов доводит Каутского до беспримерной подлости, когда, прячась за спину военных цензоров, он приписывает левым явный вздор в уверенности, что цензора защитят его от разоблачения.

VII.

Серьезный научный и политический вопрос, который Каутский сознательно, путем всяческих уловок, обходил, доставляя этим громадное удовольствие оппортунистам, состоит в том, как могли виднейшие представители II Интернационала изменить социализму?

Вопрос этот мы должны ставить, разумеется, не в смысле личной биографии таких-то авторитетов. Будущие их биографы должны будут разобрать дело с этой стороны, но социалистическое движение заинтересовано сейчас вовсе не в этом, а в изучении исторического происхождения, условий, значения и силы социал-шовинистского течения. 1) Откуда взялся социал-шовинизм? 2) Что дало ему силу? 3) Как с ним бороться? Только такая постановка вопроса серьезна, а перенесение дела на «личности» означает на практике простую увертку, уловку софиста.

Для ответа на первый вопрос надо рассмотреть, во-1-х, не стоит ли идейно-политическое содержание социал-шовинизма в связи с каким-либо прежним течением в социализме? Во-2-х, в каком отношении находится, с точки

¹⁾ Между прочим, для этого вовсе не обязательно было закрыть все с.-д. газеты в ответ на запрещение писать о классовой ненависти и классовой борьбе. Согласиться на условие не писать об этом, как сделал «Vorwärts», было подлостью и трусостью. «Vorwärts» политически умер, сделав это. Л. Мартов был прав, когда заявил это. Но можно бы сохранить легальные газеты, заявив, что они непартийные и не с.-д., а просто обслуживающие технические нужды части рабочих, т.-е. не политические газеты. Нелегальная с.-д. литература с оценкой войны и легальная рабочая без такой оценки, не говорящая неправды, но молчащая о правде,—почему бы это было невозможно?

зрения фактических политических делений, теперешнее деление социалистов на противников и защитников социал-шовинизма к прежним, исторически предшествующим, делениям?

Под социал-шовинизмом мы разумеем признание идеи защиты отечества в теперешней империалистической войне, оправдание союза социалистов с буржуазией и правительствами «своих» стран в этой войне, отказ от проповеди и поддержки пролетарски-революционных действий против «своей» буржуазии и т. д. Совершенно очевидно, что основное идейно-политическое содержание социал-шовинизма вполне совпадает с основами оппортунизма. Это—одно и то же течение. Оппортунизм в обстановке войны 1914—15 г.г. и дает социал-шовинизм. Главное в оппортунизме есть идея сотрудничества классов. Война доводит до конца эту идею, присоединяя к обычным факторам и стимулам ее целый ряд экстраординарных, принуждая обывательскую и раздробленную массу к сотрудничеству с буржуазией особыми угрозами и насилием; это обстоятельство, естественно, увеличивает круг сторонников оппортунизма, вполне объясняя переход многих вчерашних радикалов в этот лагерь.

Оппортунизм есть принесение в жертву временным интересам ничтожного количества рабочих коренных интересов массы, или, иначе, союз части рабочих с буржуазией против массы пролетариата. Война делает такой союз особенно наглядным и принудительным. Оппортунизм продолжался в течение десятилетий особенностями такой эпохи развития капитализма, когда сравнительно мирное и культурное существование слоя привилегированных рабочих «обуржуазивало» их, давало им крохи от прибылей своего, национального капитала, отрывало их от бедствий, страданий и революционных настроений разоряемой и нищей массы. Империалистская война есть прямое продолжение и завершение такого положения вещей, ибо это есть война за прибыль и великодержавных наций, за передел колоний между ними, за господство их над другими нациями. Отстоять и упрочить свое привилегированное положение «высшего слоя» мещан или аристократии (и бюрократии) рабочего класса—вот естественное продолжение мелко-буржуазно-оппортунистических надежд и соответственной тактики во время войны, вот экономическая основа социал-империализма наших дней ¹⁾. И, разумеется, сила привычки, рутина

¹⁾ Несколько примеров того, как империалисты и буржуа высоко ценят значение «великодержавных» и национальных привилегий для раскалывания рабочих и отвлечения их от социализма. Английский империалист Люкас в сочинении «Великий Рим и Великая Британия» (Оксфорд, 1912) признает неполноправие краснокожих в современной Британской Империи (стр. 96—97) и замечает: «В нашей Империи, когда белые

сравнительно «мирной» эволюции, национальные предрассудки, боязнь резких переломов и неверие в них—все это играло роль добавочных обстоятельств, усиливающих и оппортунизм, и лицемерное и трусливое примирение с ним, якобы, только на время, якобы только по особым причинам и поводам. Война видоизменила десятилетиями выращенный оппортунизм, подняла его на высшую ступень, увеличила число и разнообразие его оттенков, умножила ряды его сторонников, обогатила их доводы кучей новых софизмов, ручейков и струй, но основной поток не исчез. Напротив, так сказать, с основным потоком оппортунизма война слила много новых.

Социал-шовинизм есть оппортунизм, созревший до такой степени, что существование этого буржуазного нарыва по прежнему внутри социалистических партий стало невозможным.

Люди, не хотящие видеть самой тесной и неразрывной связи социал-шовинизма с оппортунизмом, ловят отдельные случаи и «казусы» такой-то, де, оппортунист стал интернационалистом, а такой-то радикал шовинистом. Но это—прямо-таки не серьезный довод в вопросе о развитии течений. Во-1-х, экономическая основа шовинизма и оппортунизма в рабочем движении одна и та же: союз немногочисленных верхних слоев пролетариата и мещанства, пользующихся крохами от привилегий «своего» национального капитала, против массы пролетариев, массы грядущих и угнетенных вообще. Во-2-х, идейно-политическое содержание обоих течений одно и то же. В-3-х, в общем и целом, старое, свойственное эпохе II Интернационала

рабочие работают рядом с краснокожими; они работают не как товарищи, а белый рабочий является скорее надсмотрщиком краснокожего» (98). Эрвин Бельгер, бывший секретарь имперского союза против с.-д., в брошюре: „С.-д. после войны“ (1915) хвалит поведение с.-д., заявляя, что они должны стать „чисто рабочей партией“ (43), „национальной“ „немецкой рабочей партией“ (45), без „интернациональных, утопических“, „революционных идей“ (44).—Немецкий империалист Сартorius фон Валтерсхаузен в сочинении о помещении капитала за границей (1907) порицает немецких с.-д. за игнорирование национального блага“ (438)—состоящего в захвате колоний—и хвалит английских рабочих за их реализм“, напр., за их борьбу против иммиграции. — Немецкий дипломат Рюдорфер в книге об основах мировой политики подчеркивает общеизвестный факт; что интернационализация капитала несколько не устраняет обостренной борьбы национальных капиталов за власть, влияние за „большинство акций“ (161), и отмечает, что эта обостренная борьба втягивает рабочих (175). Книга помечена октябрём 1913 г.; и автор с полнейшей ясностью говорит об „интересах капитала“ (157), как причине современных войн, о том, что вопрос о „национальной тенденции“ становится „гвоздем“ социализма (176), что правительствам нечего бояться интернационалистических манифестаций с.-д. (177), которые на деле становятся все национальнее (103, 110, 176). Международный социализм победит, если вырвет рабочих из-под влияния национальности, ибо одним насилеиём ничего не сделаешь, но он потерпит поражение, если национальное чувство возьмет верх (173—4).

(1889—1914) деление социалистов на течение оппортунистическое и революционное соответствует новому делению на шовинистов и интернационалистов.

Чтобы убедиться в верности этого последнего положения, надо помнить правило, что в общественной науке (как и в науке вообще) дело идет о массовых явлениях, а не об единичных случаях. Возьмите 10 европейских стран; Германию, Англию, Россию, Италию, Голландию, Швецию, Болгарию, Швейцарию, Францию, Бельгию. В 8 первых странах новое деление социалистов (по интернационализму) соответствует старому (по оппортунизму): в Германии крепость оппортунизма, журнал «Соц. Ежемесячник» (Soz. Monatshefte), стал крепостью шовинизма. Идеи интернационализма поддержаны крайними левыми. В Англии и Брит. Соц. Партии ок. $\frac{3}{7}$ интернационалистов (66 голосов за интернац. резолюцию против 84, по последним подсчетам), а в блоке оппортунистов (Рабочая Партия+Фабрианцы+Независимая Рабоч. Партия) менее $\frac{1}{7}$ интернационалистов¹⁾. В России основное ядро оппортунистов, ликвидаторская «Наша Заря», стала основным ядром шовинистов. Плеханов с Алексинским более шумят, но мы знаем, хотя бы по опыту пятилетия 1910—1914, что они неспособны вести систематическую пропаганду в массах в России. Основное ядро интернационалистов в России — «правдизм» и Росс. С.-Д. Рабочая Фракция, как представитель передовых рабочих, воссоздавших партию в январе 1912 года.

В Италии партия Биссолати и К^о, чисто оппортунистическая, стала шовинистской. Интернационализм представлен рабочей партией. Массы рабочих за эту партию; оппортунисты, парламентарии, мелкие буржуа за шовинизм. В Италии можно было в течение ряда месяцев свободно делать выбор, и выбор сделан был не случайно, а сообразно с различием классового положения массовика-пролетария и мелко-буржуазных слоев.

В Голландии оппортунистическая партия Трульстры мирится с шовинизмом вообще (не надо давать себя обманывать тем, что в Голландии мелкие буржуа, как и крупные, особенно ненавидят Германию, способную скорее всего «проглотить» их). Последовательных, искренних, горячих, убежденных интернационалистов дала марксистская партия с Гортером и Паннекуком во главе. В Швеции оппортунистический вождь Брантинг возмущается обвинением немецких социалистов в измене, а вождь левых Хёглюнд заявляет, что

¹⁾ Обычно сравнивают одну Незав. Р. П. с Брит. С. П. Это неправильно. Надо брать не организационные формы, а суть дела. Возьмите ежедневные газеты: их было две—одна (Daily Herald) у Брит. С. П., другая (Daily Citizen) у блока оппортунистов. Ежедн. газеты выражают фактическую работу пропаганды, агитации, организации.

среди его сторонников есть люди, которые именно так смотрят (см. «С.-Д.» № 36). В Болгарии противники оппортунизма, «тесняки», печатно обвиняют германских с.-д., в своем органе «Новое Время», в «сотворении пакости». В Швейцарии сторонники оппортуниста Грейлиха склонны оправдывать немецких с.-д. (см. их орган, цюрихское «Народное Право»), а сторонники гораздо более радикального Р. Гримма создали из бернской газеты («Bernser Tagwacht») орган немецких левых. Исключением являются только две страны из 10, Франция и Бельгия, при чем и здесь мы наблюдаем собственно не отсутствие интернационалистов, а чрезмерную (отчасти по причинам вполне понятным) слабость и придавленность их; не забудем, что сам Вальян признавался в L'Humanité в получении им от своих читателей писем интернационалистического направления, из коих он ни одного не напечатал полностью!

В общем и целом, если брать течения и направления, нельзя не признать, что именно оппортунистическое крыло европейского социализма предало социализм и ушло к шовинизму. Откуда взялась его сила, его кажущееся всемогущество в официальных партиях? Каутский, который очень хорошо умеет ставить исторические вопросы, особенно, когда речь идет о древнем Риме и тому подобных, не слишком близких к живой жизни материях,—теперь, когда дело коснулось его самого, лицемерно прикидывается, будто не понимает этого. Но дело яснее ясного. Гигантскую силу оппортунистам и шовинистам дал их союз с буржуазией, правительствами и генеральными штабами. У нас, в России, очень забывают об этом и смотрят на дело так, что оппортунисты—часть социалистических партий, что всегда были и будут два крайние крыла в этих партиях, что все дело в избежании «крайностей» и т. д., и т. п., как пишут во всех филистерских прописях.

В действительности, формальная принадлежность оппортунистов к рабочим партиям несколько не устраняет того, что они являются—объективно—политическим отрядом буржуазии, проводниками ее влияния, агентами ее в рабочем движении. Когда геростратовски знаменитый оппортунист Зюдекум наглядно продемонстрировал эту социальную, классовую истину, многие добрые люди ахнули. Французские социалисты и Плеханов стали показывать пальцами на Зюдекума,—хотя стоило бы Вандервельде, Самба и Плеханову взглянуть в зеркало, чтобы увидеть именно Зюдекума, с чуточку иным национальным обликом. Немецкие цекисты («форштаннд»), которые хвалят Каутского, и которых хвалит Каутский, поспешили осторожно, скромно и вежливо заявить (не называя Зюдекума), что они не согласны с линией Зюдекума.

Это смешно, ибо на деле в практической политике германской с.-д. партии один Зюдекум оказался в решающий момент: сильнее сотни Гаазе и Каутских (как одна «Наша Заря» сильнее всех течений брюссельского блока, боящихся раскола с нею).

Почему? Да именно потому, что за спиной Зюдекума стоит буржуазия, правительство и генеральный штаб великой державы. Политику Зюдекума они поддерживают тысячами способов, а политику его противников пресекают всеми средствами вплоть до тюрьмы и расстрела. Голос Зюдекума разносится буржуазной печатью в миллионах экземпляров газет (как и голос Вандервельде, Самба, Плеханова), а голоса его противников нельзя услышать в легальной печати, ибо на свете есть военная цензура!

Все соглашаются, что оппортунизм—не случайность, не грех, не оплошность, не измена отдельных лиц, а социальный продукт целой исторической эпохи. Но не все вдумываются в значение этой истины. Оппортунизм выращен легализмом. Рабочие партии эпохи 1839—1914 годов должны были использовать буржуазную легальность. Когда наступил кризис, надо было перейти к нелегальной работе (а такой переход невозможно сделать иначе, как с величайшей энергией и решительностью, соединенными с целым рядом военных хитростей). Чтобы помешать этому переходу, достаточно одного Зюдекума, ибо за него весь «старый мир», говоря историко-философски, ибо он, Зюдекум, всегда выдавал и всегда выдаст буржуазии все военные планы ее классового врага, говоря практически-политически.

Это—факт, что вся немецкая с.-д. партия (и то же относится к французам и т. д.) делает только то, что приятно Зюдекуму, или что может быть терпимо Зюдекумом. Ничего иного нельзя делать легально. Все, что делается честного, действительно социалистического, в германской с.-д. партии, делается против ее центров, в обход ее Ц. К. и ее Ц. О., делается с нарушением организационной дисциплины, делается фракционно от имени анонимных новых центров новой партии, как анонимно, напр., воззвание немецк. «левых», напечатанное в «*Berner Tagwacht*» от 31 мая с. г. Фактически растет, крепнет, организуется новая партия, действительно рабочая, действительно революционно-социал-демократическая, а не старая, гнилая, национал-либеральная партия Легиана—Зюдекума—Каутско-го—Гаазе—Шейдемана и К⁰¹).

¹⁾ Крайне характерно то, что произошло перед историческим голосованием 4-го августа. Официальная партия набросила на это покрывало казенного лицемерия: большинство решило, и все голосовали, как один человек за. Но Штребель в журнале „*Die Internationale*“ разоблачил ли-

Поэтому такую глубокую историческую правду выболтал нечаянно оппортунист Monitor в консервативном «Прусском Ежегоднике», когда заявил, что оппортунистам (читай: буржуазии) вредно было бы, если бы теперешняя с.-д. поправила, — ибо тогда рабочие ушли бы от нее. Оппортунистам (и буржуазии) нужна именно теперешняя партия, соединяющая правое и левое крыло, официально представляемая Каутским, который все на свете сумеет примирить гладкими и «совсем-марксистскими» фразами. На словах социализм и революционность — для народа, для массы, для рабочих; на деле — зюдекумовщина, т.-е. присоединение к буржуазии в момент всякого серьезного кризиса. Мы говорим: всякого кризиса, ибо не только по случаю войны, но и по случаю всякой серьезной политической стачки и «феодальная» Германия и «свободно-парламентская» Англия или Франция немедленно зведут, под тем или иным названием, военные положения. В этом не может сомневаться ни один человек, находящийся в здравом уме и твердой памяти.

Отсюда вытекает ответ на поставленный выше вопрос: как бороться с социал-шовинизмом? Социал-шовинизм есть оппортунизм, настолько созревший, настолько окрепший и обнаглевший за длинную эпоху сравнительно «мирного» капитализма, настолько определившийся идейно-политически, настолько тесно сблизившийся с буржуазией и правительствами, что нельзя мириться с нахождением такого течения внутри с.-д. рабочих партий. Если можно еще мириться с тонкими и слабыми подошвами, когда ходить приходится по культурным тротуарам маленького провинциального города, то нельзя обойтись без толстых и подбитых гвоздями подошв, идя в горы. Социализм в Европе вышел из стадии сравнительно мирной и ограниченной тесными национальными пределами. Он вошел с войной 1914—15 г.г. в стадию революционных действий, и полный разрыв с оппортунизмом, изгнание его из рабочих партий надели безусловно.

Разумеется, из этого определения задач, которые ставит перед социализмом новая эпоха его мирового развития, не вытекает еще непосредственно, с какой именно быстротой и в каких именно формах пойдет в отдельных

цемерие и рассказал правду. В с.-д. фракции было две группы, пришедшие с готовым ультиматумом, т.-е. с фракционным, т.-е. с раскольническим решением. Одна группа, оппортунистов, ок. 30 человек, решила — во всяком случае голосовать за; другая, левая, ок. 15 человек, решила — менее твердо — голосовать против. Когда не имеющий никакой твердой позиции „центр“ или „болото“ голоснул с оппортунистами, левые оказались разбитыми на голову и... подчинились! „Единство“ германской с.-д. есть сплошное лицемерие, прикрывающее фактически неизбежное подчинение ультиматумам оппортунистов.

странах процесс отделения рабочих революционных с.-д. партий от мелкобуржуазно-оппортунистических. Но отсюда вытекает необходимость ясно сознать, что такое отделение неизбежно, и именно под этим углом зрения направлять всю политику рабочих партий. Война 1914—15 гг. есть такой великий перелом истории, что отношение к оппортунизму не может остаться старым. Нельзя сделать небывшим того, что было, нельзя вычеркнуть ни из сознания рабочих, ни из опыта буржуазии, ни из политических приобретений нашей эпохи вообще того факта, что оппортунисты в момент кризиса оказались ядром тех элементов внутри рабочих партий, которые перешли на сторону буржуазии. Оппортунизм—если говорить в обще-европейском масштабе—был, так сказать, в юношеском состоянии до войны. С войны он окончательно возмужал, и его нельзя сделать опять «невинным» и юным. Созрел целый общественный строй парламентариев, журналистов, чиновников рабочего движения, привилегированных служащих и некоторых прослоек пролетариата, который сросся со своей национальной буржуазией и который вполне сумела оценить и «приспособить» эта буржуазия. Ни повернуть назад, ни остановить колеса истории нельзя—можно и должно безбоязненно идти вперед от приготовительных, легальных, плененных оппортунизмом организаций рабочего класса к революционным, умеющим не ограничиваться легальностью, способным обезопасить себя от оппортунистской измены, организациям пролетариата, вступающего в «борьбу за власть», в борьбу за свержение буржуазии.

Отсюда видно, между прочим, как неправильно смотрят на дело те, кто ослепляет свое сознание и сознание рабочих вопросом, как быть с такими-то виднейшими авторитетами II Интернационала, с Гэдом, Плехановым, Каутским и т. д. В действительности тут нет никакого вопроса: если эти лица не поймут новых задач, им придется остаться в стороне, или пребывать в плену у оппортунистов, в каком они находятся в данное время. Если эти лица освободятся из «плена», едва ли встретятся политические препятствия к их возвращению в лагерь революционеров. Во всяком случае нелепо заменять вопрос о борьбе течений и смене эпох рабочего движения вопросом о роли отдельных лиц.

.VIII.

Легальные массовые организации рабочего класса являются едва ли не важнейшим отличительным признаком социалистических партий эпохи II Интернационала. В германской партии они были всего сильнее, и здесь война 1914—15 гг. создала перелом всего более острый, поставила вопрос всего более ребром. Ясно, что переход к революционным

действиям означал роспуск легальных организаций, и старая партия, от Легина до Каутского включительно, принесла в жертву революционные цели пролетариата сохранению теперешних легальных организаций. Сколько бы ни отрицали этого, факт налицо. За чечевичную похлебку теперешним полицейским законом разрешенных организаций продали право пролетариата на революцию.

Возьмите брошюру Карла Легина, вождя с.-д. профессиональных союзов Германии: «Почему чиновники проф. союзов должны принимать больше участия во внутренней жизни партии?» (Берл. 1915). Это—доклад, прочитанный автором 27 января 1915 г. перед собранием чиновников профессионального движения. Легин прочитал в своем докладе и перепечатал в брошюре один интереснейший документ, который иначе никогда не пропустила бы военная цензура. Этот документ—т. наз. «материал для референтов округа Нидербарним» (предместья Берлина)—есть изложение взглядов левых немецких с.-д., их протест против партии. Революционные с.-д.—говорится в этом документе—не предвидели и не могли предвидеть одного фактора, именно:

«Что вся организационная сила германской с.-д. партии и проф. союзов встала на сторону ведущего войну правительства, вся эта сила была употреблена в целях подавления революционной энергии масс» (стр. 34 брошюры Легина).

Это—безусловная правда. Правда и следующее утверждение того же документа:

«Голосование с.-д. фракции 4-го августа означало, что другой взгляд, даже если бы он глубоко коренился в массах, мог бы проложить себе дорогу только не под руководством испытанной партии, а лишь против воли партийных инстанций, лишь под условием преодоления сопротивления партии и проф. союзов» (там же). Это безусловная истина.

«Если бы с.-д. фракция 4-го августа выполнила свой долг, тогда, вероятно, внешняя форма организации была бы уничтожена, но дух остался бы, тот дух, который одушевлял партию во время исключительного закона и помог ей преодолеть все трудности» (там же).

В брошюре Легина отмечается, что та компания «вождей», которую он собрал слушать свой доклад и которая называется руководителями, чиновниками проф. союзов, хотя и слухала это. Им смешна была мысль о том, что можно и должно создать нелегальные (как при исключит. законе) революционные организации в момент кризиса. А Легин, как вернейший сторожевой пес буржуазии, бил себя в грудь и восклицал:

«Это—явно анархическая мысль: взорвать организации, чтобы вызвать решение вопроса массами. Для меня нет никакого сомнения, что это идея анархическая».

«Верно!» кричали хором (там же, стр. 37) лакеи буржуазии, именующие себя вождями с.-д. организаций рабочего класса.

Поучительная картина. Люди развращены и отуплены буржуазной легальностью до того, что не могут даже понять мысли о необходимости других организаций, нелегальных, для руководства революционной борьбой. Люди дошли до того, что вообразили себе, будто легальные союзы, по полицейским разрешениям существующие, есть предел, его же не преjdeши—будто мыслимо вообще с о х р а н е н и е таких союзов в эпоху кризиса, как р у к о в о д я щ и х союзов! Вот вам живая диалектика оппортунизма: простой рост легальных союзов, простая привычка туповатых, но добросовестных филистеров ограничиваться ведением конторских книг привела к тому, что в момент кризиса эти добросовестные мещане оказались предателями, изменниками, душителями революционной энергии масс. И это не случайность. Перейти к революционной организации необходимо, этого требует изменившаяся историческая ситуация, этого требует эпоха революционных действий пролетариата,—но переход этот возможен только через головы старых вождей, душителей революционной энергии, через голову старой партии, путем разрушения.

А контр-революционные мещане, разумеется, вопят: «анархизм!»—как оппортунист Эд. Давид вопил об «анархизме», разнося Карла Либкнехта. Честными социалистами остались, видимо, в Германии лишь те вожди, которых оппортунисты бранят за анархизм...

Возьмем современное войско. Вот—один из хороших образчиков организации. И хороша эта организация только потому, что она—г и б к а, умея вместе с тем миллионам людей давать единую волю. Сегодня эти миллионы сидят у себя по домам в разных концах страны. Завтра приказ о мобилизации—и они собрались в назначенные пункты. Сегодня они лежат в траншеях, лежат иногда месяцами. Завтра они в другом порядке идут в штурм. Сегодня они проявляют чудеса, прячась от пуль и от шрапнели. Завтра они проявляют чудеса в открытом бою. Сегодня их передовые отряды кладут мины под землей, завтра они передвигаются на десятки верст по указаниям легчиков над землей. Вот это называется организацией, когда во имя одной цели, одушевленные одной волей, миллионы людей меняют форму своего общения и своего действия, меняют место и приемы деятельности, меняют орудия и оружия сообразно изменяющимся обстоятельствам и запросам борьбы.

То же самое относится к борьбе рабочего класса против буржуазии. Сегодня нет налицо революционной ситуации, нет условий для брожения в массах, для повышения их

активности, сегодня тебе дают в руки избирательный бюллетень—бери его, умей организовать для того, чтобы бить им своих врагов, а не для того, чтобы проводить в парламент на теплые местечки людей, цепляющихся за кресло из боязни тюрьмы. Завтра у тебя отняли избирательный бюллетень, тебе дали в руки ружье и великолепную, по последнему слову машинной техники оборудованную скорострельную пушку,—бери эти орудия смерти и разрушения, не слушай сантиментальных нытиков, боящихся войны; на свете еще слишком много осталось такого, что должно быть уничтожено огнем и железом для освобождения рабочего класса, и если в массах нарастает злоба и отчаяние, если налицо революционная ситуация, готовься создать новые организации и пустить в ход столь полезные орудия смерти и разрушения против своего правительства и своей буржуазии.

Это не легко, слов нет. Это потребует тяжелых жертв. Это—новый вид организации и борьбы, которому тоже надо научиться, а наука не дается без ошибок и поражений. Этот вид классовой борьбы относится к участию в выборах, как штурм относится к маневрам, маршам или к лежанию в траншеях. Этот вид борьбы становится в истории на очередь дня очень не часто—зато его значение и его последствия простираются на десятилетия. Те дни, когда можно и должно поставить в порядок борьбы такие приемы ее, равняются 20-летиям других исторических эпох.

Сопоставьте с К. Легиным К. Каутского.

«Пока партия была мала,—пишет он,—всякий протест против войны действовал в пропагандистском отношении, как мужественный поступок... поведение русских и сербских товарищей в последнее время встретило всеобщее признание. Чем сильнее становится партия, тем больше переплетаются в мотивах ее решений пропагандистские соображения с учетом практических последствий, тем труднее становится отдать должное в равной мере мотивам обоого рода, а между тем нельзя пренебрегать ни теми, ни другим. Поэтому, чем сильнее мы становимся, тем легче возникают разногласия между нами при всякой новой, сложной ситуации («Интернациональность и война», стр. 30).

От легиновских рассуждений эти рассуждения Каутского отличаются только лицемерием и трусостью. Каутский, по сути дела, поддерживает и оправдывает подлое отступление Легинов от революционной деятельности, но делает это исподтишка, не высказываясь определенно, отделяясь намеками, ограничиваясь поклонами и в сторону Легина и в сторону революционного поведения русских. Такое отношение к революционерам, мы, русские, привыкли встре-

чать только у либералов: либералы всегда готовы признать «мужество» революционеров, но вместе с тем ни за что не откажутся они от своей архи-оппортунистической тактики. Революционеры, уважающие себя, не примут «выражения признательности» от Каутского, а отвергнут с негодованием подобную постановку вопроса. Если налицо не было революционной ситуации, если не обязательно было проповедывать революционные действия, тогда поведение русских и сербов неверно, тогда их тактика неправильна. Пусть же такие рыцари, как Легин и Каутский, имеют хоть мужество своего мнения, пусть скажут это прямо.

Если же заслуживает «признания» тактика русских и сербских социалистов, тогда непозволительно, преступно оправдывать противоположную тактику «сильных» партий, немецкой и французской и т. д. Посредством намеренно неясного выражения: «практические последствия» Каутский прикрыл ту простую истину, что большие и сильные партии испугались роспуска их организаций, захвата их касс, ареста их вождей правительством. Это значит, что Каутский оправдывает измену социализму сообщением о неприятных «практических последствиях» революционной тактики. Разве это не проституирование марксизма?

Нас арестовали бы—заявил, говорят, на рабочем собрании в Берлине один из голосовавших 4 августа за кредиты с.-д. депутатов. А рабочие кричали ему в ответ: «ну, что же тут было бы дурного?»

Если нет другого способа для передачи рабочим массам и Германии и Франции революционного настроения и мысли о необходимости готовить революционные действия, то арест депутата за смелую речь сыграл бы полезную роль, как призывный клич для объединения в революционной работе пролетариев разных стран. Такое объединение нелегко: тем обязательнее было именно стоящим наверху, видящим всю политику депутатам взять на себя почин.

Не только при войне, но безусловно при всяком обострении политического положения, не говоря уже о каких-либо революционных действиях масс, правительство самой свободной буржуазной страны всегда будет грозить распусшением легальных организаций, захватом касс, арестом вождей и прочими такого же рода «практическими последствиями». Как же быть? Оправдывать ли на этом основании оппортунистов, как делает Каутский? Но это значит освящать превращение с.-д. партий в национал-либеральные рабочие партии.

Для социалиста вывод может быть только один: чистый легализм, только—легализм «европейских» партий изжил себя и превратился, в силу развития капитализма до

империалистической стадии, в основу буржуазной рабочей политики. Необходимо дополнить его созданием нелегальной базы, нелегальной организации, нелегальной с.-д. работы, не сдавая при этом ни единой легальной позиции. Как именно это сделать,—покажет опыт, была бы охота вступить на этот путь, было бы сознание необходимости его. Революционные с.-д. России в 1912—14 гг. показали, что эта задача разрешима. Рабочий депутат Муранов, лучше других державшийся на суде и отпавленный царизмом в Сибирь, показал наглядно, что кроме парламентаризма министериабельного (от Хендерсона, Самба, Вандервельде до Зюдекума и Шейдемана, которые тоже «министериабельны» вполне и вполне, их только дальше передней не пускают!) есть еще парламентаризм нелегальный и революционный. Пусть Косовские и Потресовы восхищаются «европейским» парламентаризмом лакеев или мирятся с ним,—мы не устанем твердить рабочим, что такой легализм, такая с.-д. Легинов, Каутских, Шейдеманов заслуживают лишь презрения.

IX.

Подведем итоги.

Крах II Интернационала выразился всего рельефнее в вопиющей измене большинства официальных с.-д. партий Европы своим убеждениям и своим торжественным резолюциям в Штутгарте и Базеле. Но этот крах, означающий полную победу оппортунизма, превращение с.-д. партий в национал-либеральные рабочие партии, есть лишь результат всей исторической эпохи II Интернационала, конца 19-го и начала 20-го века. Об'ективные условия этой эпохи—переходной от свержения в Западной Европе буржуазных и национальных революций к началу социалистических революций порождали и питали оппортунизм. В одних странах Европы мы наблюдаем за это время раскол в рабочем и социалистическом движении, идущий—в общем и целом—именно по линии оппортунизма (Англия, Италия, Голландия, Болгария, Россия), в других длительную и упорную борьбу течений по той же линии (Германия, Франция, Бельгия, Швеция, Швейцария). Кризис, созданный великой войной, сорвал покровы, отмел условности, вскрыл нарыв, давно уже назревший, и показал оппортунизм в его истинной роли, как союзники буржуазии. Полное, организационное отделение от рабочих партий этого элемента стало необходимым. Империалистская эпоха не мирится с существованием в одной партии передовиков революционного пролетариата и полумещанской аристократии рабочего класса, пользующейся крохами от привилегий «великодержавного» положения «своей» нации. Старая теория об оппортунизме,

как «законном оттенке» единой, чуждой «крайностей», партии превратилась теперь в величайший обман рабочих и величайшую помеху рабочему движению. Не так страшен и вреден открытый оппортунизм, отталкивающий от себя сразу рабочую массу, как эта теория золотой середины, оправдывающая марксистскими словечками оппортунистическую практику, доказывающая рядом софизмом несвоевременность революционных действий и пр. Виднейший представитель этой теории и вместе с тем виднейший авторитет II Интернационала, Каутский, проявил себя первоклассным лицемером и виртуозом в деле протунирования марксизма. В миллионной немецкой партии не осталось сколько-нибудь честных и сознательных и революционных с.-д., которые бы не отворачивались с негодованием от такого «авторитета», пылко защищаемого Зюдекумами и Шейдсманами.

Пролетарские массы, от которых, вероятно, около $\frac{9}{10}$ старого руководительского строя отошло к буржуазии, оказались раздробленными и беспомощными перед разгулом шовинизма, перед гнетом военных положений и военной цензуры. Но объективная революционная ситуация, созданная войной и все расширяющаяся, все углубляющаяся, неизбежно порождает революционные настроения, закаляет и просвещает всех лучших и наиболее сознательных пролетариев. В настроении масс не только возможна, но становится все более и более вероятной быстрая перемена, подобная той, которая связана была в России начала 1905 года с «гапонадой», когда из отсталых пролетарских слоев в несколько месяцев, а то недель, выросла миллионная армия, идущая за революционным авангардом пролетариата. Нельзя знать, разовьется ли могучее революционное движение вскоре после этой войны, во время нее и т. п., но во всяком случае только работа в этом направлении заслуживает названия социалистической работы. Лозунгом, обобщающим и направляющим эту работу, помогающим объединению и сплочению тех, кто хочет помогать революционной борьбе пролетариата против своего правительства и своей буржуазии, является лозунг гражданской войны.

В России полное отделение революционной с.-д. пролетарских элементов от мелкобуржуазно-оппортунистических подготовлено всей историей рабочего движения. Самую плохую услугу ему оказывают те, кто отмахивается от этой истории и, декламируя против «фракционности», лишает себя возможности понять действительный процесс образования пролетарской партии в России, складывающейся в многолетней борьбе с различными видами оппортунизма. Из всех «великих» держав, участвующих в теперешней войне, Россия одна только в последнее время пережила революцию: ее буржуазное содержание, при решающей роли про-

летариата, не могло не породить раскола буржуазных и пролетарских течений в рабочем движении. В течение всего приблизительно двадцатилетнего (1894—1914) периода, который российская с.-д. просуществовала как организация, связанная с массовым рабочим движением (а не только в виде, идейного течения 1883—1894 гг.), шла борьба пролетарски-революционных и мелкобуржуазно-оппортунистических течений. «Экономизм» эпохи 1894—1902 годов был, несомненно, течением последнего рода. Целый ряд аргументов и черт его идеологии—«струвистское» извращение марксизма, ссылки на «массу» в оправдание оппортунизма и т. д.—поразительно напоминает теперешний, опошленный марксизм Каутского, Кунова, Плеханова и пр. Было бы очень благородной задачей напомнить теперешнему поколению с.-д. старую «Раб. Мысль» и «Раб. Дело» в параллель с теперешним Каутским.

«Меньшевизм» следующего (1903—1908) периода был непосредственным, не только идейным, но и организационным, преемником «экономизма». Во время русской революции он проводил тактику, объективно означавшую зависимость пролетариата от либеральной буржуазии и выражавшую мелкобуржуазные оппортунистические тенденции. Когда в следующий затем период (1908—1914) главный поток меньшевистского течения породил ликвидаторство,—это классовое значение данного течения стало настолько очевидным, что лучшие представители меньшевизма все время протестовали против политики группы «Нашей Зари». А эта группа,—единственная, которая вела против революционно-марксистской партии рабочего класса систематическую работу в массах за последние 5—6 лет, оказалась в войне 1914—15 гг. социал-шовинистскою! И это в стране, где живо самодержавие, где не завершена далеко еще буржуазная революция, где 43% населения угнетают большинство «иностранческих» наций. «Европейский» тип развития, когда известные слои мелкой буржуазии, особенно интеллигенции, и ничтожная доля рабочей аристократии могут «попользоваться» привилегиями «великодержавного» положения «своей» нации, не мог не сказаться и в России.

К «интернационалистской», т.-е. действительно революционной и последовательно революционной тактике рабочий класс и рабочая с.-д. партия России подготовлены всей своей историей.

P. S. Эта статья была уже набрана, когда в газетах появился «манифест» Каутского и Гаазе, вкупе с Бернштейном, которые увидели, что массы левеют, и готовы теперь «помириться» с левыми, конечно, ценой сохранения «мира» с Зюдекумами. Поистине, Mädchen für alle!

1915 г.

Несколько тезисов.

От Редакции.

Приведенный в этом № материал показывает, какую громадную работу развернул П. К. нашей партии. Для России и всего Интернационала это—поистине образец с.-д. работы во время реакционной войны, при самых трудных условиях. Рабочие Питера и России всеми силами поддержат эту работу и поведут ее дальше, энергичнее, сильнее, шире по тому же пути.

Считаясь с указаниями товарищей из России, мы формулируем несколько тезисов по злободневным вопросам с.-д. работы: 1) Лозунг «Учр. Собрания», как самостоятельный лозунг, неверен, ибо весь вопрос теперь в том, кто созовет его. Либералы принимали этот лозунг в 1905 году, ибо его можно было толковать в смысле созванного царем и соглашающегося с ним собрания. Правильнее всего лозунги «трех китов» (демократ. республики, конфискации помещ. земли и 8-часовой рабочий день) с добавлением (ср. № 9) призыва к международной солидарности рабочих в борьбе за социализм, за революционное свержение воюющих правительств и против войны. 2) Мы против участия в военно-промышленных комитетах, помогающих вести империалистскую, реакционную войну. Мы за использование выборной кампании, напр., за участие на первой стадии выборов только в агитационных и организационных целях.—О бойкоте Госуд. Думы не может быть и речи. Участие в пере-выборах безусловно необходимо. Пока в Госуд. Думе нет депутатов нашей партии, необходимо использовать все происходящее в Думе, с точки зрения революционной социал-демократии.—3) Самыми очередными и насущными задачами мы считаем упрочение и расширение социал-демократической работы в пролетариате, а затем распространение ее на сельский пролетариат, на деревенскую бедноту и на войско.—Важнейшей задачей революционной с.-д.

является—развивать начавшееся стачечное движение, проводя его под лозунгом «трех китов». В агитации необходимо отводить должное место требованию немедленного прекращения войны. Среди других требований рабочие не должны забывать о требовании—вернуть немедленно рабоч. депутатов, членов Р. С.-Д. Р. П. 4) Советы рабочих депутатов и т. п. учреждения должны рассматриваться, как органы восстания, как органы революционной власти. Лишь в связи с развитием массовой полит. стачки и в связи с восстанием, по мере его подготовки, развития, успеха, могут принести прочную пользу эти учреждения.—5) Социальным содержанием ближайшей революции в России может быть только революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. Революция не может победить в России, не свергнув монархию и крепостников-помещиков. А свергнуть их нельзя без поддержки пролетариата крестьянством. Шаг вперед расслоения деревни на «хуторян-помещиков» и на сельских пролетариев не уничтожил гнета Марковых и К^о над деревней. За необходимость отдельной организации сельских пролетариев мы стояли и стоим безусловно, во всех и всяких случаях.—6) Задача пролетариата России—довести до конца буржуазно-демократическую революцию в России, дабы разжечь социалистическую революцию в Европе. Эта вторая задача теперь чрезвычайно приблизилась к первой, но она остается все же особой и второй задачей, ибо речь идет о разных классах, сотрудничающих с пролетариатом России: для первой задачи сотрудник—мелкобуржуазное крестьянство России, для второй—пролетариат других стран.—7) Участие с.-д. во временном революционном правительстве вместе с демократической мелкой буржуазией мы считаем, попрежнему, допустимым, но только не с революционерами-шовинистами.—8) Революционерами-шовинистами мы считаем тех, кто хочет победы над царизмом для победы над Германией,—для грабежа других стран,—для упрочения господства великороссов над другими народами России и т. д. Основа революционного шовинизма—классовое положение мелкой буржуазии. Она всегда колеблется между буржуазией и пролетариатом. Теперь она колеблется между шовинизмом (который мешает ей быть последовательно-революционной даже в смысле демократической революции) и пролетарским интернационализмом. Политические выразители этой мелкой буржуазии в России в данный момент—трудовики, с.-р., «Наша Заря», фракция Чхеидзе, О. К., г. Плеханов и т. под.—9) Если бы в России победили революционеры-шовинисты, мы были бы против обороны их «отечества» в данной войне. Наш лозунг—против шовинистов, хотя бы революционеров и республиканцев, против них и за союз международного пролетариата для

социалистической революции.—10) На вопрос, возможна ли руководящая роль пролетариата в буржуазной русской революции, мы отвечаем: да, возможна, если мелкая буржуазия в решающие моменты качнется влево, а ее толкаст влево не только наша пропаганда, но и ряд объективных факторов, экономических, финансовых (тяжести войны), военных, политических и пр.—11) На вопрос, что бы сделала партия пролетариата, если бы революция поставила ее у власти в теперешней войне, мы отвечаем: мы предложили бы мир всем воюющим на условии освобождения колоний и всех зависимых, угнетенных и неполноправных народов. Ни Германия, ни Англия с Францией не приняли бы, при теперешних правительствах их, этого условия. Тогда мы должны были бы подготовить и повести революционную войну, т.-е. не только полностью провели бы, самыми решительными мерами, всю нашу программу-минимум, но и систематически стали бы подымать на восстание все ныне угнетенные великороссами народы, все колонии и зависимые страны Азии (Индию, Китай, Персию и пр.), а также— и в первую голову—поднимали бы на восстание социалистический пролетариат Европы против его правительств и вопреки его социал-шовинистам. Не подлежит никакому сомнению, что победа пролетариата в России дала бы необыкновенно благоприятные условия для развития революции и в Азии и в Европе. Это доказал даже 1905 год. А международная солидарность революционного пролетариата есть факт вопреки грязной пене оппортунизма и социал-шовинизма.—Выставляя эти тезисы для обмена мнений с товарищами, мы будем развивать наши взгляды в след. №№ ц. о.

Октябрь, 1915 г.

IV.

НАША ТАКТИКА В ПЕРИОД ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 года.

1. О задачах пролетариата в данной революции.
2. О двоевластии.
3. Письма о тактике.
4. Задачи пролетариата и нашей революции.

О задачах пролетариата в данной революции.

Приехав только 3 апреля ночью в Петроград, я мог, конечно, лишь от своего имени и с оговорками относительно недостаточной подготовленности выступить на собрании 4-го апреля с докладом о задачах революционного пролетариата.

Единственное, что я мог сделать для облегчения работы себе,—и добросовестным оппонентам,—было изготовление письменных тезисов. Я прочел их и передал их текст тов. Церетели. Читал я их очень медленно и дважды: сначала на собрании большевиков, потом на собрании и большевиков и меньшевиков.

Печатаю эти мои личные тезисы, снабженные лишь самыми краткими пояснительными примечаниями, которые гораздо подробнее были развиты в докладе:

Тезисы.

1. «В нашем отношении к войне, которая со стороны России и при новом правительстве Львова и Ко безусловно остается грабительской империалистской войной в силу капиталистического характера этого правительства, недопустимы ни малейшие уступки «революционному оборончеству».

«На революционную войну, действительно оправдывающую революционное оборончество, сознательный пролетариат может дать свое согласие лишь при условии: а) перехода власти в руки пролетариата и примыкающих к нему беднейших частей крестьянства; б) при отказе от всех аннексий на деле, а не на словах; в) при полном разрыве на деле со всеми интересами капитала

«В виду несомненной добросовестности широких слоев массовых представителей революционного оборончества, признающих войну только по необходимости, а не ради завоеваний, в виду их обмана буржуазией, надо особенно обстоятельно, настойчиво, терпеливо раз'яснять им их ошиб-

ку, раз'яснить неразрывную связь капитала с империалистской войной, доказывать, что кончить войну истинно демократическим, не насильническим миром нельзя без свержения капитала.

«Организация самой широкой пропаганды этого взгляда в действующей армии.

«Братанье.

2. «Своеобразие текущего момента в России состоит в переходе от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата,—ко второму ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства.

«Этот переход характеризуется, с одной стороны, максимумом легальности (Россия сейчас самая свободная страна в мире из всех воюющих стран), с другой стороны, отсутствием насилия над массами и, наконец, доверчиво-бессознательным отношением их к правительству капиталистов, худших врагов мира и социализма.

«Это своеобразие требует от нас умения приспособиться к особым условиям партийной работы в среде неслышанно широких, только что проснувшихся к политической жизни, масс пролетариата.

3. «Никакой поддержки Временному Правительству, раз'яснение полной лживости всех его обещаний, особенно относительно отказа от аннексий. Разоблачение, вместо недопустимого, сеющего иллюзии «требования», чтобы это правительство, правительство капиталистов, перестало быть империалистским.

4. «Признание факта, что в большинстве Советов Рабочих Депутатов наша партия в меньшинстве, и пока в слабом меньшинстве, перед блоком всех мелко-буржуазных оппортунистических, поддавшихся влиянию буржуазии и проводящих ее влияние на пролетариат, элементов от Н.-С., С.-Р. до О. К. (Чхеидзе, Церстели и пр.). Стеклова и пр. и пр.

«Раз'яснение массам, что С. Р. Д. есть единственно возможная форма революционного правительства и что поэтому нашей задачей, пока это правительство поддается влиянию буржуазии, может явиться лишь терпеливое, систематическое, настойчивое, приспособляющееся особенно к практическим потребностям масс, раз'яснение ошибок и тактики.

«Пока мы в меньшинстве, мы ведем работу критики и выяснения ошибок, проповедуя в то же время необходимость перехода всей государственной власти к Советам Рабочих Депутатов, чтобы массы опытом избавились от своих ошибок.

5. «Не парламентарная республика,—возвращение к ней от С. Р. Д. было бы шагом назад,—а республика Советов Рабочих, Батрацких и Крестьянских Депутатов по всей стране, снизу доверху

«Устранение полиции, армии, чиновничества 1).

«Плата всем чиновникам, при выборности и сменяемости всех их в любое время, не выше средней платы хорошего рабочего.

6. «В аграрной программе перенесение центра тяжести на Сов. Батр. Депутатов

«Конфискация всех помещичьих земель.

«Национализация всех земель в стране, распоряжение землею местными Сов. Батр. и Крест. Депутатов. Выделение Советов Депутатов от беднейших крестьян. Создание из каждого крупного имения (в размере около 100 дес. до 300, по местным и прочим условиям и по определению учреждений) образцового хозяйства под контролем Батр. Депутатов и на общественный счет.

7. «Слияние немедленное всех банков страны в один обще-национальный банк и введение контроля над ним со стороны С. Р. Д.

8. «Не «введение» социализма, как наша непосредственная задача, а переход тотчас лишь к контролю со стороны С. Р. Д. за общественным производством и распределением продуктов

9. «Партийные задачи.

а) немедленный съезд партии;

б) перемена программы партии, главное:

1) об империализме и империалистской войне,

2) об отношении к государству и наше требование «государства-коммуны» 2),

3) исправление отсталой программы-минимум;

в) перемена названия партии 3).

10. «Обновление Интернационала.

«Инициатива создания революционного Интернационала, Интернационала против социал-шовинистов и против «центра» 4).

1) Т.-е. замена постоянной армии всеобщим вооружением-народа.

2) Т.-е. такого государства, прообраз которого дала Парижская Коммуна.

3) Вместо „социал-демократии“, официальные вожди которой во всем мире предали социализм, перейдя к буржуазии („оборонцы“ и колеблющиеся „каутскианцы“), надо назваться Коммунистической Партией.

4) „Центром“ называется в международной социал-демократии течение, колеблющееся между шовинистами (= „оборонцами“) и интернационалистами, именно: Каутский и К⁰ в Германии, Лонгэ и К⁰ во Франции, Чхейдзе и К⁰ в России, Турати и К⁰ в Италии, Макдональд и К⁰ в Англии и т. д.

Чтобы читатель понял, почему мне пришлось подчеркнуть особо, как редкое исключение, «случай» добросовестных оппонентов, приглашаю сравнить с этими тезисами следующее возражение господина Гольденберга: Лениным «водружено знамя гражданской войны в среде революционной демократии» (цитировано в «Единстве» г-на Плеханова, № 5).

Не правда ли—перл?

Я пишу, читаю, разжевываю: «в виду несомненной добросовестности широких слоев массовых представителей революционного оборончества... в виду их обмана буржуазией, надо особенно обстоятельно, настойчиво, терпеливо раз'яснить им их ошибку»...

А господа из буржуазии, называющие себя социал-демократами, не принадлежащие, ни к широким слоям, ни к массовым представителям оборончества, с ясным лбом передают мои взгляды, излагают их так: «водружено (!) знамя (!) гражданской войны» (о ней нет ни слова в тезисах, не было ни слова в покладе!) «в среде (!) революционной демократии»...

Что это такое? Чем это отличается от погромной агитации? от «Русской Воли»?

Я пишу, читаю, разжевываю: «Советы Р. Д. есть единственно возможная форма революционного правительства и поэтому нашей задачей может явиться лишь терпеливое, систематическое, настойчивое, приспособляющееся особенно к практическим потребностям масс, раз'яснение ошибок их тактики»...

А оппоненты известного сорта излагают мои взгляды, как призыв к «гражданской войне в среде револ. демократии»!!

Я нападал на Вр. Правительство за то, что оно не назначало ни скорого, ни вообще какого-либо срока созыва Учр. Собрании, отделяваясь посулами. Я доказывал, что без Советов Р. и С. Деп. созыв Учр. Собр. не обеспечен, успех его невозможен.

Мне приписывают взгляд, будто я против скорейшего созыва Учр. Собрании!!!

Я бы назвал это «бредовыми» выражениями, если бы десятилетия политической борьбы не приучили меня смотреть на добросовестность оппонентов, как на редкое исключение.

Г. Плеханов в своей газете назвал мою речь «бредовой». Очень хорошо, господин Плеханов! Но посмотрите, как вы неуклюжи, неловки и недогадливы в своей полемике. Если я два часа говорил бредовую речь, как же терпели «бред» сотни слушателей? Далее. Зачем ваша газета целый столбец посвящает изложению «брeда»? Не кругло, совсем не кругло у вас выходит.

Гораздо легче, конечно, кричать, браниться, вопить, чем попытаться рассказать, раз'яснить, вспомнить, как рассуждали Маркс и Энгельс в 1871, 1872, 1875 гг. об опыте Парижской Коммуны и о том, какое государство пролетариату нужно.

Бывший марксист г. Плеханов не желает, вероятно, вспоминать о марксизме.

Я цитировал слова Розы Люксембург, назвавшей 4 августа 1914 г. германскую социал-демократию «смердящим трупом». А гг. Плехановы, Гольденберги и К^о «обижаются».. за кого?—за германских шовинистов. названных шовинистами!

Запутались бедные русские социал-шовинисты, социалисты на словах, шовинисты на деле.

Апрель, 1917 г.

О двоевластии.

Коренной вопрос всякой революции есть вопрос о власти в государстве. Без уяснения этого вопроса не может быть и речи ни о каком сознательном участии в революции, не говоря уже о руководстве ею.

В высшей степени замечательное своеобразие нашей революции состоит в том, что она создала двоевластие. Этот факт надо уяснить себе прежде всего; не поняв его, нельзя идти вперед. Старые «формулы», напр., большевизма надо уметь дополнить и исправить, ибо они, как оказалось, были верны в общем, но конкретное осуществление оказалось иное. О двоевластии никто раньше не думал и думать не мог.

В чем состоит двоевластие? В том, что рядом с Временным Правительством, правительством буржуазии, сложилось еще слабое, зачаточное, но всетаки, несомненно, существующее на деле и растущее, другое правительство: Советы Рабочих и Солдатских Депутатов.

Каков классовый состав этого другого правительства? Пролетариат и крестьянство (одетые в солдатские мундиры). Каков политический характер этого правительства? Это—революционная диктатура, т.-е. власть, опирающаяся прямо на революционный захват, на непосредственный почин народных масс снизу, не на закон, изданный централизованной государственной властью. Это—власть совсем не того рода, какого бывает вообще власть в парламентарной буржуазно-демократической республике обычного до сих пор, господствующего в передовых странах Европы и Америки, типа. Часто забывают это обстоятельство, часто не вдумываются в него, а в нем вся суть. Эта власть—власть того же типа, какого была Парижская Коммуна 1871 года. Основные признаки этого типа: 1) источник власти—не закон, предварительно обсужденный и проведенный парламентом, а прямой почин народных масс снизу и

на местах, прямой «захват», употребляя ходячее выражение; 2) замена полиции и армии, как отделенных от народа и противопоставленных народу учреждений прямым вооружением всего народа; государственный порядок при такой власти охраняют с а м и вооруженные рабочие и крестьяне, с а м вооруженный народ; 3) чиновничество, бюрократия либо заменяются опять-таки непосредственной властью самого народа, либо по меньшей мере ставятся под особый контроль, превращаются не только в выборных, но и в сменяемых по первому требованию народа, сводятся на положение простых уполномоченных; из привилегированного слоя с высокой буржуазной оплатой, «местечек» превращаются в рабочих особого «рода оружия», оплачиваемых не выше обычной платы хорошего рабочего.

В этом, и только в этом суть Парижской Коммуны, как особого типа государства. Эту суть забыли и исказили гг. Плехановы (прямые шовинисты, изменившие марксизму), Каутские (люди «центра», т.-е. колеблющиеся между шовинизмом и марксизмом) и все вообще господствующие ныне соц.-дем., соц.-рев. и т. под.

Отделяются фразами, отмалчиваются, увертываются, поздравляют тысячу раз друг друга с революцией, но не хотят подумать о том, что такое Советы Рабочих и Солдатских Депутатов. Не хотят видеть очевидной истины, что поскольку эти Советы существуют, поскольку они—власть, постольку в России существует государство типа Парижской Коммуны.

Я подчеркнул: «поскольку». Ибо это лишь зачаточная власть. Она сама и прямым соглашением с буржуазным Временным Правительством, и рядом фактических уступок сдала и сдает позиции буржуазии.

Почему? Потому ли, что Чхеидзе, Церетели, Стеклов и К^о делают ошибку? Пустяки. Так думать может обыватель, но не марксист. Причина—недостаточная сознательность и организованность пролетариев и крестьян. «Ошибка» названных вождей—в их мелко-буржуазной позиции, в том, что они затемняют сознание рабочих, а не проясняют его, внушают мелко-буржуазные иллюзии, а не опровергают их, укрепляют влияние буржуазии на массы, а не высвобождают массы из-под этого влияния.

Отсюда должно уже быть ясно, почему так много ошибок делают и наши товарищи, ставя «просто» вопрос: надо ли тотчас свергнуть Временное Правительство?

Отвечаю: 1) его надо свергнуть—ибо оно олигархическое, буржуазное, а не общенародное, оно не может дать ни мира, ни хлеба, ни полной свободы; 2) его нельзя сейчас свергнуть, ибо оно держится прямым и косвенным, формальным и фактическим соглашением с Советами

Рабочих Депутатов и главным Советом, Питерским, прежде всего: 3) его вообще нельзя «свергнуть» обычным способом, ибо оно опирается на «поддержку» буржуазии в торым правительством, Советом Рабочих Депутатов, а это правительство есть единственно возможное революционное правительство, прямо выражающее сознание и волю большинства рабочих и крестьян. Выше, лучше такого типа правительства, как Советы Рабочих, Батрацких, Крестьянских, Солдатских Депутатов, человечество не выработало и мы до сих пор не знаем.

Чтобы стать властью, сознательные рабочие должны завоевать большинство на свою сторону: пока нет насилия над массами, нет иного пути к власти. Мы не бланкисты, не сторонники захвата власти меньшинством. Мы—марксисты, сторонники пролетарской классовой борьбы против мелкобуржуазного угара, шовинизма-оборончества, фразы, зависимости от буржуазии.

Создадим пролетарскую коммунистическую партию; элементы ее лучшие сторонники большевизма уже создали; сплотимся для пролетарской классовой работы и из пролетариев, из беднейших крестьян на нашу сторону будет становиться все большее и большее число. Ибо жизнь будет ежедневно разбивать мелко-буржуазные иллюзии «социал-демократов» Чхеидзе, Церетели, Стекловых и пр., «соц.-революционеров», мелких буржуа еще более «чистых», и пр. и пр.

Буржуазия за единовластие буржуазии.

Сознательные рабочие за единовластие Советов Р. Б. К. и С. Деп.,—за единовластие, подготовленное прояснением пролетарского сознания, освобождением его от влияния буржуазии, а не авантюрами.

Мелкая буржуазия—«соц.-дем.», с.-р. и пр. и пр.—колеблется, мешая этому прояснению, этому освобождению.

Вот фактическое, классовое, соотношение сил, определяющее наши задачи.

Апрель, 1917 г.

Письма о тактике.

Предисловие.

4-го апреля 1917 г. мне пришлось выступить в Питере с докладом на указанную в заглавии тему сначала на собрании большевиков. Это были делегаты Всерос. Совещания Советов Р. и С. Деп., делегаты, которые должны были раз'езжаться и поэтому никакой отсрочки дать мне не могли. По окончании собрания председатель его, т. Г. Зиновьев, предложил мне, от имени всего собрания, повторить мой доклад тотчас на собрании и большевистских и меньшевистских делегатов, желавших обсудить вопрос об объединении Р. С.-Д. Р. Партии.

Как ни трудно мне было повторять немедленно мой доклад, я не считал себя вправе отказаться, раз этого требовали и мои единомышленники и меньшевики, которые из-за от'езда действительно не могли дать мне отсрочки.

На докладе я прочел свои тезисы, опубликованные в № 26 «Правды», от 7 апреля 1917 года.

И тезисы, и доклад мой вызвали разногласия в среде самих большевиков и самой редакции «Правды». После ряда совещаний мы единогласно пришли к выводу, что всего целесообразнее открыто продискутировать эти разногласия, давая таким образом материал для собирающейся 20 апреля 1917 года всероссийской конференции нашей партии (Росс. С.-Д. Р. Партии, объединенной Ц. К.-том) в Питере.

В исполнение этого постановления о дискуссии я и печатаю нижеследующие письма, не претендуя в них на всестороннее изучение вопроса, а желая лишь наметить главные доводы, особенно существенные для практических задач движения рабочего класса,

Письмо I.

Оценка момента.

Марксизм требует от нас самого точного, объективно проверяемого учета соотношения классов и конкретных особенностей каждого исторического момента. Мы, большевики, всегда старались быть верными этому требованию, безусловно обязательному с точки зрения всякого научного обоснования политики.

«Наше учение не догма, а руководство для действия» — так говорили всегда Маркс и Энгельс, справедливо издевавшиеся над заучиванием и простым повторением «формул», способных в лучшем случае лишь намечать общие задачи, необходимо видоизменяемые конкретной экономической и политической обстановкой каждой особой полосы исторического процесса.

Какими же точно установленными, объективными фактами должна партия революционного пролетариата руководиться теперь для определения задач и форм своего действия?

И в своем первом «Письме из далека» («Первый этап первой революции»), напечатанном в «Правде», №№ 14 и 15, от 21 и 22 марта 1917 г., и в своих тезисах я определяю «своеобразие текущего момента в России», как полосы перехода от первого этапа революции ко второму. И поэтому основным лозунгом, «задачей дня» в этот момент я считал: «рабочие, вы проявили чудеса пролетарского, народного героизма в гражданской войне против царизма, вы должны проявить чудеса пролетарской и общенародной организации, чтобы подготовить свою победу во втором этапе революции» («Правда» № 15).

В чем же состоит первый этап?

В переходе государственной власти к буржуазии.

До февральско-мартовской революции 1917 г. государственная власть в России была в руках одного старого класса, именно: крепостнически-дворянски-помещичьего, возглавляемого Николаем Романовым.

После этой революции власть в руках другого, нового класса, именно: буржуазии.

Переход государственной власти из рук одного в руки другого класса есть первый, главный, основной признак революции, как в строго-научном, так и в практически-политическом значении этого понятия.

Постольку буржуазная или буржуазно-демократическая революция в России закончена.

Здесь мы слышим шум возражателей, охотно называющих себя «старыми большевиками»: разве не говорили мы

всегда, что буржуазно-демократическую революцию заканчивает лишь «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства»? разве аграрная революция, тоже буржуазно-демократическая, кончилась? разве же не факт, наоборот, что она еще не началась?

Отвечаю: большевистские лозунги и идеи в общем вполне подтверждены историей, но конкретно дела сложились иначе, чем мог (и кто бы то ни был) ожидать, оригинальнее, своеобразнее, пестрее.

Игнорировать, забывать этот факт, значило бы уподобляться тем «старым большевикам», которые не раз уже играли печальную роль в истории нашей партии, повторяя бессмысленно заученную формулу, вместо изучения своеобразия новой, живой действительности.

«Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» уже осуществилась¹⁾ в русской революции, ибо эта «формула» предвидит лишь соотношение классов, а не конкретное политическое учреждение, реализующее это соотношение, это сотрудничество «Совет Р. и С. Деп.»—вот вам уже осуществленная жизнью «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства».

Эта формула уже устарела. Жизнь ввела ее из царства формул в царство действительности, облекла ее плотью и кровью, конкретизировала и тем самым видоизменила.

На очереди дня уже иная, новая задача: раскол пролетарских (анти-оборонческих, интернационалистских, «коммунистских», стоящих за переход к коммуне) элементов внутри этой диктатуры и элементов мелко-хозяйских или мелко-буржуазных (Чхеидзе, Церетели, Стеклов, с.-р-ы и пр. революционные оборонцы, противники движения по пути к коммуне, сторонники «поддержки» буржуазии и буржуазного правительства).

Кто говорит теперь только о «револ.-демокр. диктатуре пролетариата и крестьянства», тот отстал от жизни, тот в силу этого перешел на деле к мелкой буржуазии против пролетарской классовой борьбы, того надо сдать в архив «большевистских» дореволюционных редкостей (можно назвать: архив «старых большевиков»).

Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства уже осуществилась, но чрезвычайно оригинально, с рядом в высшей степени важных изменений. О них я буду говорить особо, в одном из дальнейших писем. Теперь необходимо усвоить себе ту бесспорную истину, что марксист должен учитывать живую жизнь, точные факты действительности, а не продолжать цепляться за гео-

1) В известной форме и до известной степени.

рию вчерашнего дня, которая, как всякая теория, в лучшем случае лишь намечает основное, общее, лишь приближается к охватыванию сложности жизни.

«Теория, друг мой, сера́, но зелено вечное дерево жизни».

Кто ставит вопрос о «законченности» буржуазной революции по-старому, тот приносит в жертву живой марксизм мертвой букве.

По-старому выходит: за господством буржуазии может и должно последовать господство пролетариата и крестьянства, их диктатура.

А в живой жизни уже вышло иначе: получилось чрезвычайно оригинальное, новое, невиданное, переплетение того и другого. Существует рядом, вместе, в одно и то же время и господство буржуазии (правительство Львова и Гучкова), и революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, добровольно отдающая власть буржуазии, добровольно превращающаяся в придаток ее.

Ибо нельзя забывать, что фактически в Питере власть в руках рабочих и солдат; насилия над ними новое правительство не производит и не может произвести, ибо ни полиции, ни особой от народа армии, ни стоящего всесильно над народом чиновничества нет. Это—факт. Это именно такой факт, который характерен для государства типа Парижской Коммуны. Этот факт не укладывается в старые схемы. Надо уметь приспособить схемы к жизни, а не повторять ставшие бессмысленными слова о «диктатуре пролетариата и крестьянства» в о о б щ е.

Подойдем к вопросу с другой стороны, чтобы лучше осветить его.

Марксист должен не сходить с точной почвы анализа классовых отношений. У власти буржуазия. А масса крестьян разве не составляет тоже буржуазии иного слоя, иного рода, иного характера? Откуда следует, что этот слой не может притти к власти, «завершая» буржуазно-демократическую революцию? Почему это невозможно?

Так рассуждают часто старые большевики.

Отвечаю—это вполне возможно. Но марксист в учете момента должен исходить не из возможного, а из действительного.

Действительность же показывает нам факт, что свободно избранные солдатские и крестьянские депутаты свободно входят во второе, побочное правительство, свободно допслняют, развивают, доделывают его. И столь же свободно они отдают власть буржуазии—явление, ничуть не «нарушающее» теории марксизма, ибо мы всегда знали и многократно указывали, что буржуазия держится не толь-

ко насильем, а также несознательностью, рутинной, заботностью, неорганизованностью масс.

И вот перед лицом этой действительности сегодняшнего дня прямо-таки смешно отворачиваться от факта и говорить о «возможностях».

Возможно, что крестьянство возьмет всю землю, и всю власть. Я не только не забываю этой возможности, не ограничиваю своего кругозора одним сегодняшним днем, а прямо и точно формулирую аграрную программу с учетом нового явления: более глубокого раскола батраков и беднейших крестьян с крестьянами-хозяевами.

Но возможно и иное: возможно, что крестьяне послушают советов мелко-буржуазной партии с.-р., поддавшейся влиянию буржуа, перешедшей к оборончеству, советующей ждать до Учредительного Собрания, хотя до сих пор даже срок его созыва не назначен¹⁾!

Возможно, что крестьяне сохраняют, продолжают свою сделку с буржуазией, сделку, заключенную ими сейчас чрез посредство Советов Р. и С. Депутатов не только формально, но и фактически.

Возможно разное. Было бы глубочайшей ошибкой забывать об аграрном движении и аграрной программе. Но такой же ошибкой было бы забывать действительность, которая показывает нам факт соглашения—или, употребляя более точное, менее юридическое, более экономически-классовое выражение—факт классового сотрудничества буржуазии и крестьянства.

Когда этот факт перестанет быть фактом, когда крестьянство отделится от буржуазии, возьмет землю против нее, возьмет власть против нее,—тогда это будет новый этап буржуазно-демократической революции, и о нем будет идти речь особо.

Марксист, который, по случаю возможности такого будущего этапа, забывает свои обязанности теперь, когда крестьянство соглашается с буржуазией, превратился бы в мелкого буржуа. Ибо он на деле проповедывал бы пролетариату доверие к мелкой буржуазии («она, эта мелкая буржуазия, это крестьянство должно отделиться от буржуазии еще в пределах буржуазно-демократической революции»). Он по случаю «возможности» приятного и сладкого будущего, когда крестьянство не будет хвостом бур-

¹⁾ Чтобы моих слов не перетолковали, скажу тотчас, забегая вперед: я безусловно за то, чтобы батрацкие и крестьянские Советы тотчас брали в свою землю, но строжайше соблюдали сами порядок и дисциплину, не допускали ни малейшей порчи машин, построек, скота, ни в каком случае не расстраивали хозяйства и производства хлеба, а усиливали его, ибо солдатам нужно вдвое больше хлеба и народ не должен голодать.

жуазии, с.-р-ы, Чхендзе, Церетели, Стекловы—не будут при-датком буржуазного правительства,—он по случаю «возможности» приятного будущего забыл бы о неприятном настоящем, когда крестьянство пока еще остается хвостом буржуазии, когда с.-р-ы и с.-д. пока еще не выходят из роли придатка буржуазного правительства, оппозиции «Его Величества» Львова.

Предположительно взятый нами человек походил бы на сладенького Луи Блана, на слащавого каутскианца, но никак не на революционного марксиста.

Но не грозит ли нам опасность впасть в субъективизм, в желание «перепрыгнуть» через незавершенную—не изжившую еще крестьянского движения—революцию буржуазно-демократического характера к революции социалистической?

Если бы я сказал: «без царя, а правительство рабочее»,—эта опасность мне бы грозила. Но я сказал не это, я сказал иное. Я сказал, что другого правительства в России (не считая буржуазного) не может быть помимо Советов Рабочих, Батрацких, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Я сказал, что власть может перейти в России теперь от Гучкова и Львова только к этим Советам, а в них как раз преобладает крестьянство, преобладают солдаты, преобладает мелкая буржуазия, выражаясь научным, марксистским термином, употребляя не житейскую, не обывательскую, не профессиональную, а классовую характеристику.

Я абсолютно застраховал себя в своих тезисах от всякого перепрыгивания через неизжившее себя крестьянское или вообще мелко-буржуазное движение от всякой и игры в «захват власти» рабочим правительством, от какой бы то ни было бланкистской авантюры, ибо я прямо указал на опыт Парижской Коммуны. А этот опыт, как известно и как подробно показал Маркс в 1871 году и Энгельс в 1891 г., совершенно исключил бланкизм, совершенно обеспечил прямое, непосредственное, безусловное господство большинства и активность масс лишь в мере сознательного выступления самого большинства.

Я свел дело в тезисах с полнейшей определенностью к борьбе за влияние внутри Советов Рабочих, Батрацких, Крестьянских и Солдатских Депутатов. Чтобы не допустить ни тени сомнений на этот счет, я дважды подчеркнул в тезисах необходимость терпеливой, настойчивой «приспосабливающейся к практическим потребностям масс» работы «раз'яснения».

Невежественные люди или ренегаты марксизма, в роде г. Плеханова и т. п., могут кричать об анархизме, бланкизме и т. п. Кто желает думать и учиться, тот не может не понять,

что бланкизм есть захват власти меньшинством, а Советы Рабочих и т. д. Депутатов заведомо есть прямая и непосредственная организация большинства народа. Работа, сведенная к борьбе за влияние внутри таких Советов, не может, прямо-таки не может сбиться в болото бланкизма. И она не может сбиться в болото анархизма, ибо анархизм есть отрицание необходимости государства и государственной власти для эпохи перехода от господства буржуазии к господству пролетариата. А я, с исключавшей всякую возможность недоразумений ясностью, отстаиваю необходимость государства для этой эпохи, но, согласно Марксу и опыту Парижской Коммуны, не обычного парламентарно-буржуазного государства, а государства без постоянной армии, без противостоящей народу полиции, без постоянного над народом чиновничества.

Если г. Плеханов кричит изо всех сил в своем «Единстве» об анархизме, то этим лишний раз только доказан его разрыв с марксизмом. На мой вызов в «Правде» (№ 26) рассказать, чему учил Маркс и Энгельс о государстве в 1871, 1872, 1875 гг., г-ну Плеханову приходится и придется отвечать молчанием по существу вопроса и выкриками в духе озлобленной буржуазии.

Учения марксизма о государстве бывший марксист г. Плеханов совершенно не понял. Между прочим, зародыши этого непонимания заметны и в его немецкой брошюре об анархизме.

* * *

Посмотрим теперь, как тов. Ю. Каменев в заметке № 27 «Правда» формулирует свои «разногласия» с моими тезисами и вышензложенными взглядами. Это поможет нам точнее уяснить их.

«Что касается общей схемы т. Ленина,—пишет т. Каменев,—то она представляется нам неприемлемой, поскольку она исходит от признания буржуазно-демократической революции законченной и рассчитана на немедленное перерождение этой революции в социалистическую»...

Здесь две большие ошибки.

Первая. Вопрос о «законченности» буржуазно-демократической революции поставлен неверно. Этому вопросу придана та абстрактная, простая, одноцветная, если можно так выразиться, постановка, которая не соответствует объективной действительности. Кто ставит так вопрос, кто спрашивает теперь: «закончена ли буржуазно-демократическая революция» и только,—тот лишает себя возможности понять чрезмерно сложную, по меньшей мере,

«двухцветную» действительность. Это—в теории. А на практике—тот сдается беспомощно мелко-буржуазной революционности.

В самом деле. Действительность показывает нам и переход власти к буржуазии («законченная» буржуазно-демократическая революция обычного типа), и существование рядом с настоящим правительством побочного, которое представляет из себя «рев.-дем. диктатуру пролетариата и крестьянства». Это последнее «тоже правительство» само уступило власть буржуазии, само привязало себя к буржуазному правительству.

Охватывается ли эта действительность старо-большевистской формулой т. Каменева: «б.-дем. революция не закончена»?

Нет, формула устарела. Она никуда не годна. Она мертва. Напрасны будут усилия воскресить ее.

Второе. Вопрос практический. Неизвестно, может ли теперь быть еще в России особая «рев.-дем. диктатура пролетариата и крестьянства» оторванная от буржуазного правительства. На неизвестном базировать марксистскую тактику нельзя.

Но если это может еще случиться, то путь к этому один и только один: немедленное, решительное, бесповоротное отделение пролетарских, коммунистических элементов движения от мелко-буржуазных.

Почему?

Потому, что вся мелкая буржуазия не случайно, а необходимо повернула к шовинизму (=оборончеству), к «поддержке» буржуазии, к зависимости от нее, к боязни обойтись без нее и пр., и т. п.

Как можно «толкнуть» мелкую буржуазию к власти, если эта мелкая буржуазия теперь уже может, но не хочет взять ее?

Только отделением пролетарской, коммунистической партии, пролетарской классовой борьбой, свободной от робости этих мелких буржуа. Только сплочение пролетариев,—на деле, а не на словах свободных от влияния мелкой буржуазии,—способно сделать такой «горячей» почву под ногами мелкой буржуазии, что ей при известных условиях придется взять власть; не исключено даже, что Гучков и Милоков будут—опять-таки при известных обстоятельствах—за всевластие, за единовластие Чхеидзе, Церетели с.-р., Стеклова, ибо это все же «оборонцы».

Кто отделяет сейчас же, немедленно и бесповоротно, пролетарские элементы Советов (т.-е. пролетарскую, коммунистическую партию) от мелко-буржуазных, тот правиль-

но выражает интересы движения на оба возможные случая: и на случай, что Россия переживет еще особую, самостоятельную, не подчиненную буржуазии «диктатуру пролетариата и крестьянства», и на случай, что мелкая буржуазия не сумеет оторваться от буржуазии и будет вечно (т.-е. до социализма) колебаться между нею и нами.

Кто руководится в своей деятельности только простой формулой «буржуазно-демократическая революция не закончена», тот тем самым берет на себя нечто в роде гарантий за то, что мелкая буржуазия наверное способна на независимость от буржуазии. Тот тем самым сдается в данный момент беспомощно на милость мелкой буржуазии.

Кстати. О «формуле» диктатура пролетариата и крестьянства не мешает все же вспомнить, что в «Двух тактиках» (июль 1905) я специально подчеркивал (стр. 435 в «За 12 лет»):

«У революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства есть, как и у всего на свете, прошлое и будущее. Ее прошлое—самодержавие, крепостничество, монархия, привилегии... Ее будущее—борьба против частной собственности, борьба наемного рабочего с хозяином, борьба за социализм»...

Ошибка т. Каменева в том, что он и в 1917 году смотрит только на прошлое рев.-дем. диктатуры и пр. и пр. А для нее на деле уже началось будущее, ибо интересы и политика наемного рабочего и хозяйчика на деле уже разошлись, при том по такому важнейшему вопросу, как «оборончество», как отношение к империалистической войне.

И здесь я подошел ко второй ошибке в приведенном рассуждении т. Каменева. Он упрекает меня в том, что моя схема «расчитана» на «немедленное перерождение этой (бурж.-дем.) революции в социалистическую».

Это неверно. Я не только не «расчитываю» на «немедленное перерождение» нашей революции в социалистическую, а прямо предостерегаю против этого, прямо заявляю в тезисе № 8: «Не введение социализма, как наша непосредственная задача»...

Не ясно ли, что человек, рассчитывающий на немедленное перерождение нашей революции в социалистическую, не мог бы восстать против непосредственной задачи введения социализма?

Мало того. Даже ввести в России «государство-коммуну» (т.-е. государство, организованное по типу Парижской Коммуны) нельзя «немедленно», ибо для этого необходимо, чтобы большинство депутатов во всех (или в большинстве) Советов ясно сознало всю ошибочность и весь вред тактики и политики с.-р., Чхеидзе, Церетели, Стеклова и пр. А я совершенно точно заявил, что расчи-

тываю в этой области только на «терпеливое» (надо ли быть терпеливым, чтобы получить изменение, которое можно осуществить «немедленно»?) раз'яснение!

Тов. Каменев немножечко «нетерпеливо» размахнулся и повторил буржуазный предрассудок насчет Парижской Коммуны, будто она «немедленно» хотела вводить социализм. Это не так. Коммуна, к сожалению, слишком медлила с введением социализма. Действительная суть Коммуны не в том, где ее ищут обычно буржуа, а в создании особого типа государства. А такое государство в России уже родилось, это и есть Советы Рабочих и Солдатских Депутатов!

Тов. Каменев не вдумался в факт, в значение существующих Советов, в их тождество по типу, по социально-политическому характеру с государством Коммуны и, вместо изучения факта, стал говорить о том, на что я будто бы «расчитываю», как на «немедленное» будущее. Получилось, к сожалению, повторение приема многих буржуа: от вопроса о том, что такое Советы Р. и С. Деп. выше ли они по типу, чем парламентарная республика, полезнее ли они для народа, демократичнее ли они, удобнее ли они для борьбы, напр., с бесхлебием и т. д., от этого насущного, реального, жизнью поставленного на очередь дня вопроса, внимание отводится в сторону, на пустой, якобы научный, на деле бессодержательный, профессорски-мертвый вопрос о «расчете на немедленное пере-рождение».

Пустой, ложно поставленный вопрос. Я «расчитываю» только на то, исключительно на то, что рабочие, солдаты и крестьяне лучше, чем чиновники лучше, чем полицейские, справятся с практическими трудными вопросами об усилении производства хлеба, о лучшем распределении его, о лучшем обеспечении солдат и пр., и т. п.

Я глубочайше убежден, что Советы Р. и т. д. Деп. скорее и лучше проведут самостоятельность массы народа в жизнь, чем парламентарная республика (о сравнении обоих типов государства подробнее в другом письме). Они лучше, практичнее, вернее решат, как можно сделать и какие именно можно сделать шаги к социализму. Контроль за банком, слияние всех банков в один, это еще не социализм, но шаг к социализму. Такие шаги сегодня делают юнкер и буржуа в Германии против народа. Их гораздо лучше сумеет сделать завтра в пользу народа Совет С. и Р. Деп., если в его руках будет вся государственная власть.

А что вынуждает такие шаги?

Голод. Расстройство хозяйства. Грозный крах. Ужасы войны. Ужасы раб, наносимых войной человечеству.

Тов. Каменев кончает свою заметку заявлением, что «в широкой дискуссии он надеется отстоять свою точку зрения, как единственно возможную для революционной с.-д., поскольку она хочет и должна до конца остаться партией революционных масс пролетариата, а не превратиться в группу пропагандистов-коммунистов».

Мне сдается, что в этих словах видна глубоко ошибочная оценка момента. Тов. Каменев противопоставляет «партию масс» «группе пропагандистов». Но ведь «массы» как раз теперь поддались угару «революционного» оборончества. Не приличнее ли и для интернационалистов в такой момент уметь противостоять «массовому» угару, чем «хотеть остаться» с массами, т.-е. поддаться общему поветрию? Не видели ли мы во всех воюющих европейских странах, как шовинисты оправдывали себя желанием «остаться с массами»? Не обязательно ли уметь на известное время быть в меньшинстве против «массового» угара? Не является ли работа именно пропагандистов как раз в настоящий момент центральным пунктом для высвобождения пролетарской линии из «массового» оборонческого и мелко-буржуазного угара? Именно слитость масс, и пролетарских и непролетарских, без разбора классовых различий внутри масс, явилась одним из условий оборонческого поветрия. Презрительно говорить о «группе пропагандистов» пролетарской линии, пожалуй, не очень-то пристало.

Апрель, 1917 г.

Задачи пролетариата в нашей революции.

Проект платформы пролетарской партии.

Переживаемый исторический момент в России характеризуется следующими основными чертами:

Классовый характер происшедшей революции.

1. Старая царская власть, представлявшая только кучку крепостных помещиков, командующую всей государственной машиной (армией, полицией, чиновничеством), разбита и устранена, но не доведена. Монархия не уничтожена формально. Шайка Романовых продолжает монархические интриги. Гигантское землевладение крепостников-помещиков не ликвидировано.

2. Государственная власть в России перешла в руки нового класса, именно: буржуазии и обуржуазившихся помещиков. Постольку буржуазно-демократическая революция в России закончена.

Оказавшаяся у власти буржуазия заключила блок (союз) с явно монархическими элементами, проявлявшими себя неслыханно-усердной поддержкой Николая-Кровавого и Столыпина-Вешателя в 1906—1914 гг. (Гучков и другие правее кадетов стоящие политики). Новое буржуазное правительство Львова и К^о пыталось и начало вести переговоры с Романовыми о восстановлении монархии в России. Это правительство, под шумок революционной фразы, назначает на командные места сторонников старого порядка. Весь аппарат государственной машины (армии, полицию, чиновничество) это правительство старается как можно менее реформировать, отдав его в руки буржуазии. Революционному почину массовых действий и захвату власти народом снизу—этой единственной гарантии действительных успехов революции—новое правительство уже начало всячески препятствовать.

Срока созыва Учредительного Собрания это правительство до сих пор даже не назначило. Помещичьего землевладения этой материальной основы крепостнического царизма, оно не трогает. К расследованию действий, к оглашению действий, к контролю монополистических финансовых организаций, крупных банков, синдикатов и картелей капиталистов и т. п. это правительство и не помышляет приступить.

Самые главные, решающие министерские посты в новом правительстве (министерство внутренних дел, министерство военное, т.-е. командование армией, полицией, чиновничеством, всем аппаратом угнетения масс) принадлежат заведомым монархистам и сторонникам крупного помещичьего землевладения. Кадетам, республиканцам вчерашнего дня, республиканцам по неволе, предоставлены второстепенные посты, прямого отношения к командованию над народом к аппарату государственной власти не имеющие. А. Керенский, представитель трудовиков и «тоже-социалист», не играет ровно никакой роли, кроме усыпления народной бдительности и внимания звонкими фразами.

По всем этим причинам даже в области внутренней политики никакого доверия новое буржуазное правительство со стороны пролетариата не заслуживает, и никакая поддержка ему не допустима с его стороны.

Внешняя политика нового правительства.

3. В области внешней политики, которая теперь, в силу об'ективных условий выдвинута на первый план, новое правительство является правительством продолжения империалистской войны, войны в союзе с империалистскими державами, Англией, Францией и т. д., из-за дележа капиталистической добычи, из-за удушения мелких и слабых народов.

Подчинение интересам русского капитала и его могучего покровителя и хозяина, богатейшего во всем мире англо-французского капитала, новое правительство, вопреки пожеланиям, высказанным самым определенным образом от имени несомненного большинства народов России, через Совет Солдатских и Рабочих Депутатов, не сделало никаких реальных шагов к прекращению бойни народов из-за интересов капиталистов. Оно не опубликовало даже тех тайных договоров заведомо грабительского содержания (о разделе Персии, о грабеже Китая, о грабеже Турции, о разделе Австрии, об отнятии Восточной Пруссии, об отнятии немецких колоний и т. д.), которые заведомо связывают Россию с англо-французским империалистским грабительским капиталом. Оно подтвердило эти договоры, заключенные царизмом, который в течение веков грабил и угнетал

больше народов, чем другие тираны и деспоты,—царизмом, который не только угнетал, но и позорил и развращал великорусский народ, превращая его в палача других народов.

Новое правительство, подтвердив эти позорные и разбойничьи договоры, не предложило всем воюющим народам немедленного перемирия, вопреки ясно выраженным требованиям большинства народов России через Советы Рабочих и Солдатских Депутатов. Оно отделалось торжественными, звонкими, парадными, но совершенно пустыми декларациями и фразами, которые всегда служили и служат в устах буржуазных дипломатов для обмана доверчивых и наивных масс угнетенного народа.

4. Поэтому не только не заслуживает новое правительство ни малейшего доверия в области внешней политики, но и пред'являть ему дальше требование о том, чтобы оно возвестило волю народов России к миру, о том, чтобы оно отказалось от аннексий и т. д., и т. д., является на деле лишь обманом народа, внушением ему неосуществимых надежд, оттяжкой прояснения его сознания, косвенным примирением его с продолжением войны, истинный социальный характер которой определяется не добрыми пожеланиями, а классовым характером ведущего войну правительства, связью представляемого данным правительством класса с империалистическим финансовым капиталом России, Англии, Франции и пр., той реальной действительной политикой, которую ведет этот класс.

Своеобразное двоевластие и его классовое значение.

5. Самой главной особенностью нашей революции, особенностью, которая наиболее настоятельно требует вдумчивого отношения к ней, является создавшееся в первые же дни после победы революции двоевластие.

Это двоевластие проявляется в существовании двух правительств: главного, настоящего, действительно правительства буржуазии, «Временного Правительства» Львова и Ко, которое имеет в своих руках все органы власти, и добавочного, побочного, «контролирующего» правительства в лице Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, которое не имеет в своих руках органов государственной власти, но опирается непосредственно на заведомо безусловное большинство народа, на вооруженных рабочих и солдат.

Классовый источник этого двоевластия и классовое значение его состоит в том, что русская революция марта 1917 года не только смела всю царскую монархию, не только пе-

редала всю власть буржуазии, но и дошла вплотную до революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Именно такой диктатурой (т.-е. властью, опирающейся не на закон, а на непосредственную силу вооруженных масс населения) и именно указанных классов являются Петроградский и другие, местные, советы рабочих и солдатских депутатов.

б. Следующей, в высшей степени важной особенностью русской революции является то, что Петроградский Совет Солдатских и Рабочих Депутатов, пользующийся, судя по всему, доверием большинства местных советов, добровольно передает государственную власть буржуазии и ее Временному Правительству, добровольно уступает ему первенство, заключив с ним соглашение о поддержке его, ограничиваясь ролью наблюдателя, контролера за созывом Учредительного Собрания (срок созыва которого Временное Правительство до сих пор даже не опубликовало).

Это чрезвычайно своеобразное, невиданное в такой форме в истории, обстоятельство создало переплетение вместе, воедино двух диктатур: диктатуры буржуазии (ибо правительство Львова и К^о есть диктатура, т.-е. власть, опирающаяся не на закон и не на предварительное выражение народной воли, а на захват силою, при чем захват этот осуществлен определенным классом, именно: буржуазией) и диктатуры пролетариата и крестьянства (Совет Рабочих и Солдатских Депутатов).

Не подлежит ни малейшему сомнению, что долго держаться такой «переплет» не в состоянии. Двух властей в государстве быть не может. Одна из них должна сойти на-нет, и вся буржуазия российская уже работает изо всех сил, всяческими способами повсюду над устранением и обессилением, сведением на-нет Советов Солдатских и Рабочих Депутатов, над созданием единовластия буржуазии.

Двоевластие выражает лишь переходный момент в развитии революции, когда она зашла дальше обычной буржуазно-демократической революции, но не дошла еще до «чистой» диктатуры пролетариата и крестьянства.

Классовое значение (и классовое объяснение) этого переходного неустойчивого положения состоит в следующем: как и всякая революция, наша революция потребовала величайшего героизма, самопожертвования массы для борьбы с царизмом, а также сразу втянула в движение неслыханно громадное количество обывателей.

Один из главных, научных и практически-политических признаков всякой действительной революции в необыкновенно быстром, крутом, резком увеличении числа «обывателей», переходящих к активному, самостоятельному, дей-

ственному участию в политической жизни, в устройстве государства.

Так и Россия. Россия сейчас кипит. Миллионы и десятки миллионов, политически спавшие десять лет, политически забитые ужасным гнетом царизма и каторжной работой на помещиков и фабрикантов, проснулись и потянулись к политике. А кто такие эти миллионы и десятки миллионов? Большею частью мелкие хозяйчики, мелкие буржуа, люди, стоящие посредине между капиталистами и наемными рабочими. Россия наиболее мелко-буржуазная страна из всех европейских стран.

Гигантская мелко-буржуазная волна захлестнула все, подавила сознательный пролетариат не только своей численностью, но и идейно, т.-е. заразила, захватила очень широкие круги рабочих мелко-буржуазными взглядами на политику.

Мелкая буржуазия в жизни зависит от буржуазии, живя сама по-хозяйски, а не по-пролетарски (в смысле места в общественном производстве), и в образе мыслей она идет за буржуазией.

Доверчиво-бессознательное отношение к капиталистам, худшим врагам мира и социализма,— вот что характеризует современную политику масс в России, вот что выросло с революционной быстротой на социально-экономической почве наиболее мелко-буржуазной из всех европейских стран. Вот классовая основа «соглашения» (подчеркиваю, что имею в виду не столько формальное соглашение, сколько фактическую поддержку, молчаливое соглашение, доверчиво-бессознательную уступку власти) между Временным Правительством и Советом Рабочих и Солдатских Депутатов,— соглашения, давшего Гучковым жирный кусок, настоящую власть, а Совету—посулы, почет (до поры до времени), лесть, фразы, уверение, расшаркивание Керенских.

Недостаточная численность пролетариата в России, недостаточная сознательность и организованность его— вот другая сторона той же медали.

Все народнические партии, вплоть до с.-р., всегда были мелко-буржуазны, партия О. К. (Чхеидзе, Церетели и пр.) тоже; беспартийные революционеры (Стеклов и др.) равным образом поддались волне или не осилили, не успели осилить волны.

Вытекающее из предыдущего своеобразие
тактики.

7. Из указанного выше своеобразия фактического положения вытекает обязательное для марксиста,— который должен считаться с объективными фактами, с массами и

классами, а не с лицами и т. п.,—своеобразие тактики данного момента.

Это своеобразие выдвигает на первый план «вливание укуса и желчи в сладенькую водицу революционно-демократических фраз» (как выразился—замечательно меткой товарищ по Ц. К. нашей партии, Теодорович, на вчерашнем заседании Всероссийского Съезда жел.-дор. служащих и рабочих в Питере). Работа критики, разъяснение ошибок мелко-буржуазных партий с.р. и с.д., подготовка и сплочение элементов сознательно-пролетарской, коммунистической партии, высвобождение пролетариата из «общего» мелко-буржуазного угара.

Это кажется «только» пропагандистской работой. На деле это—самая практическая революционная работа, ибо нельзя двигать вперед революцию, которая остановилась, захлебнулась фразой, проделывает «шаг на месте» не из-за внешних помех, не из-за насилия со стороны буржуазии (Гучков только еще грозитя пока применить насилие против солдатской массы), а из-за доверчивой бессознательности масс.

Только борясь с этой доверчивой бессознательностью (а бороться с ней можно и должно исключительно идейно, товарищеским убеждением, указанием на опыт жизни) мы можем высвободиться из-под царящего разгула революционной фразы и действительно толкать вперед как пролетарское сознание, так и сознание масс, так и смелую решительную инициативу их на местах, самочинное осуществление, развитие и укрепление свобод, демократии, принципа общенародного владения всей землей.

8. Всемирный опыт буржуазных и помещичьих правительств выработал два способа удержания народа в угнетении. Первый—насилие. Николай Романов (I), Николай Палкин, и Николай II—Кровавый, показали русскому народу максимум возможного и невозможного по части такого, палаческого, способа. Но есть другой способ, лучше всего разработанный английской и французской буржуазией, «проученных» рядом великих революций и революционных движений масс. Это—способ обмана, лести, фразы, миллиона обещаний, грошевых подачек, уступок неважного, сохранения важного.

Своеобразие момента в России—головокружительно быстрый переход от первого способа ко второму, от насилия над народом к лести народу, к обманыванию его обещаниями. Кот-Васька слушает да ест. Милюков и Гучков держат власть, охраняют прибыли капитала, ведут империалистскую войну в интересах русского и англо-французского капитала—и отделяются посулами, декламацией, эффектными заявлениями в ответ на речи таких «поваров», как

Чхеидзе, Церетели, Стеклов, которые грозят, усовещевают, заклинают, умоляют, требуют, провозглашают... Кот-Васька слушает да ест.

И с каждым днем доверчивая бессознательность и бессознательная доверчивость будут отпадать, особенно со стороны пролетариев и беднейших крестьян, которых жизнь (общественно-экономическое положение их) учит не верить капиталистам.

Вожди мелкой буржуазии «должны» учить народ доверию к буржуазии. Пролетарии должны учить его недоверию.

Революционное оборончество и его классовое значение.

9. Самым крупным, самым ярким проявлением мелкобуржуазной волны, захлестнувшей «почти все», надо признать революционное оборончество. Именно оно—злейший враг дальнейшего движения и успеха русской революции.

Кто поддался в этом пункте и не сумел высвободиться,—тот погиб для революции. Но массы иначе поддаются, чем вожди, и иначе, иным ходом развития, иным способом высвобождаются.

Революционное оборончество есть, с одной стороны, плод обмана масс буржуазией, плод доверчивой бессознательности крестьян и части рабочих, а с другой—выражение интересов и точки зрения мелкого хозяйчика, который заинтересован до известной степени в аннексиях и банковых прибылях и который «свято» хранит традиции царизма, разбращавшего великороссов палачеством над другими народами.

Буржуазия обманывает народ, играя на благородной гордости революцией и изображая дело так, будто социально-политический характер войны со стороны России изменился от этого этапа революции, от замены царской монархии Гучково-Миллюковской почти-республикой. И народ поверил—на время—благодаря, в значительной степени, предрассудкам старины, заставляющим видеть в других народах России, кроме великорусского, нечто в роде собственности или вотчины великороссов. Подлое развращение великорусского народа царизмом, приучавшего видеть в других народах нечто низшее, нечто «по праву» принадлежавшее Великороссии, не могло рассеяться сразу.

От нас требуется умение раз'яснить массам, что социально-политический характер войны определяется не «доброй волей» лиц и групп, даже народов, а положением класса, ведущего войну, политической класса, продолже-

нием коей война является, связями капитала, как господствующей экономической силы в современном обществе, империалистским характером международного капитала, зависимостью—финансовой, банковской, дипломатической—России от Англии и Франции и т. д. Умело, понятно, для масс объяснить это не легко, без ошибок никто из нас этого не сумел бы сразу сделать.

Но направление, или, вернее, содержание нашей пропаганды должно быть такое, и только такое. Малейшая уступка революционному оборончеству есть измена социализму, полный отказ от интернационализма, какими бы красивыми фразами, какими бы «практическими» соображениями—это ни оправдывалось.

Лозунг «долой войну» верен, конечно, но он не учитывает своеобразия задач момента, необходимости и иначе подойти к широкой массе. Он похож, по-моему, на лозунг «долой царя», с которым неумелый агитатор «доброе старое время» шел просто и прямо в деревню—и получал побои. Массовые представители революционного оборончества добросовестны,—не в личном смысле, а в классовом, т. е. они принадлежат к таким классам (рабочие и беднейшие крестьяне), которые действительно от аннексий и от удушения чужих народов не выигрывают. Это не то, что буржуа и гг. «интеллигенты», прекрасно знающие, что нельзя отказаться от аннексий, не отказавшись от господства капитала, и бессовестно обманывающие массы красивой фразой, обещаниями без меры, посулами без числа.

Массовый представитель оборончества смотрит на дело по-просту, по-обывательски: «я не хочу аннексий, на меня «прет» немец, значит, я защищаю правое дело, а вовсе не какие-то империалистские интересы». Такому человеку надо раз'яснять и раз'яснять, что дело не в его личных желаниях, а в отношениях и условиях массовых, классовых, политических, в связи войны с интересами капитала и с международной сетью банков и т. д. Только такая борьба с оборончеством серьезна и обещает успех—может быть, не очень быстрый, но верный и прочный.

Как можно кончить войну?

10. Войну нельзя кончить «по желанию». Ее нельзя кончить решением одной стороны. Ее нельзя кончить, «воткнув штык в землю», употребляя выражение одного солдата оборонца.

Войну нельзя кончить «соглашением» социалистов разных стран, «выступлением» пролетариев всех стран, «волей» народов и т. п. — проповедью немедленно осуществимых

практических мер в интересах крестьянской аграрной революции в России.

11. Мы должны требовать национализации всех земель, т.-е. перехода всех земель в государстве в собственность центральной государственной власти. Эта власть должна определять размеры и проч. переселенческого фонда, определять законы для охраны лесов, для мелиорации и т. п., запрещать безусловно всякое посредничество между собственником земли—государством и арендатором ее—хозяйном (запрещать всякую передачу земли). Но все распоряжение землей, все определение местных условий владения и пользования должно находиться всецело и исключительно отнюдь не в бюрократических, чиновничьих руках, а в руках областных и местных Советов Крестьянских Депутатов.

12. В интересах повышения техники производства хлеба и размеров производства, а также в интересах развития рационального крупного хозяйства и общественного контроля над ним, мы должны внутри крестьянских комитетов добиваться образования из каждого конфискованного помещичьего имения крупного образцового хозяйства, под контролем Советов Батрацких Депутатов.

13. В противовес мелко-буржуазной фразе и политике, которая царит у с.-р., особенно в пустых разговорах о «потребительной» или «трудовой» норме, о «социализации земли» и т. п., партия пролетариата должна разъяснить, что система мелкого хозяйства при товарном производстве не в состоянии избавить человечество от нищеты массы и угнетения их.

Не раскалывая немедленно и обязательно Советов Крестьянских Депутатов, партия пролетариата должна разъяснить необходимость особых Советов Батрацких Депутатов и особых Советов Депутатов от беднейших (полупролетарских) крестьян или, по крайней мере, особых постоянных совещаний депутатов такого классового положения, как отдельных фракций, или партии внутри общих Советов Крестьянских Депутатов. Без этого все сладенькие мелкобуржуазные фразы народников о крестьянстве вообще окажутся прикрытием обмана немущих масс зажиточным крестьянством, которое представляет из себя лишь одну из разновидностей капиталистов.

В противовес буржуазно-либеральной или чисто-чиновничьей проповеди, которую ведут многие с.-р. и Советы Рабочих и Солдатских Депутатов, советуя крестьянам не брать помещичьих земель и не начинать аграрного преобразования впредь до созыва Учредительного Собрания, партия пролетариата должна призывать крестьян к немедленному, самочинному осуществлению земельного преобразо-

вания и к немедленной конфискации помещичьих земель по решениям Советов Крестьянских Депутатов на местах.

Особенно важно при этом настаивать на необходимости увеличить производство с'естных продуктов для солдат на фронте и для городов,—на абсолютной недопустимости какого бы то ни было ущерба или порчи скота, орудий, машин, построек и пр. и пр.

14. В национальном вопросе пролетарская партия должна отстаивать, прежде всего, провозглашение и немедленное осуществление полной свободы отделения от России всех наций и народностей, угнетенных царизмом, насильственно присоединенных или насильственно удерживаемых в границах государства, т.-е. аннексированных.

Все заявления, декларации и манифесты об отказе от аннексий, не сопровождаемые действительным осуществлением свободы отделения, сводятся к буржуазному обману народа или к мелко-буржуазным невинным пожеланиям.

Пролетарская партия стремится к созданию возможно более крупного государства, ибо это выгодно для трудящихся, она стремится к сближению и дальнейшему слиянию наций, но этой цели она хочет достигнуть не насилем, а исключительно свободным, братским союзом рабочих и трудящихся масс всех наций.

Чем демократичнее будет республика российская, чем успешнее организуется она в республику Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов, тем более могуча будет сила добровольного притяжения к такой республике трудящихся масс всех наций.

Полная свобода отделения—самая широкая местная (и национальная) автономия — детально разработанные гарантии прав национального меньшинства—такова программа революционного пролетариата.

Национализация банков и синдикатов капиталистов.

15. Партия пролетариата никоим образом не может задаваться целью «введения» социализма в стране мелкого крестьянства, пока подавляющее большинство населения не пришло к сознанию необходимости социалистической революции.

Но только буржуазные софисты, прячущиеся за «почти марксистские» словечки, могут выводить из этой истины оправдание такой политики, которая бы оттягивала немедленные революционные меры, вполне назревшие практически, осуществленные зачастую во время войны рядом буржуазных государств, настоятельно необходимые для борьбы с надвигающимся полным экономическим расстройством и голодом.

Такие меры, как национализация земли, всех банков и синдикатов капиталистов или, по крайней мере, установление немедленного контроля за ними Советов Рабочих Депутатов и т. п., отнюдь не будучи «введением» социализма, должны быть безусловно отстаиваемы и, по мере возможности, революционным путем осуществляемы. Вне таких мер, которые являются лишь шагами к социализму и которые вполне осуществимы экономически, невозможно лечение ран, нанесенных войной, и предупреждение грозящего краха, а останавливаться перед посягательством на неслыханно-высокие прибыли капиталистов и банкиров, нживающихся именно «на войне» особенно скандально, партия революционного пролетариата никогда не будет.

Положение дел в социалистическом Интернационале.

16. Международные обязанности рабочего класса России именно теперь с особенной силой выдвигаются на первый план.

Интернационализмом не клянется в наши дни только ленивый, даже шовинисты-оборонцы, даже гг. Плеханов и Потресов, даже Керенский называет себя интернационалистом. Тем насущнее обязанность пролетарской партии противопоставить со всей ясностью, точностью, определенностью интернационализм на деле интернационализму на словах.

Голос воззвания к рабочим всех стран, пустые заверения в своей преданности интернационализму, попытки прямо или косвенно установить «очередь» выступлений революционного пролетариата в разных воюющих странах, потуги заключить «соглашения» между социалистами воюющих стран о революционной борьбе, хлопотня с социалистическими съездами для кампании за мир и т. д., и т. д.—все это по своему объективному значению, как бы ни были искренни авторы таких идей, таких попыток или таких планов, все это одно фразерство, в лучшем случае—невинные, добренькие пожелания, годные лишь для прикрытия обмана масс шовинистами. И наиболее ловкие, наиболее искусные в приемах парламентского мошенничества французские социал-шовинисты давным-давно побили рекорд по части неслыханно громких и звонких пацифистских и интернационалистских фраз, соединенных с неслыханно наглой изменой социализму и Интернационалу, вступлением в министерства, ведущие империалистскую войну, голосованием за кредиты или за займы (как Чхеидзе, Скэбелев, Церетели, Стеклов в последние дни в России), противодействием революционной борьбе в своей собственной стране и т. д. и т. д.

Добрые люди забывают часто жесткую, свирепую обстановку всемирной империалистской войны. Эта обстановка не терпит фраз, она издевается над невинными, сладенькими пожеланиями.

Интернационализм на деле—один, и только один: беззаветная работа над развитием революционного движения и революционной борьбы в своей стране, поддержка (пропагандой, сочувствием, материально) такой же борьбы, такой же линии, и только ее одной, во всех без исключения странах.

Все остальное обман и маниловщина.

Три течения выработало международное социалистическое и рабочее движение за два с лишним года войны во всех странах, и кто сходит с реальной почвы признания этих трех течений, анализа их, последовательной борьбы за интернационалистское на деле течение,—тот осуждает себя на бессилие, беспомощность и ошибки.

Три течения следующие:

1) Социал-шовинисты, т.-е. социалисты на словах, шовинисты на деле—это люди, признающие «защиту отечества» в империалистской (и, прежде всего, в данной империалистской) войне.

Эти люди—наши классовые противники. Они перешли на сторону буржуазии.

Таково большинство официальных вождей официальной социал-демократии во всех странах. Гг. Плеханов и К^о в России, Шейдеманы в Германии, Ренодель, Гэд, Самба во Франции, Биссолати и К^о в Италии, Гайндман, фабианцы и «лабуристы» (вожди «рабочей партии») в Англии, Брантинг и К^о в Швеции, Трульстра и его партия в Голландии, Стаунинг и его партия в Дании, Виктор Бергер и пр. «защитники отечества» в Америке и т. п.

2) Второе течение—так наз. «центр»—люди, колеблющиеся между социал-шовинистами и интернационалистами на деле.

«Центр» весь клянется и божится, что они марксисты, интернационалисты, что они за мир, за всяческие «давления» на правительства, за всяческие «требования» к своему правительству о «выявлении им воли народа к миру», за всевозможные кампании в пользу мира, за мир без аннексий и т. д., и т. д.—и за мир с социал-шовинистами. «Центр»—за «единство», центр—противник раскола.

«Центр»—царство добренькой мелко-буржуазной фразы, интернационализма на словах, трусливого оппортунизма и угодничества перед социал-шовинистами на деле.

Гвоздь вопроса в том, что «центр» не убежден в необходимости революции против своих правительств, не проповедует ее, не ведет беззаветной революционной борьбы,

выдумывает самые пошлые—архи-«марксистски» звучащие—отговорки от нее.

Социал-шовинисты—наши классовые противники, буржуа среди рабочего движения. Они представляют слой, группы, прослойки рабочих, об'ективно подкупленных буржуазией (лучшая плата, почетные места и т. д.) и помогающих своей буржуазии грабить и душить мелкие и слабые народы, бороться из-за дележа капиталистической добычи.

«Центр»—люди рутины, из'еденные гнилой легальностью, испорченные обстановкой парламентаризма и пр., чиновники, привыкшие к теплым местечкам и к «спокойной» работе. Исторически и экономически говоря, они не представляют особого слоя, они представляют только переход от изжитой полосы рабочего движения, от полосы 1871—1914 годов, от полосы, давшей много ценного, особенно в необходимом для пролетариата искусстве медленной, выдержанной, систематической, организационной работы в широком и широчайшем размере,—к полосе новой, ставшей об'ективно необходимою со времени первой всемирной империалистической войны, открывшей эру социальной революции.

Главный вождь и представитель «центра»—Карл Каутский, виднейший авторитет II (1889—1914) Интернационала, образец полного краха марксизма, неслыханной бесхарактерности, самых жалких колебаний и измен с августа 1914 года. Течение «центра»—Каутский, Гаазе, Ледебур, так наз. рабочее или трудовое содружество в рейхстаге; во Франции—Лонгэ, Прессман и так наз. «миноритеры» (меньшевики) вообще; в Англии—Филипп Сноуден, Рамзэй Макдональд и мн. др. вожди «независимой рабочей партии» и частью брит. соц. партии; Моррис Хилквит и мн. др. в Америке; Турати, Тревес, Модильяни и т. п. в Италии; Роберт Гримм и т. д. в Швейцарии; Виктор Адлер и К^о в Австрии; партия О. К., Аксельрод, Мартов, Чхедидзе, Церетели и пр. в России и т. п.

Понятно, что отдельные лица иногда переходят, незаметно для себя, с позиции социал-шовинизма на позицию «центра» и обратно. Всякий марксист знает, что классы отличаются друг от друга, несмотря на свободный переход лиц из класса в класс; так и течения в политической жизни отличаются друг от друга, несмотря на свободный переход лиц из одного течения в другое, несмотря на попытки и усилия слить течения.

3) Третье течение—интернационалисты, на деле ближе всего выражаемые «циммервальдской левой» (мы перепечатаем в приложении ее манифест от сентября 1915 г.,

чтобы читатели могли ознакомиться в подлиннике с рождением данного течения).

Главный отличительный признак: полный разрыв и с социал-шовинизмом и с «центром». Беззаветная революционная борьба против своего империалистского правительства и своей империалистской буржуазии. Принцип: «главный враг в собственной стране». Беспощадная борьба со сладенькой социал-пацифистской (социал-пацифист—социалист на словах, буржуазный пацифист на деле; буржуазные пацифисты мечтают о вечном мире без свержения ига и господства капитала) фразой и со всякими отговорками, направленными к отрицанию возможности или уместности, или своевременности революционной борьбы пролетариата и пролетарской, социалистической революции в связи с данной войной.

Виднейшие представители этого течения: в Германии— «группа Спартака», или «группа Интернационала», с Карлом Либкнехтом, как членом ее. Карл Либкнехт—знаменитейший представитель этого течения и нового, настоящего, пролетарского Интернационала.

Карл Либкнехт призвал рабочих и солдат Германии обратить оружие против своего правительства. Карл Либкнехт делал это открыто с трибуны парламента (рейхстага). А потом он пошел на Потсдамскую площадь, одну из самых больших площадей Берлина, с нелегально отпечатанными прокламациями на демонстрацию с призывом «долой правительство». Его арестовали и осудили на каторгу. Он сидит теперь в каторжной тюрьме в Германии, как и вообще сотни, если не тысячи, истинных социалистов Германии сидят в тюрьмах за борьбу против войны.

Карл Либкнехт вел беспощадную борьбу в речах и письмах не только со своими Плехановыми, Потресовыми (Шейдеманами, Легинами, Давидами и К⁰), но и со своими людьми центра, со своими Чхеидзе, Церетели (с Каутским, Гаазе, Ледебуром и К⁰).

Карл Либкнехт с своим другом Отто Рюле вдвоем из ста десяти депутатов, порвали дисциплину, разрушили «единство» с «центром» и шовинистами, пошли против всех. Один Либкнехт представляет социализм, пролетарское дело, пролетарскую революцию. Вся остальная германская социал-демократия, по верному выражению Розы Люксембург (тоже член и один из вождей «группы Спартака»),— смердящий труп.

Другая группа интернационалистов на деле в Германии—бременская газета «Рабочая Политика».

Во Франции ближе всего к интернационалистам на деле—Лорио и его друзья (Бурдерон и Мергейм скатились

к социал-пацифизму), а также франц. Анри Гильбо, издающий в Женеве журнал «Завтра», в Англии—газета «Трэд-юнионист» и часть членов брит. соц. партии и независимой раб. партии (напр., Виллиам Рессель, открыто звавший к расколу с изменившими социализму вождями), шотландский народный учитель социалист Маклин, осужден буржуазным правительством Англии на каторгу за революционную борьбу против войны; сотни социалистов Англии в тюрьмах за те же преступления. Они и только они—интернационалисты на деле; в Америке—«Соц. Раб. Партия» и те элементы внутри оппортунистической «Соц. Партии», которые начали издавать с января 1917 г. газету «Интернационалист»; в Голландии—партия «трибунистов», издающих газету «Трибуна» (Паннекук, Герман Гортер, Вейнкоп, Генриетта Роланд-Хольст, бывшая центром в Циммервальде, перешедшая теперь к нам); в Швеции—партия молодых или левых с такими вождями, как Линдхаген, Туре Нерман, Карлсон, Штрем, Э. Хеглунд, участвовавший лично в Циммервальде в основании «Циммервальдской левой» и осужденный ныне в тюрьму за революционную борьбу против войны; в Дании—Трир и его друзья, ушедшие из ставшей вполне буржуазной «соц.-дем.» партии Дании, с министром Стаунингом во главе; в Болгарии—«тесняки»; в Италии—ближе всего секретарь партии Константин Ладзари и редактор центрального органа «Вперед» Серрати; в Польше—Радек, Ганецкий и др. вожди социал-демократии, объединенной «Краевым Правлением»; Роза Люксембург, Тышка и др. вожди соц.-дем., объединенной «Главным Правлением»; в Швейцарии—те левые, которые составили мотивировку «референдума» (январь 1917 г.) для борьбы с социал-шовинистами и «центром» своей страны и которые на цюрихском кантональном соц. съезде в Тессе, 11 февраля 1917 г., внесли принципиально-революционную резолюцию против войны; в Австрии молодые друзья Фридриха Адлера слева, действовавшие отчасти в клубе «Карл Маркс» в Вене,—клубе, закрытом ныне реакционнейшим австрийским правительством, губящим Фр. Адлера за его геройский, хотя и мало обдуманый, выстрел в министра и т. д., и т. д.

Дело не в оттенках, которые есть и между левыми. Дело в течении. Вся суть в том, что не легко быть интернационалистом на деле в эпоху ужасной империалистской войны. Таких людей мало, но только в них—вся будущность социализма, только они — вожди масс, а не развратители масс.

Различие между реформистами и революционерами, среди с.-д., среди социалистов вообще, с объективной неизбежностью должно было претерпеть изменение в обста-

новке империалистской войны. Кто ограничивается «требованиями» к буржуазным правительствам о заключении мира или о «выявлении воли народов к миру» и т. п., тот на деле скатывается к реформам. Ибо вопрос о войне, объективно, стоит только революционно.

Нет выхода из войны к демократическому, не насильственному миру, к освобождению народов от кабалы, миллиардных процентов господам капиталистам, нажившимся на «войне»,—нет выхода, кроме революции пролетариата.

От буржуазных правительств можно и должно требовать самых различных реформ, но нельзя, не впадая в маниловщину и в реформизм, требовать от этих тысячами нитей империалистского капитала опутанных людей и классов разрыва этих нитей, а без такого разрыва все разговоры о войне, против войны—пустые, обманчивые фразы.

«Каутскианцы», «центр»—революционеры на словах, реформисты на деле,—интернационалисты на словах, пособники социал-шовинизма на деле.

Крах Циммервальдского Интернационала. — Необходимо основать третий Интернационал.

17. Циммервальдский Интернационал с самого начала встал на колеблющуюся, «каутскианскую», «центровую» позицию, что и заставило циммервальдскую левую немедленно отгородиться, обособиться, выступить со своим манифестом (напечатанным в Швейцарии по-русски, по-немецки и по-французски).

Главный недостаток Циммервальдского Интернационала—причина его краха (ибо он потерпел уже идейно-политический крах)—колебания, нерешительность в важнейшем, практически всеопределяющем вопросе о полном разрыве с социал-шовинизмом, с социал-шовинистским старым Интернационалом, возглавляемым Вандервельде, Гюисмансом в Гааге (Голландия) и пр.

У нас еще не знают, что циммервальдское большинство есть именно каутскианцы. А между тем это основной факт, который нельзя не учитывать и который теперь в Западной Европе общеизвестен. Даже шовинист, крайний немецкий шовинист Гейльман, редактор архи-шовинистской «Хемницкой Газеты» и сотрудник архи-шовинистского парвусовского «Колокола» (разумеется, «социал-демократ» и ярый сторонник «единства» социал-демократии), должен был признать в печати, что центр или «каутскианство» и циммервальдское большинство—это одно и то же.

А конец 1916-го и начало 1917-го годов окончательно установили этот факт. Несмотря на осуждение социал-пацифизма Кинтальским манифестом, вся циммервальдская пра-

вая, все циммервальдское большинство скатилось к социал-пацифизму: Каутский и К⁰ в ряде выступлений в январе и феврале 1917 года; Бурдерон и Мергейм во Франции, голосуя единодушно с социал-шовинистами за пацифистские резолюции социалистической партии (декабрь 1916 г.) и «генеральной конфедерации труда» (т.-е. общенациональной организации французских профессиональных союзов, тоже в декабре 1916 г.); Турати и К⁰ в Италии, где вся партия заняла социал-пацифистскую позицию, а Турати лично «поскользнулся» (и не случайно, конечно) до националистических, прикрашивающих империалистскую войну фраз в речи 17 декабря 1916 года.

Председатель Циммервальда и Кингалея Роберт Гримм в январе 1917 года вошел в союз с социал-шовинистами своей партии (Грейлих, Пфлюгер, Густав Мюллер и др.) против интернационалистов на деле.

На двух совещаниях циммервальдцев в разных странах, в январе и феврале 1917 года, это двойственное и двуличное поведение циммервальдского большинства было формально заклеено левыми интернационалистами нескольких стран: Мюнценбергом, секретарем международной организации молодых и редактором прекрасной интернационалистской газеты «Интернационал молодежи»; Зиновьевым, представителем Ц. К. нашей партии; К. Радеком, польской с.-д. партии («Краевое Правление»); Харштейном, немецким социал-демократом, членом «группы Спартак».

Русскому пролетариату многое дано; нигде в мире не удалось еще рабочему классу развернуть такую революционную энергию, как в России. Но кому много дано, с того много спросится.

Нельзя терпеть далее циммервальдское болото. Нельзя из-за циммервальдских «каутскианцев» оставаться дальше в полусвязи с шовинистским Интернационалом Плехановых и Шейдеманов. Надо порвать с этим Интернационалом немедленно. Надо остаться в Циммервальде только для информации.

Надс основать именно нам, именно теперь, без промедления новый революционный, пролетарский Интернационал, или, вернее, не бояться признать во всеуслышание, что он уже основан и действует.

Это—Интернационал тех «интернационалистов на деле», которых я точно перечислил выше. Они и только они—представители революционно-интернационалистских масс, а не развратители масс.

Если мало таких социалистов, то пусть спросит себя каждый русский рабочий, много ли было сознательных ре-

волюиснеров в России накануне революции февральской и мартовской 1917 года?

Дело не в числе, а в правильном выражении идей и политики действительно революционного пролетариата. Суть не в «провозглашении» интернационализма, а в том, чтобы уметь быть, даже в самые трудные времена, интернационалистом на деле.

Не будем обманываться надеждой на соглашение и международные конгрессы. Международные сношения, пока длится империалистская война, сжаты железными тисками империалистски-буржуазной военной диктатуры. Если даже «республиканец» Милоков, вынужденный терпеть побочное правительство Совета Рабочих Депутатов, не пустил в Россию, в апреле 1917 года, швейцарского социалиста, секретаря партии, интернационалиста, участника Циммервальда и Кинталея, Фрица Платтена, хотя он женат на русской, ехал к родственникам жены, хотя он участвовал в революции 1905 г., в Риге сидел за это в русской тюрьме, внес залог, для освобождения, царскому правительству, хотел получить этот залог обратно,—если республиканец Милоков мог сделать это в России в апреле 1917 года, то можно судить о том, что стоят обещания и посулы, фразы и декларации насчет мира без аннексий и т. п. со стороны буржуазии.

А арест Троцкого английским правительством? А не выпуск Мартова из Швейцарии, а надежды заманить Мартова в Англию, где его ждет судьба Троцкого?

Не будем делать себе иллюзии. Не надо самообманов.

«Ждать» международных конгрессов или совещаний значит быть изменником интернационализма, раз доказано, что даже из Стокгольма к нам не пускают ни верных интернационализму социалистов, ни даже писем от них, несмотря на полную возможность—и на полную свирепость военной цензуры.

Не «ждать», а основать третий Интернационал должна тотчас наша партия,—и сотни социалистов в тюрьмах Германии и Англии вздохнут с облегчением—тысячи и тысячи немецких рабочих, которые устраивают пыные стачки и демонстрации, пугающие негодяя и разбойника Вильгельма, прочтут в нелегальных листках о нашем решении, о нашем братском доверии Карлу Либкнехту и только ему, о нашем решении бороться и теперь против «революционного оборончества»,—прочтут это и укрепятся в своем революционном интернационализме.

Кому много дано, с того много спросится. Нет в мире страны, где бы сейчас была такая свобода, как в России. Воспользуемся этой свободой не для проповеди поддержки буржуазии или буржуазного «революционного обо-

рончества», а для смелого и честного, пролетарского и Либкнехтского, — основания третьего Интернационала, Интернационала, враждебного бесповоротно и изменникам—социал-шовинистам, и колеблющимся людям «центра».

18. О том, что об объединении социал-демократов в России не может быть и речи, не приходится тратить много слов после вышесказанного.

Лучше остаться вдвоем, как Либкнехт,—и это значит остаться с революционным пролетариатом,—чем допускать хотя бы на минуту мысль об объединении с партией О.К., Чхеидзе и Церетели, которые терпят блок с Потресовым в «Рабочей Газете», которые голосуют за заем в Исполнительном Комитете Совета Рабочих Депутатов, которые скатились к «оборончеству».

Пусть мертвые хоронят своих мертвецов.

Кто хочет помочь колеблющимся, должен начать с того, чтобы перестать колебаться самому.

Каково должно быть научно-правильное и политически помогающее прояснению сознания пролетариата название нашей партии?

19. Перехожу к последнему, к названию нашей партии. Мы должны назваться Коммунистической партией,—как называли себя Маркс и Энгельс.

Мы должны повторить, что мы марксисты и за основу берем «Комм. Манифест», извращенный и преданный социал-демократией по двум главным пунктам: 1) рабочие не имеют отечества: «защита отечества» в империалистской войне есть измена социализму; 2) учение марксизма о государстве извращено II Интернационалом.

Название «социал-демократия» научно неверно, как показал Маркс, неоднократно, между прочим, в «Критике Готской программы» 1875 года и популярнее повторил Энгельс в 1894 году. От капитализма человечество может перейти непосредственно только к социализму, т.-е. общему владению средствами производства и распределению продуктов по мере работы каждого. Наша партия смотрит дальше: социализм неизбежно должен постепенно перерасти в коммунизм, на знамени которого стоит: «каждый по способностям, каждому по потребностям».

Таков мой первый довод.

Второй: научно неправильна и вторая часть названия нашей партии (социал-демократы). Демократия есть одна из форм государства. Между тем мы, марксисты, противники всякого государства.

Вожди II (1889 — 1914) Интернационала, г. Плеханов, Каутский и подобные им, опошлили и извратили марксизм.

Марксизм отличается от анархизма тем, что признает необходимость государства для перехода к социализму,—но (и в этом отличие от Каутского и К⁰) не такого государства, как обычная парламентарная буржуазная демократическая республика, а такого, как Парижская Коммуна 1871 г., как Советы Рабочих Депутатов 1905 и 1917 годов.

Мой третий довод: жизнь создала, революция создала уже на деле у нас, хотя и в слабой, зачаточной форме, именно это новое «государство», не являющееся государством в собственном смысле слова.

Это уже вопрос практики масс, а не только теории вождей.

Государство в собственном смысле есть командование над массами со стороны отрядов вооруженных людей, отделенных от народа.

Наше, рождающееся, новое государство есть тоже государство, ибо нам необходимы отряды вооруженных людей, необходим строжайший порядок, необходимо беспощадное подавление насилием всяких попыток контрреволюции и царистской, и гучковски-буржуазной.

Но наше рождающееся, новое государство не есть уже государство в собственном смысле слова, ибо в ряде мест России эти отряды вооруженных людей есть сама масса, весь народ, а не кто-либо, над ним поставленный, от него отделенный, привилегированный, практически несменяемый.

Не назад надо смотреть, а вперед, не на ту демократию обычно-буржуазного типа, которая укрепляла господство буржуазии посредством старых, монархических, органов управления, полиции, армии, чиновничества.

Надо смотреть вперед к рождающейся новой демократии, которая уже перестает быть демократией, ибо демократия есть господство народа, а сам вооруженный народ не может над собой господствовать.

Слово демократия не только научно неверно в применении к Коммунистической партии. Оно теперь, после марта 1917 года, есть шора, одеваемая на глаза революционному народу и мешающая ему свободно, смело, самочинно строить новое: Советы Рабочих, Крестьянских и всяких иных Депутатов, как единственную власть в «государстве», как предвестник «отмирания» всякого государства.

Мой четвертый довод: надо считаться с объективным всемирным положением социализма.

Оно не таково, каким было в 1871—1914 гг., когда Маркс и Энгельс сознательно мирились с неверным, оппортунистическим термином: «социал-демократии». Ибо тогда, после поражения Парижской Коммуны, история поставила на очередь дня: «немедленную организационно-просветительную работу». Иной не было. Анархисты не только теоретически были (и остаются) в корне неправы, и экономически и политически. Анархисты неверно оценили момент, не поняв всемирной ситуации: развращенный империалистскими прибылями рабочий Англии, разбитая Коммуна в Париже, только что победившее (в 1871 г.) буржуазно-национальное движение в Германии, спящая вековым сном полу-крепостная Россия.

Маркс и Энгельс верно ушли момент, поняли международную ситуацию, поняли задачи медленного подхода к началу социальной революции.

Поймем же и мы задачи и особенности новой эпохи. Не будем подражать тем горе-марксистам, про которых говорил Маркс: «я сеял драконов, а сбор жатвы дал мне блох».

Объективная необходимость капитализма, переросшего в империализм, породила империалистскую войну. Война привела все человечество на край пропасти, гибели всей культуры, одичания и гибели еще миллионов людей, миллионов без числа.

Выхода нет, кроме революции пролетариата.

И в такой момент, когда эта революция начинается, когда она делает свои первые, робкие, нетвердые, несознательные, слишком доверчивые к буржуазии шаги,—в такой момент большинство (это правда, это факт) «социал-демократических» вождей, «социал-демократических» парламентариев, «социал-демократических» газет—а ведь именно таковы органы воздействия на массы—большинство их изменило социализму, предало социализм, перешло на сторону «своей» национальной буржуазии.

Массы смущены, сбиты с толку, обмануты этими вождами.

И мы будем поощрять этот обман, облегчать его, держась строго того устаревшего названия, которое так же сгнило, как сгнил II Интернационал!

Пусть «многие» рабочие понимают социал-демократию по-честному. Пора учиться различию субъективного от объективного.

Субъективно эти рабочие социал-демократы—вернейшие вожди пролетарских масс.

А объективное, всемирное положение таково, что старое название нашей партии облегчает обман масс, тормозит движение вперед, ибо на каждом шагу, в каждой

газете, в каждой парламентской фракции масса видит вождей, т.-е. людей, слова которых громче слышны, дела дальше видны,—и все они «тоже-социал-демократы», все они «за единство» с изменниками социализма, социал-шовинистами, все они пред'являют к уплате старые векселя, выданные «социал-демократией».

А доводы против?.. «Смешают с анархистами-коммунистами»...

Отчего не боимся мы смещения с социал-националами и социал-либералами, с радикалами-социалистами, самой передовой и самой ловкой в буржуазном обмане масс буржуазной партии в французской республике?.. «Массы привыкли, рабочие «полюбили» свою социал-демократическую партию»...

Вот единственный довод, но ведь это довод, отбрасывающий прочь и науку марксизма, и задачи завтрашнего дня в революции, и объективное положение всемирного социализма, и позорный крах II Интернационала, и порчу практического дела стаями окружающих пролетариев «тоже-социал-демократов».

Это довод рутины, довод спячки, довод косности.

А мы хотим перестроить мир. Мы хотим покончить всемирную империалистскую войну, в которую втянуты сотни миллионов людей, запутаны интересы сотен и сотен миллиардов капитала, которую нельзя кончить истинно демократическим миром без величайшей в истории человечества пролетарской революции.

И мы боимся сами себя. Мы держимся за «привычную», «милую», грязную рубаху...

Пора сбросить грязную рубаху, пора надеть чистое белье.

Апрель, 1917 г.

V.

ИЮЛЬСКИЕ ДНИ.

1. О конституционных иллюзиях.
2. Уроки резолюции.

О конституционных иллюзиях.

(К моменту).

Конституционными иллюзиями называется политическая ошибка, состоящая в том, что люди принимают за существующий нормальный правовой, упорядоченный, подзаконный, короче: «конституционный» порядок, хотя его в действительности не существует. Может показаться на первый взгляд, что в современной России, в июне 1917 г., когда конституции никакой еще не выработано, не может быть и речи о возникновении конституционных иллюзий. Но это—глубокая ошибка. На самом деле весь гвоздь всего современного политического положения России состоит в том, что чрезвычайно широкие массы населения проникнуты конституционными иллюзиями. Нельзя ровно ничего понять в современном политическом положении России, не поняв этого. Нельзя сделать решительно ни одного шага к правильной постановке тактических задач в современной России, не поставив во главу угла систематическое и беспощадное разоблачение конституционных иллюзий, раскрытие всех их корней, восстановление правильной политической перспективы.

Возьмем три мнения, наиболее тяжелых для современных конституционных иллюзий, и разберем их повнимательнее.

Первое мнение: наша страна переживает канун Учредительного Собрания; поэтому все происходящее теперь имеет временный, переходящий, не очень существенный, не решающий характер; все будет вскоре пересмотрено и окончательно установлено Учредительным Собранием. Второе мнение: известные партии,—напр., эс-эры, или меньшевики или союз их,—имеют явное и несомненное большинство в народе или в «влиятельнейших» учреждениях, в роде Советов, поэтому воля этих партий, этих учреждений, как и вообще воля большинства народа, не может быть обойдена,

или, тем более, нарушена в республиканской, демократической, революционной России. Третье мнение: известная мера, напр., закрытие газеты «Правда», не узаконена ни Временным Правительством, ни Советами; поэтому она является лишь эпизодом, случайным явлением, она никак не может быть рассматриваема, как нечто решающее.

Перейдем к разбору каждого из этих мнений.

I.

Созыв Учредительного Собрания обещан Временным Правительством еще первого состава. Оно признало главной своей задачей доведения страны до Учредительного Собрания. Временное Правительство второго состава назначило срок созыва Учредительного Собрания на 30 сентября. Временное Правительство третьего состава, после 4 июля, торжественнейшим образом подтвердило этот срок.

А между тем 99 шансов из 100 за то, что в этот срок Учредительное Собрание создано не будет. Будь оно создано в этот срок,—99 шансов из 100 опять-таки за то, что оно будет столь же бессильно и никчемно, как первая Дума,—пока не победит вторая революция в России. Чтобы убедиться, в этом, достаточно отвлечься хоть на минуту от той шумихи фраз, обещаний и мелочей дня, которая засоряет мозги, и поглядеть на основное, на всеопределяющее в общественной жизни: на классовую борьбу.

Что буржуазия в России теснейшим образом слилась с помещиками, это ясно. Вся пресса, все выборы, вся политика партии к.-д. и партий правее их, все выступления «с'ездов» «заинтересованных» лиц доказывают это.

Буржуазия превосходно понимает то, что не понимают мелко-буржуазные болтуны из эс-эров и «левых» меньшевиков,—именно, что нельзя отменить частную собственность на землю в России—и при том без выкупа,—без гигантской экономической революции, без взятия под общенародный контроль банков, без национализации синдикатов, без ряда самых беспощадных революционных мер против капитала. Буржуазия превосходно понимает это. И в то же время она не может не знать, не видеть, не осязать, что громадное большинство крестьян в России не только выскажется теперь за конфискацию помещичьих земель, но и окажется значительно левее Чернова. Ибо буржуазия знает больше нашего, как о том, сколько частичных уступочек делал он, Чернов, хотя бы с 6 мая по 2 июля, в вопросах об оттягивании и урезывании различных крестьянских требований, так и о том, сколько труда стоило правым эс-эрам (Чернов ведь считается у эс-эров «центром»!) на крестьянском с'езде и в Исполнительном Комитете Всероссийского Со-

вета крестьянских депутатов «успокаивать» крестьян и кормить их завтраками.

Буржуазия отличается от мелкой буржуазии тем, что из своего экономического и политического опыта она извлекла понимание условий сохранения «порядка» (т.-е. порабощение масс) при капиталистическом строе.

Буржуа—люди деловые, люди крупного торгового расчета, привыкшие и к вопросам политики подходить строго деловым образом, с недоверием к словам, с умением брать быка за рога.

Учредительное Собрание в современной России даст большинство крестьян более левым, чем эс-эры. Это буржуазия знает. Зная это, она не может не бороться самым решительным образом против скорого созыва Учредительного Собрания. Вести империалистскую войну в духе тайных договоров, заключенных Николаем II, отстаивать помещичье землевладение или выкуп, все это—невозможное или невероятно трудное дело при Учредительном Собрании. Война не ждет. Классовая борьба не ждет. Даже короткий промежуток времени, с 28 февраля по 21 апреля, наглядно показал это.

С самого начала революции наметились два взгляда на Учредительное Собрание. Эс-эры и меньшевики, пассивно пропитанные конституционными иллюзиями, смотрели на дело с доверчивостью мелкого буржуа, не желающего знать классовой борьбы: Учредительное Собрание будет, и баста! Что сверх того, то от лукавого.

А большевики говорили: лишь в меру укрепления силы и власти Советов созыв Учредительного Собрания и успех его обеспечен. У меньшевиков и эс-эров центр тяжести переносился на юридический акт: провозглашение, обещание, декларирование созыва Учредительного Собрания.

У большевиков центр тяжести переносился на классовую борьбу; если Советы победят, Учред. Собрание будет обеспечено, если нет,—оно не обеспечено.

Так и вышло. Буржуазия все время вела то скрытую, то явную, то непрерывную, неуклонную борьбу против созыва Учред. Собрания. Эта борьба выражалась в желании оттянуть его созыв до окончания войны. Эта борьба выражалась в ряде оттяжек назначенного срока созыва Учред. Собрания. Когда, наконец, после 18 июля, более месяца спустя после образования коалиционного министерства, был назначен срок созыва Учред. Собрания, московская буржуазная газета заявила, что это сделано под влиянием агитации большевиков. В «Правде» была приведена точная цитата из этой газеты.

После 4-го июля, когда услужливость и запуганность эс-эров и меньшевиков дала «победу» контр-революции, в

«Речи» проскользнуло краткое, но в высшей степени замечательное выражение: «возможно скорый» созыв Учредительного Собрания!!

А 16 июля в «Воле Народа» и в «Русской Воле» появляется заметка, что кадеты требуют отсрочки созыва Учредительного Собрания под предлогом «невозможности» созвать его в такой «короткий» срок, и лакействующий перед контр-революцией меньшевик Церетели соглашается уже, согласно этой заметке, на отсрочку до 20 ноября.

Нет сомнения, что подобная заметка могла проскользнуть только против воли буржуазии. Ей невыгодны такие «разоблачения». Но шила в мешке не утаишь. Распоясавшаяся после 4-го июля контр-революция пробалтывается. Первый же захват власти контр-революционной буржуазией после 4 июля сопровождается немедленно шагом (и очень серьезным шагом) п р о т и в созыва Учредительн. Собрания.

Это факт. И этот факт вскрывает всю пустоту конституционных иллюзий. Без новой революции в России, без отказа народом в доверии партиям эс-эров и меньшевиков, партиям соглашательства с буржуазией, Учредительное Собрание либо не будет собрано вовсе, либо будет «франкфуртской говорильней», бессильным, никчемным собранием мелких буржуа, до-смерти-запуганных войной и перспективой «бойкота власти» буржуазией, беспомощно мечущихся между потугами править без буржуазии и боязнью обойтись без буржуазии.

Вопрос об Учредительном Собрании подчинен вопросу о ходе и исходе классовой борьбы между буржуазией и пролетариатом. Помнится, «Рабочая Газета» сболтнула, однажды, что Учредительное Собрание будет Конвентом. Это—один из образцов пустой, жалкой, презренной, похвальбы наших меньшевистских лаксев контр-революционной буржуазии. Чтобы не быть «франкфуртской говорильней» или первой Думой, чтобы быть Конвентом, для этого надо сметь, уметь, иметь силу наносить беспощадные удары контр-революции, а не соглашаться с нею. Для этого надо, чтобы власть была в руках самого передового, самого решительного, самого революционного для данной эпохи класса. Для этого надо, чтобы он был поддержан всей массой городской и деревенской бедноты (полупролетариев). Для этого нужна решительная борьба с контр-революционной буржуазией прежде всего.

Таковы реальные, классовые, материальные условия Конвента. Достаточно точно и ясно перечислить эти условия, чтобы понять, как смешна похвальба «Рабочей Газеты», как бездонно глупы конституционные иллюзии эс-эров и меньшевиков насчет Учредительного Собрания в современной России.

II.

Бичуя мелко-буржуазных «социал-демократов» 1848 г., Маркс особенно жестоко клеймил их безудержное фразерство насчет «народа» и большинства народа вообще. Именно это уместно вспомнить при разборе второго мнения при анализе конституционных иллюзий насчет «большинства».

Чтобы большинство действительно решало в государстве, для этого нужны определенные реальные условия. Именно должен быть прочно установлен такой государственный порядок, такая государственная власть, которая давала бы возможность решать дела по большинству и обеспечивала превращение этой возможности в действительность. Это—с одной стороны. С другой стороны необходимо, чтобы это большинство по своему классовому составу, по соотношению тех или иных классов внутри этого большинства (и вне его) могло дружно и успешно везти государственную колесницу. Для всякого марксиста ясно, что эти два реальные условия играют решающую роль в вопросе о большинстве народа и о ходе государственных дел, согласно воле этого большинства. А, между тем, вся политическая литература эс-эров и меньшевиков, а еще более все политическое поведение их обнаруживает полнейшее непонимание этих условий.

Если политическая власть в государстве находится в руках такого класса, интересы коего совпадают с интересами большинства, тогда управление государством действительно, согласно воле большинства, возможно.

Если же политическая власть находится в руках класса, интересы коего с интересами большинства расходятся, тогда всякое правление по большинству неизбежно превращается в обман или подавление этого большинства. Всякая буржуазная республика показывает нам сотни и тысячи примеров этого. В России буржуазия господствует и экономически и политически. Интересы, особенно во время империалистской войны, самым резким образом расходятся с интересами большинства. Поэтому весь гвоздь вопроса при материалистической, марксистской, а не формально-юридической постановке его, состоит в разоблачении этого расхождения, в борьбе против обмана масс буржуазией.

Наши эс-эры и меньшевики, наоборот, вполне доказали и показали свою действительную роль, как орудия обмана масс («большинства») буржуазией, проводников и пособников такого обмана. Как бы искренни ни были отдельные лица эс-эров и меньшевиков, их основные политические идеи—будто можно вырваться из империалистической войны к «миру без аннексий и контрибуций», без дикта-

туры пролетариата и победы социализма, будто возможен переход земли к народу без выкупа и «контроль» над производством в интересах народа без того же самого условия, — эти основные политические (и экономические, конечно) идеи эс-эров и меньшевиков представляют из себя объективно именно мелко-буржуазный самообман, или, что то же, обман масс («большинства») буржуазией.

Вот наша первая и главная «поправка» к постановке вопроса о большинстве мелко-буржуазными демократами, социалистами лублановского типа, эс-эрами и меньшевиками: чего стоит на деле «большинство», когда большинство само по себе есть лишь момент формальный, а материально, в действительности, это большинство есть большинство партий, проводящих в жизнь обман этого большинства буржуазией?

И конечно, — здесь мы подходим ко второй «поправке», ко второму из указанных выше основных обстоятельств, — конечно, этот обман можно правильно понять, лишь выяснив его классовые корни и его классовое значение. Это не личный обман, не «жульничество» (выражаясь грубо), это обманчивая идея, вытекающая из экономического положения класса. Мелкий буржуа находится в таком экономическом положении, его жизненные условия таковы, что он не может не обманываться, он тяготеет невольно и неизбежно то к буржуазии, то к пролетариату. Самостоятельной «линии» у него экономически быть не может.

Его прошлое влечет его к буржуазии, его будущее — к пролетариату. Его рассудок — тяготеет к последнему, его предрассудок (по известному выражению Маркса) — к первому. Чтобы большинство народа могло стать действительным большинством в управлении государством, действительным служением интересам большинства, действительной охраной его прав и так далее, для этого нужно определенное классовое условие. Это условие: присоединение большинства мелкой буржуазии, по крайней мере, в решающий момент, и в решающем месте, к революционному пролетариату.

Без этого большинство есть фикция, которая может держаться некоторое время, блистать, сверкать, шуметь, пожинать лавры, но которая все же с абсолютной неизбежностью осуждена на крах. Именно, таков, между прочим, крах большинства, имевшегося у эс-эров и меньшевиков, обнаружившийся в русской революции в июле 1917 г.

Далее. Революция именно тем и отличается от «обычного положения» дел в государстве, что спорные вопросы государственной жизни решает непосредственно борьба классов и борьба масс вплоть до решительных ее форм, иначе не может быть, раз массы свободны и вооружены.

Из этого основного факта вытекает то, что в революционное время недостаточно выявить «волю большинства»,—нет, надо оказаться сильнее в решающий момент, в решающем месте, надо победить. Начиная с средневековой «крестьянской войны» в Германии и продолжая всеми крупными революционными движениями и эпохами вплоть до 1848 и 1871 годов, вплоть до 1905 года мы видим бесчисленные примеры тому, как более организованное, более сознательное, лучше вооруженное меньшинство навязывает свою волю большинству, побеждая его.

Фр. Энгельс особенно подчеркивал урок опыта, объединяющий до известной степени крестьянское восстание XVI века и революцию 1848 года в Германии, именно: разрозненность выступлений, отсутствие централизации у угнетенных масс, связанное с их мелко-буржуазным жизненным положением. И с этой стороны подходя к делу, мы приходим к тому же выводу: простое большинство мелко-буржуазных масс еще ничего не решает и решить не может, ибо организованность, политическую сознательность выступлений, их централизацию (необходимую для победы), все это в состоянии дать распыленным миллионам сельских мелких хозяев только руководство ими либо со стороны буржуазии, либо со стороны пролетариата.

В конце-концов, решает, как известно, вопросы общественной жизни классовая борьба в ее самой резкой, самой острой форме, именно в форме гражданской войны. А в этой войне, как и во всякой войне, решает—это тоже известный и никем в принципе не оспариваемый факт—экономика. Крайне характерно и знаменательно, что ни эс-эры, ни меньшевики, не отрицая этого «в принципе», и превосходно сознавая капиталистический характер современной России, не решаются трезво посмотреть в лицо правде. Они боятся признать правду, именно: основное деление всякой капиталистической страны, России в том числе, на три коренные, главные силы: буржуазию, мелкую буржуазию и пролетариат. О первой и о третьей говорят все, их признают все. Вторую—то-есть как раз большинство по численности!—не хотят трезво оценить ни с экономической, ни с политической, ни с военной точки зрения.

Правда глаза колет—к этому сводится боязнь самопознания эс-эров и меньшевиков.

III.

Закрытие «Правды», когда мы начинали данную статью, было только «случайным» фактом, еще не закрепленным государственной властью. Теперь, после 16 июля, эта власть формально закрыла «Правду».

Это закрытие, если взглянуть на него исторически, в целом, во всем процессе подготовки и осуществления этой меры, проливает замечательно яркий свет на «сущность конституции» в России и на опасность конституционных иллюзий.

Известно, что кадетская партия, с Милюковым и газетой «Речь» во главе, уже с апреля месяца требует репрессий против большевиков. В самых различных формах, от «государственных» статей «Речи» вплоть до многократных восклицаний Милюкова «арестовать» (Ленина и других большевиков), это требование репрессий составляло одну из главных, если не главную часть политической программы кадетов в революции.

Задолго до придуманного и сочиненного Алексинским и К^о в июне и в июле гнусно-клеветнического обвинения в немецком шпионстве или в получении немецких денег, задолго до столь же клеветнического, противоречащего общеизвестным фактам и опубликованным документам, обвинения в «вооруженном восстании» или в «мятеже»,— задолго до всего этого кадетская партия систематически, неуклонно, непрестанно требует репрессий против большевиков. Если теперь это требование осуществлено, то какого же мнения надо быть о честности или о сообразительности тех людей, которые забывают или делают вид, что забывают настоящий классовый и партийный источник этого требования? Как же не назвать грубейшей фальсификацией или невероятным в политике тупоумием, если эс-эры и меньшевики тщатся теперь представить дело так, будто они верят в «случайный» или «единичный», 4 июля появившийся «повод» к репрессиям против большевиков? Есть же в самом деле пределы извращения бесспорно исторических истин!

Достаточно сравнить движение 20—21 апреля с движением 3—4 июля, чтобы сразу убедиться в их однородном характере: стихийный взрыв недовольства, нетерпения и возмущения масс, провокационные выстрелы справа, убитые на Невском, клеветнические вопли буржуазии и кадетов, в особенности, что, «де, ленинцы стреляли на Невском», крайнее озлобление и обострение борьбы между пролетарской массой и буржуазией; полнейшая растерянность мелкобуржуазных партий, эс-эров и меньшевиков, гигантский размах колебаний в их политике и в вопросе о государственной власти вообще,—все эти объективные факты характеризуют оба движения. А 9—10 и 18 июня, в другой форме, показывают нам совершенно такую же классовую картину.

Ход событий яснее ясного: все большее нарастание недовольства, нетерпения и возмущения масс, все большее обострение борьбы между пролетариатом и буржуазией, в

особенности из-за влияния на мелко-буржуазные массы, а в связи с этим два крупнейших исторических события, подготовивших зависимость эс-эров и меньшевиков от контр-революционных кадетов. Эти события: коалиционное министерство 6 мая, в котором эс-эры и меньшевики оказались прислужниками буржуазии, все более и более запутываясь в сделки и соглашения с нею, в тысяче «услуг» ей, в оттяжке необходимейших революционных мер, а затем наступление на фронте. Наступление неизбежно означало возобновление империалистской войны, гигантское усиление влияния, веса, роли империалистской буржуазии, широчайшее распространение шовинизма в массах, наконец last but not least (последнее по счету, но не важности) передачу власти, сначала военной, а потом и государственной вообще в руки контр-революционных командных верхов армии.

Таков ход исторических событий, углублявший и обострявший классовые противоречия с 20—21 апреля по 3—4 июля и позволивший контр-революционной буржуазии после 4 июля осуществить то, что уже 20—21 апреля с полнейшей ясностью обрисовывалось, как ее программа и тактика, ее ближайшая цель и ее «чистенькие» средства, долженствующие вести к цели.

Нет ничего бессодержательнее, с исторической точки зрения, нет ничего более жалкого теоретически и более смешного практически, как мещанские хныканья по поводу 4 июля (повторяемые, между прочим, и Л. Мартовым) насчет того, что большевики «ухитрились» нанести себе поражение, что их «авантюризм» вызвал его, и так далее и тому подобное. Все эти хныканья, все эти рассуждения, что «не надо бы» участвовать (в попытке придать «мирный и организованный» характер архи-законному недовольству и возмущению масс!),—либо сводятся к ренегатству, если исходят от большевиков, либо являются обычным для мелкого буржуа проявлением обычной его запуганности и запутанности. На самом деле движение 3—4 июля с такой же неизбежностью выросло из движения 20—21 апреля и после него, с какой лето следует за весной. Безусловным долгом пролетарской партии было оставаться с массами, стараясь придать наиболее мирный и организованный характер их справедливым выступлениям, не отходить в сторону, не умыть себе по-пилатовски руки на том педантском основании, что масса не организована до последнего человека и что в ее движении бывают эксцессы (точно не было эксцессов 20—21 апреля! точно было в истории хотя одно серьезное движение масс без эксцессов)!

А поражение большевиков после 4 июля с исторической неизбежностью вытекло из всего предыдущего хода событий, именно потому, что мелко-буржуазная масса и се

божди, эс-эры и меньшевики, 20—21 апреля не были еще связаны наступлением, не были еще запутаны в «коалиционном министерстве» сделочками с буржуазией, а к 4 июля они связали себя и запутали настолько, что не могли не сказать: согласны к сотрудничеству (в репрессиях, в клеветах, в палачестве) с контр-революционными кадетами. Эс-эры и меньшевики окончательно скатились 4 июля в помойную яму контр-революционности, потому что они неуклонно катились в эту яму в мае и в июне, в коалиционном министерстве и в одобрении политики наступления.

Мы несколько отклонились, повидимому, от своей темы, от вопроса о закрытии «Правды», к вопросу об исторической оценке 4 июля. Но это только повидимому, ибо одного нельзя понять без другого. Мы видели, что закрытие «Правды», аресты большевиков и другие преследования их представляют из себя—если взглянуть на суть дела и на связь событий—не что иное, как выполнение давней программы контр-революции и кадетов в частности.

Крайне поучительно теперь рассмотреть, кто именно и какими приемами осуществил эту программу.

Взглянем на факты. 2 и 3 июля движение нарастает, массы кипят, возмущенные бездействием правительства, дороговизной, разрухой, наступлением. Кадеты уходят, играя «в поддавки» и ставя ультиматум эс-эрам и меньшевикам, предоставляя им, привязанным к власти, но не имеющим власти, расплачиваться за поражение и за возмущение масс.

Большевики 2-го и 3-го удерживают от выступления. Это признал даже свидетель из «Дела Народа», рассказав о том, что было 2 июля в Гренадерском полку. 3-го вечером движение переливает через край, а большевики составляют воззвание о необходимости придать движению «мирный и организованный» характер. 4 июля провокационные выстрелы справа увеличивают число жертв стрельбы с обеих сторон: надо подчеркнуть, что обещание Исполн. Комитета расследовать события, выпускать дважды в день бюллетень и проч. и проч. осталось пустым обещанием! Ровно ничего эс-эры и меньшевики не сделали, да же полного списка убитых с обеих сторон они не опубликовали!!

4-го ночью большевики составили воззвание о прекращении выступлений, и тою же ночью оно напечатано в «Правде». Но в эту самую ночь начинается, во-первых, приход контр-революционных войск в Питер (видимо, по призыву или с согласия эс-эров и меньшевиков, их Советов, при чем, конечно, об этом «деликатном» пункте до сих пор, по миновании самомалейшей надобности в тайне, больше всего и строже всего хранят молчание!). Во-вторых, в эту же ночь начинаются погромы большевиков отря-

дами юнкеров и тому под., действующими по поручению командующего войсками Половцева и генерального штаба. С 4-го на 5-е громят «Правду». 5-го и 6-го громят се типографию «Труд», убивают рабочего Воинова среди белого дня за то, что он выносил «Листок Правды» из типографии, производят обыски и аресты большевиков, разоряют революционные полки.

Кто начал все это выполнять? Не правительство и не Совет, а контр-революционная военная шайка, сконцентрированная около генерального штаба, действующая от имени «контр-разведки», пускающая в ход фабрикат Переверзева и Алексинского, дабы «поднять ярость» войск и так далее.

Правительство отсутствует, Советы отсутствуют; они дрожат за свою собственную судьбу, они получают ряд сообщений, что казаки могут прийти и разгромить их. Черносотенная и кадетская пресса, проводшая травлю против большевиков, начинает травлю против Советов.

Эс-эры и меньшевики связали себя всей своей политикой по рукам и по ногам. Как связанные люди, звали они (или терпели призыв) контр-революционные войска в Питер. А это связало их еще более. Они скатились на самое дно отвратительной контр-революционной ямы. Они трусливо распускают свою собственную комиссию, назначенную расследовать «дело» большевиков. Они подло выдают большевиков контр-революции. Они униженно участвуют в демонстрации похорон убитых казаков, целуют таким образом руку контр-революционерам.

Они связанные люди. Они на дне ямы.

Они мечтают, отдавая портфель Керенскому, идя в Каноссу к кадетам, устраивая «Земский собор» или «коронацию» контр-революционного правительства в Москве. Керенский увольняет Половцева.

Но эти метания остаются метаниями, нисколько не меняя сути дела. Керенский увольняет Половцева и в то же время оформливает, узаконяет меры Половцева, его политику, закрывает «Правду», вводит смертную казнь для солдат, запрещение митингов на фронте, продолжает аресты большевиков (даже Коллонтай!) по программе Алексинского.

«Сущность конституции» в России определяется с поразительной ясностью: наступление на фронте и коалиция с кадетами в тылу сваливает эс-эров и меньшевиков в яму контр-революции. На деле государственная власть переходит в ее руки, в руки военной шайки. Керенский и правительство Церетели и Чернова лишь ширма ей, они вынуждены задним числом узаконять ее меры, ее шаги, ее политику.

Торговля Керенского, Церетели, Чернова с кадетами имеет второстепенное, если не десятистепенное, значение. Победят ли кадеты в этой торговле, продержатся ли еще Церетели и Чернов «одни», суть дела не изменится, поворот эс-эров и меньшевиков к контр-революции (поворот, вынужденный всей их политикой с 6 мая) остается основным, главным решающим фактом.

Цикл партийного развития завершился. Эс-эры и меньшевики катились со ступеньки на ступеньку, от «доверия» к Керенскому 28 февраля к 6 мая, привязавшего их к контр-революции, к 5 июля, когда они скатились к ней донизу.

Начинается новая полоса. Победа контр-революции вызывает разочарование масс в партиях эс-эров и меньшевиков и открывает дорогу для их перехода к политике поддержки революционного пролетариата.

Июль, 1917 г.

Уроки революции.

Всякая революция означает крутой перелом в жизни громадных масс народа. Если не назрел такой перелом, то настоящей революции произойти не может. И как всякий перелом в жизни любого человека многому его учит, заставляет его многое пережить и перечувствовать, так и революция дает всему народу в короткое время самые содержательные и ценные уроки.

За время революции миллионы и десятки миллионов людей учатся в каждую неделю большему, чем в год обычной, сонной жизни. Ибо на крутом переломе жизни целого народа становится особенно ясно видно, какие классы народа преследуют те или иные цели, какую силу они обладают, какими средствами они действуют.

Всякий сознательный рабочий, солдат, крестьянин должен внимательно вдуматься в уроки русской революции, особенно теперь, в конце июля, когда ясно стало видно, что первая полоса нашей революции кончилась неудачей.

В самом деле, посмотрим, чего добивались массы рабочих и крестьян, совершая революцию. Чего ждали они от революции? Известно, что они ждали свободы, мира, хлеба, земли.

Что же мы видим теперь?

Вместо свободы начинают восстанавливать прежний произвол. Вводят смертную казнь для солдат на фронте, привлекают крестьян к суду за самочинный захват помещичьей земли. Громят типографии рабочих газет. Закрывают без суда рабочие газеты. Арестуют большевиков, часто не предъявляя даже никаких обвинений или предъявляя обвинения явно клеветнические.

Возразят, пожалуй, что преследования большевиков не составляют нарушения свободы, ибо преследуют только определенных лиц за определенное обвинение. Но это воз-

ражение—заведомая и очевидная неправда, ибо как же можно громить типографию и закрывать газеты за преступление отдельных лиц, будь даже эти обвинения доказаны и признаны судом? Другое дело, если бы правительство признало законом преступными всю партию большевиков, самое направление их, взгляды их. Но всякий знает, что ничего подобного правительство свободной России сделать не могло и не сделало.

Главное теперь, что газеты помещиков и капиталистов бешено бранили большевиков за их борьбу против войны, против помещиков и против капиталистов, и требовали открытого ареста и преследования большевиков еще тогда, когда ни одно обвинение ни против одного большевика не было еще придумано. Народ хочет мира. А революционное правительство свободной России снова повело захватную войну на основе тех самых тайных договоров, которые бывший царь Николай II заключил с английскими и французскими капиталистами в интересах ограбления чужих народов русскими капиталистами. Эти тайные договоры так и остались неопубликованными. Правительство свободной России отделалось отговорками, так и не предложив справедливого мира всем народам.

Хлеба нет. Голод опять надвигается. Все видят, что на военных поставках (война стоит теперь народу 50 миллионов рублей ежедневно), наживают неслыханные прибыли на высоких ценах, а для серьезного учета производства продуктов и распределения их рабочими ровно ничего не сделано. Капиталисты наглеют все больше, выбрасывая рабочих на улицу,—и это в такое время, когда народ бедствует от бестоварья. Громадное большинство крестьян заявило громко и ясно на длинном ряде съездов, что они объявляют помещичью собственность на землю несправедливостью и грабежом. А правительство, называющее себя революционным и демократическим, продолжает месяцами водить крестьян за нос и надувать их обещаниями и оттяжками. Министру Чернову капиталисты месяцами не позволяли издавать законы о запрещении купли-продажи земли. А когда, наконец, этот закон был издан, то капиталисты подняли гнусную клеветническую травлю против Чернова и продолжают эту травлю по-сейчас.

Правительство дошло до такой наглости в защите помещиков, что начинает привлекать крестьян к суду за «самочинные» захваты.

Крестьян водят за нос, убеждая подождать до Учредительного Собрания. А созыв этого Собрания капиталисты все оттягивают. Теперь, когда этот созыв, под влиянием требования большевиков, назначен на 30 сентября, капиталисты открыто кричат, что это «невозможно» короткий срок

и требует отложить созыв Учредительного Собрания... Самые влиятельные члены партии капиталистов и помещиков, партии «кадетов» или партии «народной свободы», например, Панина, прямо проповедают отсрочку созыва Учредительного Собрания до окончания войны.

С землей подожди до Учредительного Собрания. С Учредительным Собранием подожди до конца войны. С концом войны подожди до полной победы. Вот что выходит. Над крестьянами прямо издеваются капиталисты и помещики, имея свое большинство в правительстве.

* * *

Но как же могло это случиться в свободной стране, после свержения царской власти?

В несвободной стране управляют народом царь и кучка помещиков, капиталистов, чиновников, никем не выбранные.

В свободной стране управляют народом только те, кто им самим выбран для этого. При выборах народ делится на партии, и обыкновенно каждый класс населения составляет свою отдельную партию, напр., помещики, капиталисты, крестьяне, рабочие составляют отдельные партии. Поэтому управление народом в свободных странах происходит посредством открытой борьбы партий и свободного соглашения их между собой.

После свержения царской власти 27 февраля 1917 г., Россия управлялась в течение приблизительно 4 месяцев, как свободная страна, именно посредством открытой борьбы свободно образуемых партий и свободного соглашения между ними. Чтобы понять развитие русской революции, всего необходимее, следовательно, изучить, каковы были главные партии, интересы каких классов они защищали, каковы были взаимоотношения всех этих партий.

* * *

После свержения царской власти государственная власть перешла в руки первого Временного Правительства. Оно состояло из представителей буржуазии, т.-е. капиталистов, к которым присоединились и помещики. Партия «кадетов», главная партия капиталистов, стояла на первом месте, как правящая и правительственная партия буржуазии.

Власть досталась в руки этой партии не случайно, хотя боролись с царскими войсками, проливали кровь за свободу не капиталисты, конечно, а рабочие и крестьяне, матросы и солдаты. Власть досталась в руки партии капита-

листов потому, что этот класс имел в руках силу богатства, организации и знания. За время после 1905 г. и особенно в течение войны класс капиталистов и примыкающих к ним помещиков в России сделал больше всего успехов в деле своей организации.

Партия кадетов всегда была монархической, и в 1905 году, и с 1905 по 1917 год. После победы народа над царской тиранией эта партия объявила себя республиканской. Опыт истории показывает, что партии капиталистов, когда народ побеждал монархию, всегда соглашались быть республиканскими, лишь бы отстоять привилегии капиталистов и их всевластие над народом.

На словах партия кадетов стоит за «народную свободу». На деле она стоит за капиталистов, и на ее сторону тотчас же встали все помещики, все монархисты, все черносотенцы. Доказательство тому—печать и выборы. Все буржуазные газеты и вся черносотенная печать запела после революции в один голос с кадетами. Все монархические партии, не смея выступать открыто, поддерживали на выборах, например, в Петербурге, партию кадетов.

Получив правительственную власть, кадеты все усилия направили на то, чтобы продолжать захватную грабительскую войну, которую начал царь Николай II, заключивший тайные грабительские договоры с английскими и французскими капиталистами. По этим договорам, русским капиталистам обещан, в случае победы, захват и Константинополя, и Галиции, и Армении и т. д. От народа же правительство кадетов отделялось пустыми отговорками и обещаниями, откладывая все решения великих, необходимых для рабочих и крестьян дел до Учредительного Собрания и не назначая срока его созыва.

Пользуясь свободой, народ начал организовываться самостоятельно. Главной организацией рабочих и крестьян, которые составляют подавляющее большинство населения России, были советы Р. С. и Кр. Депутатов. Эти советы стали образовываться уже во время февральской революции, и через несколько недель после нее в большинстве крупных городов России и во многих уездах все сознательные передовые люди рабочего класса и крестьянства были объединены советами.

Советы выбирались вполне свободно. Советы были настоящими организациями масс народа, рабочих и крестьян. Советы были настоящими организациями громадного большинства народа. Рабочие и крестьяне, одетые в военную форму, были вооружены.

Само собой понятно, что советы могли и должны были взять в свои руки всю государственную власть. Никакой

иной власти в государстве, впредь до созыва Учр. Собр., кроме советов, не должно было быть. Только тогда наша революция стала бы действительно народной, действительно демократической революцией. Только тогда трудящиеся массы, действительно добывающиеся мира, действительно не заинтересованные в захватной войне, могли бы начать, решительно и твердо, проводить в жизнь такую политику, которая положила бы конец и захватной войне и призвала бы к миру. Только тогда рабочие и крестьяне смогли бы обуздать капиталистов, наживающих бешеные деньги «на войне» и доведших страну до разрухи и голода. Но в советах меньшая часть депутатов была на стороне партии революционных рабочих, с.-д. большевиков, которые требовали передачи всей государственной власти в руки советов. Большая же часть депутатов в советах была на стороне партии с.-д. меньшевиков и эс-эров, которые были против передачи власти советам. Вместо устранения правительства буржуазии и замены его правительством советов эти партии отстаивали поддержку правительства буржуазии и соглашения с ним, образования общего с ним правительства. В этой политике соглашений с буржуазией партий, которым доверилось большинство народа, эс-эров и меньшевиков, заключается главное содержание всего хода развития революции за все 5 месяцев, протекшие с ее начала.

Посмотрим прежде всего на то, как шло это соглашательство эс-эров и меньшевиков с буржуазией, а затем по-ищем объяснения тому обстоятельству, что большинство народа им доверилось.

Соглашательство меньшевиков и эс-эров с капиталистами происходило во время всех периодов русской революции, то в одной, то в другой форме.

В самом конце февраля 1917 года, как только народ победил и царская власть оказалась свергнута, Временное Правительство капиталистов включило в свой состав Керенского, как «социалиста». На самом деле Керенский никогда социалистом не был, был только трудовиком, а в «социалистах-революционерах» он стал числиться только с марта 1917 г., когда это было уже безопасно и невыгодно. Через Керенского, как тов. председателя Петербургского Совета, Временное Правительство капиталистов сейчас же постаралось привязать к себе и приручить Совет. Совет, т.-е. преобладавшие в нем эс-эры и меньшевики, дал себя приручить, согласившись тотчас после образования Временного Правительства капиталистов «поддерживать его», «поскольку» оно выполняет свои обещания.

Совет считал себя проверяющим, контролирующим действия Временного Правительства. Вожди Совета учредили

так называемую «контактную комиссию», т.-е. комиссию для контакта, для соприкосновения с Правительством. В этой контактной комиссии эс-эровские и меньшевистские вожди Совета вели постоянные переговоры с правительством капиталистов, будучи, собственно говоря, на положении министров без портфеля или неофициальных министров.

Весь март и почти весь апрель продолжалось такое положение дел. Капиталисты действовали оттяжками и отговорками, стараясь выиграть время. Ни единого, сколько-нибудь серьезного шага для развития революции правительство капиталистов за это время не сделало. Даже для своей прямой непосредственной задачи, для созыва Учредительного Собрания, правительство не сделало ровнехонько ничего, не передало вопрос на места, не основало даже еще центральной комиссии по подготовке вопроса. Правительство заботилось об одном: возобновить тайком те грабительские международные договоры, которые царь заключил с капиталистами Англии и Франции, тормозить как можно осторожнее и незаметнее революцию, все обещать, ничего не исполнять. Эс-эры и меньшевики играли в «контактной комиссии» роль дурачков, которых кормили пышными фразами, обещаниями, «завтраками». Эс-эры и меньшевики, как ворона в известной басне, поддавались на лесть, с удовольствием выслушивали уверения капиталистов, что они высоко ценят советы и ни шагу не делают без них.

В действительности же время шло, и правительство капиталистов ровно ничего не сделало для революции. Против же революции оно успело за это время возобновить тайные грабительские договоры, вернее, подтвердить их и «оживить» дополнительными, столь же тайными переговорами с дипломатами англо-французского империализма. Против революции оно успело за это время положить основание контр-революционной организации (или, по крайней мере, сближению) генералов и офицеров действующей армии. Против революции оно успело начать организацию промышленников, фабрикантов, заводчиков, которые вынуждены были делать уступку за уступкой под напором рабочих, но в то же время начинали саботировать производство и готовить остановку его, выжидая для этого удобный момент.

Но организация передовых рабочих и крестьян в советах неуклонно шла вперед. Лучшие люди угнетенных классов чувствовали, что правительство, несмотря на его соглашение с Петербургским Советом, несмотря на велеречивость Керенского, несмотря на «контактную комиссию», остается врагом народа, врагом революции. Массы чувствовали, что если не сломить сопротивление капиталистов, то дело мира, дело свободы, дело революции будет неиз-

бежно проиграно. В массах нарастало нетерпение и озлобление.

Оно прорвалось 20—21 апреля. Движение вспыхнуло стихийно, никем не подготовленное. Движение было настолько резко направлено против правительства, что один полк выступил даже вооруженным и явился к Мариинскому дворцу, чтобы арестовать министров. Всем стало до очевидности ясно, что правительство держаться не может. Советы могли (и должны были) взять власть в свои руки без малейшего сопротивления с чьей бы то ни было стороны. Вместо этого эс-эры и меньшевики поддержали падающее правительство капиталистов, запутали себя еще больше соглашательством с ним, сделали еще более роковые, ведущие к гибели революции шаги.

Революция учит все классы с быстротой и основательностью, невиданными в обычное, мирное время. Капиталисты, наилучшие организованные, наиболее опытные в делах классовой борьбы и политики, научились быстрее других. Видя, что положение правительства неустойчиво, они прибегли к приему, который в течение целого ряда десятилетий после 1848 года практиковался капиталистами других стран для одурачения, разделения и обессилиения рабочих. Этот прием—так называемое «коалиционное», т.-е. соединенное, составленное из буржуазии и перебежчиков социализма, общее министерство.

В тех странах, где дольше всего существует свобода и демократия наряду с революционным рабочим движением, в Англии и во Франции, капиталисты много раз и с большим успехом употребляли этот прием. «Социалистические» вожди, входя в министерство буржуазии, непременно оказывались подставными фигурами, куклами, ширмой для капиталистов, орудием обмана рабочих. «Демократические и республиканские» капиталисты России пустили в ход этот самый прием. Эс-эры и меньшевики сразу дали себя одурачить, и 6 мая «коалиционное» министерство с участием Чернова, Церетели и Ко стало фактом.

Дурачки эс-эровской и меньшевистской партий ликовали, купаясь самовлюбленно в лучах министерской славы их вождей. Капиталисты потирали руки от удовольствия, получив себе помощников против народа в лице «вождей советов», получив обещание от них поддерживать «наступательное действие на фронте», т.-е. возобновление приостановившейся было империалистической, грабительской войны. Капиталисты знали все надутое бессилие этих вождей, знали, что обещания со стороны буржуазии—на счет контроля и даже организации производства, на счет политики мира и т. п.—никогда не будут исполнены.

Так и оказалось. Вторая полоса в развитии революции с 6 мая по 9 или по 18 июня, вполне подтвердила расчет капиталистов на легкость одурачения эс-эров и меньшевиков.

Пока Плеханов и Скобелев обманывали себя и народ пышными фразами, что с капиталистов возьмут 100% прибыли, что их «сопротивление сломлено» и т. п.,—капиталисты продолжали укрепляться. Ничего, ровнехонько ничего на деле не было за это время предпринято для обуздания капиталистов. Министры из перебежчиков социализма оказывались говорильными машинами для отвода глаз угнетенным классам, а весь аппарат государственного управления оставался на деле в руках бюрократии (чиновничества) и буржуазии. Пресловутый Пальчинский, товарищ министра промышленности, был типичным представителем этого аппарата, тормозящим какие бы то ни было меры против капиталистов. Министры болтали—все оставалось по-старому.

Министр Церетели в особенности был употребляем буржуазией для борьбы против революции. Его посылали «успокаивать» Кронштадт, когда тамошние революционеры дошли до такой продерзости, что посмели сместить назначенного комиссара. Буржуазия открыла в своих газетах невероятно шумную, злостную, бешеную кампанию лжи, клеветы и травли против Кронштадта, обвиняя его в желании «отложиться от России», повторяя эту и подобные нелюбости на тысячу ладов, запугивая мелкую буржуазию и филистеров. Типичнейший представитель тупого, запуганного филистерства, Церетели, всех «добросовестнее» попадался на удочку буржуазной травли, всех усерднее «громил и усмирял» Кронштадт, не понимая своей роли лакея контрреволюционной буржуазии. Выходило так, что он являлся орудием проведения такого «соглашения» с революционным Кронштадтом, что комиссар в Кронштадте не назначался просто на просто правительством, а выбирался на месте и у т в е р ж д а л с я правительством. На подобные жалкие компромиссы тратили свое время министры, перебежавшие от социализма к буржуазии.

Там, где не мог бы появиться министр-буржуа с защитой правительства, перед революционными рабочими или в советах, там появлялся (вернее: туда посылался буржуазией) «социалистический» министр—Скобелев, Церетели, Чернов и т. п. и добросовестно выполнял буржуазное дело, лез из кожи, защищая министерство, обелял капиталистов, одурачивал народ повторением обещаний, обещаний и обещаний, советами погодить, погодить и погодить.

Министр Чернов был занят в особенности торговлей со своими буржуазными коллегами: до самого июля ме-

сяца, до открывшегося тогда после движения 3—4 июля, нового «кризиса власти», до ухода кадетов из министерства, министр Чернов все время занят был полезным, интересным, глубоконародным делом «уговаривания» своих буржуазных коллег, усовещевания их согласиться хотя бы на запрещение земельных сделок по купле-продаже. Это запрещение было торжественнейшим образом обещано крестьянам на всероссийском съезде (советов) крестьянских депутатов в Питере. Но обещание так и осталось обещанием. Чернов так и не мог выполнить его ни в мае, ни в июне, до тех самых пор, пока революционная волна стихийного взрыва 3—4 июля, совпавшая с уходом кадетов из министерства, не дала возможности провести этой меры. Но и тогда эта мера оказалась одинокой, бессильной внести серьезные улучшения в дело борьбы крестьянства против помещиков за землю.

На фронте в это время ту контр-революционную, империалистическую задачу возобновления империалистской, грабительской войны, ту задачу, которую не мог выполнить ненавистный народу Гучков, с успехом и блеском выполнял «революционный демократ» Керенский, новоиспеченный член партии социалистов-революционеров. Он упивался собственным красноречием, ему курили фимиам империалисты, игравшие им, как пешкой, ему льстили, его боготворили—все за то, что он верой и правдой служил капиталистам, убеждая «революционные войска» согласиться на возобновление войны, ведущейся во исполнение договоров царя Николая II с капиталистами Англии и Франции,—войны ради получения русскими капиталистами Константинополя и Львова, Эрзерума и Трапезунда.

Так прошла вторая полоса русской революции, с 6 мая по 9 июня. Контр-революционная буржуазия усилилась, укрепилась под прикрытием и под защитой «социалистических» министров, подготовив наступление и против внешнего врага, и против внутреннего, т.-е. революционных рабочих.

9 июня партия революционных рабочих, большевиков, готовила демонстрацию в Питере, чтобы дать организованное выражение неудержимо нараставшему недовольству и возмущению масс. Запутавшиеся в соглашениях с буржуазией, связанные империалистской политикой наступления, эс-эровские и меньшевистские вожди пришли в ужас, чувствуя потерю своего влияния в массах. Поднялся всеобщий вой против демонстрации,—вой, объединивший на этот раз контр-революционных кадетов с эс-эрами и меньшевиками. Под их руководством, в результате их политики соглашательства с капиталистами, поворот мелко-буржуазных масс к союзу с контр-революционной буржуазией определился

вполне, обрисовался с поразительной наглядностью. В этом — историческое значение, в этом — классовый смысл кризиса 9 июня.

Большевики отменили демонстрацию, вовсе не желая вести рабочих на отчаянный бой против объединенных кадетов, эс-эров и меньшевиков. Но эти последние, чтобы сохранить хоть какой-нибудь остаточек доверия масс, вынуждены были назначить общую демонстрацию на 18 июня. Буржуазия была вне себя от ярости, справедливо видя в этом колебание мелко-буржуазной демократии на сторону пролетариата и решая наступлением на фронте парализовать действие демократии.

Действительно, 18 июня дало замечательно внушительную победу лозунгов революционного пролетариата, лозунгов большевизма среди петербургских масс, а 19 июня было торжественно объявлено буржуазией и бонапартистом¹⁾ Керенским о начавшемся именно 18 июня наступлении на фронте.

Наступление означало фактически возобновление грабительской войны в интересах капиталистов, вопреки воле громадного большинства трудящихся. Поэтому с наступлением неизбежно было связано, с одной стороны, гигантское усиление шовинизма и переход военной (а следовательно, и государственной) власти к военной шайке бонапартистов, а с другой стороны, переход к насилию над массами, к преследованию интернационалистов, к отмене свободы агитации, к арестам и расстрелам тех, кто против войны.

Если 6 мая привязало эс-эров и меньшевиков к победной колеснице буржуазии канатом, то 18 июня приковало их, как слуг капиталистов, цепью.

Озлобление масс, вследствие возобновившейся грабительской войны, естественно возросло еще быстрее и сильнее. 3—4 июля последовал взрыв их возмущения, — взрыв, который большевики пытались сдержать и которому они, разумеется, должны были постараться придать наиболее организованную форму.

Эс-эры и меньшевики, как рабы буржуазии, прикованные господину, согласились на все: и на привод реакционных войск в Питер, и на восстановление смертной казни, и на разоружение рабочих и революционных войск, и на аресты, преследования, закрытие газет без суда. Власть, кото-

¹⁾ Бонапартизмом (по имени двух французских императоров Бонапартов) называется такое правительство, которое старается казаться непартийным, используя крайне острую борьбу партий капиталистов и рабочих друг с другом. На деле служа капиталистам, такое правительство всего больше обманывает рабочих обещаниями и мелкими подачками.

рую не могла взять целиком буржуазия в правительстве, которую не хотели взять советы, власть скатилась в руки военной клики, бонапартистов, целиком поддержанной, разумеется, кадетами и черносотенцами, помещиками и капиталистами.

Со ступеньки на ступеньку. Раз вступив на наклонную плоскость соглашательства с буржуазией, эс-эры и меньшевики покатались неудержимо вниз и докатились до дна. 28 февраля они обещали в Петербургском Совете условную поддержку буржуазному правительству. 6 мая они спасли его от краха и дали превратить себя в слуг и защитников его, согласившись на наступление. 9 июня они соединились с контр-революционной буржуазией в походе бешеной злобы, лжи и клеветы против революционного пролетариата. 19 июня они одобрили начавшееся возобновление грабительской войны. 3 июля они согласились на вызов реакционных войск: начало окончательной сдачи власти бонапартистам. Со ступеньки на ступеньку.

Такой позорный финал партии эс-эров и меньшевиков не случайность, а подтвержденный много раз опытом Европы результат экономического положения мелких хозяев мелкой буржуазии.

Всякий наблюдал, конечно, как мелкие хозяйчики выбиваются из сил, тянутся «выйти в люди», попасть в настоящие хозяева, подняться до положения «крепкого» хозяина, до положения буржуазии. Пока господствует капитализм, иного выхода мелким хозяевам нет: либо перейти самим на положение капиталистов (а это возможно в лучшем случае для одного мелкого хозяйчика из сотни), либо перейти в положение разоренного хозяйчика, полу-пролетария, а затем—пролетария. Так и в политике: мелко-буржуазная демократия тянется за буржуазией особенно в лице ее вождей. Вожди мелко-буржуазной демократии утешают свои массы обещаниями и уверениями на счет возможности соглашения с крупными капиталистами,—в лучшем случае, на самое короткое время они получают от капиталистов уступочки для небольшого верхнего слоя трудящихся масс, а во всем решающем, во всем важном мелко-буржуазная демократия всегда оказывалась в хвосте буржуазии, бессильным придатком ее, послушным орудием в руках финансовых королей. Опыт Англии и Франции много раз подтверждал это.

Опыт русской революции, когда события, особенно под влиянием империалистской войны и созданного ею глубочайшего кризиса, развивались с необычайной быстротой, этот опыт с февраля по июль 1917 года подтвердил старую марксистскую истину о неустойчивости положения мелкой буржуазии замечательно ярко, наглядно.

Урок русской революции: трудящимся массам нет спасения от железных тисков войны, голода, порабощения помещикам и капиталистам, иначе как в полном разрыве с партиями эс-эров и меньшевиков, в ясном сознании их предательской роли, в отказе от каких бы то ни было соглашательства с буржуазией, в решительном переходе на сторону революционных рабочих. Революционные рабочие, если их поддержат беднейшие крестьяне, одни только в состоянии сломить сопротивление капиталистов, повести народ к завоеванию земли без выкупа, к полной свободе, к победе над голодом, к победе над войной, к справедливому и прочному миру.

Июль, 1917 г.

VI.

КОРНИЛОВЩИНА.

Письмо в Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.

Письмо в Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.

Возможно, что эти строки опоздают, ибо события развиваются с быстротой, иногда прямо головокружительной. Но все же на риск, считаю долгом написать следующее.

Восстание Корнилова есть крайне неожиданный (в такой момент и в такой форме неожиданный) и прямо-таки невероятно крутой поворот событий.

Как всякий крутой поворот, он требует пересмотра и изменения тактики. И, как со всяким пересмотром, надо быть архи-осторожным, чтобы не впасть в беспринципность.

По моему убеждению, в беспринципность впадают те, кто скатывается до оборончества или (подобно другим б-кам) до блока с эс-эрами, до поддержки Вр. Пр-ва. Это архи-неверно, это беспринципность. Мы станем оборонцами лишь после перехода власти к пролетариату, после предложения мира, после разрыва тайных договоров и связей с банками, лишь после. Ни взятие Риги, ни взятие Питера не сделают нас оборонцами. До тех пор мы за пролетарскую революцию, мы против войны, мы не оборонцы.

И поддерживать пр-во Керенского мы даже теперь не должны. Это беспринципность. Спросят: неужели не биться против Корнилова? Конечно, да. Но это не одно и то же, тут есть грань; ее переходят иные б-ки, впадая в «соглашательство», давая увлечь себя потоку событий.

Мы будем воевать, мы воюем с Карниловым, но мы не поддерживаем Керенского, а разоблачаем его слабость. Это разница. Эта разница довольно тонкая, но архисущественная и забывать ее нельзя.

В чем же изменение нашей тактики после восстания Корнилова?

В том, что мы видоизменяем форму нашей борьбы с Керенским. Ни на иоту не ослабляя вражды к нему, не беря назад ни слова, сказанного против него, не отказываясь от задачи свержения Керенского, мы говорим: надо учесть момент, сейчас свергать Керенского мы не станем, мы иначе подойдем к задаче борьбы с ним, именно: раз'яснить народу (борющемуся против Корнилова) слабость и шатания Керенского. Это делалось и раньше. Но теперь это стало главным: в этом видоизменение.

Далее, видоизменение в том, что теперь главным

стало: усиление агитации за своего рода «частичные требования» к Керенскому—арестуй Милюкова, вооружи питерских рабочих, позови кронштадские, Выборгские и Гельсингфоргские войска в Питер, разгони Государственную Думу, арестуй Родзянко, узаконь передачу помещичьих земель крестьянам, введи рабочий контроль за хлебом и за фабрикатами и пр., и пр. И не только к Керенскому, не столько к Керенскому должны мы пред'являть эти требования, сколько к рабочим, солдатам и крестьянам, увлеченным ходом борьбы против Корнилова. Увлекать их дальше, поощрять их требования арестов генералов и офицеров, высказывающихся за Корнилова, настаивать, чтобы они требовали тотчас передачи земли крестьянам, наводить их на мысль о необходимости ареста Родзянко и Милюкова, разгона Г. Думы, закрытия «Речи» и др. буржуазных газет, следствия над ними. «Левых» эс-эров особенно надо толкать в эту сторону.

Неверно было бы думать, что мы дальше отошли от задачи завоевания власти пролетариатом. Нет. Мы чрезвычайно приблизились к ней, но не прямо, а со стороны. И агитировать надо сию минуту не столько прямо против Керенского, сколько косвенно против него же, но косвенно, именно: требуя активной и активнейшей войны с Корниловым. Развитие этой войны одно только может нас привести к власти и говорить об этом в агитации поменьше надо (твердо памятуя, что завтра же события могут нас поставить у власти, и тогда мы ее не выпустим). По моему, это бы следовало в письме к агитаторам (не в печати) сообщить коллегиям агитаторов и пропагандистов, вообще членам партии. С фразами об обороне страны, о едином революционном фронте революционной демократии, о поддержке Вр. Пр-ва и пр., и пр. надо бороться беспощадно, именно как с фразами. Теперь-де время дела: вы, гг. эс-эры и меньшевики, давно эти фразы истрепали. Теперь время дела, войну против Корнилова надо вести революционно, втягивая массы, поднимая их, разжигая их (а Керенский боится масс, боится народа). В войне против немцев именно теперь нужно дело: тотчас и безусловно предложить мир на точных условиях. Если сделать это, то можно добиться либо быстрого мира, либо превращения войны в революционную, иначе все меньшевики и эс-эры останутся лакеями империализма.

Прочитав после написания этого шесть №№ «Рабочего», должен сказать, что совпадение получилось полное. Приветствую от всей души превосходные передовицы, обзор печати и статьи В. Милютина и Володарского.

Сентябрь, 1917 г.

VII.

ПОДГОТОВКА ЗАХВАТА ВЛАСТИ.

1. Задачи революции.
2. Большевики должны взять власть.
3. Марксизм и восстание.
4. Кризис назрел.
5. Письмо в Ц. К. и М. К. Р. С.-Д. Р. П. (6.).
6. Советы постороннего.
7. Письмо к товарищам.

Задачи революции.

Россия—мелко-буржуазная страна. Гигантское большинство населения принадлежит к этому классу. Его колебания между буржуазией и пролетариатом неизбежны. Только при его присоединении к пролетариату победа дела революции—дела мира, свободы, получения земли трудящимся—обеспечена легко, мирно, быстро, спокойно.

Ход революции нашей показывает нам эти колебания на практике. Не будем же делать себе иллюзий на счет партий эс-эров и меньшевиков, будем твердо стоять на своем классовом пролетарском пути. Нищета беднейших крестьян, ужасы войны, ужасы голода—все это показывает массам нагляднее и нагляднее правильность пролетарского пути, необходимость поддержки пролетарской революции.

«Мирные» мелко-буржуазные надежды на «коалицию» с буржуазией, на соглашательство с ней, на возможность «спокойно» дожидаться «скорого» Учредительного Собрания и проч., все это разбивает ход революции беспощадно, жестоко, неумолимо. Корниловщина была последним жестоким уроком—в большом размере,—уроком, дополняющим тысячи и тысячи уроков мелких, уроков, состоящих из обмана рабочих и крестьян на местах капиталистами и помещиками, уроков, состоящих из обмана солдат офицерами и т. д. и т. д.

Недовольство, возмущение, озлобление в армии, в крестьянстве, среди рабочих растет. Все обещающая и ничего не исполняющая «коалиция» эс-эров и меньшевиков с буржуазией нервирует массы, открывает им глаза, толкает их на восстание.

Растет оппозиция среди левых эс-эров (Спиридонова и др.) и среди меньшевиков (Мартов и др.),—достигая уже до 40% «совета» и «с'езда» этих партий. А внизу, в пролетариате и крестьянстве, особенно беднейшем, большинство эс-эров и меньшевиков «левые».

Корниловщина учит. Корниловщина многому научила.

Нельзя знать, смогут ли теперь советы пойти дальше вождей эс-эров и меньшевиков, обеспечивая этим мирное развитие революции, или они опять будут топтаться на месте, делая этим пролетарское восстание неизбежным.

Нельзя знать это.

Наше дело—помочь сделать все возможное для обеспечения «последнего» шанса на мирное развитие революции, помочь этому изложением нашей программы, выяснением ее общенародного характера, ее безусловного соответствия интересам и требованиям гигантского большинства населения.

Ниже следующие строки и представляют из себя опыт изложения такой программы.

Пойдем с ней больше в «низы», к массам, к служащим, к рабочим, к крестьянам, не только к своим, но и особенно к эс-эровским, к беспартийным, к темным. Постараемся их поднять к самостоятельному суждению, к вынесению своих решений, к посылке своих делегаций на совещание, в советы, в правительство,—тогда наша работа не пропадет ни при каком исходе совещания. Тогда она пригодится и для совещания, и для выборов в Учр. Собрание, и для всякой политической деятельности вообще.

Жизнь учит правильности большевистской программы и тактики. От 20 апреля до корниловщины—как мало прожито, как много пережито.

Опыт масс, опыт угнетенных классов дал им за это время страшно много, и вожди эс-эров и меньшевиков совсем разошлись с массами. Именно на конкретнейшей программе—поскольку ее обсуждение удастся довести до масс—это и скажется всего вернее.

Гибельность соглашательства с капиталистами.

1. Оставить у власти представителей буржуазии, хотя бы в небольшом числе, оставить таких заведомых корниловцев, как генералы Алексеев, Клембовский, Багратион, Гагарин и пр., или таких, которые доказали свое полное бессилие перед буржуазией и свою способность действовать по-бонапартистски, как Керенский,—это значит открыть настежь двери, с одной стороны, голоду и неминуемой хозяйственной катастрофе, которую капиталисты умышленно ускоряют и обостряют, а с другой стороны, военной катастрофе, ибо армия ненавидит ставку и не может с энтузиазмом участвовать в империалистской войне. Кроме того, корниловские генералы и офицеры, оставаясь у власти, несомненно, откроют фронт немцам умышленно, как они сделали с Галицией и Ригой. Предот-

вратить это может лишь образование нового правительства, на новых началах, излагаемых ниже. После всего пережитого с 20 апреля продолжать какое бы то ни было соглашательство с буржуазией было бы со стороны эсэров и меньшевиков не только ошибкой, но прямой изменой народу и революции.

Власть Советам.

2. Вся власть в государстве должна перейти исключительно к представителям Советов Раб., Солд. и Крестьянских Депутатов, на основании определенной программы и при полной ответственности власти перед Советами. Должны быть немедленно произведены пере выборы Советов, как для учета всего народного опыта за последние, особенно богатые содержанием, недели революции, так и для устранения вопиющих несправедливостей (непропорциональности, неравенства выборов и т. п.), оставшихся кое-где неисправленными.

Вся власть на местах, где еще нет демократически избранных учреждений, и в армии—должна перейти исключительно к местным Советам и к выборным комиссарам и др. учреждениям, только выборным.

Безусловно и повсеместно, при полной поддержке государства, должно быть осуществлено вооружение рабочих и революционных, т.-е. доказавших на деле свою способность подавить корниловцев, войск.

Мир народам.

3. Советское правительство должно немедленно предложить в сем воюющим народам (т.-е. одновременно и правительствам их, и рабочим и крестьянским массам) заключить сейчас же общий мир на демократических условиях, а равно заключить немедленно перемирие (хотя бы на 3 месяца).

Главным условием демократического мира является отказ от аннексий (захватов)—не в том неправильном смысле, что всем державам возвращают потерянное ими, а в том, единственно правильном смысле, что каждая народность, без единого исключения, и в Европе, и в колониях, получает свободу и возможность решить сама, образует ли она отдельное государство или входит в состав любого иного государства.

Предлагая же условия мира, Советское правительство должно немедленно само приступить на деле к их выполнению, т.-е. опубликовать и расторгнуть тайные договоры, которыми мы связаны до сих пор, которые заключены царем и обещают русским капиталистам ограбление Тур-

ции, Австрии и т. д. Затем мы обязаны удовлетворить тотчас условия украинцев и финляндцев, обеспечить им, как и всем иноплеменникам в России, полную свободу, вплоть до свободы отделения, применить то же самое ко всей Армении, обязаться очистить ее и занятые нами турецкие земли и т. д.

Такие условия мира не будут встречены доброжелательно капиталистами, но у всех народов они встретят такое громадное сочувствие и вызовут такой великий, всемирно-исторический взрыв энтузиазма и всеобщего возмущения затягиванием грабительской войны, что, всего вероятнее, мы получим сразу перемирие и согласие на открытие мирных переговоров. Ибо рабочая революция против войны неудержимо растет всюду, и не фразы о мире (которыми давно обманывают рабочих и крестьян все империалистские правительства, в том числе и наше правительство Керенского), а лишь разрыв с капиталистами и предложение мира способны двинуть ее вперед.

Если осуществится наименее вероятное, т.-е. если ни одно воюющее государство не примет даже перемирия, тогда война с нашей стороны делается действительно вынужденной, действительно справедливой и оборонительной войной. Уже одно сознание этого пролетариатом и беднейшим крестьянством делает Россию во много раз более сильной и в военном отношении, особенно после полного разрыва с грабящими народ капиталистами, не говоря уже о том, что тогда с нашей стороны война будет не на словах, а на деле, войной в союзе с угнетенными классами всех стран, войной в союзе с угнетенными народами всего мира.

В частности, следует предостеречь народ от того утверждения капиталистов, которому поддаются иногда наиболее запуганные и мещане, и которое состоит в том, будто английские и др. капиталисты, в случае разрыва нашего теперешнего грабительского союза с ними, способны нанести серьезный вред русской революции. Это утверждение насквозь лживо, ибо «финансовая поддержка союзников», обогащая банкиров, «поддерживает» русских рабочих и крестьян только так, как веревка поддерживает повешенного. В России хватит хлеба, угля, нефти, железа, и только избавление от грабящих народ помещиков и капиталистов необходимо для правильного распределения этих продуктов. Что же касается до возможной военной угрозы русскому народу со стороны его теперешних союзников, то предположение, будто французы и итальянцы способны были бы соединить свои войска с немецкими и двинуть их против предложившей справедливый мир России, есть явно вздорное предположение; а Англия, Америка, Япония, даже если бы они объявили войну России (что для них затруднительно

до последней степени, как в силу чрезвычайной непопулярности такой войны в массах, так и в силу материального расхождения интересов между капиталистами этих стран, из-за дележа Азии, и в особенности из-за ограбления Китая), не могли бы причинить России и сотой доли того вреда и тех бедствий, которые причиняет война с Германией, Австрией и Турцией.

Земля трудящимся.

4. Советское правительство должно немедленно объявить частную собственность на помещичьи земли отмененною без выкупа и передать эти земли в заведывание крестьянских комитетов, впредь до разрешения Учредительного Собрания. В заведывание тех же крестьянских комитетов должен быть передан и помещичий инвентарь, с тем, чтобы он предоставлялся безусловно в первую голову и бесплатно для пользования беднейших крестьян.

Такие меры, давно уже требуемые огромным большинством крестьянства и в резолюциях его съездов и в сотнях наказов с мест (как это видно, между прочим, и из сводки 242 наказов в «Известиях Советов Крестьянских Депутатов»), являются безусловно и неотложно необходимыми. Никакие оттяжки, от которых так страдало крестьянство во время «коалиционного» министерства, более не допустимы.

Всякое правительство, которое медлило бы с этими мерами, должно быть признано противонародным правительством, достойным быть свергнутым и раздавленным восстанием рабочих и крестьян. И, наоборот, лишь осуществившее эти меры правительство будет всенародным правительством.

Борьба с голодом и разрухой.

5. Советское правительство должно немедленно ввести рабочий контроль в общегосударственном масштабе над производством и потреблением. Без этого, как показал уже опыт с 6 мая, все обещания реформ и попытки их бессильны, и голод вместе с неслыханной катастрофой грозит всей стране с недели на неделю.

Необходима немедленная национализация банков и страхового дела, а равно важнейших отраслей промышленности (нефтяной, каменноугольной, металлургической, сахарной и пр.), рядом с безусловной отменой коммерческой тайны и установлением неуклонного надзора со стороны рабочих и крестьян за ничтожным меньшинством капиталистов, наживающихся на поставках в казну и уклоняющихся от отчет-

ности и от справедливого обложения их прибылей и имуществ.

Такие меры, не отнимая ни копейки собственности ни у средних крестьян, ни у казаков, ни у мелких ремесленников, являются безусловно справедливыми для равномерного несения тягостей войны и неотложными для борьбы с голодом. Только обуздав мародерство капиталистов и прекратив умышленную остановку ими производства, можно будет добиться повышения производительности труда, установления всеобщей трудовой повинности, правильного обмена хлеба на продукты промышленности, возвращения в казну многих миллиардов бумажных денег, скрывааемых богачами.

Без таких мер невозможна и отмена собственности на помещичьи земли без выкупа, ибо помещичьи земли большей частью заложены в банках и интересы помещиков и капиталистов переплетены неразрывно друг с другом.

Последняя резолюция экономического отдела Всероссийского Ц. И. К. Сов. Раб. и Солд. Депутатов («Раб. Газ.» № 152) признает не только «пагубность» мер правительства (в роде повышения хлебных цен для обогащения помещиков и кулаков), не только «факт полной бездеятельности образованных при правительстве центральных органов регулирования экономической жизни», но даже «нарушение законов» этим правительством. Это признание правящих партий эс-эров и меньшевиков лишний раз показывает всю преступность политики соглашательства с буржуазией.

Борьба с контр-революцией помещиков и капиталистов.

6. Корниловское и калединское восстание было поддержано всем классом помещиков и капиталистов, с партией к.-д. («нарсвободы») во главе их. Это вполне доказано уже фактами, опубликованными в «Известиях» Ц. И. К.

Но ни для полного подавления этой контр-революции, ни даже для ее расследования не сделано ничего, и не может быть сделано ничего серьезного, без перехода власти к Советам. Никакая комиссия, не обладающая государственной властью, не в силах произвести полного расследования, арестовать виновных и т. д. Только Советское правительство может и должно произвести это. Только оно может, арестуя генералов корниловцев и главарей буржуазной контр-революции (Гучкова, Милюкова, Рябушинского, Маклаков и К⁰), распуская контр-революционные союзы (Гос. Думу, союзы офицеров и т. п.), отдавая их членов под надзор местных Советов, расформировывая контр-революционные части, обеспечить Россию от неизбежного повторения «корниловских» попыток.

Только оно может создать комиссию для полного и гласного расследования дела корниловцев, как и всех прочих, хотя бы и возбужденных буржуазией, дел и только такой комиссии партия большевиков, с своей стороны, призвала бы рабочих оказать полное повиновение и содействие.

Только Советское правительство могло бы успешно бороться с такой вопиющей несправедливостью, как захват капиталистами при помощи награбленных с народа миллионов, крупнейших типографий и большинства газет. Необходимо закрыть буржуазные контр-революционные газеты («Речь», «Рус. Слово» и т. п.), конфисковать их типографии, объявить частные объявления в газетах государственной монополией, перевести их в правительственную газету, издаваемую Советами и говорящую крестьянам правду. Только так можно и должно выбить из рук буржуазии могучее оружие безнаказанной лжи и клеветы, обмана народа, введения в заблуждение крестьянства, подготовки контр-революции.

Мирное развитие революции.

7. Перед демократией России, перед Советами, перед партиями эс-эров и меньшевиков открывается теперь чрезвычайно редко встречающаяся в истории революции возможность обеспечить созыв Учр. Собрания в назначенный срок без новых оттяжек, возможность обезопасить страну от военной и хозяйственной катастрофы, возможность обеспечить мирное развитие революции.

Если Советы возьмут теперь в руки, всецело и исключительно, государственную власть для проведения изложенной выше программы, то Советам обеспечена не только поддержка девяти десятых населения России, рабочего класса и громаднейшего большинства крестьянства. Советам обеспечен и величайший революционный энтузиазм армии и большинства народа, тот энтузиазм, без которого победа над голодом и над войной невозможна.

Ни о каком сопротивлении Советам теперь не могло бы быть и речи, если бы не было колебаний с их стороны. Ни один класс не посмеет поднять восстание против Советов, и помещики с капиталистами, проученные опытом корниловщины, уступят власть мирно перед ультимативным требованием Советов. Для того, чтобы преодолеть сопротивление капиталистов программе Советов, достаточно будет надзора за эксплуататорами со стороны рабочих и крестьян и таких мер наказания послушникам, как конфискация всего имущества, соединенная с непродолжительным арестом.

Взяв всю власть, Советы могли бы еще теперь—и, вероятно, это последний шанс их—обеспечить мирное развитие революции, мирные выборы народом своих депутатов, мирную борьбу партий внутри Советов, испытание практикой программы разных партий, мирный переход власти из рук одной партии в руки другой.

Если эта возможность будет упущена, то весь ход развития революции, начиная от движения 20 апреля и кончая корниловщиной, указывают на неизбежность самой острой гражданской войны между буржуазией и пролетариатом. Неминуемая катастрофа приблизит эту войну. Она должна будет кончиться, как показывают все доступные уму человека данные и соображения, полной победой рабочего класса, поддержкой его беднейшим крестьянством, для осуществления изложенной программы, но она может оказаться весьма тяжелой, кровопролитной, стоящей жизни десяткам тысяч помещиков, капиталистов и сочувствующих им офицеров. Пролетариат не остановится ни перед какими жертвами для спасения революции, невозможного вне изложенной программы. Но пролетариат всемерно поддерживал бы Советы, если-б они осуществили последний их шанс на мирное развитие революции.

Сентябрь, 1917 г.

Большевики должны взять власть.

Письмо в Ц. К., П. К. и М. К. Р. С.-Д. Р.П. (б-ков).

Получив большинство в обоих столичных Советах Рабочих и Солдатских Депутатов большевики могут и должны взять государственную власть в свои руки.

Могут, ибо активное большинство революционных элементов народа обеих столиц достаточно, чтобы увлечь массы, победить сопротивление противника, разбить его, завоевать власть и удержать ее. Ибо, предлагая тотчас демократический мир, отдавая тотчас землю крестьянам, восстанавливая демократические учреждения и свободы, помятые и разбитые Керенским, большевики составят такое правительство, какого никто не свергнет.

Большинство народа за нас. Это доказал длинный и трудный путь от 6 мая до 31 августа и до 12 сентября: большинство в столичных Советах есть плод развития народа в нашу сторону. Колебания эс-эров и меньшевиков, усиление интернационалистов среди них доказывают то же самое.

Демократическое Совещание не представляет большинства революционного народа, а лишь соглашательские мелко-буржуазные верхи. Нельзя давать себя обманывать цифрами выборов, не в выборах дело: сравните выборы в Гор. Думы Питера и Москвы и выборы в Советы. Сравните выборы в Москве и московскую стачку 12 августа: вот объективные данные о большинстве революционных элементов, ведущих массы.

Демократическое Совещание обманывает крестьянство, не давая ему ни мира, ни земли.

Большевистское правительство одно удовлетворит крестьянство.

* * *

Почему должны власть взять именно теперь большевики?

Потому, что предстоящая отдача Питера делает наши шансы во 100 раз худшими.

А отдаче Питера при армии с Керенским и К^о во главе мы помешать не в силах.

И Учредительного Собрания «ждать» нельзя, ибо той же отдачей Питера Керенский и К^о всегда могут сорвать его. Только наша партия, взяв власть, может обеспечить созыв Учредительного Собрания и, взяв власть, она обвинит другие партии в оттяжке и докажет обвинение.

Сепаратному миру между английскими и немецкими империалистами помешать должно и можно, только действуя быстро.

Народ устал от колебаний м-ков и эс-эров. Только наша победа в столицах увлечет крестьян за нами.

* * *

Вопрос идет не о «дне» восстания, не о «моменте» его в узком смысле. Это решит лишь общий голос тех, кто соприкасается с рабочими и солдатами, с массами.

Вопрос о том, что наша партия теперь на Демократическом Совещании имеет фактически свой с'езд, и этот с'езд решить должен (хочет или не хочет, а должен) судьбу революции.

Вопрос в том, чтобы задачу сделать ясной для партии: на очередь дня поставить вооруженное восстание в Питере и в Москве (с областью), завоевание власти, свержение правительства. Обдумать, как агитировать за это, не выражаясь так в печати.

Вспомнить, продумать слова Маркса о восстании: «восстание есть искусство» и т. д.

* * *

Ждать «формального» большинства у большевиков навивно: ни одна революция этого не ждет. И Керенский с К^о не ждут, а готовят сдачу Питера. Именно жалкие колебания Демократического Совещания должны взорвать и взорвут терпение рабочих Питера и Москвы. История не простит нам, если мы не возьмем власти теперь.

Нет аппарата? Аппарат есть: Совет и демократические организации. Международное положение именно теперь, как и у нас сепаратного мира англичан с немцами, за нас. Именно теперь предложить мир народам—значит победить.

Взять власть сразу и в Москве и в Питере (неважно, кто начнет; может быть даже Москва может начать), мы победим безусловно и несомненно.

Сентябрь, 1917 г.

Марксизм и восстание.

Письмо в Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. (б-ков).

К числу наиболее злостных и едва ли не наиболее распространенных извращений марксизма господствующими «социалистическими» партиями принадлежит оппортунистическая ложь, будто подготовка восстания, вообще отношение к восстанию, как к искусству, есть «бланкизм».

Вождь оппортунизма, Бернштейн, уже снискал себе печальную славу обвинения марксизма в бланкизме, и нынешние оппортунисты в сущности ни на иоту не подновляют и не «обогащают» скудные «идеи» Бернштейна, крича о бланкизме.

Обвинять в бланкизме марксистов за отношение к восстанию, как к искусству! Может ли быть более вопиющее извращение истины, когда ни один марксист не отречется от того, что именно Маркс самым определенным, точным и непрерываемым образом высказался на этот счет, назвав восстание именно искусством, сказав, что к восстанию надо относиться, как к искусству, что надо завоевать первый успех и от успеха идти к успеху, не прекращая наступления на врага, пользуясь его растерянностью и т. д. и т. д.

Восстание, чтобы быть успешным, должно упираться не на заговор, не на партию, а на передовой класс. Это во-первых. Восстание должно опираться на революционный подъем народа. Это во-вторых. Восстание должно опираться на такой переломный пункт в истории нарастающей революции, когда активность передовых рядов народа наибольшая, когда всего сильнее колебания в рядах врагов и в рядах слабых, половинчатых, нерешительных друзей революции. Это в-третьих. Вот этими тремя условиями постановки вопроса о восстании отличается марксизм от бланкизма.

Но раз есть налицо эти условия, то отказаться от отношения к восстанию, как к искусству, значит изменить марксизму и изменить революции.

Чтобы доказать, почему именно переживаемый нами момент надо признать таким, когда обязательно для партии признать восстание поставленным ходом объективных событий в порядке дня и отнестись к восстанию, как к искусству, чтобы доказать это, лучше всего, пожалуй, употребить метод сравнения и сопоставить 3—4 июля с сентябрьскими днями.

3—4 июля можно было, не греша против истины, поставить вопрос так: правильнее было бы взять власть, ибо иначе все равно враги обвинят нас в восстании и расправятся, как с повстанцами. Но из этого нельзя было сделать вывода в пользу взятия власти тогда, ибо объективных условий для победы восстания тогда не было.

1) Не было еще за нами класса, являющегося авангардом революции.

Не было еще большинства у нас среди рабочих и солдат столиц. Теперь оно есть в обоих Советах. Оно создано только историей июля и августа, опытом «расправы» с большевиками и опытом корниловщины.

2) Не было тогда всенародного революционного подъема. Теперь он есть после корниловщины. Провинция и взятие власти Советами во многих местах доказывают это.

3) Не было тогда колебаний, в серьезном общеполитическом масштабе, среди врагов наших и среди половинчатой мелкой буржуазии. Теперь колебания гигантские: наш главный враг, империализм союзный и всемирный, ибо «союзники» стоят во главе всемирного империализма, заколебался между войной до победы и сепаратным миром против России. Наши мелко-буржуазные демократы, явно потеряв большинство в народе, заколебались гигантски, отказавшись от блока, т.-е. от коалиции с кадетами.

4) Потому 3—4 июля восстание было бы ошибкой: мы не удержали бы власти ни физически, ни политически. Физически, несмотря на то, что Питер был моментом в наших руках, ибо драться, умирать за обладание Питером наши же рабочие и солдаты тогда не стали бы: не было такого «озверения», такой кипучей ненависти и к Керенским и к Церетели-Черновым, не были еще наши люди закалены опытом преследований большевиков при участии эсэров и м-ков.

Политически мы не удержали бы власти 3—4 июля, ибо армия и провинция, до корниловщины, могли пойти и пошли бы на Питер.

Теперь картина совсем иная.

За нами большинство класса, авангарда революции, авангарда народа, способного увлечь массы.

За нами большинство народа, ибо уход Чернова есть далеко не единственный, но виднейший, нагляднейший

признак того, что крестьянство от блока эс-эров (и от самих эс-эров) земли не получит. А в этом гвоздь общенародного характера революции.

За нами выгода положения партии, твердо знающей свой путь, при неслыханных колебаниях и всего империализма и всего блока м-ков с эс-эрами.

За нами верная победа, ибо народ совсем уж близок к отчаянию, а мы даем всему народу верный выход, показав значение нашего руководства всему народу «в дни корниловские», затем предложив компромисс блокистам и получив отказ от них при условии отнюдь не прекращающихся колебаний с их стороны.

Величайшей ошибкой было бы думать, что наше предложение компромисса еще не отвергнуто, что Демократическое Собрание еще может принять его. Компромисс предлагался от партии к партиям; иначе он не мог предлагаться. Партии отвергли его. Демократическое Собрание есть только совещание, ничего более. Не надо забывать одного: в нем не представлено большинство революционного народа, беднейшее и озлобленное крестьянство. Это совещание меньшинства народа,—нельзя забывать этой очевидной истины, величайшей ошибкой, величайшим парламентским кретинизмом было бы с нашей стороны отнестись к Демократическому Собранию, как к парламенту, ибо даже если бы оно объявило себя парламентом и суверенным парламентом революции, все равно оно ничего не решает: решение лежит вне его, в рабочих кварталах Питера и Москвы.

Перед нами налицо все объективные предпосылки успешного восстания. Перед нами—исключительные выгоды положения, когда только наша победа в восстании положит конец измучившим народ колебаниям, этой самой мучительной вещи на свете; когда только наша победа в восстании сорвет игру с сепаратным миром против революции,—сорвет ее тем, что предложит открыто мир более полный, более справедливый, более близкий, мир в пользу революции.

Только наша партия, наконец, победив в восстании, может спасти Питер, ибо, если наше предложение мира будет отвергнуто и мы не получим даже перемирия, тогда мы становимся «оборонцами», тогда мы становимся во главе военных партий, мы будем самой «военной» партией, мы поведем войну действительно революционно. Мы отнимем весь хлеб и все сапоги у капиталистов. Мы оставим им корки, мы оденем их в лапти. Мы дадим весь хлеб и всю обувь на фронт.

И мы отстоим тогда Питер.

Ресурсы действительно революционной войны, как ма-

териальные, так и духовные, в России еще необ'ятно велики; 99 шансов из 100 за то, что немцы дадут нам по меньшей мере перемирие. А получить перемирие теперь— это значит уже победить весь мир.

Сознав безусловную необходимость восстания рабочих Питера и Москвы для спасения революции и для спасения от «сепаратного» раздела России империалистами обеих коалиций, мы должны, во-первых, приспособить к условиям нарастающего восстания свою политическую тактику на Совещании; мы должны, во-вторых, доказать, что мы не на словах только признаем мысль Маркса о необходимости отнестись к восстанию, как к искусству.

Мы должны на Совещании немедленно сплотить фракцию большевиков, не гоняясь за численностью, не боясь оставить колеблющихся в стане колеблющихся: они там полезнее для дела революции, чем в стане решительных и беззаветных борцов.

Мы должны составить краткую декларацию большевиков, подчеркивая самым резким образом неуместность длинных речей, неуместность «речей» вообще, необходимость немедленного действия для спасения революции, абсолютную необходимость полного разрыва с буржуазией, полного смещения всего теперешнего правительства, полного разрыва с готовящими «сепаратный» раздел России англо-французскими империалистами, необходимость немедленного перехода всей власти в руки революционной демократии, возглавляемой революционным пролетариатом.

Наша декларация должна быть самой краткой и резкой формулировкой этого вывода в связи с программными проектами: мир народам, земля крестьянам, конфискация скандальных прибылей и обуздание скандальной порчи производства капиталистами.

Чем короче, чем резче будет декларация, тем лучше. В ней надо только ясно указать еще два важнейших пункта: народ измучился от колебаний, народ истерзан нерешительностью эс-эров и меньшевиков; мы рвем с этими партиями окончательно, ибо они изменили революции.

И другое: тотчас предлагая мир без аннексий, тотчас разрывая с союзными империалистами и всякими империалистами, мы получим немедленно либо перемирие, либо переход всего революционного пролетариата на сторону обороны и ведение революционной демократии, под его руководством, действительно справедливой, действительно революционной войны.

Прочтя эту декларацию, призвав решать, а не говорить, действовать, а не писать резолюции, мы должны

всю нашу фракцию двинуть на заводы и в казармы: там ее место, там нерв жизни, там источник спасения революции, там двигатель Демократического Сопещания.

Там должны мы в горячих, страстных речах раз'яснить нашу программу и ставить вопрос так: либо полное принятие ее Сопещанием, либо восстание. Середины нет. Ждать нельзя. Революция гибнет.

Ставя вопрос так, сосредоточив всю фракцию на заводах и в казармах, мы правильно учтем момент для начала восстания.

А чтобы отнестись к восстанию по-марксистски, т.-е. как к искусству, мы в то же время, не теряя ни минуты должны организовать штаб повстанческих отрядов, распределить силы, двинуть верные полки на самые важные пункты, окружить Александринку, занять Петропавловку, арестовать генеральный штаб и правительство, послать к юнкерам и к дикой дивизии такие отряды, которые способны погибнуть, но не дать неприятелю двинуться к центрам города; мы должны мобилизовать вооруженных рабочих, призвать их к отчаянному последнему бою, занять сразу телеграф и телефон, поместить наш штаб восстания у центральной телефонной станции, связать с ним по телефону все заводы, все полки, все пункты вооруженной борьбы и т. д.

Это все примерно, конечно, лишь для иллюстрации того, что нельзя в переживаемый момент остаться верным марксизму, остаться верным революции, не относясь к восстанию, как к искусству.

Сентябрь, 1917 г.

Кризис назрел.

I.

Нет сомнения, конец сентября принес нам величайший перелом в истории русской, а, по всей видимости, также и всемирной революции.

Всемирная рабочая революция началась выступлениями одиночек, с беззаветным мужеством представлявших все, что осталось честного от прогнившего официального «социализма», а на деле социал-шовинизма. Либкнехт—в Германии, Адлер—в Австрии, Маклин—в Англии—таковы наиболее известные имена этих героев одиночек, взявших на себя тяжелую роль предтеч всемирной революции.

Вторым этапом в исторической подготовке этой революции явилось широкое массовое брожение, которое выливалось и в форму раскола официальных партий, и в форму нелегальных изданий и в форму уличных демонстраций. Усиливался протест против войны—увеличивалось число жертв правительственных преследований. Тюрьмы стран, славившихся своей законностью и даже своей свободой: Германии, Франции, Италии, Англии, стали наполняться десятками и сотнями интернационалистов, противников войны, сторонников рабочей революции.

Теперь пришел третий этап, который можно назвать кануном революции. Массовые аресты вождей партии в свободной Италии и особенно начало военных восстаний в Германии—вот несомненные признаки великого перелома, признаки кануна революций в мировом масштабе.

Нет сомнения, в Германии были и раньше отдельные случаи мятежа в войсках, но эти случаи были так мелки, так разрознены, так слабы, что их удавалось замять, замолчать—и в этом было главное для пресечения массовой заразительности мятежнических действий. Наконец, назрело и такое движение во флоте, когда уже ни замять, ни

замолчать его, даже при всех неслыханно разработанных и с невероятным педантизмом соблюденных строгостях германского военно-каторжного режима, не удалось.

Сомнения невозможны. Мы стоим в преддверии всемирной пролетарской революции. И так как мы, русские большевики, одни только из всех пролетарских интернационалистов всех стран пользуемся сравнительно громадной свободой, имеем открытую партию, десятка два газет, имеем на своей стороне столичные советы рабочих и солдатских депутатов, имеем на своей стороне большинство народных масс в революционное время, то к нам поистине можно и должно применить слова: кому много дано, с того много и спросится.

II.

В России переломный момент революции несомненен.

В крестьянской стране, при революционном республиканском правительстве, которое пользуется поддержкой партий эс-эров и меньшевиков, имевших вчера еще господство среди мелко-буржуазной демократии, растет крестьянское восстание.

Это невероятно, но это факт.

И нас, большевиков, не удивляет этот факт, мы всегда говорили, что правительство пресловутой «коалиции» с буржуазией есть правительство измены демократизму и революции, правительство империалистской бойни, правительство охраны капиталистов и помещиков от народа.

В России, благодаря обману эс-эрами и меньшевиками, осталось и остается при республике, во время революции, рядом с Советами, правительство капиталистов и помещиков. Такова горькая и грозная действительность. Чего же удивительного, если в России, при неслыханных бедствиях, причиняемых народу затягиванием империалистской войны и ее последствиями, началось и разрастается крестьянское восстание?

Чего же удивительного, если противники большевиков, вожди официальной эс-эровской партии, той самой, которая все время «коалицию» поддерживала, той самой, которая до последних дней или последних недель имела большинство народа на своей стороне,—той самой, которая продолжает порицать и травить «новых» эс-эров, убедившихся в предательстве интересов крестьянства политикой коалиции,—эти вожди официальной эс-эровской партии пишут... 29 сентября в редакционной передовице «Дела Народа», их официального органа:

«..Почти ничего не сделано до настоящего времени для уничтожения тех кабальных отношений, которые все еще господствуют в деревне именно центральной России... Закон

об упорядочении земельных отношений в деревне, давно уже внесенный во временное правительство и даже прошедший через такое чистилище, как юридическое совещание, этот закон безнадежно застрял в каких-то канцеляриях... Разве мы не правы, утверждая, что наше республиканское правительство далеко еще не освободилось от старых навыков царского управления, что столыпинская схватка еще сильно дает себя знать в приемах революционных министров».

Так пишут официальные эс-эры! Подумайте только: сторонники коалиции вынуждены признать, что через 7 месяцев революции в крестьянской стране «почти ничего не сделано для уничтожения кабаль» крестьян, закабаления их помещиками! Эти эс-эры вынуждены назвать столыпинцами своего коллегу Керенского и всю его банду министров.

Можно ли найти более красноречивое свидетельство из лагеря наших противников, подтверждающее не только то, что коалиция крахнула, не только то, что официальные эс-эры, терпящие Керенского, стали противонародной, противокрестьянской, контр-революционной партией, но и то, что вся русская революция пришла к перелому?

Крестьянское восстание в крестьянской стране против правительства Керенского—эс-эра, Никитина и Гвоздева—меньшевиков и других министров, представителей капитала и помещичьих интересов! Подавление этого восстания военными мерами республиканского правительства.

Можно ли быть еще перед лицом таких фактов добросовестным сторонником пролетариата и отрицать, что кризис назрел, что революция переживает величайший перелом, что победа правительства над крестьянским восстанием была бы теперь окончательными похоронами революции, окончательным торжеством корниловщины?

III.

Ясно само собою, что если в крестьянской стране, после 7 месяцев демократической республики дело могло дойти до крестьянского восстания, то оно неопровержимо доказывает обще-национальный крах революции, кризис ее, достигший невиданной силы, подход контр-революционных сил к «последней черте».

Это ясно само собою. Перед лицом такого факта, как крестьянское восстание, все остальные политические симптомы, даже если бы они противоречили этому назреванию общенационального кризиса, не имели бы ровнехонько никакого значения.

Но все симптомы указывают, наоборот, именно на то, что общественный кризис назрел.

После аграрного вопроса в общегосударственной жизни России особенно большое значение имеет, для мелко-буржуазных масс населения, национальный вопрос. И видим, что на «Демократическом» Совещании, подтасованном господином Церетели и К^о, «национальная» курия по радикализму становится на второе место, уступая только профессиональным союзам и стоя выше курии Советов рабочих и крестьянских депутатов по проценту голосов, поданных против коалиции (40 из 55). Из Финляндии правительство Керенского, правительство подавления крестьянского восстания, выводит революционные войска, чтобы подкрепить реакционную финскую буржуазию. На Украине конфликты украинцев вообще и украинских войск в частности с правительством все учащаются.

Возьмем далее армию, которая в военное время имеет исключительно важное значение во всей государственной жизни. Мы видели полный откол от правительства финляндских войск и балтийского флота. Мы видим показание офицера Дубасова, не большевика, который говорит от имени всего фронта и говорит революционнее всех большевиков, что солдаты больше воевать не будут. Мы видим правительственные донесения о том, что настроение солдат «нервное», что за «порядок» (т.е. за участие этих войск в подавлении крестьянского восстания) ручаться нельзя. Мы видим, наконец, голосование в Москве, где из семнадцати тысяч солдат, четырнадцать тысяч голосуют за большевиков.

Это голосование на выборах в районные Думы в Москве является вообще одним из наиболее поразительных симптомов глубочайшего поворота в общенациональном настроении. Что Москва более Питера мелко-буржуазна—это общеизвестно. Что у московского пролетариата несравненно больше связей с деревней, деревенских симпатий, близости к деревенским крестьянским настроениям—это факт, много раз подтвержденный и неоспоримый.

И вот в Москве голоса эс-эров и меньшевиков с 70 проц. в июне падают до 18 процентов. Мелкая буржуазия отвернулась от коалиции, народ отвернулся от нее, тут сомнения невозможны. Кадеты усилились с 17 проц. до 30 проц., но они остались меньшинством, безнадежным меньшинством, несмотря на очевидное присоединение к ним «правых» эс-эров и «правых» меньшевиков. А «Русск. Вед.» говорят, что абсолютное число голосов за кадетов понизилось с 67 до 62 тысяч. Только у большевиков число голосов возросло с 34 тысяч до 82 тысяч. Они получили 47 проц. всего числа голосов. Что вместе с левыми эс-эрами мы имеем теперь

большинство и в Советах, и в армии, и в стране.—в этом ни тени сомнения быть не может.

А к числу симптомов, имеющих не только симптоматическое, но и весьма реальное значение, надо отнести еще тот, что имеющие гигантское общеэкономическое и общеполитическое и военное значение армии железнодорожников и почтовых служащих продолжают быть в остром конфликте с правительством, при чем даже меньшевики-оборонцы недобольны «своим» министром Никитиным, а официальные эс-эры называют Керенского и К^о «столыпинцами». Не ясно ли, что такая «поддержка» правительства меньшевиками и эс-эрами имеет, если имеет, только отрицательное значение?

IV.

Да, вожди Ц. И. К. ведут правильную тактику защиты буржуазии и помещиков. И нет ни малейшего сомнения, что большевики, если бы они дали себя поймать в ловушку конституционных иллюзий, «верь» в созыв У. С., «ожидания» Съезда Советов и т. п.,—нет сомнения, что такие большевики оказались бы жалкими изменниками пролетарскому делу.

Ибо интернационализм состоит не в фразах, не в выражении солидарности, не в резолюциях, а в деле.

Ибо терпеть подавление крестьянского восстания правительством, которое даже «Дело Народа» сравнивает с столыпинцами, значит губить всю революцию, губить ее навсегда и бесповоротно. Кричат об анархии и о росте равнодушия масс: еще бы массам не быть равнодушным к выборам, если крестьянство доведено до восстания, а так называемая «революционная демократия» терпеливо сносит военное подавление его!!!

Ибо снести подавление крестьянского восстания в такой момент—значит дать подделать выборы в У. С. совершенно так же и еще хуже, грубее—как подделали «Демократическое Собрание» и «предпарламент».

Кризис назрел. Все будущее русской революции поставлено на карту. Все будущее международной рабочей революции за социализм поставлено на карту.

Кризис назрел...

Октябрь, 1917 г.

Письмо в П. К. и М. К. Р. С.-Д. Р. П. (6.).

Дорогие товарищи!

События так ясно предписывают нам нашу задачу, что промедление становится положительно преступлением.

Аграрное движение растет, Правительство усиливает дикие репрессии. В войске симпатии к нам растут (99⁰/₀ голосов солдат за нас в Москве, финляндские войска и флот против Правительства, свидетельство Дубасова о фронте вообще).

В Германии начало революции явное, особенно после расстрела матросов. Выборы в Москве—47⁰/₀ б-ков—гигантская победа. Слевыми с.-р. явное большинство в стране.

Железнодорожные и почтовые служащие в конфликте с Правительством. Либерданы вместо с'езда на 20 октября говорят уже о с'езде в 20 числах, и т. д., и т. д.

При таких условиях «ждать»—преступление.

Большевики не в праве ждать с'езда Советов, они должны взять власть тотчас. Этим они спасают и всемирную революцию (ибо иначе грозит сделка империалистов всех стран, кои после расстрелов в Германии будут поклядисты друг к другу и против нас объединятся), и русскую революцию (иначе волна настоящей анархии может стать сильнее, чем мы), и жизнь сотни тысяч людей на войне.

Медлить—преступление. Ждать с'езда Советов—ребяческая игра в формальность, позорная игра в формальность, предательство революции.

Если нельзя взять власти без восстания, надо идти на восстание тотчас. Очень может быть, что именно теперь можно взять власть без восстания; например, если бы московский Совет сразу тотчас взял власть и объявил себя (вместо с питерским Советом) правительством. В Москве победа обеспечена и воевать некому. В Питере можно выждать. Правительству нечего делать и нет спасения, оно сдастся.

Ибо московский Совет, взяв власть, банки, фабрики, «Русское Слово», получает гигантскую базу и силу,—агитируя перед всей Россией, ставя вопрос так: мир мы предложим завтра, если бонапартист Керенский сдастся (а если не сдастся, то мы его свергнем). Землю крестьянам тотчас, уступки железнодорожникам и почтовым служащим—тотчас и т. д.

Необязательно «начать» с Питера. Если Москва «начнет» бескровно, ее поддержат наверняка: 1) армия на фронте сочувствием, 2) крестьяне везде, 3) флот и финские войска идут на Питер.

Если даже у Керенского есть под Питером 1—2 корпуса конных войск, он вынужден сдатьсь. Питерский Совет может выжидать, агитируя за московское советское правительство. Лозунг: власть Советам, земля крестьянам, мир народам, хлеб голодным.

Победа обеспечена и на $\frac{9}{10}$ шансы, что бескровно. Ждать—преступление перед революцией.

Привет. *Н. Ленин.*

Октябрь, 1917 г.

Советы постороннего.

Я пишу эти строки 8 октября и мало надеюсь, чтобы они уже 9-го были в руках питерских товарищей. Возможно, что они опаздают, ибо с'езд северных Советов назначен на 10 октября. Но всетаки я попытаюсь выступить со своими советами постороннего на тот случай, что вероятное выступление рабочих и солдат Питера и всей «округи» состоится вскоре, но еще не состоялось.

Что вся власть должна перейти к Советам, это ясно. Так же бесспорно должно быть для всякого большевика, что революционно-пролетарской (или большевистской—это теперь одно и то же) власти обеспечено величайшее сочувствие и беззаветная поддержка всех трудящихся и эксплуатируемых во всем мире вообще, и воюющих странах в частности, среди русского крестьянства в особенности. На этих слишком общеизвестных и давно доказанных истинах не стоит останавливаться.

Остановиться надо на том, что едва ли вполне ясно всем товарищам, именно: что переход власти к Советам означает теперь на практике вооруженное восстание. Казалось бы, это очевидно, но не все в это вдумались и вдумываются. Отречься теперь от вооруженного восстания значило бы отречься от главного лозунга большевизма (вся власть Советам) и от всего революционно-пролетарского интернационализма вообще.

Но вооруженное восстание есть особый вид политической борьбы, подчиненный особым законам, в которые надо внимательно вдуматься. Замечательно рельефно выразил эту истину Карл Маркс, написавший, что вооруженное «восстание, как и война, есть искусство».

Из главных правил этого искусства Маркс выставил:

1) Никогда не играть с восстанием, а, начиная его, знать твердо, что надо идти до конца.

2) Необходимо собрать большой перевес сил в решающем месте, в решающий момент, ибо иначе неприят-

тель, обладающий лучшей подготовкой и организацией, уничтожит повстанцев.

3) Раз восстание начато, надо действовать с величайшей решительностью и непременно, безусловно переходить в наступление. «Оборона есть смерть вооруженного восстания».

4) Надо стараться захватить врасплох неприятеля, уловить момент, пока его войска разбросаны.

5) Надо добиваться ежедневно хоть маленьких успехов (можно сказать ежечасно, если дело идет об одном городе), поддерживая во что бы то ни стало «моральный перевес».

Маркс подытожил уроки всех революций относительно восруженного восстания словами «величайшего в истории мастера революционной тактики—Дантона: смелость, смелость и еще раз смелость».

В применении к России и к октябрю 1917 года это значит: одновременное, возможно более внезапное и быстрое наступление на Питер, непременно и извне и изнутри, и из рабочих кварталов, и из Финляндии, и из Ревеля, из Кронштадта, наступление всего флота, скопление гигантского перевеса сил над 15—20 тыс. (а может и больше) нашей «буржуазной гвардии» (юнкеров), наших «вандейских войск» (часть казаков) и т. д.

Комбинировать наши 3 главные силы: флот, рабочих и войсковые части, так, чтобы непременно были заняты и ценой каких угодно потерь были удержаны: а) телефон; б) телеграф; в) жел-дор. станции; г) мосты в первую голову.

Выделить самые решительные элементы (наших «ударников» и рабочую молодежь, а равно лучших матросов) в небольшие отряды для занятия ими всех важнейших пунктов и для участия их везде, во всех важных операциях, напр.:

Окружить и отрезать Питер, взять его комбинированной атакой флота, рабочих и войска,—такова задача, требующая искусства и тройной смелости.

Составить отряды наилучших рабочих с ружьями и бомбами для наступления и окружения «центров» врага (юнк. школы, телеграфа и телефона и прочее) с лозунгом: погибнуть всем, но не пропустить неприятеля.

Будем надеяться, что в случае, если выступление будет решено, руководители успешно применяют великие заветы Дантона и Маркса.

Успех и русской и всемирной революции зависит от 2—3 дней борьбы.

Октябрь, 1917 г.

Письмо к товарищам.

Товарищи, время, которое мы переживаем, настолько критическое, события летят с такой невероятной быстротой, что публицист, поставленный волей судеб несколько в стороне от главного руслу истории, рискует постоянно опоздать или оказаться неосведомленным, особенно, если его писания с опозданием появляются в свет. Вполне сознавая это, я вынужден тем не менее обратиться к большевикам с этим письмом, даже под риском, что оно вовсе не появится в печати, ибо колебания, против которых я считаю своим долгом восстать со всей решительностью, неслыханны и способны оказать губительное действие на партию, на движение международного пролетариата, на революцию. А что касается до опасности опоздать, то для предупреждения ее я буду указывать, какими сведениями, от какого числа, я обладаю.

Мне удалось только в понедельник, 16 октября, утром увидеть товарища, который участвовал накануне в очень важном большевистском собрании в Питере и подробно осведомил меня о прениях. Обсуждался тот самый вопрос о восстании, который обсуждается и воскресными газетами всех направлений. На собрании было представлено все влиятельнейшее из всех отраслей большевистской работы в столице. И только ничтожнейшее меньшинство собрания, именно всего на всего двое товарищей, заняло отрицательное отношение. Доводы, с которыми выступали эти товарищи, до того слабы, эти доводы являются таким поразительным проявлением растерянности, запуганности и краха всех основных идей большевизма и революционно-пролетарского интернационализма, что нелегко подыскать объяснение столь позорным колебаниям. Но факт налицо, и так как революционная партия терпеть колебаний по столь серьезному вопросу не в праве, так как известную смуту эта парочка товарищей, растерявших свои принципы, внести может, то

необходимо разобрать их доводы, вскрыть их колебания, показать, насколько они позорны. Дальнейшие строки пусть будут попыткой выполнить эту задачу.

«...У нас нет большинства в народе, без этого условия восстание безнадежно».

Люди, которые способны говорить это, либо искажители правды, либо педанты, которые желают во что бы то ни стало, не считаясь ни капли с реальной обстановкой революции, получить наперед гарантии, что во всей стране партия большевиков получила ровно половину голосов плюс один голос. Таких гарантий история никогда и ни в одной революции не представляла и представить абсолютно не в состоянии. Предъявление подобного требования есть издевательство над слушателями и не более, как прикрытие своего бегства от действительности.

Ибо действительность показывает нам воочию, что именно после июльских дней большинство народа стало быстро переходить на сторону большевиков. Это доказали и выборы 20 августа в Питере, еще до корниловщины, когда процент большевистских голосов поднялся с 20% до 33% в городе без пригородов, и затем выборы в сентябре в районные думы Москвы, когда процент большевистских голосов поднялся с 11 до 49 $\frac{1}{3}$ % (один товарищ москвич, которого я видел на днях, говорил мне, что точная цифра 51%). Это доказали перевыборы Советов. Это доказал тот факт, что большинство крестьянских советов, вопреки своему «авксентьевскому» центральному совету, высказалось против коалиции. Быть против коалиции это значит на деле идти за большевиками. Далее, сообщения с фронта все чаще и все определеннее показывают, что масса солдат, вопреки злостным клеветам и нападкам эс-эровско-меньшевистских вождей, офицеров, депутатов и проч., и проч., все решительнее и решительнее переходит на сторону большевиков.

Наконец, самый крупный факт современной жизни в России есть крестьянское восстание. Вот объективный, не словами, а делами показанный переход народа на сторону большевиков. Ибо, как не лжет буржуазная пресса и ее жалкие подголоски из «колеблющихся» новожизненцев и К^о, крича о погромах и об анархии, но факт налицо. Движение крестьян в Тамбовской губернии было восстанием и в физическом и в политическом смысле, восстанием, давшим столь великолепные и политические результаты, как, во-первых, согласие передать земли крестьянам. Не даром вся запуганная восстанием эс-эровская шваль, вплоть до «Дела Народа», в опит теперь о необходимости

передачи земель крестьянам! Вот на деле доказанная правильность большевизма и успех его. «Учить» бонапартистов и их лакеев в предпарламенте оказалось невозможным иначе, как восстанием.

Это факт. Факты—упрямая вещь. И такой фактический «довод» за восстание сильнее тысячи «пессимистических» уверток растерявшегося и запуганного политика.

Не будь крестьянское восстание событием общенационального политического значения, эс-эровские лакеи из предпарламента не кричали бы о необходимости передать землю крестьянам.

Другое великолепное политическое и революционное последствие крестьянского восстания отмечено уже в «Раб. Пути», это—подвоз хлеба к станциям жел. дор. Тамб. губ. Вот вам еще «довод», господа растерявшиеся, довод за восстание, как единственное средство спасти страну от стучащегося уже в дверь голода и кризиса неслыханных размеров. Пока эс-эровско-меньшевицкие предатели народа ворчат, грозят, пишут резолюции, обещают накормить голодных созывом Учр. Собрания, народ побольшевицки приступит к решению вопроса о хлебе восстанием против помещиков, капиталистов и скупщиков.

И прекрасные плоды такого (единственно реального) решения вопроса о хлебе вынуждена была признать буржуазная пресса, даже «Рус. Воля», напечатавшая сообщение, что станции жел. дорог Тамб. губернии оказались завалены хлебом. После того, как крестьяне восстали.

Нет, сомневаться теперь в том, что большинство народа идет и пойдет за большевиками, значит позорно колебаться и на деле выкидывать прочь все принципы пролетарской революционности, отречься от большевизма совершенно.

«..Мы недостаточно сильны, чтобы взять власть, а буржуазия недостаточно сильна, чтобы сорвать Учредит. Собрание»...

Первая часть этого довода есть простой пересказ довода предыдущего. Он не выигрывает в силе и убедительности, если свою растерянность и запуганность буржуазией выражают пессимизмом насчет рабочих, оптимизмом насчет буржуазии. Если юнкера и казаки говорят, что будут драться до последней капли крови против большевиков, то это заслуживает полного доверия; если же рабочие и солдаты на сотнях собраний выражают полное доверие большевикам и подтверждают готовность грудью встать за переход власти к Советам, то «уместно» вспомнить, что одно дело—голосовать, а другое дело драться!

Конечно, если рассуждать так, то восстание «опровергнуто». Только, спрашивается, чем же отличается этот своеобразно направленный, своеобразно устремленный «пессимизм» от политического перехода на сторону буржуазии?

Взгляните на факты, вспомните «забываемые» нашими пессимистами тысячекратные заявления большевиков. Мы тысячи раз говорили, что Советы р. и с. депутатов—сила, что это авангард революции, что они могут взять власть. Мы тысячи раз упрекали меньшевиков и эс-эров, что они фразерствуют насчет «полномочных органов демократии» и в то же время боятся взять власть в руки Советов.

А что доказала корниловщина? Она доказала, что Советы действительно сила.

И после того, как это доказано опытом, фактами, мы выбросим прочь большевизм, отречемся от себя и скажем: мы недостаточно сильны (хотя мы имеем оба столичных и большинство провинциальных Советов на стороне большевиков)!!! Ну, разве это не позорные колебания? В сущности, ведь наши «пессимисты» выкидывают прочь лозунг «вся власть Советам», боясь признаться в этом.

Как можно доказать, что буржуазия недостаточно сильна для срыва Учред. Собранин?

Если буржуазию не в силах свергнуть Советы, то значит она достаточно сильна для срыва Учр. Собранин, ибо больше помешать некому. Верить обещаниям Керенского и К^о, верить резолюциям лакейского предпарламента,—неужели это достойно члена пролетарской партии и революционера?

Буржуазия не только в силах сорвать Учр. Собрание, если теперешнее правительство не будет свергнуто, но она может и косвенно достигнуть этого результата, сдавая Питер немцам, открывая фронт, усиливая локауты, саботируя подвоз хлеба. Доказано фактами, что по частям все это буржуазия уже делала. Значит, она в силах сделать это и в целом, если рабочие и солдаты не свергнут ее.

«...Советы должны быть револьвером, приставленным к виску правительства с требованием созыва У. С. и отказа от корниловских попыток»...

До этого договорился один из двух печальных пессимистов!

Пришлось договориться до этого, ибо отказ от восстания есть отказ от лозунга «вся власть Советам».

Конечно, лозунги «не святыня», слов нет. Но почему же никто не поднял вопрос об изменении этого лозунга (как поднял я этот вопрос после июльских дней)? Почему боятся сказать это открыто, хотя с сентября в партии

обсуждается вопрос о восстании, неизбежном отныне для осуществления лозунга «вся власть Советам»?

Тут не вывернуться нашим печальным пессимистам никогда. Отказ от восстания есть отказ от передачи власти Советам и «передача» всех надежд и упований на добренькую буржуазию, которая «обещала» созвать Учр. Собрание.

Неужели трудно понять, что при власти в руках Советов Учр. Собрание обеспечено и его успех обеспечен? Это тысячи раз говорили большевики. Никто ни разу не пытался опровергнуть этого. Такой «комбинированный тип» все признавали, но проташить теперь под словечком «комбинированный тип» отказ от передачи власти Советам, проташить тайком, боясь отречься от нашего лозунга открыто,—что это такое? можно ли подыскать для характеристики этого парламентские выражения?

Нашему пессимисту ответили метко: револьвер без пули? Если да, то это прямой переход к Либерданах, которые тысячи раз объявляли Советы «револьвером» и тысячи раз обманывали народ, ибо Советы при их господстве оказывались нулем.

А если револьвер «с пулей», то это и есть техническая подготовка восстания, ибо пулю надо достать, револьвер надо зарядить, да и одной пули маловато будет.

Либо переход к Либерданах и открытый отказ от лозунга «вся власть Советам», либо восстание. Средины нет.

«...Буржуазия не может сдать Питера немцам, хотя Родзянко и хочет этого, ибо воюют не буржуа, а наши геройские матросы»...

Этот довод сводится опять к тому «оптимизму» насчет буржуазии, который на каждом шагу фатально проявляют пессимисты по части революционных сил и способности пролетариата.

Воюют геройские матросы, но это не помешало двум адмиралам скрыться перед взятием Эзеля!

Это факт. Факты—упрямая вещь. Факты доказывают, что адмиралы способны предавать не хуже Корнилова. А что ставка не реформирована, что командный состав корниловский, это бесспорный факт.

Если корниловцы (с Керенским во главе, ибо он тоже корниловец) захотят сдать Питер, они могут сделать это двояко и даже «тroyако».

Во-первых, они могут предательством корниловского командного состава открыть сухопутный северный фронт.

Во-вторых, они могут «сговориться» насчет свободы действий всего немецкого флота, который сильнее нас, сговориться и с немецкими и с английскими империалистам.

Кроме того, «скрывшиеся адмиралы» могли передать немцам и планы.

В-третьих, локаутами и саботажем доставки хлеба они могут довести войска наши до полного отчаяния и бессилия.

Ни одного из этих трех путей отрицать нельзя. Факты доказали, что во все эти три двери буржуазно-казацкая партия России уже стучалась, их пробовала открыть.

Следовательно? Следовательно, мы не в праве ждать, пока буржуазия задушит революцию.

Что родзянковские «хотения»—не пустышка, это доказано опытом. Родзянко—человек дела. За Родзянкой стоит капитал. Это неоспоримо. Капитал—сила, пока пролетариат не овладел властью. Политикой капитала Родзянко верой и правдой проводил десятилетия.

Следовательно? Следовательно, колебаться по вопросу о восстании, как единственном средстве спасти революцию, значит впадать в ту наполовину либердановскую, эс-эровски-меньшевицкую трусливую доверчивость к буржуазии, наполовину «мужицки»-бессознательную доверчивость, против которой больше всего большевики боролись.

Либо сложить ненужные руки на пустой груди и ждать, клянясь «верой» в Учр. Собрание, пока Родзянко и Ко съедут Питер и задушат революцию,—либо восстание. Средины нет.

Даже созыв Учр. Собрания, отдельно взятый, ничего тут не меняет, ибо никаким «учредительством», никаким:: голосованиями хотя бы архисуверенного собрания голода не проймешь, Вильгельма не проймешь. И созыв Учр. Собр. и успех его зависит от перехода власти к Советам, эту старую большевицкую истину все более наглядно и все более жестоко подтверждает действительность.

«...Мы усиливаемся с каждым днем, мы можем войти сильной оппозицией в Учр. Собр., к чему нам все ставить на карту»...

Довод филистера, который «читал», что Учр. Собр. созывается и доверчиво успокаивается на легальнейшем, лояльнейшем, конституционном пути.

Жаль, только, что ни вопроса о голоде, ни вопроса о сдаче Питера ожиданиями Учр. Собр. решить нельзя. Эту «мелочь» забывают наивные или растерявшиеся, или давшие себя запугать люди.

Голод не ждет. Крестьянское восстание не ждало. Война не ждет. Скрывавшиеся адмиралы не ждали.

Или оттого, что мы, большевики, провозгласим веру в созыв Учред. Собр., от этого голод согласится по-

дождать? Маклаковы и Родзянки согласятся прекратить локкауты, саботаж подвоза хлеба, тайные сговоры с английскими и немецкими империалистами?

Ведь так выходит у героев «конституционных иллюзий» и парламентского кретинизма. Живая жизнь исчезает—остается только бумажка о созыве Учредительного Собрания, остаются только выборы.

И слепые люди дивятся еще, что голодный народ и предаваемые генералами и адмиралами солдаты равнодушны к выборам! О, мудрецы!

«...Вот если бы корниловцы опять начали, тогда мы бы показали! А начинать самим, к чему рисковать?..»

Это так чрезвычайно убедительно и чрезвычайно революционно. История не повторяется, но если мы повернемся к ней задом и будем, созерцая корниловщину первую, твердить: «вот кабы корниловцы начали»—если мы это сделаем, какая это превосходная революционная стратегия! Как она похожа на «авось да небось»! Авось корниловцы опять начнут не во-время!—неправда ли, какой это сильный «довод»? Какое это серьезное обоснование пролетарской политики?

А если корниловцы второго призыва научились кое-чему? Если они дождутся голодных бунтов, прорыва фронта, сдачи Питера, не начиная до тех пор? Что тогда?

Тактику пролетарской партии нам предлагают построить на возможном повторении корниловцами одной из своих старых ошибок!

Забудем все, что сотни раз доказывали и доказали большевики, что доказала полугодовая история нашей революции, именно: что выхода нет, объективно нет, не может быть, кроме диктатуры корниловцев или диктатуры пролетариата, забудем это, отречемся от всего этого и будем ждать! Ждать—чего? Ждать чуда: именно, что бурное и катастрофическое течение событий с 20 апреля по 29 августа сменится (по случаю затягивания войны и роста голодовки) мирным, спокойным, гладким, легальным созывом Учредительного Собрания и исполнением его законнейших решений: вот она «марксистская» тактика. Ждите, голодные, Керенский обещал созвать Учредительное Собрание!

«...В международном положении нет, собственно, ничего, обязывающего нас выступить немедленно, мы скорее повредим делу социалистической революции на Западе, если дадим себя расстрелять»..

Этот довод поистине великолепен: «сам» Шейдеман, «сам» Ренодель не сумел бы искуснее «оперировать» с со-

чувствием рабочих успеху международной социалистической революции!

Подумайте только: немцы при дьявольски трудных условиях, имея одного Либкнехта (да и то в каторге), без газет, без свободы собраний, без Советов, при невероятной враждебности всех классов населения, вплоть до последнего зажиточного крестьянина, идее интернационализма, при великолепной организованности империалистской крупной, средней и мелкой буржуазии, немцы, т.-е. немецкие революционеры-интернационалисты, рабочие, одетые в матросские куртки, устроили восстание во флоте—шансами разве один на сотню.

А мы, имея десятки газет, свободу собраний, имея большинство в Советах, мы, наилучше поставленные во всем мире пролетарские интернационалисты, мы откажемся от поддержки немецких революционеров нашим восстанием. Мы будем рассуждать, как Шейдеманы и Ренодели: благоразумнее всего не восставать, ибо если нас перестреляют, то мир потеряет таких прекрасных, таких благоразумных, таких идеальных интернационалистов!!

Докажем свое благоразумие. Примем резолюцию сочувствия немецким повстанцам и отвергнем восстание в России. Это будет настоящим, благоразумным интернационализмом. И как быстро процветет международный интернационализм, если повсюду восторжествует такая же мудрая политика!..

Война замучила, истерзала рабочих всех стран до крайности. Взрывы и в Италии, и в Германии, и в Австрии учащаются. Мы одни имеем Советы рабочих и солдатских депутатов,—будем выжидать—предадим немецких интернационалистов, как мы предаем русских крестьян, не словами, а делами, восстанием против помещиков, зовущих нас к восстанию против правительства Керенского..

Пусть сгустилась туча империалистского заговора капиталистов всех стран, которые готовы задушить русскую революцию,—будем спокойно выжидать, пока нас задушат рублем! Вместо того, чтобы напасть на заговорщиков и сломать их ряды победой Советов рабочих и солдатских депутатов, будем ожидать Учр. Собрания, где голосованиями победят все международные заговоры, если Керенский и Родзянко добросовестно созовут Учр. Собрание. Имеем ли мы право сомневаться в добросовестности Керенского и Родзянки?

«...Но против нас «все»! Мы изолированы. И Ц. И. К., и меньшевики-интернационалисты, и новожиизненцы, и левые эс-эры выпустили и выпустят воззвания против нас!..»

Пресильный довод. Мы до сих пор били беспощадно колеблющихся за колебания. Мы на этом приобрели сочувствие народа. Мы на этом завоевали Советы, без которых восстание не могло быть надежным, быстрым, верным. Теперь воспользуемся завоеванными Советами, чтобы и нам пере йти в стан колеблющихся. Какая прекрасная карьера большевизма!

Вся суть политики Либерданов и Черновых, а также «левых» среди эс-эров и меньшевиков состоит в колебаниях. Как показатели того, что массы левеют, левые эс-эры и меньшевики-интернационалисты имеют огромное политическое значение. Такие два факта, как переход около 40% и у меньшевиков и у эс-эров в лагерь левых, с одной стороны, и крестьянское восстание, с другой, стоят в несомненной, очевидной связи.

Но именно характер этой связи и разоблачает всю бездну бесхарактерности тех, кто вздумал теперь хныкать по поводу того, что заживо сгнивший Ц. И. К. или колеблющиеся левые эс-эры и К⁰ выступили против нас. Ибо эти колебания мелко-буржуазных вождей, Мартовых, Камковых, Сухановых и К⁰, надо сопоставить с восстанием крестьян. Вот реальное политическое сопоставление. С кем итти? С теми колеблющимися горстками питерских вождей, которые косвенно выразили левение масс и которые при каждом политическом повороте позорно хныкали, колебались, бегали просить прощения у Либерданов и Авксентьевых с компанией, или с этими полевевшими массами?

Так, только так стоит вопрос.

По случаю предательства крестьянского восстания Мартовыми, Камковыми, Сухановыми—и нам, рабочей партии революционных интернационалистов, предлагают предать его. Вот к чему сводится политика «киваний» на левых эс-эров и меньшевиков-интернационалистов.

А мы сказали: чтобы помочь колеблющимся, надо перестать колебаться самому. Эти «милые» левые мелко-буржуазные демократы колебались и за коалицию! Мы их повели, в конце концов, за собой,—тем, что не колебались сами. И жизнь подтвердила нас.

Своими колебаниями эти господа губили революцию всегда. Только мы спасали ее. И теперь мы спасуем, когда голод стучится в ворота Питера, а Родзянко и К⁰ готовят сдачу его?!

«...Но у нас нет даже прочных связей с железнодорожниками и почтовыми служащими. Их официальные представители—Плансоны. А можно ли победить без почты и без железных дорог?..»

Да, да, Плансоны—здесь, Либерданы—там. Какое доверие оказали им массы? Не мы ли доказывали всегда, что эти вожди предадут массы? Не от этих ли вождей вернули массы к нам и на выборах в Москве и на выборах в Советы? Или масса жел.-дор. и почтовых служащих не голодает? не бастует против правительства Керенского и К^о?

А перед 28 февраля были у нас связи с этими союзами?—спросил один товарищ «пессимиста». Тот ответил указанием на несравнимость обеих революций. Но это указание только усиливает позицию того, кто задал вопрос. Ибо о длинной подготовке пролетарской революции против буржуазии тысячи раз говорили как раз большевики (и говорили не для того, чтобы забыть это накануне решительного момента). Как раз выделением пролетарских элементов массы от мелко-буржуазных и буржуазных верхов характеризуется политическая и экономическая жизнь союзов почт.-тел. и железнодорожного. Дело вовсе не в том, чтобы обязательно запастись заранее «связями» с тем и другим союзом, дело в том, что только победа пролетарского и крестьянского восстания может удовлетворить массы в армиях железнодорожников и почтово-телеграфных служащих.

«...Хлеба в Питере на 2—3 дня. Можем ли мы дать хлеб повстанцам?..»

Одно из тысячи скептических замечаний (скептики всегда могут «сомневаться», и ничем, кроме опыта, не опровергнешь их),—из таких замечаний, которое валит с большой головы на здоровую.

Именно Родзянко и К^о, именно буржуазия готовит голод и спекулирует удавить революцию голодом. Нет и быть не может иного спасения от голода, как восстание крестьян против помещиков в деревне и победа рабочих над капиталистами в городе и в центре. Иначе ни достать хлеба у богачей, ни вывезти его, вопреки их саботажу, ни сломить сопротивление подкупленных служащих и наживающихся капиталистов, ни создать строгий учет нельзя. Это доказала именно история продовольственных учреждений и продовольственной маеты «демократии», которая миллионы раз жаловалась на саботаж капиталистов, хныкала, умоляла.

Нет силы на свете, кроме силы победоносной пролетарской революции, чтобы вместо жалоб и просьб и слез перейти к революционному делу. И чем дольше будет оттянута пролетарская революция, чем дольше отсрочат ее события или колебания колеблющихся и растерявшихся, тем

больше жертв она будет стоить, тем труднее будет наладить подвоз и распределение хлеба.

Промедление в восстании смерти подобно—вот что надо ответить тем, кто имеет печальное «мужество» смотреть на рост разрухи, на близость голода и отсоветовать рабочим восстание (то есть советовать им подождать, еще положиться на буржуазию).

«...В положении на фронте тоже нет еще опасности. Если даже солдаты сами заключат перемирие, это еще не беда»...

Но солдаты не заключат перемирия. Для этого нужна государственная власть, которой нельзя получить без восстания. Солдаты просто убегут. Об этом говорят доклады с фронта. Ждать нельзя, не рискуя помочь сговору Родзянки с Вильгельмом и полной разрухой при повальном бегстве солдат, если они (уже близкие к отчаянию) дойдут до полного отчаяния и бросят все на произвол судьбы.

«...А если мы возьмем власть и не получим ни перемирия, ни демократического мира, то солдаты могут не пойти на революционную войну. Что тогда?»

Довод, заставляющий вспомнить изречение: один дурак может вдесятеро больше задать вопросов, чем десять мудрецов способны разрешить.

Мы никогда не отрицали трудностей власти во время империалистской войны, но мы тем не менее всегда проповедывали диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства. Неужели мы отречемся от этого, когда пришел момент действия??

Мы всегда говорили, что диктатура пролетариата в одной стране создает гигантские перемены и международного положения, и экономики страны, и положения армии, и настроения ее,—и мы «забудем» все это теперь, давая себя запугать «трудностями» революции??

«...В массах нет рвущегося на улицу настроения, как передают все. К признакам, оправдывающим пессимизм, принадлежит также крайне возросшее распространение громкой и черносотенной прессы»...

Когда люди дадут буржуазии запугать себя, тогда, естественно, все предметы и явления окрашиваются для них в желтый цвет. Во-первых, они марксистский критерий движения подменяют интеллигентски-импрессионистским, а место политического учета развития классово-вой борьбы

и хода событий во всей стране в целом, в международной обстановке в целом, ставят субъективные впечатления о настроении; о том, что твердая линия партии, ее непреклонная решимость тоже есть фактор настроения, особенно в наиболее острые революционные моменты, об этом, конечно, «кстати» забывают. Иногда людям бывает очень «кстати» забыть, что ответственные руководители своими колебаниями и склонностью сжечь то, чему они вчера поклонялись, вносят самые неприличные колебания и в настроения известных слоев массы.

Во-вторых,—и это в данный момент главное—говоря о настроении масс, бесхарактерные люди забывают добавить, — что «все» передают его, как сосредоточенное и выжидательное;

— что «все» согласны насчет того, что по призыву Советов и для защиты Советов рабочие выступят, как один человек;

— что «все» согласны насчет сильного недовольства у рабочих нерешительностью центров в вопросе о «последнем, решительном бое», неизбежность коего сознается ясно;

— что «все» единодушно характеризуют настроение наиболее широких масс, как близкое к отчаянию, и указывают на факт нарастания анархизма именно на этой почве;

— что «все» признают также, что среди сознательных рабочих есть определенное нежелание выходить на улицу только для демонстраций, только для частичной борьбы, ибо в воздухе носится приближение не частичного, а общего боя, безнадежность же отдельных стачек, демонстраций, давлений испытана и признана вполне.

И так далее.

Если мы к этой характеристике настроения масс подойдем с точки зрения всего развития классово и политической борьбы и всего хода событий за полгода нашей революции, то нам станет ясно, как искажают дело запуганные буржуазией люди. Дело стоит именно не так, как перед 20—21 апреля, 9 июня, 3 июля, ибо тогда было стихийное возбуждение, которое мы, как партия, или не улавливали (20 апреля), или сдерживали и оформляли в мирную демонстрацию (9 июня и 3 июля). Ибо мы хорошо знали тогда, что Советы еще не наши, что крестьяне еще верят пути либердановско-черновскому, а не пути большевистскому (восстанию), что, следовательно, за нами большинства народа быть не может, что, следовательно, восстание преждевременно.

Тогда у большинства сознательных рабочих вопроса о последнем решительном бое не возникало вовсе; нет ни одной коллегии из партийных коллегий вообще, которая бы этот вопрос ставила. А у малосознательной и очень широ-

кой массы не было ни сосредоточенности, ни решимости отчаяния, а было именно стихийное возбуждение с наивной надеждой просто «выступлением», просто—демонстрацией «повлиять» на Керенских и буржуазию.

Для восстания нужно не это, а сознательная, твердая и непреклонная решимость сознательных биться до конца, это—с одной стороны. А, с другой стороны, нужно сосредоточенно - отчаянное настроение широких масс, которые чувствуют, что полумерами ничего теперь спасти нельзя, что «повлиять» никак не повлияешь, что голодные «разнесут все, разможат все даже по-анархически», если не сумеют руководить ими в решительном бое большевики.

Именно к этому сочетанию наученной опытом сосредоточенности сознательных и близкого к отчаянию настроения ненависти к локаутчикам и капиталистам у широчайших масс развитие революции привело на деле и рабочих и крестьянство.

Именно на этой почве понятен также «успех» подделывающихся под большевизм негодяев черносотенной печати. Что черные злорадствуют при виде приближающегося решительного боя буржуазии с пролетариатом, это бывало всегда, это наблюдалось во всех без всякого изъятия революциях, это абсолютно неизбежно. И если этим обстоятельством давать себя запугивать, тогда надо отказаться не только от восстания, но и от пролетарской революции вообще. Ибо не может в капиталистическом обществе быть такого нарастания этой революции, которое бы не сопровождалось злорадством черной сотни и ее надеждами погреть себе руки.

Сознательные рабочие прекрасно знают, что черная сотня с буржуазией работают рука об руку и что решительная победа рабочих (в которую мелкие буржуа не верят, которой капиталисты боятся, которой черносотенцы иногда из злорадства желают, уверенные, что большевики не удержат власти),—что эта победа черную сотню раздавит до конца, что власть большевики сумеют удержать твердо и к величайшей пользе для всего измученного и истерзанного войной человечества.

В самом деле, кто же из не сошедших с ума людей может сомневаться в том, что Родзянки и Суворины действуют вместе? что между ними распределены роли?

Разве факты не доказали, что по указке Родзянки действует Керенский, а «государственная типография российской республики» (не шутите!) печатает на казенный счет черносотенные речи черносотенцев «Госуд. Думы»? Разве этого факта не разоблачили даже лакействующие перед «своим человеком» лакеи из «Дела Народа»? Разве опыт всех выборов не доказал полнейшей поддержки «Новым

Временем», продажной газетой, царско-помещичьими «интересами» направляемой газетой, кадетских списков?

Разве мы не читали вчера, что торгово-промышленный капитал (беспартийный, конечно,—о, разумеется, беспартийный, ведь Вихляевы и Ракитниковы, Гвоздевы и Никитины коалируют с кадетами, боже упаси, а с беспартийными и торгово-промышленными кругами!), отвалив 300.000 руб. кадетам?

Вся черносотенная пресса, если смотреть на вещи с классовой, а не сантиментальной точки зрения, есть отделение фирмы «Рябушинский, Милюков и К^о». Капитал покупает себе, с одной стороны, Милюковых, Заславских, Потресовых и прочее, а с другой стороны, черносотенцев.

Никакого иного средства покончить с этим безобразнейшим отравлением народа ядом дешевой черносотенной заразы быть не может, кроме победы пролетариата.

И можно ли удивляться тому, что измученная и истерзанная голодом и затягиванием войны толпа «хватается» за черносотенный яд? Можно ли мыслить себе капиталистическое общество накануне краха без отчаяния в среде угнетенных масс? И может ли отчаяние масс, среди которых не мало темноты, не выразиться в увеличенном сбыте всякого яда?

Нет, безнадежна позиция тех, кто, толкуя о настроении масс, свою личную бесхарактерность сваливает на массы. Массы делятся на сознательно выжидающих, на бессознательно готовых впасть в отчаяние, но массы угнетенных и голодных не бесхарактерны.

«...Марксистская партия, с другой стороны, не может сводить вопрос о восстании к вопросу о военном заговоре»...

Марксизм есть чрезвычайно глубокое и разностороннее учение. Неудивительно поэтому, что обрывки цитат из Маркса,—особенно, если приводить цитаты некстати—можно встретить всегда среди «доводов», тех, кто рвет с марксизмом. Военный заговор есть бланкизм, если его устраивает не партия определенного класса, если его организаторы не учли политического момента вообще и международного в особенности, если на стороне этой партии нет доказанного объективными фактами сочувствия большинства народа, если развитие событий революции не привело к практическому опровержению соглашательских иллюзий мелкой буржуазии, если не завосвано большинство признанных «полномочными» или иначе себя показавших органов революционной борьбы в роде «Советов», если в армии (буде дело происходит во время войны) нет вполне назревшего настро-

ения против правительства, затягивающего несправедливую войну против воли народа, е с л и лозунги восстания (в роде «вся власть Советам», «земля крестьянам», «немедленное предложение демократического мира всем воюющим народам в связи с немедленной же отменой тайных договоров и тайной дипломатии» и т. п.) не приобрели широчайшей известности и популярности, е с л и передовые рабочие не уверены в отчаянном положении масс и в поддержке деревни,—поддержке, доказанной серьезным крестьянским движением, или восстанием против помещиков и защищающего их правительства, е с л и экономическое положение страны внушает серьезные надежды на благоприятное разрешение кризиса мирными и парламентскими средствами.

Пожалуй, довольно?

В своей брошюре «Удержат ли большевики государственную власть?» (я надеюсь, что она на-днях выйдет уже в свет) я привел цитату из Маркса, действительно относящуюся к вопросу о восстании и определяющую признаки восстания как «искусства».

Я готов биться о заклад, что если предложить раскрыть рот тем болтунам, которые кричат теперь в России против военного заговора, и призвать их к объяснению разницы между «искусством» вооруженного восстания и осуждения достойным военным заговором, то они либо повторят сказанное выше, либо осрамят себя и вызовут всеобщий смех рабочих. Попробуйте-ка, любезные тоже-марксисты! Спойте нам песенку против «военного заговора».

П о с л е с л о в и е .

Предыдущие строки были уже написаны, когда я получил, в 8 час. вечера, во вторник, утренние питерские газеты со статьей г. В. Базарова в «Новой Жизни». Г-н В. Базаров утверждает, что «по городу пущен в рукописи листок, высказывающийся от имени двух видных большевиков против выступления».

Если это правда, то я прошу товарищей, в руки которых это письмо не может попасть раньше полудня в среду, напечатать его возможно скорее.

Оно писалось не для печати, а только для беседы с членами партии по переписке. Но если не принадлежащие к партии и тысячу раз осмеянные ею за презренную бесхарактерность герои из «Новой Жизни» (третьего дня голосовавшие за большевиков, вчера за меньшевиков и почти объединившие их на всемирно-знаменитом объединительном съезде), если подобные субъекты получают листок от членов нашей партии, агитирующих против восстания, тогда молчать нельзя. Надо агитировать и за восстание. Пускай

анонимы вылезают окончательно на свет божий и понесут заслуженное ими за их позорные колебания наказание хотя бы в виде насмешек всех сознательных рабочих. Я имею в своем распоряжении только час времени до отсылки настоящего письма в Питер и потому только в двух словах отмечу один «прием» печальных героев безголового «новожизненства». Г-н В. Базаров пробует полемизировать с тов. Рязановым, который сказал, и сказал 1000 раз правильно, что «восстание готовят все те, кто создает в массах настроение отчаяния и индифферентизма».

Печальный герой печального дела «возражает»:

«Разве отчаяние и индифферентизм когда-либо побеждали?»

О, презренные дурачки из «Новой Жизни»! Они знают такие примеры восстания в истории, когда массы угнетенных классов побеждали в отчаянном бою, не будучи долгими страданиями и крайним обострением кризисов всякого рода доведены до отчаяния? Когда эти массы не охватывал индифферентизм (равнодушие) к разным лакейским предпарламентам, к пустой игре в революции, к низведению Либерданами Советов с органов власти и восстания до роли пустых разговорен?

Или, может быть, презренные дурачки из «Новой Жизни» открыли у масс равнодушие... к вопросу о хлебе? о затягивании войны? о земле для крестьян?

VIII.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ДИКТАТУРА И
УЧРЕДИЛОВСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ.

(Роспуск Учредительного Собрания).

1. Тезисы об Учредительном Собрании.
2. Декларация фракции Р.С.Д.Р.П. (большевиков).
3. Декрет о роспуске Учредительного Собрания
ВЦИК.

Тезисы об Учредительном Собрании.

1. Требование созыва Учредительного Собрания входило вполне законно в программу революционной социал-демократии, так как в буржуазной республике Учредительное Собрание является высшей формой демократизма и так как империалистическая республика с Керенским во главе, создавая парламент, готовила подделку выборов с рядом нарушений демократизма.

2. Выставляя требование созыва Учредительного Собрания, революционная социал-демократия с самого начала революции 1917 г. неоднократно подчеркивала, что республика Советов является более высокой формой демократизма, чем обычная буржуазная республика с Учредительным Собранием.

3. Для перехода от буржуазного строя к социалистическому, для диктатуры пролетариата, республика Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов является не только формой более высокого типа демократических учреждений (по сравнению с обычной буржуазной республикой при Учредительном Собрании, как венце ее), но и единственной формой, способной обеспечить наиболее безболезненный переход к социализму.

4. Созыв Учредительного Собрания в нашей революции по спискам, предъявленным в половине октября 1917 года, происходит при таких условиях, которые исключают возможность правильного выражения воли народа вообще и трудящихся масс в особенности выборами в это Учредительное Собрание.

5. Во-первых, пропорциональная система выборов дает истинное выражение воли народа лишь тогда, когда партийные списки соответствуют реальному разделению народа действительно на те партийные группировки, которые отразились в этих списках. У нас же, как известно, партия, имевшая с мая по октябрь больше всего сторонников в народе и особенно в крестьянстве, партия социалистов-революционеров, дала единые списки в Учредительное Собра-

ние в половине октября 1917 года, но раскололась после выборов в Учредительное Собрание, до его созыва.

В силу этого, даже формального соответствия между волей избирателей в их массе и составом избранных в Учредительное Собрание нет и не может быть.

6. Во-вторых, еще более важным, не формальным, не юридическим, а общественно-экономическим, классовым источником несоответствия между волей народа и особенно трудящихся классов, с одной стороны, и составом Учредительного Собрания—с другой, является то обстоятельство, что выборы в Учредительное Собрание произошли тогда, когда подавляющее большинство народа не могло еще знать всего объема и значения октябрьской, советской, пролетарско-крестьянской революции, начавшейся 25 октября 1917 года, т.-е. после представления списков кандидатов в Учредительное Собрание.

7. Октябрьская революция, завоевавшая власть для Советов, вырывая политическое господство из рук буржуазии и передавая его в руки пролетариата и беднейшего крестьянства, на наших глазах переживает последовательные этапы своего развития.

8. Она началась с победы 24—25 октября в столице, когда 2-й Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, этого авангарда пролетариев и наиболее политически действенной части крестьянства, дал преобладание партии большевиков и поставил ее у власти.

9. Революция охватывала затем в течение ноября и декабря всю массу армии и крестьянства, выражаясь прежде всего в смещении и в перевыборах старых верхушечных организаций (армейские комитеты, губернские, крестьянские комитеты, Ц. И. К. Всероссийского Совета крестьянских депутатов и т. д.), которые выражали пережитую, соглашательскую полосу революции, ее буржуазный, а не пролетарский этап, и которые неизбежно должны были поэтому сойти со сцены под напором более глубоких и более широких народных масс.

10. Это могучее движение эксплуатируемых масс к пересозданию руководящих органов своих организаций не закончилось еще и сейчас, в половине декабря 1917 года, и незаконченный железнодорожный съезд является одним из его этапов.

11. Группировка классовых сил России в их классовой борьбе складывается, следовательно, на деле, в ноябре и декабре 1917 года принципиально иная, чем та, которая могла найти свое выражение в партийных списках кандидатов в Учредительное Собрание половины октября 1917 года.

12. Последние события на Украине (отчасти также в Финляндии и в Белоруссии, а равно на Кавказе) указы-

вают, равным образом, на новую группировку классовых сил, идущую в процессе борьбы между буржуазным национализмом Украинской Рады, Финляндского Сейма и т. п., с одной стороны, и Советской властью, пролетарско-крестьянской революцией каждой из этих национальных республик—с другой.

13. Наконец, гражданская война, начатая кадетски-калединским контр-революционным восстанием против советских властей, против рабочего и крестьянского правительства, окончательно обострила классовую борьбу и отняла всякую возможность путем формально-демократическим решить самые острые вопросы, поставленные историей перед народами России и в первую голову перед ее рабочим классом и крестьянством.

14. Только полная победа рабочих и крестьян над буржуазным и помещичьим восстанием (нашедшим свое выражение в кадетско-калединском движении), только беспощадное военное подавление этого восстания рабовладельцев способно на деле обеспечить пролетарско-крестьянскую революцию. Ход событий и развитие классовой борьбы в революцию привели к тому, что лозунг «Вся власть Учредительному Собранию», не считающийся с завоеваниями рабоче-крестьянской революции, не считающийся с Советской властью, не считающийся с решением второго Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, второго Всероссийского съезда крестьянских депутатов и т. д., такой лозунг стал на деле лозунгом кадетов и калединцев и их пособников. Для всего народа становится ясным, что этот лозунг фактически означает борьбу за устранение Советской власти и что Учредительное Собрание, если бы оно разошлось с Советской властью, было бы неминуемо осуждено на политическую смерть.

15. К числу особенно острых вопросов народной жизни принадлежит вопрос о мире. Действительно революционная борьба за мир начата была в России только после победы революции 25 октября, и эта победа дала первые плоды в виде опубликования тайных договоров, заключения перемирия и начала гласных переговоров о всеобщем мире без аннексий и без контрибуций.

Широкие народные массы только теперь, на деле, полностью и открыто получают возможность видеть политику революционной борьбы за мир и изучить ее результаты.

Во время выборов в Учредительное Собрание народные массы лишены были этой возможности.

Ясно, что и с этой стороны дела несоответствие между составом выборных в Учредительное Собрание и действительной волей народа в вопросе об окончании войны неизбежно.

16. Совокупность вышеизложенных обстоятельств дает тот результат, что Учредительное Собрание, созываемое по спискам партий, существовавших до пролетарско-крестьянской революции, в обстановке господства буржуазии, неминуемо приходит в столкновение с волей и интересами трудящихся и эксплуатируемых классов, начавших 25 октября социалистическую революцию против буржуазии. Естественно, что интересы этой революции стоят выше формальных прав Учредительного Собрания, даже если бы эти формальные права не были подорваны отсутствием в законе об Учредительном Собрании признания права народа на пере выборы своих депутатов в любое время.

17. Всякая попытка, прямая или косвенная, рассматривать вопрос об Учредительном Собрании с формальной, юридической стороны, в рамках обычной буржуазной демократии, вне учета классовой борьбы и гражданской войны является изменой делу пролетариата и переходом на точку зрения буржуазии. Предостеречь всех и каждого от этой ошибки, в которую впадают немногие из верхов большевизма, не умевших оценить октябрьского восстания и задач диктатуры пролетариата, есть безусловный долг революционной социал-демократии.

18. Единственным шансом на безболезненное разрешение кризиса, создавшегося в силу несоответствия выборов в Учредительное Собрание и воли народа, а равно интересов трудящихся и эксплуатируемых классов, является возможно более широкое и быстрое осуществление народом права пере выбора членов Учредительного Собрания, присоединение самого Учредительного Собрания к закону Ц. И. Ком. об этих пере выборах и безоговорочное заявление Учредительного Собрания о признании Советской власти, Советской революции, ее политики в вопросе о мире, о земле и о рабочем контроле, решительное присоединение Учредительного Собрания к стану противников кадетско-каледиинской контр-революции.

19. Вне этих условий кризис в связи с Учредительным Собранием может быть разрешен только революционным путем,—путем наиболее энергичных, быстрых, твердых и решительных революционных мер со стороны Советской власти против кадетско-каледиинской контр-революции, какими бы лозунгами и учреждениями (хотя бы и членством в Учредительное Собрание) эта контр-революция ни прикрывалась. Всякая попытка связать руки Советской власти в этой борьбе была бы пособничеством контр-революции.

Декабрь, 1917 г.

Декларация фракции Р. С.-Д. Р. П. (больше- виков), оглашенная на заседании Учредит. Собр. 5 января 1918 г.

Громадное большинство трудовой России, рабочие, крестьяне, солдаты, пред'явили Учредительному Собранию требования признать завоевания великой Октябрьской революции, советские декреты о земле, мире, рабочем контроле и прежде всего признать власть Совстov рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

В. Ц. И. К., выполняя волю этого громадного, большинства трудящихся классов России, предложил Учредительному Собранию признать для себя обязательной эту волю. Большинство Учредительного Собрания, однако, в согласии с притязаниями буржуазии, отвергло это предложение, бросив вызов всей трудящейся России.

В Учредительном Собрании получила большинство партия правых эс-эров, партия Керенского, Авксентьева, Чернова. Эта партия, называющая себя социалистической и революционной, руководит борьбой буржуазных элементов против рабочей и крестьянской революции и является на деле партией буржуазной и контр-революционной.

Учредительное Собрание в его нынешнем составе явилось результатом того соотношения сил, которое сложилось до великой Октябрьской революции. Нынешнее контр-революционное большинство Учредительного Собрания, избранное по устаревшим партийным спискам, выражает вчерашний день революции и пытается встать поперек дороги рабочему и крестьянскому движению.

Прения в течение целого дня показали воочию, что партия правых эс-эров, как при Керенском, кормит народ посулами, на словах обещает ему все и вся, но на деле решила бороться против власти рабочих, кр. и солд. Советов, против социалистических мер, против перехода зе-

мель и всего инвентаря без выкупа к крестьянам, против национализации банков, против аннулирования государственных долгов.

Не желая ни минуты прикрывать преступления врагов народа, мы заявляем, что покидаем Учредительное Собрание с тем, чтобы передать Советской власти окончательное решение вопроса об отношении к контр-революционной части Учредительного Собрания.

Январь, 1918 г.

— — — — —

Декрет о роспуске Учредительного Собрания В. Ц. И. К.

(Принят ВЦИК в 1 ч. 30 м. ночи 7 января 1918 г.).

Российская революция с самого начала своего выдвинула Советы рабочих, с. и к. д., как массовую организацию всех трудящихся и эксплуатируемых классов, единственно способную руководить борьбою этих классов за их полное политическое и экономическое освобождение. В течение всего первого периода российской революции Советы множились, росли и крепли, изживая на собственном опыте иллюзии соглашательства с буржуазией, обманчивость форм буржуазно-демократического парламентаризма, приходя практически к выводу о невозможности освобождения угнетенных классов без разрыва с этими формами, со всяким соглашательством. Таким образом, явилась Октябрьская революция, передача всей власти в руки Советов.

Учредительное Собрание, выбранное по спискам, составленным до Октябрьской революции, явилось выражением старого соотношения политических сил, когда у власти были соглашатели и кадеты. Народ не мог тогда, голосуя за кандидатов партии эс-эров, делать выбор между правыми эс-эрами—сторонниками буржуазии и левыми—сторонниками социализма. Таким образом, это Учредительное Собрание, которое должно было быть венцом буржуазно-парламентарной республики, не могло не стать поперек пути Октябрьской революции и Советской власти. Октябрьская революция, дав власть Совстам и через Совсты трудящимся и эксплуатируемым классам, вызвала сопротивление эксплуататоров и в подавлении этого сопротивления вполне обнаружила себя, как начало социалистической революции.

Трудящимся классам пришлось убедиться на опыте, что старый буржуазный парламентаризм пережил себя, что он совершенно не совместим с задачами осуществления социа-

лизма, что не общенациональные, а только классовые учреждения (каковы Советы) в состоянии победить сопротивление имущих классов и заложить основы социалистического общества.

Всякий отказ от полноты власти Советов, от завоеванной народом Советской республики в пользу буржуазного парламентаризма и Учредительного Собрания был бы изменой всей Октябрьской рабоче-крестьянской революции.

Открытое 5 января Учредительное Собрание дало в силу известных всем обстоятельств большинство партии правых эс-эров—партии Керенского, Авксентьева и Чернова. Естественно, что партия отказалась принять к обсуждению совершенно точное, ясное, недопускавшее никаких криво-толков предложение верховного органа Советской власти—В. Ц. И. К.,—признать программу Советской власти, признать декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа, признать Октябрьскую революцию и Советскую власть. Тем самым Учредительное Собрание разорвало всякую связь между собой и Советской республикой России. Уход с такого Учредительного Собрания фракций большевиков и левых эс-эров, которые составляют сейчас заведомо громадное большинство в Совете и пользуются доверием рабочих и большинства крестьян, был неизбежен.

А вне стен Учредительного Собрания партии большинства Учредительного Собрания—правые эс-эры и меньшевики—ведут открытую борьбу против Советской власти, призывая в своих органах к свержению ее, объективно этим поддерживая сопротивление эксплуататоров и препятствуя переходу земли и фабрик в руки трудящихся.

Ясно, что оставшаяся часть Учредительного Собрания может в силу этого играть роль только прикрытия борьбы буржуазной контр-революции для свержения власти Советов.

Поэтому ВЦИК постановляет:
Учредительное Собрание распустить.

Январь, 1918 г.

IX.

БРЕСТ-ЛИТОВСКИЙ МИР и ЛЕВЫЙ
КОММУНИЗМ.

1. Тезисы о мире.
2. О революционной фразе.
3. Странное и чудовищное.
4. Доклад на VII съезде партии по вопросу о Брестском мире.

Тезисы о мире.

1. Положение русской революции в данный момент таково, что почти все рабочие и громадное большинство крестьян, несомненно, стоят на стороне Советской власти и начатой ею социальной революции. Постольку успех социалистической революции в России обеспечен.

2. В то же время гражданская война, вызванная бесчисленным сопротивлением имущих классов, превосходно сознающих, что перед ними последний и решительный бой за сохранение частной собственности на землю, на средства производства, еще не достигла своего высшего пункта. Советской власти обеспечена победа в этой войне, но неизбежно пройдет еще некоторое время, неизбежно потребуется не малое напряжение сил, неизбежен известный период острой разрухи и хаоса, связанных со всякой войной,—а с гражданской войной в особенности, пока сопротивление буржуазии будет подавлено.

3. Кроме того, это сопротивление всего менее активных и невоенных форм: саботаж, подкуп босюков, подкуп агентов буржуазии, втирающихся в ряды социалистов для того, чтобы погубить их дело, и т. д., и т. п., это сопротивление оказалось таким упорным и способным принимать столь разнообразные формы, что борьба с ними неизбежно затянется еще некоторое время и едва ли закончится в главных своих видах раньше, чем через несколько месяцев. А без решительной победы над этим пассивным и прикрытым сопротивлением буржуазии и ее сторонников успех социалистической революции невозможен.

4. Наконец, организационные задачи социалистического преобразования в России так велики и трудны, что на разрешение их при обилии мелко-буржуазных попутчиков социалистического пролетариата и при невысоком культурном его уровне требуется тоже довольно продолжительное время.

5. Все эти обстоятельства, взятые вместе, таковы, что из них совершенно вытекает необходимость для успеха социализма в России известного промежутка времени, не менее нескольких месяцев, в течение которого социалистическое правительство должно иметь вполне развязанные руки для победы над буржуазией сначала в своей собственной стране и для налаживания широкой и глубокой организационной работы.

6. Положение дел с социалистической революцией в России должно быть положено в основу всякого определения международных задач новой Советской власти, ибо международная ситуация на 4 году войны сложилась так, что вероятный момент взрыва революции и свержения каких-либо из европейских империалистских правительств (в том числе и германского) совершенно не поддается учету. Нет сомнения, что социалистическая революция в Европе должна наступить и наступит. Все наши надежды на окончательную победу социализма основаны на этой уверенности и на этом научном предвидении. Наша пропагандистская деятельность вообще и организация братания в особенности должны быть усилены и развиты. Но было бы ошибкой построить тактику социалистического правительства в России на попытках определить, наступит ли европейская и особенно германская социалистическая революция в ближайшие полгода (или подобный краткий срок) или не наступит. Так как определить этого нельзя никоим образом, то все подобные попытки объективно свелись бы к слепой азартной игре.

7. Мирные переговоры в Брест-Литовске вполне выяснили в настоящий момент, к 7/1—1918 г., что у германского правительства (вполне ведущего на поводу остальные правительства четверного союза) безусловно взяла верх военная партия, которая по сути дела уже поставила России ультиматум (со дня на день следует ждать, необходимо ждать и сего формального предъявления). Ультиматум этот таков: либо дальнейшая война, либо аннексионистский мир, т.е. мир на условии, что мы отдаем все занятые нами земли, германцы сохраняют все занятые ими земли и налагают на нас контрибуцию (прикрытую внешностью платы) на содержание пленных, контрибуцию размером приблизительно в 3 миллиарда рублей, с рассрочкой платежа на несколько лет.

8. Перед социалистическим правительством России встает требующий неотложного решения вопрос, принять ли сейчас этот аннексионистский мир или вести тотчас революционную войну. Никакие средние решения по сути дела тут невозможны. Никакие дальнейшие отсрочки более не

осуществимы; ибо для искусственного затягивания переговоров мы уже сделали все возможное и невозможное.

9. Рассматривая доводы за немедленную революционную войну, мы встречаем прежде всего тот вывод, что сепаратный мир будет теперь объективно соглашением с немецкими империалистами, «империалистской сделкой» и т. п., и что, следовательно, такой мир был бы полным разрывом с основными принципами пролетарского интернационализма.

Но этот довод явно неверен. Рабочие, которые проигрывают стачку, подписывая невыгодные для них, выгодные для капиталиста условия возобновления работ, не изменяют социализму. Изменяют социализму лишь те, кто обменивает выгоды для части рабочих на выгоды для капиталистов, лишь такие соглашения в принципе недопустимы.

Кто называет оборонительной и справедливой войной войну с германским империализмом, а на деле получает поддержку от англо-французских империалистов и скрывает от народа тайные договоры с ними, тот изменяет социализму. Кто ничего не скрывая от народа, никаких тайных договоров с империалистами не заключая, соглашается подписать невыгодные для слабой нации, выгодные для империалистов одной группы, условия мира, если в данный момент нет сил для продолжения войны, тот ни малейшей измены социализму не совершает.

10. Другой довод за немедленную войну тот, что, заключая мир, мы объективно являемся агентами германского империализма, ибо даем ему и освобождение войск с нашего фронта и миллионы пленных и т. д. Но и этот вывод явно неверен, ибо революционная война в данный момент сделала бы нас объективно агентами англо-французского империализма, давая ему подсобные его целям силы. Англичане прямо предлагали нашему главковерху Крыленко по 100 руб. в месяц за каждого нашего солдата в случае продолжения войны. Если мы ни копейки не возьмем от англо-французов, мы все же объективно будем помогать им, отвлекая часть немецких войск.

С этой стороны в обоих случаях мы не вырываемся полностью из той или иной империалистской связи, да и очевидно, что нельзя вырваться из нее полностью, не свергнув всемирного империализма. Правильный вывод отсюда тот, что, со времени победы социалистического правительства в одной из стран, надо решать вопросы не с точки зрения предпочтительности того или другого империализма, а исключительно с точки зрения наилучших условий для развития и укрепления социалистической революции, которая уже началась.

Другими словами: не тот принцип должен теперь лежать в основе нашей тактики, которому из двух империалистов выгоднее помочь теперь, а тот принцип, как вернее и надежнее можно обеспечить социалистической революции возможность укрепиться или хотя бы продержаться в одной стране до тех пор, пока присоединятся другие страны.

11. Говорят, что немецкие противники войны из с.-д. стали теперь «пораженцами» и просят нас не уступать германскому империализму. Но мы признавали поражение лишь по отношению к собственной империалистской буржуазии, а победу над чужим империализмом, победу, достигаемую в формальном или в фактическом союзе с «дружественным» империализмом, мы всегда отвергали, как метод принципиально недопустимый и вообще негодный.

Данный довод есть, следовательно, лишь видоизменение предыдущего. Если бы немецкие левые с.-д. предлагали нам оттянуть сепаратный мир на определенный срок, гарантируя революционное выступление в Германии в этот срок, тогда вопрос мог бы встать для нас иначе. Но немецкие левые не только не говорят этого, а, напротив, формально заявляют: «Держитесь, пока можно, но решайте вопрос по соображениям положения дел в русской социалистической революции, ибо ничего позитивного обещать насчет немецкой революции нельзя».

12. Говорят, что мы прямо «обещали» в ряде партийных заявлений революционную войну и что заключение сепаратного мира будет изменой нашему слову.

Это неверно. Мы говорили о необходимости «подготовлять и вести» революционную войну для социалистического правительства в эпоху империализма; мы говорили это, чтобы бороться с абстрактным пацифизмом, с теорией полного отрицания «защиты отечества» в эпоху империализма, наконец, с чисто шкурными инстинктами части солдат, но мы не брали на себя обязательства начинать революционную войну без учета того, насколько возможно вести ее в тот или иной момент.

Мы и сейчас безусловно должны готовить революционную войну. Мы выполняем это свое обещание, как выполнили вообще все наши обещания, которые можно было сразу выполнить: расторгли тайные договоры, предложили всем народам справедливый мир, оттягивали всячески и несколько раз мирные переговоры, чтобы дать время присоединиться другим народам.

Но вопрос о том, можно ли сейчас, немедленно вести революционную войну, следует решить, учитывая исключительно материальные условия осуществимости этого и интересы социалистической революции, которая уже началась.

13. Сведя вместе оценку доводов за немедленную революционную войну, надо прийти к выводу, что такая политика отвечала бы, может быть, потребностям человека в стремлении к красивому, эффектному и яркому, но совершенно не считалась бы с объективным соотношением классовых сил и материальных факторов в переживаемый момент начавшейся социалистической революции.

14. Нет сомнения, что наша армия в данный момент и в ближайшие недели (а, вероятно, и в ближайшие месяцы) абсолютно не в состоянии успешно отражать немецкое наступление, во-первых, вследствие крайней усталости и истомления большинства солдат при неслыханной разрухе в деле продовольствия, смены переутомленных и пр., во-вторых, вследствие полной негодности конского состава, обрекающей на неминуемую гибель нашу артиллерию, в-третьих, вследствие полной невозможности защитить побережье от Риги до Ревеля, дающей неприятелю вернейший шанс на завоевание остальной части Лифляндии, затем Эстляндии и на обход большей части наших войск с тыла, наконец, на взятие Петербурга.

15. Далее, нет также никакого сомнения, что крестьянское большинство нашей армии в данный момент безусловно высказалось бы за аннексионистский мир, а не за немедленную революционную войну, ибо дело социалистической революционной армии, влития в псе отрядов Красной гвардии и проч. только-только начато.

При полной демократизации армии вести войну против воли большинства солдат было бы авантюрой, а на создание действительно прочной и идейно-крепкой социалистической армии нужны по меньшей мере месяцы и месяцы.

16. Беднейшее крестьянство в России в состоянии поддержать социалистическую революцию, руководимую рабочим классом; оно в состоянии немедленно, в данный момент пойти на серьезную революционную войну. Это объективное соотношение классов по данному вопросу было бы роковой ошибкой игнорировать.

17. Дело стоит, следовательно, с революционной войной в данное время следующим образом:

Если бы германская революция вспыхнула в ближайшие 3—4 месяца, тогда, может быть, тактика немедленной революционной войны не погубила бы нашей социалистической революции.

Если же германская революция в ближайшие месяцы не наступит, то ход событий при продолжении войны будет неизменно такой, что сильнейшие поражения заставят Россию заключить еще более невыгодный сепаратный мир, при чем мир этот будет заключен не социалистическим правительством, а каким-либо другим (например, блоком буржу-

азной Рады с черновцами или что-либо подобное), ибо крестьянская армия, невыносимо истрепленная войной, после первых же поражений, вероятно, даже не через месяц, а через неделю свергнет социалистическое рабочее правительство.

18. При таком положении дела было бы совершенно недопустимой тактикой ставить на карту судьбу начавшейся уже в России социалистической революции только из-за того, начнется ли германская революция в ближайший, кратчайший, измеряемый неделями срок. Такая тактика была бы авантюрой. Так рисковать мы не имеем права.

19. И германская революция вовсе не затруднится, по ее объективным основаниям, если мы заключим сепаратный мир. Вероятно, на время угар шовинизма ослабит ее, но положение Германии останется крайне тяжелым. Война с Англией и Америкой будет затяжной, агрессивный империализм вполне и до конца разоблачен с обеих сторон.

Пример социалистической Советской республики в России будет стоять живым образцом перед народами всех стран, и пропагандистское революционирующее действие этого образца будет гигантским. Здесь—буржуазный строй и обнаженная до конца захватная война двух групп хищников, там—мир и социалистическая республика Советов.

20. Заключая сепаратный мир, мы в наибольшей, возможной для данного момента степени освобождаемся от обеих враждующих империалистических групп, используя их вражду и войну, затрудняющую их сделку против нас, используем известный период развязанных рук для продолжения и закрепления социалистической революции. Реорганизация России на основе диктатуры пролетариата, на основе национализации банков и крупной промышленности, при натуральном продуктообмене города с деревенскими потребительными обществами мелких крестьян, экономически вполне возможно, при условии обеспечения нескольких месяцев мирной работы. А такая реорганизация сделает социализм непобедимым и в России и во всем мире, создавая вместе с тем прочную экономическую базу для могучей рабоче-крестьянской Красной армии.

21. Действительно революционной войной в настоящий момент была бы война социалистической республики против буржуазных стран с ясно выраженной и вполне одобренной со стороны социалистической армии целью свержения буржуазии в других странах. Между тем этой цели в данный момент мы себе заведомо не можем еще поставить. Мы воевали бы теперь, объективно, из-за освобождения Польши, Литвы и Курляндии. Но ни один марксист, не разрывая с основами марксизма и социализма вообще, не сможет отрицать, что интересы социализма стоят

выше, чем интересы права наций на самоопределение. Наша социалистическая республика сделала все, что могла, и продолжает делать для осуществления права на самоопределение Финляндии, Украины и пр. Но если конкретное положение дел сложилось так, что существование социалистической республики подвергается опасности в данный момент из-за нарушения права на самоопределение нескольких наций (Польша, Литва, Курляндия и пр.), то, разумеется, интересы сохранения социалистической республики стоят выше.

Поэтому тот, кто говорит: «мы не можем подписать позорного, похабного и проч. мира, предать Польшу и т. д.», не замечает, что, заключив мир на условия освобождения Польши, он только еще более усилил бы германский империализм против Англии, против Бельгии, Сербии и др. стран. Мир на условии освобождения Польши, Литвы, Курляндии был бы «патриотическим» миром, с точки зрения России, но нисколько не перестал бы быть миром с аннексионистами, с германскими империалистами.

Январь, 1918 г

О революционной фразе.

Когда я на одном партийном собрании сказал, что революционная фраза о революционной войне может погубить нашу революцию, меня упрекали за резкость полемики. Но бывают моменты, обязывающие поставить вопрос в упор и назвать вещи их настоящим именем, под угрозой причинения непоправимого зла и партии и революции.

Революционная фраза чаще всего бывает болезнью революционных партий при таких обстоятельствах, когда эти партии прямо или косвенно осуществляют связь, соединение, сплетение пролетарских и мелко-буржуазных элементов и когда ход революционных событий показывает крупные и быстрые изломы. Революционная фраза есть повторение революционных лозунгов без учета объективных обстоятельств, при данном изломе событий, при данном положении вещей, имеющих место. Лозунги превосходные, увлекательные, опьяняющие,—почвы под ними нет,—вот суть революционной фразы.

Рассмотрим хотя бы только важнейшие группы доводов за революционную войну теперь, в январе-феврале 1918 г. в России, и сопоставление объективной действительности с этим лозунгом даст ответ на вопрос о правильности употребленной мной характеристики.

1.

О необходимости готовить революционную войну в случае победы социализма в одной стране и сохранении капитализма в соседних странах говорила наша пресса всегда. Это бесспорно.

Спрашивается, как пошла на деле эта подготовка после нашей Октябрьской революции?

Эта подготовка пошла так, что нам пришлось армию демобилизовать, мы были вынуждены это сделать, выну-

ждены обстоятельствами столь очевидными, вескими, непреодолимыми, что не только не возникло «течения» или настроения в партии против демобилизации, но и вообще ни одного голоса против демобилизации не поднялось. Кто захочет подумать о классовых причинах такого оригинального явления, как демобилизация армии советской социалистической республикой, не окончившей войны с соседним империалистским государством, тот без чрезмерного труда найдет эти причины в социальном строе мелко-крестьянской отсталой страны, доведенной после трех лет войны до крайней разрухи. Демобилизация многомиллионной армии и приступ к созданию на добровольческих началах Красной армии—таковы факты.

Сопоставьте с этими фактами слова о революционной войне в январе-феврале 1918 года, и вам станет ясна сущность революционной фразы.

Если бы «отстаивание» революционной войны, скажем, питерскою и московскою организацией не было фразой, то мы видели бы с октября по январь иные факты: мы видели бы решительную борьбу против демобилизации с их стороны. Ничего подобного не было и в помине.

Мы видели бы посылку питерцами и москвичами десятков тысяч агитаторов и солдат на фронт и ежедневные вести оттуда об их борьбе против демобилизации, об успехах этой борьбы, о приостановке демобилизации.

Ничего подобного не было.

Мы видели бы сотни известий о полках, формирующихся в Красную армию, террористически останавливающих демобилизацию, обновляющих защиту и укрепление против возможного наступления германского империализма.

Ничего подобного не было. Демобилизация в полном разгаре. Старой армии нет. Новая только-только начинает зарождаться.

Кто не хочет себя убаюкивать словами, декламацией, восклицаниями, тот не может не видеть, что «лозунг» революционной войны в феврале 1918 года есть пустейшая фраза, за которой ничего реального, объективного нет. Чувство, пожелание, негодование, возмущение—вот единственное содержание этого лозунга в данный момент. А лозунг, имеющий только такое содержание, и называется революционной фразой.

Дела нашей собственной партии и всей Советской власти, дела питерцев и москвичей-большевиков показали, что дальше первых шагов к созданию Красной армии из добровольцев пойти пока не удалось. От этого неприятного факта, но факта,—скрываться под сень декламации и в то же время не только не препятствовать демобилизации, но и не возражать против нее, значит опьянять себя звуком слов.

Характерным подтверждением сказанного является тот факт, что, например, в ЦК нашей партии большинство виднейших противников сепаратного мира голосовало против в революционной войны, голосовало против и в январе, и в феврале. Что значит этот факт? Он значит, что невозможность революционной войны общепризнана всеми, не боявшимися глядеть правде в лицо.

От правды отговариваются или пробуют отговариться в таких случаях. Взглянем на отговорки.

2.

Отговорка первая. Франция 1792 года страдала не меньшей разрухой, но революционная война все излечила, всех воодушевила, вызвала энтузиазм, все победила. Только не верящие в революцию, только оппортунисты могут при нашей, более глубокой революции высказываться против революционной войны.

Сопоставим эту отговорку или этот довод с фактами. Факт тот, что во Франции конца XVIII века создалась сначала экономическая основа нового, высшего способа производства, и уже результатом, надстройкой, явилась могучая революционная армия. Франция раньше других стран скинула феодализм, смела его после нескольких лет победоносной революции, повела неуставший ни от какой войны, завоевавший свободу и землю, укрепленный устранением феодализма народ на войну против ряда экономически и политически отсталых народов.

Сопоставьте с этим фактом современную Россию. Неимоверная усталость от войны. Нового экономического строя, более высокого, чем организованный государственный капитализм превосходно оборудованной технически Германии, еще нет. Он только основывается. Наш крестьянин имеет лишь закон социализации земли, но ни одного года свободной (от помещика и от мучений войны) работы. Наш рабочий начал сбрасывать капиталиста, но не мог еще успеть организовать производство, поставить продуктообмен, наладить снабжение хлебом, повысить производительность труда.

К этому мы пошли, на этот путь мы встали, но ясно, что нового, более высокого экономического строя еще нет.

Побежденный феодализм, упроченная буржуазная свобода, сытый крестьянин против феодальных стран,— вот экономическая основа «чудес» 1792—1793 годов в военной области.

Мелко-крестьянская страна, голодная и измученная войной, только-только начавшая лечить свои раны, против технически и организационно высшей производительности труда— вот объективное положение в начале 1918 года.

Вот почему всяческие воспоминания 1792 года и т. п.— одна революционная фраза. Повторяют лозунги, слова, боевые клики, а анализа об'ективной действительности боятся.

3.

Отговорка вторая. Германия «не может наступать», не позволит ей растущая революция.

Что германцы «не смогут наступать», этот довод миллионы раз повторялся в январе и начале февраля 1918 г. противниками сепаратного мира. Самые осторожные из них определяли—примерно, конечно—вероятность того, что немцы не смогут наступать, в 25—33%.

Факты опровергли эти расчеты. Противники сепаратного мира очень часто и тут отмахиваются от фактов, боясь их железной логики.

В чем был источник ошибки, которую революционеры настоящие (а не революционеры чувства) должны уметь признать и продумать?

В том ли, что вообще мы маневрировали и агитировали в связи с переговорами о мире? Нет. Не в этом. Маневрировать и агитировать надо было. Но надо было также определить «свое время» как для маневров и агитации—пока можно было маневрировать и агитировать,—так и для прекращения всяких маневров к моменту, когда вопрос стал ребром.

Источник ошибки был в том, что наше отношение революционного сотрудничества с германскими революционными рабочими было превращено в фразу. Мы помогали германским революционным рабочим и продолжаем помогать им всем, чем могли:—братанием, агитацией, публикацией тайных договоров и пр. Это была помощь делом, деловая помощь.

Заявление же некоторых из наших товарищей: «германцы не смогут наступать», было фразой. Мы только что пережили революцию у себя. Мы знаем отлично, почему в России революции было легче начаться, чем в Европе. Мы видели, что мы не могли помешать наступлению русского империализма в июне 1917 г., хотя мы имели уже революцию не только начавшуюся, не только свержшую монархию, но и создавшую повсюду Советы. Мы видели, мы знали, мы 'раз'ясняли рабочим: войны ведут правительства. Чтобы прекратить войну буржуазную, надо свергнуть буржуазное правительство.

Заявление: «германцы не смогут наступать» равнялось поэтому заявлению: «мы знаем, что правительство Германии в ближайшие недели будет свергнуто». На деле мы этого не знали и знать не могли, и потому заявление было фразой.

Одно дело—быть убежденным в созревании германской революции и оказывать серьезную помощь этому созреванию, усиленно служить работой, агитацией, братаньем,—чем хотите, только работой этому созреванию. В этом состоит революционный пролетарский интернационализм.

Другое дело—заявлять прямо или косвенно, открыто или прикрыто, что немецкая революция уже созрела (хотя это заведомо не так), и основывать на этом свою тактику. Тут нет ни грана революционности, тут одно фразерство.

Вот в чем источник ошибки, состоявшей в «гордом, ярком, эффектном, звонком» утверждении: «германцы не смогут наступать».

4.

Не более как вариантом той же фразистой бессмыслицы является утверждение: «мы помогаем германской революции, сопротивляясь германскому империализму, мы приближаем этим победу Либкнехта над Вильгельмом».

Конечно, победа Либкнехта—возможная и неизбежная тогда, когда германская революция созреет и назреет—избавит нас от всех международных трудностей, избавит и от революционной войны. Победа Либкнехта избавит нас от последствий любой нашей глупости. Неужели это оправдание—глупости?

Всякое ли «сопротивление» германскому империализму помогает германской революции? Кто захочет немного подумать или хотя бы припомнить историю революционного движения в России, легко увидит, что только целесообразное сопротивление реакции служит революции. Мы знаем и видели за полвека революционного движения в России массу примеров нецелесообразного сопротивления реакции. Мы, марксисты, гордились всегда тем, что строгим учетом массовых сил и классовых взаимоотношений определяли целесообразность той или иной формы борьбы. Мы говорили: не всегда целесообразно восстание, без известных массовых предпосылок оно есть авантюра; очень часто мы осуждали, как нецелесообразные и вредные с точки зрения революции, самые героические формы индивидуального сопротивления. В 1907 г. мы, на основании горького опыта, отвергли, как нецелесообразное, сопротивление участию в 3-й Думе и т. д., и т. п.

Чтобы помогать немецкой революции, надо либо ограничиться пропагандой, агитацией, братаньем, пока нет сил для твердого, серьезного, решительного удара в открытом военном или повстанческом столкновении, или идти на такое столкновение, зная, что не поможешь этим врагу.

Ясно для всех (кроме разве совсем опьяненных фразой), что идти на серьезное повстанческое или военное столкновение з а в е д о м о без сил, з а в е д о м о без армии есть авантюра, не помогающая германским рабочим, а затрудняющая их борьбу, облегчающая дело их врагов и нашего врага.

5.

Тут еще является отговорка, которая так детски смешна, что я никогда бы не поверил в возможность такого аргумента, если бы не слышал его собственными ушами.

«Ведь вот и в октябре нам говорили оппортунисты, что у нас нет сил, нет войска, нет пулеметов, нет техники, а все это явилось в борьбе, когда началась борьба класса против класса. Явится все это и в борьбе пролетариата России против класса капиталистов Германии, явится на помощь нам немецкий пролетариат».

В октябре было дело так, что мы точно учли именно массовые силы. Мы не только думали, мы твердо з н а л и, на основании опыта массовых выборов в Советы, что рабочие и солдаты в сентябре и начале октября в громадном большинстве уже перешли на нашу сторону. Мы знали хотя бы из голосований на Демократическом Совещании, что и в крестьянстве коалиция провалена, значит наше дело уже выиграло.

Таковы были о б' е к т и в н ы е предпосылки октябрьской повстанческой борьбы:

1) над солдатами уже нет палки: ее сверг февраль 1917 года (Германия еще не созрела до «своего» февраля);

2) солдаты уже пережили и закончили, как и рабочие, отход свой, сознательный, продуманный, прочувствованный, от коалиции.

Из этого, только из этого вытекла правильность л о з у н г а «за восстание» в о к т я б р е (этот лозунг был бы неверен в июле, когда мы его и не поставили).

Не в том ошибка оппортунистов октября, что они «заботились» об объективных предпосылках (только дети могут так думать), а в том, что они ф а к т ы оценили неверно, брали мелочи, не видя г л а в н о г о: поворота Советов от соглашательства к нам.

Сравнивать военное столкновение с Германией (которая не пережила еще ни «своего» февраля, ни своего «июля», не говоря об октябре), с Германией м о н а р х и ч е с к о г о буржуазно-империалистического правительства и повстанческую борьбу в октябре против врагов Советов,—Советов, зрелых с февраля 1917 года и созревших вполне в сентябре

и октябре,—есть такое ребячество, что на него надо только пальцем указать. Вот до каких нелепостей доводит людей фраза!

6.

Отговорка иного вида: «Но Германия задушит нас экономически договором по сепаратному миру, отнимет уголь, хлеб, закабалит нас».

Премудрый довод: надо идти на военное столкновение, без армии, хотя это столкновение явно несет не только кабалу, но и удушение, отнятие хлеба без всяких эквивалентов, положение Сербии и Бельгии,—надо идти на это, ибо иначе будет невыгодный договор, Германия возьмет с нас 6 или 12 миллиардов дани в рассрочку, хлеба за машины и проч.

О, герои революционной фразы! Отвергая «кабалу» у империализма, они скромно умалчивают о том, что для полного избавления от кабалы надо свергнуть империализм.

Мы идем на невыгодный договор и сепаратный мир, зная, что теперь мы еще не готовы на революционную войну, что надо уметь выждать (как выждали мы, терпя кабалу Керенского, терпя кабалу нашей буржуазии, с июля по октябрь), выждать, пока мы будем крепче. Поэтому, если можно получить архиневыгодный сепаратный мир, его обязательно принять в интересах социалистической революции, которая еще слаба (ибо к нам, русским, еще не пришла на помощь зреющая революция в Германии). Только при полной невозможности сепаратного мира тотчас придется бороться—не потому, что это будет правильной тактикой, а потому, что не будет выбора. При такой невозможности не будет и возможности спора о той или иной тактике. Будет только неизбежность самого ожесточенного сопротивления. Но пока выбор есть, надо выбрать сепаратный мир и архиневыгодный договор, ибо это все же во сто раз лучше положения Бельгии.

Мы крепнем с каждым месяцем, хотя мы еще слабы теперь. Международная социалистическая революция в Европе зреет с каждым месяцем, хотя она не назрела еще теперь. Поэтому... поэтому рассуждают «революционеры» (унеси ты мое горе...), надо принимать бой, тогда, когда заведомо сильнее нас империализм Германии, слабеющий с каждым месяцем (в силу медленного, но неуклонного назревания революции в Германии).

Великолепно рассуждают «революционеры» чувства, превосходно рассуждают!

Отговорка последняя и самая «бойкая», самая ходкая: «Похабный мир—есть позор, предательство Латвии, Польши, Курляндии, Литвы».

Удивительно ли, что именно буржуа русские (и их прихвостни—новолучисты, делонародовцы, новожизненцы)—всего усерднее разрабатывают этот якобы-интернационалистский довод?

Нет, неудивительно, ибо этот довод есть западня, в которую буржуазия тащит русских большевиков сознательно, а часть большевиков попадаетея бессознательно, из-за любви к фразе.

Теоретически рассмотрим этот довод: что выше—право наций на самоопределение или социализм?

Социализм выше.

Позволительно из-за нарушения наций на самоопределение отдавать на с'едение Советскую социалистическую республику, подставляя ее под удары империализма в момент, когда империализм заведомо сильнее, а Советская Республика заведомо слабее?

Нет. Не позволительно. Это не социалистическая, это буржуазная политика.

Далее. Был ли бы мир на условии возврата «нам» Польши, Литвы, Курляндии менее позорным, менее аннексионистским миром?

С точки зрения русского буржуа, да.

С точки зрения социалиста-интернационалиста, нет.

Ибо освободив Польшу (чего хотели одно время некоторые буржуа в Германии), германский империализм еще сильнее душил бы Сербию, Бельгию и проч.

Что русская буржуазия вопит против «похабного» мира, это—правильное выражение ее классового интереса.

Взгляните на факты относительно поведения англо-французской буржуазии. Она всячески втягивает нас теперь в войну с Германией, обещает нам миллионы благ, сапоги, картошку, снаряды, паровозы (в кредит... это не «кабала», не бойтесь! это «только» кредит!). Она хочет, чтобы мы теперь воевали с Германией.

Понятно, почему она должна хотеть этого: потому что, во-первых, мы оттянули бы часть германских сил. Потому, во-вторых, что Советская власть могла бы крахнуть легче всего от несвоевременной военной схватки с германским империализмом.

Англо-французская буржуазия ставит нам западню: идите-ка, любезные, воевать теперь, мы от этого великолепно выиграем. Германцы вас ограбят, «заработают» на востоке, дешевле уступят на западе, а кстати Советская

власть полетит... Воюйте, любезные «союзные» большевики, мы вам поможем!

И «левые» (унеси ты мое горе...) большевики лезут в западню, декламируя самые революционные фразы...

Да, да одно из проявлений следов мелко-буржуазности состоит в податливости на революционную фразу. Это старая истина, старая история, слишком часто становящаяся новинкой...

8.

Летом 1907 года наша партия тоже пережила аналогичную, в некоторых отношениях, болезнь революционной фразы.

Питер и Москва, почти все большевики были за бойкот 3-ей Думы, заменяли об'ективный анализ «чувством», лезли в западню.

Болезнь повторилась.

Время более трудное. Вопрос в миллион раз важнее. Заболеть в такое время—значит рисковать гибелью революции.

Надо воевать против революционной фразы, придется воевать, обязательно воевать, чтобы не сказали про нас когда-нибудь горькой правды: «Революционная фраза о революционной войне погубила революцию».

Февраль, 1918 г.

Странное и чудовищное.

В резолюции, принятой 24 февраля 1918 г., Московское Областное бюро нашей партии вынесло недоверие Ц. К-ту, отказалось подчиняться тем постановлениям его, «которые будут связаны с проведением в жизнь условий мирного договора с Австро-Германией», и в «объяснительном тексте» к резолюции заявило, что «находит едва ли устранимым раскол партии в ближайшее время»¹⁾.

Во всем этом ничего не только чудовищного, но и странного нет. Совершенно естественно, что товарищи, резко расходящиеся с Ц. К. в вопросе о сепаратном мире, резко порицают Ц. К. и выражают убеждение в неизбежности раскола. Это все законнейшее право членов партии, это вполне понятно.

Но вот что странно и чудовищно. К резолюции приложен «объяснительный текст». Вот он полностью:

«Московское Областное бюро находит едва ли устранимым раскол партии в ближайшее время, при чем ставит своей задачей служить объединению всех последовательных революционно-коммунистических элементов, борющихся одинаково как против сторонников заключения сепаратного мира, так и против всех умеренных оппортунистических элементов партии. В интересах международной революции мы считаем целесообразным идти на возможность утраты Советской власти, становящейся теперь чисто формальной. Мы по-прежнему видим нашу основную задачу в распространении идей социалистической революции на все иные страны и в решительном проведении рабочей диктатуры, в

¹⁾ Вот полный текст резолюции: «Обсудив деятельность Ц. К., Московское Областное бюро Р. С.-Д. Р. П. выражает свое недоверие Ц. К., в виду его политической линии и состава, и будет при первой возможности настаивать на его перевыборах. Сверх того, Моск. Областное бюро не считает себя обязанным подчиняться во что бы то ни стало тем постановлениям Ц. К., которые будут связаны с проведением в жизнь условий мирного договора с Австро-Германией». Резолюция принята единогласно.

беспощадном подавлении буржуазной контр-революции в России».

Подчеркнуты здесь нами те слова, которые... странны и чудовищны.

В этих словах—гвоздь.

Эти слова доводят до абсурда всю линию авторов резолюции. Эти слова с необычайной ясностью вскрывают корень их ошибки.

«В интересах международной революции целесообразно идти на возможность утраты Советской власти»... Это странно, ибо нет даже связи между посылками и выводом. «В интересах международной революции целесообразно идти на военное поражение Советской власти»—такой тезис был бы верен или неверен, но его нельзя было бы назвать странным. Это—первое.

Второе: Советская власть «становится теперь чисто формальной». Вот это уже не только странно, но прямо чудовищно. Ясно, что авторы зашли в дебри сугубой путаницы. Приходится распутывать.

По первому вопросу мысль авторов состоит, очевидно, в том, что в интересах международной революции целесообразно идти на возможность поражения в войне, которое ведет к утрате Советской власти, т.-е. к победе буржуазии в России. Высказывая эту мысль, авторы косвенно признают правильность высказанного мной в тезисах (от 8 янв. 1918 г., напечат. в «Правде» от 24 февр. 1918 г.), именно, что непринятие условий мира, предложенного нам Германией, приведет Россию, к поражению и к свержению Советской власти.

Итак, *la raison finit toujours par avoir raison*—правда всегда берет верх! Мои «крайние» противники, москвичи, грозящие расколом, должны были — именно потому, что они открыто договорились до раскола — договорить также до конца свои конкретные соображения, те самые, которые предпочитают обходить люди, отделяющиеся общими фразами о революционной войне. Вся суть моих тезисов и моих доводов (как увидит всякий, кто пожелает внимательно прочесть мои тезисы от 8 янв. 1918 г.), состоит в указании на необходимость принять архитяжкий мир сейчас, в данную минуту, при одновременной серьезной подготовке революционной войны (а также именно в интересах этой серьезной подготовки). Всю суть моих доводов обходили или не замечали, не хотели замечать те, кто ограничивался общими фразами о революционной войне. И вот теперь я должен от всей души поблагодарить именно моих «крайних» противников, москвичей, за то, что они сорвали «заговор молчания» по поводу сути моих доводов. Москвичи первые ответили на них.

И каков же был их ответ?

Ответ состоял в признании правильности моего конкретного довода: да, признались москвичи, нам, действительно, предстоит поражение, если мы сейчас примем бой с немцами¹⁾. Да, это поражение действительно приведет к падению Советской власти.

Еще и еще раз: от всей души благодарю моих «крайних» противников, москвичей, за то, что они разорвали «заговор молчания» против сути моих доводов, т.-е. именно против моего конкретного указания на условия, войны, в случае, если мы ее примем тотчас, и за то, что юни безбоязненно признали правильность моего конкретного указания.

Далее. В чем же состоит опровержение моих доводов, правильность которых по существу москвичи вынуждены были признать?

В том, что в интересах международной революции надо идти на утрату Советской власти.

Почему этого требуют интересы международной революции? Здесь гвоздь, здесь самая суть аргументации для тех, кто хотел бы опровергнуть мои доводы. И как раз по этому, самому важному, основному, коренному пункту ни в резолюции, ни в объяснительном тексте не сказано ни единого словечка. О том, что общеизвестно и бесспорно, составители резолюции нашли время и место поговорить— и о «беспощадном подавлении буржуазной контр-революции в России» (средствами и приемами такой политики, которая ведет к утрате Советской власти?), и о борьбе против всех умеренных оппортунистических элементов партии, а о том, что как раз является спорным, о том, что касается как раз существа позиции противников мира,—ни звука!

Странно. Чрезвычайно странно. Не потому ли умолчали об этом авторы резолюции, что они чувствовали по этому пункту свою особую слабость? Ясно высказать, почему (этого требуют интересы международной революции), значило бы, пожалуй, разоблачить себя...

Как бы там ни было, приходится нам искать тех доводов, которыми могли руководиться авторы резолюции.

Может быть, авторы полагают, что интересы международной революции запрещают какой бы то ни было мир с империалистами? Такое мнение было высказано некоторыми противниками мира на одном питерском совещании, но поддержало его ничтожное меньшинство тех, кто воз-

¹⁾ На контр-возражение, что уклониться от боя было все равно нельзя, ответ дан фактами: 8 января мои тезисы прочтены; к 15 января мы могли иметь мир. Передышка была бы обеспечена наверняка (а для нас и самая краткая передышка имела гигантское значение — как материальное, так и моральное, ибо немец должен был объявить новую войну), если бы... если бы не революционная фраза.

ражал против сепаратного мира. Ясно, что это мнение ведет к отрицанию целесообразности брестских переговоров и к отрицанию мира «даже» на условии возврата Польши, Латвии и Курляндии. Неверность подобных взглядов (отвергаемых большинством, например, из питерских противников мира), бьет в глаза. Социалистическая республика среди империалистских держав не могла бы, с точки зрения подобных взглядов, заключать никаких экономических договоров, не могла бы существовать, не улетая на луцу.

Может быть, авторы полагают, что интересы международной революции требуют подталкивания ее, а таким подталкиванием явилась бы лишь война, никак не мир, способный произвести на массы впечатление в роде «узаконения» империализма? Подобная «теория» шла бы в полный разрыв с марксизмом, который всегда отрицал «подталкивание» революций, развивающихся по мере назревания остроты классовых противоречий, порождающих революции. Подобная теория была бы равносильна взгляду, что вооруженное восстание есть форма борьбы, обязательная всегда и при всяких условиях. На деле интересы международной революции требуют, чтобы Советская власть, свергнувшая буржуазию страны, помешала этой революции, но форму помощи избирала соответственно своим силам. Помогать социалистической революции в международном масштабе, идя на возможность поражения этой революции в данной стране,—такой взгляд даже и из теории подталкивания не вытекает.

Может быть, авторы резолюции полагают, что революция в Германии уже началась, что там она достигла уже открытой общенациональной гражданской войны, что потому мы должны отдать свои силы на помощь немецким рабочим, должны погибнуть сами («утрата Советской власти»), спасая немецкую революцию, которая начала уже свой решительный бой и попала под тяжелые удары? С этой точки зрения, мы, погибая, отвлекли бы часть сил германской контр-революции и этим спасли бы германскую революцию.

Вполне допустимо, что при таких предпосылках не только «целесообразно» (как выразились авторы резолюции), но и прямо обязательно было бы идти на возможность поражения и на возможность утраты Советской власти. Но ясно, что эти предпосылки налицо не имеются. Германская революция зреет, но заведомо не дошла еще до взрыва ее в Германии, до гражданской войны в Германии. Созреванию германской революции мы явно не помогли бы, а помешали, «идя на возможность утраты Советской власти». Мы помогли бы этим германской реакции, сыграли бы ей на руку, затруднили бы социалистическое движение в Гер-

мани, оттолкнули бы от социализма широкие массы не перешедших еще к социализму пролетариев и полупролетариев Германии, которые были бы запуганы разгромом России советской, как запугал английских рабочих разгром Коммуны в 1871 году.

Как ни верти, логики в рассуждениях автора не найти. Разумных доводов за то, что «в интересах международной революции целесообразно идти на возможность утраты Советской власти», нет.

«Советская власть становится теперь чисто формальной»—вот то чудовищное положение, до которого договорились, как мы видели, авторы московской резолюции.

Раз, дескать, германские империалисты будут брать с нас дань, раз они будут запрещать нам пропаганду и агитацию против Германии, то и Советская власть теряет значение, «становится чисто формальной», таков, вероятно, ход «мысли» авторов резолюции. Говорю: «вероятно», ибо ничего ясного и точного в подкрепление рассматриваемого тезиса авторы не дали.

Настроение глубочайшего, безысходного пессимизма, чувство полнейшего отчаяния—вот что составляет содержание «теории» о формальном будто бы значении Советской власти и о допустимости тактики, идущей на возможность утраты Советской власти. Все равно спасения нет, пусть гибнет даже и Советская власть,—таково чувство, продиктовавшее чудовищную резолюцию. Якобы «экономические» доводы, в которые иногда облачают подобные мысли, сводятся к тому же безвыходному пессимизму: где уж, дескать, тут Советская Республика, если смогут взять дань вот такую, да вот такую, да вот еще такую.

Ничего, кроме отчаяния: все равно—погибать!

Чувство, понятное при том архи-тяжком положении, в котором Россия находится. Но «понятно» оно не в среде сознательных революционеров. Характерно оно именно, как доведение до абсурда взглядов москвичей. Французы 1793 года никогда не сказали бы, что их завоевания, республика и демократизм, становятся чисто формальными, что надо идти на возможность утраты республики. Они были полны не отчаяния, а веры в победу. Звать же к революционной войне и в то же самое время в официальной резолюции говорить «идти на возможность утраты Советской власти», значит разоблачать себя до конца.

Пруссия и ряд других стран в начале XIX века, во время наполеоновских войн, доходили до несравненно, неизмеримо больших тяжестей и тягот поражения, завоевания, унижения, угнетения завоевателем, чем Россия 1918 года. И, однако, лучшие люди Пруссии, когда Наполеон давил их пятой военного сапога во сто раз сильнее, чем смогли

теперь задавить нас, не отчаивались, не говорили о «чисто формальном» значении их национальных политических учреждений. Они не махали рукой, не поддавались чувству: «все равно—погибать». Они подписывали неизмеримо более тяжкие, зверские, позорные, угнетательские мирные договоры, чем брестский, умели выжидать потом, стойко, сносили иго завоевателя, опять воевали, опять падали под гнетом завоевателя, опять подписывали похабные и похабнейшие мирные договоры, опять поднимались и освободились в конце концов (не без использования розни между более сильными конкурентами-завоевателями).

Почему бы не могла подобная вещь повториться в нашей истории?

Почему бы нам впадать в отчаяние и писать резолюции—ей же ей—более позорные, чем самый позорный мир, резолюции о «становящейся чисто формальной Советской власти»?

Почему тягчайшие военные поражения в борьбе с колоссами современного империализма на смогут и в России закалить народный характер, подтянуть самодисциплину, убить бахвальство и фразерство, научить выдержке, привести массы к правильной тактике пруссаков, раздавленных Наполеоном: подписывай позорнейшие мирные договоры, когда не имеешь армии, собирайся с силами и поднимайся потом опять и опять?

Почему должны мы впадать в отчаяние от первого же неслыханно-тяжкого мирного договора, когда другие народы умели твердо выносить и горшие бедствия?

Стойкость ли пролетария, который знает, что придется подчиниться, ежели нет сил, и умеет потом, тем не менее, во что бы то ни стало, подниматься снова и снова, накапливали силы при всяких условиях,—стойкость ли пролетария соответствует этой тактике отчаяния, или бесхарактерность мелкого буржуа, который у нас, в лице партии левых эс-эров, побил рекорд фразы о революционной войне?

Нет, дорогие товарищи из «крайних» москвичей! Каждый день испытаний будет отталкивать от вас именно наиболее сознательных и выдержанных рабочих. Советская власть, скажут они, не становится и не станет чисто формальной не только тогда, когда завоеватель стоит в Пскове и берет с нас 10 миллиардов дани хлебом, рудой, деньгами, но и тогда, когда неприятель окажется в Нижнем и в Ростове-на-Дону и возьмет с нас дани 20 миллиардов.

Никогда никакое иностранное завоевание не сделает «чисто формальным» народное политическое учреждение (а Советская власть не только политическое учреждение, во

много раз более высокое, чем виданные когда-либо историей). Напротив, иностранное завоевание только закрепит народные симпатии к Советской власти, если... если она не пойдет на авантюры.

Отказ от подписи похабнейшего мира, раз не имеешь армии, есть авантюра, за которую народ в праве будет видеть власть, пошедшую на такой отказ.

Подписание неизмеримо более тяжкого и позорного мира, чем брестский, бывало в истории (примеры указаны выше) и не вело к потере престижа власти, не делало ее формальной, не губило ни власти, ни народа, а закаляло народ, учило народ тяжелой и трудной науке готовить серьезную армию даже при отчаянно трудном положении под пятой сапога завоевателя.

Россия идет к новой и настоящей отечественной войне, к войне за сохранение и упрочение Советской власти. Возможно, что иная эпоха,—как была эпоха наполеоновских войн,—будет эпохой освободительных войн (именно войн, а не одной войны), навязываемых завоевателями советской России. Это возможно.

И потому позорнее всякого тяжкого и архи-тяжкого мира, предписываемого неимением армии, позорнее какого угодно позорного мира—позорное отчаяние. Мы не погибнем даже от десятка архи-тяжких мирных договоров, если будем относиться к восстанию и к войне серьезно. Мы не погибнем от завоевателей, если не дадим погубить себя отчаянию и фразе.

Доклад на VII съезде партии по вопросу о Брестском мире.

Несколько строк начала речи незастроено-графировано.

...Ведет к диким, бессмысленным попыткам империалистов наступать, запутаться еще больше в войне, которая будет тянуться годами. Вот на этой почве необходимо было, во что бы то ни стало, перейти поскорее к активной политике мира, необходимо взять в руки Советов власть, смести до конца помещичье землевладение. Вы знаете, его поддерживал не только Керенский, но и Авксентьев, доходя даже до ареста членов земельных комитетов. Эта политика, эти лозунги: «власть Советам», насаждаемые нами в сознании широчайших народных масс, дали нам возможность в октябре победить так легко в Петербурге, превратив последние месяцы русской революции в одно сплошное триумфальное шествие.

Гражданская война стала фактом. Стало фактом то, что мы предсказывали в начале революции и даже в начале войны, на что отвечали тогда в значительной части социалистических кругов с недоверием или даже с насмешкой, а именно, превращение империалистской войны в войну гражданскую. Эта война с 25 октября 1917 года для одной из самых больших, из самых отсталых стран, участвовавших в войне, стала фактом. В этой гражданской войне подавляющее большинство населения оказалось на нашей стороне и вследствие этого победа давалась нам необычайно легко.

Войска, уходящие с фронта, приносили оттуда всюду, куда только они появлялись, максимум революционной решимости покончить с соглашательством, а соглашательские элементы оказались лишенными всякой экономической опоры в среде населения. Война с ними неизбежно завершалась переходом широких масс и войсковых частей, двигав-

шихся против нас, на сторону большевиков. Это мы видели в Питере на гатчинском фронте, где казаки, которых Керенский и Краснов пытались вести против красной столицы, заколебались; это мы видели потом в Москве, в Оренбурге, на Украине. По всей России пробежала волна гражданской войны, и везде мы побеждали с необыкновенной легкостью именно потому, что плод созрел; потому что массы, уже проделали весь опыт соглашательства с буржуазией. Лозунги Советской власти стали неизбежными потому, что их практически проверили массы долгим историческим опытом.

Вот почему сплошным триумфальным шествием были первые месяцы русской революции после 25 октября 1917 года. За этим сплошным триумфальным шествием забывались, отодвигались на второй план те трудности, на которые социалистическая революция наткнулась сразу и не могла не наткнуться. Одно из основных различий между буржуазной и социалистической революцией состоит в том, что для буржуазной революции, всегда вырастающей из феодализма, новые экономические организации постепенно создаются в недрах старого строя путем развития хотя бы торговых отношений, которые изменяют постепенно все стороны феодального общества. Перед буржуазной революцией была только одна задача: смести, отбросить, разрушить все пути прежнего общества. Выполняя эту задачу, всякая буржуазная революция выполняет все, что от нее требуется, ибо она в итоге создает товарное производство и усиливает рост капитализма.

В совершенно ином положении стоит социалистическая революция. Чем более отсталой является страна, которой пришлось в силу зигзагов истории начать социальную революцию, тем труднее для нее переход от старых капиталистических отношений к социалистическим. Здесь к задачам разрушения прибавляются новые, неслыханной трудности задачи—организационные. Если бы народное творчество русской революции, прошедшей через великий опыт 1905 г., не создало Советов еще в феврале 1917 года, то ни в каком случае они не могли бы взять власть в октябре, так как успех зависит от наличия уже готовых организационных форм движения, охватившего миллионы. Этой готовой формой явились Советы не потому, что в политической области нас ждали те блестящие успехи, то сплошное триумфальное шествие, которое мы пережили, а потому, что политическая новая форма была наготове и нам оставалось только несколькими декретами превратить Советскую власть из того эмбрионального состояния, в котором она находилась в первые месяцы революции, в официально признанную форму российского государства,—Российскую Советскую Респу-

блику. Она родилась сразу, так легко родилась потому, что в феврале 1917 года массы создали Советы раньше, чем какая бы то ни было партия успела провозгласить даже этот лозунг. Само народное творчество, прошедшее через горький опыт 1905 года, умудренное им,—вот что создало эту форму пролетарской власти.

У нас не было и быть не могло сомнения, что социальная революция стояла перед задачами гигантской трудности. (Задача победы над внутренним врагом была в высшей степени легкой задачей. Задача создания политической власти была в высшей степени легка, ибо массы дали нам скелет, основу этой власти. В результате—республика Советов родилась сразу). Оставались еще две гигантской трудности задачи, решение которых никоим образом не является тем триумфальным шествием, которым шла наша революция.

Это, во-первых, задача внутренней организации, стоящая перед всякой социалистической революцией. Отличие социальной революции от буржуазной состоит именно в том, что там есть готовые формы организаций капиталистических, а советская пролетарская революция этих отношений не получает готовыми, если не брать самых развитых форм капитализма, которые, в сущности, охватили только небольшие верхушки промышленности и совсем мало затронули еще земледелие. Организация учета, контроль над крупнейшими предприятиями, превращение всего государственного экономического механизма в единую крупную машину, хозяйственный организм, работающий так, чтобы сотни миллионов людей руководились одним планом,—вот та гигантская организационная задача, которая легла на наши плечи. По самым своим условиям она никоим образом не допускала решения на «ура», того решения, которым нам удавалось преодолевать задачи гражданской войны. Этого решения не допускала суть дела. Если мы легко побеждали калединцев и создали Советскую Республику при сопротивлении, не заслуживающем даже серьезного внимания; если такой ход событий объективным предыдущим развитием был предрешен, так что оставалось сказать только последнее слово, сменить вывеску, вместо: «Совет существует, как организация профессиональная», написать: «Совет есть единственная форма государственной власти», то этот метод совсем не годился по отношению к задачам организационным. Тут мы встретили гигантские трудности. Тут сразу было ясно всем, кто желал бы вдумчиво отнестись к задачам нашей революции, что только тяжелым, долгим путем самодисциплины можно побороть то разложение, которое война внесла в капиталистическое общество, только чрезвычайно тяжелым, долгим, упорным путем можем мы преодолеть это разложение и те элемен-

ты этого разложения, которые смотрели на революцию, как на способ отделаться от старых пут, сорвать с нее, что можно. Эти элементы должны были неизбежно возникнуть в большем числе в мелко-крестьянской стране в момент невероятной разрухи, и с ними предстоит борьба в сто раз более трудная, никакой эффектной позиции не обещающая,—борьба, которую мы только-только начали. Мы стоим на первой ступени этой борьбы. Тут нам предстоит тяжелые испытания. Здесь мы по объективному положению дела ни в коем случае не ограничимся триумфальным шествием с развернутыми знаменами. Всякий, кто попытался бы перенести этот метод борьбы на организационные задачи, стоящие на пути революции, оказался бы целиком банкротом, как политик, как социалист, как деятель социалистической революции.

То же самое ожидало некоторых из наших увлекшихся триумфальным шествием молодых товарищей, когда перед русской революцией конкретно встала вторая из гигантских трудностей, легших на ее плечи. Это вторая задача—решение вопроса международной революции. Если мы так легко справились с бандами Керенского, если так легко создали власть, если мы без малейшего труда получили декрет о социализации земли, рабочем контроле, то только потому, что специально сложившиеся условия на короткий момент прикрыли нас от международного империализма. Международный империализм, который обладает мощью всего объединенного капитала и всею мощью военной техники, представляет гигантскую реальную силу, который ни в коем случае, ни при каких условиях ужиться рядом с Советской Республикой не мог и по своему объективному положению, и по экономическим интересам того капиталистического класса, который был в нем воплощен, не мог в силу торговых связей, международных и финансовых отношений. Тут конфликт представляется неизбежным. Здесь величайшая трудность русской революции, ее величайшая историческая проблема—необходимость решить задачи международные, необходимость вызвать международную революцию, проделав переход от нашей революции, как узко-национальной, к мировой. Эта задача стояла перед нами со всеми невероятными трудностями.

Повторяю, что очень многие из наших молодых друзей, считающих себя левыми, стали забывать самое важное, а именно то обстоятельство, почему в течение недель и месяцев в величайшего триумфа после Октября мы получили возможность такого легкого перехода от триумфа к триумфу. Между тем это было легко только потому, что специально сложившаяся международная империалистическая атмосфера временно прикрыла нас от империализма. Ему было не до нас. Нам показалось, что и нам не до империализма. Отдель-

ным же империалистам было не до нас только потому, что вся величайшая социально-политическая и военная сила современного мирового империализма оказалась к этому времени разделенной междоусобной войной на две группы. Империалистские хищники, втянутые в эту борьбу, которая дошла до невероятных пределов, до мертвой схватки, попали в такое положение, что ни одна из борющихся групп сколько-нибудь серьезной силы сосредоточить против революции не могла. Мы попали как раз в такой момент в октябре, наша революция случилась как раз,—это парадоксально, но справедливо,—в счастливый момент, когда неслыханные бедствия обрушились на громадное большинство империалистических стран в виде уничтожения миллионов людей; на четвертом году войны, когда она измучила народ неслыханными бедствиями, когда воюющие страны подошли к тупику, к распутью; когда стал объективный вопрос, смогут ли дальше воевать доведенные до подобного состояния народы. Только благодаря тому, что наша революция произошла в этот счастливый момент, когда ни одна из двух гигантских групп хищников не могла немедленно броситься ни друг на друга, ни соединиться против нас. Только этим моментом международных политических и экономических отношений могла воспользоваться и воспользовалась наша революция, чтобы проделать свое блестящее триумфальное шествие по Европейской России, перекинуться в Финляндию, начать завоевывать Кавказ, Румынию. Только этим объясняется то, что у нас явились в передовых кругах нашей партии интеллигенты, сверхчеловеки из партийных работников, которые, дав себя увлечь этим триумфальным шествием, сказали: «С международным империализмом мы справимся, там тоже будет триумфальное шествие, там настоящей трудности нет». За пределами России также росло революционное движение, но во всех без исключения империалистических странах оно находилось в большинстве случаев еще в начальной стадии. Его темп развития был совсем не тот, что у нас. Для каждого, кто вдумался в экономические предпосылки социалистической революции в Европе, не могло не быть ясно, что в Европе неизмеримо труднее начать; у нас же неизмеримо легче начать, но будет труднее продолжать; в Европе—наоборот: там будет гораздо легче продолжать уже начавшуюся революцию. Это объективное положение создало то обстоятельство, что нам предстояло пережить необычайно трудный, крутой излом истории.

От сплошного триумфального шествия в октябре, ноябре, декабре на нашем внутреннем фронте, против нашей контр-революции, нам предстояло перейти к стычке с настоящим международным империализмом в его настоящем враждебном отношении к нам. От периода триумфального

мествии предстояло перейти к периоду необычайно трудного и тяжелого положения, от которого отделаться словами, блестящими лозунгами, как это ни приятно было бы, конечно, нельзя, ибо мы имеем в нашей расстроенной стране неимоверно уставшие массы, которые дошли до такого положения, когда воевать никоим образом нельзя, которые разбиты мучительной трехлетней войной настолько, что приведены в состояние полной военной негодности. Еще до Октябрьской революции мы видели представителей солдатских масс, не принадлежащих к большевикам, которые не стеснялись говорить правду, состоящую в том, что русская армия воевать не будет. Это состояние создало гигантский кризис. Страна мелко-крестьянская в своем составе, дезорганизованная войной до неслыханного состояния, поставлена в необычайно тяжелое положение. У нас армии нет, а приходится продолжать жить рядом с хищником, который вооружен до зубов, который все еще остается хищником и которого, конечно, агитацией насчет мира без аннексий и контрибуций прогнать нельзя. Лежит смиренный домашний зверь рядом с тигром и убеждает его, чтобы мир был без аннексий и контрибуций! Последнее может быть достигнуто только нападением на тигра. От этой перспективы верхушки наших партий, интеллигенция и часть рабочих организаций попытались отделаться прежде всего фразами и отговорками. Этот мир был слишком невероятен, чтобы мы, шедшие до сих пор в открытый бой с открытыми знаменами, бравшие криком всех врагов, чтобы мы должны были уступить, приняв унижительные условия. Никогда! Мы слишком гордые революционеры, мы прежде всего заявляем: «Немец не сможет наступать!»

Это было первой отговоркой, которой утешали себя эти люди. История поставила нас теперь в необычайно трудное положение: приходится при помощи неслыханно трудной организационной работы пройти через ряд мучительных поражений. Если смотреть во всемирно-историческом масштабе, то не подлежит никакому сомнению, что конечная победа нашей революции, если бы она осталась одинокой, если бы не было революционного движения в других странах, была бы безнадежной. Если мы взяли дело в руки одной большевистской партии, то мы брали его на себя с убеждением, что революция зреет во всех странах и в конце концов,—в конце концов, а не в начале начал,—какие бы трудности мы ни переживали, какие поражения нам ни были бы суждены, международная социалистическая революция придет, ибо она уже идет; созреет, ибо она уже зреет. Наше спасение от всех этих трудностей, повторяю, во всевропейской революции. Мы исходим из совершенно абстрактной истины, руководясь которой мы дол-

жны следить за тем, чтобы она не превратилась со временем в фразу, ибо всякая абстрактная истина, если вы ее будете применять без всякого анализа, превращается в фразу. Если вы скажете, что за каждой стачкой кроется гидра революции, кто этого не понимает, тот не социалист,—то это верно. Да, за каждой стачкой кроется социалистическая революция. Но если вы скажете, что каждая данная стачка—шаг к социалистической революции, то вы скажете пустейшую фразу. Это мы слышали и набили на этом оскомину так, что рабочие все эти анархистские фразы откинули, потому что, как несомненно, что за каждой стачкой кроется гидра социалистической революции, так же ясно, что пусгяками является утверждение будто от каждой стачки можно перейти к революции. Как совершенно бесспорно, что все трудности нашей революции будут превзойдены лишь тогда, когда мировая социалистическая революция, которая теперь везде зреет, наконец, дозреет—совершенно абсурдно утверждение, что каждую данную конкретную сегодня трудность нашей революции мы должны припрятать, говоря: «Я ставлю карту на международное социалистическое движение и могу делать какие угодно глупости».

«Либкнехт выручит, потому что он все равно победит!» Он нас выручит, потому что мы знаем, что он победит. Он даст такую великолепную организацию, что мы будем брать готовые формы, как мы брали готовое марксистское учение Западной Европы, благодаря чему оно победило у нас, может быть, в несколько месяцев тогда, когда на его победу требовались десятки лет на западе.

Итак, совершенно никчемна авантюра перенесения в новый исторический период старого метода решения вопросов борьбы триумфальным шествием, ибо новый период поставил перед нами не гнилушки Керенского и Корнилова, а преподнес могучего международного хищника, ибо на западе революция только зрела, но заведомо не созрела. Такой авантюрой было решение вопроса, что враг против революции не решится наступать. Брестские переговоры не представляли еще из себя момента, когда мы должны были принять какие угодно условия мира. Брестские переговоры должны были показать, что немец наступит, что немецкое общество не настолько беременно революцией, что оно может раздробиться сейчас. Нельзя поставить в вину немецким империалистам, что они своим поведением не подготовили еще этого взрыва или, как говорят наши молодые друзья, считающие себя левыми, такого положения, когда немец не может наступать. Они не хотят понять, что у нас армии нет, что мы были вынуждены демобилизоваться, хотя несколько не забывали, что рядом с нашим смиренным до-

машиним зверем лежит тигр. Односторонним приказом выткать штук в землю войну кончить нельзя.

Как вообще вышло так, что ни одно течение, ни одно направление, ни одна организация не были против этой демобилизации? Что же, мы совершенно с ума сошли? Абсолютно несколько. Офицеры—не-большевики—говорили еще до октября, что армия не может воевать, что ее даже на несколько недель на фронте не удержать. Это после октября стало очевидным для всякого, кто хотел видеть факт неприглядной действительности, а не прятаться за гордыми фразами. Армии нет, удержать ее невозможно. Лучшее, что можно было сделать,—скорее демобилизовать ее. Эта большая часть организма, которая с неслыханными мучениями терпела лишения войны, на которую пошла технически-неподготовленной, вышла из нее в таком состоянии, что при всяком наступлении предается панике. Нельзя винить за это людей, которые вынесли эти неслыханные страдания. Мы в сотнях резолюций с полной откровенностью даже в течение первого периода русской революции говорили: «Мы захлебнулись в крови, мы воевать не можем». Можно было искусственно оттягивать, можно было проделывать мошенничество Керенского, можно было отсрочить конец на несколько недель, но объективная действительность все же прокладывала себе дорогу.

Армия—теперь большая часть русского государственного организма, которая не может вынести тягот этой войны. Чем скорее мы ее демобилизуем, тем скорее она рассосется среди частей еще не настолько больных, тем скорее страна может быть готовой для новых тяжелых испытаний! Вот что мы чувствовали, когда единогласно, без малейшего протеста принимали решение, с точки зрения внешних событий нелепое,—демобилизовать армию. Это был шаг правильный. Мы говорили, что надежда удержать армию—легкомысленная иллюзия. Чем скорее демобилизовать ее, тем скорее начнется оздоровление всего организма в целом. Вот почему такой глубокой ошибкой, такой горькой переоценкой событий была революционная фраза: «Немец не может наступать», из которой вытекала другая: «Мы можем объявить состояние войны прекращенным. Ни война, ни подписание мира». Но если немец наступит? «Нет, он не может наступить!» А вы имеете право ставить на карту даже не судьбу международной революции, а конкретный вопрос о том, не окажетесь ли вы пособниками немецкого империализма, когда этот момент наступит? Вы, ставшие все с октября 1917 года оборонцами, признающими защиту отечества, ибо мы все с 25 октября стали оборонцами, признающими защиту отечества, мы знаем, что порвали с империалистами, не на словах, а на деле разорвали тайные договоры, победили бур-

жуазию у себя и предложили открытый и честный мир, так что народы могли увидеть на деле наши намерения! Каким образом люди, серьезно стоящие на точке зрения обороны Советской Республики, могли итти на эту авантюру, которая принесла теперь свои плоды?

Таков факт. Тот тяжелый кризис, который переживает наша партия в связи с образованием в ней левой оппозиции является одним из величайших кризисов, переживаемых русской революцией.

Этот кризис будет изжит. Никким образом ни наша партия, ни наша революция на нем себе шеи не сломают, хотя в один момент это было совсем близко, совсем возможно. Гарантией того, что мы на нем шеи не сломаем, является то обстоятельство, что вместо старого способа решения фракционных разногласий, который состоял в необыкновенном количестве литературы и всяких дискуссий, в создании достаточного числа расколов, события принесли нам новый способ, как людям учиться. Это—способ проверки спора фактами, событиями, уроками всемирной истории. Вы говорите, что немец не может наступать? Из вашей тактики вытекало то, что можно объявить состояние войны прекращенным? Но вас история проучила, она эту иллюзию опровергла. Да, немецкая революция растет, но не так, как нам хочется, не с такой быстротой, как российским интеллигентам приятно; не таким темпом, который наша история выработала в октябре, когда мы приходили в любой город и провозглашали Советскую власть, и девять десятых рабочих примыкали к нам. Немецкая революция имеет несчастие итти не так быстро. Кто же с кем должен считаться? Мы с ней, или она с нами? Вы пожелали, чтобы она с вами считалась, а история вас проучила. Это урок, потому что абсолютная истина, что без немецкой революции мы погибнем. Погибнем, может быть, не в Питере, не в Москве, а во Владивостоке или в других далеких местах, куда нам предстоит отступить, до которых расстояние, может быть, еще больше, чем расстояние от Петербурга до Москвы, но во всяком случае при всевозможных мыслимых перипетиях, если немецкая революция не наступит, мы погибнем. Тем не менее, это ни капли не колеблет нашей обязанности суметь вынести самое трудное положение без фанфаронства.

Революция придет не так скоро, как мы ожидали. Это история доказала. Это надо уметь взять, как факт. Надо уметь считаться с тем, что мировая социалистическая революция в передовых странах не может так легко начаться, как в России, где громадной части населения было совершенно все равно, какие там на окраинах живут народы, что там происходит. В такой стране начать революцию было легко; это значило поднять перышко, а начать без труда

и подготовки революции в стране, где пышно развился капитализм; дать демократическую культуру и организованность последнему человеку,—нелепая мечта. Там мы еще только подходим к мучительному периоду начала социалистических революций. Мы не знаем, как не знает никто, возможно ли, что она победит через несколько недель, даже через несколько дней. Но этого нельзя ставить на карту. Нужно быть готовым к необычайным трудностям, к необычайно тяжелым поражениям, которые неизбежны, потому что в Европе революция еще не началась, хотя может начаться завтра. Когда же начнется, конечно, нас не будут больше мучить сомнения, не будет больше вопросов о революционной войне, а будет одно сплошное триумфальное шествие. Это будет, это неминуемо будет, но этого еще нет. Вот простой факт, которому нас история научила, которым она очень больно нас побила, но—за битого двух небитых дают! После того, как история на этой надежде, что немец не сможет наступать, и можно валить «на ура», нас очень больно побила, я уверен, что этот урок быстро пройдет в сознание революционных масс благодаря нашим советским организациям. Эти массы шевелятся, обсуждают, готовятся к съезду, выносят резолюции, обдумывают то, что произошло. У нас идут не старые революционные споры, которые остаются внутри партийных кругов, а выносятся на обсуждение масс, которые требуют проверки опытом, делом, которые никогда не дают себя увлечь легкими речами, никогда не дают сбить с пути, предписываемого объективным ходом событий. Конечно, от этого можно отговориться, если вы имеете перед собою интеллигента или левого большевика. Он умеет разными революционными заклинаниями отговориться от того простого факта, что армии нет, и от того, что революция в Германии еще не наступила. Миллионные массы, а политика начинается там, где миллионы, не там, где тысячи, а только там, где миллион, начинается серьезная политика,—миллионы знают, что такое армия, ибо видели солдат, возвращающихся с фронта. Они знают, что воевать мы не можем, что всякий человек все, что мыслимо было, вынес. Масса уже поняла ту истину, что если армии нет, а рядом с вами лежит хищник, то вам придется подписать наитягчайший мирный договор. Это неизбежно! Пока не родится революция, пока вы не оздоровите своей армии, пока не вернете ее, до тех пор больная не выздоровеет. Но этих задач мы «на ура» не возьмем; этих затруднений не скинем, как скинули Керенского или Корнилова. Вот урок, который массы усвоили без оговорок, которые пытались некоторые преподнести им, чтобы отделаться от горькой действительности.

Сначала сплошное триумфальное шествие с октября

по январь, потом вдруг русская революция разбита в несколько недель немецким хищником. Да, повороты истории очень тяжелы, тяжелы особенно потому, что Октябрьский переворот не все поняли. Когда в 1907 г. мы подписали неслыханный позорный внутренний договор со Столыпиным, мы переживали то же самое в маленьком масштабе по сравнению с теперешним. Тогда люди, принадлежавшие к лучшему авангарду революции, говорили: «Мы—гордые революционеры; мы верим русской революции; мы в подполье никогда не пойдем!» Пойдете. Жизнь масс, жизнь истории сильнее, чем ваши уверения. Не пойдете,—так вас история заставит. Это были очень левые, от которых ничего, как от фракции, не осталось, кроме дыма, при первом же повороте истории. Если мы сумели остаться революционерами, работать при мучительных условиях и выйти снова, сумеем выйти и теперь, потому что это не наш каприз, потому что это объективная неизбежность, которая в стране, разоренной до последней степени, создалась оттого, что европейская революция, вопреки нашему желанию, посмела опоздать, а немецкий империализм, вопреки нашему желанию, посмел наступать.

Надо уметь отступить! Невероятно горькой действительности фразой не закрыть. Надо сказать: «Дай бог отступить в полупорядке». Мы в порядке отступить не можем; дай бог отступить в полупорядке, выиграть малейший промежуток времени, чтобы больная часть нашего организма хоть сколько-нибудь рассосалась. Организм в целом здоров, он преодолеет болезнь. Нельзя требовать, чтобы он преодолел ее моментально, чтобы остановил бегущую армию. Когда я одному из наших молодых друзей, который желал быть левым, говорил: «Товарищ, отправьтесь на фронт, посмотрите, что там делается в армии», это было принято за обидное предложение: «Нас хотят послать в ссылку, чтобы мы здесь не агитировали за великие принципы революционной войны!» Предлагая это, я, право, не рассчитывал на отправку фракционных врагов в ссылку, это было предложением лично удостовериться, что армии начала неслыханно бежать. Мы и раньше это знали, и раньше нельзя было закрывать глаз на то, что разложение дошло там до неслыханных фактов, до продажи солдатами за гроши наших орудий немцам. Это мы знали, как знаем и то, что их нельзя удержать. И отговорка, что немец не станет наступать, была величайшей авантюрой! Нас ждут самые тяжелые поражения, потому что у нас нет армии, потому что у нас нет организации, потому что этих двух задач решить нельзя сразу. Если ты не сумеешь приспособиться, не расположен ползать на брюхе в грязи, тогда ты не революционер, а болтун, потому что другой дороги нет,

потому что история сложилась так неприятно, что революция должна созреть в обеих странах одновременно.

Гражданская война началась, как попытка столкновения с империализмом, доказавшая, что империализм гнил совершенно и что подымаются пролетарские элементы внутри каждой армии. Да, мы увидим международную мировую революцию, но пока это очень хорошая сказка, очень красивая сказка. Я вполне понимаю, что детям свойственно любить красивые сказки, но я спрашиваю: серьезному революционеру свойственно ли верить сказкам? Во всякой сказке есть момент действительности; если бы вы детям преподнесли сказку, где петух и кошка не разговаривают правдоподобным человеческим языком, они не стали бы интересоваться!.. Хорошо, если немецкий пролетариат будет в состоянии выступить, а вы измерили, вы нашли такой инструмент, чтобы определить, что немецкая революция родится в такой-то день? Вы этого не знаете, мы тоже не знаем. Вы все ставите на карту. Если революция родилась, так все спасено. Конечно! Но если она не выступит так, как мы желаем, возьмет да не победит завтра—тогда что? Тогда масса скажет нам: «вы поступили, как эгоисты, вы ставили карту на счастливый ход событий, который не наступил, вы оказались непригодными в том положении, которое оказалось вместо ожидаемой международной революции, которая придет незаметно, но которая еще не созрела».

Наступил период тяжчайших поражений, нанесенных вооруженным до зубов империализмом стране, которая должна была демобилизовать армию. То, что я предсказывал, наступило целиком. Вместо Брестского мира мы получили мир гораздо более унижительный по вине тех, кто не брал его. Мы сидели в Бресте за столом рядом с Гофманом, а не с Либкнехтом. Этим мы тогда помогали немецкой революции, а теперь вы помогаете немецкому империализму, потому что отдали им свои миллионные богатства: пушки, снаряды, продовольствие. Случилось то, что должен был предсказать всякий, кто видел состояние армии, до боли невероятное. Мы погибли бы при малейшем наступлении немцев неизбежно и неминуемо, это говорил всякий добросовестный человек с фронта. Мы, действительно, оказались добычей неприятеля в несколько дней. Получивши этот урок, мы наш раскол и кризис изживем, как ни тяжела эта болезнь, потому что нам на помощь придет неизмеримо более верный союзник,—всемирная революция. Когда нам говорят по вопросу о ратификации нового Тильзитского мира, неслыханного, более грабительского, чем Брестский, я отвечаю:—«Безусловно, да». Мы должны это сделать, ибо мы сместим с точки зрения масс. Попытка перенесения октябрьской и ноябрьской тактики, испробованной внутри

одной нашей страны, тактики триумфального периода революции с помощью нашей фантазии на весь ход революции оказалась битой историей. Когда говорят, что передышка это—фантазия; когда газета называется «Коммунист», должно быть, от Парижской Коммуны; когда эта газета наполняет столбец за столбцом опровержениями теории передышки,—тогда я вижу ясно (мне много пришлось пережить фракционных столкновений и расколов, так что я имею большую привычку), я вижу ясно, что старым способом фракционных расколов эта болезнь не будет излечена, потому что ее излечит жизнь раньше. Жизнь шагает очень быстро; здесь она действует великолепно; история гонит так быстро ее локомотив, что раньше чем успеет редакция «Коммуниста» издать очередной номер, большинство рабочих в Питере уже разочаруется в ее идеях, потому что жизнь в это время показывает, что передышка—факт.

Сейчас мы, подписавши мир, имеем передышку, мы пользуемся ею для защиты отечества лучше, чем войной, потому что, если бы мы имели войну, мы имели бы ту панически бегущую армию, которую необходимо было бы остановить и которую наши товарищи остановить не могут и не могли потому, что война сильнее, чем проповеди, чем десять тысяч рассуждений. Если они не поняли объективного положения, они остановить армии не могут, и не остановили бы. Эта больная армия заражала весь организм, и мы получили новое неслыханное поражение, новый удар немецкого империализма по революции, потому что легкомысленно оставили себя без пулеметов, а между тем этой передышкой мы воспользуемся, чтобы убедить народ объединиться, сражаться, чтобы говорить русским рабочим, крестьянам: «Создавайте самодисциплину, дисциплину строгую, иначе вы будете лежать под пятой немецкого сапога, как лежите сейчас, как неизбежно будете лежать, пока народ не научится бороться и создавать армии, способные не бежать, а идти на неслыханные мучения». Это неизбежно, потому что немецкая революция еще не родилась, и нельзя ручаться, что она родится завтра.

Вот почему теория передышки, которая совсем отвергается потоками статей «Коммуниста», выдвигается самой жизнью. Всякий видит, что передышка налицо, что всякий пользуется ею. Мы предполагали, что Петербург будет потерян нами в несколько дней, когда идущие на него войска находились в нескольких переходах, а лучшие матросы и путиловцы при своем великом энтузиазме оказывались одиночками, когда получились неслыханный хаос и паника, заставившие нас добежать до Гатчины, и когда мы, наконец, опомнившись, брали назад отданное, послав телеграфиста вперед, который приезжал на станцию, садился за

аппарат и телеграфировал: «Никакого немца нет. Станция занята нами». Через несколько часов телефонный звонок сообщал мне из министерства путей сообщения: «Занята следующая станция. Мы приближаемся к Ямбургу. Никакого немца нет». В действительности только телеграфист занимал свое место. Вот что мы переживали. Вот та реальная история одиннадцатидневной войны. Ее опишут вам матросы и путиловцы, которых надо пригласить на съезд Советов. Пусть они расскажут правду. Это страшно горькая, обидная, мучительная, унижительная правда, но она в 100 раз полезнее, чем ваш «Коммунист»...

Я предоставляю вам увлекаться международной революцией, потому что она все же наступит. Все придет в свое время, а теперь беритесь за самодисциплину, подчиняйтесь во что бы то ни стало, чтобы был образцовый порядок, чтобы рабочие хоть один час в течение суток учились сражаться. Это немного потруднее, чем написать прекрасную сказку. Этим вы поможете немецкой и международной революции. Сколько нам дадут дней передышки, мы не знаем, но она дана. Надо скорей демобилизовать армию, потому что это больной орган, а пока мы будем помогать финляндской революции.

Да, конечно, мы нарушили договор, мы его 30—40 раз нарушили. Только дети могут не понять, что в такую эпоху, когда наступает мучительно долгий период освобождения, которое только что создало Советскую власть, подняло на высшую ступень ее развития, только дети могут не понимать того, что здесь должна быть длительная осмотрительная борьба. Позорный мирный договор подымает восстание, но когда товарищи из «Коммуниста» рассуждают о войне, у них, в сущности, только апелляция к чувству. «Позорный, неслыханный, унижительный мир!» Они апеллируют к чувству, забыв то, что у людей сжимались руки в кулаки и кровавые мальчики были перед глазами. Что они, в сущности, говорят? «Никогда сознательный революционер не переживет этого, не пойдет на этот позор». Эта газета носит кличку «Коммунист», но ей следует носить кличку «Шляхтич», ибо она смотрит с точки зрения шляхтича, который сказал, умирая в красивой позе со шпагой: «Мир—это позор, война—это честь!» Они смотрят с точки зрения шляхтича, но я подхожу с точки зрения крестьянина.

Если я иду на мир, когда армия бежит и не может не бежать, не теряя тысячи людей, я беру его, чтобы не было хуже. Разве позорен договор? Да меня оправдает всякий серьезный крестьянин и рабочий, потому что они понимают, что мир есть средство для накопления сил. История скажет, кто прав. На нее я ссылаюсь не раз, такова история освобождения немцев от Наполеона. Я нарочно назвал мир

Тильзитским, хотя мы не подписали того, что было там, когда немцам пришлось давать свои войска на помощь за-восвателю для подчинения других народов. До этого исто-рия однажды уже доходила и дойдет вновь, если мы будем надеяться только на международную революцию. Смотрите, чтобы история не довела вас и до такой формы военного рабства. А пока социалистическая революция не победила во всех странах, Советская Республика может впасть в рабство. Наполеон в Тильзите принудил немцев к неслы-ханно позорным условиям мира. Там дело шло так, что несклько раз заключался мир. Тогдашний Гофман—Напо-леон ловил на нарушении мира, и нас поймает Гофман на том же. Только мы постараемся, чтобы он поймал не скоро. Последняя вспышка войны дала горькую, мучительную, но серьезную науку русскому народу, заставив его организо-вываться, дисциплинироваться, уметь подчиняться, созда-вать образцовую дисциплину. Учитесь у немца его дисци-плине, иначе мы—погибший народ и вечно будем лежать распростертыми в рабстве.

Так, и только так шла история. История подсказывает, что мир есть передышка для войны, война есть способ получить хоть сколько-нибудь лучший мир. В Бресте со-отношение сил соответствовало миру побежденного, но не унижительному. Псковское соотношение сил соответствовало миру позорному, более унижительному, а в Питере и в Москве на следующем этапе нам предпишут мир в четыре раза унижительнее. Мы не скажем, что Советская власть есть только форма, как сказали нам молодые московские друзья; мы не скажем, что ради тех или иных революцион-ных принципов можно пожертвовать содержанием, а мы скажем: «Пусть русский народ найдет, что он должен дисци-плинироваться, организоваться, тогда он сумеет вынести все Тильзитские миры». История освободительных войн по-казывает нам, что если эти войны захватывали широкие массы,—освобождение наступало быстро. Мы говорим: если история идет таким образом, нам предстоит сменить мир, перейдя вновь к войне, и это, может быть, предстоит на-днях. Каждый должен быть готовым. Нет тени сомнения для меня, что немцы готовят за Нарвой,—если прав-да, что она не была взята, как говорят во всех газетах,—не в Нарве, а под Нарвой, не в Пскове, а под Псковом немцы собирают свою растянувшуюся армию, чинят свои железные дороги, чтобы следующим прыжком захватить Пе-тербург. Этот зверь прыгает хорошо. Он это показал, и он прыгнет еще раз. В этом нет ни тени сомнения. Поэтому надо быть готовым, надо уметь не фанфаронить, а брать даже один день передышки, ибо даже одним днем можно воспользоваться для эвакуации Питера, взятие которого бу-

дет' стоить неслыханных мучений для сотен тысяч наших пролетариев. Я еще раз скажу, что готов подписать и буду считать обязанностью подписать в 20 раз, в 100 раз более унижительный договор, чтобы получить хоть несколько дней для эвакуации Питера, ибо я облегчаю этим мучения рабочих, когда немец займет его; я облегчаю вывоз из Питера тех материалов, пороха, ружей и проч., которые нужны для меня, потому что я оборонец, потому что я стою за подготовку армии, пусть в самом дальнем тылу, где можно лечить демобилизовавшую большую армию.

Мы не знаем, скоро ли это будет, будем пытаться ловить момент. Может быть, передышка будет больше, а, может быть, несколько дней. Все может быть, этого никто не знает, не может знать, потому что все величайшие державы связаны, стеснены, принуждены бороться на несколько фронтов. Поведение Гофмана определяется, с одной стороны, тем, что необходимо разбить Советскую Республику, а, с другой стороны, тем, что у него на целом ряде фронтов война, а с третьей стороны, тем, что в Германии революция зреет, растет, и Гофман это знает, и потому он не может сию минуту, как утверждают, взять Питер, взять Москву. Он может это сделать завтра, это вполне возможно. Я повторяю, что в такой момент, когда фактически больна армия, когда мы пользуемся этим моментом во что бы то ни стало, хотя бы для одного дня передышки, всякий с резный революционер, связанный с массами, знающий, что такое война, что такое масса, должен ее дисциплинировать, должен ее излечить, должен подымать ее для новой войны. Всякий такой революционер нас оправдает, всякий позорный договор признает правильным, ибо он в интересах пролетарской революции и обновления России путем освобождения от больного органа стихийно демобилизующейся армии. Когда мы подписываем этот мир, а это понимает всякий здравомыслящий человек, мы не прекращаем нашей рабочей революции, всякий понимает, что, подписывая мир с немцами, мы не прекращаем нашей борьбы. Мы посылаем финнам оружие, но не отряды, которые оказываются неодными. Может быть, мы примем войну; возможно завтра отдадим и Москву; пойдем и на это испытание; в ответ на неприятельскую армию двинем нашу армию, если создастся тот перелом в народном настроении, который зреет, который, может быть, возьмет много времени, но он наступит, когда широкие массы скажут не то, что они говорят теперь. Я вынужден брать хотя бы тягчайший мир, потому что я не могу сказать себе теперь, что это время пришло. Когда наступит пора обновления, все почувствуют это. Но пока надо воздержаться. Этот лозунг нужно провести, в этом главная задача нашего партийного съезда и съезда

Советов. Надо научиться работать на нашем пути. Это неизмеримо тяжело, но это вовсе не безнадежно. Это вовсе не сорвет Советской власти, если только глупейшей авантюрой мы сами не сорвали ее. Нет, когда народ скажет, что я не позволю больше мучить себя, тогда они должны заговорить о войне, и правы будут, когда заговорят. Мы сейчас не пойдем на авантюру, а сумеем работать в тяжелых условиях, при неслыханно унижительном договоре, который мы подписали на-днях, ибо одной войной, одним мирным договором такой исторический кризис не решается. Народы были связаны своей монархической организацией в 1807 г., когда подписали свой Тильзитский мир, после нескольких унижительных миров, которые превращались в передышку для нового унижения и нового нарушения. Советская организация масс облегчит нашу задачу.

Наш лозунг один: учиться военному делу, дисциплинировать, настоящим образом ввести порядок на железных дорогах. Без железных дорог революционная война—вреднейшее предательство. Необходимо создать порядок и нужно создать всю ту энергию и всю мощь, которые создадут лучшее, что есть у революции.

Ловите передышку, которую вам дали хотя бы на час, чтобы поддержать контакт с дальним тылом и создавать там новые армии. Перед нами вырисовывается эпоха тягчайших поражения. Она уже налицо. С ней надо уметь считаться для упорной работы в условиях нелегальных, в условиях заведомого рабства у немцев,—этого нечего прикрашивать, ибо это, действительно, Тильзитский мир.

Если мы сумеем так действовать, тогда мы, несмотря на поражение с абсолютной уверенностью можем сказать, что мы победим.

Март, 1918 г.

X.

ОТНОШЕНИЕ К КРЕСТЬЯНСТВУ.

Речь на VIII съезде партии.

Речь на VIII съезде партии.

(23 марта 1919 г.).

— Товарищи, я должен извиниться, что мне не удалось присутствовать на всех заседаниях секции, которую избрал съезд по вопросу о работе в деревне, дополнением поэтому явятся речи товарищей, которые участвовали в этой секции с самого начала ее работы. Секция выработала в конце-концов тезисы, которые были сданы в комиссию и которые вам будут доложены. Я хотел бы остановиться на общем значении вопроса, как он встал перед нами в итогах работы секции и как он, на мой взгляд, встал теперь перед партией в целом.

Товарищи, совершенно естественно, что в развитии пролетарской революции нам приходится выдвигать на первое место то один, то другой из наиболее сложных и важных вопросов общественной жизни. Совершенно естественно, что при перевороте, который затрагивает и не может не затрагивать самые глубокие основы жизни, самые широкие массы населения, — ни одна партия, ни одно даже самое близкое к массам правительство абсолютно не в состоянии охватить сразу все стороны жизни.

И если сейчас нам приходится останавливаться на вопросе о работе в деревне и из этого вопроса выделить преимущественно положение среднего крестьянина, — то с точки зрения развития пролетарской революции вообще, тут не может быть ничего странного и ненормального. Понятно, что пролетарской революции пришлось начать с основного отношения между двумя враждебными классами, между пролетариатом и буржуазией. Основной задачей было передать власть в руки рабочего класса, обеспечить его диктатуру, свергнуть буржуазию и отнять у нее те экономические источники ее власти, которые безусловно являются помехой в деле всякого социалистического строитель-

ства вообще. Все мы, поскольку знакомы с марксизмом, никогда не сомневались в той истине, что решающее значение в капиталистическом обществе может иметь, по самому экономическому строению общества, либо пролетариат, либо буржуазия. Теперь мы видим много бывших марксистов,—напр., из лагеря меньшевиков,—утверждающих, будто в период решительной борьбы пролетариата с буржуазией может господствовать демократия вообще. Так говорят меньшевики, всецело спевшиеся с эсерами. Точно не сама буржуазия создает или отменяет демократию, смотря по тому, что ей выгоднее! А раз так, то не может быть никакой речи о демократии вообще во время обостренной борьбы буржуазии с пролетариатом. Приходится только удивляться, как быстро эти марксисты или якобы марксисты,—напр., наши меньшевики,—как быстро они разоблачают себя, как быстро выходит наружу настоящая их природа, природа мелко-буржуазных демократов.

Маркс всю жизнь больше всего боролся против иллюзий мелко-буржуазной демократии и буржуазного демократизма. Маркс больше всего высмеивал свободу рабочих умирать с голоду, или равенство человека, продающего свою рабочую силу, с буржуа, который будто бы на свободном рынке свободно и равноправно покупает его труд и т. п. Маркс во всех своих экономических произведениях выяснял это. Можно сказать, что весь «Капитал» Маркса посвящен выяснению той истины, что основными силами капиталистического общества являются и могут являться только буржуазия и пролетариат:—буржуазия, как строитель этого капиталистического общества, как его руководитель,—пролетариат, как его могильщик, как единственная сила, способная сменить его. Едва ли найдется хоть одна глава в каком бы то ни было сочинении Маркса, которая не была бы посвящена этому. Можно сказать, что социалисты всего мира во II Интернационале бесчисленное количество раз клялись и божились перед рабочими в понимании этой истины. Но когда дошло дело до настоящей и притом решительной борьбы между пролетариатом и буржуазией за власть,—тогда мы увидели, что наши меньшевики и эсеры, а также вожди старых социалистических партий во всем мире эту истину забыли и принялись чисто механически повторять филистерские фразы о демократизме вообще.

У нас иногда пытаются придать этим словам нечто как будто более «крепкое», когда говорят—«диктатура демократии». Это уже совершенная бессмыслица. Мы из истории прекрасно знаем, что диктатура демократической буржуазии обозначала не что иное, как расправу с восстав-

шими рабочими. Так было, начиная с 1848 г., во всяком случае не позже, но отдельные примеры можно найти и раньше. История показывает нам, что именно в буржуазной демократии развертывается широко и свободно самая острая борьба между пролетариатом и буржуазией. Нам пришлось убедиться в правильности этой истины на практике. И если шаги советского правительства с октября 1917 г. отличались твердостью во всех коренных вопросах, то это именно потому, что мы от этой истины никогда не отступали, никогда ее не забывали. Только диктатура одного класса—пролетариата—может решить вопрос в борьбе с буржуазией за господство. Победить буржуазию может только диктатура пролетариата. Свергнуть буржуазию может только пролетариат. Вести за собой массы против буржуазии может только пролетариат.

Однако, отсюда ни в коем случае не следует, — это было глубочайшей ошибкой, — что и в дальнейшем строительстве коммунизма, когда буржуазия уже свергнута, когда политическая власть уже в руках пролетариата, — будто и дальше нам можно обойтись без участия средних, промежуточных элементов.

Естественно, что в начале революции, — пролетарской революции, — все внимание ее деятелей устремляется на главное, основное: на господство пролетариата и обеспечение того, чтобы буржуазия не могла вернуться к власти снова. Мы прекрасно знаем, что в руках буржуазии до сих пор остаются преимущества, связанные с ее богатствами в других странах, или состоящие, иногда даже у нас, в денежном богатстве. Мы хорошо знаем, что буржуазия не оставила мысли о возвращении своей власти, не прекратила попыток к восстановлению своего господства.

Но это далеко еще не все. Буржуазия, которая больше всего выдвигает принцип: «где хорошо, там отечество», буржуазия, которая в смысле денег всегда была интернациональна, буржуазия в мировом масштабе сейчас еще сильнее нас. Ее господство быстро подрывается, она видит такие примеры, как венгерская революция, — о которой мы имели счастье вчера вам сообщить и о которой сегодня приходят подтверждающие сведения, — она уже начинает понимать, что ее господство колеблется, у нее не остается свободы действий. Но сейчас, если учитывать материальные средства во всемирном масштабе, нельзя не признать, что материально буржуазия теперь еще сильнее нас.

Вот почему девять десятых нашего внимания, нашей практической деятельности были и должны были быть посвящены этому основному вопросу — свержению буржуазии, утверждению власти пролетариата, устранению всякой воз-

возможности и возврата буржуазии к власти. Это совершенно естественно, законно, неизбежно, и очень многое в этом отношении было с успехом сделано.

Теперь же мы должны поставить на очередь вопрос о других слоях. Мы должны,—это было общее наше заключение в аграрной секции, и в этом, мы уверены, сойдутся все партийные работники, потому что мы только подытожили опыт их наблюдений,—мы должны поставить на очередь во всем его объеме вопрос о среднем крестьянстве.

Конечно, найдутся люди, которые вместо обдумывания хода нашей революции, вместо размышления о том, какие задачи стоят сейчас перед нами,—вместо этого используют всякий шаг Советской власти для хихикания и критиканства того типа, что мы наблюдаем у господ меньшевиков и правых эсеров. Это—люди, которые до сих пор не поняли, что они должны сделать выбор между нами и буржуазной диктатурой. Мы проявили по отношению к ним много терпения и даже добродушия, мы предоставим им еще раз возможность испытать это наше добродушие, но в недалеком будущем этому терпению и добродушию мы положим конец, и если они своего выбора не сделают, мы совершенно серьезно предложим им отправиться к Колчаку.

Мы не ожидаем особенно блестящих умственных способностей от этих людей. Но можно было бы ожидать, что, испытав на себе зверства Колчака, они должны бы понять, что мы имеем права требовать от них, чтобы они сделали выбор между ними и Колчаком. Если в первые месяцы после октября многие наивные люди имели глупость думать, что диктатура пролетариата, это—нечто переходящее, случайное, то теперь даже меньшевики и эсеры должны бы понять, что есть что-то закономерное в той борьбе, которая идет под натиском всей международной буржуазии.

На деле создались только две силы: диктатура буржуазии и диктатура пролетариата. Кто не вычитал этого из Маркса, кто не вычитал этого из сочинений всех великих социалистов,—тот никогда социалистом не был, ничего в социализме не понимал, а только называл себя социалистом. Этим людям мы даем короткий срок на размышление и требуем, чтобы они этот вопрос решили. Я упомянул о них потому, что теперь они говорят или будут говорить: «Большевики поставили вопрос о среднем крестьянстве, хотят заигрывать с ним». Я превосходно знаю, что аргументация этого рода и гораздо более худшая находит широкое место в меньшевистской печати. Мы ее отбрасываем, мы никогда не придаем значения болтовне наших

противников. Люди, способные до сих пор перебегать между буржуазией и пролетариатом, могут говорить, что хотят. Мы идем своей дорогой.

Наш путь определяется прежде всего классовым учетом сил. В капиталистическом обществе развивается борьба буржуазии и пролетариата. Пока эта борьба еще не закончена, наше усиленное внимание будет сосредоточено на том, чтобы довести ее до конца. Она еще не доведена до конца. В этой борьбе уже многое удалось сделать. Сейчас международная буржуазия уже не может действовать со свободными руками. Лучшее доказательство этому то, что произошла венгерская пролетарская революция. Поэтому ясно, что ваше строительство в деревне вышло уже за те рамки, когда все подчинено было основному требованию борьбы за власть.

Это строительство прошло две главные фазы. В октябре 1917 г. мы брали власть вместе с крестьянством в целом. Это была революция буржуазная, поскольку классовая борьба в деревне еще не развернулась. Как я уже говорил, только летом 1918 г. началась настоящая пролетарская революция в деревне. Если бы мы не сумели поднять эту революцию, работа наша была бы негодна. Первым этапом было взятие власти в городе, установление советской формы правления. Вторым этапом было то, что для всех социалистов является основным, без чего социалисты—не социалисты: выделение в деревне пролетарских и полупролетарских элементов, сплочение их с городским пролетариатом для борьбы против буржуазии в деревне.

Этот этап в основном также закончен. Те организации, которые мы первоначально для этого создали, комитеты бедноты, настолько упрочились, что мы нашли возможным заменить их правильно выбранными советами, т.-е. реорганизовать сельские советы так, чтобы они стали органами классового господства, органами пролетарской власти в деревне. Такие мероприятия, как закон о социалистическом землеустройстве и о переходных мерах к социалистическому земледелию,—который прошел не очень давно через Центральный Исполнительный Комитет и всем, конечно, известен,—подводит итог пережитому с точки зрения нашей пролетарской революции.

Главное, что является первой и основной задачей пролетарской революции, мы сделали. И именно потому, что мы это сделали,—на очередь стала задача более сложная: отношение к среднему крестьянству. Кто думает, что выдвигание этой задачи является чем-либо похожим на ослабление характера нашей власти, на ослабление диктатуры пролетариата, на изменение, хотя бы частичное, хотя бы совсем слабое изменение нашей основной

политики,—тот совершенно не понимает задач пролетариата, задач коммунистического переворота. Я уверен, что таких людей в нашей партии не найдется.

Я хотел только предостеречь товарищей против тех людей, которые найдутся вне рабочей партии и будут так говорить не потому, чтобы это вытекало из какого-нибудь миросозерцания, а просто для того, чтобы испортить дело нам и помочь белогвардейцам,—говоря проще, чтобы натравить на нас среднего мужика, который всегда колебался, не может не колебаться и довольно долго еще будет колебаться. Чтобы натравить его на нас, они будут говорить: «Смотрите, они заигрывают с вами! Значит, учли ваши восстания, значит поколебались» и т. д. и т. п. Нам нужно, чтобы против такой агитации все наши товарищи были вооружены. И я уверен, что они будут вооружены, если мы добьемся теперь постановки этого вопроса с точки зрения классовой борьбы.

Совершенно ясно, что этот основной вопрос является задачей более сложной, но не менее насущной: как определить точно отношение пролетариата к среднему крестьянству?

Товарищи, этот вопрос для марксистов не представляет трудности с точки зрения теоретической, которую усвоило громадное большинство рабочих. Я напому, напр., что в книге Каутского об аграрном вопросе,—написанной еще в то время, когда Каутский правильно излагал учение Маркса и признавался бесспорным авторитетом в этой области,—в этой книге об аграрном вопросе он говорит по поводу перехода от капитализма к социализму: задачей социалистической партии является нейтрализация крестьянства, т.-е. достижение того, чтобы крестьянин остался нейтральным в борьбе между пролетариатом и буржуазией, чтобы крестьянин не мог оказать активной помощи буржуазии против нас.

В течение громадного периода господства буржуазии крестьянство поддерживало ее власть, было на стороне буржуазии. Это понятно, если принять во внимание экономическую силу буржуазии и политические средства ее господства. Мы не можем рассчитывать, чтобы средний крестьянин стал немедленно на нашу сторону. Но если мы правильно будем вести политику, то через некоторое время эти колебания прекратятся, и крестьянин сможет встать на нашу сторону.

Еще Энгельс, который вместе с Марксом заложил основы научного марксизма, т.-е. учения, которым руководится наша партия постоянно и в особенности во время революции,—еще Энгельс устанавливал подразделение крестьянства на мелкое, среднее и крупное. И это деление для гро-

мадного большинства европейских стран и теперь соответствует действительности. Энгельс говорил: «может быть даже крупное крестьянство не везде придется подавлять насильем». А чтобы мы могли когда-нибудь применять насилье к среднему крестьянству (мелкое—наш друг),—об этом ни один разумный социалист никогда не думал.

Так говорил Энгельс в 1894 г., за год до своей смерти, когда аграрный вопрос встал на очередь дня. Эта точка зрения нам показывает ту истину, которую иногда забывают, но относительно которой в теории мы все согласны. По отношению к помещикам и капиталистам наша задача—полная экспроприация. Но никаких насильий по отношению к среднему крестьянству мы не допускаем. Даже по отношению к богатому крестьянству мы не говорим с такой решительностью, как по отношению к буржуазии: абсолютная экспроприация богатого крестьянства и кулаков. В нашей программе это различие проведено. Мы говорим: подавление сопротивления богатого крестьянства, подавление его контр-революционных поползновений. Это не есть полная экспроприация.

Основное различие, которое определяет наше отношение к буржуазии и к среднему крестьянству,—полная экспроприация буржуазии, союз с средним крестьянством, не эксплуатирующим других,—эта основная линия в теории всеми признается. Но на практике эта линия соблюдается непоследовательно, на местах не научились еще соблюдать ее.

Когда, свергнув буржуазию и укрепив свою власть, пролетариат взялся с разных сторон за дело созидания нового общества, вопрос о среднем крестьянстве выдвинулся на первый план. Ни один социалист в мире не отрицал того, что созидание коммунизма пойдет по-разному в странах крупного и в странах мелкого земледелия. Это самая элементарная, азбучная истина. Из этой истины вытекает, что по мере того, как мы приближаемся к задачам коммунистического строительства, — центральное внимание наше должно сосредоточиться в известной мере как раз на среднем крестьянстве.

Многое зависит от того, как мы определим наше отношение к среднему крестьянству. Теоретически этот вопрос решен, но мы превосходно испытали, мы по себе знаем разницу между теоретическим решением вопроса и практическим проведением решения в жизнь. Мы подошли вплотную к этой разнице, которая так характерна для великой французской революции, когда французский Конвент размахивался широкими предприятиями, а для проведения их не имел должной опоры, не знал даже, на какой класс надо опираться для проведения той или иной меры.

Мы стоим в условиях неизмеримо более счастливых. Благодаря целому веку развития мы знаем, на какой класс мы опираемся. Но мы знаем также и то, что практического опыта у этого класса очень еще недостаточно. Основное для рабочего класса, для рабочей партии было ясно: свергнуть власть буржуазии и дать власть рабочим. Но как это сделать? Все помнят, с какими трудностями, через сколько ошибок мы переходили от рабочего контроля к рабочему управлению промышленностью. А ведь это было работой внутри нашего класса, внутри пролетарской среды, с которой нам всегда приходилось иметь дело. А теперь нам приходится определять наше отношение к новому классу, к тому классу, которого городской рабочий не знает.

Необходимо определить отношение к классу, который не имеет определенного устойчивого положения. Пролетариат в массе за социализм, буржуазия в массе против социализма: определить отношение между двумя этими классами легко. А когда мы переходим к такому слою, как среднее крестьянство, то оказывается, что это такой класс, который колеблется. Он отчасти собственник, отчасти труженик. Он не эксплуатирует других представителей трудящихся. Ему десятилетия приходилось с величайшим трудом отстаивать свое положение, он испытал на себе эксплуатацию помещиков и капиталистов, он вынес все, и в то же время он—собственник.

Поэтому наше отношение к этому колеблющемуся классу представляет громадные трудности. Основываясь на нашем более чем годичном опыте, на нашей более чем полугодичной пролетарской работе в деревне, на том, что уже произошло классовое расслоение деревни,—мы больше всего должны остерегаться здесь торопливости, неумелой теоретичности, претензий счесть готовым то, что нами вырабатывается, чего еще мы не выработали. В резолюции, которую предлагает нам комиссия, выбранная секцией, и которую вам прочтет один из дальнейших ораторов, вы найдете достаточное предостережение на этот счет.

С точки зрения экономической ясно, что нам нужно пойти на помощь среднему крестьянству. В этом теоретически нет никакого сомнения. Но при наших нравах, при нашем уровне культурности, при нашем недостатке культурных и технических сил, которые мы могли бы предложить деревне, и при том бессилии, с которым мы часто подходим к деревне,—товарищи очень часто проводят принуждение, чем портят все дело.

Недалеко, как вчера мне один товарищ дал брошюрку, называемую «Инструкция для партийной работы в Нижегородской губ.», издание Нижегородского Комитета Р. К. П. (большевиков),—и в этой брошюрке я читаю, напр., на

стр. 41: «декрет о чрезвычайном налоге должен всей тяжестью лечь на плечи деревенских кулаков, спекулянтов и вообще среднего элемента крестьянства». Вот это можно сказать, что люди «поняли»! Либо это—опечатка, но нетерпимо, чтобы такие опечатки допускались! Либо это—спешная, торопливая работа, которая показывает, как опасна всякая торопливость в этом деле. Либо тут (это самое худшее предположение, которое я не хочу сделать по отношению к нижегородским товарищам), либо тут просто непонимание. Очень может быть, это—просто недосмотр.

На практике происходят такие случаи, как рассказывал один товарищ в комиссии. Его обступили крестьяне, и каждый спрашивал: «Определи, середняк я или нет? У меня две лошади и одна корова. У меня две коровы и одна лошадь» и т. д. И вот этому агитатору, раз'езжающему по всем уездам, необходимо обладать таким безошибочным термометром, чтобы можно было поставить его крестьянину и сказать, середняк он или нет. Для этого надо знать всю историю хозяйства этого крестьянина, отношение его к низам и высшим группам,—а знать этого с точностью мы не можем..

Тут надо много практического умения, знания местных условий. Этого у нас еще нет. Сознаться в этом вовсе не совестно: мы должны открыто это признать. Мы никогда не были утопистами и не воображали, что коммунистическое общество мы будем строить чистенькими руками чистеньких коммунистов, которые должны рождаться и воспитываться в чисто коммунистическом обществе. Это—детские побасенки.

Строить коммунизм мы должны из обломков капитализма, и только тот класс, который закален в борьбе против капитализма, может это сделать. Пролетариат,—вы превосходно это знаете,—не лишен недостатков и слабостей капиталистического общества. Он борется за социализм и вместе с тем борется против своих собственных недостатков. Лучшая передовая часть пролетариата, которая в городах десятилетиями вела отчаянную борьбу,—могла перенимать в этой борьбе всю культуру городской и столичной жизни и в известной степени ее восприняла. Вы знаете, что деревня была осуждена даже в передовых странах на темноту. Конечно, культурность деревни будет нами повышена, но это дело годов и годов. Вот что у нас всюду забывают товарищи и вот что особенно наглядно рисует перед нами каждое слово людей с мест, не здешних интеллигентов, не людей ведомственных,—их мы много слышали,—людей, практически наблюдавших работу в деревне. Вот эти голоса нам были особенно ценны в аграрной секции. Эти голоса особенно ценны теперь, я уверен в этом,—для всего

партийного с'езда, так как взяты они не из книг, не из декретов, а из самой жизни.

Все это побуждает нас работать в том смысле, чтобы внести побольше ясности в наши отношения к среднему крестьянству. Это очень трудно, потому что ясности этой нет в жизни. Этот вопрос не только разрешен, но и неразрешим, если хотя бы решить его сразу и сейчас же. Есть люди, которые говорят: «не нужно было писать такого количества декретов»,—и упрекают Советское правительство за то, что оно взялось за писание декретов, не зная, как их провести в жизнь. Эти люди в сущности не замечают, как они скатываются к белогвардейцам. Если бы мы ожидали, что от написания сотни декретов изменится вся деревенская жизнь, мы были бы круглыми идиотами.

Но если бы мы отказались от того, чтобы в декретах наметить путь, мы были бы изменниками социализму. Эти декреты, которые практически не могли быть проведены сразу и полностью, играли большую роль для пропаганды. Если в прежнее время мы пропагандировали общими истинами, то теперь мы пропагандируем работой. Это—тоже проповедь, но это проповедь действием—только не в смысле одиночных действий каких-нибудь выскочек, над чем мы много смеялись в эпоху анархистов и старого социализма.

Наш декрет есть призыв, но не призыв в прежнем духе: рабочие, поднимайтесь, свергайте буржуазию! Нет, это призыв к массам, призыв их к практическому делу. Декреты это — инструкции, зовущие к массовому практическому делу. Вот что важно. Пусть в этих декретах многое негодно, много такого, что в жизнь не пройдет. Но в них есть материал для практического дела, и задача декрета состоит в том, чтобы научить практическим шагам те сотни, тысячи, миллионы людей, которые прислушиваются к голосу Советской власти. Это—проба практического действия в области социалистического строительства в деревне. Если мы будем так смотреть, тогда из суммы наших законов, декретов и постановлений мы вынесем чрезвычайно много. Мы не будем смотреть на них, как на абсолютные постановления, которые надо во что бы то ни стало, тотчас же, сразу провести.

Надо избегать всего, что могло бы поощрить на практике отдельные злоупотребления. К нам присосались кое-где карьеристы, авантюристы, которые назвались коммунистами и надувают нас, которые полезли к нам потому, что коммунисты теперь у власти, потому что более честные «служилые» элементы не пошли к нам работать вследствие своих отсталых идей, а у карьеристов нет никаких идей, нет никакой честности. Эти люди, которые стремятся только

выслужиться, пускают на местах в ход принуждение и думают, что это хорошо. А на деле это приводит иногда к тому, что крестьяне говорят: «да здравствует Советская власть, но долой коммунию (т.-е. коммунизм)»! Такие случаи не выдуманы, а взяты из живой жизни, из сообщений товарищей с мест. Мы не должны забывать того, какой гигантский вред приносит всякая неумеренность, всякая скоропалительность и торопливость.

Нам нужно было спешить во что бы то ни стало путем отчаянного прыжка выйти из империалистической войны, которая нас довела до краха, нужно было употребить самые отчаянные усилия, чтобы раздавить буржуазию и те силы, которые грозили раздавить нас. Все это было необходимо, без этого мы не могли бы победить. Но если подобным образом действовать по отношению к среднему крестьянству,—это будет идиотизмом, таким тупоумием и такой гибелью дела, что сознательно так работать могут только провокаторы.

Задача должна быть здесь поставлена совсем иначе. Тут речь идет не о том, чтобы сломить сопротивление заведомых эксплуататоров, победить их и низвергнуть,—задача, которую мы ставили раньше. Нет, по мере того, как мы эту главную задачу решили, на очередь, становятся задачи более сложные. Тут насильем ничего не создашь. Насилье по отношению к среднему крестьянству представляет из себя величайший вред. Это — слой многочисленный, многомиллионный. Даже в Европе, где он нигде не достигает такой силы, где гигантски развита техника и культура, городская жизнь, железные дороги, где всего легче было бы думать об этом,—никто, ни один из самых революционных социалистов, никогда не предлагал насильственных мер по отношению к среднему крестьянству.

Когда мы брали власть, мы опирались на все крестьянство целиком. Тогда у всех крестьян была одна задача—борьба с помещиками. Но до сих пор у них осталось предубеждение против крупного хозяйства. Крестьянин думает: «если крупное хозяйство, значит я опять батрак». Конечно, это ошибочно. Но у крестьянина с представлением о крупном хозяйстве связана ненависть, воспоминание о том, как угнетали народ помещики. Это чувство остается, оно еще не умерло.

Больше всего мы должны основываться на той истине, что здесь методами насилия по самой сути дела ничего нельзя достигнуть. Здесь экономическая задача стоит совсем иначе. Здесь нет той верхушки, которую можно срезать, оставив весь фундамент, все здание. Той верхушки, которую в городе были капиталисты, здесь нет. Действо-

вать здесь насиллем, значит погубить все дело. Здесь нужна работа длительного воспитания. Крестьянину, который не только у нас, а во всем мире, является практиком и реалистом, мы должны дать конкретные примеры в доказательство того, что «коммуния» лучше всего. Конечно, не выйдет никакого толку, если в деревне будут появляться скоропалительные люди, которые порхнули туда из города, приехали, покалякали, учинили несколько интеллигентских, а то и не интеллигентских склок, и, расплевавшись, раз'ехались. Это бывает. Вместо уважения, они вызывают насмешку и совершенно законно.

По этому вопросу мы должны сказать, что коммуны мы поощряем, но они должны быть поставлены так, чтобы завоевать доверие крестьянина. А до тех пор мы—учащиеся у крестьян, а не учителя их. Нет ничего глупее, когда люди, не знающие сельского хозяйства и его особенностей, люди, которые бросились в деревню только потому, что они слышали о пользе общественного хозяйства, устали от городской жизни и желают в деревне работать,—когда такие люди считают себя во всем учителями крестьян. Нет ничего глупее, как самая мысль о насилии в области хозяйственных отношений среднего крестьянина.

Задача здесь сводится не к экспроприации среднего крестьянина, а к тому, чтобы учесть особенные условия жизни крестьянина, к тому, чтобы учиться у крестьян способам перехода к лучшему строю и не сметать командовать! Вот правило, которое мы себе поставили.

Вот правило, которое мы постарались изложить в нашем проекте резолюции, ибо в этом отношении, товарищи, мы действительно погрешили немало. Признаться в этом несколько не стыдно. У нас не было опыта. Самая борьба с эксплуататорами взята нами из опыта. Если нас иногда осуждали за нее, то мы можем сказать: «Господа капиталисты, вы в этом виноваты. Если бы вы не оказали такого дикого, такого бессмысленного, наглого и отчаянного сопротивления, если бы вы не пошли на союз с буржуазией всего мира,—переворот принял бы более мирные формы».

Теперь, отразив бешеный натиск со всех сторон, мы можем перейти к иным методам, потому что мы действуем не как кружок, а как партия, ведущая за собой миллионы. Миллионы не могут сразу понять перемены курса и поэтому сплошь да рядом удары, предназначенные для кулаков, попадают на среднего крестьянина. Это не удивительно. Надо только понять, что это вызывается историческими условиями, которые изжиты, и что новые усло-

вия и новые задачи, по отношению к этому классу, требуют новой психологии.

Наши декреты, относительно крестьянского хозяйства в основе правильны. Мы ни от одного из них не имеем оснований отказываться, ни об одном жалеть. Но если декреты правильны, то неправильно навязывать их крестьянину силой. Ни в одном декрете об этом не говорится. Они правильны, как намеченные пути, как призыв к практическим мероприятиям. Когда мы говорим: «поощряйте объединение», мы даем директивы, которые много раз должны быть испробованы, чтобы найти окончательную форму их проведения. Раз сказано, что необходимо добиваться добровольного согласия, значит нужно крестьянина убеждать и нужно убеждать практически. Словами они не дадут себя убедить и прекрасно сделают, что не дадут. Плохо было бы, если бы они давали себя убеждать одним прочтением декретов и агитационными листками. Если бы так можно было переделать экономическую жизнь, вся эта переделка не стоила бы ломаного гроша. Нужно сначала доказать, что такое объединение лучше, объединить людей так, чтобы они действительно объединились, а не расплевались,—доказать, что это выгодно. Так ставит вопрос крестьянин и так ставят вопрос наши декреты. Если мы до сих пор этого добиться не умели, в этом ничего постыдного нет, мы должны это открыто признать.

Мы решили пока только основную для всякого социалистического переворота задачу,—задачу победы над буржуазией. Эту задачу в основном мы решили, хотя сейчас начинается страшно трудное полугодие, когда империалисты всего мира делают последние усилия, чтобы нас задавить. Мы можем теперь сказать, нисколько не преувеличивая, что они сами поняли, что после этого полугодия их дело абсолютно безнадежно. Либо теперь они воспользуются нашим истощением, и победят одну страну, либо мы окажемся победителями не только по отношению к нашей стране, а ко всему миру. В это полугодие, когда продовольственный и транспортный кризисы сгрудились и империалистские державы пыгаются наступать на нескольких фронтах, наше положение чрезвычайно тяжело, но это—последнее тяжелое полугодие.

Необходимо попрежнему напрягать все усилия на борьбу с внешним врагом, который нападает на нас. Но когда мы говорим о задачах деревенской работы, мы должны, несмотря на все трудности, несмотря на то, что весь наш опыт устремлен на непосредственное подавление эксплуататоров,—мы должны помнить и не забывать, что в деревне по отношению к среднему крестьянству, задачи стоят иначе.

Все сознательные рабочие, питерские, иваново-вознесенские, московские, которые бывали в деревне, все рассказывали нам примеры того, что целый ряд недоразумений самых, казалось бы, неустранимых, целый ряд конфликтов, самых, казалось бы, крупных, устранялись и ослаблялись тем, что выступали толковые рабочие, которые говорили не по книжному, а на понятном мужику языке говорили, не как командиры, позволяющие себе командовать, хотя они не знают деревенской жизни, а как товарищи, разъясняющие положение, взывающие к их чувству трудящихся против эксплуататоров. И на этой почве товарищеского разъяснения достигалось то, чего не могли достигнуть сотни других, которые вели себя, как командиры и начальники.

Вот каким духом проникнута вся резолюция, которую мы теперь предлагаем вашему вниманию.

Я пытался в своем кратком докладе остановиться на принципиальной стороне, на общем политическом значении этой резолюции. Я пытался доказать,—и мне хочется думать, что мне удалось доказать,—что с точки зрения интересов всей революции, в целом, у нас нет никакого поворота, нет никакого изменения линии. Белогвардейцы и их помощники кричат или будут кричать об этом. Пусть кричат. Нас это не трогает.

Мы последовательнейшим образом развиваем наши задачи. Нам необходимо от задачи подавления буржуазии перенести наше внимание на задачу устроения жизни среднего крестьянства. Мы должны с ним жить в мире. Среднее крестьянство в коммунистическом обществе только тогда будет на нашей стороне, когда мы облегчим и улучшим экономические условия его жизни. Если бы мы могли дать завтра 100.000 первоклассных тракторов, снабдить их бензином, снабдить их машинистами (вы прекрасно знаете, что пока это—фантазия), то средний крестьянин сказал бы: «я за коммунию» (т.-е. за коммунизм). Но для того, чтобы это сделать, надо сначала победить международную буржуазию, надо заставить ее дать нам эти тракторы, или же надо поднять нашу производительность настолько, чтобы мы сами могли их доставить. Только так будет верно поставлен вопрос.

Крестьянин нуждается в промышленности города, без нее он жить не может, а она в наших руках. Если мы возьмемся за дело правильно, тогда крестьянин будет благодарен нам за то, что мы понесем ему из города эти продукты, эти орудия, эту культуру. Их понесут ему не эксплуататоры, не помещики, а такие же товарищи-труженики, которых он оценит чрезвычайно глубоко. Но ценит практи-

чески, ценит их фактическую помощь, отвергая—и вполне справедливо отвергая командование, «предписания» сверху.

Сначала помогите, потом добивайтесь доверия. Если правильно будет вестись это дело, если правильно будет поставлен каждый шаг каждой нашей группы в уезде, в волости, в продовольственном отряде, в любой организации, если каждый шаг будет внимательно проверен с этой точки зрения,—мы завоюем доверие крестьянина и лишь тогда мы сможем идти дальше. Теперь мы должны дать ему помощь, дать совет. Это не будет приказ командира, а совет товарища. Крестьянин будет тогда вполне за нас.

Вот что, товарищи, содержит наша резолюция, вот что, мне кажется, должно стать решением с'езда. Если мы это примем, если это будет определять всю работу наших партийных организаций, тогда мы справимся и со второй великой задачей, которая перед нами стоит.

Как свергнуть буржуазию, как ее подавлять,—этому мы научились и этим гордимся. Как урегулировать отношения с миллионами среднего крестьянства, каким путем завоевать его доверие,—этого мы не поняли. Это надо сказать открыто, но задачу мы поняли, мы ее поставили и мы говорим себе со всей надеждой, со всем знанием и со всей решительностью: с этой задачей мы справимся, и тогда социализм будет абсолютно непобедим.

ХІ.

НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА.

1. Доклад о деятельности ЦК на X съезде партии.
2. Доклад о замене разверстки налогом.
3. От штурма к осаде.
4. Из речи на XI съезде партии.
5. Речь на пленуме Московского Совета.
6. Лучше меньше, да лучше.

Доклад о деятельности Ц. К. на X съезде партии.

(8 марта 1921 года).

Товарищи! Вопрос о политической работе Центрального Комитета, как вы, конечно, знаете, так тесно сплетается и со всей работой партии, и со всей работой советских учреждений, и со всем ходом революции, что об отчете в точном, в буквальном смысле слова, на мой, по крайней мере, взгляд, не может быть и речи. И я свою задачу понимаю так, чтобы постараться выделить некоторые из важнейших событий, то, что, на мой взгляд, представляет из себя как бы узловые пункты нашей работы и советской политики за этот год, то, что всего характернее из пережитого и что дает больше всего материала для размышления о причинах хода революции, о значении сделанных ошибок,—а их сделано не мало,—и об уроках на будущее время. Ибо как ни естественна задача дать отчет за прошлый год, как ни обязательна она для Ц. К., как она ни интересна для партии сама по себе—задачи борьбы, предстоящей и развертывающейся перед нами, так неотложны, тяжелы, трудны, так давят всей своей тяжестью на нас, что все внимание невольно устремляется именно на то, как из пережитого сделать надлежащие выводы и как лучше разрешать захватывающие все наше внимание задачи настоящего и ближайшего времени.

Из тех узловых пунктов нашей работы, которые за этот год больше всего обращают на себя внимание, и с которыми связано на мой взгляд больше всего наших ошибок, первым является переход от войны к миру. Вероятно, все вы, или, по крайней мере, большинство из вас, помните, что мы этот переход делали уже несколько раз за три с половиной года и ни разу его не совершили, и сейчас, видимо, его не совершим, потому что слишком глубоко жизненные интересы международного капитализ-

ма связаны с тем, чтобы этот переход не допустить. Я помню, еще в апреле 1918 год, т.-е. три года тому назад, мне пришлось перед ВЦИК говорить о наших задачах, которые тогда формулировались так, что главное в войне гражданской окончено, тогда как в действительности она только начиналась. Вы все помните, что на предыдущем партийном съезде мы все свои расчеты строили на этом переходе к мирному строительству, полагая, что огромные уступки, которые мы в то время делали Польше, обеспечат нам мир. Но уже в апреле началось наступление польской буржуазии, которая вместе с империалистами капиталистических стран истолковала наше миролюбие, как нашу слабость, за что жестоко и поплатилась, получив мир более невыгодный. Но мы переходя к мирному строительству не получили, и нам вновь пришлось главное внимание обращать на войну с Польшей и впоследствии—на ликвидацию Врангеля. Вот что определяло содержание нашей работы за отчетный год. Опять вся наша работа подвинулась к военным задачам.

Затем начался переход от войны к миру, когда нам удалось добиться, что ни одного солдата вражеских армий на территории РСФСР не осталось.

Этот переход потребовал таких потрясений, которые далеко и далеко не были нами учтены. Несомненно, здесь одна из главных причин той суммы ошибок, неправильностей, которые мы в нашей политике за это отчетное время сделали и от которых мы сейчас страдаем. Демобилизация армии, которую пришлось создавать в стране, вынесшей неслыханной тяжести напряжение, которую приходилось создавать после нескольких лет империалистической войны, демобилизация армий, перевозка которой, при наших транспортных средствах, стоила невероятных трудностей, в момент, когда к этому прибавились голод, вызванный неурожаем, и недостаток топлива, в значительной степени приостановивший транспорт,—эта демобилизация поставила нас, как мы теперь видим, перед задачами далеко и далеко не оцененными. Здесь в значительной степени кроется целый ряд источников кризисов: и хозяйственного, и социального, и политического. Еще в конце прошлого года мне приходилось указывать, что одной из главных трудностей предстоящей весны будут трудности, связанные с демобилизацией армии. Мне приходилось указывать на это и 30 декабря, на большой дискуссии, в которой, вероятно, многие из вас были участниками. Я должен сказать, что размер этих трудностей мы тогда едва ли себе представляли; мы не видели тогда еще, до какой степени здесь будут не только технические трудности, но до какой степени все

бедствия, обрушившиеся на советскую республику, измученную и прежней империалистической и новой гражданской войной, обостряются именно при демобилизации. В некоторой степени правильно будет сказать, что именно при демобилизации они обнаружатся в большей степени. Страна несколько лет напрягалась исключительно для военных задач, поддерживала эти задачи всем, не жалела ничего из последних своих остатков, скудных резервов и ресурсов на эту цель,—и только по окончании войны мы увидели всю ту степень разорения и нищеты, которые надолго осуждают нас на простое только излечение ран. Но мы не можем перейти целиком даже к излечению этих ран. Технические трудности демобилизации армии в значительной степени показывают всю глубину разорения, из которой вытекает, помимо прочего, неизбежный ряд кризисов экономического и социального характера. Война приучила нас, всю нашу страну, сотни тысяч людей, только к военным задачам.

Несомненно, ошибкой Ц. К. было то, что размер этих трудностей, связанных с демобилизацией, не был учтен. Конечно, надо сказать, что для этого учета опорных пунктов быть не могло, ибо гражданская война была так трудна, что тут единственным правилом было: все для победы на фронте гражданской войны и—только. При соблюдении этого правила и при том неслыханном напряжении сил, которое Красная армия в борьбе с Колчаком, Юденичем и др. проявила, мы только и могли достигнуть победы над вторгавшимися в Россию империалистами.

От этого основного обстоятельства, определяющего целый ряд ошибок и обостряющего кризис, я хотел бы перейти к тому, как в работе партии и в борьбе всего пролетариата обнаружился целый ряд еще более глубоких несоответствий, неправильностей учета или плана,—и не только неправильностей плана, но и неправильностей в определении соотношения между силами нашего класса и тех классов, с которыми он в сотрудничестве, а иногда и в борьбе, должен решать судьбы республики.

Обратимся с этой точки зрения к итогам пережитого: это такие разнородные явления, как ход нашей польской войны, вопросы продовольствия и топлива. При нашем наступлении, слишком быстром продвижении почти что до Варшавы, несомненно, была сделана ошибка. Я сейчас не буду разбирать, была ли это ошибка стратегическая или политическая, ибо это завело бы меня слишком далеко; я думаю, что это должно составлять дело будущих историков, а тем людям, которым приходится в трудной борьбе про-

должать отбиваться от всех врагов, не до того, чтобы заниматься историческими изысканиями. Но во всяком случае ошибка налицо, и эта ошибка вызвана тем, что перевес наших сил был переоценен нами. Насколько этот перевес сил зависел от экономических условий, насколько он зависел от того, что польская война пробудила патриотические чувства даже среди мелкобуржуазных элементов, вовсе не пролетарских, вовсе не сочувствующих коммунизму, не поддерживающих диктатуру пролетариата безусловно, а иногда, надо сказать, и вообще не поддерживающих ее,—разбираться в этом было бы слишком сложно. Но факт налицо, в польской войне мы совершили известную ошибку.

А если возьмем такую область работы, как работа продовольственная, то мы видим аналогичную ошибку. В отношении разверстки и ее сбора отчетный год был несравненно благоприятнее предыдущего. В этом году сумма собранного хлеба переходит за 250 милл. пудов. К 1 февраля считалось собранным 235 милл. пудов, тогда как за весь прошлый год было собрано 210 пуд.; значит, за гораздо меньшую часть года сбор превысил полностью предыдущий год. И оказалось, однако, что из этих 235 милл., собранных по 1 февраля, мы израсходовали в первое полугодие около 155 милл., т.е. в среднем по 25 милл. пудов в месяц или даже больше. Конечно, в общем надо признать, что мы не сумели правильно распределить наши ресурсы, когда они оказались лучшими, чем ресурсы прошлого года. Мы не сумели правильно оценить всей опасности надвигающегося на весну кризиса и поддались естественному стремлению увеличить выдачу голодающим рабочим. Конечно, надо сказать и здесь, что опорного пункта для расчетов у нас не было. Во всех капиталистических государствах, несмотря на анархию, несмотря на хаос, свойственный капитализму, опорным пунктом для расчетного хозяйственного плана является опыт десятилетий, опыт, который могут сравнивать капиталистические государства, однородные по своему экономическому строю и отличающиеся лишь в частности. Из этого сравнения может быть выведен действительно научный закон, известная закономерность и правильность. У нас ничего подобного этому опыту для такого подсчета не было и быть не может, и совершенно естественно, что, когда представилась возможность по окончании войны дать, наконец, изголодавшемуся населению побольше, то мы сразу не могли установить должной меры. Ясно, что мы должны были бы умерить увеличение выдачи и насчет этого умерения создать известный резервный фонд на черный день, который должен был наступить весной и который наступил.

Этого мы не сделали. Опять-таки тут ошибка, и такого рода, которая свойственна была всей нашей работе, ошибка, которая показывает, что переход от войны к миру поставил нам целый ряд таких задач и трудностей, для преодоления которых ни опыта, ни подготовки, ни нужного материала не было, и, таким образом, получилось чрезвычайное усиление, обострение и ухудшение кризиса.

Нечто аналогичное, несомненно, было и с топливом. Это—основной вопрос хозяйственного строительства. Весь переход от войны к миру, весь переход к хозяйственному строительству (о чем говорилось на предыдущем съезде партии и что составляло главную заботу и главное внимание всей политики за отчетный год),—все это, конечно, не могло не базироваться и не основываться на учете добычи топлива и его правильном распределении. Без этого ни о преодолении трудностей, ни о восстановлении промышленности не может быть и речи. Что мы в этом отношении находимся в лучших условиях, чем в прошлом году, это ясно. Прежде мы были отрезаны от угольного и нефтяного районов. После побед Красной армии мы уголь и нефть получили. Во всяком случае, размер топливных ресурсов был увеличен. Мы знаем, что те топливные ресурсы, с которыми мы в отчетный год входили, были больше, чем прежде. И на этой почве увеличения наших топливных ресурсов мы сделали ошибку, пустивши сразу топливо в такое широкое развертывание, которое исчерпало эти топливные ресурсы, и очутились перед топливным кризисом раньше, чем перевели все на правильную работу. По всем этим вопросам здесь вам будут сделаны специальные доклады, и я здесь не могу даже приблизительно представить вам тех данных, которые имеются по этому вопросу. Но, во всяком случае, учитывая опыт прошлого, мы должны сказать, что ошибка эта связана с неправильным представлением о положении вещей и с быстротой перехода от войны к миру. Оказалось, что этот переход возможен только гораздо медленнее, чем мы себе представляли. Нужна гораздо более длительная подготовка, более медленный темп,—вот урок, который мы за этот год пережили, урок, который партии в целом надо будет сугубо и сугубо усвоить, чтобы определить наши основные задачи на будущий год и чтобы этих ошибок в дальнейшем избежать.

Несомненно, при этом надо сказать, что обострились эти ошибки и особенно обострились вытекающие из них кризисы в силу неурожая. Если я указал на то, что продовольственная работа дала нам за отчетный год несравненно лучшие продовольственные ресурсы, то надо сказать, что в этом тоже лежал один из главнейших источни-

ков кризисов, потому что в силу неурожая, повлекшего громадную бескормицу, падеж скота и разорение крестьянского хозяйства, центр этих продовольственных разверсток сосредоточен был в тех местностях, где излишки хлеба не были очень велики. Излишки эти гораздо больше на различных окраинах республики: в Сибири, на Северном Кавказе, но именно там всего меньше был налажен советский аппарат, именно там советская власть была менее устойчива, и отсюда был очень затруднен транспорт. Получилось так, что увеличенные продовольственные ресурсы мы собрали из наименее урожайных губерний, и этим кризис крестьянского хозяйства чрезвычайно обострился.

Опять-таки здесь мы ясно видим, что у нас не было надлежащей правильности в учете. Но, с другой стороны, мы были в таком стесненном положении, что у нас не было никакого выбора. Страна, выдержавшая после разорительной империалистической войны такую штуку, как многолетняя гражданская война, конечно, не могла существовать иначе, как отдавая все свои силы на фронт. И, конечно, будучи разорена, страна не могла иначе поступать, как брать продовольственные излишки с крестьянства, хотя бы даже не возмещая их никакими другими средствами. Это было необходимо, чтобы спасти страну, армию и рабоче-крестьянскую власть. Мы говорили крестьянам: «конечно, вы даете свой хлеб в ссуду рабоче-крестьянскому государству, но иначе вы спасти свое государство от помещиков и капиталистов не можете». Мы не могли поступать иначе в тех условиях, которые нам навязывали империалисты и капиталисты своей войной. У нас другого выбора не было. Но эти обстоятельства привели нас к тому, что крестьянское хозяйство, после продолжавшейся так долго войны, так ослабело, что неурожай оказался и на почве понижения засева, и ухудшения средств производства, и понижения урожайности, и недостатка рабочей силы и т. д. Неурожай оказался громаднейший, и лучший, чем все-таки мы ожидали, сбор продовольственных излишков оказался спутником такого обострения кризиса, который, может быть, готврит нам еще большие трудности и бедствия в предстоящие месяцы. Это обстоятельство надо внимательно учесть при анализе того, что мы за отчетный год в политике пережили, и какие политические задачи мы должны поставить себе на новый год. Отчетный год оставил следующему году все те же неотложные задачи.

Пока я перейду теперь к другому пункту, совершенно из иной области—к дискуссии о профсоюзах, которая от-

няна у партии так много времени. Мне сегодня пришлось уже об этом говорить, и разумеется, я мог только осторожно сказать, что едва ли многие из вас не оценят эту дискуссию, как непомерную роскошь. От себя же лично я могу добавить, что, на мой взгляд, эта роскошь была действительно совершенно непозволительной, и что, допустив такую дискуссию, мы, несомненно, сделали ошибку. Не видя того, что мы в этой дискуссии выпятили на первое место вопрос, который по объективным условиям не может стоять на первом месте, что мы пустились роскошествовать, не видя того, до какой степени мы отвлекаем внимание от насущного и грозного, лежащего так близко перед нами, вопроса о том же самом кризисе. Каковы же действительные результаты этой дискуссии, отнявшей так много месяцев и едва ли не надоевшей большинству из присутствующих? Об этом вы будете иметь специальные доклады, но мне хотелось бы обратить внимание в своем отчете на одну сторону дела,—именно на то, что тут оправдалась, несомненно, одна пословица: «нет худа без добра».

К сожалению, худа оказалось немного много, а добра немного мало (смех). Но добро все же было: оно состояло в том, что, потеряв время, отвлекши внимание наших партийных товарищей от насущных задач борьбы с той мелкобуржуазной стихией, которая нас окружает, мы всетаки научились распознавать некоторые взаимоотношения, которых мы раньше не видели. Добро получилось в том, что партия не могла в этой борьбе кое-чему не научиться. Хотя мы все знали, что, как правящая партия, мы не могли не сливать с верхами партийными—верхи советские, они у нас слиты и будут таковыми,—но партия получила в этой дискуссии известный урок, который необходимо учесть. За одну платформу голосовали по преимуществу верхи партии. Платформы, которые назывались иногда «платформами рабочей оппозиции», иногда как-нибудь иначе, оказались представляли явно-синдикалистский уклон. И это не мое личное мнение, а мнение громадного большинства присутствующих (голоса: «Правильно»).

Партия показала себя в этой дискуссии настолько зрелой, что, видя некоторое шатание верхов, видя, что верхи говорят: «мы не сошлись, разберите нас»,—она мобилировалась для этой задачи быстро, и громаднейшее большинство наиболее значительных партийных организаций быстро отвечало нам: «мы имеем мнение, и мы его вам скажем».

В этой дискуссии мы получили ряд платформ. Их было так много, что я, например, хотя по должности и обязан был их читать, боюсь, что погрешил и не все их прочел.

(Смех). Я не знаю, все ли присутствующие были так свободны, чтобы их читать, но во всяком случае надо сказать, что этот синдикалистский и, до известной степени, даже полуанархический уклон, который обнаружился, дает много материала, чтобы подумать над этим. Мы на несколько месяцев оказались столь роскошествующими, что увлекались изучением оттенков мнений. Между тем, демобилизация армии обостряла экономический кризис. Эта дискуссия должна была помочь нам понять, что наша партия, как партия, достигающая, примерно, не менее полумиллиона и перевалившая даже за полмиллиона членов, стала массовой партией, во-первых, партией правительственной—во-вторых, и что, будучи партией массовой, отражает частью кое-что такое, что происходит вне ее рядов. Это очень и очень важно понять. Не страшен был бы небольшой синдикалистский или полуанархический уклон,—партия быстро и решительно его осознала бы и взялась бы его исправить. Но если он связан с гигантским преобладанием в стране крестьянства,—тогда не время спорить о теоретических уклонах. И мы должны из этого извлечь надлежащий урок, и политический отчет Ц. К. добавить, укрепить, закрепить и превратить это в обязательство для партии, в закон. Обстановка спора становится в величайшей степени опасной. Некоторые товарищи, с которыми мне приходилось встречаться и спорить на дискуссии, когда я несколько месяцев тому назад говорил: «Смотрите, тут есть угроза господству рабочего класса!» говорили: «Это способ запугивания, вы нас терроризируете». Я несколько раз должен был выслушивать эту приклею к своим замечаниям,—что я кого-то терроризирую,—и я отвечал на это, что было бы смешно с моей стороны терроризировать старых революционеров, видевших всяческие испытания. Но когда вы видите, во что трудности демобилизации разворачиваются, теперь не может быть спора о том, что тут не было не только терроризирования, и даже неизбежного в споре увлечения, а было совершенно точное указание на то, что нам нужна сплоченность, выдержка и дисциплина—не только потому, что без этого пролетарская партия не может дружно работать, но потому, что весна принесла и принесет еще такие трудные условия, в которых действовать без максимальной сплоченности мы не можем. Эти два главных урока, я думаю, мы все-таки из дискуссии извлечем сумеем. И поэтому, мне кажется, нужно сказать, что если мы пороскоществовали и дали миру удивительный образец того, как партия, поставленная в труднейшие условия отчаянной борьбы, проявляет неслыханное внимание к деталям выяснения отдельных подробностей платформ, то мы сделаем из этого политический вывод, не

только вывод, указывающий на ту или иную ошибку, а вывод политический, касающийся отношения между классами, между рабочим классом и крестьянством, и это при условии неурожая и кризиса, при условии разорения и демобилизация, в которых мы оказались. Отношения не те, что мы думали. Отношения эти требуют от пролетариата неизмеримо большей сплоченности и сосредоточения сил, отношения эти представляют при диктатуре пролетариата опасность, во много раз превышающую всех Деникиных, Колчаков и Юденичей, сложенных вместе. На этот счет не должно быть ни у кого заблуждений, ибо оно было бы самым роковым! Трудности, пронстекающие от этой мелкобуржуазной стихии, большие, и чтобы их преодолеть, нужна большая сплоченность,—и не только формальная,—нужна единая, дружная работа, единая воля, ибо только с такой волей пролетарской массы может пролетариат в крестьянской стране осуществить гигантские задачи своей диктатуры.

Помощь из западно-европейских стран идет, но она не приходит так быстро. Она идет и возрастает.

На утреннем заседании я уже указал, что одним из крупнейших факторов за отчетный период—это тоже стоит в тесной связи с деятельностью Ц. К.—является организация 2-го с'езда Коминтерна. Конечно, международная революция теперь, по сравнению с прошлым годом, сделала большой шаг вперед. Конечно, Коммунистический Интернационал, который во время прошлогоднего с'езда не существовал иначе, как в форме прокламаций, стал существовать теперь, как самостоятельная партия в каждой стране, и не только, как передовая партия,—коммунизм стал центральным вопросом всего рабочего движения в целом. В Германии, Франции и Италии Коммунистический Интернационал стал не только центром рабочего движения, но центром внимания всей политической жизни этих стран. Нельзя было осенью взять в руки немецкую или французскую газету без того, чтобы не видеть, как там склоняют Москву и большевиков, какими прилагательными нас награждают и как делают из большевиков и 21 условия приема в III Интернационал центральный вопрос всей их собственной политической жизни. Это наше завоевание, и этого никто не может у нас отнять! Это показывает, как международная революция нарастает и, параллельно, экономический кризис в Европе обостряется. Но, во всяком случае, если бы мы из этого сделали предположение, что вообще в короткий срок помощь придет оттуда в виде прочной пролетарской революции, то мы просто были бы сумасшедшими, и в этом зале я уверен таких людей нет. Мы научились за три года понимать, что ставка на между-

народную революцию не значит—расчет на определенный срок, и что темп развития, становящийся все более быстрым, может принести к весне революцию, а может и не принести. И поэтому мы должны уметь так сообразовать свою деятельность с классовыми соотношениями внутри нашей страны и других стран, чтобы мы длительное время были в состоянии диктатуру пролетариата удерживать и, хотя бы постепенно, излечивать все те беды и кризисы, которые на нас обрушиваются. Только такая постановка вопроса будет правильной и трезвой.

Теперь я перейду к одному пункту, который касается деятельности Ц. К. за текущий год и подходит близко к задачам, стоящим перед нами. Это вопрос о сношениях с заграницей.

До IX съезда партии наше внимание и все наши усилия были направлены на то, чтобы добиться перехода от отношений войны с капиталистическими странами к отношениям мирным и торговым. Мы предприняли для этого всякого рода дипломатические шаги и оказались победителями против, несомненно, крупных дипломатов. Когда, например, представители Америки или представители Лиги Наций предлагали нам на известных условиях прекращение военных действий против Деникина, Колчака, они думали, что мы попадем в трудные условия. На самом же деле они оказались в трудных условиях, а мы дипломатически одержали громадную победу. Они оказались одураченными, вынужденными взять обратно свои условия, что потом было разоблачено во всей дипломатической литературе и прессе всего мира. Но удовлетворяться дипломатической победой для нас слишком мало. Нам нужны настоящие торговые сношения, а не только дипломатические победы. Но только за этот год дело стало подходить к тому, что торговые сношения начали несколько развиваться. Стал вопрос о торговых сношениях с Англией.. Польская война отбросила нас далеко в этом отношении. Англия уже готова была подписать торговое соглашение. Английская буржуазия хотела этого соглашения, английские придворные круги его не желали, срывали; польская война оттянула соглашение. Получилось так, что дело не решено до сих пор...

В связи с этим стоит вопрос о концессиях. За истекший год мы занимались этим вопросом больше, чем прежде. 23 ноября вышел декрет Совета Народных Комиссаров, который изложил вопрос о концессиях в форме, наиболее приемлемой для заграничных капиталистов. Когда в партийных кругах возникли некоторые недоразумения по этому вопросу, или неполное понимание его, был проведен ряд со-

браний ответственных работников, на которых этот вопрос дискуссировался. В общем и целом он не вызвал разногласий, хотя протестов со стороны рабочих и крестьян мы слышали не мало. Говорили так: «прогнали, мол, своих капиталистов, а теперь хотят призвать капиталистов иностранных». Насколько эти протесты были бессознательны, насколько тут звучал расчет кулацкой или прямо капиталистической части беспартийных, которые считают, что им принадлежит законное право быть в России капиталистами и притом капиталистами с властью, а не так, чтобы иностранный капитал был привлечен без власти,—насколько то или другое играло здесь роль, на этот счет в Ц. К. никаких статистических данных, конечно, не имелось, да и вообще вряд ли какая-либо статистика в мире могла это учесть и выяснить. Но мы, во всяком случае, с этим декретом делали шаг к тому, чтобы завязать концессионные отношения...

Ц. К. в своем большинстве стал на точку зрения необходимости этих концессий, и эту точку зрения мы будем просить вас подкрепить своим авторитетом. Этот союз с государственными трестами других передовых стран совершенно необходим для нас, вследствие того, что наш экономический кризис так глубок, что своими силами восстановить разрушенное хозяйство без оборудования и технической помощи из-за границы мы не сможем. Простой привоз этого оборудования недостаточен. Можно сдать концессии на более широких началах, чтобы обеспечить себя постановкой оборудования по последнему слову техники. Таким образом, мы сможем хотя немного догнать, хотя на четверть или наполовину, современные передовые синдикаты стран. Что мы без этого будем находиться в очень тяжелом положении и без колоссальнейшего напряжения всех наших сил их не нагоним,—в этом не может сомневаться никто, кто хотя сколько-нибудь трезво смотрит на настоящее положение. Переговоры с некоторыми из величайших всемирных трестов уже начаты. Разумеется, с их стороны это не простая услуга нам: они делают это только ради необ'ятных барышей. Современный капитализм,—это не прежний капитализм эпохи нормального времени: он берет сотни %! прибыли, пользуясь монопольным положением на мировом рынке. Конечно, нам обойдется очень дорого такая вещь. Но иной возможности подтянуть свою технику у нас нет.

Первого февраля 1921 г. Совнарком принял решение о закупке за границей 18.500.000 пудов угля, так как тогда уже обрисовался наш топливный кризис. Нам придется идти на еще большие уступки для закупки предметов потребления для крестьян и рабочих.

Теперь я хочу остановиться на событиях в Кронштадте. Я не имею еще последних новостей из Кронштадта, но не

сомневаюсь, что это восстание, быстро выявившее нам знаковую фигуру белогвардейских генералов, будет ликвидировано в ближайшие дни. В этом сомнения быть не может. Но нам необходимо взвесить обстоятельно политические и экономические уроки этого события.

Что оно означает? Переход политической власти от большевиков к какому-то неопределенному конгломерату или союзу разношерстных элементов, как будто бы даже немножко только правее большевиков, а может быть, даже и левее большевиков. Настолько неопределенна та сумма политических группировок, которая в Кронштадте попыталась взять власть в свои руки. Несомненно, что в то же время белые генералы, вы все это знаете, играли тут большую роль. Это вполне доказано. За две недели до кронштадских событий в парижских газетах уже печаталось, что в Кронштадте восстание. Совершенно ясно, что тут работа эс-эров и заграничных белогвардейцев, и что вместе с тем движение это свелось к мелко-буржуазной контр-революции, к мелко-буржуазной анархической стихии. Это уже нечто новое. Это обстоятельство, поставленное в связи со всеми кризисами, надо очень внимательно политически учесть и очень обстоятельно разобрать. Тут проявилась стихия мелко-буржуазная, демократическая, с лозунгами свободной торговли и всегда направления против диктатуры пролетариата. Но беспартийные элементы служили здесь только подножкой, ступенькой, мостиком, по которому явились белогвардейцы. Это неизбежно политически. Мы видели мелко-буржуазные, анархические элементы в русской революции, мы с ними боролись десятки лет. С февраля 1917 года мы видели эти мелко-буржуазные элементы в действии, во время великой революции, и мы видели попытки мелко-буржуазных партий заявить, что они в своей программе мало расходятся с большевиками, но только осуществляют ее другими методами. Мы знаем из опыта не только октябрьского переворота, мы знаем это из опыта окраин, различных частей, входивших в состав прежней Российской империи, где на смену Советской власти приходили представители другой власти. Вспомним демократический комитет в Самаре! Все они приходили с лозунгами равенства, свободы, Учредилки, и они не один раз, а много раз оказывались простой ступенькой, мостиком для перехода к белогвардейской власти. Опыт всей Европы показывает на деле, чем оканчивается попытка сесть между двух стульев. Мы должны внимательно присмотреться к этой мелко-буржуазной контр-революции, которая выдвигает лозунги свободы торговли.

Мы должны понять, что в условиях кризиса крестьянского хозяйства мы не можем существовать иначе, как апеллируя к этому крестьянскому хозяйству для помощи городу и деревне. Мы должны помнить, что буржуазия старается восстановить крестьянство против рабочих, старается восстановить против них мелко-буржуазную анархическую стихию под лозунгами рабочих. Тут политические затруднения налицо, и они требуют от правительственной партии коммунистов, от руководящих революционных элементов пролетариата, несомненно, не такого отношения, которое сплошь и рядом нами за этот год было показано. Эти затруднения требуют, несомненно, большей сплоченности, несомненно, большей дисциплины, несомненно, более дружной работы! Без этого невозможно справиться с теми затруднениями, которые нам принесла судьба.

А дальше стоят вопросы экономические. Что значит этот лозунг свободы торговли, выдвигаемый мелко-буржуазной стихией? Он показывает, что в отношениях пролетариата и мелких земледельцев есть такие трудные проблемы, есть такие задачи, которые мы еще не решили. Я говорю об отношениях победоносного пролетариата к мелким хозяевам, когда пролетарская революция развертывается в стране, где пролетариат в меньшинстве, где большинство мелко-буржуазное. Роль пролетариата в такой стране заключается в руководстве переходом этих мелких хозяев к обобществленному, коллективному, общинному труду. Это теоретически несомненно. Этому переходу мы коснулись в целом ряде законодательных актов, но мы знаем, что дело не в законодательных актах, а в практическом осуществлении, и мы знаем, что это можно обеспечить, когда имеешь сильнейшую крупную промышленность, способную дать мелкому производителю такие блага, что он увидит на практике преимущества этого крупного хозяйства.

Так теоретически ставили всегда вопрос марксисты и все социалисты, размышлявшие о социальной революции и ее задачах. А у нас именно та первая особенность, о которой я говорил и которая России свойственна в максимальной степени: мы имеем не только меньшинство, но и значительное меньшинство пролетариата и огромное большинство крестьянства. А условия, в которых нам пришлось защищать революцию, сделали то, что разрешение наших задач оказалось неслыханно трудным. Показать все преимущества крупного производства на практике мы не могли, ибо это крупное производство разрушено, ибо ему самому приходится вести самое

жалкое существование и восстанавливать его можно только путем возложения жертв на этих же самых мелких земледельцев. Нужно поднятие промышленности, а для этого нужно топливо, а раз нужно топливо, нужно рассчитывать на дрова, а рассчитывать на дрова—значит рассчитывать на крестьянина и его лошадь. В условиях кризиса, бескормицы и падежа скота крестьянин должен оказывать кредит Советской власти—во имя крупной промышленности, от которой он пока ничего не получает. Вот та экономическая обстановка, которая создает громадные трудности, вот та экономическая обстановка, которая заставляет вникнуть в условия перехода от войны к миру с более глубокой точки зрения. Мы не можем хозяйничать во время войны иначе, как говоря крестьянам: «необходимо дать ссуду рабоче-крестьянскому государству для того, чтобы оно могло выйти из тяжелого положения». Когда мы все внимание направляем на восстановление хозяйства, мы должны знать, что перед нами мелкий земледелец, мелкий хозяин, мелкий производитель, работающий на товарный оборот до полной победы крупного производства, до его восстановления, а это восстановление невозможно на старой базе. Это дело многих лет, не меньше, чем десятилетия, а при разоренности нашей, вероятно, и больше. До тех пор долгие годы мы с этим мелким производителем должны будем иметь дело, как с таковым, и лозунг свободной торговли будет неизбежным. Не в том опасность этого лозунга, что он прикрывает белогвардейские и меньшевистские стремления, а в том, что он может получить распространение, несмотря на ненависть той же крестьянской массы к белогвардейцам. Потому он и будет получать распространение, что он отвечает экономическим условиям существования мелкого производителя. Исходя из этого рода соображений, Ц. К. и принял решение и открыл дискуссию по вопросу о замене разверстки налогом, а сегодня прямо поставил этот вопрос на с'езде, что вы и одобрили сегодняшним решением. Вопрос о налоге и разверстке в законодательстве у нас поставлен давно, еще с конца 1918 года. Закон о налоге значится от 30 октября 1918 года. Он был принят—этот закон, вводящий натуральный налог с земледельцев, но в жизнь он не вошел. За его объявлением последовало в течение нескольких месяцев несколько инструкций, и он остался у нас непримененным. С другой стороны, взятие с крестьянских хозяйств излишков означало такую меру, которая в силу военных обстоятельств была нам навязана с абсолютной необходимостью, но которая сколько-нибудь мирным условиям существования крестьянского хозяйства не отвечает. Ему нужна уверенность, что

он столько-то отдает, а столько-то может употребить для своего мелкого оборота.

Все наше хозяйство, как в целом, так и в отдельных частях, было насквозь проникнуто условиями военного времени. Считаясь с ними, мы должны были ставить своей задачей сбор определенного количества продовольствия, не считаясь совершенно с тем, какое это займет место в общественном обороте. Теперь, когда мы от вопроса войны переходим к вопросам мира, мы на натуральный налог начинаем смотреть иначе: мы смотрим не только с точки зрения обеспечения государства, а также с точки зрения обеспечения мелких земледельческих хозяйств. Мы должны понять те экономические формы возмущения мелкой сельско-хозяйственной стихии против пролетариата, которые обнаружили себя и которые обостряются при настоящем кризисе. Мы должны постараться сделать максимум возможного в этом отношении. Это дело самое важное для нас. Дать крестьянину возможность известной свободы в местном обороте, перевести разверстку на налог, чтобы мелкий хозяин мог лучше рассчитывать свое производство и соответственно с налогом устанавливать размер своего производства. Разумеется, мы знаем, что в обстановке, которая окружает нас,—это вещь очень трудно осуществимая. Площадь посева, урожайность, средства производства, все это сократилось, излишки стали, несомненно, меньше, и в очень многих случаях их вовсе нет. С этими условиями надо считаться, как с фактом. В общегосударственном масштабе это вещь вполне понятная, но чтобы ее понял распыленный, обнищавший крестьянин—мы на это не рассчитываем. И мы знаем, что без принуждения здесь не обойдешься, без принуждения, на которое разоренное крестьянство реагирует очень сильно. Не надо думать также, что эта мера избавит нас от кризиса. Но в то же время мы ставим своей задачей максимум уступок, чтобы доставить мелкому производителю наилучшие условия для проявления своих сил. До сих пор мы приноравливались к задачам войны. Теперь мы должны приноравливаться к условиям мирного времени. Эта задача перед Ц. К. встала—и она тесно связана с концессиями, это задача перехода к натуральному налогу при условии существования пролетарской власти. Эта задача будет вами специально обсуждаться, и она требует к себе особого внимания. Пролетарская власть посредством концессий может обеспечить себе соглашение с капиталистическими государствами передовых стран, и от этого соглашения зависит усиление нашей промышленности, без чего мы не можем двинуться дальше по пути к коммунистическому строю; с другой стороны, в этот переходный пе-

риод, в стране с пробладанием крестьянства, мы должны суметь перейти к мерам экономического обеспечения крестьянства, максимуму мер для облегчения его экономического положения. Пока мы его не переделали, пока крупная машина его не переделала, надо обеспечить ему возможность свободы хозяйничать. Положение, которое мы сейчас переживаем—межеумочное, наша революция существует в окружении капиталистических стран. Пока мы в таком межеумочном положении, мы вынуждены искать чрезвычайно сложных форм взаимоотношений. Мы, придавленные войной, не могли сосредоточить свое внимание на том, как поставить экономические взаимоотношения между пролетарской государственной властью, имеющей в своих руках крупное производство, неслыханно разоренное, и как найти формы сожителства с мелкими земледельцами, которые, пока остаются мелкими земледельцами, не могут жить без обеспечения мелкого хозяйства известной системой оборота. Я считаю этот вопрос самым важным вопросом экономики и политики для Советской власти в настоящее время. Я считаю, что этот вопрос подведет политические итоги нашей работы, когда мы закончили период военный и начали в отчетный год осуществлять переход на мирное положение.

Этот переход связан с такими трудностями, так ясно обрисовал эту мелко-буржуазную стихию, что нужно смотреть на нее трезво. Мы смотрим на этот ряд явления с точки зрения классовой борьбы и мы никогда не заблуждались насчет того, что отношения пролетариата к мелкой буржуазии—вопрос трудный, требующий для победы пролетарской власти сложных мер, или, вернее сказать, целую систему сложных переходных мер. Из того, что мы в конце 1918 года издали декрет о натуральном налоге, видно, что вопрос этот перед сознанием коммунистов стоит, но что мы не могли осуществить его, благодаря военным обстоятельствам. Нам пришлось в состоянии гражданской войны переходить к мерам военного времени. Но было бы величайшей ошибкой, если бы мы сделали отсюда тот вывод, что только такого рода меры и отношения возможны. Когда переход к миру осуществляется в условиях экономического кризиса, надо вспомнить, что осуществить строительство пролетарского государства в стране с крупным производством легче, чем в стране, в которой преобладает мелкое производство. Эта задача требует целого ряда подходов, и мы несколько не закрываем глаза на эти трудности и не забываем, что одно дело—пролетариат, и другое дело—мелкое производство.

Мы не забываем, что есть разные классы, что мелкобуржуазная анархическая контр-революция есть политическая ступень к белогвардейщине. Мы должны смотреть на это прямо, трезво, сознавая, что здесь необходима, с одной стороны, максимальная сплоченность, выдержка и дисциплина внутри пролетарской партии, с другой стороны, необходим целый ряд экономических мер, которые мы осуществить пока не могли, благодаря военным обстоятельствам. Мы должны признать необходимыми концессии, закупку машин и орудий для удовлетворения сельского хозяйства, чтобы пустив их в обмен на хлеб, восстановить такие отношения между пролетариатом и крестьянством, которые обеспечивают существование его в обстановке мирного времени. Я надеюсь, что к этому мы еще вернемся, и я повторяю, что на мой взгляд, мы здесь имеем дело с важным вопросом, и истекший год, который должен быть охарактеризован, как переход от войны к миру, ставит нас перед задачами в высшей степени трудными.

В заключение я скажу только два слова о том вопросе борьбы с бюрократизмом, который занял у нас так много времени. Еще летом прошлого года этот вопрос был поставлен в Ц. К., в августе Ц. К. выдвинул его в письме ко всем организациям, в сентябре он был поставлен на партийной конференции, наконец, на декабрьском съезде Советов вопрос этот был поставлен в более широком масштабе. Несомненно, бюрократическая язва есть; она признана, и необходима действительная борьба против нее. Конечно, в той дискуссии, которую мы наблюдали, в некоторых платформах, этот вопрос ставился по меньшей мере легкомысленно, и сплошь и рядом он рассматривался с точки зрения мелко-буржуазной. Надо, чтобы мы поняли, что борьба с бюрократизмом есть борьба абсолютно необходимая, и что она так же сложна, как задача борьбы с мелкобуржуазной стихией. Бюрократизм в нашем государственном строе получил значение такой болячки, что о нем говорит наша партийная программа, и это потому, что он связан с этой мелко-буржуазной стихией и с ее распыленностью. Победить эти болезни можно только объединением трудящихся, чтобы они умели не только приветствовать декреты рабоче-крестьянской инспекции—мало разве у нас декретов, которые приветствуются?—но чтобы они умели через рабоче-крестьянскую инспекцию осуществлять свое право, чего сейчас нет не только в деревне, но и в городах, и даже в городах столичных! Часто не умеют осуществлять его даже там, где больше всего кричат против бюрократизма. На это обстоятельство надо очень и очень обратить внимание.

Здесь мы часто наблюдаем, что некоторые, борясь с

этим злом, хотят, может-быть, даже искренно, помочь пролетарской партии, пролетарской диктатуре, пролетарскому движению, а на деле помогают мелко-буржуазной анархической стихии, которая не раз в течение революции показывала себя, как самого опасного врага пролетарской диктатуры. А теперь,—и это основной вывод и урок текущего года,—она показала себя еще раз, как враг самый опасный, больше всего могущий иметь сторонников и поддержки в такой стране, как наша, могущий изменить настроение широких масс, перебрасываться даже на часть беспартийных рабочих. Если мы этого не поймем, если этого урока мы не выведем и не превратим этот с'езд в поворотный пункт и в экономической политике и в смысле максимального сплочения пролетариата,—придется применить к нам печальные слова, что мы ничего не забыли из того, иногда пустого и мелкого, что следует забывать, и ничему не научились из того серьезного, чему за этот год революции нам надо было научиться. Я надеюсь, что этого не будет!

Доклад о замене разверстки налогом.

(Речь 8 марта 1921 года на X съезде партии).

Товарищи, вопрос о замене разверстки налогом является прежде всего и больше всего вопросом политическим, ибо суть этого вопроса состоит в отношении рабочего класса к крестьянству. Постановка этого вопроса означает, что мы должны отношения этих двух главных классов, борьба между которыми или соглашение между которыми определяют судьбы всей нашей революции, подвергнуть новому, или я бы сказал, пожалуй, более осторожному и правильному дополнительному рассмотрению и известному пересмотру. Мне нет надобности подробно останавливаться на вопросах о причинах такого пересмотра. -Вы все, конечно, прекрасно знаете, какая сумма событий особенно на почве крайнего обострения нужды, вызванной войной, разорением, демобилизацией и неурожаем, какая сумма обстоятельств сделала положение крестьянства особенно тяжелым, острым и неизбежно усилила колебание его от пролетариата к буржуазии.

Два слова о теоретическом значении или о теоретическом подходе к этому вопросу. Нет сомнения, что социалистическую революцию в стране, где громадное большинство населения принадлежит к мелким земледельцам-производителям, возможно осуществить лишь путем целого ряда особых переходных мер, которые были бы совершенно unnecessary в странах развитого капитализма, где наемные рабочие в промышленности и земледелии составляют громадное большинство. В странах развитого капитализма есть в течение десятков лет сложившийся класс наемных сельскохозяйственных рабочих. Только такой класс социально, экономический и политически может быть опорой непосредственного перехода к социализму. Только в таких странах, где этот класс достаточно развит, непосредственный пере-

ход от капитализма к социализму возможен. Мы подчеркивали в целом ряде произведений, во всех наших выступлениях, во всей прессе, что в России дело обстоит не так, что в России мы имеем меньшинство рабочих в промышленности и громадное большинство мелких земледельцев. Социальная революция в такой стране может иметь окончательный успех лишь при двух условиях. Во-первых, при условии поддержки ее своевременно социальной революцией в одной или нескольких передовых странах. Как вы знаете, для этого условия мы очень много сделали по сравнению с прежним, но далеко недостаточно, чтобы это стало действительностью. Другое условие,—это соглашение между осуществляющим свою диктатуру или держащим в своих руках государственную власть пролетариатом и большинством крестьянского населения. Соглашение это—понятие очень широкое, которое включает в себя целый ряд мер и переходов. Здесь надо сказать, что мы должны ставить дело во всей нашей пропаганде и агитации на чистоту. Люди, которые под политикой понимают мелкие приемы, сводящиеся иногда чуть ли не к обману, должны встречать в нашей среде самое решительное осуждение. Классов обмануть нельзя. Мы очень много сделали за 3 года, чтобы политическую сознательность в массах поднять. Массы из острой борьбы учились больше всего. Нам надо—согласно нашему миросозерцанию, 10-летнему нашему революционному опыту, урокам нашей революции—ставить вопросы прямоком: интересы этих двух классов различны, мелкий земледelec не хочет того, чего хочет рабочий.

Мы знаем, что только соглашение с крестьянством может спасти социалистическую революцию в России, пока не наступила революция в других странах. Итак, прямоком на всех собраниях, во всей прессе и нужно говорить. Мы не должны стараться прятать что-либо, а должны говорить прямоком, что крестьянство формой отношений, которая у нас с ними установилась, недовольно, что оно этой формы отношений не хочет и дальше так существовать не будет. Это бесспорно. Эта воля его выразилась определенно. Это—воля громадных масс трудящегося населения. Мы с этим должны считаться, и мы достаточно трезвые политики, чтобы говорить прямо: давайте нашу политику по отношению к крестьянству пересматривать.

Мы должны сказать крестьянам: хотите вы назад идти, хотите вы реставрировать частную собственность и свободную торговлю целиком, тогда это значит скатываться под власть помещиков и капиталистов неминуемо и неизбежно. Целый ряд исторических примеров и примеров революции это свидетельствует. Весьма небольшое рассуждение из азбуки коммунизма, из азбуки политической экономии под-

твердит неизбежность этого. Давайте же разбирать. Расчет ли крестьянству расхотиться с пролетариатом так, чтобы декатиться назад и позволять стране откатываться до власти капиталистов и помещиков, или не расчет? Расчитывайте и давайте расчитывать вместе.

И мы думаем, что если расчитывать правильно, то, при всей сознаваемой глубокой розни экономических интересов пролетариата и мелкого землевладельца, расчет будет в нашу пользу.

Как ни трудно наше положение в смысле ресурсов, а задача удовлетворить среднее крестьянство—должна быть разрешена. Крестьянство стало гораздо более средним, чем прежде, противоречия сгладились, земля разделена в пользование гораздо более уравнительное, кулак подрезан и в значительной части экспроприирован. В России больше, чем на Украине, в Сибири меньше, но в общем и целом данные статистики указывают совершенно бесспорно, что деревня нивелировалась, выравнилась, т.-е. резкое выделение в сторону кулака и в сторону беспосевщика сгладилось. Все стало ровнее, крестьянство стало в общем в положение средняка.

Можем ли мы удовлетворить это среднее крестьянство, как таковое, с его экономическими особенностями, с его экономическими корнями? Если кто-либо из коммунистов мечтал, что в три года можно переделать экономическую базу, экономические корни мелкого земледелия, то он, конечно, был фантазер, и, нечего греха таить, таких фантазеров в нашей среде было не мало. И ничего тут нет особенно худого. Откуда же было в такой стране начать социалистическую революцию без фантазеров? Практика, разумеется, показала, какую огромнейшую роль могут играть всевозможного рода опыты и начинания в области коллективного ведения земледельческого хозяйства. Но практика показала, что эти опыты, как таковые, сыграли и отрицательную роль, когда люди, полные самых добрых намерений и желаний, шли в деревню устраивать коммуны, коллективы, не умея хозяйничать, потому что коллективного опыта у них не было. Вы прекрасно знаете, сколько было таких примеров. Повторяю, что это неудивительно, ибо дело переработки мелкого земледельца, переработки всей его психологии и навыков есть дело, требующее поколений. Решить этот вопрос по отношению к мелкому земледельцу, оздоровить, так сказать, всю его психологию может только материальная база, техника, применение тракторов и машин в земледелии в массовом масштабе, электрификация в массовом масштабе. Вот что в корне и с громадной быстротой переделало бы мелкого земледельца. Если я говорю, что нужны поколения, это не значит, что нужны столетия. Вы прекрасно понимаете, что достать тракторы, машины и

электрифицировать громадную страну—такое дело может, во всяком случае, исчисляться не менее, чем десятилетиями. Вот какова объективная обстановка.

Мы должны постараться удовлетворить требования крестьян, которые неудовлетворены, которые недовольны, и законно недовольны и не могут быть довольны. Мы должны сказать: «Да, такое положение не может держаться дальше». Как его удовлетворить и что значит удовлетворить его? Откуда мы можем взять ответ на вопрос о том, как его удовлетворить? Конечно, из тех же самых требований крестьянства. Мы эти требования знаем. Но мы должны проверить их, просмотреть с точки зрения экономической науки все то, что мы знаем об экономических требованиях земледельца. Вникая в этот вопрос, мы скажем себе сразу: удовлетворить мелкого земледельца, по сути дела, можно двумя вещами. Во-первых, нужна известная свобода оборота, свобода для частного мелкого хозяина, а во-вторых, нужно достать товары и продукты. Что за свобода оборота, ежели нечего оборачивать, и свобода торговли, ежели нечем торговать! Это останется бумажкой, а классы удовлетворяются не бумажками, а материальными вещами. Эти два условия надо хорошенько понять. Как нам достать товары, об этом мы будем говорить потом. Сумеет ли мы их достать, на этом надо остановиться.

Что же такое свобода оборота? Свобода оборота, это есть свобода торговли, а свобода торговли значит назад к капитализму. Свобода оборота и свобода торговли—это значит товарный обмен между отдельными мелкими хозяевами. Мы все, кто учился хотя бы азбуке марксизма, знаем, что из этого оборота и свободы торговли неизбежно вытекает деление товаропроизводителя на владельца капитала и на владельца рабочих рук, разделение на капиталиста и на наемного рабочего, т.е. воссоздание снова капиталистического наемного рабства, которое не с неба сваливается, а вырастает во всем мире именно из товарного земледельческого хозяйства. Это мы прекрасно знаем теоретически, и в России всякий, кто присматривался к жизни и к условиям хозяйства мелкого земледельца, не может не наблюдать этого.

Спрашивается, как же так, может ли коммунистическая партия признать свободу торговли, к ней перейти? Нет ли тут непримиримых противоречий? На это надо ответить, что вопрос, разумеется, в практическом разрешении чрезвычайно труден. Я заранее предвижу и из бесед с товарищами знаю, что предварительный проект замены разверстки налогом, проект, который вам роздан, больше всего вопросов законных и неизбежных вызывает на счет того, что обмен допускается в пределах местного хозяйственного оборота. Что это значит, каковы этому пределы, как это осуществить?

Если кто думает на такой вопрос получить ответ на данном с'езде, тот ошибается. Ответ на этот вопрос мы получим от нашего законодательства. Наша задача установить только принципиальную линию, выставить лозунг. Наша партия—правительственная партия, и то постановление, которое вынесет партийный с'езд, будет обязательным для всей Республики, и здесь мы должны решить этот вопрос принципиально. Мы должны решить вопрос принципиально, оповестить об этом крестьянство, потому что посев на носу. И дальше—двинуть весь наш аппарат, все наши теоретические силы, весь наш практический опыт, чтобы посмотреть, как это сделать. Можно ли это сделать, теоретически говоря, можно ли до известной степени восстановить свободу торговли, свободу капитализма для мелких земледельцев, не подрывая этим самым корней политической власти пролетариата? Можно ли это? Можно, ибо вопрос—в мере. Если бы мы оказались в состоянии получить хотя бы небольшое количество товаров, и держали бы их в руках государства, в руках имеющего политическую власть пролетариата, и могли бы пустить эти товары в оборот,—мы бы, как государство, к политической власти своей прибавили экономическую власть. Введение этих товаров в оборот оживит мелкое земледелие, которое сейчас страшно замерло под гнетом тяжелых условий войны, разорения и под гнетом невозможности развернуть мелкое земледелие. Нужен толчок, побудитель, соответствующий его экономической базе, т.-е. мелкому отдельному хозяйству. Тут из местной свободы оборота не выскочишь. Если этот оборот дает государству в обмен на продукты промышленности известное минимальное количество хлеба, достаточное для покрытия потребностей города, фабрики, промышленности, тогда экономический оборот восстанавливается так, что государственная власть в руках пролетариата остается и укрепляется. Крестьянство на практике требует показать ему, что рабочий, держащий в своих руках фабрики, заводы, промышленность, может оборот с крестьянством поставить. И, с другой стороны, громадная земледельческая страна с плохими путями сообщения, с необ'ятными пространствами, различными сельско-хозяйственными условиями и проч., неизбежно предполагает известную свободу оборота в местном масштабе местного земледелия и местной промышленности.

В этом отношении нами было сделано много просто ошибочного, и было бы величайшим преступлением здесь не видеть и не понимать того, что мы меры не соблюдали, не знали, как ее соблюсти. Но тут также была вынужденная необходимость—мы жили до сих пор в условиях такой бешеной, неслыханно тяжелой войны, когда ничего, кроме как

действия по-военному, нам не оставалось и в области экономической. И чудом было, что такую войну выдержала разоренная страна, и это чудо не с небес свалилось, а оно выросло из экономических интересов рабочего класса и крестьянства, которые создали это чудо своим массовым подъемом: этим чудом был создан отпор помещикам и капиталистам. Но, в то же время, факт несомненный, и его не нужно скрывать в агитации и пропаганде, что мы зашли дальше, чем это теоретически и политически было необходимо. Мы можем в порядочной степени свободный местный оборот допустить, не разрушая, а укрепляя политическую власть пролетариата. Как это сделать—это дело практики. Мое дело доказать вам, что теоретически это мыслимо. Пролетариату, держащему в руках государственную власть, если у него имеются какие-нибудь ресурсы, вполне возможно пустить их в оборот и достигнуть этим известного удовлетворения среднего крестьянина, удовлетворить его на основе местного хозяйственного оборота.

Теперь несколько слов о местном хозяйственном обороте. Предварительно я должен коснуться вопроса о кооперации. Конечно, при местном хозяйственном обороте кооперация нам нужна. Наша программа подчеркивает, что лучший аппарат для распределения есть оставшаяся от капитализма кооперация, что этот аппарат нужно сохранить. Это говорится в программе. Использовали ли мы кооперацию? Очень недостаточно: опять-таки частью по ошибке, частью по военной нужде. Кооперация, выделяя элементы более хозяйственные, более высокие в экономическом отношении, тем самым в политике выделяла меньшевиков и с.-р. Это химический закон,—тут ничего не поделаешь! Меньшевики и с.-р., это—люди, которые сознательно или бессознательно восстанавливают капитализм и помогают Юденичам. Это тоже закон. Мы должны с ними воевать. Если воевать, так по-военному: мы должны были защищать себя, и мы себя защитили. Но можно ли остаться непременно при теперешнем положении? Нельзя. И связывать этим руки будет безусловно ошибкой. Вот почему по вопросу о кооперации я предлагаю резолюцию, которая очень коротка, и я ее прочту: «В виду того, что резолюция IX С'езда РКП об отношении к кооперации вся построена на признании принципа разверстки, которая теперь заменяется натуральным налогом, X С'езд РКП постановляет:

Указанную резолюцию отменить.

С'езд поручает Ц. К. выработать и провести в партийном и советском порядке постановления, которые бы улучшили и развили строение и деятельность кооперативов в согласии с программой РКП и применительно к замене разверстки натуральным налогом».

Но резолюция IX Съезда связывает руки, она говорит: «Подчинить Компроду». Компрод—прекрасное учреждение, но обязательно подчинить ему кооперацию и связывать себе руки, когда пересматриваешь отношения к мелким земледельцам,—это политически делать явную ошибку. Мы должны поручить вновь выбранному Ц. К. разработать и установить известные меры и изменения. Мы в этом отношении стоим, говоря теоретически, перед целым рядом переходных ступеней, переходных мер. Для нас ясно одно: резолюция IX Съезда предполагала, что наше движение будет идти по прямой линии. Оказалось, как оказывалось постоянно во всей истории революций, что движение пошло зигзагами. Связывать руки такой резолюцией—политическая ошибка. Отменяя ее, мы говорим, что надо руководствоваться программой, которая подчеркивает значение кооперативного аппарата.

Отменяя ее, мы говорим: применяйтесь к замене разверстки налогом. Но когда мы это проведем?—Не раньше урожая, т.-е. через несколько месяцев. Одинаково это будет в разных местностях? Ни в коем случае. Центральную Россию, Украину, Сибирь шаблонизировать, подчинять известному шаблону будет величайшей глупостью. Я предлагаю эту основную мысль о свободе местного оборота вынести в виде постановления Съезда. Мыслю себе, что после этого непременно будет в ближайшие дни письмо Ц. К., который скажет, и, конечно, он скажет это лучше, чем я говорю это сейчас: «Ничего не ломайте, не спешите, не мудрите наших, поступайте так, чтобы максимально удовлетворить среднее крестьянство, не нарушая интересов пролетариата. Испытайте то, испытайте другое, изучайте практически на опыте, потом поделитесь с нами и скажите, что вам удалось, а мы создадим специальную комиссию или даже несколько комиссий, которые собранный опыт учтут». Чтобы идти потом на основании опыта, нам нужно десять раз проверить принятые меры.

Нам предложат вопрос и пожелают узнать: где достать товары? Теперь сможем, потому что наше экономическое положение в международном масштабе улучшилось в громадной степени, Насколько мы это сумеем сделать,—это другой вопрос, но известная возможность есть.

Повторяю, тип экономических отношений, который имеет вид блока с иностранным капитализмом, даст возможность для пролетарской государственной власти свободного оборота с крестьянством внизу. Я знаю,—это мне уже приходилось говорить,—что это вызывало некоторые насмешки. В Москве есть целый слой интеллигентски-бюрократический, который пытается создавать «общественное мнение». Он начал потешаться: вот так коммунизм вышел, в роде

того, как человек, у которого внизу костыли, а вместо лица сплошная перевязка, и от коммунизма остается загадочная картинка. Этого рода шуточки я достаточно слышал, но шуточки эти либо бюрократические, либо не серьезные! Россия из войны вышла в таком положении, что ее состояние больше всего похоже на состояние человека, которого избili до полусмерти: 7 лет колотили ее, и тут, дай бог, с костылями двигаться. Вот мы в каком положении! Тут думать, что мы можем вылезти без костылей,—значит ничего не понимать! Пока революции нет в других странах, мы должны были бы вылезать десятилетиями, и тут не жалко сотен миллионов, а то и миллиардов, поступиться из наших неосъятных богатств, из наших богатых источников, сырья, лишь бы получить помощь крупного передового капитализма. Мы потом с лихвой себе вернем. Удержать же пролетарскую власть в стране, неслыханно разоренной, с гигантским преобладанием крестьянства, так же разоренного, без помощи капитала,—за которую, конечно, он слерет сотенные проценты,—нельзя. Это надо понять. И поэтому либо этот тип экономических отношений, либо ничего. Кто иначе ставит вопрос, тот не понимает в практической экономике абсолютно ничего и отделяется теми или иными остротами. Надо признать такой факт, как переутомление и изнеможение масс. Семь лет войны, как они должны были сказаться у нас, если 4 года войны в передовых странах до сих пор дают себя чувствовать там?!

А у нас, в нашей отсталой стране, после семилетней войны это прямо состояние изнеможения. Это изнеможение, это состояние, близкое к полной невозможности работать. Тут нужна экономическая передышка. Я оглашу справку, которую я имею от тов. Лежавы. Из нее мы видим, что несколько сот тысяч пудов разнообразных предметов продовольствия уже куплены и в самом спешном порядке идут из Литвы, Финляндии и из Латвии. Сегодня получено известие, что в Лондоне подписана сделка на уголь в количестве 18½ милл. пудов, который мы постановили купить, чтобы оживить промышленность питерскую и текстильную. Если мы получим товары для крестьянина, это есть, конечно, нарушение программы, это есть неправильность, но нужно дать передышку, потому что народ переутомлен так, что иначе он не в состоянии работать.

Должен сказать еще относительно индивидуального товарообмена. Если мы говорим о свободе оборота, то это означает индивидуальный товарообмен, т.-е., значит, поощрять кулаков. Как же быть? Не надо закрывать глаза, что замена разверстки налогом означает то, что кулачество из данного строя будет вырастать еще больше, чем до сих пор. Оно будет вырастать там, где оно раньше вырастать не

могло. Но не запретительными мерами нужно с этим бороться, а государственным объединением и государственными мерами. Если ты можешь дать крестьянству машины, этим ты поднимаешь его, и когда ты дашь машины или электрификацию, тогда десятки или сотни тысяч мелких кулаков будут убиты. Пока не можешь дать этого, дай известное количество товара. Если они в твоих руках—ты держишь власть, но приостановить, зарезать, отместить такую возможность—это значит отнять всякую возможность оборота, это значит не удовлетворить среднее крестьянство. Крестьянство в России стало больше средним, и бояться, что обмен станет индивидуальным—ничего. Всякий что-нибудь сможет дать государству в обмен. Один сможет дать излишки хлеба, другой даст в обмен огородные продукты, третий—трудовую повинность. В основном положение такое, что—либо мы должны экономически удовлетворить среднее крестьянство и пойти на свободу оборота, либо—сохранить власть пролетариата в России, при замедлении международной революции, нельзя, экономически мы этого не сможем. Это надо ясно сознать и несколько не бояться об этом говорить. В проекте постановления ЦК о замене разверстки натуральным налогом (текст вам роздан) вы увидите много несогласованности, есть противоречия, поэтому мы и написали в конце: «Съезд, одобряя в основном внесенные ЦК положения о замене разверстки натуральным налогом, поручает ЦК партии в скорейшем порядке согласовать эти положения». Мы знаем, что они не были согласованы, мы не могли успеть этого сделать, мы не касались этой детальной работы. Детально разработает формы проведения налога в жизнь и проведет соответствующий закон ВЦИК и Совет Народных Комиссаров. Если вы этот проект примете сегодня, то это будет постановлено в 1-й же сессии ВЦИК, которая тоже издаст не закон, а только видоизмененное положение, затем Совнарком и Совет Труда и Оборона превратят его в закон, а что еще более важно—дадут практические инструкции. Важно, чтобы на местах поняли значение этого и пошли нам навстречу.

Почему нам нужно было заменить разверстку налогом? Разверстка предполагала—изъять все излишки, установить обязательную государственную монополию. Мы не могли поступить иначе, мы были в состоянии крайней нужды. Теоретически это не обязательно принимать, что государственная монополия есть наилучшее с точки зрения социализма. Как переходную меру в стране крестьянской, которая имеет промышленность, и промышленность работает, и если есть некоторое количество товаров, возможно применить систему налога и свободного оборота. Этот самый оборот—стимул, побудитель, толчок для крестьянина. Хо-

зьяин может и должен стараться за свой собственный интерес, потому что с него не возьмут всех излишков, а только налог, который, по возможности, будет определен заранее. Основное, чтобы был стимул, побуждатель, толчок мелкому земледельцу в его хозяйствовании. Нам нужно строить нашу государственную экономику применительно к экономике середняка, которую мы за три года не могли переделать и еще за десять лет не переделаем. Перед государством стояла определенная продовольственная обязанность. Поэтому наша разверстка в прошлом году была увеличена. Налог должен быть меньше.

Если будет неурожай, брать излишки нельзя, потому что излишков не будет. Их пришлось бы взять изо рта крестьян. Если будет урожай, тогда—все поголодают немножко, и—государство будет спасено: либо если не сумеем взять у людей, которые не в состоянии наесться досыта, государство погибнет. Это—задача нашей пропаганды среди крестьян. Если сносный урожай—излишков до полумиллиарда. Они покрывают потребление и дают известный фонд. Все дело в том, чтобы дать крестьянам стимул, побуждатель с точки зрения экономики. Нужно сказать мелкому хозяину: ты, хозяин, произведи продукты, а государство берет минимальный налог. Поэтому мы предлагаем принять резолюцию ЦК за основу и поручаем ему согласовать некоторые противоречия в ней. Работники на местах постараются их согласовать и пополнить ее. Согласовать до конца нельзя, это—неразрешимая задача, потому что жизнь слишком пестра. Искать переходные меры—задача очень трудная. Не удалось быстро и прямолинейно это сделать—мы духом не упадем, мы свое возьмем. Сколько-нибудь сознательный крестьянин не может не понять, что мы, как правительство, представляем рабочий класс и тех трудящихся, с которыми могут согласиться трудящиеся крестьяне (а их $\frac{9}{10}$), что поворот назад означает возвращение к старому царскому правительству. Это показывает кронштадтский опыт. Там не хотят белогвардейцев, а другой власти нет, не хотят нашей власти и стоят в таком положении, которое является лучшей агитацией за нас и против всякого нового правительства.

Мы имеем сейчас возможность согласиться с крестьянами, и это нужно провести практически, умело, со сметкой, гибкостью. Мы знаем наш аппарат Компрода, мы знаем, что это один из лучших наших аппаратов. Сравнивая его с другими, мы видим, что это лучший аппарат, и он должен быть сохранен, но аппарат должен быть подчинен политике. Не к чему нам великолепнейший компродовский аппарат, если мы не сумеем наладить отношение с кре-

ствиями. Тогда этот великолепнейший аппарат будет служить не нашему классу, а Деникину и Колчаку. Раз политика требует решительной перемены, гибкости, умелого перехода,—руководители должны это понять. Твердый аппарат должен быть годен для всяких маневров. Если же твердость аппарата превращается в закостенелость, мешает поворотам, тогда борьба неизбежна. Поэтому нужно все силы употребить на то, чтобы безусловно добиться своего, добиться полного подчинения аппарата политике. Политика есть отношение между классами—это решает судьбу Республики. Аппарат, как подсобное средство, чем тверже, тем он лучше и пригоднее для маневров. А если он не в состоянии этого выполнить, он ни на что не годен. И я приглашаю вас иметь в виду основное: что разверстка в деталях и толкованиях—работа нескольких месяцев. А сейчас нам надо иметь в виду основное, нам нужно, чтобы вечером же было разослано по радио во все концы мира, что Съезд правительственной партии в основном заменяет разверстку налогом, давая этим целый ряд стимулов мелкому земледельцу расширять хозяйство, увеличивать засеив; что Съезд, вступая на этот путь, исправляет систему отношений между пролетариатом и крестьянством и выражает уверенность, что этим путем будет достигнуто прочное отношение между пролетариатом и крестьянством.

От штурма к осаде.

*(Речь на 7-й Московской Губернской Партийной Конференции
29 октября 1921 года).*

Товарищи, приступая к докладу о новой экономической политике, я прежде всего должен оговориться, что понимаю эту тему не так, как может быть, ожидают многие из присутствующих или, вернее, я могу взять себе лишь одну небольшую часть этой темы. Естественно, что по этому вопросу главный интерес может быть направлен на ознакомление и оценку последних законов и постановлений Советской власти, касающихся новой экономической политики. Интерес к такой теме был бы тем более законным, чем больше число этих постановлений и чем настоятельнее надобность в их оформлении, упорядочении и подытоживании, а эта надобность, насколько я могу судить по наблюдениям в Совнаркоме, сейчас уже очень и очень чувствуется. Точно также не менее законно было бы желание ознакомиться с фактами и цифрами, которые уже имеются по вопросу о результатах новой экономической политики. Конечно, число таких фактов, подтвержденных и проверенных, еще очень не велико, но все же они имеются. И несомненно, для ознакомления с новой экономической политикой следить за этими фактами и пытаться подытожить их—абсолютно необходимо. Но ни той, ни другой темы я не могу взять на себя, и если у вас проявится интерес к ним, я уверен, вы найдете для этих тем докладчиков. Меня же интересует другая тема, именно вопрос о тактике или, если можно так выразиться, о революционной стратегии, примененной нами в связи с поворотом нашей политики, и об оценке условий того, насколько эта политика соответствует общему пониманию нами наших задач—с одной стороны, и с другой—насколько теперешнее партийное знание и партийное сознание приобновились к необходимости этой новой экономической поли-

тики. Вот этому специальному вопросу я бы и хотел исключительно посвятить свою беседу.

Прежде всего меня интересует вопрос о том, в каком смысле при оценке нашей новой экономической политики можно говорить об ошибочности предыдущей экономической политики, верно ли будет характеризовать ее как ошибку, и, наконец, если это верно, то в каком смысле может быть признана полезной и необходимой такая оценка?

Этот вопрос, мне кажется, имеет значение для оценки того, насколько мы сейчас в партии согласны между собой по самым коренным вопросам теперешней нашей экономической политики.

Должно ли внимание партии сейчас быть направлено исключительно на конкретные отдельные вопросы этой экономической политики, или это внимание должно быть останавливаемо, по крайней мере время от времени, на оценке общих условий этой политики и на соответствии партийного интереса и партийного внимания к этим общим условиям? Я думаю, что в настоящее время положение именно таково, что наша экономическая политика не является еще достаточно определившейся для широких кругов партии и что без ясного представления об ошибочности предыдущей экономической политики мы не могли бы успешно выполнить свою работу по созданию основ и по окончательному определению направления нашей новой экономической политики.

Чтобы пояснить свою мысль и ответить на вопрос, в каком смысле можно и должно, на мой взгляд, говорить об ошибочности нашей предыдущей экономической политики, я позволяю себе взять для сравнения один из эпизодов русско-японской войны, который, мне кажется, поможет нам представить себе точнее соотношение разных систем и приемов политики в революции такого рода, как революция, происходящая у нас. Пример, о котором я говорю, это—взятие Порт-Артура японским генералом Ноги. Основное, что интересует меня в этом примере, состоит в том, что взятие Порт-Артура прошло две совершенно различных стадии. Первая состояла в ожесточенных штурмах, которые все окончились неудачей и стоили знаменитому японскому полководцу необычайного количества жертв. Вторая стадия,— это когда пришлось перейти к чрезвычайно тяжелой, чрезвычайно трудной и медленной осаде крепости по всем правилам искусства, при чем по истечении некоторого времени именно таким путем задача взятия крепости была решена. Если мы посмотрим на эти факты, то, естественно, станет вопрос: в каком смысле можно оценить как ошибку первый способ действия японского генерала против крепости Порт-Артура? Ошибочны ли были штурмовые атаки на крепость? И если они были ошибкой, то при каких условиях японской

армии нужно было для правильного выполнения своей задачи об этой ошибочности говорить и в какой мере нужно было эту ошибочность осознать?

Конечно, на первый взгляд ответ на этот вопрос представляется самым простым. Если целый ряд штурмовых атак на Порт-Артур оказался безрезультатным—а это факт,—если жертвы, которые при этом нападающие понесли, были невероятно велики—а это опять-таки бесспорный факт,—то отсюда уже очевидно, что ошибочность тактики непосредственного и прямого штурма на крепость Порт-Артура не требует никаких доказательств. Но, с другой стороны, не трудно видеть, что при решении такой задачи, в которой было очень много неизвестных,—трудно без соответствующего практического опыта определить с абсолютной или хотя бы даже с достаточно большой степенью приближенности и точности, какой прием может быть употреблен против враждебной крепости. Определить это было невозможно без того, чтобы испытать на практике, какую силу представляет из себя крепость,—какова мощность ее укреплений, каково состояние ее гарнизона и т. п. Без этого, решить вопрос о применении правильного приема взятия крепости не было возможным даже для одного из лучших полководцев, к числу которых несомненно принадлежал генерал Ноги. С другой стороны, цель и условия успешного окончания всей войны требовали самых быстрых из возможных решений этой задачи; в то же время громадная вероятность была за то, что даже очень большие жертвы, если бы они оказались необходимыми для взятия крепости штурмом, все же окупались бы с лихвой. Они освободили бы японскую армию для операций на других театрах войны, завершили бы одну из самых существенных задач до того момента, как неприятель, т.-е. русская армия, успела бы перекинуть на далекий театр войны большие силы, лучше их подготовить и, может быть, притти к положению, когда она оказалась бы во много раз сильнее японской армии.

Если посмотреть на развитие военной операции в целом и на те условия, в которых действовала японская армия, то мы должны будем притти к выводу, что эти штурмы на Порт-Артур означали не только величайшее геройство армии, оказавшейся способной пойти на громадные жертвы, но и означали также то единственно возможное в тогдашних условиях, т.-е. в начале операций, что являлось необходимым и полезным, потому что без проверки сил на практической задаче взятия крепости штурмом, без испытания силы сопротивления не было оснований предпринять борьбу более длительную и более тяжелую борьбу, которая в силу уже своей длительности таила в себе целый ряд другого рода опасностей. С точки зрения операции в целом мы не

можем не рассматривать и первую часть ее, состоящую в штурмах и атаках, как часть необходимую, как часть полезную, потому что, повторяю, без такого опыта у японской армии не могло быть достаточного знания конкретных условий борьбы. Каково было положение этой армии, когда она заканчивала период борьбы против враждебной крепости путем штурмов? Вот уложили тысячи и тысячи и уложим еще тысячи, а крепости таким путем не взять — таково было положение, когда часть или большинство стало приходить к выводу, что надо отказаться от штурма и перейти к осаде. Если оказалась ошибка в тактике, то надо с этой ошибкой покончить, и все то, что с ней связано, надо признать помехой деятельности, которая требует изменения: надо окончить штурм и перейти к осаде, к иному размещению войск, к перераспределению материальных частей, не говоря уже об отдельных приемах в действиях. То, что было раньше, надо решительно, точно и ясно признать ошибкой, чтобы не получить помехи в развитии новой стратегии и тактики, в развитии операций, которые должны были пойти теперь совершенно по-иному и которые, как мы знаем, кончились полным успехом, хотя и в период несравненно более долгий, чем предполагалось.

Я думаю, что этот пример годится для пояснения того, в каком положении оказалась наша революция при решении своих социалистических задач в области хозяйственного строительства. Два периода в этом отношении выделяются совершенно явно. С одной стороны, период приблизительно с начала 1918 г. до весны 1921 г. и с другой — тот период, в котором мы находимся с весны 1921 г.

Если вы припомните те заявления, официальные и неофициальные, которые делала наша партия с конца 1917 г. и до начала 1918 г., то увидите, что у нас было и тогда представление о том, что развитие революции, развитие борьбы может пойти как путем сравнительно кратким, так и очень долгим и тяжелым. Но при оценке возможного развития мы исходили большей частью, я даже не припомню исключений, из предположений, не всегда, может быть, открыто выраженных, но всегда молчаливо подразумеваемых, — из предположений о непосредственном переходе к социалистическому строительству. Я нарочно перечитал то, что писалось, например, в марте и апреле 1918 г. о задачах нашей революции в области социалистического строительства, и убедился в том, что такое предположение у нас действительно было.

Это был как раз тот период, когда уже была решена такая существенная и в политическом отношении по необходимости являющаяся предварительной задача, как задача взятия власти, создания советской системы государ-

ства на месте прежней буржуазно-парламентарной, и затем задача выхода из империалистической войны, при чем этот выход, как известно, был сопряжен с особо тяжелыми жертвами, с заключением невероятно унижительного, ставившего почти невозможные условия, Брестского мира. После заключения этого мира период с марта по лето 1918 года был периодом, когда военные задачи казались решенными. Впоследствии события показали, что это было не так, что в марте 1918 г., после решения задачи империалистической войны, мы только подходили к началу гражданской войны, которая с лета 1918 г. в связи с чехо-словацким восстанием стала надвигаться все больше и больше. Тогда, в марте или апреле 1918 г., говоря о наших задачах, мы уже противопоставляли методам постепенного перехода такие приемы действия, как способ борьбы преимущественно направленный на экспроприацию экспроприаторов, на то, что характеризовало собою главным образом первые месяцы революции, т.-е. конец 1917 и начало 1918 гг. И тогда уже приходилось говорить, что наша работа в области организации учета и контроля сильно отстала от работы и деятельности по части экспроприации экспроприаторов. Это значило, что мы наэкспроприровали много больше, чем сумели учесть, контролировать, управлять и т. д. и, таким образом, ставилась передвигка от задачи экспроприации, разрушения власти эксплуататоров и экспроприаторов, к задаче организации учета и контроля, к прозаическим, так сказать, хозяйственным задачам непосредственного строительства. И тогда уже по целому ряду пунктов нам нужно были идти назад. Например, в марте и апреле 1918 г. стал такой вопрос, как вознаграждение специалистов по ставкам, соответствующим не социалистическим, а буржуазным отношениям, т.-е. ставкам, не стоящим в соотношении к трудности или к особо тяжелым условиям труда, а стоящим в соотношении к буржуазным привычкам и к условиям буржуазного общества. Подобного рода исключительно высокое, по-буржуазному высокое вознаграждение специалистов не входило первоначально в план Советской власти и не соответствовало даже целому ряду декретов конца 1917 г. Но в начале 1918 г. были прямые указания нашей партии на то, что в этом отношении мы должны сделать шаг назад и признать известный «компромисс» (я употребляю то слово, которое тогда употреблялось). Решением ВЦИК от 29 апр. 1918 г. было признано необходимым эту перемену в общей системе оплаты произвести.

Свою строительную хозяйственную работу, которую мы тогда выдвинули на первый план, мы рассматривали под одним углом. Тогда предполагалось осуществление непосредственного перехода к социализму без предварительного

периода, приспособляющего старую экономику к экономике социалистической. Мы предполагали, что, создав государственное производство и государственное распределение, мы этим самым непосредственно вступили в другую, по сравнению с предыдущей, экономическую систему производства и распределения. Мы предполагали, что обе системы, система государственного производства и распределения и система частно-торгового производства и распределения, вступят между собою в борьбу в таких условиях, что мы будем строить государственное производство и распределение, шаг за шагом отвоевывая его у враждебной системы. Мы говорим, что задача наша теперь уже не столько экспроприация экспроприаторов, сколько учет, контроль, повышение производительности труда, повышение дисциплины. Это мы говорили в марте и апреле 1918 г., но мы совершенно не ставили вопроса о том, в каком соотношении окажется наша экономика к рынку, к торговле. Когда в связи с полемикой против части товарищей, отрицавших допустимость Брестского мира, мы поставили, например, весной 1918 г. вопрос о государственном капитализме, то он был поставлен не так, что мы пойдем назад, к государственному капитализму, а так, что наше положение было бы легче и решение нами социалистических задач было бы ближе, если бы у нас в России был государственный капитализм в виде господствующей хозяйственной системы. На это обстоятельство я хотел бы в особенности обратить ваше внимание, потому что это мне кажется необходимым для понимания того, в чем состояла перемена нашей экономической политики и как эту перемену надо оценить.

Я приведу пример, который конкретнее, нагляднее мог бы показать условия, в которых разворачивалась наша борьба. Недавно мне в Москве пришлось видеть частный «Листок Объявлений». После трех лет предыдущей нашей экономической политики этот «Листок Объявлений» произвел впечатление чего-то совершенно необычайного, совершенно нового, странного. Но с точки зрения общих приемов нашей экономической политики тут ничего странного нет. Нужно припомнить, если взять этот маленький, но довольно характерный пример, как шло развитие борьбы, каковы были ее задачи и приемы в нашей революции вообще. Один из первых декретов в конце 1917 г. был декрет о государственной монополии на объявления. Что означал этот декрет? Он означал, что завоевавший государственную власть пролетариат предполагает переход к новым общественно-экономическим отношениям возможно более постепенным—не уничтожение частной печати, а подчинение ее известному государственному руководству, введение ее в русло государственного капитализма. Декрет, который устанавливал

государственную монополию на объявления, тем самым предполагал, что остаются частно-предпринимательские газеты, как общес явление, что остается экономическая политика, требующая частных объявлений, остается и порядок частной собственности—остается целый ряд частных заведений, нуждающихся в рекламах, в объявлениях. Таков был и только таким мог мыслиться декрет о монополизации частных объявлений. Сходство с этим имеется в декретах, касающихся банковского дела, но чтобы не осложнять примера, я об этом говорить не буду.

Какова же была судьба декрета о монополизации частных объявлений, изданного в первые недели существования Советской власти? Судьба его была такова, что он скоро был сметен совершенно. Припоминая теперь развитие борьбы и условия, в которых она шла с тех пор, смешно по нынешним временам вспомнить о том, насколько мы были наивны, что могли говорить в конце 1917 г. о введении государственной монополии на частные объявления. Какие частные объявления могли быть в период отчаянной борьбы! Неприятель, т.-е. капиталистический мир, на этот декрет Советской власти ответил продолжением борьбы и доведением ее до высочайшего напряжения, до конца. Декрет предполагал, что Советская власть, пролетарская диктатура, так упрочена, что никакой другой экономики быть не может, что необходимость подчиниться ей настолько очевидна для всей массы частных предпринимателей и отдельных хозяев, что борьба ими будет принята на той почве, на которую мы, как государственная власть, эту борьбу ставили. За вами,—говорили мы,—остаются частные издания, остается частная предприимчивость, остается необходимая для обслуживания этих предприятий свобода объявлений, устанавливается лишь государственный налог на них, устанавливается лишь концентрация их в руках государства, а сама по себе система частных объявлений не только не разрушается, а, наоборот, вам дается некоторая выгода, всегда связанная с правильной концентрацией дела осведомления. Но на деле получилось то, что борьбу мы должны были развернуть совсем не на этом поприще. Неприятель, т.-е. класс капиталистов, ответил на этот декрет государственной власти отрицанием всей этой государственной власти полностью. Ни о каких объявлениях не могла идти речь, потому что все, что осталось буржуазно-капиталистического в нашем строе, направляло уже тогда все свои силы на борьбу за самые основы власти. Нам, которые предложили капиталистам: «подчиняйтесь государственному регулированию, подчиняйтесь государственной власти, и вместо полного уничтожения условий, соответствующих старым интересам, привычкам, взглядам населения вы получите постепенное

изменение всего этого путем государственного регулирования»,—нам был поставлен вопрос о самом нашем существовании. Тактика, принятая классом капиталистов, состояла в том, чтобы толкнуть нас на борьбу, отчаянную и беспощадную, вынуждавшую нас к неизмеримо большей ломке старых отношений, чем мы предполагали.

Из декрета о монополизации частных объявлений не получилось ничего,—он остался пустой бумажкой, а жизнь, то-есть сопротивление класса капиталистов, заставила нашу государственную власть всю борьбу перевести в совершенно другую плоскость, не на такие пустяковые, до смешного мелкие вопросы, которыми мы в конце 1917 года имели наивность заниматься, а на вопрос: быть или не быть—слоमितь саботаж всего служащего класса, отбить армию белогвардейцев, получившую поддержку буржуазии всего мира.

Этот частный эпизод с декретом об объявлениях дает, мне кажется, полезные указания в основном вопросе об ошибочности или неопытности старой тактики. Конечно, оценивая сейчас события в перспективе последующего исторического развития, мы не можем не находить этот наш декрет наивным и в известном смысле ошибочным, но в то же время в нем было правильным и то, что государственная власть пролетариата сделала попытку осуществить переход к новым общественным отношениям, с наибольшим, так сказать, приспособлением к существовавшим тогда отношениям, по возможности, постепенно и без особой ломки. Неприятель же, то-есть класс буржуазии, пустил в ход все приемы, чтобы толкнуть нас на самое крайнее проявление отчаянной борьбы. Стратегически, с точки зрения неприятеля, было ли это правильно? Конечно, было правильно, потому что, не испытывая в этой области своих сил путем непосредственной схватки, каким образом буржуазия вдруг подчинилась бы совершенно новой, еще никогда не бывавшей пролетарской власти? «Извините, господа почтенные,—отвечала нам буржуазия,—мы с вами поговорим вовсе не об объявлениях, а о том, не найдется ли у нас еще Врангеля, Колчака, Деникина, и не будет ли им оказана помощь международной буржуазии для решения вопроса вовсе не на счет того, будет у вас государственный банк или нет». На этот счет, о госбанке, у нас в конце 1917 года было написано, как и насчет объявлений, весьма достаточно вещей, оказавшихся в достаточной степени только исписанной бумагой.

Буржуазия отвечала нам тогда правильной, с точки зрения ее интересов, стратегией: «Сначала мы поборемся из-за коренного вопроса, есть ли вы вообще государственная власть, или вам это только кажется, а этот вопрос решится, конечно, уже не декретами, а войной, населением,

и это, вероятно, будет война не только нас, капиталистов, изгнанных из России, а всех тех, которые в капиталистическом строе заинтересованы. И если окажется, что остальной мир заинтересован достаточно, то нас, русских капиталистов, поддержит международная буржуазия». Поступая так, буржуазия, с точки зрения отстаивания своих интересов, поступала правильно. Она не могла, имея хоть каплю надежды на решение коренного вопроса самыми сильнейшими средствами—войной,—она и не могла, да и не должна была согласиться на те частичные уступки, которые ей давала Советская власть в интересах более постепенного перехода к новому порядку. «Никакого перехода, и ни к какому новому!»—вот как отвечала буржуазия.

Вот почему получилось то развитие событий, которое мы теперь видим. С одной стороны, победа пролетарского государства с необычным величием борьбы, которое характеризовало весь период 1917 и 1918 гг.; в условиях необычайного народного воодушевления; с другой—попытка экономической политики Советской власти, рассчитанная персонально на ряд постоянных изменений, на более осторожный переход к новому порядку, что выразилось, между прочим, и в указанном мною маленьком примере. Вместо этого она получила, как ответ, из неприятельского лагеря решимость на беспощадную борьбу для определения того, может ли она, Советская власть, как государство, в системе экономических международных отношений удержаться. Этот вопрос мог быть решен только войной, которая, в свою очередь, была чрезвычайно ожесточенной, как гражданская война. Чем труднее становилась борьба, тем меньше оставалось места для осторожного перехода. В этой логике борьбы буржуазия, сказал я, поступала со своей точки зрения правильно. А что могли сказать мы? «Вы, господа капиталисты, нас не испугаете. Мы и в этой области вас побьем, дополнительно, после того, как вы оказались побиты на поприще политическом, вместе с вашей учредилкой». Иначе мы поступить не могли. Всякий иной прием действий означал бы с нашей стороны полную сдачу позиций.

Припомните условия развития нашей борьбы, и вы поймете, в чем состояла эта, кажущаяся неправильной и случайной смена, почему, опираясь на всеобщий энтузиазм и на обеспеченное политическое господство, мы могли легко совершить разгон учредилки, и почему в то же время мы должны были испробовать ряд мер для постепенного, осторожного перехода к экономическим преобразованиям, почему, наконец, логика борьбы и сопротивление буржуазии заставили нас перейти к самым крайним, к самым отчаянным, ни с чем не считающимся приемам гражданской борьбы, которая разорвала Россию три года.

К весне 1921 года выяснилось, что мы потерпели поражение в попытке «штурмовым» способом, т.-е. самым сокращенным, быстрым, непосредственным, перейти к социалистическим основам производства и распределения. Политическая обстановка весны 1921 года показала нам, что неизбежно в ряде хозяйственных вопросов отступить на позиции государственного капитализма, перейти от «штурма» к «осаде».

Если такой переход вызывает кое у кого жалобы, плач, уныние, негодование, то надо сказать: не так опасно поражение, как опасна боязнь признать свое поражение, боязнь сделать отсюда все выводы. Борьба военная гораздо проще, чем борьба социализма с капитализмом, и мы побеждали Колчаков и К^о, потому, что не боялись признавать своих поражений, не боялись учиться из их уроков, переделать по многу раз недоделанное или сделанное плохо.

Так же надо поступать в области, гораздо более сложной и трудной борьбы социалистической экономики против капиталистической. Не бояться признать поражения. Учиться на опыте поражения. Переделать тщательнее, осторожнее, систематичнее то, что сделано плохо. Если бы мы допустили взгляд, что признание поражения вызывает, как сдача позиций, уныние и ослабление энергии в борьбе, то надо было бы сказать, что такие революционеры ни черта не стоят.

А я надеюсь, что про большевиков, закаленных 3-летним опытом гражданской войны, этого сказать никому не удастся, за исключением единичных случаев. Сила наша была и будет в том, чтобы совершенно трезво учитывать самые тяжёлые поражения, учась на их опыте тому, что следует изменить в нашей деятельности. И поэтому надо говорить напрямки. Это интересно и важно не только с точки зрения теоретической правды, но и с практической стороны. Нельзя научиться решать свои задачи новыми приемами сегодня, если нам вчерашний опыт не открыл глаза на неправильность старых приемов.

Задача перехода к новой экономической политике в том и состоит, что после опыта непосредственного социалистического строительства в условиях неслыханно трудных, в условиях гражданской войны, в условиях, когда нам буржуазия навязывала формы ожесточенной борьбы,—перед нами весной 1921 г. стало ясное положение: не непосредственное социалистическое строительство, а отступление в целом ряде областей экономики к государственному капитализму, не штурмовая атака, а очень тяжелая, трудная и неприятная задача длительной осады, связанной с целым рядом отступлений. Вот что необходимо для того, чтобы подойти

к решению экономического вопроса, т.е. обеспечения экономического перехода к основам социализма.

Я не могу сегодня касаться цифр или итогов, или фактов, которые показали бы, что нам дала эта политика возврата к государственному капитализму. Я приведу только один небольшой пример. Вы знаете, что одним из главных центров нашей экономики является Донецкий бассейн. Вы знаете, что мы имеем там крупнейшие бывшие капиталистические предприятия, стоящие на уровне капиталистических предприятий Западной Европы. Вы знаете также, что наша задача там была—сначала восстановить крупные промышленные предприятия: с небольшим числом рабочих нам легче приступить к восстановлению донецкой промышленности. Но что же мы видим там теперь, после весеннего поворота в политике? Мы наблюдаем там обратное—особенно успешное развитие производства в мелких крестьянских шахтах, которые стали сдаваться в аренду. Мы видим развитие отношений государственного капитализма. Крестьянские шахты хорошо работают, доставляя государству, в виде аренды, около 30 проц. добываемого на них угля. Развитие производства в Донбассе показывает общее значительное улучшение по сравнению с катастрофическим положением лета текущего года, и в этом улучшении немалую роль играет улучшение производства в мелких шахтах, эксплуатации их на началах государственного капитализма. Я не могу здесь заняться разбором всех соответствующих данных, но вы же можете наглядно видеть на этом примере известные практические результаты перемены политики. Оживление экономической жизни, а это нам нужно во что бы то ни стало, повышение производительности, что нам также нужно во чтобы то ни стало,—все это мы уже начали получать посредством частичного возврата к системе государственного капитализма. От нашего искусства, от того, насколько правильно мы применим эту политику дальше, будет зависеть и то, насколько удачны будут дальнейшие результаты.

Теперь я возвращаюсь к развитию своей основной мысли. Этот весенний переход к новой экономической политике, это наше отступление к приемам, к способам, к методам деятельности государственного капитализма—оказалось ли оно достаточным, чтобы мы, приостановив отступление, стали уже готовиться к наступлению? Нет, оно оказалось еще недостаточным. И вот почему. Если вернуться к сравнению, о котором я говорил в начале (о штурме и осаде на войне), то мы еще не закончили нового перемещения войск, перераспределения материальных частей и т. д., словом, не закончили подготовки новых операций, которые теперь, согласно новой стратегии и тактике, должны пойти по иному. Если мы сейчас переживаем переход к госу-

дарственному капитализму, то спрашивается, надо ли добиваться того, чтобы приемы деятельности, соответствовавшие предыдущей экономической политике, нам теперь не мешали? Само собой разумеется—и наш опыт нам это показал,—нам этого не добиться. Весной мы говорили, что мы не будем бояться возвращения к государственному капитализму, и говорили о наших задачах именно как об оформлении товарообмена. Целый ряд декретов и постановлений, громадное количество статей, вся пропаганда, все законодательство с весны 1921 г. было приспособлено к поднятию товарообмена. Что заключается в этом понятии? Каков, если можно так выразиться, предполагаемый этим понятием план строительства? Предполагалось более или менее социалистически обменять в целом государстве продукты промышленности на продукты земледелия, и этим товарообменом восстановить крупную промышленность, как единственную основу социалистической организации. Что же оказалось? Оказалось,—сейчас вы это все прекрасно знаете из практики, но это видно и из всей нашей прессы,—что товарообмен сорвался, сорвался в том смысле, что он вылился в куплю-продажу. И мы теперь вынуждены это сознать, если не хотим прятать голову под крыло, если не хотим корчить из себя людей, не видящих своего поражения, если не боимся посмотреть прямо в лицо опасности. Мы должны сознать, что отступление оказалось недостаточным, что необходимо произвести дополнительное отступление, еще отступление назад, когда мы от государственного капитализма переходим к созданию государственного регулирования купли-продажи и денежного обращения. С товарообменом ничего не вышло, частный рынок оказался сильнее нас, и вместо товарообмена получилась обыкновенная купля-продажа, торговля.

Потрудитесь приспособиться к ней, иначе стихия купли-продажи, денежного обращения захлестнет вас!

Вот почему мы находимся в положении людей, которые все еще вынуждены отступать, чтобы в дальнейшей перейти, наконец, в наступление. Вот почему в данный момент сознание того, что прежние приемы экономической политики ошибочны, должно быть среди нас общепризнанным. Мы должны это знать, чтобы ясно дать себе отчет, в чем сейчас гвоздь положения, в чем своеобразие того перехода, перед которым мы стоим. Задачи внешние не стоят перед нами сию минуту, как неотложные. Не стоят, как неотложные, и военные задачи. Перед нами сейчас, главным образом, экономические задачи, и мы должны помнить, что ближайший переход не может быть непосредственным переходом к социалистическому строительству.

С нашим делом (экономическим) мы не могли еще сладить в течение 3 лет. При той степени разорения, нищеты и культурной отсталости, какие у нас были, решить эту задачу в такой краткий срок оказалось невозможным. Но штурм, в общем, не прошел бесследно и бесполезно.

Теперь мы очутились в условиях, когда должны отойти еще немного назад, не только к государственному капитализму, а и к государственному регулированию торговли и денежного обращения. Лишь таким, еще более длительным, чем предполагали, путем, можем мы восстанавливать экономическую жизнь. Восстановление правильной системы экономических отношений, восстановление мелкого крестьянского хозяйства, восстановление и поднятие на своих плечах крупной промышленности. Без этого мы из кризиса не выберемся. Другого выхода нет; а, между тем, сознание необходимости этой экономической политики в нашей среде еще недостаточно отчетливо. Когда, например, говоришь: перед нами задача, чтобы государство стало оптовым торговцем, или научилось вести оптовую торговлю, задача коммерческая, торговля,—это кажется необычайно странным, а некоторым и необычайно страшным. «Если, дескать, коммунисты договорились до того, что сейчас выдвигаются на очередь задачи торговые, обыкновенные, прустейшие, вульгарнейшие, мизернейшие торговые задачи, то что же может тут остаться от коммунизма? Не следует ли по сему случаю окончательно притти в уныние и сказать: ну, все потеряно! Такого рода настроения, я думаю, если поглядеть кругом себя, можно подметить, а они чрезвычайно опасны, потому что эти настроения, получивши они широкое распространение, служили бы лишь к засорению глаз для многих, к затруднению трезвого понимания наших непосредственных задач. Скрывать от себя от рабочего класса, от массы то, что в экономической области и весной 1921 г., и теперь осенью—зимой 1921—1922 года мы еще продолжаем отступление,—это значило бы осуждать себя на полную бессознательность, это значило бы не иметь мужества прямо смотреть на создавшееся положение. При таких условиях работа и борьба были бы невозможны.

Если бы армия, убедившись, что она не способна взять крепость штурмом, сказала бы, что она не согласна сняться со старых позиций, не займет новых, не перейдет к новым, не перейдет к новым приемам решения задачи,—про такую армию сказали бы: тот, кто научился наступать и не научился при известных тяжелых условиях, применяясь к ним, отступать, тот войны не окончит победоносно. Таких войн, котские бы начинались и оканчивались сплошным победоносным наступлением, не было во всемирной истории, или

они бывали, как исключения. И это—если говорить об обыкновенных войнах. А при такой войне, когда решается судьба целого класса, решается вопрос: социализм или капитализм,—есть ли разумные основания предполагать, что народ, в первый раз решающий эту задачу, может найти сразу единственно правильный, безошибочный прием? Какие основания предполагать это? Никаких! Опыт говорит обратное. Не было ни одной задачи из тех, какие мы решали, которая не потребовала бы от нас повторного решения взяться за нее опять. Потерпевши поражение, взяться второй раз все переделать, убедиться, каким образом можно подойти к решению задачи, не то, чтобы к окончательно правильному решению, но к решению, по крайней мере, удовлетворительному,—так мы работали, так надо работать и дальше. Если бы при той перспективе, которая открывается перед нами, в наших рядах не оказалось бы единодушия, это было бы самым печальным признаком того, что чрезвычайно опасный дух уныния поселился в партии. И наоборот, если мы не будем бояться говорить даже горькую и тяжелую правду напрямик, мы научимся, непременно и безусловно научимся, побеждать все и всякие трудности.

Нам нужно встать на почву наличных капиталистических отношений. Испугаемся ли мы этой задачи? Или скажем, что эта задача не коммунистическая? Это значило бы не понимать революционной борьбы, не понимать характера этой борьбы, самой напряженной и связанной с самыми крутыми переменами, от которых мы отмахнуться ни в коем случае не можем.

Я подведу теперь некоторые итоги.

Я коснусь вопроса, который занимает многих. Если мы теперь, осенью и зимою 1921 года, совершаем еще одно отступление, то когда же эти отступления кончатся? Такой вопрос прямо или не совсем прямо нам приходится слышать нередко. Но этот вопрос напоминает мне подобного же рода вопрос в эпоху Брестского мира. Когда мы заключили Брестский мир, нас спрашивали: «если вы уступили германскому империализму то-то и то-то, то когда же будет уступкам конец и где гарантия, что эти уступки кончатся? И, делая их, не увеличиваете ли вы опасности положения?» Конечно, мы увеличиваем опасность своего положения, но не надо забывать основных законов всякой войны. Стихия войны есть опасность. На войне нет ни одной минуты, когда бы ты не был окружен опасностью. А что такое диктатура пролетариата? Это есть война, и гораздо более жестокая, более продолжительная и упорная, чем любая из бывших когда бы то ни было войн. Здесь опасность грозит каждому нашему шагу.

То положение, которое создала наша новая экономическая политика—развитие мелких торговых предприятий, сдача в аренду государственных предприятий и пр., все это есть развитие капиталистических отношений, и не видеть этого—значило бы совершенно потерять голову. Само собою разумеется, что усиление капиталистических отношений уже само по себе есть усиление опасности. А можете ли вы мне указать хоть какой-нибудь путь в революции, какие-нибудь ее этапы и приемы, где бы не было опасности? Исчезновение опасности означало бы конец войны и прекращение диктатуры пролетариата, но об этом, конечно, никто из нас сию минуту не мечтает. Всякий шаг в этой новой экономической политике означает целый ряд опасностей. Когда мы весной говорили, что мы заменяем разверстку продналогом, что мы декретируем свободу торговли излишками, остающимися от продналога, мы тем самым давали свободу развития капитализма. Не зная этого, значило бы совершенно потерять понимание основных экономических отношений и лишиться себя возможности осмотреться и правильно действовать. Конечно, изменились приемы борьбы, изменились и условия опасности. Когда решался вопрос о власти советов, о разгоне учредилки, опасность грозила со стороны политики. Эта опасность оказалась ничтожной. А когда наступила эпоха гражданской войны, поддержанной капиталистами всего мира, явилась опасность военная,—она была уже более грозной. Когда же мы изменили свою экономическую политику, опасность стала еще большей, потому, что, состоя из громадного количества хозяйственных, обыденных мелочей, к которым обыкновенно привыкают и которых не замечают, экономика требует от нас особого внимания и напряжения, и с особой определенностью выдвигает необходимость научиться правильным приемам преодоления ее. Восстановление капитализма, развитие буржуазии, развитие буржуазных отношений из области торговли и т. д.,—это и есть та опасность, которая свойственна теперешнему нашему экономическому строительству, теперешнему нашему постепенному подходу к решению задачи гораздо более трудной, чем предыдущие. Ни малейшего заблуждения здесь быть не должно.

Мы должны понять, что теперешние конкретные условия требуют государственного регулирования торговли и денежного обращения и что именно в этой области мы должны проявить себя. Противоречий в нашей экономической действительности больше, чем их было до новой экономической политики: частичные, небольшие улучшения экономического положения у одних слоев населения, у немногих, полное несоответствие между экономическими ресурсами и необходимыми потребностями у других, у боль-

шинства. Противоречий стало больше. И понятно, что пока мы переживаем крутую ломку, из этих противоречий выскочить сразу нельзя.

Мне хотелось бы в заключение подчеркнуть три главных темы моего доклада. Первая: общий вопрос, в каком смысле мы должны признать ошибочность экономической политики нашей партии в период, предшествовавший новой экономической политике? Я постарался на примере из одной войны пояснить необходимость перехода от штурма к осаде, неизбежность штурма сначала и необходимость сознать значение новых приемов борьбы после неудачи штурма.

Дальше. Первый урок и первый этап, определившийся к весне 1921 г.,—развитие государственного капитализма на новом пути. В этом отношении имеются некоторые успехи, но есть и небывалые противоречия. Мы еще не овладели этой областью.

И третье—после того отступления, которое мы должны были произвести весной 1921 г. от социалистического строительства к государственному капитализму, мы видим, что стало на очередь регулирование торговли и денежного обращения; как ни кажется нам далекой от коммунизма область торговли, а именно в этой области перед нами стоит своеобразная задача. Только решив эту задачу, мы сможем подойти к решению экономических потребностей, абсолютно нестложных и только так мы можем обеспечить возможность восстановления крупной промышленности путем более долгим, но более прочным, а теперь и единственно для нас возможным.

Вот главное, что мы должны по вопросу о новой экономической политике иметь перед глазами. Мы должны при решении вопросов этой политики ясно видеть основные линии развития для того, чтобы разобраться в том кажущемся хаосе, который мы сейчас в экономических отношениях наблюдаем, когда рядом с ломкой старого мы видим слабые еще ростки нового, видим нередко и приемы нашей деятельности, не отвечающие новым условиям. Мы должны, поставить себе задачу повышения производительных сил и восстановления крупной промышленности, как единственной базы социалистического общества, действовать так, чтобы правильно подойти к этой задаче и ее во что бы то ни стало решить.

Из речи на XI съезде партии.

(27 марта 1922 года).

Ограничиваясь поэтому вот этими краткими указаниями о Генусе, я перейду к тем вопросам, которые, на мой взгляд, являются главными вопросами политики за истекший год и главными вопросами политики на будущий год. А мне сдается (или, по крайней мере, такова моя привычка), что в политическом докладе Ц. К. нам надо вести речь не просто о том, что было за отчетный год, но о том, какие за отчетный год получились политические уроки,—основные, коренные, чтобы на ближайший год свою политику определить верно, чтобы кое-чему за год научиться.

Тут главным вопросом является, конечно, новая экономическая политика. Весь этот отчетный год прошел под знаком новой экономической политики. Если какое-нибудь крупное, серьезное и неотъемлемое завоевание мы за этот год сделали (это еще не так для меня несомненно, что мы, действительно, сделали), то только в том, чтобы чему-нибудь из начала этой новой экономической политики научиться. Если хотя бы даже немногому мы научились, то действительно мы за этот год в области новой экономической политики научились чрезвычайно многому. А проверка того, научились мы действительно и насколько,—это будет уже дано, вероятно, последующими событиями, предстоящим финансовым кризисом—вот такого рода происшествиями, от нашей воли очень мало зависящими. Мне кажется: главное, что по вопросу о нашей экономической политике надо иметь в виду, как основу для всех рассуждений и для учета опыта за год и для приобретения практических уроков на грядущий год—это следующие три пункта.

Во-первых, прежде всего важна нам новая экономическая политика как проверка того, что мы действительно достигаем смычки с крестьянской экономикой. В предшествующей

щую эпоху развития нашей революции, когда главным образом все внимание и все силы были устремлены или почти поглощены задачей отпора от нашествия, мы об этом не могли как следует подумать, и из обстановки вытекало то, что было не до этого. Этим до известной степени можно было и должно было пренебречь, когда стояла абсолютно неотложная и прямая нависшая задача отпора от опасности быть немедленно задушенными гигантскими силами мирового империализма. Поворот к новой экономической политике был решен на прошлом съезде с чрезвычайнейшим единодушием, с большим даже единодушием, чем другие примеры решения вопросов нашей партии (которая, надо признать, вообще отличается большим единодушием).

Единодушие это показало, что абсолютно назрела необходимость нового подхода к социалистической экономике. Люди, по многим причинам расходившиеся, с различных точек зрения оценивающие положение, единодушно и очень быстро пришли без всяких колебаний к тому, что у нас подхода настоящего к социалистической экономике, построению ее фундамента, нет, и что новая экономическая политика есть единственный способ найти этот подход. Нам пришлось, в силу развития событий военных; в силу развития событий политических, развития капитализма в старом культурном Западе и развития общественных и политических условий в колониях;—нам пришлось первым пробить брешь в старом буржуазном мире в тот момент, когда наша страна принадлежала экономически если не к самой отсталой, то к одной из самых отсталых стран. Огромное большинство крестьянства в нашей стране ведет мелкое индивидуальное хозяйство. Постройка того, что мы могли сразу построить из намеченной нами программы коммунистической общественности, шла до известной степени в сторонку от того, что делалось в широчайшей крестьянской массе, на которую мы возлагали повинности очень тяжелые, оправдывая их тем, что война никаких колебаний в этом отношении не допускает. И это оправдание, если взять его во всем объеме, было крестьянством принято, как не велики были ошибки, которых мы не могли избежать. А в общем крестьянская масса увидела и поняла, что эти огромные тяжести, которые на них возлагаются, были необходимы, чтобы отстоять рабоче-крестьянскую власть от помещиков, чтобы не быть задушенными капиталистическим нашествием, которое грозило отобрать все завоевания революции. Но смычки между экономикой, которая строилась в национализированных, социализированных фабриках и заводах, совхозах, и крестьянской экономикой не было. Это ясно мы увидели на прошлом съезде прошлой весной.

Это мы видели так ясно, что никаких колебаний не было в партии по вопросу о том, что новая экономическая политика неизбежна.

Забавно наблюдать в необыкновенно богатой печати всяческих русских партий за границей все оценки. Разница только между этими оценками самая пустая: они сами, живя прошлым, и сейчас еще твердят о том, что левые коммунисты до сих пор еще против новой экономической политики. Вспомнили люди в 1921 г., то, что было в 1918 г. и что у нас сами-то левые коммунисты забыли и жуют и пережевывают это до сих пор, уверяя, что эти большевики—народ, известно, коварный и лживый; они, мол, скрывают от Европы, что тут у них самих разногласия есть. Когда читаешь это, то думаешь: пускай себе заблуждаются. Если у них такие представления о том, что у нас происходит, то можно поэтому судить о степени сознательности этих образованнейших, будто бы, старых людей, которые выжили за границу.

Мы знаем, что у нас никаких разногласий не было, и не было потому, что практическая необходимость иного подхода к постройке фундамента социалистической экономики для всех была ясна.

Смычки с крестьянской экономикой в той новой экономике, которую мы пытались создать, у нас не было. Есть ли она теперь?—Нет еще. Мы к ней только подходим. Все значение нэп'а, которое в нашей прессе еще часто продолжают искать везде, где угодно, но не там, где следует, все значение в этом и только в этом: найти смычку той новой экономике, которую мы громадными усилиями создаем. И в этом наша заслуга, и без этого мы бы не были коммунистами-революционерами.

Новую экономику мы стали строить совершенно по новому, ни с чем старым не считаясь. И если бы мы строить ее начали, то мы были бы разбиты в первые же месяцы, в первые же годы наголову. Но это не значит, что мы уперлись в то, что если мы начали ее с такой абсолютной смелостью, то мы непременно и будем так продолжать. Откуда это вытекает? Это ниоткуда не вытекает.

Мы с самого начала говорили, что нам приходится делать дело непомерно новое. И если нам быстро не помогут товарищи-рабочие стран более развитых в капиталистическом отношении, то дело наше—невероятно трудное, в котором будет иметь место несомненно ряд дальнейших ошибок. Главное: надо трезво уметь смотреть, где какие ошибки допущены и переделывать все сначала. Если не два, а много раз придется переделывать сначала, то это покажет, что мы без предрассудков, трезвыми глазами подходим к нашей величайшей в мире задаче.

Сейчас основное, по вопросу новой экономической политики,—это надо и этого мы хотим: правильно усвоить опыт истекшего года. И если мы хотим во что бы то ни стало добиться этого (а мы этого хотим и добьемся), то надо знать, что задача нэп'а основная, решающая, все себе остальное подчиняющая, это—задача: между той новой экономикой, которую мы начали строить (очень плохо, очень неумело, но начали строить, совершенно по новой социалистической экономике, новому производству, новому распределению), и крестьянской экономикой, которой живут миллионы и миллионы крестьян, установить смычку.

Смычки этой не было и эту смычку нам надо прежде всего создать. Этому соображению надо подчинить все. Насколько удалось новой экономической политике создать эту смычку и не разрушить то, что мы начали строить неумело, нам надо еще выяснить.

Мы строим свою экономику с крестьянством. Мы должны ее переделывать неоднократно, но не разрушать ее до конца и устроить так, чтобы между нашей работой социалистической, по крупной промышленности и сельскому хозяйству, и той работой, которой занят каждый крестьянин и которую он ведет так, как он может, выбиваясь из нужды, не мудрствуя (потому что, где ему мудрствовать для того, чтобы вылезти и спастись из прямой опасности мучительнейшей голодной смерти), была бы смычка.

Вот показать эту смычку, чтобы мы ее ясно видели, чтобы весь народ ее видел и чтобы вся крестьянская масса видела, что между ее тяжелой, неслыханно разоренной, неслыханно нищенской мучительной жизнью теперь, и той работой, которую ведут во имя отдаленных социалистических идеалов, есть связь; надо сделать так, чтобы простому рядовому трудящемуся человеку было понятно, что он получил какое-нибудь улучшение и получил его не так, как получали немногие из крестьян в эпоху помещичьей власти и капитализма, когда каждый шаг улучшения (улучшения, несомненно бывали, и очень крупные бывали) при старом строе был связан с издевкой, с надругательством, с издевательством над мужиком, с насилием над массой, которого никто из крестьян не забыл и десятки лет в России не забудет. Наша цель—восстановить такую смычку, доказать крестьянину делами, что мы начинаем с того, что ему понятно, знакомо и сейчас доступно при всей его нищете, а ни с чего-то отдаленного, фантастического с точки зрения крестьянина,—доказать, что мы ему умеем помочь, что коммунисты в момент тяжелого положения, разоренного, обнищавшего, мучительного голодающего мелкого крестьянина, ему сейчас помогают на деле. Либо мы это докажем, либо

он нас пошлет ко всем чертям. Это совершенно неминуемо, и вот в чем значение нэп'а, вот в чем основа всей нашей политики и здесь главный наш урок за весь прошедший год применения новой экономической политики и главное наше, так сказать, политическое правило на год наступающий. Крестьянин нам кредит оказывает и, конечно, после пережитого не может не оказывать. Крестьянин в своей массе живет, соглашаясь—«ну, если вы не умеете, мы подождем, может быть, вы и научитесь». Но этот кредит не может быть неисчерпаемым.

Это надо знать и, получивши кредит, все-таки потараниваться, надо знать, что приближается момент, когда крестьянская страна нам дальнейшего кредита не окажет, когда она, если можно употребить коммерческий термин, спросит наличными. «Но сейчас все-таки, после стольких месяцев и стольких лет отсрочки, вы, любезнейшие правители, приобрели самый верный надежный способ помочь нам выйти из нужды, нищеты, голода, разорения? Вы умеете, вы это доказали?» Вот какой экзамен на нас надвигается неминуемо, и он, этот экзамен, все решит в последнем счете: и судьбу нэп'а, и судьбу коммунистической власти в России.

Нас интересует наше непосредственное дело. Сумеем мы его доделать, или нет? Что, этот нэп пригодится на что-нибудь или нет? Если окажется правильным отступление, то сомкнуться, отступивши с крестьянской массой, и вместе с ней в сто раз медленнее, но твердо и неуклонно идти вперед, чтобы она всегда видела, что мы все-таки идем вперед, тогда наше дело будет абсолютно непобедимо, и никакие силы в мире нас не победят. Еще до сих пор за первый год мы не достигли этого. Это надо сказать прямо. Таково мое убеждение, и наша новая экономическая политика даст возможность сделать этот вывод совершенно ясно и твердо. Если мы усвоим всю громадную опасность, которая заключается в нэп'е и направим наши силы на слабые пункты, тогда мы эту задачу решим.

Сомкнуться с крестьянской массой, с рядовым трудовым крестьянством и начать двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленно, чем мы мечтали, но за то так, что действительно будет двигаться вся масса с нами. И тогда и ускорение этого движения в свое время наступит такое, о котором мы сейчас и мечтать не можем. Это, по моему, первый, основной политический урок нэп'а.

Второй, более частный, урок, это проверка соревнования государственных и капиталистических предприятий. У нас теперь создаются смешанные общества, я немножечко о них скажу дальше, но вообще говоря, и организуемые смешанные общества, и вся наша государственная тор-

говля, и вся наша новая экономическая политика, все это применение нами, коммунистами, приемов торговых, приемов капиталистических, оно имеет и то значение, что тут устанавливается практическое соревнование способов капиталистических и способов наших. Сравните практически. Мы до сих пор писали программу и обещали. В свое время это было совершенно необходимо. Без программы и обещаний выступить с мировой революцией нельзя. Если за это белогвардейцы, и в том числе меньшевики, ругают, то это только показывает, что меньшевики и социалисты второго и два с половиной Интернационала не имеют никакого понятия о том, как вообще развитие революции происходит. Иначе, как через это мы начать не могли. Но сейчас дело обстоит так, что мы должны проверку нашей работы установить уже серьезную, не ту, которая бывает через контрольные учреждения, теми же коммунистами создаваемые. Хотя бы эти контрольные учреждения были великолепны и хотя бы они были и в системе советских учреждений и в системе партийных учреждений, хотя бы они были почти что идеальными контрольными учреждениями, такая проверка—насмешка, с точки зрения действительной потребности крестьянской экономики, но это отнюдь не насмешка с точки зрения нашего строительства. Мы сейчас эти контрольные учреждения создаем, но я говорю сейчас не об этой проверке, а о той, которая с точки зрения массовой экономики есть проверка.

Капиталист умел снабжать. Он это делал плохо, он это делал грабительно, он нас оскорблял, он нас грабил. Мы это знаем, мы простые рабочие и крестьяне, которые не рассуждаем о коммунизме, которые не знаем, что эта штука такая.

Но капиталисты же, те сумели снабжать, а вы умеете?.. А вы не умеете! Ведь вот какие голоса в прошлом году весной,—не всегда ясно, слышались, но подпочву всего кризиса, прошлогоднего весеннего кризиса составляли. Люди-то вы превосходные, но то дело, экономическое дело, за которое вы взялись, вы делать не умеете. Вот самая простая и самая убийственная критика, которую крестьянство в прошлом году, а через крестьянство целый ряд слоев рабочих, направляли против коммунистической партии. И вот почему тут этот второй пункт в вопросе о нэп'е приобретает такое значение. Проверка настоящая. Рядом действует капиталист, действует грабительно, берет прибыли, но он умеет. А вы—вы по новому пробуете, прибылей у вас нет, принципы коммунистические, идеалы хорошие, ну, расписаны так, что святые люди. В рай живыми проситесь, а дело делать умеете?

Вот в проверку, в настоящую проверку, да проверку не такую, что ЦКК исследует и вынесет порицание, а ВЦИК назначит взыскание, нет, а проверку настоящую, с точки зрения народной экономики. Отсрочки коммунистам были даны всякие, в кредит было дано столько, сколько ни одному другому правительству не давалось. Конечно, коммунисты помогли избавиться от капиталистов; от помещиков, крестьянство это ценит, и оно в кредит отсрочки давало, но все до известного срока. А затем уже проверка: умеете ли вы хозяйничать не хуже, чем другие? Старый капиталист умеет, а вы не умеете. Вот первый урок, первая главная часть политического доклада. ЦК. Мы хозяйничать не умеем. Это за год доказано. Я бы очень хотел взять пример нескольких гострестов (если выражаться этим прекрасным русским языком, который так хвалил Тургенев) и показать, что хозяйничать не умеем...

К сожалению, по ряду причин, в значительной степени по болезни, этой части доклада я не мог разработать и только должен ограничиться выражением своего убеждения, основанного на наблюдении того, что происходит. За этот год мы доказали с полной ясностью, что хозяйничать не хуже капиталистов мы не умеем. Это основной урок. Если бы все коммунисты—ответственные работники—ясно сознали: не умеем, давайте учиться сначала, тогда выиграем дело,—это, по моему, основной, коренной вывод.—Но не сознают этого и уверены, что если кто так думает, то неразвитой народ, потому что достаточно не учились коммунизму,—может быть, поймут, поучатся. Нет, извините, что не в том, дело, крестьянин, беспартийный рабочий не учился коммунизму, а в том, что миновали времена, когда нужно было развить программу и призвать народ к выполнению великой программы. Это время прошло, теперь нужно доказать, что вы при нынешнем трудном положении умеете практически хозяйству рабочего и мужика помочь, чтобы он видел, что соревнование вы выдержали.

Смешанные общества, которые мы начали создавать, это одна из форм. Смешанные общества, в которых участвуют и частные капиталисты, русские и заграничные, и коммунисты, эти общества—одна из форм, в которой можно правильно поставить соревнование, показать и научиться тому, что не хуже капиталистов мы смычку с крестьянским хозяйством устанавливать умеем, его потребность можем удовлетворить, можем помочь ему двинуться вперед,—так, как он сейчас есть, при всей его темноте, ибо переделать в короткий срок нельзя.

Вот какое соревнование стоит перед нами, как абсолютная неотложная задача. Вот в чем гвоздь новой экономической политики и вся, по-моему убеждению, суть пар-

тийной политики . У нас чисто - политических вопросов сколько угодно и трудностей много. И вы их знаете: и Пенуя, и опасность интервенции. Трудности велики, но они все ничтожны по сравнению с этой трудностью. Там мы уже видели, как это делается, там мы научились многому, испытали буржуазную дипломатию. Это такая штука, которой нас меньшевики 15 лет учили и кое-чему полезному научили. Это не ново.

Но вот вещь, которую приходится нам проделывать в экономике: теперь выдержать соревнование с простым приказчиком, с простым капиталистом, купцом, который к крестьянину пойдет и не будет спорить о коммунизме—представьте себе. Не станет спорить о коммунизме, а станет спорить, что ежели нужно достать, правильно сторговать, суметь построить, то я-то построю дорого, а может быть, коммунисты построят подешевле,—если не в 10 раз дороже? Вот такая агитация представляет теперь суть дела, вот в чем корень экономики. Повторяю, отсрочку и кредит от народа мы получили, благодаря нашей правильной политике, и это, если выразиться по нэп'овски,—векселя, но сроки на этих векселях не написаны, и когда они будут предъявлены ко взысканию, справкой с текстом векселя такой штуки не узнаешь. Вот в чем опасность, вот особенность, которая отличает эту сумму политических векселей от обыкновенных торговых векселей.

На это нам надо обратить все внимание, не успокаиваться на том, что везде ответственные и лучшие коммунисты в государственных трестах и смешанных обществах—толку от этого нет никакого, потому что они не умеют хозяйничать, и в этом смысле они хуже рядового капиталистического приказчика, прошедшего школу крупной фабрики и крупной фирмы. Этого мы не сознаем, тут осталось коммунистическое чванство—комчванство. Вопрос в том, что ответственный, выражаясь великим русским языком, коммунист—и лучший, и заведомо честный, и преданный,—каторгу выносил и смерти не боялся, но торговли вынести не умеет, потому что не делец, этому не учился и не хочет учиться и не понимает, что с азов должен учиться. Он коммунист, революционер, сделавший величайшую в мире революцию, он, на которого смотрят, если не сорок пирамид, то сорок европейских стран с надеждой на избавление от капитализма, он должен учиться от рядового приказчика, который бегал в лабаз десять лет, который это дело знает, а ты, ответственный коммунист и преданный революционер, не только не знаешь этого, но даже не знаешь того, что этого не знаешь...

И вот, если мы, товарищи, это хотя бы первое незнание поправим, это будет громадная победа. Мы

с этого с'езда должны уйти с убеждением, что мы этого не знали, и будем учиться с азов, мы должны понять ту простую вещь, что в новом, необыкновенно трудном деле надо уметь начинать сначала несколько раз—начали, уперлись в тупик, начинай снова, и так десять раз переделывай, но добейся своего, не важничай, не чванься, что ты коммунист, а там какой-то приказчик беспартийный, а может быть, белогвардеец, и наверное белогвардеец умеет делать дело, которое экономически надо сделать во что бы то ни стало, а ты не умеешь.

Если ты ответственный коммунист, сотни чинов и званий кавалера коммунистического и советского имеешь, если ты это поймешь, тогда ты своей цели достигнешь, ибо научиться этому можно. Кое-какие, хотя бы малюсенькие, успехи у нас за этот год есть, но они ничтожны. Главное то, что нет сознания и широкого распространенного, всеми коммунистами разделяемого убеждения, что сейчас у нас, у русского ответственного и преданнейшего коммуниста этого умения меньше, чем у любого старого приказчика. Надо, повторю, начать учиться сначала. Если мы это сознаем, тогда мы экзамен выдержим, а экзамен серьезный, который устроит приближающийся финансовый кризис, экзамен, который устроит русский и международный рынок, которому мы подчинены, с которыми связаны, от которого не оторваться.

Экзамен этот серьезный, ибо тут тебя могут разбить экономически, и политически. Вопрос стоит так и только так, тут соревнование серьезное и это соревнование решающее. Много у нас было всяких ходов и выходов из наших политических и экономических трудностей; мы можем с гордостью похвастаться, что мы до сих пор умели использовать все эти ходы и выходы в разных сочетаниях, применительно к разным обстоятельствам, но у нас теперь больше никаких выходов нет. Позвольте это вам сказать без всякого преувеличения, так что в этом смысле действительно последний и решительный бой, не с международным капитализмом—там еще будет много последних и решительных боев,—нет, а вот с русским капитализмом, с тем, который растет из мелкого крестьянского хозяйства, с тем, который им поддерживается. Вот тут предстоит в ближайшем будущем бой, срок которого нельзя точно определить. Тут предстоит последний и решительный бой, тут больше никаких, ни политических, ни всяких других обходов быть не может, ибо это экзамен соревнования с частным капитализмом. Чтобы выдержать этот экзамен, мы имели политическую власть и целую кучу всяких экономических и других ресурсов, всего, чего хотите,—кроме умения, умения нет! И вот, если мы этот простой урок извлечем из опыта минувшего года и сделаем его руководящим для

себя на весь 1922 год, тогда мы и эту трудность победим, несмотря на то, что она гораздо больше, чем предыдущая трудность, потому что она лежит в нас самих. Это не то, что какой-нибудь внешний враг. Эта трудность заключается в том, что мы сами не хотим сознать той неприятной истины, которая нам навязана, и не хотим попасть в то неприятное положение, в которое надо попасть: начини учиться сначала! Это—второй урок, который, на мой взгляд, вытекает из новой экономической политики.

А третий, дополнительный, это по вопросу о государственном капитализме. По вопросу о государственном капитализме вообще наша пресса, вообще наша партия делает ту ошибку, что мы впадаем в интеллигенщину, в либерализм, мудрим насчет того, как понимать государственный капитализм, и заглядываем в старые книги. А там написано совсем не просто: там написано про тот государственный капитализм, который бывает при капитализме, но нет ни одной книги, в которой было бы написано про государственный капитализм, который бывает при коммунизме.

Даже Маркс не догадался написать ни одного слова по этому поводу и умер, не оставив ни одной точной цитаты и неопровержимых указаний. Поэтому нам сейчас придется выкарабкиваться самим. И если обзреть в уме нашу прессу по вопросу о государственном капитализме одним общим взглядом, как я пытался это сделать, готовясь к настоящему докладу, то получается убеждение, что там стреляют мимо, глядят совершенно в другую сторону.

Государственный капитализм, во всей этой экономической литературе, тот капитализм, который бывает при капиталистическом строе, когда государственная власть, прямо подчиняет себе те или иные капиталистические предприятия. У нас государство пролетарское, на пролетариат опирается, пролетариату дает все политические преимущества и через пролетариат привлекает к себе крестьянство с низов (вы помните, что мы начали эту работу с комбедов).

Государственный капитализм сбивает очень и очень многих с толку. Чтобы этого не было, надо помнить основное, что государственный капитализм в таком виде, какой мы имеем у себя, ни в какой теории, ни в какой литературе не разбирается по той простой причине, что все обычные понятия, связанные с этими словами, приурочены к буржуазной власти в капиталистическом обществе. А у нас общественность, которая с рельс капиталистических соскочила, а на новые рельсы еще не вошла, руководит этим государством не буржуазия, а пролетариат. А мы не хотим понять, что когда мы говорим — «государство», то государство это—мы, это—пролетариат, это—авангард рабочего класса.

Государственный капитализм, это тот капитализм, который мы должны поставить в известные рамки и которого мы не умеем до сих пор поставить в эти рамки. Вот в чем вся штука. Здесь уже ударение на то, что уже от нас зависит, именно: каков этот государственный капитализм будет? Политической власти у нас достаточно, совершенно достаточно; экономических средств в нашем распоряжении тоже достаточно, но умения это дело непосредственно ведать, определить границы, размежеваться, подчинить себе, а не быть подчиненным—тут нужно только умение, а его у нас нет.

Положение совершенно невиданное в истории: у пролетариата, у революционного авангарда, совершенно достаточно политической власти, а на ряду с этим государственный капитализм. Гвоздь вопроса в том, чтобы мы поняли, что это тот капитализм, который мы можем и должны допустить, который мы можем и должны поставить в рамки, ибо капитализм этот необходим для широкого крестьянства, чтобы обычный ход капиталистического хозяйства и капиталистического оборота был возможен, ибо это нужно царю, без этого жить нельзя. Все остальное не является для них, для того лагеря, абсолютно необходимым, со всем остальным они могут помириться. Сумейте вы, коммунисты, вы, рабочие, вы, сознательная часть пролетариата, которая взялась государством управлять, сумейте вы сделать так, чтобы государство, которое вы взяли в руки, чтобы оно по вашему действовало. А вот мы год пережили, государство в наших руках, а в новой экономической политике оно в этот год действовало по нашему?—Нет. Эгого мы не хотим признать: оно действовало не по нашему. А как оно действовало?—Вырывается машина из рук: как будто бы сидит человек, который ею правит, а машина едет не туда, куда ее направляют, а туда, куда направляет кто-то, не то нелегальные, не то незаконные, не то, бог знает откуда взятые, не то спекулянты, не то частно-хозяйственные капиталисты, или те и другие. Машина едет не совсем так, а очень часто совсем не так, как воображает тот, кто у руля этой машины сидит. Вот основное, что надо по вопросу о государственном капитализме помнить. Надо в этой основной области учиться сначала, и только тогда, если это станет нашим абсолютным достоянием и сознанием, мы можем ручаться, что мы этому научимся.

Теперь я перейду к вопросу об остановке отступления, о чем мне пришлось говорить в моей речи на съезде металлистов. Я не встретил с тех пор никаких возражений, ни в партийной прессе, ни в частных письмах товарищей, ни в Центральном Комитете. Центральный Ко-

митет мой план одобрил, а состоял этот план в том, чтобы и в докладе от имени Центрального Комитета на настоящем съезде эту остановку отступления со всей энергией подчеркнуть и просить съезд соответствующую директиву уже от имени всей партии дать, уже как обязательную. Мы год отступали. Мы должны теперь сказать от имени партии:— достаточно! Та цель, которая отступлением преследовалась, она достигнута. Этот период кончается, или кончился. Теперь цель выдвигается другая — перегруппировка сил. Мы пришли в новое место, отступление в общем и целом мы всетаки произвели в сравнительном порядке. Правда, с разных сторон не было недостатка в голосах, которые это отступление хотели обратить в паническое. Одни с той стороны, что, дескать, вы в той или иной части неверно отступали, как, например, некоторые представители группы, которая носила название рабочей оппозиции (думаю, что они неправильно это название носили). Они от чрезмерного усердия шли в одну дверь, а попали в другую, а теперь наглядно обнаружили это. Тогда они не видели того, что их деятельность была направлена не к тому, чтобы исправить наше движение, а на самом деле их деятельность имела одно значение—сеяла панику, мешала тому, чтобы отступление произвести дисциплинированно.

Отступление штука трудная, особенно для тех революционеров, которые привыкли наступать, особенно, когда они привыкли наступать несколько лет с гигантским успехом, особенно, если они окружены в других странах революционерами, которые только и мечтают о том, чтобы начать наступление. Нам было ясно, что именно потому, что мы наступали так успешно в течение многих лет и одерживали так много необыкновенных побед, и все это в стране невероятно разоренной, лишенной материальных предпосылок, чтобы закрепить это наступление, нам совершенно необходимо было, раз мы так много завоевали, совершенно необходимо было отступить. Мы не могли удержать всех позиций, которые с налету захватили, а с другой стороны, только благодаря тому, что мы с налету, на гребне энтузиазма рабочих и крестьян, захватили необъятно много, только поэтому у нас было много места, что мы могли очень далеко отступать, и сейчас еще можем далеко отступать, несколько не теряя главного и основного. Отступление в общем и целом прошло в достаточном порядке, хотя голоса панические, к числу которых принадлежала рабочая оппозиция (и в этом был ее величайший вред), вызвали у нас частичные отрезывания, отпадения от дисциплины, от правильного отступления. Самая опасная штука при отступлении—это паника. Ежели вся армия (тут я говорю в переносном смысле), отступает, тут такого настроения, когда все идут вперед, быть не мо-

жет. Тут уже на каждом шагу вы встретите настроение до известной степени подавленное.

У нас даже поэты были, которые писали, что вот мол, и голод и холод в Москве; «тогда как раньше было чисто, красиво, теперь—торговля, спекуляция». У нас есть целый ряд таких поэтических произведений.

И понятно, что это порождается отступлением. И вот в этом громадная опасность: отступать, после победоносного великого наступления, страшно трудно; тут совершенно иные имеются отношения; там дисциплину, если и не поддерживаешь, все сами собой прут и летят вперед; тут и дисциплина должна быть сознательней и в сто раз нужнее, потому что, когда вся армия отступает, ей не ясно, она не видит, где остановится, а видит лишь отступление, тут иногда достаточно и немногих панических голосов, чтобы все побежали, тут опасность громадная. Когда происходит такое отступление с настоящей армией, ставят пулеметы, и тогда, когда правильное отступление переходит в беспорядочное, командуют: «стреляй». И правильно.

Если люди вносят панику, хотя бы и руководствуясь лучшими побуждениями, в такой момент, когда мы ведем неслыханно трудное отступление и когда все дело в том, чтобы хороший порядок сохранить, в этот момент необходимо карать строго, жестоко, беспощадно малейшее нарушение дисциплины, и не только по отношению к некоторым внутри-партийным нашим делам, но это надо иметь в виду еще больше по отношению к таким господам, как меньшевик или все господа из 2½ Интернационала.

На-днях я прочел в 20 книжке «Коммунистического Вестника» статью т. Ракоши, о новой книжке Отто Бауера, у которого мы все когда-то учились, но который после войны, как и Каутский, стал жалким мещанином и теперь пишет—вот они отступают к капитализму, мы всегда говорили: революция—буржуазная.

И меньшевики и эсеры, которые все такие вещи проповедают, удивляются, когда мы говорим, что мы за такие вещи будем расстреливать. Они изумляются, а ведь вопрос ясен: когда армия отступает, то тут нужна дисциплина во сто раз больше, чем при наступлении, потому что при наступлении все рвутся вперед. А если теперь все начнут рваться назад, то это гибель, неизбежная и немедленная.

Именно в такой момент отступить в порядке, точно установить предел отступления и не поддаваться панике,—это самое главное. И когда меньшевик говорит: вы теперь отступаете, а я всегда был за отступление, я с вами согласен, я ваш человек, давайте отступать вместе,—а мы ему скажем: за публичное доказательство меньшевизма наши

революционные суды должны расстреливать, а иначе это не наши суды, а бог знает что такое.

Они никак не могут понять и говорят: какие у этих людей диктаторские замашки! А мы на это отвечаем: либо вы погрудитесь от высказывания наших взглядов воздержаться, либо, если вы желаете свои политические взгляды высказывать при настоящем положении, когда мы в гораздо более трудных условиях, чем при прямом нашествии белых, то, извините, мы с вами будем обращаться, как с худшими и вреднейшими элементами белогвардейщины. Этого мы забыть не должны.

Когда я говорю об остановке отступления, я вовсе не имею в виду указать этим, что мы научились торговать. Наоборот, я держусь обратного мнения, и я был бы неправильно понят и было бы доказано, что я не умею правильно излагать свои мысли, если бы от моего выступления осталось подобное впечатление.

Но дело в том, чтобы то нервничание, та суетливость, которая создалась у нас вследствие нэп'а, стремление создавать все по новому, приспособлять, чтобы это было приостановлено. У нас сейчас есть ряд смешанных обществ. Правда, их очень немного. У нас, с участием иностранных капиталистов, заключено девять обществ, утвержденных Внешторгом. Комиссия Сокольникова утвердила 6 и Северолес заключил—2. Сейчас налицо, таким образом, семнадцать обществ с многомиллионным капиталом, утвержденным разными инстанциями (конечно, у нас путаница и в инстанциях достаточная, так что зевок тут тоже возможен). Но во всяком случае, с русскими и иностранными капиталистами у нас сейчас общества есть. И это немного, это маленькое, но практическое начало показывает, что коммунистов оценили, оценили с точки зрения их практики, оценили не такие высокие учреждения, как ЦКК и ВЦИК (конечно, ЦКК—учреждение очень хорошее, и мы ему власти теперь дадим побольше). Но всетаки, когда эти учреждения проверяют коммунистов, то... представьте себе, что на международном рынке их авторитета не признают... А когда обыкновенные капиталисты, русские и заграничные, идут в смешанное общество с коммунистами, мы говорим: а всетаки кое-что мы умеем, всетаки, как это ни плохо, как это ни мизерно, но в смысле начала мы уже имеем кое-что. Конечно, не так много; подумайте, уже год как провозгласили, что всю энергию (а говорят, энергии у нас много-много), всю энергию положили на это дело, и за год только семнадцать обществ!

Это показывает, до какой степени мы дьявольски неворотливы, мешковаты, сколько еще у нас обломовщины; за которую нас еще неминуемо будут бить. Но всетаки, повторяю, начало есть, разведка сделана. Ка-

питалисты не пошли бы к нам, если бы элементарных условий для их действия не было. Но если даже ничтожная часть пошла, это уже показывает, что частичная победа есть.

Конечно, они еще внутри обществ этих вздуют нас, вздуют так, что несколько лет затем придется разбирать. Но это ничего. Я не говорю, что это есть победа—это есть разведка, которая показывает, что у нас уже есть поприще, есть кусок земли, и что мы отступление можем уже приостановить.

Разведкой установлено ничтожное количество договоров с капиталистами, но все-таки они заключены. На этом надо учиться и действовать дальше. В этом смысле пора перестать нервничать, кричать, суетиться. Идут записки за записками, телефонограммы за телефонограммами: «Нельзя ли нас тоже переорганизовать, потому, что у нас нэп». Все суетятся, получается кутерьма; практического дела никто не делает, а все рассуждают, как приспособиться к нэп'у, и результата никакого не получается.

А купцы над коммунистами смеются и, вероятно, приговаривают: раньше были главноуговаривающие, а теперь—главноразговаривающие. Что над нами капиталисты издевались, что мы опоздали, прозевали,—в этом нет тени сомнения, и в этом смысле я говорю, что нужно и от имени с'езда эту директиву утвердить.

Отступление кончено! Главные приемы деятельности, как с капиталистами работать, намечены. Есть образцы, хотя бы в ничтожном количестве.

Перестаньте умничать, рассуждать о нэп'е, стихи пускай себе поэты пишут, на то они и поэты. Но экономисты, не рассуждайте о нэп'е, а увеличивайте число этих обществ, проверяйте число коммунистов, которые умеют поставить соревнование с капиталистами!

Отступление кончилось, дело теперь в перегруппировке сил. Вот директива, которую с'езд должен вынести, которая сутолоке, суматохе должна положить конец. Успокойтесь, не мудрствуйте, это будет зачитываться в минус. Практически нужно доказать, что ты работаешь не хуже капиталистов. Капиталисты создают смычку с крестьянством экономическую, чтобы обогатиться; ты же должен создать смычку с крестьянской экономией, чтобы усилить экономическую власть нашего пролетарского государства. У тебя перевес перед капиталистами, потому что государственная власть в твоих руках, целый ряд экономических средств в твоих руках, ты не умеешь только ими пользоваться, смотри на вещи трезвее, скинь с себя мишуру, торжественное коммунистическое облачение, попросту учись простому делу, и тогда мы побьем частного капиталиста. У нас государственная власть, у нас масса экономических

средств, если мы капитализм побьем и смычку с крестьянской экономикой создадим, тогда будем абсолютно непобедимой силой, и тогда строительство социализма не будет делом капли в море, называющейся коммунистической партией, а всей трудящейся массы; тогда рядовой крестьянин будет видеть: они мне помогают; и он тогда пойдет за нами, так что если эта поступь и будет в сто раз медленнее, зато будет в миллион раз прочнее и крепче.

Вот в каком смысле нужно говорить об остановке отступления, и этот лозунг, в той или другой форме, было бы правильно превратить в решение съезда.

Я хотел, в связи с этим, коснуться вопроса о том, что такое новая экономическая политика большевиков—эволюция или тактика? Так поставили вопрос сменовеховцы, которых вы знаете—течение, привившееся в эмигрантской России, течение общественно-политическое, во главе которого стоят крупнейшие кадетские деятели, некоторые министры бывшего колчаковского правительства—люди, пришедшие к убеждению, что Советская власть строит русское государство, и надо поэтому идти за ней.

Но эта Советская власть строит какое государство? Они говорят, что коммунистическое, уверяя, что это—тактика: большевики обойдут в трудный момент частных капиталистов, а потом возьмут свое. Они могут говорить, что им нравится: на самом деле это не тактика, а эволюция, внутреннее перерождение, они придут к обычному буржуазному государству, и мы должны их поддерживать. История идет разными путями—рассуждают сменовеховцы.

Некоторые из них прикидываются коммунистами, но есть люди более прямые, в том числе Устрялов. Кажется, он и был министром при Колчаке. Он не соглашается со своими товарищами и говорит: вы там насчет коммунизма, как хотите, а я утверждаю, это у них не тактика, а эволюция. Я думаю, что этот Устрялов этим своим прямым заявлением приносит нам большую пользу. Нам очень много приходится слышать, мне особенно по должности, сладенького коммунистического вранья,—комвранья, кажинный день, и тошнехонько от этого бывает, иногда убийственно. И вот, вместо этого комвранья приходит номер «Смешных вех» и говорит напрямик—у вас это вовсе не так, это вы только воображаете, а на самом деле вы скатываетесь в обычное буржуазное болото, и там будут коммунистические флажки болтаться со всякими словечками.

Это очень полезно, потому что в этом мы видим уже не простой перепев того, что мы постоянно кругом себя слышим, а просто классовую правду классового врага. Такую вещь очень полезно посмотреть, которая пишется не потому, что в коммунистическом государстве принято так

писать или запрещено иначе писать, а потому, что это действительно есть классовая правда, грубо, открыто высказанная классовым врагом. Я за поддержку Советской власти в России,—говорит Устрялов,—хотя был кадет, буржуа, поддерживал интервенцию, я за поддержку Советской власти, потому что она стала на дорогу, по которой катится к обычной буржуазной власти.

Это очень полезная вещь, которую мне кажется, необходимо иметь в виду, и гораздо лучше для нас, когда сменовеховцы так пишут, чем когда некоторые из них почти что коммунистами прикидываются, так что издали, пожалуй, не отличишь, может быть он в бога верует, может в коммунистическую революцию. Этакие откровенные враги полезны, надо сказать прямо. Такие вещи возможны, надо сказать прямо. История знает превращения всяких сортов, полагаться на убежденность, преданность и проч. превосходные душевные качества—это вещь в политике совсем не серьезная. Душевные превосходные качества бывают у небольшого числа людей, решают же исторический исход гигантские массы, которые, если небольшое число людей не подходит к ним, иногда с этим небольшим числом людей не слишком вежливо обращаются.

Много тому было примеров, и поэтому надо сие откровенное заявление сменовеховцев приветствовать. Враг говорит классовую правду, указывая на ту опасность, которая перед нами стоит. Враг стремится к тому, чтобы это стало неизбежным. Сменовеходец выражает настроение тысячи и десятков тысяч всяких буржуев или советских служащих, участников нашего нэп'а. Это основная и действительная опасность. И поэтому на этот вопрос надо обратить главное внимание: действительно, чья возьмет? Я говорил о соревновании. Прямого натиска на нас нет, нас не хватают. Что будет завтра—на это мы еще посмотрим, но сегодня на нас не наступают с оружием в руках, и тем не менее борьба с капиталистическим обществом стала во сто раз более ожесточенной и опасной, потому что мы не всегда ясно видим, где против нас враги кто наш друг. Я говорил о коммунистическом соревновании не с точки зрения коммунистического сочувствия, а с точки зрения развития форм хозяйства и форм общественного уклада. Это не есть соревнование, это есть стчаянная, бешеная, если не последняя, то близкая к тому, последняя борьба не на живот, а на смерть между капитализмом и коммунизмом. И тут нужно ясно поставить вопрос—в чем наша сила, и чего нам не хватает? Политической власти совершенно достаточно. Едва ли кто-нибудь найдется здесь, который бы указал, что в таком-то практическом вопросе, в таком-то деловом учреждении у коммунистов, у коммунистической партии власти недостаточно. Основная экономическая

сила—все решающие крупные предприятия, железные дороги и т. д. они все в наших руках. Аренда, как бы она местами ни была широко развита, в общем играет ничтожнейшую роль, в общем это совершенно ничтожнейшая доля. Экономической силы в руках пролетарского государства России совершенно достаточно для того, чтобы обеспечить переход к коммунизму. Чего же не хватает? Ясное дело, чего не хватает. Не хватает культурности тому слою коммунистов, который управляет. Но если взять Москву—4.700 ответственных коммунистов—и взять эту бюрократическую махину, груды,—кто кого ведет? Я очень сомневаюсь, чтобы можно было сказать, что коммунисты ведут эту груды. Если правду говорить, то не они ведут, а их ведут. Тут произошло нечто подобное тому, что нам в детстве рассказывали по истории. Нас учили: бывает, что один народ завоеует другой народ, и тогда тот народ, который завоевал, бывает завоевателем, а тот, который завоеван, бывает побежденным. Это очень просто и всем понятно. Но что бывает с культурой этих народов? Тут не так просто. Если народ, который завоевал, культурнее народа побежденного, то он навязывает ему свою культуру, а если наоборот, то бывает так, что побежденный свою культуру навязывает завоевателю. Не вышло ли нечто подобное в столице РСФСР и не получилось ли тут так, что 4.700 коммунистов (почти целая дивизия и все самые лучшие) не оказались ли они подчиненными чужой культуре? Правда, тут может как будто получиться впечатление, что у побежденных есть высокая культура. Ничего подобного. Культура у них мизерная, ничтожная, но все же она больше, чем у нас. Как она ни жалка, как ни мизерна, но она больше чем у наших ответственных работников-коммунистов потому, что у них нет достаточного умения управлять. Коммунисты, становясь во главе учреждений,—а их иногда нарочно так подставляют искусные саботажники, чтобы получить вывеску-фирму—зачастую оказываются одураченными. Это признание очень неприятное. Или, по крайней мере, не очень приятное, но мне кажется, что его надо сделать. К этому, по моему, политический урок за год сводится, и под этим знаком борьба 1922 года пройдет.

Сумеют ли ответственные коммунисты РСФСР и РКП понять, что они не умеют управлять? Вот если они сумеют понять, то, конечно, научатся, потому что научиться можно, но для этого надо учиться. У нас направо и налево махают приказами и декретами и выходит совсем не то, чего хотят.

Соревнование и состязание, которое мы поставили на очередь дня, провозгласив нэп, это есть серьезное соревнование. Кажется, что оно бывает во всех государственных учреждениях, а на самом деле это есть еще одна форма

борьбы двух классов непримиримо враждебных друг-другу. Это—еще одна форма борьбы буржуазии с пролетариатом, это борьба, которая еще не завершена и даже в центральных учреждениях Москвы не превзойдена культурно. Ибо сплошь и рядом буржуазные деятели знают дело лучше, чем наши лучшие коммунисты, имеющие всю власть, все возможности и ни одного шага не умевшие делать со своими правами и со своей властью.

Я хотел бы привести одну цитату из книжечки Александра Тодорского вёсьегонского. Книжечка вышла в гор. Вёсьегонске (есть такой уездный город Тверской губ.) и вышла она в первую годовщину Советской революции в России—7 ноября 1918 года, в давно-давно прошедшие времена. И этот вёсьегонский товарищ, повидимому, один из партии. Я книжку эту давно читал и не ручаюсь, что в этом отношении ошибки не сделаю: он говорит, как он приступил к оборудованию двух советских заводов, как привлек двух буржуев и сделал это по-тогдашнему: под угрозой лишения свободы и конфискации всего имущества. Они были привлечены к воссозданию завода. Мы знаем, как в 1918 г. привлекали буржуазию, так что подробно останавливаться на этом не стоит: мы ее иными способами теперь привлекаем. «Это еще полдела—мало буржуазию победить, доканать, надо ее заставить на нас работать».

Вот это—замечательные слова. Замечательные слова, показывающие, что даже в городе Вёсьегонске, даже в 1918 году правильное понимание отношений между победившим пролетариатом и побежденной буржуазией, правильное понимание отношений было.

Это еще полдела, если мы ударим эксплуататора по рукам, обезвредим и доканаем. А у нас в Москве из ответственных работников около 90 человек из 100 воображают, что в этом все дело, т.-е. в том, чтобы доканать, обезвредить, ударить.

Построить коммунистическое общество руками коммунистов это—ребячья, совершенно ребячья идея. Коммунисты—это капля в море, капля в народном море. Они только в том случае сумеют повести народ по своему пути, если правильно определяют путь не только в смысле всемирного исторического направления. В этом смысле мы наш путь определили абсолютно правильно, и каждое государство приносит подтверждение, что мы определили его правильно, а в нашей родине, в своей стране, мы должны этот путь определить правильно. Он определяется не только этим, а и тем, что не будет интервенции, тем, что мы сумеем крестьянину давать товар за хлеб. Крестьянин скажет: «Ты—прекрасный человек, ты защищал нашу родину;

мы тебя за это слушались; но если ты хозяйничать не умеешь, то поди вон». Да, крестьянин это скажет.

Управлять хозяйством мы сможем тогда, если коммунисты сумеют построить это хозяйство чужими руками, а сами будут учиться у этой буржуазии и направлять ее по тому пути, по которому они хотят.

А если коммунист воображает, что я, мол, все знаю, потому что я—ответственный коммунист, я не таких людей побеждал, как какой-нибудь приказчик, а мы били на фронтах и разве таких били,—то вот такое преобладающее настроение нас и режет. Это самая неважная часть дела, если мы эксплуататора обезвредим, ударим по рукам и обкарнаем. Это надо делать. И не беспокойтесь, чтобы наше госполитуправление и наши суды это делали не так вяло, как делают до сих пор, а помнили, что они—пролетарские суды, окруженные врагами всего мира. Это не трудно, этому в основном научились. Тут должен быть произведен некоторый нажим, но это легко.

А вторая часть победы,—чтобы не коммунистическими руками строить коммунизм, чтобы уметь практически делать то, что экономически делать приходится,—эту смычку—с крестьянским хозяйством находить, удовлетворить крестьян, чтобы крестьянин сказал: как ни труден, как ни тяжел, как ни мучителен голод, а я вижу, что власть хотя и непривычная, но от нее получается практическая, реально ощутимая польза; нужно добиться, чтобы те многочисленные, во много раз превосходящие нас элементы, с которыми мы сотрудничаем, работали бы так, чтобы мы умели наблюдать их работу, чтобы мы понимали эту работу, чтобы их руками делалось нечто полезное для коммунизма. Вот в этом гвоздь теперешнего положения, ибо если отдельные коммунисты и понимали и видели, то в широкой массе нашей партии нет сознания, привлечения беспартийных к работе. Сколько об этом писалось циркуляров, сколько было говорено, а за год что-нибудь сделано? Ничего. И из сотни комитетов нашей партии и пять комитетов не могли бы показать практические свои результаты. Вот насколько мы отстали от той потребности, которая на очереди сейчас имеется, насколько мы живем в традициях 18-го и 19-го года. То были великие годы, величайшее всемирное историческое дело. А если смотреть на эти годы и не видеть, какая теперь задача на очереди, то—это была бы гибель, несомненная, абсолютная гибель.

Я бы хотел теперь привести два практических примера того, как у нас выходит с нашим управлением. Я уже сказал, что правильнее было бы для этого взять один из гострестов. Должен извиниться, что этого правильного приема употребить не могу, потому что для этого требовалось бы

конкретнейшим образом изучить материалы, хотя бы об одном гостресте, но этого изучения, к сожалению, я лишен был возможности произвести и беру поэтому два небольших примера. Один пример такой: МПО обвиняла в бюрократизме Наркомвнешторг; другой из области Донбасса.

Первый пример мало подходящий, но лучшего взять не имею возможности. Основную мысль могу иллюстрировать и на этом примере. Последние месяцы мне, как вы знаете из газет, не было возможности касаться дела непосредственно, я не работал в Совнаркоме, не был и в ЦК. При временных и редких наездах в Москву мне бросились в глаза отчаянные и страшные жалобы на Внешторг. В том, что Внешторг плох, что там волокита, я ни одной минуты никогда не сомневался. Но когда жалобы стали особенно страстны, я попытался разобраться,—взять конкретный случай, докопаться хоть раз до низов, как это там выходит, почему эта машина не идет.

МПО нужно было бы купить консервы. Явился для этого французский гражданин. Не знаю, делал ли он это в интересах международной политики и с ведома руководителей Антанты, или вследствие аппробации Пуанкаре и других врагов Советской власти. Но факт, что французская буржуазия принимала участие не только теоретически, но и практически, так как представитель французской буржуазии оказался в Москве и продавал консервы.

Продают мясные консервы за советские деньги. Чего же проще? Оказывается, что ежели рассуждать по-советски и как следует, то совсем не просто. Я не имею возможности следить за делом непосредственно, а организовал следствие, имею теперь тетрадку, в которой рассказано, как эта знаменитая история развивалась. Развивалась она с того, что 11-го февраля по докладу т. Каменева состоялось постановление Политбюро ЦК РКП о желательности закупки за границей предметов продовольствия. Конечно, без Политбюро ЦК РКП как же это русские граждане могут такой вопрос решать. Представьте себе: как это могли бы 4.700 ответственных работников (это только по переписи) без Политбюро ЦК решить вопрос о закупке предметов продовольствия за границей. Это, конечно, представление сверхъестественное. Т. Каменев, очевидно, прекрасно знает нашу политику и действительность и поэтому не слишком полагался на большое число ответственных работников, а начал с того, что взял быка за рога, и Политбюро и получил сразу (я не слышал, чтобы были по этому поводу прения), сразу получил резолюцию: «Обратить внимание Наркомвнешторга на желательность ввоза из-за границы продовольствия, при чем пошлины и т. д.». Обращено внимание Наркомвнешторга. Дело начинает двигаться. Это было

11-го февраля. Я припоминаю, что в Москве мне пришлось быть в самом конце февраля или около того, и на что я сразу натолкнулся,—на вопли, прямо на отчаянные вопли московских товарищей. В чем дело? Не можем никак закупить продовольствия. Почему?—Волокита Наркомвнешторга. Я долго не принимал участия в делах и не знал тогда, что на это есть постановление Политбюро и только сказал управделу: проследить, добыть бумажку и показать мне. И закончилось это дело тем, что когда приехал Красин, Каменев поговорил с Красиным, дело было улажено, и консервы мы купили. Все хорошо, что хорошо кончается. Что Каменев с Красиным умеют столковаться и правильно определить политическую линию, требуемую Политбюро ЦК РКП, в этом я никак не сомневаюсь.

Если бы политическая линия и в торговых вопросах решалась Каменевым и Красиным, у нас была бы лучшая из советских республик в мире; но нельзя так делать, чтобы по каждой сделке тащить члена Политбюро Каменева и Красина, последнего, занятого дипломатическими делами пред Генуей, делами, которые требовали отчаянной, непомерной работы, тащить этих гг. для того, чтобы купить у французского гражданина консервы. Так работать нельзя... Тут не новая, не экономическая и не политика, а просто издевка. Теперь я имею следствие по этому делу. Я имею даже два следствия: одно, произведенное управделом Совнаркома Горбуновым и его помощником Мирошниковым, другое дело то, которое производил Госполитупр. Почему, собственно Госполитупр интересовался этим делом, я не знаю и не твердо уверен, что это правильно, но останавливаться на этом не стану, потому что боюсь, как бы не понадобилось новое следствие. Важно то, что материал собран, и сейчас у меня имеется на руках.

Как это случилось, что в столичном городе Советской республики потребовалось два следствия, вмешательство Каменева и Красина и директивы Политбюро, чтобы купить консервы? Чего не хватало? Политической власти? Нет. Деньги нашли, так что была и экономическая власть и политическая. Все учреждения на месте. Чего не хватает? Культурности. 99 сотых работников МПО, против которых я ничего не имею и считаю превосходными коммунистами, и работников Внешторга, они не могли культурно подойти к делу.

В нашей борьбе нужно помнить, что коммунистам нужна обдуманность. Они вам расскажут превосходно о революционной борьбе, о состоянии революционной борьбы во всем мире. А чтобы вылезти из отчаянной нужды и ни-

щеты и что для этого надо сделать, быть обдуманным, культурным, порядочным—этого они не умеют. Если мы будем обвинять ответственных коммунистов, что они недобросовестно подходят к делу, это будет неправильно. Громадное большинство из них ^{99/100}—люди не только добросовестные, а доказавшие свою преданность революции в самых трудных условиях и до падения царизма и после революции, буквально жертвовавшие жизнью. Нужен культурный подход к простейшему государственному делу, нужно понимание, что это дело государственное, торговое, если будут препятствия, надо уметь их найти и тянуть к суду виновных за волокиту. Я думаю, пролетарский суд сумеет наказать, а чтобы доказать—надо найти виновных, а я вам ручаюсь, что найти виновных нельзя, пусть каждый из вас посмотрит это дело—нет виновных, а есть сутолока, суматоха и ерунда... Никто не умеет подойти не так, а этак. А вся белогвардейщина, саботажники этим пользуются. У нас была пора бешеной борьбы с саботажниками, она и сейчас стоит на очереди; правильно, конечно, что саботажники есть и с ними надо бороться. Но разве можно бороться с ними, когда положение такое, как я говорил? Это вреднее всякого саботажа, саботажнику ничего и не надо, кроме как увидев, что 2 коммуниста спорят между собой по вопросу о том, в какой момент обратиться к Политбюро о принципиальной директиве для покупки продовольствия, в эту щель пролезть. Если сколько-нибудь толковый саботажник встанет около того или иного коммуниста или у обоих по очереди, и поддержит их, тогда конец. Дело погубило навсегда. Кто виноват? Никто. Потому, что 2 коммуниста, ответственные, преданные революционеры, спорят из-за прошлогоднего снега, спорят по вопросу о том, в какой момент внести вопрос в Политбюро, чтобы получить принципиальную директиву для покупки продовольствия.

Вот как стоит вопрос, вот в чем трудность. Любой приказчик, выдержавший школу крупного капиталистического предприятия, этакую вещь делать умеет, а ^{99/100} ответственных коммунистов не умеют и не хотят понять, что у них нет этого умения, что надо учиться с азов. Если мы не поймем этого, не сядем снова учиться с приготовительного класса, то мы ни в коем случае экономическую задачу, которая сейчас в основе всей политики стоит, не решим.

Другой пример, который я хотел бы привести—это Донбасс. Вы знаете, что это центр, настоящая основа всей нашей экономики. Ни о каком восстановлении крупной промышленности в России, ни о каком настоящем строительстве социализма, ибо его нельзя построить иначе, как через крупную промышленность, не может быть и речи.

если мы не восстановим, не поставим на должную высоту Донбасс. В ЦК мы за этим наблюдали.

С этим районом не было беззаконного смехотворного нелепого перенесения мелочного вопроса в Политбюро, а было настоящее абсолютно неотложное дело. А разве у нас сейчас общественно-экономические условия таковы, что на фабрики и заводы идет настоящий пролетариат? Это неверно. Это правильно по Марксу, но Маркс писал не про Россию, а про весь капитализм в целом, начиная с пятнадцатого века. На протяжении шестисот лет это правильно, а для России теперешней — неверно. Сплошь да рядом идущие на фабрики—это не пролетариат, а всяческий случайный элемент.

Уметь поставить работу правильно так, чтобы не отставать, чтобы во время разрешить трения, которые происходят и не отрывать администрирование от политики—вот в чем задача. Ибо наша политика и администрирование держатся на том, чтобы весь авангард был связан со всей пролетарской массой, со всей крестьянской массой. Если кто-нибудь забудет про эти колесики, если он увлечется одним администрированием, то будет беда. Ошибка, которую они совершили, она ничтожна по сравнению с другими нашими ошибками, но это типичный пример, когда было единодушное требование в ЦК: «оставьте эту группу, давайте нам в ЦК даже мелкие конфликты, потому что Донбасс, это не случайный район, а это район, без которого социалистическое строительство останется простым добрым пожеланием»,—но вся наша политическая власть, весь авторитет ЦК оказались недостаточными.

На этот раз сделана ошибка в администрировании, конечно, кроме того была куча и других ошибок.

Вот вам пример того, что вся загвоздка не в политической власти, а в том, чтобы уметь управлять, уметь правильно расставлять людей, уметь избегать мелких столкновений так, чтобы государственная хозяйственная работа не прерывалась.

Я думаю, что когда мы говорим о нашей революции и взвешиваем судьбы революции, нам надо строго отличать те задачи революции, которые решены полностью и которые вошли, как нечто совершенно неотъемлемое, в историю всемирного исторического поворота от капитализма. Такие дела за нашей революцией есть. Конечно, пусть меньшевики и Отто Бауер—представитель 2½ Интернационала—кричат, что у них там буржуазная революция, но мы говорим, что наша задача буржуазную революцию довести до конца. Как одно белогвардейское издание выразилось: 400 лет собирали навоз в наших государственных учрежде-

миях, а мы вычистили этот навоз за четыре года,—это величайшая наша заслуга. А что же сделали меньшевики и с.-р.? Ничего. Ни у нас, ни даже в передовой просвещенной Германии, даже там средневекового навоза вывезти не могут. И они нашу величайшую заслугу нам ставят в укор. Доведение дела революции до конца—это неотъемлемая наша заслуга.

Теперь пахнет войной. Рабочие союзы, как, напр., реформистские союзы, принимают резолюции против войны и грозят стачкой против войны. Недавно, если не ошибаюсь, видел я газетную телеграмму о том, что во французской палате один прекрасный коммунист держал речь против войны и указал, что рабочие предпочтут восстание войне. Нельзя ставить вопрос так, как мы его ставили в 1912 г., когда печатался Базельский манифест. Только русская революция показала, как можно выйти из войны и каких трудов это стоит, что значит из реакционной войны революционным путем выйти. Реакционные империалистические войны на всех концах мира неизбежны. И забыть то, что десятки миллионов перебили тогда, и будут еще биты теперь при решении всех вопросов такого свойства, человечество не может, и оно не забудет. И то, что завоевано русской революцией—неотъемлемо. Этого никакая сила не может взять, как никакая сила в мире не может взять назад того, что Советским государством было создано. Это всемирно-историческая победа. Сотни лет государства строились по буржуазному типу и впервые была найдена форма государства небуржуазного. Может быть, наш аппарат и плох, но, говорят, что первая паровая машина, которая была изобретена, была тоже плоха и даже неизвестно—работала ли она. Но не в том дело, а дело в том, что изобретение было сделано. Пускай первая паровая машина по своей форме и была непригодна, но зато теперь мы имеем паровоз. Пусть наш государственный аппарат из рук вон плох, но все-таки он создан, величайшее историческое изобретение сделано и государство пролетарского типа создано, и поэтому пусть вся Европа, тысячи буржуазных газет повествуют о том, какие у нас безобразия и нищета, все-таки во всем мире все рабочие к Советскому государству тяготеют. Вот те великие завоевания, которые нами достигнуты и которые являются неотъемлемыми. Но для нас, представителей коммунистической партии, это значит только открыть дверь. Перед нами стоит теперь задача постройки фундамента социалистической экономики. Сделано это? Нет, не сделано. У нас еще нет социалистического фундамента. Те коммунисты, которые воображают, что он имеется, делают величайшую ошибку. Весь гвоздь состоит в том, чтобы отделить твердо, ясно и трез-

во, что у нас составляет всемирно-историческую заслугу русской революции, от того, что нами исполняется до последней степени плохо, что еще не создано и что еще много раз надо переделывать. Политические события всегда очень запутаны и сложны. Их можно сравнить с цепью. Чтобы уцепиться за всю цепь, нельзя зацепиться за одно только звено. Нельзя искусственно выбрать себе то звено, за которое хочешь зацепиться. В 1917 г. в чем был весь гвоздь? В выходе из войны, чего требовал весь народ, и это покрывало все. Выход из войны революционная Россия достигла. Были большие усилия, но зато основная потребность народа была учтена, и это дало нам победу на много лет...

И народ почувствовал, крестьянин видел, всякий возвращающийся с фронта солдат превосходно понимал, что в лице Советской власти он получает более демократическую, более близкую к трудящимся власть. Сколько бы мы глупостей и безобразий не делали в других областях, раз мы эту главную задачу учли, значит, все было правильно. В 19 и 20-х годах в чем был гвоздь?—Отпор военный. Тут на нас шли, нас душила всемерно могущественная Антанта и не нужно было пропаганды, любой беспартийный крестьянин понимал, что делается. Идет помещик. Коммунисты умеют с ним бороться. Вот почему крестьянин в массе своей был за коммунистов, вот почему мы победили. В 21-м году гвоздем было отступление в порядке. Вот почему нужна была сугубая дисциплина. Рабочая оппозиция говорила: вы недооцениваете рабочих, рабочие должны проявлять больше инициативы. Инициатива должна состоять в том, чтобы в порядке отступить и сугубо держать дисциплину. Тот, кто сколько-нибудь вносит ноты паники или нарушение дисциплины, погубил бы революцию потому что нет ничего труднее, как отступление с людьми, которые привыкли завоевывать, которые пропитаны революционными воззрениями и идеалами и в душе всякое отступление считают в роде того, что гнусность. Самая большая опасность состоит в том, чтобы не нарушить порядка и самая большая задача в том, чтобы сохранить порядок.

А теперь в чем гвоздь? Этот гвоздь представляет собой,—к чему бы я и хотел подвести и подытожить свой доклад,—гвоздь не в политике, в смысле перемены направления; об этом говорят неимоверно много в связи с нэп'ом. Все это говорят в пустую. Это вреднейшая болтовня. В связи с нэп'ом у нас принимаются возиться, переделывать учреждения, основывать новые учреждения. Это вреднейшая болтовня. Мы пришли к тому, что гвоздь положения в людях, в подборе людей. Это трудно усвоить

революционеру, который привык бороться против мелких дел, против культурничания. Но мы пришли к положению, которое в смысле политическом надо оценить трезво, мы подвинулись так далеко, что не можем всех позиций удержать и не должны удерживать.

В смысле международном улучшение нашего положения в эти последние годы гигантское. Советский тип государства нами завоеван,—это есть шаг вперед всего человечества, и Коминтерн каждый день нам подтверждает в этом сведениями из любой страны. И тени сомнения ни у кого нет. Но в смысле практической работы дело обстоит так, что если коммунисты не смогут оказать практической помощи крестьянской массе, то она их не поддержит. Центр внимания не в том, чтобы законодательствовать, лучшие декреты издавать и т. д., у нас была полоса, когда декреты служили формой пропаганды. Над нами смеялись, говорили, что большевики не понимают, что их декретов не исполняют, вся белогвардейская пресса полна насмешек на этот счет, но эта полоса была законной, когда большевики взяли власть и сказали рядовому крестьянину, рядовому рабочему—вот как нам, хотелось бы, чтобы государство управлялось, вот декрет, попробуйте. Простому рабочему и крестьянину мы свои представления о политике сразу давали в форме декретов. В результате было завоевание того громадного доверия, которое мы имели и имеем в народных массах. Это было время, это была полоса, которая была необходима в начале революции, без этого мы бы не стали во главе революционной волны, а стали бы плестись в хвосте. Но эта полоса прошла, а мы этого не хотим понять. Теперь крестьяне и рабочие будут смеяться, когда предпишут построить, переделать такое-то учреждение. Теперь простой рабочий и крестьянин интересоваться этим не будут, и они правы, ибо центр тяжести не в этом. Ты, коммунист, должен идти к народу теперь не с этим, хотя мы, в государственных учреждениях сидящие, такими мелочами всегда завалены, но не за это звено цепи надо браться, не в этом гвоздь, а гвоздь в том, что люди посажены неправильно, что ответственный коммунист, превосходно проделавший всю революцию, приставлен к тому торгово-промышленному делу, в котором он ничего не понимает, и мешает видеть правду, ибо за его спиной превосходно прячутся деляги и мошенники. В том дело, что практической проверки того, что выполнено, у нас нет. Эта задача прозаическая, маленькая, это мелкие дела, но мы после величайшего политического переворота, при тех условиях, когда мы должны некоторое время существовать среди капиталистического уклада, гвоздь всего положения не в политике в

узком смысле слова, гвоздь всего положения не в резолюциях, не в переорганизации. Поскольку они нам необходимы—это делать мы будем, но не суйтесь с этим к народу, а подбирайте нужных людей, и проверяйте практическое исполнение, и это народ оценит.

В народной массе мы все же капля в море, и мы можем управлять только тогда, когда правильно выражаем то, что народ сознает. Без этого коммунистическая партия не будет вести пролетариата, а пролетариат не будет вести за собою масс, и вся машина развалится. Сейчас народ и все трудящиеся массы основное для себя видят только в том, чтобы практически помочь отчаянной нужде и голоду и показать, что действительно происходит улучшение, которое крестьянину нужно, которое ему привычно. Крестьянин знает рынок и знает торговлю. Прямого коммунистического распределения мы вести не могли. Для этого не хватало фабрик и оборудования для них. Тогда мы должны дать через торговлю, но дать это не хуже, чем это давал капиталист, иначе такого управления народ вынести не может. В этом весь гвоздь положения. И если не будет ничего неожиданного, то это должно стать гвоздем всей нашей работы на 1922 г., при трех условиях. Во-первых, при том условии, что не будет интервенции. Мы все делаем своей дипломатией для того, чтобы ее избежать, тем не менее, она возможна каждый день. Мы действительно должны быть на чеку, и в пользу Красной армии мы должны идти на известные тяжелые жертвы, конечно, строго определяя размеры этих жертв. Перед нами весь мир буржуазии, которая ищет только формы, чтобы нас задушить. Наши меньшевики и эс-эры не что иное, как агенты этой буржуазии. Таково их политическое положение.

Второе условие—если финансовый кризис не будет слишком силен. Он надвигается. О нем вы услышите по вопросу о финансовой политике. Если он будет слишком силен и тяжел, нам придется многое опять перестраивать и все силы бросить на это.

Если он будет не слишком тяжел, он может быть даже полезным, он почистит коммунистов из всяких гострестов. Только надо будет не забыть этого сделать. Финансовый кризис перетряхивает учреждения и предприятия, и негодные из них лопаются прежде всего. Надо будет только не забыть, чтобы не свалили все это на то, что виноваты спецы, а что ответственные коммунисты очень хороши, боролись на фронтах и всегда хорошо работали. Так что если финансовый кризис не будет непомерно тяжел, то из него можно будет извлечь пользу и почистить не так, как чистит ЦКК или Центропроверком, а прочистить, как следует, всех от-

ветственных коммунистов в хозяйственных учреждениях. И третье условие—чтобы не делать за это время политических ошибок. Конечно, если мы будем делать политические ошибки, тогда все хозяйственное строительство будет подрезано, тогда придется заниматься тем, что иметь споры для исправления, для направления. Но если таких печальных ошибок не будет, то гвоздь в ближайшем будущем не в декретах и не в политике, в узком смысле этого слова, не в учреждениях, не в их организации—этим делом будут заниматься постольку, поскольку это необходимо, в кругах ответственных коммунистов и советских учреждениях, а гвоздь для всей работы—это в подборе людей и в проверке исполнения. Если мы в этом отношении практически научимся, принесем практическую пользу, тогда мы снова все трудности преодолеем.

И в заключение должен коснуться практической стороны вопроса о наших высших учреждениях и отношении к ним партии. У нас создано неправильное отношение между партией и советскими учреждениями и на этот счет у нас полное единодушие. На одном примере я показывал, как конкретное мелкое дело тащат уже в Политбюро. Формально выйти из этого очень трудно, потому что управляет у нас единственная правительственная партия и жаловаться члену партии запретить нельзя. Поэтому из Совнаркома тащат все в Политбюро.

Я надеюсь, что съезд отнесется к этому вопросу с большим вниманием и утвердит директивы в том смысле, что надо освободить Политбюро и ЦК от мелочей и повысить работу ответственных работников. Нужно, чтобы наркомы отвечали за свою работу, а не так, чтобы сначала шли в Совнарком, а потом в Политбюро. Надо пресекать всякое обращение по мелочам, но нужно повысить авторитет Совнаркома, чтобы там больше участвовали наркомы, а не заместители, нужно изменить характер работы Совнаркома, в том отношении, в каком мне не удавалось это сделать за последний год—гораздо больше внимания обратить на то, чтобы следить за проверкой исполнения.

Надо обратить внимание, чтобы комиссии Совнаркома, СТО были урезаны, чтобы они знали и разрешали свои собственные дела, а не разбрасывались на бесконечное число комиссий. На днях была произведена чистка комиссий. Насчитали 120 комиссий. А сколько оказалось необходимыми? 16 комиссий. И это—не первая чистка. Вместо того, чтобы отвечать за свое дело, вынести решение Совнаркому и знать, что ты за это держишь ответ,—прячутся за комиссии. В комиссиях чорт ногу сломит, никто ничего не разберет, кто отвечает; все спуталось и в конце концов выносятся такие решения, в котором все ответственные.

В связи с этим надо указать, что необходимо расширить и развить автономию и деятельность областных Экосо. У нас теперь деление России на областные районы произведено по научным основаниям, при учете хозяйственных условий, климатических, бытовых, условий получения топлива, местной промышленности и т. д.

На основании этого деления созданы районные и областные Экосо. Конечно, частные исправления будут, но надо повысить авторитет этих Экосо.

Затем надо добиться, чтобы ВЦИК работал более энергично и правильно собирался на сессиях, которые должны быть более длительными. Сессии должны обсуждать проекты законов, которые иногда наспех вносятся в Совнарком без обязательной надобности. Лучше отложить и дать местным работникам внимательно обдумать, и строже требовать от составителей законов, чего у нас не делается.

Если сессии ВЦИК будут более длительны, они разделятся на секции и подкомиссии и сумеют проверить работу более строго, добиваясь того, что по-моему составляет весь гвоздь, всю сущность теперешнего политического момента.

Центр тяжести перенести на подбор людей, на проверку фактического исполнения.

Надо сознать и не бояться сознать, что ответственные коммунисты в 99 случаях из 100 не на то приставлены, к чему они сейчас пригодны, не умеют вести свое дело и должны сейчас учиться. Если это будет признано и раз есть у нас достаточная к этому возможность—а, судя по общему международному положению, у нас хватит времени на то, чтобы успеть выучиться,—это надо сделать во чтобы то ни стало.

Речь на пленуме Московского Совета.

(20 ноября 1922 года).

Товарищи, я очень сожалею и очень извиняюсь, что не мог прибыть на ваше заседание раньше. Вы, насколько мне известно, собирались несколько недель тому назад устроить мне возможность посетить Московский Совет. Мне не удавалось сделать это потому, что после болезни, начиная с декабря месяца, я, выражаясь языком профессионалиста, потерял работоспособность на довольно длительный срок, и в силу уменьшения работоспособности мне пришлось откладывать с недели на неделю настоящее выступление. Мне пришлось также очень значительную долю работы, которую я вначале, как вы помните, взвалил на тов. Цюрупу, а потом на тов. Рыкова, еще дополнительно взвалить на тов. Каменева. И надо сказать, что на нем, выражаясь сравнением, которое я уже употребил, оказалось внезапно два воза. Хотя, продолжая то же сравнение, надо сказать, что лошадка оказалась исключительно способной и ретивой. Но всетаки тащить два воза не полагается, и я теперь с нетерпением жду времени, когда вернутся гг. Цюрупа и Рыков, и мы разделим работу хоть немножко по справедливости. Я же, в силу уменьшения работоспособности, должен присматриваться к делам в гораздо более значительный срок, чем этого хотел бы.

В декабре 1921 г., когда мне пришлось совершенно прервать работу, у нас был конец года. Тогда мы осуществляли переход на новую экономическую политику, и оказалось тогда же, что этот переход, хотя мы с начала 1921 г. за него и взялись, довольно труден, я сказал бы—очень труден.

Прошло больше полутора лет, как мы этот переход осуществляем, когда, казалось бы, пора уже большинству

пересесть на новые места и разместиться сообразно новым условиям, в особенности условиям новой экономической политики.

В отношении внешней политики у нас изменений оказалось всего меньше. Здесь мы продолжали тот курс, который был взят раньше, и я считаю, могу сказать вам по чистой совести, что продолжали его совершенно последовательно и с громадным успехом. Вам, впрочем, об этом подробно докладывать не нужно: взятие Владивостока, последовавшая за сим демонстрация и государственно-федеративное заявление, которое вы на днях прочли в газетах, доказали и показали яснее ясного, что в этом отношении нам ничего менять не приходится. Мы стоим на дороге, совершенно ясно и определенно очерченной, и обеспечили себе успех перед государствами всего мира, хотя некоторые из них до сих пор готовы заявлять, что садиться с нами за один стол не желают. Тем не менее, экономические отношения, а за ними отношения дипломатические, налаживаются, должны наладиться, наладятся непременно. Всякое государство, которое этому противодействует, рискует оказаться опоздавшим и, может быть, кое в чем, довольно существенном, рискует оказаться в невыгодном положении. Это все мы теперь видим и не только из прессы и из газет. Я думаю, что и из поездок за границу товарищи убеждаются в том, как велики происшедшие изменения. В этом отношении у нас не было, так сказать, если употребить старое сравнение, никаких пересадок, ни на другие поезда, ни на другие упряжки.

А вот что касается внутренней нашей политики, то здесь пересадка, которую мы произвели весной 1921 года, которая нам была продиктована обстоятельствами чрезвычайной силы и убедительности, так что между нами никаких трений и никаких разногласий относительно этой пересадки не было,— вот эта-то пересадка продолжает причинять нам некоторые трудности, продолжает причинять нам, я скажу, большие трудности. Не потому, что мы сомневались бы в необходимости поворота,— никаких сомнений в этом отношении нет,— не потому, что мы сомневались бы, дала ли проба этой нашей новой экономической политики те успехи, которых мы ожидали. Никаких сомнений на этот счет, могу сказать совершенно определенно, также нет, ни в рядах нашей партии, ни в рядах громадной массы беспартийных рабочих и крестьян.

В этом смысле вопрос не представляет трудностей. Трудности являются от того, что перед нами встала задача, для решения которой нужно очень часто привлечение новых людей, нужно проведение чрезвычайных мер и чрезвычайных приемов. У нас есть еще сомнения относительно

правильности того или другого, есть изменения в том или другом направлении, и нужно сказать, что и то, и другое останется еще в течение довольно приличного времени. «Новая экономическая политика!»—Странное название. Эта политика названа новой экономической политикой потому, что она поворачивает назад. Мы сейчас отступаем, как бы отступаем назад, но мы это делаем, чтобы сначала отступить, а потом разбежаться и сильнее прыгнуть вперед. Только под одним этим условием мы отступили назад в проведении нашей новой экономической политики. Где и как мы должны теперь перестроиться, приспособиться, переорганизоваться, чтобы после отступления начать упорнейшее наступление вперед—мы еще не знаем. Чтобы провести все эти действия в нормальном порядке, нужно, как говорит пословица, не десять, а сто раз примерить, прежде, чем решить. Нужно для того, чтобы справиться с теми невероятными трудностями, которые нам представляются в проведении всех наших задач и вопросов. Вы знаете прекрасно, сколько жертв принесено при достижении того, что сделано, вы знаете, как долго тянулась гражданская война и сколько сил она взяла. И вот,—взятие Владивостока показало нам (ведь Владивосток далеко, но ведь это—город-то нашенский), показало нам всем всеобщее стремление к нам, нашим завоеваниям. И—здесь и там—РСФСР. Это стремление избавило нас и от врагов гражданских, и от врагов внешних, которые наступали на нас. Я говорю о Японии.

Мы завоевали дипломатическую обстановку вполне определенную, и она есть не что иное, как дипломатическая обстановка, признанная всем миром. Вы это все видите. Вы видите результаты этого, а сколько потребовалось для этого времени! Мы сейчас добились признания своих прав нашими врагами, как в экономической, так и в торговой политике. Это доказывает заключение торговых договоров.

Мы можем видеть, почему нам, полтора года назад вступившим на путь так называемой новой экономической политики, почему нам так невероятно трудно двигаться на пути к политике. Мы живем в условиях государства, настолько разрушенного войною; настолько выбитого из всякой сколько-нибудь нормальной колеи, настолько пострадавшего и потерпевшего, что мы теперь поневоле все расчеты начинаем с маленького, маленького процента—процента довоенного. Эту мерку мы прикладываем к условиям нашей жизни, прикладываем иногда очень нетерпеливо, горячо и всегда убеждаемся, что тут имеются трудности необъятные. Задача, которую мы тут себе поставили, тем более представляется необъятной, что мы ее сравниваем с условиями обычного буржуазного государства. Мы себе

поставили эту задачу потому, что понимали, что помощь от богатейших держав, которая обычно в этих условиях приходит, этой помощи нам ждать нечего. После войны гражданской нас поставили в условия почти бойкота, т.-е. нам сказали: той экономической связи, которую мы привыкли оказывать и которая в капиталистическом мире является нормальной, мы ее вам не окажем.

Прошло более 1½ года с тех пор, как мы вступили в новую экономическую политику, прошло значительно больше со времени заключения нами 1-го международного договора, и, тем не менее, до сих пор этот бойкот нас всей буржуазией и всеми правительствами продолжает сказываться. Мы не могли ни на что другое рассчитывать, когда пошли на новые экономические условия, и, тем не менее, у нас не было сомнения в том, что мы должны перейти и должны добиться успеха в одиночку. Чем дальше тем больше выясняется, что всякая помощь, которая могла бы нам быть оказана, которая будет нам оказана, со стороны капиталистических держав, она не только этого условия не устраним, она, по всей вероятности, в громадном большинстве случаев, это условие еще усилит, еще обострит. «В одиночку»,—мы себе сказали. «В одиночку», говорит нам почти каждое из капиталистических государств, с которыми мы какие бы то ни было сделки совершали, с которыми мы какие бы то ни было условия завязывали, с которыми мы какие бы то ни было переговоры начинали. И вот в этом—особая трудность. Нам надо эту трудность сознать. Мы выработали свой государственный строй, больше чем 5-годовой работой, невероятно тяжелой, невероятно полной героизма. В условиях, в которых мы были до сих пор, нам некогда было разбирать, не ломаем ли мы чего лишнего, некогда было разбирать, не будет ли много жертв, потому что жертв было достаточно много, потому что борьбу, которую мы тогда начали (вы прекрасно знаете, и распространяться об этом не приходится), эта борьба была не на жизнь, а на смерть, против старого общественного порядка, против которого мы боролись, чтобы выковать себе право на существование, на мирное развитие. Его мы завоевали. Это не наши слова, не показания свидетелей, которые могут быть обвинены в пристрастии к нам. Нет, это показания в большинстве случаев тех, которые были, конечно, пристрастны, только совсем не в нашу сторону (к Деникину, к героям Владивостока, оккупации и т. д.). Теперь мы должны, со всем вниманием присматриваясь к нашим задачам, понять, что главной задачей теперь будет—не отдавать старых завоеваний. Ни одного из старых завоеваний мы не отдаем. Вместе с тем, мы стоим перед задачей совершенно новой; старое

может оказаться прямой помехой. Эту задачу понять всего труднее. А ее нужно понять, чтобы научиться работать, когда нужно, так сказать, вывернуться совершенно наизнанку. Я думаю, товарищи, что эти слова и лозунги понятны, потому что в течение почти года, что мне пришлось отсутствовать, на разные лады, по сотням поводов, вам приходилось практически, имея дело с предметом работы в своих руках, говорить и думать об этом, и я уверен, что размышления об этом вас могут привести только к одному выводу: от вас теперь требуется еще больше той гибкости, которую мы применяли до сих пор на поприще гражданской войны.

От старого мы не должны отказываться. Целый ряд уступок, которые принаравливают нас к державам капиталистическим,—этот ряд уступок дает полную возможность вступать державам в сношении с нами, обеспечивает их прибыль, может быть, иногда большую, чем следует. На днях в газетах обсуждался вопрос о концессии, предлагаемой англичанином Уркартом, который до сих пор шел почти все время против нас в гражданской войне. Он говорил: «Мы своей цели добьемся в гражданской войне против России, против той самой России, которая посмела нас лишить того-то и того-то». И после всего этого нам пришлось вступить с ним в сношения. Мы не отказались от них, мы приняли их с величайшей радостью, но мы сказали: «Извините, то, что мы завоевали, мы не отдадим назад. Россия наша так велика, экономических возможностей у нас так много, и мы считаем себя в праве от вашего любезного предложения не отказываться, но мы обсудим его, как хладнокровные, деловые люди». Правда, первый наш разговор не вышел, ибо мы не имели возможности согласиться на его предложение по политическим мотивам. Мы должны были ответить ему отказом. Пока англичане не признавали возможности нашего участия в вопросе о проливах, о Дарданеллах, мы должны были ответить отказом, но сейчас же после этого отказа мы должны были приняться за рассмотрение этого вопроса по существу. Мы обсуждали, выгодно нам это или нет, выгодно ли нам заключать эту концессию, и если выгодно, то при каких обстоятельствах. Мы должны были обсудить о цене. Вот то, что вам, товарищи, ясно показывает, до какой степени мы теперь должны подходить к вопросам не так, как мы подходили к ним раньше. Раньше коммунист говорил: «Я отдаю жизнь», и это казалось ему очень просто, хотя это не всякий раз было так просто. Теперь же перед нами, коммунистами, стоит совершенно другая задача. Мы теперь должны все рассчитывать, и каждый из нас должен научиться быть расчетливым. Мы должны рассчитать в обста-

новке капиталистической, как мы свое существование обеспечим, как мы получим выгоду от наших противников, которые, конечно, будут торговаться, которые торговаться никогда и не разучивались, и которые будут торговаться за наш счет. Этого мы тоже не забываем и вовсе не представляем себе, чтобы где-нибудь представители торговли превратились в агнцев и, превратившись в агнцев, предоставили нам всяческие блага задаром. Этого не бывает, и мы на это не надеемся, а рассчитываем на то, что мы, привыкши оказывать отпор, и тут, вывернувшись, оказываемся способными и торговать, и наживаться, и выходить из трудных экономических положений. Вот эта задача очень трудная. Вот над этой задачей мы работаем. Я хотел бы, чтобы мы отдавали и отдали себе ясный отчет в том, насколько велика пропасть между задачами старой и новой. Как бы эта пропасть велика ни была, мы на войне научились маневрировать, и должны понять, что маневр, который нам предстоит теперь, в котором мы теперь находимся,—самый трудный. Но зато маневр этот, видимо, последний. Мы должны испытать тут свою силу и доказать, что мы не только зазубрили вчерашние наши науки и повторяем зады. Извините, пожалуйста, мы начали переучиваться, и будем переучиваться так, что достигнем определенного и всем очевидного успеха. Вот во имя этого переучивания, я думаю, теперь и следует нам еще раз дать друг другу твердое обещание, что мы под названием новой экономической политики повернули назад, и повернули назад так, чтобы ничего нового не отдать, и в то же время, чтобы капиталистам дать такие выгоды, которые заставят любое государство, как бы оно враждебно ни было по отношению к нам, пойти на сделки и сношения с нами. Тов. Красин, который много раз беседовал с Уркартом, этим главой и опорой всей интервенции, говорил, что Уркарт, после всех попыток навязать нам старый строй во что бы то ни стало, по всей России, садится за стол вместе с ним, Красиным, и начинает говорить: «А почему? А сколько? А на сколько лет?» От этого еще довольно далеко к тому, чтобы мы ряд концессионных сделок заключили и вступили, таким образом, в совершенно точные, непоколебимые,—с точки зрения буржуазного общества,—договорные отношения, но мы уже видим теперь, что мы к этому подходим, почти подошли, но еще не пришли. Это, товарищи, надо признать и не зазнаваться. Еще далеко не достигнуто в полной мере то, что сделает нас сильными, самостоятельными, спокойно уверенными в том, что никаких капиталистических сделок мы не боимся, спокойно уверенными в том, что как бы сделка ни была трудна, а мы ее заключим, выйдем в существо, и

ее разрешим. Поэтому, работа в этой области,—и политическая и партийная,—которая нами начата, должна быть продолжена, поэтому нужно, чтобы от старых приемов мы перешли к приемам совершенно новым.

Аппарат остался у нас старый, и наша задача теперь заключается в том, чтобы его переделать на новый лад. Мы переделать этого сразу не можем, но нам нужно поставить дело так, чтобы те коммунисты, которые у нас есть, были правильно размещены. Нужно, чтобы они, эти коммунисты, владели теми аппаратами, у которых они поставлены, а не так, как у нас это часто делается, когда этот аппарат ими владеет. Нечего греха таить, и надо говорить об этом прямо. Вот какие задачи перед нами стоят и какие трудности перед нами, и это как раз в то время, когда мы выступили на нашу деловую дорогу, когда мы должны были подойти к социализму не как к иконе, расписанной торжественными красками. Нам надо взять правильное направление, нам надо, чтобы все было проверено, чтобы все массы и все население проверяли наш путь и сказали бы: да, это лучше, чем старый строй. Вот задача, которую мы себе поставили. Наша партия, маленькая группа людей, по сравнению со всем населением страны, за это взялась. Это зернышко поставило себе задачей переделать все, и оно переделает. Что это не утопия, а что это дело, которым живут люди, мы это доказали. Это мы все видели—это уже сделано. Нужно переделать так, чтобы все большинство трудящихся масс, крестьянских и рабочих, чтобы оно сказало: не вы себя хвалите, а мы вас хвалим, мы говорим, что вы достигли результатов лучших, после которых ни один разумный человек никогда не подумает вернуться к старому. А этого еще нет. Поэтому нэп продолжает быть главным, очередным, все исчерпывающим лозунгом сегодняшнего дня. Ни одного лозунга, которым мы вчера выучились, мы не забудем. Это можем совершенно спокойно, без всякой тени колебания сказать кому угодно, и наш каждый шаг это говорит. Но мы должны еще приспособиться к новой экономической политике. Все ее отрицательные стороны, которых не нужно перечислять, которые вы прекрасно знаете, нужно уметь перегнуть, уметь сводить к определенному минимуму, уметь устраивать все расчетливо. Законодательство наше дает полную возможность к этому. Сумеет ли мы дело поставить? Это еще далеко не решено. Мы его изучаем. Каждый номер нашей партийной газеты дает вам десяток статей, которые говорят: на такой-то фабрике, такого-то фабриканта, такие-то условия аренды, а вот, где директор — наш товарищ-коммунист, условия такие-то. Дает это доход или нет? Мы перешли к самой

сердцевине будничных вопросов, и в этом состоит громадное завоевание. Социализм уже теперь не есть вопрос отдаленного будущего, или какой-либо отвлеченной картины, или какой-либо иконы. Насчет икон мы остались мнения старого, весьма плохого. Мы социализм притащили в повседневную жизнь и тут должны разобраться. Вот что составляет задачу нашего дня, вот что составляет задачу нашей эпохи. Позвольте мне закончить выражением уверенности, что как эта задача ни трудна, как она ни нова, по сравнению с прежней нашей задачей, и как много трудностей она нам ни причиняет,—все мы вместе, не завтра, а в несколько лет, все мы вместе решим эту задачу во что бы то ни стало, так что из России нэповской будет Россия социалистическая.

Лучше меньше, да лучше.

В вопросе об улучшении нашего госаппарата Рабкрину следует, по моему мнению, не гнаться за количеством и не торопиться. Мы так мало успели до сих пор подумать и позаботиться о качестве нашего госаппарата, что будет законной забота об особенно серьезной подготовке его, о сосредоточении в Рабкрине человеческого материала действительно современного качества, т.-е. не отстающего от лучших западно-европейских образцов. Конечно, для социалистической республики это условие слишком скромно. Но нам первое пятилетие порядочно-таки набило голову недоверием и скептицизмом. Мы невольно склонны проникаться этим качеством по отношению к тем, кто слишком много и слишком легко разглагольствует, например, о «пролетарской» культуре: нам бы для начала достаточно настоящей буржуазной культуры, нам бы для начала обойтись без особенно махровых типов культур до-буржуазного порядка, т.-е. культур чиновничьей, или крепостнической и т. п. В вопросах культуры торопливость и размахистость вреднее всего. Это многим из наших юных литераторов и коммунистов следовало бы намотать себе хорошенечко на ус.

И вот, в вопросе о госаппарате мы теперь из предыдущего опыта должны сделать тот вывод, что лучше бы помедленнее.

Дела с госаппаратом у нас до такой степени печальны, чтобы не сказать отвратительны, что мы должны сначала подумать вплотную, каким образом бороться с недостатками его, памятуя, что эти недостатки коренятся в прошлом, которое хотя перевернуто, но не изжито, не отошло в стадию ушедшей уже в далекое прошлое культуры. Именно о культуре ставлю я здесь вопрос, потому что в этих делах достигнутым надо считать только то, что вошло в культуру, в быт, в привычки. А у нас, можно сказать, хорошее в социальном устройстве до последней степени не продумано, не понято, не прочувствовано, схвачено наспех, не проверено, не испытано, не подтверждено опытом,

не закреплено и т. д. Иначе и не могло быть, конечно, в революционную эпоху и при такой головокружительной быстроте развития, которая привела нас в пять лет от царизма к советскому строю.

Надо во-время взяться за ум. Надо проникнуться спасительным недоверием к скоропалительно быстрому движению вперед, ко всякому хвастовству и т. д., надо задуматься над проверкой тех шагов вперед, которые мы ежечасно провозглашаем, ежеминутно делаем и потом ежесекундно доказываем их непрочность, несолидность и непонятность. Вреднее всего здесь было бы спещить. Вреднее всего было бы полагаться на то, что мы хоть что-нибудь знаем, или на то, что у нас есть сколько-нибудь значительное количество элементов для построения действительно нового аппарата, действительно заслуживающего названия социалистического, советского и т. п.

Нет, такого аппарата и даже элементов его у нас до смешного мало, и мы должны помнить, что для создания его не надо жалеть времени и надо затратить много, много лет.

Какие элементы имеются у нас для создания этого аппарата? Только два. Во-первых, рабочие, увлеченные борьбой за социализм. Эти элементы недостаточно просвещены. Они хотели бы дать нам лучший аппарат. Но они не знают, как это сделать. Они не могут этого сделать. Они не выработали в себе до сих пор такого развития, той культуры, которая необходима для этого. А для этого необходима именно культура. Тут ничего нельзя поделаться нахрапом или натиском, бойкостью или энергией, или каким бы то ни было лучшим человеческим качеством вообще. Во-вторых, элементы знания, просвещения, обучения, которых у нас до смешного мало по сравнению со всеми другими государствами.

И тут нельзя забывать, что эти знания мы слишком еще склонны возмещать (или мнить, что их можно возместить) усердием, скоропалительностью и т. д.

Нам надо во что бы то ни стало поставить себе задачей для обновления нашего госаппарата: во-первых—учиться, во-вторых—учиться, и в-третьих—учиться, и затем проверять то, чтобы наука у нас не оставалась мертвой буквой или модной фразой (а это, нечего греха таить, у нас особенно часто бывает), чтобы наука действительно входила в плоть и кровь, превращалась в составной элемент быта вполне и настоящим образом. Одним словом, нам надо пред'являть не те требования, что пред'являет буржуазия Западной Европы, а те, которые достойно и прилично пред'являть стране, ставящей своей задачей развиться в социалистическую страну.

Выводы из сказанного: мы должны сделать Рабкрин, как орудие улучшения нашего аппарата, действительно образцовым учреждением.

Для того, чтобы он мог достигнуть необходимой высоты, нужно держаться правила: семь раз примерь, один раз отрежь.

Для этого нужно, чтобы действительно лучшее, что есть в нашем социальном строе, с наибольшей осторожностью, обдуманностью, осведомленностью было прилагаемо к созданию нового наркомата.

Для этого нужно, чтобы лучшие элементы, которые есть в нашем социальном строе, а именно: передовые рабочие, во-первых, и, во-вторых, элементы действительно просвещенные, за которых можно ручаться, что они ни слова не возьмут на веру, ни слова не скажут против совести, не побоялись признаться ни в какой трудности и не побоялись никакой борьбы для достижения серьезно поставленной себе цели.

Мы уже пять лет суетимся над улучшением нашего госаппарата, но это именно только суетня, которая за пять лет доказала лишь свою непригодность, или даже свою бесполезность, или даже свою вредность. Как суетня, она давала нам видимость работы, на самом деле засоряя наши учреждения и наши мозги.

Надо, наконец, чтобы это стало иначе.

Надо взять за правило: лучше числом поменьше, да качеством повыше. Надо взять за правило: лучше через два года или даже через три года, чем второпях, без всякой надежды получить солидный человеческий материал.

Я знаю, что это правило трудно будет выдержать и применить к нашей действительности. Я знаю, что тысячами лазеек обратное правило будет пробивать у нас себе дорогу. Я знаю, что сопротивление нужно будет оказать гигантское, что настойчивость нужно будет проявить дьявольскую, что работа здесь первые годы, по крайней мере, будет чертовски неблагоприятной; и тем не менее я убежден, что только такой работой мы сможем добиться своей цели и, только добившись этой цели, мы создадим республику, действительно достойную названия советской, социалистической и пр., и пр., и т. п.

Вероятно, многие читатели нашли цифры, которые я привел в виде примера в первой своей статье, слишком незначительными. Я уверен, что можно привести много расчетов в доказательство недостаточности этих цифр. Но я думаю, что выше всех таких и всяких расчетов нам следует поставить одно: интерес действительно образцового качества.

Я считаю, что для нашего госаппарата именно теперь

настала, наконец, пора, когда мы должны поработать над ним, как следует, со всей серьезностью, и когда едва ли не самой вредной чертой этой работы будет торопливость. Поэтому я бы очень предостерегал от увеличения этих цифр. Напротив, на мой взгляд здесь следует быть особенно скупыми на цифры. Будем говорить прямо. Наркомат Рабкрина не пользуется сейчас ни тенью авторитета. Все знают о том, что хуже поставленных учреждений, чем учреждения нашего Рабкрина, нет и что при современных условиях с этого наркомата нечего и спрашивать. Нам надо твердо запомнить это, если мы хотим действительно задаться целью через несколько лет выработать учреждение, которое, во-первых, должно быть образцовым, во-вторых, должно внушать всем безусловное доверие и, в-третьих, доказать всякому и каждому, что мы действительно оправдали работу такого высокого учреждения, как ЦКК. Всякие общие нормы числа служащих, по-моему, следует изгнать сразу и бесповоротно. Служащих Рабкрина мы должны подбирать совершенно особо и не иначе, как на основании строжайшего испытания. К чему, на самом деле, составлять наркомат, в котором работа велась бы кое-как, опять не внушая к себе ни малейшего доверия, в котором бы слово пользовалось безконечно малым авторитетом? Я думаю, что избежать этого является главной нашей задачей при такого рода перестройке, которую мы имеем теперь в виду.

Рабочие, которых мы привлекаем в качестве членов ЦКК, должны быть безупречны, как коммунисты, и я думаю, что над ними надо еще длительно поработать, чтобы обучить их приемам и задачам их работы. Дальше, помощниками в этой работе должно быть определенное число секретарского персонала, от которого надо будет требовать тройной проверки перед назначением его на службу. Наконец, те должностные лица, которых мы решимся, в виде исключения, поставить сразу на места служащих Рабкрина, должны удовлетворять следующим условиям:

во-первых, они должны быть рекомендованы несколькими коммунистами;

во-вторых, они должны выдержать испытание на знание нашего госаппарата;

в-третьих, они должны выдержать испытание на знание основ теории по вопросу о нашем госаппарате, на знание основ науки управления, делопроизводства и т. д.;

в-четвертых, они должны сработаться с членами ЦКК и со своим секретариатом так, чтобы мы могли ручаться за работу всего этого аппарата в целом.

Я знаю, что эти требования предполагают непомерно большие условия, и я очень склонен опасаться, что боль-

шинство «практиков» в Рабкрине объявят эти требования неисполнимыми или будут презрительно посмеиваться над ними. Но я спрашиваю любого из теперешних руководителей Рабкринина или из лиц, прикосновенных к нему, может ли он сказать мне по совести, какая надобность на практике в таком наркомате, как Рабкрин? Я думаю, что этот вопрос поможет ему найти чувство меры. Либо не стоит заниматься одной из реорганизаций, которых у нас так много бывало, такого безнадежного дела, как Рабкрин, либо надо действительно поставить себе задачей создать медленным, трудным необычным путем, не без многочисленных проверок, нечто действительно образцовое, способное внушать всякому и каждому уважение, и не только потому, что чины и звания этого требуют.

Если не запастись терпением, если не положить на это дело нескольких лет, то лучше за него вовсе не браться.

По-моему, из тех учреждений, которые мы уже напекли по части высших институтов труда и прочее, выбрать минимум, проверить вполне серьезную постановку и продолжать работу лишь так, чтобы она действительно стояла на высоте современной науки и давала нам все ее обеспечения. Тогда в несколько лет не утопично будет надеяться на получение учреждения, которое будет в состоянии делать свое дело, именно систематически, неуклонно работать, пользуясь доверием рабочего класса, российской коммунистической партии и всей массы населения нашей республики, над улучшением нашего госаппарата.

Подготовительную к этому деятельность можно было бы начать уже сейчас. Если бы наркомат Рабкринина согласился с планом настоящего преобразования, то тогда он мог бы сейчас начать подготовительные шаги с тем, чтобы работать систематически вплоть до их полного завершения, не торопясь и не отказываясь от переделки сделанного однажды.

Всякое половинчатое решение тут было бы до последней степени вредно. Всякие нормы служащих Рабкринина, исходящие из каких бы то ни было других соображений, были бы, в сущности, основаны на старых чиновничьих соображениях, на старых предрассудках, на том, что уже осуждено, что вызывает общие насмешки и т. д.

В сущности, здесь вопрос стоит так:

Либо показать теперь, что мы всерьез чему-нибудь научились в деле государственного строительства (не грех в пять лет чему-нибудь научиться), либо—что мы не созрели для этого; и тогда не стоит браться за дело.

Я думаю, что при том человеческом материале, который мы имеем, не будет нескромно предположить, что мы уже достаточно научились для того, чтобы систематически

и заново построить хоть один наркомат. Правда, этот один наркомат должен определять собой весь наш госаппарат в целом.

Объявить конкурс сейчас же на составление двух или больше учебников по организации труда вообще и специально труда управленческого. В основу можно положить имеющуюся уже у нас книгу Ерманского, хотя он, в скобках будь сказано, и отличается явным сочувствием меньшевизму и не пригоден для составления учебника, подходящего для Советской власти. Затем, можно взять за основу недавнюю книгу Керженцева; наконец, могут пригодиться еще кое-какие из имеющихся частичных пособий.

Послать нескольких подготовленных и добросовестных лиц в Германию или в Англию для сбора литературы и изучения этого вопроса. Англию я называю на случай, если бы посылка в Америку или Канаду оказалась невозможной.

Назначить комиссию для составления первоначальной программы экзаменов на кандидата в служащие Рабкрина, тоже—на кандидата в члены ЦКК.

Эти и подобные им работы, разумеется, не затруднят ни наркома, ни членов коллегии Рабкрина, ни президиум ЦКК.

Параллельно с этим придется назначить подготовительную комиссию для подыскания кандидатов на должность членов ЦКК. Я надеюсь, что на эту должность у нас найдется теперь уже более, чем достаточно кандидатов, как из числа опытных работников всех ведомств, так и из числа студентов наших советских школ. Едва ли будет правильно исключать ту или другую категорию заранее. Вероятно, придется предпочесть разнообразный состав этого учреждения, в котором мы должны искать соединения многих качеств, соединения неодинаковых достоинств, так что тут придется поработать над задачей составления списка кандидатов. Например, более всего было бы нежелательным, если бы новый наркомат был составлен по одному шаблону, допустим из типа людей характера чиновников, или с исключением людей характера агитаторов, или с исключением людей, отличительным свойством которых является общительность или способность проникать в круги не особенно обычные для такого рода работников, и т. д.

* * *

Я думаю, что лучше всего выражу свою мысль, если сравню мой план с учреждениями академического типа. Члены ЦКК должны будут, под руководством своего президиума, работать систематически над просмотром всех бу-

маг и документов Политбюро. Вместе с тем, они должны будут правильно распределять свое время между отдельными работами по проверке делопроизводства в наших учреждениях, начиная от самых мелких и частных и кончая высшими государственными учреждениями. Наконец, к разряду их работ будут относиться занятия теорией, т.-е. теорией организации той работы, которой они намереваются себя посвятить, и практические занятия под руководством либо старых товарищей, либо преподавателей высших институтов организации труда.

Но я думаю, что ограничиться такого рода академическими работами им никак не доведется. На ряду с ними им придется готовить себя к работам, которые я не постеснялся бы назвать подготовкой к ловле, не скажу—мошенников, но в роде того, и придумыванием особых ухищрений для того, чтобы покрыть свои походы, подходы и т. п.

Если в западно-европейских учреждениях подобные предложения вызвали бы неслыханное негодование, чувство нравственного возмущения и т. д., то я надеюсь, что мы еще не достаточно бюрократились, чтобы быть способными на это. У нас нэп еще не успел приобрести такого уважения, чтобы обижаться при мысли о том, что тут могут кого-то ловить. У нас еще так недавно построена Советская республика и навалена такая куча всякого хлама, что обидеться при мысли о том, что среди этого хлама можно производить раскопки при помощи некоторых хитростей, при помощи разведок, направленных иногда на довольно отдаленные источники или довольно кружным путем, едва ли придет кому-либо в голову, а если и придет, то можно быть уверенным, что над таким человеком мы все от души посмеемся.

Наш новый Рабкрин, надеемся, оставит позади себя то качество, которое французы называют *gruderie*, которое мы можем назвать смешным жеманством или смешным важничаньем и которое до последней степени на-руку всей нашей бюрократии, как советской, так и партийной. В скобках будь сказано, бюрократия, у нас бывает не только в советских учреждениях, но и в партийных.

Если я писал выше о том, что мы должны учиться и учиться в институтах по высшей организации труда и т. п., то это отнюдь не значит, что я понимаю это «учение» сколько-нибудь по-школьному, или чтобы я ограничивался мыслью обучению только по-школьному. Я надеюсь, что ни один настоящий революционер не заподозрит меня в том, что я под «ученьем» в этом случае отказался понять какую-нибудь полушутливую проделку, какую-нибудь хитрость, какую-нибудь каверзу или нечто в этом роде. Я знаю, что в западно-европейском чинном и серьезном госу-

дарстве эта мысль вызвала бы действительно ужас, и ни один порядочный чиновник не согласился бы даже допустить ее к обсуждению. Но я надеюсь, что мы еще не достаточно обюрократились и что у нас ничего, кроме веселья, обсуждение этой мысли не вызывает.

В самом деле, почему не соединить приятное с полезным? Почему не воспользоваться какой-нибудь шутовой или полушутовой проделкой для того, чтобы накрыть, что-нибудь смешное, что-нибудь вредное, что-нибудь полусмешное, полу-вредное и т. д.?

Мне кажется, что наш Рабкрин выиграет не мало, если примет эти соображения к своему рассмотрению, и что список казусов, посредством которых наша ЦКК или ее коллегия по Рабкрину выиграли несколько своих наиболее блестящих побед, будет обогащен немало похождениями наших будущих «рабкринщиков» и «цекакистов» в местах, не совсем удобоупоминаемых в чинных и чопорных учебниках.

Как можно соединить учреждения партийные с советскими? Нет ли тут чего-либо недопустимого?

Я ставлю этот вопрос не от своего имени, а от имени тех, на кого я намекнул выше, говоря, что бюрократы имеются у нас не только в советских, но и в партийных учреждениях.

Почему бы, в самом деле, не соединить те и другие, если это требуется интересом дела? Разве кто-либо не замечал когда-либо, что в таком наркомате, как Наркоминдел, подобное соединение приносит чрезвычайную пользу и практикуется с самого его начала? Разве в Политбюро не обсуждаются с партийной точки зрения многие мелкие и крупные вопросы о «ходах» с нашей стороны в ответ на «ходы» заграничных держав, в предотвращении их, ну, скажем, хитрости, чтобы не выражаться менее прилично? Разве это гибкое соединение советского с партийным не является источником чрезвычайной силы в нашей политике? Я думаю, что то, что оправдало себя, упрочилось в нашей внешней политике и вошло уже в обычай так, что не вызывает никаких сомнений в этой области,—будет, по меньшей мере, столько же уместно (а я думаю, что будет гораздо более уместно), по отношению ко всему нашему государственному аппарату. А ведь Рабкрин и посвящен всему нашему государственному аппарату, и деятельность его должна касаться всех и всяких, без всякого изъятия, государственных учреждений, и местных, и центральных и торговых, и чисто чиновничьих, и учебных, и архивных, и театральных и т. д.—одним словом, всех без малейшего изъятия.

Почему же для учреждения с таким широким разма-

хсм, для которого, кроме того, требуется еще чрезвычайная гибкость форм деятельности,—почему же для него не допустить своеобразного слияния контрольного партийного учреждения с контрольным советским?

Я бы не видел в этом никаких препятствий. Более того, я думаю, что такое соединение является единственным залогом успешной работы. Я думаю, что всякие сомнения на этот счет вылезают из самых пыльных углов нашего госаппарата и что на них следует отвечать только одним—насмешкой.

* * *

Другое сомнение: удобно ли соединять деятельность учебную с деятельностью должностной? Мне кажется, не только удобно, но и должно. Вообще говоря, мы успели заразиться от западно-европейской государственности, при всем революционном к ней отношении, целым рядом вреднейших и смешнейших предрассудков, а отчасти нас умышленно заразили этим наши милые бюрократы, не без умысла, спекулируя на том, что в мутной воде подобных предрассудков им неоднократно удастся ловить рыбу; и лавливали они рыбу в этой мутной воде до такой степени, что только совсем слепые из нас не видели, как широко эта ловля практиковалась.

Во всей области общественных, экономических и политических отношений мы «ужасно» революционны. Но в области чиновничества, соблюдения форм и обрядов делопроизводства наша «революционность» сменяется сплошь да рядом самым затхлым рутинерством. Тут не раз можно наблюдать интереснейшее явление, как в общественной жизни величайший прыжок вперед соединяется с чудовищной робостью перед самыми маленькими изменениями.

Это и понятно, потому что самые смелые шаги вперед лежали в области, которая составляла издавна удел теории, лежали в области, которая культивировалась главным образом и даже почти исключительно теоретически. Русский человек отводил душу от постылой чиновничьей действительности дома за необычайно смелыми теоретическими построениями, и поэтому эти необычайно смелые теоретические построения приобретали у нас необыкновенно односторонний характер. У нас уживались рядом теоретическая смелость в общих настроениях и поразительная робость по отношению к какой-нибудь самой незначительной канцелярской реформе. Какая-нибудь величайшая всемирная земельная революция разрабатывалась с неслыханной в иных государствах смелостью, а рядом не хватало фантазии на какую-нибудь десятистепенную канцелярскую реформу; не хватало фантазии или не хватало терпения применить к этой

реформе те же общие положения, которые давали такие «блестящие» результаты, будучи применяемы к вопросам общим.

И поэтому наш теперешний быт соединяет в себе в поразительной степени черты отчаянно смелого с робостью мысли перед самыми мельчайшими изменениями.

Я думаю, что иначе и не бывало ни при одной действительно великой революции, потому что действительно великие революции рождаются из противоречий между старым, между направленным на разработку старого и абстрактнейшим стремлением к новому, которое должно уже быть так ново, чтобы ни одного грана старины в нем не было.

И чем круче эта революция, тем дольше будет длиться то время, когда целый ряд таких противоречий будет держаться.

Общей чертой нашего быта является теперь следующее: мы разрушили капиталистическую промышленность, постарались разрушить до тла учреждения средневековые, помещичье замлевание, и на этой почве создали мелкое и мельчайшее крестьянство, которое идет за пролетариатом из доверия к результатам его революционной работы. На этом доверии, однако, продержаться нам вплоть до победы социалистической революции в более развитых странах нелегко, потому что мелкое и мельчайшее крестьянство, особенно при нэп'е, держится по экономической необходимости на крайне низком уровне производительности труда. Да и международная обстановка вызвала то, что Россия отброшена теперь назад, что в общем и целом производительность народного труда у нас теперь значительно менее высока, чем до войны. Западно-европейские капиталистические державы, частью сознательно, частью стихийно, сделали все возможное, чтобы отбросить нас назад, чтобы использовать элементы гражданской войны в России для возможно большего разорения страны. Именно такой выход из империалистической войны представлялся, конечно, имеющим значительные выгоды: если мы не опрокинем революционного строя в России, то, во всяком случае, мы затрудним его развитие к социализму,—так, примерно, рассуждали эти державы, и с их точки зрения они не могли рассуждать иначе. В итоге они получили полурешение своей задачи. Они не свергли нового строя, созданного революцией, но они и не дали ему возможности сделать сейчас же такой шаг вперед, который бы оправдал предсказания социалистов, который бы дал им возможность с громадной быстротой развить производительные силы, развить все те возможности, которые сложились бы в социализм, доказать всякому и каждому наглядно, воочию, что социализм таит в себе гигантские силы и что человечество перешло

теперь к новой, несущей необыкновенно блестящие возможности стадии развития.

Система международных отношений сложилась теперь такая, что в Европе одно из государств поработшено государствами победителями это—Германия. Затем, ряд государств, и притом самых старых государств Запада, оказались в силу победы в условиях, когда они могут пользоваться этой победой для ряда неважных уступок своим угнетенным классам,—уступок, которые все же оттягивают революционное движение в них и создают некоторое подобие «социального мира».

В то же время целый ряд стран: Восток, Индия, Китай, и т. п., в силу именно последней империалистической войны, оказались окончательно выбитыми из своей колеи. Их развитие направилось окончательно по общеевропейскому капиталистическому масштабу. В них началось общеевропейское брожение. И для всего мира ясно теперь, что они втянулись в такое развитие, которое не может не привести к кризису всего всемирного капитализма.

Мы стоим, таким образом, в настоящий момент перед вопросом: удастся ли нам продержаться при нашем мелком и мельчайшем крестьянском производстве, при нашей разоренности до тех пор, пока западно-европейские капиталистические страны завершат свое развитие к социализму? Но они завершают его не так, как мы ожидали раньше. Они завершают его не равномерным «вызреванием» в них социализма, а путем эксплуатации одних государств другими, путем эксплуатации первого из побежденных во время империалистической войны государств, соединенной с эксплуатацией всего Востока. А Восток, с другой стороны, пришел окончательно в революционное движение именно в силу этой первой империалистической войны и окончательно втянулся в общий круговорот всемирного революционного движения.

Какая же тактика предписывается таким положением дел для нашей страны? Очевидно, следующая: мы должны проявить в величайшей степени осторожность для сохранения нашей рабочей власти, для удержания под ее авторитетом и под ее руководством нашего мелкого и мельчайшего крестьянства. На нашей стороне тот плюс, что весь мир уже переходит теперь к такому движению, которое должно породить всемирную социалистическую революцию. Но на нашей стороне тот минус, что империалистам удалось расколоть весь мир на два лагеря, при чем этот раскол осложнен тем, что Германии, стране действительно передового культурного капиталистического развития, подняться теперь до последней степени трудно. Все капиталистические державы так называемого Запада клюют ее и не дают ей подняться.

А с другой стороны, весь Восток с его сотнями миллионов трудящегося эксплуатируемого населения, доведенного до последней степени человеческой крайности, поставлен в условия, когда его физические и материальные силы не идут решительно ни в какое сравнение с физическими, материальными и военными силами любого из гораздо меньших западно-европейских государств.

Можем ли мы спастись от грядущего столкновения с этими империалистическими государствами? Есть ли у нас надежда на то, что внутренние противоречия и конфликты между преуспевающими империалистическими государствами Запада и преуспевающими империалистическими государствами Востока дадут нам оттяжку второй раз, как они дали в первый, когда поход западно-европейской контр-революции, направленный к поддержке русской контр-революции, сорвался из-за противоречий в лагере контр-революционеров Запада и Востока, в лагере эксплуататоров восточных и эксплуататоров западных в лагере Японии и Америки?

На этот вопрос, мне кажется, следует ответить таким образом, что решение зависит здесь от слишком многих обстоятельств, и исход борьбы, в общем и целом, можно предвидеть лишь на том основании, что гигантское большинство населения земли в конце концов обучается и воспитывается к борьбе самим капитализмом.

Исход борьбы зависит в конечном счете от того, что Россия, Индия, Китай и т. п. составляют гигантское большинство населения. А именно это большинство населения и втягивается с необычайной быстротой в последние годы в борьбу за свое освобождение, так что в этом смысле не может быть ни тени сомнения в том, каково будет окончательное решение мировой борьбы. В этом смысле окончательная победа социализма вполне и безусловно обеспечена.

Но нам интересна не эта неизбежность окончательной победы социализма. Нам интересна та тактика, которой должны держаться мы, российская коммунистическая партия, мы, российская советская власть, для того, чтобы помешать западно-европейским контр-революционным государствам раздавить нас. Для того, чтобы обеспечить наше существование до следующего военного столкновения между контр-революционным империалистическим Западом и революционным и националистическим Востоком, между цивилизованнейшими государствами мира и государствами по восточному отсталыми, которые, однако, составляют большинство,—этому большинству нужно успеть цивилизоваться. Нам тоже не хватает цивилизации для того, чтобы перейти непосредственно к социализму, хотя мы и имеем для этого

политические предпосылки. Нам следует держаться такой тактики или принять для нашего спасения следующую политику.

Мы должны постараться построить государство, в котором рабочие сохранили бы свое руководство над крестьянами, доверие крестьян по отношению к себе, и с величайшей экономией изгнали бы из своих общественных отношений всякие следы каких бы то ни было излишеств.

Мы должны свести наш госаппарат до максимальной экономии. Мы должны изгнать из него все следы излишеств, которых в нем осталось так много от царской России, от ее бюрократическо-капиталистического аппарата.

Не будет ли это царством крестьянской ограниченности?

Нет. Если мы сохраним за рабочим классом руководство над крестьянством, то мы получим возможность ценой величайшей и величайшей экономии хозяйства в нашем государстве добиться того, чтобы всякое малейшее сбережение сохранить для развития нашей крупной машинной индустрии, для развития электрификации, гидроторфа, для достройки Волховстроя и проч.

В этом и только в этом будет наша надежда. Только тогда мы в состоянии будем пересесть, выражаясь фигурально, с одной лошади на другую; именно, с лошади крестьянской, мужицкой, обнищалой, с лошади экономий, рассчитанных на разоренную крестьянскую страну,—на лошадь, которую ищет и не может не искать для себя пролетариат, на лошадь крупной машинной индустрии, электрификации, Волховстроя и т. д.

Вот как я связываю в своих мыслях общий план нашей работы, нашей политики, нашей тактики, нашей стратегии с задачами реорганизованного Рабкрина. Вот в чем для меня состоит оправдание тех исключительных забот, того исключительного внимания, которое мы должны уделить Рабкрину, поставив его на исключительную высоту, дав ему головку с правами Ц. К. и т. д. и т. п.

Это оправдание состоит в том, что лишь посредством максимальной чистки нашего аппарата, посредством максимального сокращения всего, что не абсолютно необходимо в нем, мы в состоянии будем удержаться наверняка. И притом мы будем в состоянии удержаться не на уровне мелкокрестьянской страны, не на уровне этой всеобщей ограниченности, а на уровне, поднимающемся неуклонно вперед и вперед к крупной машинной индустрии.

Вот о каких высоких задачах я мечтаю для нашего Рабкрина. Вот для чего я планирую для него слияние авторитетнейшей партийной верхушки с «рядовым» наркоматом.

2 марта, 1923 г.

ХИ.

ОТНОШЕНИЕ К НАЦИОНАЛЬНОМУ И КОЛОНИАЛЬНОМУ ВОПРОСАМ.

1. О национальной гордости великороссов.
2. Социалистическая революция и право наций на самоопределение.
3. Из речи на VIII съезде партии.
4. Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам.

О национальной гордости великороссов.

Как много говорят, толкуют, кричат теперь о национальности, об отечестве! Либеральные и радикальные министры Англии, бездна «передовых» публицистов Франции (оказавшихся вполне согласными с публицистами реакции), тьма казенных, кадетских и прогрессивных (вплоть до некоторых народнических и «марксистских») писак России— все на тысячи ладов воспевают свободу и независимость «родины», величие принципа национальной самостоятельности. Нельзя разобрать, где здесь кончается продажный хвалитель палача Николая Романова или истязателей негров и обитателей Индии, где начинается дюжинный мещанин, по тупоумию или по бесхарактерности плывущий «по течению». Да и не важно разбирать это. Перед нами очень широкое и очень глубокое идейное течение, корни которого весьма прочно связаны с интересами господ помещиков и капиталистов великодержавных наций. На пропаганду выгодных этим классам идей затрачиваются десятки и сотни миллионов в год, мельница немалая, берущая воду отовсюду, начиная от убежденного шовиниста Меньшикова и кончая шовинистами по оппортунизму или по бесхарактерности, Плехановым и Масловым, Рубановичем и Смирновым, Кропоткиным и Бурцевым.

Попробуем и мы, великорусские с.-д., определить свое отношение к этому идейному течению. Нам, представителям великодержавной нации крайнего востока Европы и доброй доли Азии, неприлично было бы забывать о громадном значении национального вопроса;—особенно, в такой стране, которую справедливо называют «тюрьмой народов»;—в такое время, когда именно на дальнем Востоке Европы и в Азии капитализм будит к жизни—к сознанию целый ряд «новых», больших и малых наций;—в такой момент, когда царская монархия поставила под ружье миллионы великороссов и «инородцев», чтобы «решить» целый

ряд национальных вопросов, сообразно интересам совета объединенного дворянства и Гучковых с Крестовниковыми, Долгоруковыми, Кутлерами, Родичевыми.

Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы ее трудящиеся массы (т.-е. $\frac{9}{10}$ ее населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов. Нам больше всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великороссов, что эта среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свергать попа и помещика.

Мы помним, как полвека тому назад великорусский демократ Чернышевский, отдавая свою жизнь делу революции, сказал: «жалкая нация, нация рабов, сверху до низу— все рабы». Откровенные и прикровенные рабы-великороссы (рабы по отношению к царской монархии) не любят вспоминать об этих словах. А, по-нашему, это были слова настоящей любви к родине, любви тоскующей, вследствие отсутствия революционности в массах великорусского населения. Тогда ее не было. Теперь ее мало, но она уже есть. Мы полны чувства национальной гордости, ибо великорусская нация тоже создала революционный класс, тоже доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм, а не только великие погромы, ряды виселиц, застенки, великие голодовки и великое раболепство перед попами, царями, помещиками и капиталистами.

Мы полны чувства национальной гордости, и именно поэтому мы особенно ненавидим свое рабское прошлое (когда помещики-дворяне вели на войну мужиков, чтобы душиТЬ свободу Венгрии, Польши, Персии, Китая) и свое рабское настоящее, когда те помещики, споспешествуемые капиталистами, ведут нас на войну, чтобы душиТЬ Польшу и Украину, чтобы давить демократическое движение в Персии и в Китае, чтобы усилить позорящую наше великорусское национальное достоинство шайку Романовых, Бобринских, Пуришкевичей. Никто неповинен в том, если он родился рабом; но раб, который не только чуждается стремлений к своей свободе, но оправдывает и прикрашивает свое рабство (например, называет удушение Польши, Украины и т. д. «защитой отечества» великорос-

сов), такой раб есть вызывающий законное чувство негодования, презрения и омерзения холуй и хам.

«Не может быть свободен народ, который угнетает чужие народы», так говорили величайшие представители последовательной демократии XIX века Маркс и Энгельс, ставшие учителями революционного пролетариата. И мы, великорусские рабочие, полные чувства национальной гордости, хотим во что бы то ни стало свободной и независимой, самостоятельной, демократической, республиканской, гордой Великороссии, строящей свои отношения к соседям на человеческом принципе равенства, а не на унижающем великую нацию крепостническом принципе привилегий. Именно потому, что мы хотим ее, мы говорим: нельзя в XX веке, в Европе (хотя бы и дальневосточной Европе) «защищать отечество» иначе, как борясь всеми революционными средствами против монархии, помещиков и капиталистов своего отечества, т.-е. худших врагов нашей родины;— нельзя великороссам «защищать отечество» иначе, как желая поражения во всякой войне царизму, как наименьшего зла для $\frac{9}{10}$ населения Великороссии, ибо царизм не только угнетает эти $\frac{9}{10}$ населения экономически и политически, но и деморализует, унижает, обесчещивает, prostituiрует его, приучая к угнетению чужих народов, приучая прикрывать свой позор лицемерными, якобы патриотическими фразами.

Нам возразят, может быть, что кроме царизма и под его крылышком возникла и окрепла уже другая историческая сила, великорусский капитализм, который делает прогрессивную работу, централизуя экономически и сплачивая громадные области. Но такое возражение не оправдывает, а еще сильнее обвиняет наших социалистов-шовинистов, которых надо бы назвать царско-пуришкевическими социалистами (как Маркс назвал лассалианцев королевско-прусскими социалистами). Допустим даже, что история решит вопрос в пользу великорусского великодержавного капитализма против ста и одной маленькой нации. Это не невозможно, ибо вся история капитала есть история насилий и грабежа, крови и грязи. И мы вовсе не сторонники непременно маленьких наций; мы безусловно при прочих равных условиях, за централизацию и против мещанского идеала федеративных отношений. Однако, даже в таком случае, во-первых, не наше дело, не дело демократов (не говоря уже о социалистах) помогать Романову—Бобринскому—Пуришкевичу душить Украину и т. д. Бисмарк сделал по-своему, по-юнкерски, прогрессивное историческое дело, но хорош был бы тот «марксист», который на этом основании вздумал бы оправдывать социалистическую помощь Бисмарку! И притом Бисмарк помогал экономиче-

скому развитию, объединяя раздробленных немцев, которых угнетали другие народы. А экономическое процветание и быстрое развитие Великороссии требует освобождения страны от насилия великороссов над другими народами,— эту разницу забывают наши поклонники истинно-русских почти-Бисмарков.

Во-вторых, если история решит вопрос в пользу великорусского великодержавного капитализма, то отсюда следует, что тем более великой будет социалистическая роль великорусского пролетариата, как главного двигателя коммунистической революции, порождаемой капитализмом. А для революции пролетариата необходимо длительное воспитание рабочих в духе полнейшего национального равенства и братства. Следовательно, с точки зрения интересов именно великорусского пролетариата, необходимо длительное воспитание масс в смысле самого решительного, смелого, революционного отстаивания полного равноправия и права самоопределения всех угнетенных великороссами наций. Интерес (не по-холопски понятой) национальной гордости великороссов совпадает с социалистическим интересом великорусских (и всех иных) пролетариев. Нашим образцом останется Маркс, который, прожив десятилетия в Англии, стал наполовину англичанином и требовал свободы и национальной независимости Ирландии в интересах социалистического движения английских рабочих.

Наши же доморощенные социалистические шовинисты, Плеханов и проч., и проч., в том последнем и предположительном случае, который мы рассматривали, окажутся изменниками не только своей родине, свободной и демократической Великороссии, но и изменниками пролетарскому братству всех народов России, т.-е. делу социализма.

Декабрь, 1914 г.

Социалистическая революция и право наций на самоопределение.

(Тезисы).

1. Империализм, социализм и освобождение угнетенных наций.

Империализм есть высшая стадия развития капитализма. Капитал в передовых странах перерос рамки национальных государств, поставил монополию на место конкуренции, создав все объективные предпосылки осуществимости социализма. Поэтому на очереди дня в З. Европе и С. Штатах стоит революционная борьба пролетариата за низвержение капиталистических правительств, за экспроприацию буржуазии. Империализм толкает массы к такой борьбе, обостряя в громадных размерах классовые противоречия, ухудшая положение масс и в экономическом отношении—тресты, дороговизна—и в политическом: рост милитаризма, учащение войн, усиление реакции, упрочение и расширение национального гнета и колониального грабежа. Победоносный социализм необходимо должен осуществить полную демократию, а, следовательно, не только провести полное равноправие наций, но и осуществить право на самоопределение угнетенных наций, т.-е. право на свободное политическое отделение. Социалистические партии, которые не докажут всей своей деятельностью и теперь и во время революции и после ее победы, что они освободят поработанные нации и построят отношение к ним на основе свободного союза—а свободный союз есть лживая фраза без свободы отделения,—такие партии совершили бы измену по отношению к социализму.

Конечно, демократия есть тоже форма государства, которая должна исчезнуть, когда исчезнет государство, но это будет лишь при переходе от окончательно победившего и упрочившегося социализма к полному коммунизму.

2. Социалистическая революция и борьба за демократию.

Социалистическая революция не один акт, не одна битва по одному фронту, а целая эпоха обостренных классовых конфликтов, длинный ряд битв по всем фронтам, т.-е. по всем вопросам экономики и политики, битв, которые могут завершиться лишь экспроприацией буржуазии. Было бы коренной ошибкой думать, что борьба за демократию способна отвлечь пролетариат от социалистической революции, или заслонить, затенить ее и т. п. Напротив, как невозможен победоносный социализм, не осуществляющий полной демократии, так не может подготовиться к победе над буржуазией пролетариат, не ведущий всесторонней, последовательной и революционной борьбы за демократию.

Не меньшей ошибкой было бы удалять один из пунктов демократической программы, напр., о самоопределении наций, на основании будто бы «неосуществимости» или «иллюзорности» его при империализме. Утверждение, что право наций на самоопределение неосуществимо в пределах капитализма, может быть понимаемо либо в абсолютном, экономическом смысле, либо в условном, политическом.

В первом случае оно в корне ошибочно теоретически. Во 1-х, в таком смысле неосуществимы при капитализме, напр., рабочие деньги или уничтожение кризисов и т. п. Совершенно неверно так же, что неосуществимо самоопределение наций. Во 2-х, даже один пример отделения Норвегии от Швеции в 1905 г. достаточен, чтобы опровергнуть «неосуществимость» в этом смысле. В 3-х, было бы смешно отрицать, что при небольшом изменении политических и стратегических взаимоотношений, напр., Германии и Англии сегодня или завтра вполне «осуществимо» образование новых государств—польского, индийского и т. п. В 4-х, финансовый капитал в своих стремлениях к экспансии «свободно» купит и подкупит самое свободное демократическое и республиканское правительство и выборных чиновников любой, хотя бы и «независимой» страны. Господство финансового капитала, как и капитала вообще, неустранимо никакими преобразованиями в области политической демократии; а самоопределение всецело и исключительно относится к этой области. Но это господство финансового капитала нисколько не уничтожает значения политической демократии, как более свободной, широкой и ясной формы классового гнета и классовой борьбы. Поэтому все рассуждения о «неосуществимости», в экономическом смысле, одного из требований политической демократии при капитализме сводятся к теоретически неверному определению

общих и основных отношений капитализма и политической демократии вообще.

Во втором случае это утверждение не полно и не точно. Ибо не одно только право наций на самоопределение, а все коренные требования политической демократии «осуществимы» при империализме лишь не полно, изуродовано и в виде редкого исключения (напр., отделение Норвегии от Швеции в 1905 г.). Требование немедленного освобождения колоний, выдвигаемое всеми революционными с.-д-тами, тоже «неосуществимо» при капитализме без ряда революций. Но из этого вытекает отнюдь не отказ с.-д. от немедленной и самой решительной борьбы за все эти требования — такой отказ был бы лишь на руку буржуазии и реакции — а, как раз наоборот, необходимость формулировать и проводить все эти требования не реформистски, а революционно; не ограничиваясь рамками буржуазной легальности, а ломая их; не удовлетворяясь парламентскими выступлениями и словесными протестами, а втягивая в активное действие массы, расширяя и разжигая борьбу из-за всякого коренного демократического требования до прямого натиска пролетариата на буржуазию, т. е. до социалистической революции, экспроприрующей буржуазию. Социалистическая революция может разгореться не только из-за крупной стачки или уличной демонстрации или голодного бунта или военного восстания или колониального мятежа, но и из-за любого политического кризиса в роде дела Дрейфуса или цабернского инцидента или в связи с референдумом по вопросу об отделении угнетенной нации и т. п.

Усиление национального гнета при империализме обусловливает для с.-д. не отказ от «утопической», как говорит буржуазия, борьбы за свободу отделения наций, а, напротив, усиленное использование конфликтов, возникающих и на этой почве, как поводов для массового действия и для революционных выступлений против буржуазии.

3. Значение права на самоопределение и его отношение к федерации.

Право на самоопределение наций означает исключительно право на независимость в политическом смысле, на свободное политическое отделение от угнетающей нации. Конкретно, это требование политической демократии означает полную свободу агитации за отделение и решение вопроса об отделении референдумом отделяющейся нации. Таким образом, это требование вовсе не равносильно требованию отделения, дробления, образования мелких государств. Оно означает лишь последовательное выражение

борьбы против всякого национального гнета. Чем ближе демократический строй государства к полной свободе отделения, тем реже и слабее будет на практике стремление к отделению, ибо выгоды крупных государств и с точки зрения экономического прогресса и с точки зрения интересов массы несомненны, при чем они все возрастают с ростом капитализма. Признание самоопределения не равносильно признанию федерации, как принципа. Можно быть решительным противником этого принципа и сторонником демократического централизма, но предпочитать федерацию национальному неравноправию, как единственный путь к полному демократическому централизму. Именно с этой точки зрения Маркс, будучи централистом, предпочитал даже федерацию Ирландии с Англией насильственному подчинению Ирландии англичанам.

Целью социализма является не только уничтожение раздробленности человечества на мелкие государства и всякой обособленности наций, не только сближение наций, но и слияние их. И именно для того, чтобы достигнуть этой цели, мы должны, с одной стороны, раз'яснить массам реакционность идей Реннера и О. Бауэра о так называемой «культурно-национальной автономии», а с другой стороны, требовать освобождения угнетенных наций не в общих расплывчатых фразах, не в бессодержательных декламациях, не в форме «откладывания» вопроса до социализма, а в ясно и точно сформулированной политической программе, специально учитывающей лицемерие и трусость социалистов в угнетающих нациях. Подобно тому, как человечество может прийти к уничтожению классов лишь через переходный период диктатуры угнетенного класса, подобно этому и к неизбежному слиянию наций человечество может прийти лишь через переходный период полного освобождения всех угнетенных наций, т.-е. их свободы отделения.

4. Пролетарско - революционная постановка вопроса о самоопределении наций.

Не одно требование самоопределения наций, а все пункты нашей демократической программы-минимум были раньше, еще в XVII и VIII вв., выставлены мелкой буржуазией. И мелкая буржуазия до сих пор утопически ставит все их, не видя классовой борьбы и ее усиления при демократии, веруя в «мирный» капитализм. Именно такова обманывающая народ и защищаемая kautскианцами утопия мирного союза равноправных наций при империализме. В противовес этой мещанской, оппортунистической

утопии, программа с.-д. должна выдвигать, как основное, существеннейшее и неизбежное при империализме деление наций на угнетающие и угнетаемые.

Пролетариат угнетающих наций не может ограничиться общими, шаблонными, повторяемыми любым пацифистским буржуа, фразами против аннексий и за равноправие наций вообще. Пролетариат не может обходить молчанием особенно «неприятного» для империалистской буржуазии вопроса о г р а н и ц а х государства, покоящегося на национальном гнете. Пролетариат не может не бороться против насильственного удержания угнетенных наций в границах данного государства, а это и значит бороться за право самоопределения. Пролетариат должен требовать свободы политического отделения колоний и наций, угнетаемых «его» нацией. В противном случае интернационализм пролетариата останется пустым и словесным; ни доверие, ни классовая солидарность между рабочими угнетенной и угнетающей нации невозможны; лицемерие реформистских и каутскианских защитников самоопределения, умалчивающих о нациях, угнетаемых «их собственной» нацией и насильно удерживаемых в «их собственном» государстве, остается неразоблаченным.

С другой стороны, социалисты угнетаемых наций должны в особенности отстаивать и проводить в жизнь полное и безусловное, в том числе организационное, единство рабочих угнетенной нации с рабочими угнетающей нации. Без этого невозможно отстоять самостоятельную политику пролетариата и его классовую солидарность с пролетариатом других стран при всех и всяческих проделках, изменах и мошенничествах буржуазии. Ибо буржуазия угнетенных наций постоянно превращает лозунги национального освобождения в обман рабочих: во внутренней политике она использует эти лозунги для реакционных соглашений с буржуазией господствующих наций (напр., поляки в Австрии и России, входящие в сделки с реакцией для угнетения евреев и украинцев); во внешней политике она старается заключать сделки с одной из соперничающих империалистских держав ради осуществления своих грабительских целей (политика мелких государств на Балканах и т. п.).

То обстоятельство, что борьба за национальную свободу против одной империалистской державы может быть, при известных условиях, использована другой «великой» державой в ее одинаково империалистских целях,—так же мало может заставить с.-д-тию отказаться от признания права на самоопределение наций, как многократные случаи использования буржуазией республиканских лозунгов,

в целях политического обмана и финансового грабежа, напр., в романских странах, не могут заставить с.-д-тов отказаться от их республиканизма 1).

5. Марксизм и прудонизм в национальном вопросе.

В противовес мелко-буржуазным демократам, Маркс видел во всех без исключения демократических требованиях не абсолют, а историческое выражение борьбы руководимых буржуазией народных масс против феодализма. Нет ни одного из этих требований, которое бы не могло служить и не служило, при известных обстоятельствах, орудием обмана рабочих со стороны буржуазии. Выделять в этом отношении одно из требований политической демократии, именно самоопределение наций, и противопоставлять его остальным—в корне неверно теоретически. На практике пролетариат может сохранить свою самостоятельность, лишь подчиняя свою борьбу за все демократические требования, не исключая и республики, своей революционной борьбе за свержение буржуазии.

С другой стороны, в противовес прудонистам, «отрицавшим» национальный вопрос «во имя социальной революции», Маркс выдвигал на первый план, имея в виду больше всего интересы классовой борьбы пролетариата в передовых странах, коренной принцип интернационализма и социализма: не может быть свободен народ, угнетающий другие народы. Именно с точки зрения интересов революционного движения немецких рабочих Маркс требовал в 1848 г., чтобы победоносная демократия Германии провозгласила и осуществила свободу народов, угнетаемых немцами. Именно с точки зрения революционной борьбы английских рабочих Маркс требовал в 1869 г. отделения Ирландии от Англии, при чем он добавлял: «хотя бы после отделения дело и пришло к федерации». Только ставя такое требование, Маркс действительно воспитывал английских рабочих в интернационалистском духе. Только так он мог противопоставить оппортунистам и буржуазному

1) Нечего и говорить, что отвергать право на самоопределение по той причине, что из него вытекает будто бы „защита отечества“, было бы совсем смешно. С таким же правом — т.-е. столь же несерьезно — ссылаются социал-шовинисты в 1914—1916 гг. и на любое требование демократии (напр., на ее республиканизм) и на любую формулировку борьбы против национального гнета для оправдания „защиты отечества“. Марксизм выводит признание защиты отечества в войнах, напр., великой французской революции или в войнах Гарибальди, в Европе, а также отрицание защиты отечества в империалистской войне 1914—1916 гг. из анализа конкретно-исторических особенностей каждой отдельной войны, а никоим образом не из какого-либо „общего принципа“, не из какого-либо отдельного пункта программы.

реформизму, который до сих пор, полвека спустя, не осуществил ирландской «реформы», революционное решение данной исторической задачи. Только так Маркс мог, в противовес апологетам капитала, кричащим об утопичности и неосуществимости свободы отделения мелких наций и о прогрессивности не только экономической, но и политической концентрации, отстаивать прогрессивность этой концентрации не по-империалистски, отстаивать сближение наций на базе не насилия, а свободного союза пролетариев всех стран. Только так Маркс мог словесному, и часто лицемерному, признанию равноправия и самоопределения наций противопоставить революционное действие масс и в области решения национальных вопросов. Империалистская война 1914 — 1916 гг. и раскрытые ею авгиевы конюшни лицемерия оппортунистов и каутскианцев наглядно подтвердили правильность этой политики Маркса, которая должна стать образцом для всех передовых стран, ибо теперь каждая из них угнетает чужие нации ¹⁾.

6. Три типа стран в отношении к самоопределению наций.

Надо отличать три главные типа стран в этом отношении:

Во-1-х, передовые капиталистические страны З. Европы и С. Штаты. Буржуазно-прогрессивные национальные движения здесь давно закончены. Каждая из этих «великих» наций угнетает чужие нации в колониях и внутри страны. Задачи пролетариата господствующих наций здесь именно таковы, каковы были в XIX веке его задачи в Англии по отношению к Ирландии ²⁾.

Во-2-х, восток Европы: Австрия, Балканы и особенно Россия. Здесь именно XX век особенно развил буржуазно-демократические национальные движения и обострил национальную борьбу. Задачи пролетариата этих стран, как в деле довершения их буржуазно-демократического преобразования, так и в деле помощи социалистической революции

¹⁾ Нередко ссылаются, — напр., в последнее время немецкий шовинист Ленч в ном. 8 и 9 „Die Glocke“ — на то, что отрицательное отношение Маркса к национальному движению некоторых народов, напр., чехов в 1848 г., опровергает необходимость признания самоопределения наций с точки зрения марксизма. Но это неверно, ибо в 1848 г. были исторические и политические основания различать „реакционные“ и революционно-демократические нации. Маркс был прав, осуждая первые и стоя за вторые. Право на самоопределение есть одно из требований демократии, которое, естественно, должно быть подчинено общим интересам демократии. В 1848 г. и след. гг. эти общие интересы состояли в первую голову в борьбе с царизмом.

²⁾ В некоторых маленьких государствах, оставшихся в стороне от войны 1914—1916 гг., напр., в Голландии, Швейцарии, буржуазия усиленно использует лозунг „самоопределения наций“ для оправдания участия в

других стран не могут быть выполнимы без отстаивания права наций на самоопределение. Особенно трудна и особенно важна здесь задача слияния классово́й борьбы рабочих угнетающих и рабочих угнетенных наций.

В-3-х, полуколониальные страны, каковы Китай, Персия, Турция и все колонии, вместе до 1.000 милл. населения. Здесь буржуазно-демократические движения частью едва начинаются, частью далеко не закончены. Социалисты должны не только требовать безусловного, без выкупа, и немедленного освобождения колоний,—а это требование в его политическом выражении означает не что иное, как именно признание права на самоопределение; социалисты должны самым решительным образом поддерживать наиболее революционные элементы буржуазно-демократических национально-освободительных движений в этих странах и помогать их восстанию,—а при случае и их революционной войне—п р о т и в угнетающих их империалистских держав.

7. Социал-шовинизм и самоопределение наций.

Империалистская эпоха и война 1914—1916 гг. особенно выдвинула задачу борьбы против шовинизма и национализма в передовых странах. По вопросу о самоопределении наций есть два главных оттенка среди социал-шовинистов, т.-е. оппортунистов и каутскианцев, прикрашивающих империалистскую, реакционную войну применением к ней понятия «защиты отечества».

С одной стороны, мы видим довольно откровенных слуг буржуазии, защищающих аннексии во имя того, что империализм и политическая концентрация прогрессивны, и отрицающих якобы утопическое, иллюзорное, мелко-буржуазное и т. п. право на самоопределение. Сюда относятся Кунов, Парвус и крайние оппортунисты в Германии, часть фабианцев и вождей тред-юнионов в Англии, оппортунисты в России: Семковский, Либман, Юркевич и т. п.

С другой стороны, мы видим каутскианцев, к которым относятся также Вандервельде, Ренодель и многие паци-

империалистской войне. Это является одним из мотивов, толкающих с.-д. таких стран к отрицанию самоопределения. Правильную пролетарскую политику, именно: отрицание «защиты отечества» в империалистической войне, защищают «неправильными доводами». Получается в теории извращение марксизма, а на практике своего рода мелко-национальная узость, забвение о сотнях миллионов населения наций, поработанных «великодержавными» нациями. Тов. Гоптер в своей превосходной брошюре: «Империализм, война и социал-демократия» правильно отрицает принцип самоопределения наций, но правильно применяет его, когда требует немедленно «политической и национальной независимости» Голландской Индии и разоблачает голландских оппортунистов, отказывающихся выставлять такое требование и бороться за него.

фисты Англии и Франции и пр. Они стоят за единство с первыми и на практике вполне совпадают с ними, защищая право на самоопределение чисто словесно и лицемерно: они считают «чрезмерным» («zu viel verlangt»: Kautsky в «N. Z.» 16 мая 1915 г.), требование свободы политического отделения, они не отстаивают необходимости революционной тактики именно социалистов угнетающих наций, а, напротив, затушевывают их революционные обязанности, оправдывают их оппортунизм, облегчают их обман народа, обходят как раз вопрос о границах государстве, насильственно удерживающего в своем составе неполноправные нации, и т. п.

И те, и другие — одинаково оппортунисты, которые протитуируют марксизм, потеряв всякую способность понять теоретическое значение и практическую насущность тактики Маркса, поясненной им на примере с Ирландией.

Что касается в частности до аннексий, то вопрос о них стал особенно актуальным в связи с войной. Но что такое аннексия? Легко убедиться, что протест против аннексий либо сводится к признанию самоопределения наций, либо базируется на пацифистской фразе, защищающей *status quo* и враждебной всякому, даже революционному, насилию. Подобная фраза в корне фальшива и непримирима с марксизмом.

8. Конкретные задачи пролетариата в ближайшем будущем.

Социалистическая революция может начаться в самом близком будущем. Перед пролетариатом в этом случае встанет немедленная задача завоевания власти, экспроприация банков и осуществление других диктаторских мер. Буржуазия — и особенно интеллигенция типа фабианцев и каутскианцев — постарается в такой момент раздробить и затормозить революцию, навязывая ей ограниченные демократические цели. Если все чисто демократические требования способны, при условии уже начавшегося штурма пролетариев против основ власти буржуазии, сыграть в известном смысле роль помехи революции, то необходимость провозгласить и осуществить свободу всех угнетенных народов (т.-е. их право на самоопределение) будет так же насущна в социалистической революции, как насущна она была для победы буржуазно-демократической революции, напр., в Германии 1848 г. или России 1905 года.

Возможно, однако, что до начала социалистической революции пройдет 5, 10 и более лет. На очереди будет стоять революционное воспитание масс в таком духе, чтобы сделать невозможной принадлежность к рабочей партии социалистических шовинистов и оппортунистов и их победу,

подобную победу в 1914—1916 гг. Социалисты должны будут разъяснять массам, что английские социалисты, не требующие свободы отделения колоний и Ирландии,—немецкие, не требующие свободы отделения колоний, эльзасцев, датчан, поляков, не распространяющие непосредственно революционной пропаганды и революционного массового действия и на область борьбы против национального гнета, не использующие таких инцидентов, как цабернский, для самой широкой нелегальной пропаганды среди пролетариата угнетающей нации, для уличных демонстраций и революционных массовых выступлений,—русские, не требующие свободы отделения Финляндии, Польши, Украины и пр., и т. д.,—что такие социалисты поступают, как шовинисты, как лакеи покрывших себя кровью и грязью империалистских монархий и империалистской буржуазии.

9. Отношение к самоопределению российской и польской социал-демократии и II Интернационала.

Разногласия между революционными с.-д. России и польскими с.-д. по вопросу о самоопределении выступили наружу еще в 1903 г. на съезде, который принял программу Р. С.-Д. Р. партии и который, вопреки протесту делегации польских с.-д., включил в эту программу § 9, признающий право наций на самоопределение. С тех пор польские с.-д. ни разу не повторяли, от имени своей партии, предложения устранить из программы нашей партии § 9 или заменить его какой-либо другой формулировкой.

В России, где к угнетенным нациям принадлежит не менее 57% населения, свыше 100 милл.,—где эти нации населяют по преимуществу окраины,—где часть этих наций более культурна, чем великороссы,—где политический строй отличается особенно варварским и средневековым характером,—где не завершена еще буржуазно-демократическая революция,—в России признание права на свободное отделение от России угнетенных царизмом наций безусловно обязательно для с.-д. во имя их демократических и социалистических задач. Наша партия, восстановленная в январе 1912 г., приняла в 1913 г. резолюцию, которая подтверждает право на самоопределение и поясняет его именно в вышеуказанном конкретном его значении. Разгул великорусского шовинизма в 1914—1916 гг. как среди буржуазии, так и среди оппортунистических социалистов (Рубанович, Плеханов, «Наше Дело» и т. д.) еще более побуждает нас настаивать на этом требовании и признавать, что отрицающие его на практике служат поддержкой великорусского шовинизма и царизма. Наша партия заявляет, что она

самым решительным образом отклоняет всякую ответственности за такое выступление против права самоопределения.

В новейшей формулировке позиции польской с.-д-тии по национальному вопросу (декларация польской с.-д. на Циммервальдской конференции) содержатся следующие мысли:

Эта декларация клеймит германское и прочие правительства, которые рассматривают «польские области», как залог в предстоящей игре компенсациями, «лишая польский народ возможности самому решить свою судьбу». «Польская с.-д-тия решительно и торжественно протестует против перекраивания и разбиранья на части целой страны»... Она бичует социалистов, которые предоставили Гогенцоллернам... «дело освобождения угнетенных народов». Она высказывает убеждение, что только участие в этой надвигающейся борьбе революционного международного пролетариата, борьбе за социализм», «разорвет оковы национального угнетения и уничтожит всякие формы чужестранного владычества, обеспечит польскому народу возможность всестороннего свободного развития в качестве равноправного члена в союзе народов». Декларация признает войну «для поляков» «в двойне братоубийственной» (Бюллетень Инт. Соц. Ком., ном. 2, 27 сент., 1915, стр. 15; рус. пер. в сборнике «Интерна. и война», стр. 97).

От признания права наций на самоопределение эти положения ничем не отличаются по существу, страдая лишь еще большей расплывчатостью и неопределенностью политических формулировок, чем большинство программ и резолюций II Интернационала. Всякая попытка выразить эти мысли в точных политических формулировках и определить их применимость к капиталистическому или только к социалистическому строю еще нагляднее покажет ошибочность отрицания самоопределения наций у польских с.-д.

Решение лондонского международного социалистического конгресса 1896 года, признающее самоопределение наций, должно быть дополнено на основании вышеизложенных тезисов указаниями—1) на особую насущность этого требования при империализме, 2) на политическую условность и классовое содержание всех требований политической демократии, данного в том числе, 3) на необходимость различать конкретные задачи с.-д. угнетающих и с.-д. угнетенных наций, 4) на непоследовательное, чисто словесное и в силу этого, по своему политическому значению, лицемерное признание самоопределения оппортунистами и каутскианцами, 5) на фактическое совпадение с шовинистами тех с.-д., особенно великодержавных наций (великороссы, англо-американцы, немцы, французы, итальянцы,

японцы и пр.), которые не отстаивают свободу отделения колоний и наций, угнетаемых «их» нациями, б) на необходимость подчинить борьбу за данное требование, как и за все коренные требования политической демократии, непосредственной революционной массовой борьбе за свержение буржуазных правительств и за осуществление социализма.

Перенесение на Интернационал точки зрения некоторых маленьких наций и особенно польских с.-д., которых их борьба с обманывающей народ националистическим лозунгами польской буржуазией довела до неправильного отрицания самоопределения, было бы теоретической ошибкой, заменой марксизма прудонизмом, а на практике означало бы невольную поддержку самого опасного шовинизма и оппортунизма великодержавных наций.

Постскриптум. В только что появившемся «Neue Zeit» от 3 марта 1916 года Каутский открыто протягивает христианскую руку примирения представителю самого грязного немецкого шовинизма, Аустерлицу, отвергая для габсбургской Австрии свободу отделения угнетенных наций, но признавая ее для русской Польши, чтобы оказать лакейскую услугу Гинденбургу и Вильгельму II. Лучшего саморазоблачения каутскианства трудно было бы и пожелать!

Апрель, 1916 г.

Из речи на VIII съезде партии.

(19 марта 1919 года).

I.

...Товарищ Бухарин принимает желаемое за действительность. Он говорит, что признавать право наций на самоопределение нельзя. Нация—значит: буржуазия вместе с пролетариатом. Мы, пролетарии, будем признавать право на самоопределение какой-то презренной буржуазии! Это ни с чем несообразно. Нет, извините, это сообразно с тем, что есть. Если вы это выкинете, у вас получится фантазия. Вы ссылаетесь на процесс дифференциации, происходящей в недрах нации, на процесс отделения пролетариата от буржуазии. Но посмотрим еще, как пойдет эта дифференциация.

Возьмите, например, Германию, образец передовой капиталистической страны, которая в смысле организованности капитализма, финансового капитализма, была выше Америки. Она была ниже во многих отношениях, в отношении техники и производства, в политическом отношении, но в отношении организованности финансового капитализма, в отношении превращения монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм — Германия была выше Америки. Казалось бы, это—образец. А что происходит там? Дифференцировался германский пролетариат от буржуазии? Нет! Ведь только о нескольких крупных городах сообщалось, что большинство рабочих против шейдемановцев. Но как это получилось? Путем союза спартаковцев с немецкими трижды проклятыми меньшевиками-независимцами, которые путают все и хотят поженить систему советов с «учредилкой»! Вот что происходит в этой самой Германии. А ведь это—передовая страна. Тов. Бухарин говорит: «зачем нам право наций на самоопределение»! Я

должен повторить то, что возражал ему, когда он в 1917 году летом предлагал откинуть программу-минимум и оставить только программу-максимум. Я тогда ответил: «не хвались, едучи на рать, а хвались, едучи с рати». Когда мы завоеваем власть, да немного подождем, тогда мы это сделаем. Мы власть завоевали, немножечко подождали, теперь я согласен сделать. Мы вошли в социалистическое строительство, отбились от первого натиска, который грозил нам. Теперь это будет уместно. То же самое относится и к праву наций на самоопределение. «Я хочу признавать только право трудящихся классов на самоопределение»,— говорит тов. Бухарин. Вы, значит, хотите признать то, чего в действительности не достигли ни в одной стране, кроме России. Это смешно.

Посмотрите на Финляндию: страна демократическая, более развитая, более культурная, чем мы. В ней идет процесс выделения, дифференциации пролетариата, идет своеобразно, гораздо более мучительно, чем шел у нас. Они испытали диктатуру Германии, теперь испытывают диктатуру союзных держав. Но благодаря тому, что мы признали право наций на самоопределение, процесс дифференциации был облегчен. Я очень хорошо помню сцену, когда мне пришлось в Смольном давать грамоту Свинхувуду,— что значит в переводе на русский язык «свиноголовый»,— представителю финляндской буржуазии, который сыграл роль палача. Он мне любезно жал руку, мы говорили комплименты. Как это было нехорошо! Но это нужно было, потому что тогда эта буржуазия обманывала народ, обманывала трудящиеся массы тем, что москали, шовинисты, великороссы, хотят задушить финнов. Надо было это сделать.

А вчера разве не пришлось то же сделать по отношению к башкирской республике. Когда тов. Бухарин говорил, для кого можно это право признать, так я даже записал, для кого именно. У него в этот список попали готтентоты, бушмены, индусы. Слушая это перечисление, я думал: каким образом т. Бухарин забыл одну маленькую мелочь, забыл башкиров? Бушменов в России не имеется, насчет готтентотов я тоже не слышал, чтобы они претендовали на автономную республику. Но у нас есть башкиры, киргизы, сарты, целый ряд других народов, и по отношению к ним мы не можем отказать в признании. Мы не можем отказывать в этом никому из народов, живущих в пределах бывшей Российской империи. Допустим даже, что башкиры свергли бы эксплуататоров, и мы помогли бы это им сделать. Но ведь это возможно только в том случае, если переворот вполне назрел. И сделать это надо осторожно, чтобы своим вмешательством не задержать тот самый процесс дифферен-

циации пролетариата, который мы должны ускорить. Что же мы можем сделать по отношению к таким народам, как киргизы, сарты, которые до сих пор находятся под влиянием своих мулл? У нас в России население, после долгого опыта с попами, помогло нам их скинуть. Но вы знаете, как плохо еще прошел в жизнь декрет о гражданском браке. Можем ли мы подойти к этим сартам и сказать: «мы скинем ваших эксплуататоров». Мы этого сделать не можем, потому что они всецело в подчинении у своих мулл. Тут надо дождаться развития данной нации, дифференциации пролетариата от буржуазных элементов, которое неизбежно!

Тов. Бухарин не хочет ждать. Им овладевает нетерпение: «с какой стати, когда мы сами свергли буржуазию, провозгласили Советскую власть и диктатуру пролетариата, с какой стати нам поступать так!» Это действует, как бодрящий призыв, содержит указание нашего пути, но если мы будем только это провозглашать в программе, то получится не программа, а прокламация. Мы можем провозгласить Советскую власть и диктатуру пролетариата и полное презрение к буржуазии, которого она стоит тысячу раз. Но в программе надо писать с абсолютной точностью то, что есть. Тогда наша программа будет непререкаема.

Мы стоим на строго классово-этнической точке зрения. То, что мы пишем в программе, есть признание того, что случилось на деле после эпохи, когда мы писали о самоопределении наций вообще. Тогда не было еще пролетарских республик. Когда они явились и только в той мере, в какой они явились, мы смогли написать то, что мы тут написали: «федеративное объединение государств, организованных по советскому типу». Советский тип еще не совет, как они существуют в России, но советский тип становится международным. Только это мы можем сказать. Итти дальше, на шаг дальше—будет уже неверно, и поэтому для программы не годится.

Мы говорим: надо считаться с тем, на какой ступени стоит данная нация по пути от средневековья к буржуазной демократии и от буржуазной демократии—к демократии пролетарской. Это абсолютно правильно. Все нации имеют право на самоопределение,—о готтентотах и бушменах специально говорить не стоит. Гигантское большинство, наверное $\frac{9}{10}$ всего населения земли, может быть 95%, подходит под эту характеристику, ибо все страны на пути от средневековья к буржуазной демократии, или от буржуазной к пролетарской демократии. Это—путь совершенно неизбежный. Больше сказать нельзя, потому что это будет неправильно, потому что это не будет то, что есть. Откинуть самоопределение наций и поставить самоопределение

трудящихся совершенно неправильно, потому что такая постановка не считается с тем, с какими трудностями, каким извилистым путем идет дифференциация внутри наций. В Германии она идет иначе, чем у нас. В некоторых отношениях скорее, а в некоторых отношениях более медленным и кровавым путем. У нас такой чудовищной идеи, как сочетание советов и «учредилки» ни одной партией принято не было. Ведь мы должны жить рядом с этими нациями. Сейчас уже говорят шейдемановцы, что мы хотим завоевать Германию. Это, конечно, смехотворно, вздор. Но буржуазия имеет свои интересы и свою прессу, которая в сотнях миллионов экземпляров на весь свет кричит об этом, и Вильсон в своих интересах это поддерживает. У большевиков, дескать, большая армия, и они хотят путем завоевания насадить свой большевизм в Германии. Лучшие люди Германии—спартаковцы—указали нам, что немецких рабочих трагедия против коммунистов: смотрите, мол, как плохо у большевиков! А чтобы у нас было очень хорошо, мы сказать не можем. И вот наши враги в Германии действуют на массы тем доводом, что пролетарская революция в Германии означает такие же беспорядки, как в России. Наши беспорядки—наша затяжная болезнь. Мы боремся с отчаянными трудностями, создавая пролетарскую диктатуру у себя. Пока буржуазия или мелкая буржуазия или хотя бы часть немецких рабочих находится под действием этого пугала: «большевики хотят насильственно установить свой строй»,—до тех пор формула «самоопределение трудящихся» не облегчит положения. Мы должны поставить дело так, чтобы немецкие социал-предатели не могли говорить, что большевики навязывают свою универсальную систему, которую будто бы можно на красноармейских штыках внести в Берлин. А с точки зрения отрицания принципа самоопределения наций так и может выйти.

Наша программа не должна говорить о самоопределении трудящихся, потому что это неверно. Она должна говорить то, что есть. Раз нации стоят на разных ступенях от средневековья к буржуазной демократии и от буржуазной демократии к пролетарской, это положение нашей программы абсолютно верно. На этом пути у нас было весьма много зигзагов. Каждая нация должна получить право на самоопределение, это способствует самоопределению трудящихся. В Финляндии процесс отделения пролетариата от буржуазии идет замечательно ярко, сильно, глубоко. Там все будет идти, во всяком случае, не так, как у нас. Если мы скажем, что не признаем никакой финляндской нации, а только трудящиеся массы—это будет пустяковеннейшей вещью. Не признавать того, что есть—нельзя: оно само заставит себя признать. В различных странах размежевание пролетариата и

буржуазии идет своеобразными путями. На этом пути мы должны действовать осторожнейшим образом. Особенно нужно быть осторожным по отношению к различным нациям, ибо нет вещи хуже, чем недоверие нации. У поляков идет самоопределение пролетариата. Вот последние цифры относительно состава Варшавского Совета Р. Д.: от польских социал-предателей—353, от коммунистов—297. Это показывает, что там по нашему революционному календарю недалеко уже октябрь. Это не то август, не то сентябрь 1917 г. Но, во-первых, не издан еще такой декрет, чтобы все страны должны были жить по большевистскому революционному календарю, а если бы и был издан, то не исполнялся бы. А, во-вторых, сейчас дело обстоит таким образом, что большинство польских рабочих более передовых, чем наши, более культурных, стоит на точке зрения социал-оборончества, социал-патриотизма. Нужно выждать. Тут нельзя говорить о самоопределении трудящихся масс. Мы должны пропагандировать эту дифференциацию. Это мы делаем, но нет ни тени сомнения в том, что нельзя не признавать самоопределения польской нации сейчас. Это ясно. Польское пролетарское движение идет по тому же пути, что наше, идет к диктатуре пролетариата, но не так, как в России. И рабочих там запугивают тем, что москаль, великороссы, которые всегда поляков давили, хотят внести в Польшу свой великорусский шовинизм, прикрытый названием коммунизма. Не путем насилия внедряется коммунизм. Одному из лучших товарищей польских коммунистов я сказал: «вы сделаете иначе».—«Нет,—ответил он мне,—мы сделаем тоже самое, но мы сделаем лучше, чем вы». Против такого довода я решительно ничего не мог возразить. Надо предоставить возможность исполнить скромное желание сделать Советскую власть лучше, чем у нас. Нельзя не считаться с тем, что там пролетарская революция идет несколько своеобразно, и нельзя сказать: «долгой право наций на самоопределение! Мы предоставляем право самоопределения только трудящимся массам». Это самоопределение идет очень сложным и трудным путем. Его нет нигде, кроме России. И надо, предусматривая все стадии развития в других странах, ничего не декретировать из Москвы. Вот почему это предложение принципиально не приемлемо...

II.

...Национальный вопрос в нашей критике получил раздвоенное значение. Тут сказались слабость нашей критики. Такой вопрос, в сущности играющий в общем строительстве программы, в общей сумме программных требований менее, чем второстепенное значение,—получил в нашей критике значение специальное.

Когда т. Пятаков говорил, я диву давался, что это такое: рассуждение о программе, или спор двух организационных бюро. Смысл его речи был таков: к чему все эти самоопределения, когда есть прекрасный ЦК в Москве! Это—точка зрения детская. Она упускает из виду другие страны. Украина отделена была от России исключительными условиями и национальное движение не пустило там корни глубоко. Насколько оно проявилось, немцы вышибли его. Это факт, но факт исключительный. Там даже с языком дело так обстоит, что неизвестно: массовый ли украинский язык или нет? Трудящиеся массы других наций были полны недоверия к великороссам, как к нации кулацкой и давящей. Это факт. Мне рассказывал финский представитель, что среди финляндской буржуазии, которая ненавидела великороссов, раздаются голоса: «Немцы оказались большим зверем, союзные державы—большим зверем, давайте лучше большевиков». Вот громаднейшая победа, которую мы в национальном вопросе одержали над финской буржуазией. Это несколько не помешает нам бороться с ней, как с классовым противником, выбирая для этого подходящие средства. Советская республика, образовавшаяся в той стране, царизм которой угнетал Финляндию, должна сказать, что она уважает право независимости наций. С красным финским правительством, которое существовало короткое время, мы заключили договор, пошли на известные территориальные уступки, из-за которых я слышал не мало возражений чисто шовинистических: «там, дескать, хорошие рыбные промыслы, а вы их отдали». Это—такие возражения, по поводу которых я говорил: поскрести много много коммуниста—и найдешь великорусского шовиниста.

Мне кажется, что этот пример относительно Финляндии, так и относительно башкир показывает, что в национальном вопросе нельзя рассуждать так, что нужно во что бы то ни стало хозяйственное единство. Конечно, нужно! Но мы должны добиваться его проповедью, агитацией, добровольным союзом. Башкиры имеют недоверие к великороссам, потому что великороссы более культурны и использовали свою культурность, чтобы башкиров грабить. Поэтому в этих глухих местах имя великоросса для башкир значит «угнетатель», «мошенник». Надо с этим считаться, надо с этим бороться. Но ведь это—длительная вещь. Ведь этого никаким дикретом не устранишь. В этом деле мы должны быть очень осторожны. Осторожность особенно нужна со стороны такой нации, как великорусская, которая вызвала во всех других нациях бешеную ненависть, и только теперь мы научились это исправлять, да и то плохо. У нас есть, например, коммунисты, которые говорят: единая школа, поэтому не смейте учить на другом языке, кроме русского! По-моему такой комму-

нист, это—великорусский шовинист. Он сидит во многих из нас, и с ним надо бороться.

Вот почему мы должны сказать другим нациям, что мы до конца интернационалисты и стремимся к добровольному союзу рабочих и крестьян всех наций. Это несколько не исключает войн. Война, это—другой вопрос, вытекающий из сущности империализма. Если мы воюем с Вильсоном, а Вильсон превращает маленькую нацию в свое орудие, мы говорим: мы боремся с этим орудием. Мы никогда против этого не высказывались. Мы никогда не говорили, что социалистическая республика может существовать без военной силы. При известных условиях война может представляться необходимостью. А в вопросе о самоопределении суть дела в том, что разные нации идут одинаковой исторической дорогой, но в высшей степени разнообразными зигзагами и тропинками, и что более культурные нации идут заведомо иначе, чем менее культурные. Финляндия шла иначе. Германия идет иначе. Товарищ Пятаков тысячу раз прав, что нам необходимо единство. Но надо бороться за него пропагандой, партийным влиянием, созданием единых профессиональных союзов. Однако и тут нельзя действовать по одному шаблону. Возьмите Германию. Мы завоевали профессиональное движение, а товарищи немцы говорят: «у нас такие желтые вожди сидят во всех профессиональных союзах, что наш лозунг—ликвидация профессиональных союзов». Мы говорим им: «у вас национальные особенности, вы вполне правы». Если бы мы уничтожили этот пункт или редактировали его иначе, мы бы вычеркнули национальный вопрос из программы. Это можно было бы сделать, если бы были люди без национальных особенностей. Но таких людей нет, и иначе социалистического общества мы никак не можем построить.

Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам.

(Для 2-го съезда Коммун. Интернационала).

Предлагая на обсуждение товарищей нижеследующий проект тезисов по колониальному и национальному вопросам для 2-го съезда Коминтерна, я просил бы всех товарищей, в частности же товарищей, осведомленных конкретно по тому или иному из этих сложнейших вопросов, дать свой отзыв или исправление, или дополнение, или конкретное пояснение в самой краткой (не более 2-х страничек) форме, в особенности по следующим пунктам:

*Австрийский опыт.
Польско-еврейский и украинский опыт.
Эльзас-Лотарингия и Бельгия.
Ирландия.
Датско - германские отношения. Итало-французские и итало-славянские.
Балканский опыт.
Восточные народы.*

*Борьба с панисламизмом.
Отношения на Кавказе.
Башкирская и Татарская республики.
Киргизистан.
Туркестан, его опыт.
Негры в Америке.
Колонии.
Китай—Корея—Япония.*

5-го июля 1920 года.

1. Буржуазной демократии, по самой природе ее, свойственна абстрактная или формальная постановка вопроса о равенстве вообще, в том числе о равенстве национальном. Под видом равенства человеческой личности вообще буржуазная демократия провозглашает формальное или юридическое равенство собственника и пролетария, эксплуататора и эксплуатируемого, вводя тем в величайший обман угнетенные классы. Идея равенства, сама являющаяся отражением

отношений товарного производства, превращается буржуазией в орудие борьбы против уничтожения классов, под предлогом будто бы абсолютного равенства человеческих личностей. Действительный смысл требования равенства состоит лишь в требовании уничтожения классов.

2. Сообразно основной своей задаче борьбы против буржуазной демократии и разоблачения лжи и лицемерия ее, коммунистическая партия, как сознательная выразительница борьбы пролетариата за свержение ига буржуазии, должна и в национальном вопросе во главу угла ставить не абстрактные и не формальные принципы, а, во-первых, точный учет исторически-конкретной и прежде всего экономической обстановки; во-вторых, отчетливое выделение интересов угнетенных классов, трудящихся, эксплуатируемых, из общего понятия народных интересов вообще, означающего интересы господствующего класса; в-третьих, такое же отчетливое разделение наций угнетенных, зависимых, неравноправных от наций угнетающих, эксплуататорских, полноправных, в противовес буржуазно-демократической лжи, которая затушевывает свойственное эпохе финансового капитала и империализма колониальное и финансовое порабощение громадного большинства населения земли ничтожным меньшинством богатейших передовых капиталистических стран.

3. Империалистская война 1914—1918 гг. с особенной ясностью вскрыла перед всеми нациями и перед угнетенными классами всего мира лживость буржуазно-демократических фраз, показав на деле, что версальский договор пресловутых «западных демократий» есть еще более зверское и подлое насилие над слабыми нациями, чем брест-литовский договор германских юнкеров и кайзера.

Лига наций и вся послевоенная политика Антанты еще более ясно и резко вскрывает эту правду, усиливая повсюду революционную борьбу как пролетариата передовых стран, так и всех трудящихся масс колониальных и зависимых стран, ускоряя крах мещански-национальных иллюзий насчет возможности мирного сожительства и равенства наций при капитализме.

4. Из вышеизложенных основных положений вытекает, что во главу угла всей политики Коминтерна по национальному и колониальному вопросам должно быть положено сближение пролетариев и трудящихся масс всех наций и стран для совместной революционной борьбы за свержение помещиков и буржуазии. Ибо только такое сближение гарантирует победу над капитализмом, без которой невозможно уничтожение национального гнета и неравноправия.

5. Мировая политическая обстановка поставила теперь на очередь дня диктатуру пролетариата; и все события

мировой политики сосредоточиваются неизбежно вокруг одного центрального пункта, именно: борьбы всемирной буржуазии против Советской Российской Республики, которая группирует вокруг себя неминуемо, с одной стороны, советские движения передовых рабочих всех стран, с другой стороны, все национально-освободительные движения колоний и угнетенных народностей, убеждающихся на горьком опыте, что им нет спасенья, кроме как в победе Советской власти над всемирным империализмом.

6. Следовательно, нельзя ограничиваться в настоящее время голым признанием или провозглашением сближения трудящихся разных наций, а необходимо вести политику осуществления самого тесного союза всех национально- и колониально-освободительных движений с Советской Россией, определяя формы этого союза сообразно степени развития коммунистического движения среди пролетариата каждой страны или буржуазно-демократического освободительного движения рабочих и крестьян в отсталых странах или среди отсталых национальностей.

7. Федерация является переходной формой к полному единству трудящихся разных наций. Федерация уже на практике обнаружила свою целесообразность как в отношениях РСФСР к другим советским республикам (венгерской, финской, латвийской в прошлом, азербейджанской, украинской в настоящем), так и внутри РСФСР по отношению к национальностям, не имевшим раньше ни государственного существования, ни автономии (напр., башкирская и татарская автономные республики в РСФСР, созданные в 1919 и 1920 годах).

8. Задача Коминтерна состоит в этом отношении как в дальнейшем развитии, так и в изучении и проверке опытом этих новых, но без советского строя и советского движения возникающих федераций. Признавая федерацию переходной формой к полному единству, необходимо стремиться к более тесному федеративному союзу, имея в виду, во-первых, невозможность отстоять существование советских республик, окруженных несравненно более могущественными в военном отношении империалистскими державами всего мира, без теснейшего союза советских республик; во-вторых, необходимость тесного экономического союза советских республик, без чего неосуществимо восстановление разрушенных империализмом производительных сил и обеспечение благосостояния трудящихся; в-третьих, тенденцию к созданию единого, по общему плану регулируемого пролетариатом всех наций, всемирного хозяйства, как целого, каковая тенденция вполне явственно обнаружена уже при капитализме и безусловно подлежит дальнейшему развитию и полному завершению при социализме.

9. В области внутри-государственных отношений национальная политика Коминтерна не может ограничиться тем голым, формальным, чисто декларативным и практически ни к чему не обязывающим признанием равноправия наций, которым ограничиваются буржуазные демократы— все равно, признающие ли себя откровенно таковыми, или прикрывающиеся названием социалистов, каковы социалисты II Интернационала.

Не только во всей пропаганде и агитации коммунистических партий—и с парламентской трибуны и вне ее—должны быть неуклонно разоблачаемы постоянные нарушения равноправия наций и гарантий прав национальных меньшинств во всех капиталистических государствах, вопреки их «демократическим» конституциям, но необходимо также, во-первых, постоянное раз'яснение, что только советский строй в состоянии дать на деле равноправие наций, объединяя сначала пролетариев, затем всю массу трудящихся в борьбе с буржуазией; во-вторых, необходима прямая помощь всех коммунистических партий революционным движениям в зависимых или неравноправных нациях (напр., в Ирландии, среди негров Америки и т. п.) и в колониях.

Без этого последнего, особенно важного условия, борьба против угнетения зависимых наций и колоний, а равно признание их права на государственное отделение остаются лживой вывеской, как это мы видим у партий II Интернационала.

10. Признание интернационализма на словах и подмена его на деле, во всей пропаганде, агитации и практической работе, мещанским национализмом и пацифизмом составляет самое обычное явление не только среди партий II Интернационала, но и тех, кои вышли из этого Интернационала, и даже не редко среди тех, кои называют себя теперь коммунистическими. Борьба с этим злом, с наиболее закоренелыми мелко-буржуазными национальными предрассудками, тем более выдвигается на первый план, чем злободневнее становится задача превращения диктатуры пролетариата из национальной (т.-е. существующей в одной стране и неспособной определять всемирную политику) в интернациональную (т.-е. диктатуру пролетариата по крайней мере нескольких передовых стран, способную иметь решающее влияние на всю мировую политику). Мелко-буржуазный национализм объявляет интернационализмом признание равноправия наций и только сохраняя (не говоря уже о чисто словесном характере такого признания) неприкосновенным национальный эгоизм, между тем как пролетарский интернационализм требует, во-первых, подчинения интересов пролетарской борьбы в одной стране интересам этой борьбы во всемирном масштабе; во-вторых, требует способности и

готовности со стороны нации, осуществляющей победу над буржуазией, идти на величайшие национальные жертвы ради свержения международного капитала.

Таким образом, в государствах, уже вполне капиталистических, имеющих рабочие партии, действительно являющиеся авангардом пролетариата, борьба с оппортунистическими и мешански-пацифистскими извращениями понятия и политики интернационализма является первой и важнейшей задачей.

11. По отношению к государствам и нациям более отсталым, с преобладанием феодальных или патриархальных и патриархально-крестьянских отношений, надо в особенности иметь в виду:

во-1-х, необходимость помощи всех коммунистических партий буржуазно-демократическому освободительному движению в этих странах; в первую голову обязанность оказывать самую активную помощь ложится на рабочих той страны, от которой отсталая нация зависит в колониальном или финансовом отношениях;

во-2-х, необходимость борьбы с духовенством и прочими реакционными и средневековыми элементами, имеющими влияние в отсталых странах;

в-3-х, необходимость борьбы с панисламизмом и подобными течениями, пытающимися соединить освободительное движение против европейского и американского империализма с укреплением позиции ханов, помещиков, мулл и т. п.;

в-4-х, необходимость поддерживать специально крестьянское движение в отсталых странах против помещиков, против крупного землевладения, против всяких проявлений или остатков феодализма, и стараться придать крестьянскому движению наиболее революционный характер, осуществляя возможно более тесный союз западно-европейского коммунистического пролетариата с революционным движением крестьян на востоке, в колониях, в отсталых странах вообще;

в 5-х, необходимость решительной борьбы с перекрашиванием буржуазно-демократических освободительных течений в отсталых странах в цвет коммунизма; Коммунистический Интернационал должен поддерживать буржуазно-демократические национальные движения в колониях и отсталых странах лишь на том условии, чтобы элементы будущих пролетарских партий, коммунистических не только по названию, во всех отсталых странах были группируемы и воспитываемы в сознании своих особых задач, задач борьбы с буржуазно-демократическими движениями внутри их нации. Коммунистический Интернационал должен идти во временном союзе с буржуазной демократией колоний и отсталых стран, но не сливаться с ней и безусловно

сохранять самостоятельность пролетарского движения даже в самой зачаточной его форме;

в-6-х, необходимость неуклонного раз'яснения и разоблачения между самыми широкими трудящимися массами всех, особенно же отсталых стран, того обмана, который систематически проводят империалистские державы, под видом создания политически независимых государств, создающие вполне зависимые от них в экономическом, финансовом, военном отношениях государства; в современной международной обстановке, кроме союза советских республик, нет спасения зависимым и слабым нациям.

12. Вековое угнетение колониальных и слабых народностей империалистскими державами оставило в трудящихся массах угнетенных стран не только озлобление, но и недоверие к угнетающим нациям вообще, в том числе и к пролетариату этих наций. Подлое предательство социализма большинством официальных вождей этого пролетариата в 1914—1919 годах, когда «защитой отечества» социал-шовинистски прикрывалась защита «права» «своей» буржуазии на угнетение колоний и ограбление финансово-зависимых стран, не могло не усилить этого вполне законного недоверия. С другой стороны, чем более отсталой является страна, тем сильнее в ней мелкое земледельческое производство, патриархальность и захолустность, неминуемо ведущее к особой силе и устойчивости самых глубоких из мелко-буржуазных предрассудков, именно: предрассудков национального эгоизма, национальной ограниченности. Так как эти предрассудки могут исчезнуть лишь после исчезновения империализма и капитализма в передовых странах и после радикального изменения всей основы экономической жизни отсталых стран, то вымирание этих предрассудков не может не быть очень медленным. Отсюда обязательность для сознательного коммунистического пролетариата всех стран относиться с особенной осторожностью и с особым вниманием к пережиткам национальных чувств в наиболее долго угнетавшихся странах и народностях, равным образом обязательность идти на известные уступки в целях более быстрого изживания указанного недоверия и указанных предрассудков. Без добровольного стремления к союзу и единству со стороны пролетариата, а затем и всех трудящихся масс всех стран и наций всего мира, дело победы над капитализмом не может быть успешно завершено.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стран.</i>
I. Наша тактика в эпоху буржуазно-демократической революции (1905 г.)	5—136
1. Социал-демократия и временное революционное правительство	5—17
2. Революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства	18—25
3. О временном революционном правительстве	26—41
4. Две тактики социал-демократии в демократической революции	42—136
II. Парламентаризм и тактика большевиков	139—203
1. Бойкот Булыгинской Думы и восстание	139—145
2. Государственная Дума и социал-демократическая тактика	146—153
3. Современное положение России и тактика рабочей партии	154—159
4. Русская революция и задачи пролетариата	160—169
5. О бойкоте	170—176
6. Против бойкота	177—203
III. Рабочий класс и империалистическая война	207—262
1. Положение и задачи социалистического Интернационала	207—211
2. О поражении своего правительства в империалистической войне	212—216
3. Крах II Интернационала	217—259
4. Несколько тезисов	260—262
IV. Наша тактика в период февральской революции 1917 года	265—305
1. О задачах пролетариата в данной революции	265—269
2. О двоевластии	270—272
3. Письма о тактике	273—283
4. Задачи пролетариата в нашей революции	284—305

	<i>Стран.</i>
V. Июльские дни	309—331
1. О конституционных иллюзиях	309—320
2. Уроки революции	321—331
VI. Корниловщина	335—336
1. Письмо в Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.	335—336
VII. Подготовка захвата власти	339—378
1. Задачи революции.	339—346
2. Большевики должны взять власть	347—348
3. Марксизм и восстание.	349—353
4. Кризис назрел.	354—358
5. Письмо в П. К. и М. К. Р. С.-Д. Р. П. (б.)	359—360
6. Советы постороннего	361—362
7. Письмо к товарищам	368—378
VIII. Революционная диктатура и учредительская демократия.	381—388
1. Тезисы об Учредительном Собрании.	381—384
2. Декларация фракции Р. С.-Д. Р. П. (б.).	385—386
3. Декрет о роспуске Учредительного Собрания ВЦИК.	387—388
IX. Брест-литовский мир и левый коммунизм	391—430
1. Тезисы о мире.	391—397
2. О революционной фразе.	398—406
3. Странное и чудовищное	407—413
4. Доклад на VII с'езде партии по вопросу о Брестском мире	414—430
X. Отношение к крестьянству.	433—447
1. Речь на VII с'езде партии	433—447
XI. Новая экономическая политика.	451—545
1. Доклад о деятельности Ц. К. на X с'езде партии.	451—468
2. Доклад о замене разверстки налогом.	469—479
3. От штурма к осаде	480—495
4. Из речи на XI с'езде партии	496—525
5. Речь на пленуме Московского Совета	526—533
6. Лучше меньше, да лучше.	534—545
XII. Отношение к национальному и колониальному вопросам.	549—577
1. О национальной гордости великороссов	549—552
2. Социалистическая революция и право наций на самоопределение	553—564
3. Из речи на VIII с'езде партии.	565—571
4. Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам.	572—577